

МОСКОВСКАЯ
ТОРГОВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
ВЪ
МОНГОЛІЮ.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульв., Путинковскій пер., с. л.
1912.

МОСКОВСКАЯ
ТОРГОВАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ
ВЪ
МОНГОЛІЮ.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульв., Путинковскій пер., с. д.
1912.

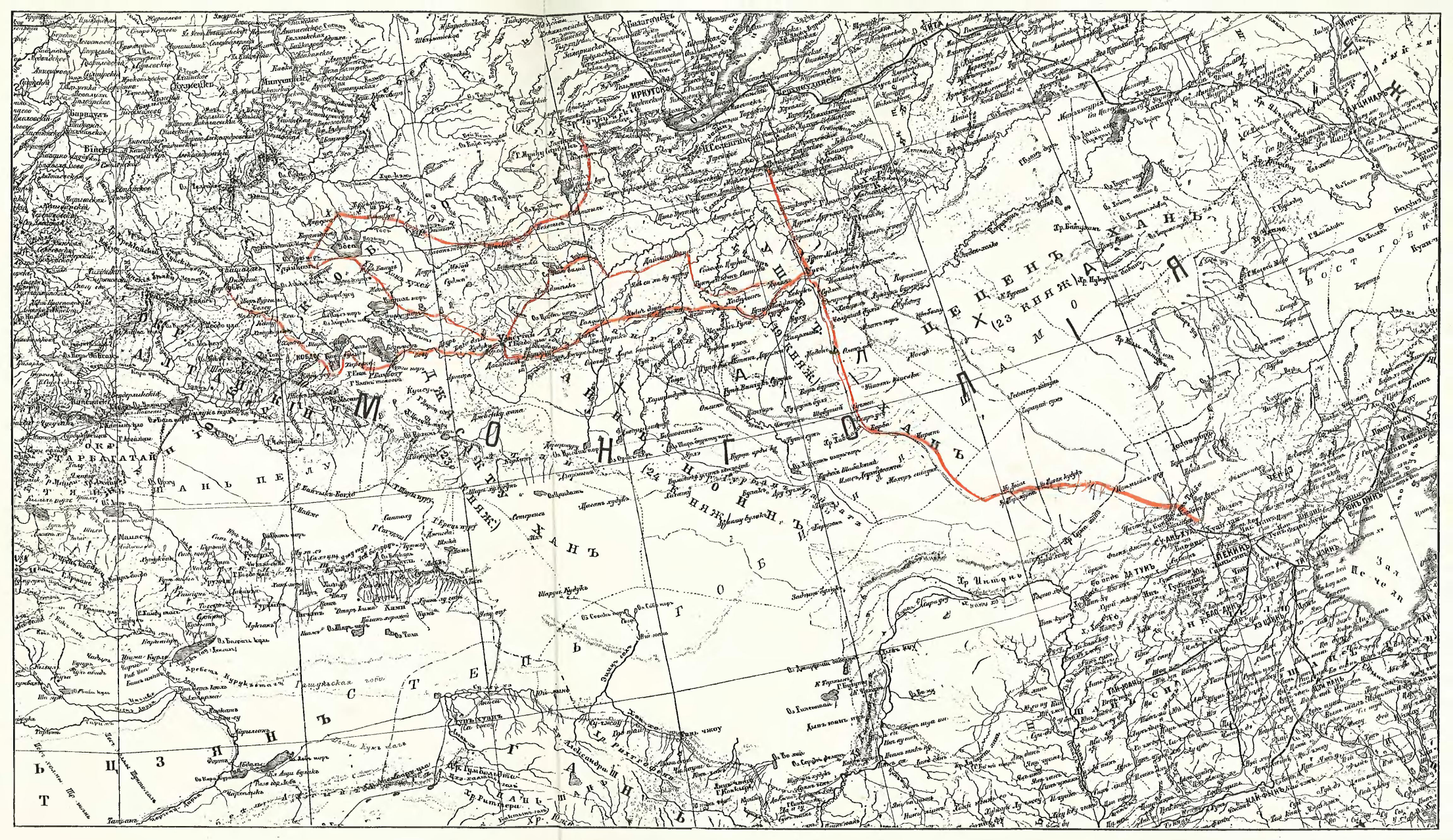

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Введеніе	1 — 24
Очеркъ Московской торговой экспедиціи въ Монголію. <i>В. Л. Поповъ</i> . .	25 — 77
Изъ путевого дневника. <i>І. М. Морозовъ</i>	78 — 164
Монголія. Краткій географическій очеркъ. — Раздѣленіе Монголіи на географическіе районы. — Населеніе. — Административно - политическое положеніе Монголіи. <i>В. Л. Поповъ</i>	165 — 186
Торговые центры Монголіи и районы ихъ вліянія. <i>В. Л. Поповъ</i>	186 — 189
Пути сообщенія <i>В. Л. Поповъ</i>	190 — 204
Монголія (Экономическій очеркъ). Поверхность страны. — Орошеніе. — Климатъ. — Почвы. — Флора. — Народонаселеніе. — Земледѣліе. — Овцеводство. — Коза. — Рогатый скоть. — Лошадн. — Верблюдь. — Якъ. — Мараль. <i>І. М. Морозовъ</i>	205 — 272
Къ развитію и укрѣпленію торгово - экономического и политическаго вліянія Россіи въ Монголіи. <i>І. М. Морозовъ</i>	272 — 280
Бюджетъ монгольскаго хозяйства и перспективы русско - монгольской торговли. <i>І. М. Морозовъ</i>	280 — 291
Пригонъ монгольскаго скота. <i>І. М. Морозовъ</i>	291 — 295
Торговля въ Монголіи. <i>С. Вильгузь</i>	296 — 303
Вывозъ въ Монголію мануфактурныхъ товаровъ. <i>К. П. Колядовъ</i> . . .	304 — 312
Вывозъ въ Монголію металлическихъ издѣлій. <i>Л. И. Дреземейеръ</i> . . .	313 — 314
Вывозъ сырья изъ Монголіи. <i>В. Фланденъ</i>	314 — 327
Изслѣдованіе судоходныхъ качествъ верховьевъ рѣки Енисея	327 — 341

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Списокъ русскихъ, торгующихъ въ сѣверо - западной Монголіи	341 — 353
Карта Монголіи.	

В в е д е н і е.

Монголія—обширная страна кочевниковъ, сохранившая въ неприкосновенности первобытный укладъ жизни. Въ теченіе вѣковъ мѣнялись ея политическія судьбы. Изъ страны подчиненной и угнетенной она не разъ превращалась въ грозу для своихъ сосѣдей; воинственныя монгольскія орды обрушивались на Китай, подчиняя его своей власти; черезъ долины Джунгаріи монголы устремлялись и на западъ, проникали вплоть до венгерскихъ степей, наполняя міръ ужасомъ. Былъ моментъ, когда монголы возвысились до пониманія своихъ національныхъ задачъ, когда, подъ властью Чингисъ-Хана, они образовали обширную азіатскую имперію. Теперь монголы—жалкій пастушескій народъ, эксплуатируемый китайскими купцами и чиновниками. Но основы быта монгола прошли вѣка, не претерпѣвъ измѣненій; и теперь, какъ прежде, весь укладъ жизни монгола зиждется на патріархальномъ кочевомъ хозяйствѣ. Монголія страна замкнутая, отдѣленная отъ цивилизованнаго міра толщею песчаныхъ безводныхъ пустынь и дикими горными цѣпями. До послѣдняго времени сюда не проникала культура, и только на нашихъ глазахъ начинается или, лучше сказать, намѣчается ломка этого вѣками сложившагося уклада жизни. Сюда уже проникъ китайскій земледѣлецъ и распахиваетъ нетронутыя дѣвственныя степи; сюда потянулись вереницы купцовъ съ товарами, начали появляться отдѣленія банковъ; по окраинамъ монгольскихъ степей уже бѣгутъ вагоны желѣзныхъ дорогъ, и недалеко то время, когда желѣзная дорога врѣжется въ самую глубь страны.

Мы имѣемъ немаловажные торговые и политическіе интересы въ Монголіи, и потому наше вниманіе, естественно, должно сосредоточиться на этой странѣ въ переживаемый ею критическій моментъ. Монголія граничитъ съ нашими азіатскими владѣніями на протяженіи нѣсколь-

кихъ тысячъ верстъ, и потому для насъ не можетъ быть безразлично, что совершается въ этой странѣ, кто желаетъ тамъ укрѣпиться. По своему географическому положенію, удаленная отъ промышленныхъ странъ запада на многія тысячи верстъ и имѣя непосредственныя пути сообщенія съ нашими Сибирью и Степнымъ краемъ, Монголія является страной, какъ бы предназначенной самою природою вещей быть нашимъ рынкомъ, войти въ круговоротъ нашего народнаго хозяйства.

Монголія имѣетъ два выхода: на юговостокъ—въ Китай и на сѣверъ и западъ, черезъ долины и горные проходы Джунгаріи, Алтая, Саянъ и Забайкалья,—въ наши владѣнія. Этими путями и шли до сихъ поръ торговыя сношенія Монголіи. Сѣверная и западная Монголія, какъ непосредственно примыкающая къ нашимъ владѣніямъ, издавна являлась рынкомъ для продуктовъ нашей промышленности, сбывая къ намъ въ обмѣнъ свое сырье. Напротивъ, восточная и южная Монголія, непосредственно примыкая къ Китаю, всегда въ торговомъ отношеніи тяготѣла къ послѣднему; лишь недавно, съ проведеніемъ Манчжурской желѣзной дороги, сѣверная часть этого района вошла въ область экономическаго вліянія дороги, но наряду съ русскими товарами сюда еще въ большей массѣ устремились товары японскіе, американскіе и западноевропейскіе. Насъ можетъ интересовать, главнымъ образомъ, западная и сѣверная Монголія, отъ Чугучака до Урги; здѣсь мы имѣемъ преимущества близости и болѣе или менѣе удобныхъ путей сообщенія; здѣсь уже укоренились русскіе торговцы и русскіе товары. На закрѣпленіе нашего положенія въ этой части Монголіи и должны быть направлены усилія съ нашей стороны. Тѣмъ болѣе, что въ послѣдніе годы наше торговое положеніе и здѣсь уже поколебалось. Въ край нахлынули сотни китайскихъ купцовъ; хорошо организованные и объединенные, пользующіеся поддержкой мѣстныхъ властей и опираясь на прочно поставленный кредитъ, китайцы мало-по-малу сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ всю торговлю края, постепенно оттѣсняя русскихъ на задній планъ. Въ предлагаемыхъ вниманію читателей трудахъ Московской торговой экспедиціи собраны многочисленныя данныя, рисующія этотъ процессъ; всюду въ Сѣверной Монголіи—и въ Кобдо, и въ Улясутаѣ, и въ Ургѣ, и по отдѣльнымъ хошунамъ члены экспедиціи находили одно и то же: всюду массы китайскихъ торговцевъ, а русскіе торговцы въ видѣ небольшой разрозненной группы. Китаецъ-торговецъ сбываетъ монголамъ не русскій, а китайскій товаръ и въ еще большихъ размѣрахъ товары заграничныя—англійскіе, американскіе и нѣмецкіе; русскіе торговцы тоже начинаютъ забирать у китайцевъ

эти товары для продажи, или сосредоточиваютъ свои операціи, главнымъ образомъ, на скупкѣ монгольскаго сырья и отправкѣ его въ Россію. Эти явленія, подмѣченныя членами Московской торговой экспедиціи, получаютъ подтвержденіе и при свѣтѣ официальныхъ данныхъ.

Здѣсь необходимо оговориться, что официальные данные о нашемъ ввозѣ и вывозѣ изъ Монголіи носятъ весьма проблематичный характеръ; хотя по границѣ съ Монголіей и существуютъ таможенные пункты, но въ виду отсутствія пошлиннаго обложенія для огромнаго большинства товаровъ, послѣдніе подвергаются лишь приблизительной регистраціи; многіе товары ускользаютъ отъ регистраціи, особенно гурты пригоняемаго скота, который нерѣдко прогоняется по трудно проходимымъ горнымъ тропинкамъ, гдѣ не установлено никакого наблюденія. Любопытно отмѣтить, что данные Ветеринарнаго Управленія показываютъ совершенно иныя цифры пригоняемаго изъ Монголіи скота, чѣмъ данные таможеннаго вѣдомства, цифры несравненно болѣе значительныя. Относительно же скота, перегоняемаго изъ района озера Косоголь на Иркутскъ и съ Урги и вообще бассейна Селенги и Орхона на Троицкосавскъ, въ обзорахъ внѣшней торговли Россіи и совсѣмъ не имѣется никакихъ свѣдѣній. Еще болѣе проблематичными являются свѣдѣнія таможеннаго вѣдомства о цѣнности товаровъ, вывозимыхъ нами въ Монголію и привозимыхъ изъ Монголіи; цѣнность зарегистрированныхъ товаровъ опредѣляется, въ виду отсутствія цѣлей обложенія, только приблизительно. Пользоваться данными обзоровъ внѣшней торговли Россіи въ отношеніи нашей торговли съ Монголіей приходится поэтому съ большою осторожностью. Въ одномъ однако онѣ могутъ быть полезны: какъ собираемыя изъ года въ годъ одними и тѣми же способами, цифры обзоровъ внѣшней торговли могутъ болѣе или менѣе правильно указать на развивающіяся тенденціи въ нашихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Монголіей, служить показателемъ того, развивается или падаетъ наша торговля, сокращается или увеличивается ввозъ или вывозъ тѣхъ или иныхъ группъ товаровъ. Во всякомъ случаѣ, за неимѣніемъ другихъ систематическихъ свѣдѣній, приходится оперировать и съ данными обзоровъ внѣшней торговли, принимая только въ расчетъ сказанное выше.

Монголія, какъ сказано выше, имѣетъ рядъ торговыхъ путей, соединяющихъ ее съ русскими азіатскими владѣніями. Число этихъ путей весьма ограничено по сравненію съ громаднымъ протяженіемъ пограничной линіи; это—естественные проходы въ дикихъ горныхъ цѣпяхъ,

служащихъ границей Монголіи съ запада и сѣвера. На западѣ начало Монголіи можно считать къ сѣверу отъ Кульджинскаго оазиса и хребта Ала-тау. На границѣ съ сѣвернымъ краемъ Семирѣченской области лежитъ уже монгольскій городъ Чугучакъ, сношенія съ которымъ идутъ черезъ нашу Бахтинскую таможеню. Далѣе къ сѣверу, между системами Тарбагатая и Алтая лежитъ долина рѣки Чернаго Иртыша, ведущая оживленныя торговыя сношенія съ Семипалатинской областью; это Зайсанскій таможенный районъ, съ Зайсанской таможеней и Алкабекскимъ и Катонъ-Карагайскимъ таможенными пунктами. Къ сѣверу отъ Китайскаго Алтая находится обширная область внутреннихъ озеръ съ гор. Кобдо и Улясутаемъ, сношенія съ которой идутъ черезъ Чуйскій трактъ на г. Бійскъ, Томской губ.; это районъ Кошъ-Агачской таможни. Далѣе, между хребтомъ Танну-ола и Саянами лежитъ Урянхайскій край, съ верховьями Енисея, поддерживающій торговыя сношенія черезъ село Усинское съ г. Минусинскомъ, Енисейской области. Урянхайскій край мы не включаемъ въ составъ Монголіи; онъ находится на особомъ положеніи, и рѣчь о немъ у насъ будетъ отдѣльно. Начиная съ озера Косо-гола, попадаемъ уже въ бассейнъ р. Селенги; изъ района оз. Косо-голь черезъ Тунку на Иркутскъ гонятся значительныя гурты скота, но таможеннаго пункта въ Тункѣ не установлено, и въ таможенной статистикѣ эти гурты не зарегистрированы. Наконецъ, районъ Селенги съ г. Ургой ведетъ торговыя сношенія съ Забайкальской областью черезъ Кяхтинскую таможеню. Этимъ мы и ограничимъ предѣлы нашего изслѣдованія; Монголія тянется еще далеко на востокъ вплоть до Хинганскаго хребта, но слѣдующій таможенный пунктъ находится уже на Восточно-Китайской желѣзной дорогѣ, везущей къ намъ и продукты Манчуріи и китайскіе товары. Итакъ, начиная съ Бахтинской и оканчивая Кяхтинской таможеней, мы захватываемъ въ районъ изслѣдованія всю западную и сѣверную Монголію, которая и представляютъ преимущественный интересъ, въ качествѣ естественныхъ рынковъ для произведеній русской промышленности.

По даннымъ нашей таможенной статистики, нашъ вывозъ черезъ указанные таможни (исключая Урянхайскій край) оцѣнивается отъ 3 до 4½ милліоновъ рублей. Мы уже говорили выше, что цифры цѣнности, приводимыя для нашихъ торговыхъ сношеній съ Монголіей, должны считаться лишь приблизительными; но погодныя цифры, несомнѣнно, представляютъ интересъ, такъ какъ отвѣчаютъ на вопросъ, развиваются ли наши торговыя сношенія съ Монголіей. Что касается нашего вывоза, то на поставленный вопросъ приходится отвѣтить отрицательно.

Съ 1899 г. по 1909 г. цѣнность нашего вывоза въ Монголію колебалась въ такихъ размѣрахъ:

Годы.	Цѣнность вывоза (въ рубляхъ).
1899	3.117.649
1900	2.737.715
1901	2.388.174
1902	3.929.126
1903	4.309.291
1904	3.266.931
1905	3.641.229
1906	4.571.175
1907	4.509.064
1908	3.715.487
1909	2.621.029

Приведенная таблица не даетъ возможности съ полной определенностью отмѣтить возрастаніе цѣнности нашего вывоза въ Монголію; послѣ временнаго сокращенія вывоза въ годы войны, наступилъ подъемъ, который однако въ свою очередь смѣнился депрессіей въ слѣдующіе годы. Нѣсколько иначе представится дѣло, если расчленимъ Монголію на отдѣльные районы. Цѣнность вывоза по таможеннымъ участкамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ (въ тысячахъ рублей).

Годы.	Бахтинскій участ.	Зайсанскій участ.	Кошъ-Агачскій участ.	Кяхтинскій участ.
1899	1.316	458	369	976
1900	1.316	454	373	594
1901	1.431	332	414	212
1902	2.088	507	578	752
1903	2.483	561	496	768
1904	1.784	511	294	677
1905	1.491	474	437	1.239
1906	1.741	688	550	1.592
1907	2.424	776	563	747
1908	1.995	801	364	556
1909	1.347	791	294	189

При взглядѣ на эту таблицу сразу бросается въ глаза сильнѣйшее паденіе нашего вывоза черезъ Кяхтинскую таможенную. Сокращеніе вы-

воза нельзя объяснить установлением пошлин съ отменою въ 1909 г. порто-франко на Дальнемъ Востокѣ; оно началось уже съ 1907 года, когда вывозъ сразу упалъ въ два раза.

Нашъ вывозъ черезъ Кошъ-Агачъ тоже подвергся значительному сокращенію въ два послѣдніе года, хотя здѣсь таможенного обложения не было устанавливаемо. Приведенныя цифры для нашего вывоза черезъ Кошъ-Агачъ и Кяхту прекрасно иллюстрируютъ выводы, къ которымъ пришла и Московская торговая экспедиція, какъ разъ знакомившаяся съ положеніемъ дѣлъ въ Сѣверной Монголіи отъ Урги до Кобдо. Члены экспедиціи всюду въ этомъ районѣ констатировали вытѣсненіе русскихъ торговцевъ китайскими, которые являются проводниками не русскихъ, а западно-европейскихъ и американскихъ товаровъ. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло въ Западной Монголіи, въ районѣ Иртыша и Чугучака. Здѣсь наша торговля пока не теряетъ своихъ позицій, что слѣдуетъ объяснить большимъ удаленіемъ этихъ районовъ отъ Китая. Нашъ вывозъ по Зайсанскому таможенному участку замѣтно возрастаетъ; вывозъ черезъ Бахты на Чугучакъ, если и не увеличивается, то и не сокращается; паденіе цѣнности вывоза черезъ Бахтинскую таможенію въ 1909 году объясняется тревогой, охватившей мѣстныхъ купцовъ въ виду проведенія закона объ отменѣ порто-франко на Дальнемъ Востокѣ, которымъ таможенное обложение было распространено и на Западно-Китайскую границу, издавна пользовавшуюся беспошлинной торговлей. Однако фактически таможенное обложение на Западно-Китайской границѣ не было введено, почему можно думать, что паденіе нашего вывоза черезъ Бахты въ 1909 г. было чисто временнымъ и въ дальнѣйшемъ не будетъ имѣть продолженія.

Нашъ вывозъ въ Монголію почти исключительно слагается изъ продуктовъ нашей промышленности. Жизненныхъ припасовъ мы вывозили на сумму отъ 65 тыс. руб. до 310 тыс. руб. въ годъ, животныхъ—отъ 6 тыс. руб. до 190 тыс. руб. въ годъ, сырыхъ и полуобработанныхъ продуктовъ—отъ 316 тыс. руб. до 988 тыс. руб., а издѣлій—отъ 1.755 тыс. руб. до 3.492 тыс. руб. Цѣнность издѣлій къ общей цѣнности нашего вывоза въ Монголію колебалась между 67% и 89%. Если же изъ группы жизненныхъ припасовъ присоединить сюда сахаръ и сахарныя издѣлія, а изъ группы сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ—металлы и выдѣланныя кожи, все продукты нашей фабрично-заводской промышленности, то на долю остальныхъ продуктовъ придется самая незначительная часть нашего вывоза.

Первое мѣсто среди нашего вывоза въ Монголію занимаютъ хлопчато-бумажныя ткани. Количества вывезенныхъ тканей колебались по отдѣльнымъ пунктамъ въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Вывезено хлопч.-бум. тканей—пудовъ.

	1899—1901 г. Средняя	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
Бахтинская там. . . .	25.236	44.392	24.029	18.495	21.639	30.065	23.728	12.969
Зайсанскій там. уч. .	8.381	9.377	8.253	7.068	8.562	11.628	10.872	9.824
Кошъ-Агач- ская там.	3.604	6.861	1.850	3.909	4.014	4.178	2.282	1.607
Кяхтинская там. . . .	6.845	8.886	6.260	11.797	14.863	6.988	3.331	3.105
Всего	44.066	69.516	40.392	41.269	49.078	52.859	40.213	27.505

Максимумъ вывоза приходится на 1903 г.; въ годы войны вывозъ упалъ, затѣмъ снова возросъ, а въ послѣдніе два года опять сильно сократился. Вообще таблица показываетъ, что экспортъ бумажныхъ тканей въ Монголію не развивался, а скорѣе падалъ. Въ особенности замѣтно паденіе экспорта черезъ Кяхту; наводненіе Ургинскаго района привозимой китайскими торговцами заграничной мануфактурой, отмѣченное членами Московской торговой экспедиціи, подтверждается данными приведенной таблицы, показывающей, что привозъ русскихъ бумажныхъ тканей черезъ Кяхту въ Ургу сократился въ послѣдніе годы почти въ 5 разъ.

Льняныя и пеньковыя издѣлія вывозятся въ Монголію въ несравненно меньшихъ количествахъ, чѣмъ бумажныя ткани; въ среднемъ экспортъ ихъ колеблется между 4—6¹/₂ тыс. пуд. въ годъ, и тоже безъ тенденціи къ повышенію; слѣдуетъ отмѣтить, что экспортъ льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій направляется только двумя путями—черезъ Бахтинскую и Кошъ-Агачскую таможенную; черезъ Кяхту эти издѣлія совсѣмъ не вывозятся, а черезъ Зайсанскій участокъ вывозятся незначительныя количества, менѣе 50 пудовъ.

Шерстяныя издѣлія вывозятся еще въ меньшихъ количествахъ—отъ 1 до 2 тыс. пуд. въ годъ; экспортъ ихъ также не обнаруживаетъ тенденціи къ повышенію; болѣе половины всего количества шерстя-

ныхъ издѣлій проходить черезъ Бахтинскую таможенную; черезъ Кяхту эти издѣлія вывозятся не каждый годъ, а эпизодически небольшими партіями.

Вслѣдъ за мануфактурой занимаютъ мѣсто въ нашемъ экспортѣ въ Монголію продукты металлургической промышленности. Металлы не въ дѣлѣ (почти исключительно желѣзо и сталь) вывозятся главнымъ образомъ черезъ Бахтинскую таможенную, въ послѣдніе 7 лѣтъ — отъ 27—44 тыс. пуд.; черезъ Зайсанскій участокъ и Кошъ-Агачскую таможенную проходятъ небольшія количества, отъ 1 до 2 тыс. пуд.; черезъ Кяхту металлы совсѣмъ не вывозятся. Слѣдуетъ отмѣтить, что черезъ Кошъ-Агачскую таможенную на Кобдо и Улясутай за послѣдніе два года вывозъ металловъ сократился почти въ 5 разъ, съ 953 пуд. до 207 пуд.; экспортъ черезъ Зайсанскій участокъ остается на одномъ уровнѣ, черезъ Бахтинскую таможенную колеблется безъ опредѣленной тенденціи.

Вывозъ металлическихъ издѣлій и машинъ, наоборотъ, неуклонно падаетъ. Черезъ Кяхту металлическія издѣлія совсѣмъ не экспортируются, а вывозъ черезъ остальные пункты былъ въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Экспортъ металлическихъ издѣлій и машинъ—пудовъ.

	1899—1901 г. Средняя	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
Бахтинская								
там. . . .	11.763	12.219	18.366	16.117	14.853	10.787	9.504	8.744
Зайсанскій								
там. уч. .	525	518	1.520	2.169	1.939	1.744	1.435	1.815
Кошъ-Агач- ская там.	3.783	4.672	3.132	2.851	4.025	4.566	3.172	1.756
Всего .	16.071	17.409	23.018	21.137	20.817	17.097	14.111	12.315

Главный нашъ экспортъ металлическихъ издѣлій—черезъ Бахтинскую таможенную неуклонно сокращается; сокращеніе вывоза металлическихъ издѣлій черезъ Кошъ-Агачскую таможенную шло параллельно общему паденію нашего экспорта въ Сѣверную Монголію по Чуйскому тракту.

Въ прежніе годы важное мѣсто въ нашемъ экспортѣ въ Монголію занимали выдѣланные кожи, главная масса которыхъ вывозилась черезъ Кяхту; максимальное количество этого товара было вывезено въ 1906 г., а затѣмъ наступило рѣзкое и быстрое паденіе вывоза, какъ представлено въ слѣдующей таблицѣ.

Вывозъ выдѣланныхъ кожъ—пудовъ.

	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
Бахтинская там. . .	1.183	1.296	1.048	561
Зайсанскій там. уч. .	1.172	1.947	2.068	1.712
Кошъ-Агачская там.	2.613	2.185	1.302	1.012
Кяхтинская там. . .	30.413	6.659	5.441	280
Всего	35.381	12.087	9.859	3.565

Вывозъ выдѣланныхъ кожъ черезъ Кяхту, бывшій нѣкогда столь значительнымъ, свелся на нѣтъ; сократился замѣтно и вывозъ черезъ Кошъ-Агачскую таможеню. Что касается кожаныхъ издѣлій, то вывозъ ихъ въ Монголію ничтоженъ—отъ 350 до 635 пуд. въ годъ.

Лѣсъ и деревянные издѣлія направляются преимущественно черезъ Бахты на Чугучакъ и въ небольшихъ количествахъ черезъ Зайсанскій тамож. участокъ. Экспортъ лѣса и деревянныхъ издѣлій на Чугучакъ, бывшій нѣкогда довольно значительнымъ, въ послѣдніе годы сократился до минимума; экспортъ лѣса, доходившій въ 1903 г. до 89.725 пуд., постепенно падая, дошелъ въ 1907 г. до 16.989 пуд., въ 1908 г.—7.684 пуд. и въ 1909 г.—3.916 пуд.; деревянныхъ издѣлій вывозилось на Чугучакъ въ 1904 г.—5.557 пуд., въ 1907 г.—2.635 пуд., въ 1908 г.—1.221 пуд. и въ 1909 г.—790 пуд.

Вывозъ продуктовъ писчебумажнаго производства никогда не былъ значительнымъ, не доходя до 3 тыс. пуд., но въ послѣдніе годы и онъ упалъ: въ 1907 г.—2.501 пуд., въ 1908 г.—768 пуд. и въ 1909 г.—587 пуд. Почти исключительно экспортъ этихъ продуктовъ идетъ черезъ Бахты на Чугучакъ. Галантерейный товаръ тоже вывозится въ небольшихъ количествахъ, преимущественно черезъ Кошъ-Агачскую таможеню, и тоже сократился за два послѣдніе года съ 1.291 пуд. въ 1907 г. до 721 пуд. въ 1909 г.

Сахаръ составляетъ какъ бы исключеніе изъ общаго правила; экспортъ его на монгольскіе рынки, несомнѣнно, развивается, хотя и съ колебаніями (сокращеніе въ годы войны). Экспортъ сахара и сахар-

ныхъ издѣлій представлень по отдѣльнымъ районамъ въ слѣдующей таблицѣ:

Вывозъ сахара и сахарныхъ издѣлій—пудовъ.

	1899—1901 г. средняя	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
Бахтинская там.	3.305	8.269	6.717	3.606	13.969	13.548	17.371	10.110
Зайсанскій там.								
участ.	344	54	57	114	185	300	211	194
Кошъ - Агачская								
там.	367	418	332	355	1.510	2.477	300	711
Кяхтинская там.	940	13.555	10.941	2.884	4.402	8.048	15.663	12.535
Всего	4.956	22.296	18.047	6.959	20.066	24.373	33.545	23.550

Какъ видимъ, сахаръ идетъ преимущественно на Чугучакъ и Ургу; сократившись въ годы войны, экспортъ сахара въ эти пункты опять сталъ быстро увеличиваться; пониженіе экспорта въ 1909 г. слѣдуетъ признать временнымъ, вызваннымъ опасеніемъ установленія пошлинъ со стороны Китая; опасенія эти однако не оправдались.

Въ заключеніе еще укажемъ на экспортъ хлѣбовъ и муки; количества хлѣбовъ и муки, отправляемыхъ въ Монголію, колебались по годамъ въ довольно широкихъ предѣлахъ—отъ 142 тыс. пуд. до 80 тыс. пуд.; главное количество направляется черезъ Бахтинскую таможенную; вывозъ черезъ Зайсанскій районъ въ послѣдніе годы увеличился и достигъ 30 тыс. пуд.; повысился и вывозъ въ Сѣверную Монголію черезъ Кошъ-Агачскую таможенную, дойдя до 12 тыс. пуд. Черезъ Кяхту вывозилась исключительно мука, въ небольшихъ размѣрахъ, и то не каждый годъ.

Итакъ, нашъ экспортъ въ Монголію не развивается; въ частности экспортъ въ сѣверную Монголію, какъ по Чуйскому тракту на Кобдо, такъ и черезъ Кяхту на Ургу, несомнѣнно, падаетъ; сокращеніе экспорта касается почти всѣхъ важнѣйшихъ товаровъ—мануфактуры, кожевеннаго товара, лѣса и деревянныхъ издѣлій, металлическихъ издѣлій и т. д.

Совсѣмъ иное приходится сказать относительно нашего ввоза изъ Монголіи; здѣсь наши торговые операціи развивались, и притомъ весьма значительно. Мы разумѣемъ ввозъ монгольскихъ товаровъ; наряду съ монгольскими къ намъ ввозились черезъ пограничныя съ Монголіей таможи и китайскіе товары—чай, бумажныя и шелковыя ткани. Послѣднія необходимо выдѣлить изъ общаго привоза товаровъ.

Собственно Монголія сбываетъ намъ почти исключительно свое сырье; если взять таможи Бахтинскую, Зайсанскаго района и Кошъ-Агачскую, черезъ которыя привозъ китайскихъ товаровъ идетъ въ небольшихъ количествахъ, то въ общей цѣнности привезенныхъ товаровъ на цѣнность сырья и животныхъ приходится свыше 90%; процентъ этотъ весьма устойчивъ, колеблясь по годамъ въ небольшихъ предѣлахъ—отъ 88 до 94%. Жизненныхъ припасовъ по указаннымъ таможнямъ привозится на небольшую сумму, 80—145 тыс. руб. въ годъ; этой величиной свободно можно пренебречь, тѣмъ болѣе, что значительную ея часть составляетъ цѣнность провозимаго чая—продукта не монгольскаго. Издѣлій привозится тоже на небольшія сравнительно суммы, 147—225 тыс. руб. въ годъ; здѣсь на-ряду съ монгольскими товарами—войлокомъ и войлочными издѣліями—тоже поступаютъ къ намъ и китайскіе товары—бумажныя и шелковыя ткани. Возрастаніе привоза издѣлій въ 1909 г. до суммы 494 тыс. руб. обусловилось всецѣло возрастаніемъ привоза этихъ товаровъ черезъ Кошъ-Агачскую и въ меньшей мѣрѣ черезъ Бахтинскую таможи, послѣ того какъ въ Кяхтѣ была установлена на нихъ пошлина. Что касается привоза черезъ Кяхту, то здѣсь китайскихъ товаровъ проходитъ уже несравненно больше. Чая привозится на нѣсколько милліоновъ рублей; бумажныхъ и шелковыхъ тканей привозилось тоже на сумму 1—2 милліона рублей, и лишь въ 1909 г., съ установленіемъ пошлины, привозъ этихъ товаровъ замѣтно сократился, но все-же привозъ монгольскаго войлока и войлочныхъ издѣлій былъ на небольшую сумму сравнительно съ привозомъ китайскихъ товаровъ.

Для того, чтобы выдѣлить китайскіе товары и прослѣдить привозъ къ намъ продуктовъ только монгольскаго хозяйства, слѣдуетъ отбросить группы жизненныхъ припасовъ и издѣлій и взять только привозъ сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ и животныхъ. Такъ какъ привозъ монгольскихъ издѣлій и жизненныхъ припасовъ идетъ на небольшую сумму, приблизительно 200—300 тыс. руб. въ годъ, то исключеніе ихъ изъ разсмотрѣнія не измѣнитъ общей картины ¹⁾.

Цѣнность привоза сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ и

¹⁾ Въ обзорахъ виѣшной торговли Россіи по отдѣльнымъ таможнямъ показывается количество привозимыхъ товаровъ, но не цѣнность ихъ; цѣнность же приводится лишь для цѣлыхъ группъ товаровъ—жизненные припасы, сырые и полуобработанные матеріалы, животныя и издѣлія. Поэтому иного способа выдѣлить китайскіе товары въ нашемъ распоряженіи не было.

животныхъ по пограничнымъ съ Монголіей таможнямъ прогрессировала по годамъ въ слѣдующихъ размѣрахъ:

1903 г.	3.643.432 руб.
1904 „	4.151.546 „
1905 „	4.266.644 „
1906 „	4.527.111 „
1907 „	5.143.088 „
1908 „	5.678.024 „
1909 „	8.097.487 „

За шесть лѣтъ привозъ болѣе чѣмъ удвоился; въ противность тому, что мы видѣли по отношенію къ нашему вывозу въ Монголію, привозъ изъ Монголіи не сократился въ годы войны; точно также за послѣдніе два года привозъ не упалъ, какъ было съ вывозомъ, а, наоборотъ, сильно увеличился. Увеличеніе нашихъ скупческихъ операцій въ Монголіи, при одновременномъ сокращеніи ввоза нашихъ издѣлій въ Монголію—такъ можно характеризовать наше положеніе на монгольскихъ рынкахъ. Этотъ общій выводъ изъ цифръ нашей официальной статистики стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи и съ результатами изысканій Московской торговой экспедиціи.

Въ отношеніи привоза сырья и животныхъ Монголія играетъ видную роль для русскаго народнаго хозяйства. Въ 1909 г. изъ Монголіи поступило 12,1% общаго привоза въ Россію невыдѣланныхъ кожъ (сухихъ и сухосоленыхъ), 13% общаго привоза шерсти и пуши (некрашенной), 25,8% общаго привоза конскаго волоса, 34,2% общаго привоза мягкой рухляди, 10,8% привоза крупнаго рогатаго скота, 10,8% привоза лошадей, 24,9% привоза мелкаго рогатаго скота. Мы перечислили какъ-разъ главнѣйшіе виды товаровъ, вывозимыхъ изъ Монголіи; и оказывается, всѣ они играютъ видную роль въ нашемъ общемъ ввозѣ. Монголія представляетъ для насъ цѣнность не только, какъ рынокъ для произведеній нашей промышленности, но и какъ поставщикъ къ намъ сырья и животныхъ. Монгольское сырье однако направляется и на югъ—черезъ Калганъ въ Китай и на заграничные рынки. Московская торговая экспедиція добыла свѣдѣнія, указывающія на то, что сбытъ монгольскаго сырья черезъ Калганъ быстро растетъ съ каждымъ годомъ; въ этомъ уже кроется опасность для нашей торговли. Пока-что, наше положеніе въ отношеніи скупки монгольскаго сырья остается непоколебленнымъ, но въ будущемъ положеніе можетъ измѣ-

ниться въ худшую сторону, если своевременно не будетъ съ нашей стороны принято необходимыхъ мѣръ.

Обращаясь къ привозу монгольскаго сырья и животныхъ черезъ отдѣльныя таможи, можно сказать, что привозъ возрасталъ по всѣмъ пунктамъ, хотя и не въ равной степени, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Цѣнность привоза сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ и животныхыхъ—въ рубляхъ.

Годы.	Бахтинск. там.	Зайсан. там. уч.	Кошъ-Агачск. там.	Кяхтин. там.
1903	1.564.477	357.113	1.163.729	558.113
1904	2.090.409	413.837	1.334.383	312.917
1905	1.917.828	463.685	1.529.745	355.386
1906	1.853.296	614.463	1.192.298	867.054
1907	1.978.405	772.107	1.571.207	821.369
1908	2.189.987	737.134	1.476.296	1.274.600
1909	2.484.439	665.689	1.502.547	3.484.812

Особенно сильное развитіе получилъ привозъ монгольскаго сырья черезъ Кяхту, т.-е. какъ-разъ изъ того района, гдѣ такъ сильно упалъ сбытъ нашихъ товаровъ. Кстати, и Московская торговая экспедиція подмѣтила, что русскіе торговцы въ Ургѣ все болѣе и болѣе сосредоточиваются на операціяхъ скупки монгольскаго сырья, сокращая операціи по сбыту русскихъ товаровъ.

Монголія поставляетъ намъ продукты своего животноводства, являющагося и по сію пору основой хозяйственнаго быта монгола. Изъ Монголіи въ большомъ количествѣ идутъ къ намъ скоть, мѣха, шкуры, кожи, шерсть, конскій волосъ, а изъ издѣлій—войлоки и войлочныя издѣлія. За послѣдніе годы привозъ этихъ товаровъ возрасталъ. Привозъ выдѣланныхъ кожъ особенно выросъ по Кяхтинской таможнѣ, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Привозъ невыдѣланныхъ кожъ—пудовъ.

	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
Бахтинская там.	11.142	11.022	8.575	12.409
Зайсанскій там. уч.	10.609	15.013	13.548	15.096
Кошъ-Агачская там.	101	490	455	1.130
Кяхтинская там.	747	10.894	5.268	16.931
Всего	22.599	37.419	27.846	45.566

Интересно отмѣтить, что ввозъ въ Монголію изъ Россіи выдѣланныхъ кожъ, какъ было показано выше, сократился въ нѣсколько

разъ; въ частности, по торговлѣ черезъ Кяхту получилось слѣдующее: вывозъ черезъ Кяхту на Ургу выдѣланныхъ кожъ почти совсѣмъ прекратился и въ это же самое время выросъ привозъ къ намъ черезъ Кяхту невыдѣланныхъ кожъ; стало-быть, мы получаемъ невыдѣланныя кожи для своего собственнаго потребленія, а не для того, чтобы въ выдѣланномъ видѣ отправлять ихъ обратно въ Монголію.

Въ такой же мѣрѣ, какъ и привозъ невыдѣланныхъ кожъ, возросъ и ввозъ изъ Монголіи бараньихъ и козьихъ шкуръ, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Привозъ бараньихъ и козьихъ шкуръ—пудовъ.

	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
Бахтинская там.	52.459	51.639	46.381	57.470
Зайсанскій там. уч.	19.360	28.358	32.077	32.129
Кошъ-Агачская там.	2.335	2.553	1.539	8.770
Кяхтинская там.	3.065	13.252	23.681	33.707
Всего	77.219	95.802	103.673	132.076

Привозъ увеличился по всѣмъ таможнямъ, но особенно сильно опять - таки черезъ Кяхтинскую таможню. Шкуры пушныхъ звѣрей привозятся къ намъ изъ Сѣверной Монголіи—черезъ Кошъ-Агачъ и Кяхту, изъ Западной же Монголіи идутъ самыя незначительныя количества.

Привозъ шкуръ пушныхъ звѣрей—пудовъ.

	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
Бахтинск. и Зайсанск. там. уч.	314	225	424	671
Кошъ-Агачская там	5.899	9.237	13.172	8.629
Кяхтинская там.	8.341	4.224	10.890	24.791
Всего	14.554	13.686	24.486	34.091

И опять слѣдуетъ отмѣтить сильное возрастаніе привоза шкуръ пушныхъ звѣрей черезъ Кяхту.

Привозъ шерсти и пуши тоже возрастаетъ, но лишь благодаря развитію привоза ихъ черезъ Кяхту; наоборотъ, привозъ черезъ Кошъ-Агачъ сокращается; привозъ изъ западной Монголіи не увеличивается.

Привозъ шерсти и пуши—пудовъ.

	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
Бахтинская там.	97.103	107.721	107.849	100.137	81.774	105.387
Зайсанскій там. уч.	16.650	16.975	30.280	23.858	17.084	16.502
Кошъ-Агачская там.	140.610	137.603	111.161	133.718	122.304	108.168
Кяхтинская там.	12.858	17.374	24.695	38.794	53.070	112.334
Всего	267.221	279.673	273.985	296.507	274.232	342.391

Привозъ конскаго волоса колеблется между 1.700 пуд. и 2.700 п.; главные количества ввозятся черезъ Бахтинскую и Кошъ-Агачскую таможи.

Среди издѣлій монгольскаго рынка, привозящихся вообще въ ничтожныхъ количествахъ, исключеніе составляютъ войлоки и войлочные издѣлія, привозъ которыхъ весьма значителенъ и держится приблизительно на одномъ уровнѣ, скорѣе даже возрастаетъ, кромѣ привоза черезъ Кяхту, который сокращается; издѣлія эти идутъ преимущественно изъ западной Монголіи.

Привозъ войлока—пудовъ.

	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
Бахтинская там.	5.438	3.521	3.449	3.882	3.827	6.940
Зайсанскій там. уч.	7.933	9.371	9.931	12.688	10.397	11.201
Кошъ-Агачская там.	383	348	402	852	728	526
Кяхтинская там.	4.436	3.944	1.139	1.662	1.802	1.052
Всего	18.190	17.184	14.921	19.084	16.754	19.719

Наоборотъ, привозъ пуховыхъ и войлочныхъ шляпъ, бывшій прежде довольно значительнымъ, почти совсѣмъ прекратился; шляпы шли главнымъ образомъ изъ Чугучака.

Привозъ пуховыхъ и войлочныхъ шляпъ—штукъ.

	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
Всего изъ Монголіи	44.122	19.769	9.612	1.491	2.455
Въ томъ числѣ черезъ Бахтин. там.	41.722	18.609	9.388	1.386	1.840

Пригонъ изъ Монголіи скота можемъ рассмотреть, кончая Кошъ-Агачской таможей.

Пригонъ скота изъ бассейна р. Селенги черезъ Тунку на Иркутскъ и изъ Урги на Кяхту и Троицкосавскъ совсѣмъ не регистрируется въ обзорахъ внѣшней торговли.

Черезъ Кошъ-Агачъ изъ Сѣверной Монголіи пригоняется скоть, судя по даннымъ таможеннаго вѣдомства, въ довольно скромныхъ количествахъ; за послѣднія пять лѣтъ, съ 1905 г. по 1909 г., крупнаго рогатаго скота доставлялось въ годъ отъ 295 до 1.325 головъ, мелкаго рогатаго скота—отъ 4.100 до 11.930 головъ; пригонъ мелкаго скота возрасталъ; лошадей пригонялось всего нѣсколько десятковъ, и то не каждый годъ. Изъ западной Монголіи—черезъ Бахтинскую таможенную и пункты Зайсанскаго таможеннаго участка скоть пригоняется въ несравненно большихъ количествахъ; главнымъ образомъ пригоняются гурты мелкаго рогатаго скота. Черезъ Бахтинскую таможенную за послѣднія 6 лѣтъ (съ 1904 г. по 1909 г.) пригоняется отъ 52 тыс. до 102 тыс. головъ мелкаго рогатаго скота въ годъ; черезъ пункты Зайсанскаго района—отъ 36 до 62 тыс. головъ въ годъ. По отдѣльнымъ годамъ пригонъ гуртовъ колеблется, безъ опредѣленной тенденціи къ повышенію или пониженію.

То же слѣдуетъ сказать и о пригонѣ крупнаго рогатаго скота и лошадей. Пригонъ крупнаго рогатаго скота черезъ Бахтинскую таможенную съ 8.416 головъ въ 1904 г. сократился до 386 головъ въ 1906 г.; въ 1907 г. совсѣмъ не было пригона, но въ два послѣдніе года пригонъ опять увеличился, дойдя въ 1909 г. до 6.636 гол.; черезъ Зайсанскій районъ пригонялось крупнаго рогатаго скота отъ 144 до 901 гол. въ годъ, но въ 1909 г. количество это поднялось до 2.924 гол. Число пригоняемыхъ лошадей колебалось по Бахтинской таможеннѣ отъ 154 до 2.835 гол. въ годъ, а по Зайсанскому участку—отъ 64 до 496 гол.

Въ общемъ можно сказать, судя по этимъ даннымъ, что пригонъ скота изъ Западной Монголіи и по Чуйскому тракту изъ Сѣверной Монголіи не увеличивается.

Въ такомъ видѣ представляется наша торговля съ Монголіей при свѣтѣ официальныхъ данныхъ. Ранѣе нами было указано, что официальные данныя не могутъ претендовать на полную точность, что цифры официальныхъ сборниковъ могутъ быть разсматриваемы только лишь какъ приблизительныя, дающія понятія объ общихъ контурахъ и общемъ характерѣ нашихъ торговыхъ сношеній съ Монголіей, но мало пригодныя къ тому, чтобы, основываясь на нихъ, можно было познакомиться съ положеніемъ дѣла въ деталяхъ. Общіе выводы, вытекающіе изъ разсмотрѣнныхъ данныхъ, могутъ быть признаны вполне достоверными; они подтверждаются и наблюденіями, сдѣланными на мѣстахъ членами Московской торговой экспедиціи.

Наши торговые сношенія съ Западной Монголіей—съ Чугучакомъ

и райономъ Чернаго Иртыша—не были обслѣдованы экспедиціей; но, судя по официальнымъ даннымъ, наше торговое положеніе здѣсь пока остается непоколебленнымъ. Можно отмѣтить здѣсь лишь нѣкоторое сокращеніе экспорта хлопчато-бумажныхъ тканей и металлическихъ издѣлій, которое, можетъ-быть, носить чисто временный характеръ.

Другое дѣло—Сѣверная Монголія. И официальные данныя, и обслѣдованіе Московской торговой экспедиціи согласно свидѣтельству, что этотъ рынокъ ускользаетъ изъ нашихъ рукъ. Нашъ экспортъ замѣтно сокращается какъ по Чуйскому тракту, такъ въ еще большей степени по тракту Кяхта-Урга. Цифры обзоровъ внѣшней торговли говорятъ объ этомъ вполне опредѣленно. Но то же читатель прочтетъ и въ трудахъ Московской торговой экспедиціи; члены экспедиціи свидѣлствуютъ, что русскіе торговцы въ этомъ краѣ по всей линіи вытѣсняются китайскими купцами, сбывающими китайскія издѣлія и издѣлія японской, американской и европейской промышленности. Русскіе торговцы или совсѣмъ ликвидируютъ дѣла и уѣзжаютъ изъ Монголіи, либо сосредоточиваютъ свои операціи на скупкѣ монгольскаго сырья. И официальные данныя говорятъ, что привозъ къ намъ монгольскаго сырья — шерсти, мягкой рухляди, кожъ и пр.—возрастаетъ, особенно черезъ Кяхту, въ виду сравнительной близости ея къ желѣзнодорожному пути.

И та, и другая операціи, т.-е. и сбытъ продуктовъ нашей промышленности, и привозъ къ намъ дешеваго сырья,—обѣ эти операціи представляютъ важность для русскаго народнаго хозяйства, но первая является болѣе важной. И если она сокращается, это не можетъ не внести тревоги въ торгово-промышленные круги, заинтересованные въ развитіи экспорта произведеній нашей промышленности.

Урянхайскій край, ограниченный съ сѣвера Саянами, а съ юга хребтомъ Танну-ола, заключаетъ въ себѣ истоки и верхнее теченіе р. Енисея; это уже не Монголія; урянхайцы не принадлежатъ къ монгольскому племени. Наряду съ туземнымъ населеніемъ имѣется нѣсколько русскихъ поселковъ и отдѣльныхъ заимокъ. Урянхайскій край представляетъ территорію спорную, и положеніе его остается неопредѣленнымъ. Начальникъ Московской торговой экспедиціи полковникъ В. Л. Поповъ констатировалъ, что китайская граница идетъ вдоль хребта Танну-ола, гдѣ и тянутся китайскіе пограничные столбы; тѣмъ не менѣе китайцы взимаютъ сборы съ урянхайцевъ, и послѣдніе думаютъ, что они подвластны Китаю. Русскіе пограничные посты идутъ вдоль Саянскаго хребта. Есть много основаній считать Урянхайскій

край принадлежащимъ по праву Россіи, которая лишь по какому-то странному недоразумѣнію не устанавливаетъ до сихъ поръ своего фактическаго здѣсь господства. Мало-по-малу край колонизуется русскими поселенцами, и нужно ожидать, что Россія, наконецъ, заявитъ на него свои права.

Наши торговыя сношенія съ этимъ краемъ, ведущіяся изъ г. Минусинска черезъ сел. Усинское, за послѣдніе годы быстро развиваются. Нашъ вывозъ, оцѣнивавшійся въ теченіе ряда лѣтъ суммою въ 150 тыс. руб., въ 1907 г. увеличился до 207 тыс. руб., въ 1908 г.—219 тыс. руб. и въ 1909 г.—448 тыс. руб. Привозъ изъ Урянхайскаго края, колебавшійся ранѣе между 140 и 175 тыс. руб., въ 1906—1908 гг. сталъ превышать 200 тыс. руб., а въ 1909 г. возросъ до 613 тыс. руб.

Въ нашемъ вывозѣ доминирующую роль играютъ издѣлія, а въ привозѣ изъ Урянхайскаго края—сырье и животныя. Изъ издѣлій, вывозимыхъ въ Урянхайскій край, отмѣтимъ хлопчато-бумажныя ткани, выдѣланныя кожи и металлическія издѣлія. Вывозъ хлопчато-бумажныхъ тканей колеблется по годамъ, безъ всякой правильности, отъ 1.090 пуд. до 2.890 пуд.; шерстяныя издѣлія вывозятся въ небольшихъ количествахъ—отъ 140 до 500 пуд.; другія мануфактурныя издѣлія въ этотъ край совсѣмъ не идутъ. Вывозъ выдѣланныхъ кожъ тоже колеблется въ широкихъ предѣлахъ—отъ 358 до 1.951 пуд.; галантерейныхъ издѣлій, вывозившихся ранѣе въ количествахъ нѣсколькихъ десятковъ пудовъ, въ 1906 г. было вывезено 101 пуд., въ 1907 г.—397 пуд. и въ 1908 г.—472 пуд., но въ 1909 г. совсѣмъ не было вывоза. Зато вывозъ металлическихъ издѣлій замѣтно увеличился; ранѣе ихъ вывозилось нѣсколько сотъ пуд., но въ 1907 г. вывозъ возросъ до 1.996 пуд., а въ 1908 г.—2.996 пуд., въ 1909 г.—3.370 пуд. Въ послѣдніе годы въ Урянхайскій край пошли русская мука и сахаръ; муки было ввезено сюда въ 1909 г.—48.420 пуд., сахара и сахарныхъ издѣлій—4.601 пудъ.

Среди привозимаго изъ Урянхайскаго края къ намъ сырья первое мѣсто занимали невыдѣланныя кожи, далѣе—мягкая рухлядь и шерсть. Какъ показываетъ приводимая таблица, сильно увеличился привозъ кожъ:

Привозъ изъ Урянхайскаго края—въ пудахъ.

	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
Невыдѣланныя кожи .	2.819	2.885	9.151	10.337	27.131
Мягкая рухлядь . . .	967	1.346	717	45	4.027
Шерсть и пуша . . .	2.409	3.778	2.110	1.830	2.745

Пригонъ скота играетъ въ торговлѣ Урянхайскаго края столь же важную роль, какъ и вывозъ сырья; развивается какъ пригонъ крупнаго рогатаго, такъ и мелкаго скота, но и по количеству, а тѣмъ болѣе по цѣнности первое мѣсто принадлежитъ крупному скоту.

Пригонъ скота изъ Урянхайскаго края—въ штукахъ.

	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
Крупн. рогат. скоть .	3.713	4.615	5.022	2.588	7.420
Мелкій рогат. скоть .	764	1.734	1.907	2.326	4.709
Лошади	244	126	138	44	200

Нужно сказать, что единственный удобный путь для торговыхъ сношеній съ Урянхайскимъ краемъ лежитъ по долину р. Енисея; какъ указано въ главѣ о судоходствѣ по Енисею, до сихъ поръ пароходы не могли подниматься по рѣкѣ до Урянхайскаго края, да и лодочное сообщеніе представляло немалыя трудности вслѣдствіе пороговъ и быстроты теченія. Съ производствомъ необходимыхъ работъ по очищенію русла рѣки, когда станетъ возможнымъ пароходное сообщеніе съ Урянхайскимъ краемъ, несомнѣнно, наши торговыя сношенія съ нимъ еще болѣе окрѣпнутъ и разовьются. Вмѣстѣ съ тѣмъ по Енисею къ Минусинску и Красноярску пойдетъ и часть монгольскихъ грузовъ изъ Кобдо и Улясутая.

Наши торговыя сношенія съ Китаемъ имѣютъ длинную исторію. Постепенно одинъ за другимъ открывались для нашей торговли монгольскіе и китайскіе города, шагъ за шагомъ Россія добивалась отъ Китая разныхъ льготъ и преимуществъ, на которыя имѣла право по своему положенію. Торговля черезъ Кяхту была установлена еще въ XVIII вѣкѣ, и долгое время Кяхта являлась единственнымъ пунктомъ, черезъ который шли наши торговыя сношенія съ Китаемъ. Лишь со середины XIX вѣка для нашей торговли въ Китайской имперіи открываются новые горизонты. Кульджинскимъ договоромъ 25 іюля 1851 года были открыты для русской торговли Илійская и Тарбагатайская провинціи съ городами Кульджей и Чугучакомъ; Россіи предоставлялось право назначить въ эти города своихъ консуловъ; торговля для обѣихъ сторонъ была установлена безъ взиманія пошлинъ. По Тянь-цзинскому договору 1 іюня 1858 г. для русскихъ торговыхъ судовъ были открыты порты, предназначенные китайскимъ правительствомъ вообще для торговыхъ сношеній съ иностранцами; кромѣ того, были оговорены права Россіи на положеніе наиболѣе благопріятствуемой державы въ смыслѣ таможенныхъ тарифовъ. Пекинскій договоръ 2 ноября 1860 г.

открылъ для русской торговли Кашгарскую провинцію, съ правомъ имѣть консула въ Кашгарѣ; право беспошлинной торговли было распространено на всю нашу сухопутную границу съ Китаемъ; далѣе было дано согласіе на учрежденіе консульства въ Ургѣ и на право торговли въ Ургѣ и Калганѣ. Еще болѣе важныя преимущества дали нашей сухопутной торговлѣ правила, заключенныя въ Пекинѣ 15 апрѣля 1869 года. Этими правилами разрѣшалась русскимъ купцамъ беспошлинная торговля во всей Монголіи; по всей нашей границѣ устанавливалась 50-верстная полоса для свободной и беспошлинной торговли торговцевъ обоихъ государствъ. Были предоставлены большія льготы для русскихъ товаровъ, привозимыхъ сухимъ путемъ черезъ Калганъ въ Тянь-Цзинь; съ нихъ взималась пошлина на $\frac{1}{3}$ меньшая противъ общаго тарифа; наконецъ, для китайскихъ товаровъ, покупаемыхъ русскими торговцами въ Калганѣ, устанавливалась вывозная пошлина въ половинномъ размѣрѣ противъ общаго тарифа. Послѣднимъ нашимъ торговымъ соглашеніемъ съ Китаемъ, дѣйствующимъ и по сію пору, является договоръ 12 февраля 1881 года. Подтвердивъ всѣ преимущества, достигнутыя нами ранѣе,—беспошлинную торговлю во всемъ застѣнномъ Китаѣ, 50-верстную полосу для свободной торговли и пр.,—договоръ 1881 г. открылъ для русскихъ торговцевъ притяньшанскіе города Турфанъ, Урумци, Хами и Гучень, а также предоставилъ намъ право учредить консульства какъ въ этихъ городахъ, такъ и въ городахъ Сѣверной Монголіи—Кобдо и Улясутаѣ. Договоръ этотъ, заключенный на 10 лѣтъ, затѣмъ два раза переписывался безъ измѣненія. Въ настоящее время оба правительства—и русское и китайское—заявили желаніе о пересмотрѣ договора. Въ пересмотрѣ договора, естественно, были заинтересованы многія фирмы, ведущія торговлю съ Китаемъ и Монголіей непосредственно, либо сбывающія туда часть своихъ товаровъ черезъ посредство сибирскихъ и среднеазиатскихъ купцовъ. Заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ оказалось и московское купечество и промышленники Московскаго центрального района.

При Московскомъ Биржевомъ Комитетѣ въ 1909 г. и 1910 г. устраивались совѣщанія представителей московскихъ промышленниковъ и мѣстнаго торгующаго по западной границѣ съ Китаемъ купечества; предметомъ сужденія служили условія торговли по Западно-Китайской границѣ и вопросы, связанные съ заключеніемъ новаго договора съ Китаемъ.

Что касается сѣверной Монголіи, свѣдѣнія о положеніи въ ней русской торговли были недостаточныя и случайныя; сокращеніе же

нашего вывоза въ сѣверную Монголію требовало болѣе близкаго ознакомленія съ условіями русской торговли въ этомъ краѣ. Надлежало выяснить, чѣмъ обусловливается сокращеніе нашего вывоза, какія неблагоприятныя условія задерживаютъ развитіе русской торговли въ краѣ, какова емкость и требованія монгольскаго рынка, какого рода мѣропріятія необходимо предпринять для упроченія и развитія здѣсь русскаго торговаго вліянія, какія требованія въ отношеніи сѣверной Монголіи поставить китайскому правительству при заключеніи новаго торговаго договора. Такъ какъ всѣ эти вопросы можно было разрѣшить только послѣ детальнаго ознакомленія на мѣстѣ съ монгольскимъ рынкомъ и условіями на немъ русской торговли, то возникла мысль объ отправленіи въ сѣверную Монголію особой торговой экспедиціи.

Важность монгольскаго рынка для Россіи всегда сознавалась представителями московскаго торгово-промышленнаго міра; за послѣдніе годы, въ виду усиленія въ Монголіи китайскаго вліянія, московскіе промышленные и торговые круги начали все болѣе обращать взоры на эту далекую страну и задумываться надъ судьбами въ ней русскаго торговаго дѣла. Мысль объ отправкѣ въ Монголію торговой экспедиціи постепенно созрѣвала; въ 1908 г. иркутскимъ купцомъ И. Г. Трапезниковымъ была представлена московскому купечеству особая докладная записка, составленная путешественникомъ по Монголіи полковникомъ В. Л. Поповымъ; въ ней указывалось на вытѣсненіе въ Монголіи русскихъ торговцевъ китайскими и проводилась мысль о желательности посылки торговой экспедиціи для ознакомленія на мѣстѣ съ положеніемъ русской торговли. Рѣшено было заняться этимъ вопросомъ въ ближайшее же время и приступить къ практическому осуществленію экспедиціи на средства, собранныя путемъ подписки среди крупныхъ промышленныхъ фирмъ Москвы и нѣкоторыхъ банковъ. Во главѣ организациі всего этого дѣла сталъ П. П. Рябушинскій, при ближайшемъ сотрудничествѣ Н. Д. Морозова, А. И. Коновалова и Н. Т. Каштанова. Къ 1910 году удалось заручиться согласіемъ на участіе въ расходахъ по экспедиціи со стороны 73 фирмъ московскаго промышленнаго района ¹⁾. 12 апрѣля 1910 года состоялось въ помѣщеніи

¹⁾ Фирмы эти слѣдующія: Т-во м-ръ П. М. Рябушинскаго съ с-ми, Богородско-Глуховская м-ра, Т-во бр. Носовыхъ, Т-во Даниловской м-ры, Т-во И. Коноваловъ съ сыномъ, Т-во м-ръ Эмиль Циндель, Т-во Н. Н. Коншина, Т-во м-ръ Людв. Рабенекъ, Т-во Н. Бордыгина н-къ, гг. Вогау и К^о, Т-во Альбертъ Гюбнеръ, Т-во Прохоровской Трехгорной м-ры, Л. Кнопъ, Т-во м-ръ Н. Дербенева с-я, Т-во Владиміръ Алексѣевъ, Т-во

Московского Биржевого Комитета совѣщаніе представителей подписавшихся фирмъ, подъ предсѣдательствомъ П. П. Рябушинскаго; на этомъ совѣщаніи присутствовалъ и полковникъ В. Л. Поповъ. На совѣщаніи было рѣшено отправить экспедицію лѣтомъ этого года, съ тѣмъ, чтобы экспедиція обслѣдовала сѣверную Монголію, побывавъ въ важнѣйшихъ ея пунктахъ—Ургѣ, Улясутаѣ и Кобдо. Въ начальники экспедиціи былъ приглашенъ полковникъ В. Л. Поповъ. Въ послѣдующіе дни ежедневно по вечерамъ происходили въ квартирѣ П. П. Рябушинскаго совѣщанія отдѣльныхъ группъ промышленниковъ-фабрикантовъ хлопчато-бумажныхъ тканей, суконъ, экспортеровъ и т. д.; здѣсь подробно намѣчались вопросы, подлежащіе освѣщенію со стороны экспедиціи. Рѣшено было обслѣдовать пути сообщенія—сухопутные и водные, торговые центры и районы Монголіи, характеръ занятій населенія, его бытъ и административное устройство, потребности населенія и обращающіеся на монгольскомъ рынкѣ товары, а также продукты монгольского хозяйства, идущіе въ Россію, характеръ торговли, въ частности положеніе русскихъ торговцевъ и условія ихъ конкуренціи съ китайскими торговцами, правовое и фактическое положеніе русскихъ въ Монголіи и измѣненія, необходимыя въ русско-китайскомъ договорѣ для успѣшнаго развитія русской торговли въ Монголіи.

Къ маю были окончательно выработаны программа экспедиціи, ея маршрутъ, составлена смѣта и намѣченъ составъ экспедиціи, а 1 іюня экспедиція уже выступила изъ Кяхты въ Монголію.

Высоковской м-ры, Т-во В. Е. и А. Ясюнинскихъ, Т-во Куваевской м-ры, Т-во И. Гарелина съ с-ми, Торг. домъ Н. Гарелина с-вья, Т-во Переславльской м-ры, А. и В. Сапожниковы, Т-во м-рѣ Барановыхъ, Т-во Кальчугина, Т-во П. И. Грязнова, Т-ва м-рѣ Вик. Морозова съ с-ми, И. Г. Трапезниковъ, Банк. домъ бр. Рябушинскихъ, Т-во м-рѣ Косьмы Прохорова съ с-ми, Т-во Торнтонъ, Т-во П. Миндовскаго и И. Бакакина, Т-во А. Бахрушина с-вей, Д. А. Арацковъ, Т-во Тверской м-ры, Т-во Асафа Баранова, Т-во бр. Крестовниковыхъ, Т-во Ярославской Большой м-ры, Б. К. Апанавъ, Торг. домъ бр. Каштановы, Т-во м-рѣ бр. Бабкиныхъ, Московскій Торговый Банкъ, Т-во П. И. Оловянишникова с-я, Торг. д. Д. Хутаревъ съ с-ми, К. О. Жиро и с-я, Т-во Вл. Лыжина, Т-во А. Я. Полякова, Т-во А. Каретниковой съ с-ми, Т-во М. С. Кузнецова, Русское Экспортное Товарищество, Т-во М. Поповъ съ с-ми, Т-во И. Демина, Т-во Фряновской м-ры, Торг. д. Ал. Пельтцеръ, Торг. д. А. Тюляевъ съ с-ми, Т-во П. Митрофанова, Т-во м-рѣ Н-ки Н. Ф. Зубкова, Т-во Ст. Горкинской м-ры, Т-во Шелковой м-ры, Торг. д. К. Г. Шенъ, Т-во Рябовской м-ры, Т-во м-рѣ А. Красильщиковой съ с-мъ, Т-во м-рѣ Г. и А. Горбуновыхъ, О. Г. Хишинъ, А. А. Карзипкинъ, Т-во Юкиныхъ, Торг. д. Петровъ и Щеголевъ, Т-во В. И. Пасбургъ, А. И. Шамшинъ, Т-во Вас. Барышникова с-я, Т-во Лабзина и Грязнова Т-во Г. Симоно и К^о и Т-во Н. и Л. Гандуриныхъ.

Московская торговая экспедиція прошла по Сѣверной Монголіи въ разныхъ направленіяхъ, посѣтила важнѣйшіе ея торговые центры— Ургу, Улясутай и Кобдо, рядъ второстепенныхъ пунктовъ, а также многихъ хошунныхъ торговцевъ на монгольскихъ кочевьяхъ; двое участниковъ экспедиціи проѣхали изъ Урги на Калганъ и Тянь-Цзинь, а двое другихъ посѣтили южную часть Урянхайскаго края. Экспедиціей собранъ большой и цѣнный матеріалъ, касающійся не только условій торговли въ Монголіи, но и всего соціально-экономическаго и бытового уклада жизни монгольскаго населенія, его административнаго устройства, политическаго положенія Монголіи и пр. Всѣ важнѣйшія стороны жизни монгольскаго населенія получили освѣщеніе въ очеркахъ, написанныхъ членами экспедиціи и собранныхъ въ настоящей книгѣ. Резюмируя выводы членовъ экспедиціи относительно русской торговли въ Монголіи и ея будущихъ задачъ, а также основываясь на официальныхъ данныхъ о нашемъ товарообмѣнѣ съ Монголіей, можно положительно утверждать, что наше положеніе на монгольскомъ рынкѣ, по крайней мѣрѣ въ Сѣверной Монголіи, несомнѣнно, пошатнулось за послѣдніе годы; китайскіе торговцы, массами нахлынувшіе въ этотъ край, успѣли уже стать здѣсь господами положенія и отодвинуть нашу торговлю на второй планъ; наша мануфактура, выдѣланныя кожи, металлическія издѣлія и другіе товары постепенно исчезаютъ съ монгольскаго рынка и замѣняются товарами китайскаго, американскаго, нѣмецкаго, англійскаго производства. Намъ нужно приложить теперь немалыя усилія къ тому, чтобы снова занять подобающее положеніе на монгольскомъ рынкѣ. Монголія имѣетъ значеніе не только какъ рынокъ для произведеній русской промышленности и поставщикъ къ намъ своего сырья; мы имѣемъ здѣсь и политическія задачи; укрѣпленіе въ Монголіи нашего торговаго положенія, несомнѣнно, будетъ способствовать и усиленію нашего политическаго вліянія въ этомъ краѣ. И представители торговли и промышленности въ своихъ усиліяхъ къ укрѣпленію на монгольскомъ рынкѣ должны бы встрѣтить серьезную поддержку со стороны правительства. Но, конечно, многое зависитъ и отъ самодѣятельности самого торгово-промышленнаго класса. Въ очеркахъ участниковъ экспедиціи читатель найдетъ указанія на рядъ желательныхъ мѣръ по организаціи торговли и кредита, по улучшенію путей сообщенія и развитію судоходства, расширенію правъ русскихъ торговцевъ и промышленниковъ въ Монголіи и пр.

Дружными совмѣстными усиліями правительства и представителей торговли и промышленности могутъ быть достигнуты большіе успѣхи

въ закрѣпленіи нашего торговаго и политическаго вліянія въ Монголіи, тѣмъ болѣе, что происходящія въ настоящій моментъ въ Китайской имперіи событія благопріятствуютъ нашимъ успѣхамъ.

Трудно, конечно, предвидѣть результаты происходящей въ Китаѣ междоусобицы; но одно представляется имѣющимъ много вѣроятія, это—автономный принципъ будущаго устройства имперіи. Автономія Монголіи будетъ безусловно въ интересахъ Россіи. Автономія ослабитъ связи Монголіи съ центральнымъ Китаемъ; получивши большую свободу дѣйствій, монгольскіе князья, несомнѣнно, направятъ усилія къ освобожденію себя и своей страны отъ экономической кабалы китайцамъ; нашествію китайцевъ будутъ созданы преграды, привилегированное положеніе китайскихъ торговцевъ будетъ ослаблено, и, конечно, этимъ создадутся благопріятныя условія для укрѣпленія въ Монголіи русской торговли. Необходимо только рѣшительнѣе использовать создающуюся для насъ благопріятную конъюнктуру и, не теряя времени, теперь же приступить къ большой и сложной организаціонной и созидательной работѣ.

Московская торговая экспедиция вь Монголию.

Очеркъ Московской торговой экспедиціи въ Монголію.

Весною 1910 года на совѣщаніи представителей московскаго промышленнаго и коммерческаго міра было рѣшено организовать торговую экспедицію въ Монголію въ цѣляхъ широкаго, обстоятельнаго и непосредственнаго изученія монгольскаго рынка, условій торговли въ этомъ отдаленномъ и мало знакомомъ краѣ, экономическаго быта населенія и для выясненія способовъ къ усиленію сбыта въ Монголію русскихъ товаровъ и русскаго торговаго вліянія. На совѣщаніи представителей промышленности и торговли были намѣчены вопросы, подлежащіе изученію, и выработана для экспедиціи подробная программа. Средства для экспедиціи были собраны путемъ подписки среди крупныхъ московскихъ фирмъ. Къ участию въ экспедиціи было рѣшено привлечь представителей разныхъ отраслей торговли, а также спеціалиста по животноводству, составляющему главное занятіе монгольскаго населенія; также признавалось желательнымъ имѣть въ средѣ экспедиціи лицъ, бывавшихъ ранѣе въ Монголіи и имѣющихъ тамъ торговыя связи.

Во главѣ экспедиціи былъ приглашенъ стать полковникъ *В. Л. Поповъ*, совершившій уже ранѣе, въ 1903 году, экспедицію въ Монголію и затѣмъ не перестававшій все время слѣдить за положеніемъ тамъ дѣлъ, въ частности за положеніемъ торговли.

**Составъ
экспедиціи.**

Членами экспедиціи командированы представители крупнѣйшихъ фирмъ Москвы: *С. Л. Вильгузъ*, *В. С. Шкаринъ*, *К. П. Колядовъ*, *Л. И. Дрейзмейеръ*, *Г. И. Колчевскій* и *В. Ц. Фланденъ*.

Кромѣ того организаторами экспедиціи были приглашены: агрономъ *І. М. Морозовъ* и Чугучакскій торговый старшина, торговавшій въ Монголіи болѣе 30 лѣтъ, хорошо владѣющій монгольскимъ и китайскимъ языками, *А. П. Соболевъ*; въ качествѣ спеціалиста переводчика приглашенъ былъ штатный переводчикъ кяхтинскаго погранич-

наго комиссара *Я. И. Мальцевъ*. Министерство торговли и промышленности командировало въ экспедицію своего представителя *А. П. Лелькова*. Въ городѣ Ургѣ присоединился къ экспедиціи членъ экспедиціи, командированный военнымъ министерствомъ, окончившій Восточный институтъ, поручикъ *Х. Я. Зеллисъ*, хорошо владѣющій монгольскимъ и китайскимъ языками.

Военное министерство разрѣшило командировать 12 забайкальскихъ и иркутскихъ казаковъ; затѣмъ были наняты, уже въ Кяхтѣ, проводники, лаучи и рабочіе буряты и монголы. Большинство казаковъ владѣло монгольскимъ языкомъ; изъ числа ихъ были медицинскій и ветаринарный фельдшера и кузнецъ.

Выборъ маршрута.

При рѣшеніи вопроса о маршрутѣ остановились на предложеніи сформироваться въ г. Кяхтѣ и выступить на Ургу, а затѣмъ, раздѣляясь на партіи, уже слѣдовать по Монголіи въ разныхъ направленіяхъ, при чемъ начальнику экспедиціи было предоставлено право впослѣдствіи, въ зависимости отъ обстановки, выработать маршруты партій, но съ условіемъ посѣтить главнѣйшіе торговые центры: Ургу, Улясутай, Кобдо, Уланкомъ.

Такое рѣшеніе имѣло то огромное преимущество, что организація экспедиціи могла быть завершена на самой границѣ и экспедиція могла приступить къ интересной работѣ съ первыхъ же дней, посвятивъ время изученію важнѣйшихъ пунктовъ монгольской торговли: Маймачена (кяхтинскаго) и Урги всѣмъ составомъ экспедиціи,—послѣ чего уже возможно слѣдовать партіями.

Такимъ образомъ, маршрутъ экспедиціи вылился въ слѣдующую форму: *Кяхта—Урга*, всѣмъ составомъ экспедиціи. Въ Ургѣ экспедиція раздѣлилась на три партіи: В. Л. Поповъ, К. П. Колядовъ, Г. И. Колчевскій, А. П. Соболевъ и Х. Л. Зеллисъ—по направленію *Урга—Заинь-Шабь—Улясутай*; І. М. Морозовъ, В. Ц. Фланденъ, В. С. Шкаринъ и Я. И. Мальцевъ—*Урга—Ванъ-Куренъ, р. Селенга—Улясутай*; С. Л. Вильгузь и А. П. Лельковъ—*Урга—Калганъ—Кукухото—Пекинъ—Тянь-Цзинь*. Изъ Улясутая экспедиція опять подѣлилась: В. Л. Поповъ и Х. Я. Зеллисъ пошли на *Уланкомъ* черезъ *Дурбетскія земли хребтомъ Ханъ-Хухеємъ, затѣмъ по хр. Танну-ола къ оз. Косоголу и черезъ с. Тунку въ Иркутскъ*; остальные члены: І. М. Морозовъ, В. С. Шкаринъ, К. П. Колядовъ, Г. И. Колчевскій, В. Ц. Фланденъ, А. П. Соболевъ и Я. И. Мальцевъ,—на *Кобдо—Кошъ-Агачъ и въ Бійскъ*.

Содѣйствіе правитель-ства.

Прежде всего самое горячее участіе къ предстоящей экспедиціи выказалъ иркутскій генераль-губернаторъ и командующій войсками

иркутскаго военнаго округа А. Н. Селивановъ, оказавшій экспедиціи самое полное содѣйствіе, покровительство и помощь. Затѣмъ широкое содѣйствіе оказалъ экспедиціи російскій императорскій посланникъ въ Пекинъ И. Я. Коростовецъ; министерство торговли и промышленности приняло участіе въ организаціи экспедиціи, командировавъ своего представителя.

Лошади приобрѣтены были въ Монголіи и къ 15 мая доставлены въ Кяхту. Закупка лошадей монгольской породы давала экспедиціи огромное преимущество въ стоимости лошадей и привычности ихъ къ климату и условіямъ похода черезъ Монголію; не требовалось везти или запасаться въ пути фуражемъ. Купленныя лошади оказались болѣе или менѣе выѣзжанными, правда, нѣкоторыя недостаточно, но зато всѣ крѣпкія, сильныя и способныя къ дальнему путешествію. **Снаряженіе экспедиціи.**

Въ первое время были случаи, что лошади сбивали всадниковъ, волновали весь составъ экспедиціи, но зато впослѣдствіи при усиленныхъ переходахъ, 50—60 верстъ въ сутки, по Гоби или бесплоднымъ степямъ Ханъ-Хухея, безъ корма, эти маленькія лошадки отлично служили свою службу, нѣкоторыя даже были приспособлены къ запряжкѣ въ экипажи.

Было нѣсколько лошадей сибирской породы (крестьянскихъ); несмотря на высокую цѣну и отличныя качества здоровыхъ и сильныхъ лошадей, онѣ на короткихъ кормахъ, при большихъ переходахъ, отказывались служить: приходилось ихъ или обмѣнивать, или продавать за безцѣнокъ.

Верблюды приобрѣтены были тоже въ Монголіи, въ Ургѣ, и пригнаны въ Кяхту къ 15 же мая; они въ большей части оказались отличными вьючными животными, совершенно незамѣнимыми при дальнемъ путешествіи по Монголіи.

Всѣ верблюды работали въ экспедиціи все время, больныхъ было мало, а нѣкоторые совершили колоссальный путь въ 3.000 верстъ, неся все время огромные вьюки, не менѣе 12—15 пудовъ, при большихъ переходахъ, въ 50—60 верстъ въ сутки, по цѣлымъ недѣлямъ безъ дневокъ. Можно было бы перевозку грузовъ экспедиціи сдѣлать наемными караванами (изъ верблюдовъ или быковъ), но при такихъ условіяхъ экспедиція была бы связана въ своемъ путешествіи, находясь въ зависимости отъ транспортныхъ средствъ тѣхъ или другихъ пунктовъ, условій перевозки, цѣнъ, времени и т. д. Всѣ эти условія наемныхъ каравановъ очень стѣснили бы свободу путешествія, выборъ маршрутовъ и времени слѣдованія.

Сѣдла для всѣхъ членовъ экспедиціи были приобрѣтены монгольскаго типа,—нѣсколько тяжеловатыя, но прочныя, удобныя и, самое главное, недорогія; они въ любомъ пунктѣ Монголіи, въ случаѣ поломки или утраты, легко могли бы быть замѣнены. Утварь: котлы, чайники мѣдные и алюминіевые, стаканы, кружки, ложки, ножи, вилки и прочія дорожныя принадлежности для кухни и сервировки стола,—приобрѣтена была еще въ Москвѣ, только часть въ Кяхтѣ. Палатки были разнаго типа, но наиболѣе удобною оказалась палатка Кепке, офицерская, изъ брезентоваго верха и суконной подкладки. Взяты были съ собою походныя кровати, но въ послѣдствіи многіе изъ членовъ отказались ими пользоваться и спали прямо на землѣ въ палаткахъ.

Въ Монголіи было приобрѣтено для каждаго члена мѣховое одѣяло, оказавшее незамѣнимыя услуги при ночлегахъ.

Почти всѣ члены экспедиціи одѣты были въ однообразный костюмъ: куртки изъ легкой матеріи цвѣта хаки, укороченные шаровары и большіе охотничьи сапоги; нѣкоторые взяли съ собою англійскіе гетры, но потомъ пользовались ими только при парадныхъ выходахъ, во время же путешествія признавали удобнымъ укладывать ихъ въ чемоданы. Какъ курьезъ, необходимо отмѣтить, что однообразные костюмы у всѣхъ членовъ экспедиціи и черныя рубашки у казаковъ съ одинаковыми головными уборами, хотя и не имѣли положительно ничего, напоминающаго военное обмундированіе, тѣмъ не менѣе вызвали у китайцевъ и монголовъ подозрѣніе, что это—военная экспедиція, что члены экспедиціи всѣ офицеры, а рабочіе—казаки. По этому поводу даже въ китайской прессѣ появился рядъ статей, въ которыхъ про экспедицію рассказывались небылицы, въ родѣ того, что Россія выслала въ Монголію 10.000-ный отрядъ войскъ; между тѣмъ среди членовъ экспедиціи, дѣйствительно, было всего два офицера и 12 казаковъ.

При снаряженіи экспедиціи въ Москвѣ организаторы не покупились на покупку всевозможныхъ консервовъ и припасовъ въ столь значительномъ количествѣ, что ихъ хватило на все время экспедиціи съ излишкомъ; въ смыслѣ стола составъ экспедиціи былъ обставленъ хорошо; сухари бѣлые и черные заготовлены были въ Кяхтѣ, Ургѣ, Улясутаѣ, Кобдо. Мясомъ служила баранина. Вина и коньякъ, столь необходимыя въ путешествіи, были взяты тоже частью изъ Москвы, частью покупались въ Кяхтѣ и Ургѣ. Аптека была составлена въ такомъ разнообразіи медикаментовъ и количествѣ ихъ, что экспедиція не только не чувствовала недостатка въ медицинскомъ и ветеринарномъ леченіи, но постоянно оказывала помощь монгольскому населенію.

Къ 25 мая всѣ члены экспедиціи собрались въ Кяхтѣ. Начались сборы, ознакомленіе съ мѣстными коммерсантами, съ положеніемъ торговли черезъ Кяхту и изученіе сосѣдняго китайскаго городка Маймачена и его торговли, съ необходимыми визитами китайскому начальнику города и прочимъ чинамъ.

Отъ Кяхты
до Урги.

30 мая весь составъ экспедиціи приступилъ къ устройству каравана; все было провѣрено, переписано, переложено, затюковано такъ, какъ было нужно для предстоящихъ маршрутовъ. 31 мая кяхтинскими коммерсантами для экспедиціи былъ устроенъ въ китайскомъ Маймаченѣ торжественный обѣдъ.

1 іюня состоялось выступленіе экспедиціи въ Монголію. Рано утромъ привели верблюдовъ, лошадей; началось завьючиванье верблюдовъ. Только къ 10 часамъ утра удалось завьючить 33 верблюда и отправить 20 быковъ съ товарами. Около знаменитаго кяхтинскаго собора остановился весь нашъ большой караванъ, члены экспедиціи и провожающіе гостепріимные кяхтинцы: А. Д. Хитрово, Я. Г. Урусовъ, М. А. Лушниковъ и другіе кяхтинскіе представители именитаго купечества.

На площади передъ соборомъ былъ отслуженъ торжественный молебенъ съ окропленіемъ экспедиціи освященною водою, и экспедиція тронулась въ путь. Всѣ члены экспедиціи, казаки, монгольскіе лаучи и проводники—верхами. Впереди—группа членовъ экспедиціи въ числѣ 11 человѣкъ, затѣмъ караванъ верблюдовъ съ товарами и запасами экспедиціи въ сопровожденіи казаковъ, всего 35 лошадей со всадниками, и 33 верблюда и нѣсколько экипажей провожающихъ картинно вытянулись по главному транспортному тракту на Ургу. Миновали и китайскіе караулы, вступили въ Монголію. Вотъ она безпредѣльная, широкая степь, однообразно-волнистая и пустынная. Только изрѣдка, то вправо, то влѣво отъ пути или гдѣ-то далеко на горизонтѣ пасутся табуны лошадей, гурты скота или на какой-нибудь вершинѣ виднѣются мелкія - мелкія точки, какъ разсыпанные живые камни: это—стада барановъ и козъ. Изрѣдка среди полной тишины вдругъ какъ изъ земли покажется лихой всадникъ, а тамъ, съ другой стороны,—еще и еще. Несутся карьеромъ по степи на своихъ маленькихъ лошадакахъ „напрямки“ безъ всякихъ дорогъ и тропъ. Далеко-далеко зоркій глазъ монгола замѣтилъ своего товарища, и вотъ куда-то торопившійся,—можетъ-быть по своему дѣлу или съ порученіемъ отъ чиновника,—рѣзко свернулъ къ товарищу и быстро полетѣлъ ему навстрѣчу; тотъ тоже увидѣлъ,—и скачутъ, можетъ-быть, добрый десятокъ верстъ другъ къ

другу. Подъѣхали, остановились, обмѣнялись табакерками, понюхали, закурили и спрашиваютъ другъ-друга: здоровъ ли скоть, все ли благополучно въ аулѣ, что новаго? и т. д. Завидѣли колоссальный караванъ по дорогѣ, впереди много всадниковъ. Что это? Кто и зачѣмъ? Любопытство свободного, впечатлительнаго монгола загорѣлось, они оба забыли о своемъ дѣлѣ, о цѣли своей поѣздки, свернули и подъѣхали къ каравану; осмотрѣлись, подъѣхали къ переднему лаучу-монголу, и начался допросъ. Нашъ почтенный старикъ лауча-монголѣ, шествуя во главѣ крупнаго богатаго каравана, понималъ свое исключительное положеніе. Съ большимъ достоинствомъ, не торопясь, начиналъ онъ объяснять своимъ землякамъ, кто и куда ѣдетъ съ такимъ караваномъ, что везутъ. Вотъ впереди ѣдутъ важные господа, а среди нихъ самъ русскій большой нойонъ. О!—и бойкіе узкіе глазки внимательно разглядываютъ насъ, держась на почтительномъ отдаленіи. Они, эти зоркіе глаза, замѣтили все: какой костюмъ, лошади, сѣдла и т. д., и т. д. Ни одна мелочь не ускользнетъ отъ впечатлительнаго бойкаго монгола. Но вотъ оба монгола быстро повернули и карьеромъ въ разныя стороны полетѣли по широкой безбрежной степи, а вмѣстѣ съ ними полетѣла и вѣсть о большой русской экспедиціи съ важными господами и русскимъ нойономъ во главѣ. И начала эта вѣсть переходить изъ устъ въ уста кочевниковъ. Уже на завтра долетѣла эта вѣсть до Урги, а, можетъ-быть, и до Улясутая, окрашиваясь, разрастаясь въ воображеніи и слухахъ въ 10.000-ный русскій отрядъ, вступившій въ Монголію.

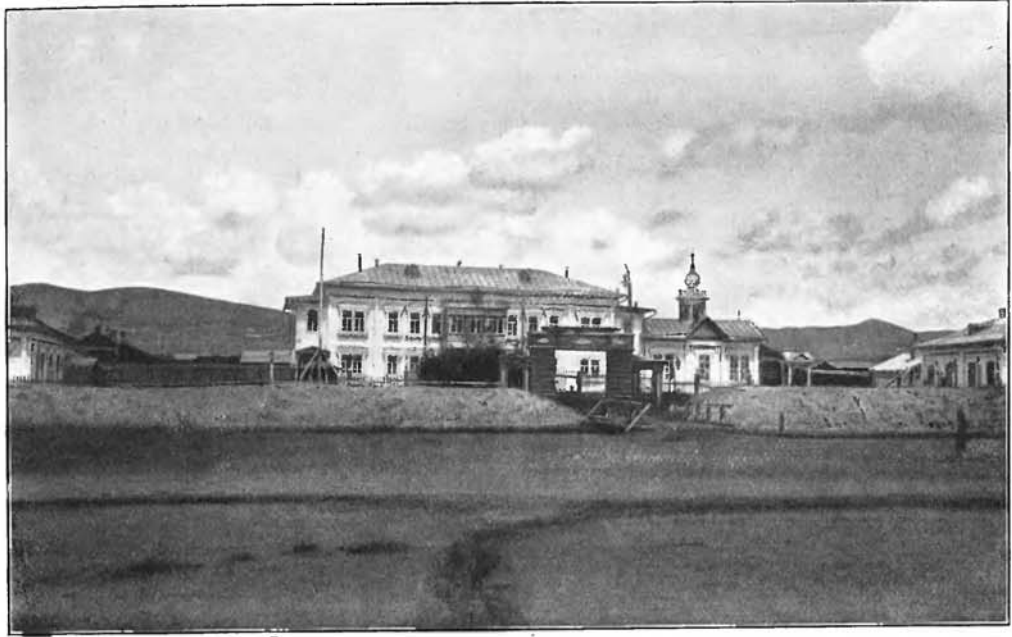
Прошли 18 верстъ, подошли къ рѣчкѣ Бурѣ. Солнце начинаетъ спускаться къ закату; до слѣдующей воды засвѣтло не дойти,—значить, пора и на ночлегъ. Передвиженіе каравана въ Монголіи не зависитъ отъ воли путешественниковъ, переходы почти всегда строго опредѣлены: отъ воды до воды. Первый переходъ по привольной монгольской степи сдѣлали. Экспедиція, стой,—здѣсь ночлегъ! Да и будетъ на первый день. Выбрано мѣсто для бивака, намѣчены мѣста для палатокъ, для склада груза и привязки верблюдовъ. Караванъ медленно подходитъ къ биваку, верблюды выстраиваются въ ряды. Бивачная жизнь началась... Всѣ за дѣломъ: члены экспедиціи сами разсѣдываютъ своихъ лошадей, кто самъ и спутываетъ ихъ и отдаетъ казакамъ; лаучи, проводники и казаки возятся съ верблюдами; „Сокъ“! „Сокъ“!—кричитъ казакъ, дергая верблюда за веревочку съ палкою, просунутой въ его ноздри, служащей единственнымъ средствомъ управлять этимъ кораблемъ пустыни, неуклюжимъ гигантомъ. Вотъ одинъ изъ упрямыхъ вер-

блюдовъ не желаетъ ложиться, кричитъ, фыркаетъ, плюется. Тотъ, кто знакомъ былъ раньше съ этимъ животнымъ, быстро справится съ нимъ, ну а кто не имѣлъ еще дѣла съ нимъ, ничего не можетъ подѣлать. Вдругъ раздаются крикъ и бѣготня. Что такое? Мы, удивленные, видимъ только, какъ неуклюжее животное дико несется уже далеко отъ бивака, лягаясь и стараясь сбросить вьюкъ. Оказывается, неумѣлый и неосторожный казакъ неловко началъ развѣивать одного изъ „злыхъ“ верблюдовъ, испугалъ его, и тотъ, сбросивъ съ себя часть развязаннаго вьюка, лягнулъ и вырвался изъ каравана и понесся по родной ему степи. Всѣ кричатъ, ловятъ, шумъ увеличивается, но нелегко поймать этого озвѣрѣвшаго великана степи; проходитъ много времени, затрачивается много труда, чтобы завернуть, пригнать обратно къ каравану верблюда. Но вотъ кто-то изъ членовъ экспедиціи какъ-то неловко задѣлъ за задъ своей лошади во время разсѣдлыванія. Дикій степнякъ ударилъ задомъ, еще и еще... вырвался и пошелъ, дико лягаясь и фыркая, скакать по степи; сѣдло, уже развязанное, падаетъ подъ ноги испуганному животному, степнякъ еще болѣе одичалъ и унесся далеко-далеко. Ловите его теперь... Часть казаковъ и рабочихъ бросились за верблюдомъ и лошадей, остальные едва удерживали оставшихся въ караванѣ животныхъ, чтобы и остальные, по примѣру убѣжавшихъ товарищей, не сдѣлали того же. Поймали, ведутъ... всѣ вздохнули. Пора ставить палатки. Шумъ, смѣхъ, шутки, остроты. Вотъ и палатки готовы; тащите постели, разставляйте кровати, разводите огонь, готовьте чай, ужинъ. Жизнь кипитъ ключемъ... Знакомая, родная картина... Закусили, попили чаю; по палаткамъ, пора и спать, завтра съ разсвѣтомъ подъемъ, и съ Богомъ въ новый переходъ.

Однако муравейникъ долго не можетъ успокоиться. Для многихъ изъ товарищей сегодня первый переходъ и остановка бивакомъ. Какая масса новыхъ невиданныхъ и неиспытанныхъ еще впечатлѣній! Невольный обмѣнъ мнѣній, взглядовъ, впечатлѣній. Но къ 12 часамъ бивакъ начинаетъ смолкать. Болѣе опытные, привыкшіе уже,—заснули. Вдругъ слышны колокольчики, топотъ коней, стукъ экипажей. Что такое?.. Это кяхтинскіе друзья рѣшили догнать экспедицію на первомъ ночлегѣ. Придуманно—сдѣлано. Лихія тройки готовы, и понеслись по степи. Вставайте, господа! Не стыдно ли спать на первомъ ночлегѣ? Хочешь, не хочешь, а надо подниматься изъ согрѣтой постели, изъ-подъ теплаго мѣхового одѣяла. Ночь проходитъ въ „чаепитіи“, закусываніи, выпиваніи; слышатся тосты, „ура“, веселье. Только къ тремъ часамъ утра бивакъ успокаивается. Заря занялась, вотъ и краешекъ солнца

начинаетъ чуть-чуть показываться на горизонтѣ. Жизнь ужъ проснулась, бивакъ ожилъ, всѣ ходятъ, шумятъ, слышно ржаніе лошадей, крикъ верблюдовъ. Уснуть ужъ невозможно. Досадно, но ничего не подѣлаешь, надо вставать, умываться, одѣваться. Вотъ ужъ и чайники съ чаемъ поданы въ палатки, разставляется посуда, накрывается импровизированный столъ. Широкій брезентъ разстилается прямо на землю, и на этомъ брезентѣ накрывается „столъ“. Одѣванье, чай занимаютъ добрый часъ времени, затѣмъ начинаемъ собираться въ походъ. „Лошадей не можемъ найти“,—докладываетъ урядникъ начальнику экспедиціи. Какъ, почему?—всѣ спрашиваютъ. „Дневальный заснулъ и лошадей прокараулилъ, почти весь табунъ куда-то ушелъ, и не могутъ найти“. Скверно для перваго начала. Долго-долго стоимъ взволнованные, разстроенные; наконецъ, почти черезъ часъ раздается крикъ: „гонять лошадей“. Ну, слава Богу! Общій облегченный вздохъ. Всѣ ли лошади? Всѣ. Ну съ Богомъ, сѣдлайте, завьючивайте верблюдовъ, пора торопиться, не дойдемъ до ночлега; придется ночевать въ степи безъ воды. Въ 10 часовъ караванъ и лошади готовы, съ Богомъ—въ путь...

Медленно, шагомъ вытянулся по дорогѣ караванъ верблюдовъ. Гордо поднявъ головы, верблюды идутъ легко и свободно, отпечатывая свои шаги, длиною до двухъ аршинъ; товарищи ѣдутъ шагомъ группами, обмѣниваясь впечатлѣніями, навстрѣчу изрѣдка попадаютъ двухколесныя арбы, запряженныя быками; везутъ бревна и дрова изъ Монголіи въ Кяхту. Вблизи Кяхты строевой лѣсъ уже вырубленъ, а въ прилегающемъ къ Кяхтѣ хошунѣ князя Намсарай-гуна много еще нетронутаго лѣса, и потому наши кяхтинскіе коммерсанты покупаютъ лѣсъ въ Монголіи. Подходимъ къ довольно большому перелѣску, и намъ открывается воочию печальная картина варварской рубки лѣса: прямо, какъ говорится, „Мамай воевалъ“; вырублены цѣлыя площади, взяты лучшіе куски деревьевъ, а остальные брошены гнить, засаривая лѣсъ. Караванъ обгоняется группой монголовъ, несущихся полнымъ карьеромъ. Впереди ѣдетъ хорошо одѣтый молодой лама, за нимъ скачутъ полнымъ карьеромъ ямщики. Это—какой-то чиновникъ Богдогыгена ѣдетъ „по уртонамъ“. Между Кяхтою и Ургою монгольскій почтовый трактъ всего 20 станцій (уртоновъ). Станція состоитъ изъ десяти—двадцати монгольскихъ юртъ, кочующихъ въ извѣстномъ районѣ. Эти юрты обязаны подавать лошадей проѣзжающимъ, такъ сказать, по казеннымъ надобностямъ. Чиновникъ для поѣздки „по уртонамъ“ получаетъ особое предписаніе на монгольскомъ языкѣ, и по предъявленіи его ему дается указанное число лошадей для него, его

Русское консульство въ Ургѣ.

Помѣщеніе конторы „Монголь“ (бывшая контора Русско-Китайскаго Банка).

свиты, багажа и проводниковъ. Всѣ ѣдутъ верхами, такъ какъ экипажей нѣтъ, да и монгольскія лошади не умѣютъ ходить въ упряжи. Такая кавалькада отъ станціи до слѣдующей станціи несется полнымъ карьеромъ и проскакиваетъ станцію двадцать—двадцать пять верстъ въ часъ—полтора времени. Проскакавшая кавалькада вдругъ остановилась; оказывается, чиновникъ лама упалъ съ лошади, но, не выпуская изъ рукъ повода, онъ уже заскочилъ на лихого степняка и снова карьеромъ продолжаетъ свой путь. При выходѣ изъ лѣса обширная степная долина открывается взорамъ путешественниковъ; по степи мирно пасутся стада лошадей, гурты скота и овецъ, и вдоль по рѣчкѣ раскинуты отдѣльныя юрты. А это что за деревянная постройка? Здѣсь живетъ русскій съ семьей. Время подходитъ къ обѣду, всадники-члены экспедиціи далеко опередили медленно и ровно идущій караванъ. Значитъ, когда подойдетъ караванъ,—пора будетъ и обѣдать. Кстати, у русскаго и остановимся. Еще только второй день нашего путешествія, а какъ уже пріятно видѣть русскую хату; вѣроятно, тамъ можно найти самоварчикъ, попить чайку не изъ чайника, а „по-русски“, „по-домашнему“. „Стой!“ „Слѣзай!“ Оказалось, что у расторопной зимовщицы *), Богъ вѣсть какъ пристроившейся въ монгольской степи, оказался налицо: самоварчикъ, яички, свѣжая булка. Ура! Цѣлый пиръ! Черезъ четверть часа готовъ самоваръ и яйца. Вся наша компанія усаживается на деревянныхъ скамейкахъ. Закусили, попили чайку по домашнему, а вотъ подтягивается и нашъ караванъ. „Стой—обѣдать“. Вьюки быстро снимаются, лошади разсѣдываются. Верблюды и лошади отпускаются въ степь; приступаютъ къ варкѣ обѣда. Дрова подъ рукою,—запылали костры, многіе изъ членовъ экспедиціи принимаютъ дѣятельное участіе въ приготовленіи обѣда; рѣжется мясо, достаются консервы, подкладываются дрова. Обѣдъ готовъ. Подается котель, каждый беретъ свою большую деревянную чашку, исполняющую обязанность тарелки, отыскиваетъ свою ложку, и на раскинутомъ брезентѣ кругомъ котла весело усаживается экспедиція. Обѣдъ очень разнообразенъ: баранина вареная съ приправой сушеной зелени подъ разными наименованіями: „картофельный супъ“, „борщъ“, „щи“ и т. д., по существу же своему одно и то же: вареная баранина—да и только, но мы вѣримъ, что столъ нашъ ежедневно разнообразится: сегодня—„щи“, завтра—„борщъ“ и т. д. На второе на большой сковородѣ подается жареная баранина; здѣсь тоже разнообразіе блюдъ: сегодня баранина изрѣзана мелкими кусками, а

*) Сибиряки отдѣльные хутора называютъ „зимовьями“.

завтра—болѣе крупными, а Гр. Ил. Колчевскій даже предложилъ дѣлать бараньи котлеты—и вышло отлично. На третье подается каша или компотъ. Затѣмъ—чай. Пора ловить лошадей и верблюдовъ; сѣдлайте, завьючивайте. Начинается горячая работа. Нѣкоторые изъ казаковъ никогда еще не выючили верблюдовъ и дѣлаютъ это неумѣло. А разъ неудачно завьюченъ верблюдъ, то вьюкъ набьетъ спину животнаго, и тогда—бросай верблюда; необходимъ внимательный надзоръ за каждымъ завьюченнымъ верблюдомъ. Много смѣшныхъ картинъ. Вотъ казакъ подтаскиваетъ вьюкъ къ верблюду, ничего не опасаясь, а злое животное подкарауливаетъ казака; только казакъ поравнялся съ мордою, какъ верблюдъ издаётъ свой оригинальный крикъ и плюетъ, обдавая казака съ ногъ до головы своею вонючею слюной. Крикъ, ругань и смѣхъ. Вотъ два неумѣлыхъ казака совсѣмъ положили вьюки на спину другого верблюда, а онъ вдругъ поднялся на весь свой огромный ростъ, лягнулъ вьюки; бѣготня, ловля бѣглеца. А время идетъ да идетъ. Неумѣлые отстранены отъ работъ при верблюдахъ, верблюды распредѣлены на группы, каждая группа передана двумъ казакамъ и монголу, вьюки опредѣлены каждой группѣ и сданы на руки. Верховыя лошади распредѣлены тоже по казакамъ, чтобы каждый зналъ своихъ лошадей, верблюдовъ, свои сѣдла и вьюки и больше чтобы путаницы не было. Наконецъ, вытянулся караванъ, и снова „печатаютъ“ верблюды, покачивая мѣрно на своихъ горбахъ тяжелые вьюки. Члены экспедиціи осматриваютъ стада скота, верблюдовъ, заѣзжаютъ въ юрты, знакомятся съ бытомъ монгола, осматриваютъ костюмы, утварь, обстановку. І. М. Морозовъ изучаетъ флору и почву, анализируетъ корма. Работа идетъ незамѣтно во время медленнаго движенія экспедиціи; кто пріотсталъ,—догоняетъ рысью, а кто выѣхалъ впередъ и присоединяется къ подходящему каравану. Солнце спускается въ горы, намъ предстоитъ или перевалить черезъ высокій хребетъ и ночевать по ту сторону, или остановиться передъ подъемомъ у рѣчки. Взвѣшены шансы, рассчитано время. Нѣтъ, перевалить черезъ хребетъ съ караваномъ сегодня не успѣемъ. „Господа, поѣзжайте впередъ, выбирайте мѣсто для ночлега у рѣчки передъ самымъ подъемомъ“,—предлагаетъ начальникъ экспедиціи. Мѣсто выбрано. Чудный уголокъ Монголіи. На высокомъ берегу рѣчки, изрѣдка покрытомъ деревьями, большая, ровная, зеленая поляна. Ну, значитъ такъ и будетъ. „Стой, разсѣдывай!“ Подходитъ караванъ, останавливается, опять начинается работа: вьюки стаскиваются въ кучу, покрываются брезентомъ, верблюды и лошади разсѣдланы и отпущены, палатки поставлены, кро-

вати, постели готовы, варится ужинъ. „Давайте, господа, пробовать ружья“. Давайте; начинается стрѣльба въ цѣль, а кто продолжаетъ изучать природу, жителей, скоть. Время летитъ быстро. Вотъ и темнѣетъ. „Давайте зажжемъ фонарь“; наши самодѣльные техники берутся за дѣло. Провозились долго, но загорѣлъ и фонарь. Поужинали и спать. Стемнѣло. Подогнали верблюдовъ и привязали ихъ всѣхъ рядомъ на одну тонкую веревочку. Не уйдуть. Дневальные у лошадей больше не заснутъ, такъ какъ вчерашній дневальный былъ немедленно отправленъ обратно въ Россію, а остальнымъ объявлено, что со всякимъ уснувшимъ будетъ поступлено такъ же... На другой день въ 7 часовъ утра караванъ уже тронулся въ путь. Медленно, тяжело поднимается экспедиція на крутой перевалъ, сѣверный склонъ котораго, по обычаю, покрытъ хвойной растительностью. Любители-охотники пошли искать дичи... Поднялись. Какая чудная картина открывается взору путешественниковъ съ перевала! Обширныя степныя долины покрыты стадами и юртами, въ которыхъ тоже проснулась уже жизнь. „Господа, не закусимъ ли наскоро“. Предложеніе встрѣчается съ одобреніемъ. Появляются дорожныя фляжки, московская колбаса и, стоя вокругъ отдыхающаго каравана, „замаривается червячокъ“. А гдѣ же наши охотники? Начинаемъ кричать. Наконецъ, появляются, усталые, вымокшіе и, конечно, ничего не убившіе,—охотники, съ чудовищными рассказами о видѣнныхъ козахъ, медвѣдяхъ и т. д. Пора двигаться дальше. Спускъ по открытой степной долині. Южные склоны хребтовъ безъ деревьевъ, совершенно голые,—какъ и во всей Монголіи. Къ вечеру прибываемъ на довольно широкую рѣку Иро. Здѣсь имѣется паромъ, но, оказывается, есть и бродъ. Экспедиція пользуется послѣднимъ, и на лѣвомъ берегу раскинулся снова нашъ многолюдный бивакъ на ночлегъ. Монголы начинаютъ привыкать къ нашему существованію, подходятъ къ биваку, начинаютъ разговоры; кусокъ сахара, сухарь или кость баранины—наше угощеніе—дѣлаетъ хозяевъ страны еще смѣлѣе; вотъ они уже окружаютъ нашъ столъ и глядятъ прямо въ ротъ, наблюдая въ то же время всѣ детали нашихъ костюмовъ и обстановки. Любопытство нашихъ гостей по возможности удовлетворяется объясненіемъ. Начинается обмѣнъ мнѣній. Члены экспедиціи пользуются случаемъ, подробно спрашивая все, что ихъ интересуетъ, чтобы составить себѣ представленіе объ экономическомъ положеніи страны. Кто это подѣхалъ къ рѣкѣ съ той стороны? Монголы даютъ объясненіе. Это китайскіе солдаты везутъ двухъ преступниковъ изъ Кяхты въ Ургу. Преступники-китайцы убили и ограбили китайскихъ купцовъ. „Хунхузы?“

„Да, они“. Интересно взглянуть. Двѣ телѣжки двухколесныя, на каждой изъ нихъ преступникъ: ноги и руки скованы желѣзными цѣпями, цѣпи замкнуты на замки къ телѣгѣ. Видъ китайцевъ преступниковъ ужасный: грязные растрепанные волосы, дикій блуждающій взглядъ. Кругомъ конный конвой изъ китайскихъ солдатъ. Преступники уже знаютъ, что въ Ургѣ съ нихъ снимутъ головы. Мы стоимъ пораженные картиной жестокаго обращенія съ преступниками. Проѣхать на двухколесной таратайкѣ прикованнымъ по монгольскимъ дорогамъ полнымъ карьеромъ—уже одно это путешествіе можно признать за серьезное наказаніе. Но преступники уже приговорены къ смерти и знаютъ, что миновать участи нельзя.

Вотъ одинъ изъ преступниковъ, проѣзжая мимо нашей группы, кричитъ „корошо“ и грустно намъ улыбается. Проскакалъ эскортъ и скрылся. Не попробовать ли счастья въ рыбной ловлѣ? Давайте. Нашлись охотники, закинули бродничокъ, но, кажется, ничего не поймали. Помокли, помокли, да такъ и бросили. Пора, господа, укладываться, да и спать: завтра большой и трудный переходъ на „Куйтунъ“ безъ воды, по горной дорогѣ.

Хмуро, небо кругомъ затянуло; что-то готовится непріятное. А караванъ вытянулся и поднимается изъ широкой долины Иро въ гору. Накрапываетъ дождь. Мы начинаемъ въ первый разъ примѣнять наши непромокаемые плащи. Имѣются у всѣхъ бурки, да нельзя ихъ надѣть: дикія монголки-лошади боятся черной бурки какъ какого-нибудь чудовища: храпятъ, бьютъ задомъ, и сѣсть на нихъ нельзя. Дождь накрапываетъ все сильнѣе и сильнѣе. Вотъ и гроза въ сопровожденіи настоящаго ливня. Черезъ часъ—два всѣ „непромокаемые“ плащи уже промокли, а нѣкоторые изъ товарищей одѣлись совершенно легко, не ожидая такой „пріятной“ погоды. Поднялись на горный хребетъ, безлѣсный, степной. Сильный холодный вѣтеръ съ дождемъ пронизываетъ насквозь путешественниковъ. Всадники начинаютъ поторапливать лошадей, наиболѣе продрогшіе поѣхали рысью, а караванъ верблюдовъ идетъ еще тише. Верблюды скользятъ по глинистой дорогѣ и падаютъ, вьюки развьючиваются, скорость движенія каравана самая ничтожная. Можно бы остановиться и обождать, пока пройдетъ дождь, да негдѣ—воды нѣтъ. Надо итти... Члены экспедиціи рысью уѣхали впередъ и часамъ къ 4, безъ всякаго привала, прибыли въ долину р. Куйтунъ. Долина населена довольно густо, у самой дороги раскинулось больше десятка юртъ. Заѣзжаемъ въ болѣе крупную юрту. Кругомъ очага сидитъ нѣсколько монголовъ, хозяйка-монголка хлопо-

четь около чайниковъ и чаши, варить чай. Мы, мокрые, продрогнувшіе, входимъ безцеремонно въ юрту. Гостепріимные монголы тотчасъ же освобождаютъ мѣсто поближе къ очагу. Товарищи быстро снимаютъ промокшую обувь, костюмы и начинаютъ сушиться. Покупаемъ баранины, начинаемъ сами себѣ варить обѣдъ, хозяйка угощаетъ насъ своимъ чаемъ. Что за чай!.. Огромная плоская чугунная чаша наполнена водою, въ эту кипящую воду спускается такъ-называемый зеленый кирпичный чай, затѣмъ грязною поваренкою хозяйка изъ еще болѣе грязнаго сосуда наливаетъ молоко, и все это перемѣшиваетъ, бросается туда же соль, и „чай“ готовъ. Бурое своеобразное питье, называемое чаемъ, имѣетъ свой особый „монгольскій“ вкусъ. но намъ не до вкуса, лишь бы чѣмъ-нибудь согрѣться. У кого-то оказался въ дорожной фляжкѣ коньякъ; какое великое благодѣяніе! Рюмка коньяку согрѣваетъ весь организмъ, а стаканъ горячаго питья и кусочекъ поджаренной на палочкѣ баранины (импровизированный шашлыкъ)—поднимаютъ утомленный скверной дорогою нашъ духъ. Чулки, сапоги и прочія части костюма нѣсколько подсохли, можно и одѣваться. Приѣхали наши телѣги кое съ какимъ багажомъ и пищей. А гдѣ же караванъ? Не дошелъ до Куйтуна. Верблюды остановились, падаютъ и итти дальше не могутъ; поэтому караванъ заночевалъ въ степи; надо послать ему туда дровъ и воды. Но монголамъ не хочется ѣхать; наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ серебро заставляетъ ихъ превозмочь свою лѣнь. Снаряжаемъ двѣ монгольскія фуры и отправляемъ каравану дровъ и воды. Ночь наступаетъ быстро. Гдѣ же будемъ спать? Палатки наши въ караванѣ. Едва уговариваемъ монголовъ уступить для ночлега юрту, которую намъ и отводятъ. Пока идутъ всѣ эти разговоры и хлопоты, одинъ изъ товарищей, наиболѣе другихъ продрогшій и менѣе приспособленный къ такой жизни, завалился спать на хозяйскую постель монгольской семьи, укутавшись всѣмъ грязнымъ тряпьемъ, которое валялось на этой постели. Изъ насъ: кто не замѣтилъ, а кто и не обратилъ на это вниманіе. Но только замѣтили мы черезъ нѣкоторое время, что монголы, бывшіе столь любезными до сихъ поръ, рѣзко измѣнили свое поведеніе. Въ чемъ дѣло? Черезъ нѣсколько минутъ дѣло разъясняется. Оказывается, что по монгольской этикѣ лечь на кровать монгольской семьи чужому мужчине—значитъ нанести этой семьѣ самое большое оскорбленіе. Конечно, мы растолкали нашего товарища, вытащили его съ постели, извинились передъ хозяиномъ юрты, объяснили поступокъ полнымъ незнаніемъ обычаевъ, но однако добиться вновь гостепріимной любезности намъ уже не удалось.

Устроились на ночлегъ въ пустой юртѣ, служившей монголамъ складомъ всего сырья. Но ничего, все-же лучше, чѣмъ ночевать подъ открытымъ небомъ. А когда устроили свои постели, то, завернувшись въ мѣховыя одѣяла, почувствовали себя, послѣ испытаннаго въ этотъ день, какъ въ самой лучшей гостиницѣ, и крѣпко заснули. На завтра только въ полдень прибылъ и нашъ караванъ. Погода исправилась. День былъ ясный. Необходимо было дать отдыхъ верблюдамъ. Раскинули бивакъ на берегу рѣки Куйтунъ и рѣшили здѣсь ночевать.

Три дня, пройденныхъ съ караваномъ, при неудачной погодѣ привели членовъ экспедиціи къ выводу, что при такомъ путешествіи караванъ будетъ очень стѣснять движеніе къ Ургѣ и задержать напрасно на нѣсколько дней, безъ всякой для всѣхъ членовъ пользы. Нѣкоторые стали предлагать отправить караванъ отдѣльно, а членамъ экспедиціи взять самое необходимое на три телѣги и слѣдовать въ Ургу, чтобы такимъ образомъ выиграть нѣсколько дней для работы въ Ургѣ. Такъ и было рѣшено. На утро тронулись въ дальнѣйшій путь, оставивъ при караванѣ І. М. Морозова и А. П. Соболева. Разница при такомъ раздѣленіи получилась небольшая, но нѣкоторыя удобства для путешественниковъ были все-таки приобрѣтены, да и въ Ургу мы успѣли пріѣхать на два дня раньше каравана, что было очень полезно, такъ какъ за эти дни мы успѣли приготовить квартиру и осмотрѣться въ Ургѣ. Потянулись однообразные дни путешествія: утромъ ранній чай, съ легкою закускою, затѣмъ снаряженіе въ путь, походъ до полудня, остановка для обѣда на два часа и вновь въ путь до вечера, часовъ въ 7 вечера остановка на ночлегъ, покупка барана, устройство на ночь, обмѣнъ дневными впечатлѣніями и крѣпкій здоровый сонъ до утра. Вотъ миновали: Монхатой-гору, долины Баинъ-голь, Хараголь, Куй, покрытыя уже почти сплошь пашнями китайскихъ фермъ, прилѣпившихся въ долинахъ возлѣ рѣчекъ. Пашни разработаны хорошо, хотя и не такъ, какъ въ Маньчжуріи или Китаѣ, но собирается съ нихъ довольно много хлѣба и овощей; все продается на пріиски въ долину Иро; а вотъ и послѣдній большой перевалъ передъ самою Ургою. Очень крутой подъемъ на „Талагой“, по прекрасно устроенной извѣстнымъ предпринимателемъ въ Монголіи Гротомъ колесной дорогѣ отнялъ два часа времени, спускъ болѣе легкій; тамъ за этою послѣдней складкой и Урга. Солнце уже закатилось, быстро наступаетъ темнота, а города все нѣтъ, какъ нѣтъ. Подгоняемъ своихъ лошадей, поторапливаемся и поздно-поздно входимъ въ Ургу. Наконецъ, первый пунктъ остановки для нашего путешествія. Десять дней по

Монголіи миновали, и 320 верстъ пути сдѣлано. Говорятъ, что насъ ожидаютъ въ консульствѣ, тамъ все для насъ приготовлено, но насъ это не устраиваетъ; намъ необходимо остановиться въ торговой части города, такъ какъ мы предполагаемъ открыть свою торговлю на нѣсколько дней. Рѣшено, что остановимся въ торговой части Урги, и потому заѣзжаемъ къ Н. Я. Юшину, ургинскому старожилу, купцу. Юшинъ насъ въ этотъ день не ожидалъ, хотя два товарища, выѣхавшіе въ этотъ день съ ночлега впередъ, и были уже у него, но и они не думали, что мы сегодня сдѣлаемъ такой большой переходъ. Едва достучались; спустя много времени открыли намъ ворота, и любезный хозяинъ приглашаетъ въ домъ. Наконецъ-то мы въ настоящемъ русскомъ домѣ; какъ-то странно, даже неловко сѣсть на мягкую мебель въ гостиной; неужели за 10 дней уже отвыкли отъ культурной обстановки! Начались разговоры про послѣдніе дни пути, принесли письма изъ Россіи; кто получилъ, доволенъ и забылъ все окружающее, съ особеннымъ чувствомъ глубокой тоски прочитываетъ наскоро письма изъ дома, отъ жены, дѣтей, родителей, а кто не получилъ писемъ,—еще болѣе чувствуетъ тяжесть оторванности отъ родной стороны. „Пожалуйте чай пить и закусывать, чѣмъ Богъ послалъ“,—приглашаетъ любезный хозяинъ. Трапеза затянулась далеко за полночь, а дождь въ эту ночь такъ и поливалъ ургинскія улицы. И какъ хорошо себя чувствовать въ теплѣ, подъ хорошею крышей, въ семейной обстановкѣ, за прекрасно сервированнымъ столомъ, въ эту непогоду и сознавать, что завтра уже не поѣдемъ, а сегодня намъ не придется мерзнуть въ нашихъ походныхъ постеляхъ и на мокрой землѣ, въ палаткахъ, насквозь промокаемыхъ. Пора и спать. Однако улеглись не раньше трехъ часовъ утра, несмотря на усталость большого перехода.

Утромъ первымъ дѣломъ отыскали квартиру, перетасили свои **Въ Ургѣ.** монатки и отправились всѣмъ составомъ съ визитомъ къ нашему маститому консулу Я. П. Шишмареву. Почтенный представитель русскихъ интересовъ въ Монголіи встрѣтилъ экспедицію, такъ сказать, съ распростертыми объятіями; наговорилъ массу любезностей, самыхъ сердечныхъ пожеланій успѣховъ экспедиціи и высказалъ рядъ своихъ цѣнныхъ наблюдений о положеніи торговли въ настоящее время и надеждъ на будущее. Наблюденія и выводы Я. П. Шишмарева особенно драгоценны, такъ какъ основаны на 40-лѣтнихъ непосредственныхъ наблюденіяхъ надъ нашей торговлей. Поговоривъ съ Я. П. Шишмаревымъ, экспедиція сдѣлала визиты остальнымъ членамъ консульской колоніи и возвратилась въ Ургу.

Теперь надо осмотрѣться, что такое Урга. Урга, это—собственно центральный ламайскій монастырь сѣверной Монголіи, т.-е. всей Халки. Въ этомъ монастырѣ, говорятъ, сосредоточено до 10000 монаховъ-ламъ, сюда стекаются ежедневно тысячи паломниковъ, отсюда распространяются по всей Монголіи ламайская культура и знаніе, здѣсь проживаетъ „Богдо-гыгенъ“. Ламаизмъ—національная религія монголовъ; роль ламаизма въ жизни Монголіи огромная, а потому центръ Халкинскаго ламаизма—Ургу—нужно считать и центромъ Халки. Около этого монастыря, называемаго монголами „Богдо-курень“, сосредоточились прежде всего торговцы, какъ русскіе, такъ и китайскіе; число послѣднихъ съ каждымъ годомъ увеличивалось; сначала эти торговцы обслуживали, такъ сказать, только монастырь, а затѣмъ стали распространять торговое вліяніе и на кочевья; создались операціи распредѣлительныя, а затѣмъ и оптовыя. Богдо-курень населился не только ламами, но и китайскими и русскими торговцами, а вокругъ послѣднихъ появились ремесленники, мелкіе торговцы, агенты, маклеры и т. д. Выросъ большой городъ, расположенный на правомъ высокомъ берегу рѣки Толы; собственно „курень“ состоитъ изъ монастырскихъ построекъ, нѣсколькихъ улицъ китайскихъ магазиновъ и складовъ, затѣмъ нѣсколькихъ дворовъ русскихъ купцовъ и просто домохозяевъ, двухъ большихъ рыночныхъ площадей и, ближе къ рѣкѣ, нѣсколькихъ усадебъ монгольскихъ князей, временами пріѣзжающихъ сюда для поклоненія Богдо-гыгену. Долина рѣки Толы съ лѣвой стороны ограничена очень высокимъ хребтомъ, покрытымъ густымъ дѣвственнымъ лѣсомъ; называется этотъ хребетъ Богдо-ула (т.-е. гора Бога). Лѣсъ и все, что растетъ на этомъ хребтѣ, посвящено Богдо-гыгену и потому неприкосновенно. У подошвы горы, на лѣвомъ берегу Толы, раскинулись дворцы Богдо-гыгена: двухъ-этажный каменный домъ, окруженный садами и охраняемый ламами, и нѣсколько одноэтажныхъ деревянныхъ усадебъ, резиденцій Богдо-гыгена въ разное время года. Нѣсколько выше по р. Толѣ, почти примыкая къ куреню, на правомъ же берегу, расположены китайскія официальные учрежденія—„ямынь“ (губернское управленіе), казармы, домъ амбана (губернаторъ), тюрьма и т. д.

Вотъ это—первая часть города Урги, самая населенная и самая важная. Помимо жизненной важности этой части города, она отличается еще особой исключительной для населеннаго пункта грязью. Улицы, можно сказать, непроходимы не только отъ грязи естественно почвенной, но и отъ грязи свалочной, такъ какъ всякіе отбросы и отправленія всякаго рода естественныхъ нуждъ совершаются прямо на улицѣ; бли-

Дворецъ Богдогыена въ Ургъ.

Кумирня Майдаръ.

жайшія же окрестности города прямо обращены въ свалочное мѣсто, охватывающее кольцомъ городъ. При страшной нечистоплотности монголовъ, да и китайцевъ, эта особенность города съ каждымъ годомъ усиливается, вмѣстѣ съ ростомъ населенія. Единственными благодѣтелями населенія являются собаки. Стаи голодныхъ никому не принадлежащихъ огромныхъ собакъ окружаютъ огромный городъ со всѣхъ сторонъ, и питаются онѣ только отбросами. Днемъ пройти за городъ еще безопасно, ибо днемъ собаки ведутъ себя болѣе или менѣе скромно, но съ наступленіемъ темноты „ургинскіе санитары“ дѣлаются звѣроподобными, и опоздавшій путникъ, при желаніи попасть въ городъ, рискуетъ быть съѣденнымъ голодными собаками. Товарищамъ по экспедиціи неоднократно приходилось прибѣгать въ такихъ случаяхъ къ оружію; не вооруженные револьверами мы по вечерамъ не выходили.

Верстахъ въ трехъ, выше по долинѣ Толы, на высокомъ плато находится русское консульство, состоящее изъ большого двухъ-этажнаго каменнаго дома консула съ храмомъ и цѣлаго ряда построекъ для служащихъ консульства и нѣскольکو частныхъ домовъ, среди которыхъ особенно выдаются усадьбы, принадлежавшія прежде Бодмаевымъ, и роскошныя, но пустыя постройки русско-китайскаго банка. Мѣсто, отведенное подъ консульство, огромное, прекрасное, отдѣлено рвомъ, но, къ сожалѣнію, не застраивается. За 40 лѣтъ существованія русскаго консульства, при поразительно благопріятной обстановкѣ, сдѣлано нами такъ мало, что нужно поражаться нашей бездѣятельности и тому запустѣнію, которое производитъ на свѣжаго человѣка русское консульство. Постоянныхъ русскихъ жителей въ Ургѣ насчитываютъ 600 человѣкъ; такая большая русская колонія рѣшительно ничѣмъ себя не заявила. Разбросанная, разрозненная, конкурирующая въ грошевыхъ расчетахъ между собою, неимѣющая общественныхъ идеаловъ и задачъ, влачить русская колонія жалкое существованіе, не создавъ за многолѣтнее свое существованіе не только господствующаго, вліятельнаго положенія, но даже сколько-нибудь замѣтнаго, отличительнаго характера. Взгляните на единственный разсадникъ просвѣщенія: Ургинскую переводческую школу. Старыя развалившіяся постройки похожи не то на большую, негодную къ жизни, кухню, не то на какой-то сарай. Въ большой двенадесятый русскій праздникъ Св. Троицы въ храмѣ, единственномъ, заброшенномъ отъ родины на сотни верстъ среди монгольскихъ степей, въ центрѣ ламаизма,—совершается богослуженіе, и ни одного молящагося изъ 600 русскихъ жителей. Вѣроятно, не хватило

времени посѣтить храмъ даже въ такой великій день.. Все грошевые расчеты.

Еще выше по долинь р. Толы, верстахъ въ 4 отъ консульства, раскинулся, тѣсно и по-китайски благоустроено, китайскій городокъ: ургинскій маймачень. Прямые улицы, нѣкоторыя даже благоустроенныя, обширные дворы, съ хорошими фанзами, и огромные склады, большой роскошно обставленный храмъ, общественное собраніе, нѣчто въ родѣ биржи, торговый банкъ, телеграфъ; городъ управляется выборными старшинами. Этотъ городокъ собственно слѣдуетъ признать центромъ монгольской торговли, такъ какъ въ немъ главнымъ образомъ сосредоточены крупные оптовые склады богатѣйшихъ фирмъ, раскинувшихъ свои дѣла во всѣхъ уголкахъ обширной Монголіи; эти склады имѣютъ прямые сношенія съ Китаемъ, отпуская отъ себя товары во второстепенные склады разныхъ городовъ, хошуновъ и монастырей Монголіи. Есть фирмы, обороты которыхъ достигаютъ до 2-хъ милліоновъ рублей въ годъ. Недавно еще открывшійся банкъ сильно развиваетъ свои операціи, поддерживая, главнымъ образомъ, китайцевъ.

Итакъ, Урга состоитъ изъ трехъ частей: „Курень“, „Консульство“ и „Маймачень“.

Къ характеристикѣ дѣятельности въ Ургѣ русскихъ и китайцевъ не лишне, можетъ-быть, будетъ рассказать, какъ насъ встрѣтила Урга.

Торговая экспедиція, снаряженная крупнѣйшими русскими промышленно-торговыми фирмами, конечно, должна была бы сильно импортировать. Что же мы увидѣли въ Ургѣ? Наше правительство хотѣло непременно придать больше блеску экспедиціи, и потому заранѣе объ этомъ было предупреждено консульство; консула просили устроить блестящую встрѣчу, даже выслать навстрѣчу почетный конвой отъ сотни казаковъ, стоящей безъ всякаго дѣла въ Ургѣ. Какъ уже выше было сказано, экспедиція скромно, ночью, въѣхала въ Ургу, едва добилась возможности укрыться отъ непогоды подъ крышу на ночлегъ. Русская торговая колонія знала, что идетъ московская экспедиція, но не только ничего не предприняла, чтобы сдѣлать изъ появленія экспедиціи національное дѣло, „русскій праздникъ“, но спряталась и почти враждебно встрѣтила московскихъ посланныхъ. Консуль побоялся уронить свое превосходительное достоинство личной встрѣчей экспедиціи, начальникъ конвоя нашель какой-то предлогъ выѣхать совсѣмъ изъ Урги. Не встрѣтивши русскую крупную спеціально торгово-промышленную экспедицію, пришедшую на помощь русскому дѣлу въ Монголіи, русская колонія и дальше держала себя далеко отъ экспедиціи. Товарищи,

члены экспедиціи, сами пошли съ визитами къ коммерсантамъ Урги, посѣтили ихъ магазины; конечно въ разныхъ мѣстахъ ихъ встрѣчали различно, нѣкоторые приглашали къ себѣ отдѣльныхъ членовъ домой. Но общаго національнаго дѣла не было. Нужно же было хотя бы разъ собраться вмѣстѣ и обсудить, въ какой поддержкѣ нуждается наше русское дѣло въ Монголіи, какими путями Россіи развивать свое дѣло въ Монголіи, чѣмъ можетъ помочь экспедиція. И вотъ при содѣйствіи консула и, такъ сказать, мѣстныхъ властей (старшины), по повѣсткѣ, въ квартиру экспедиціи едва собрались нѣсколько коммерсантовъ. Говорили долго и много, но все больше жалобы на правительство, на консульство, на промышленность. Широкихъ взглядовъ, обобщительныхъ выводовъ—исторіи и сущности торговли не услышала экспедиція.

Китайскіе коммерсанты, при первомъ намекѣ на желаніе поговорить сообща, устроили это дѣло блестяще. Они пригласили экспедицію къ себѣ въ Маймаченъ, гдѣ въ общественномъ собраніи устроили торжественную, блестящую встрѣчу; въ парадныхъ костюмахъ старшины купечества и виднѣйшіе представители крупныхъ фирмъ всѣ были вмѣстѣ, всѣ радушно встрѣчали московскую экспедицію, во время гостепріимнаго завтрака начался оживленный весьма интересный обмѣнъ мнѣній по торговымъ вопросамъ. Китайскіе коммерсанты отлично знаютъ Москву и ея производительность, они понимаютъ и значеніе экспедиціи. Поскольку возможно въ коммерческомъ дѣлѣ, съ достаточною откровенностью объясняли намъ китайскіе коммерсанты сущность экономическаго положенія Монголіи, характеръ и условія торговли въ Монголіи, операціи банковъ, китайскихъ фирмъ, причины пониженія или увеличенія оборотовъ, повышенія цѣнъ на товары, условія обмѣна товарами между Китаемъ и Россіей, причины, дурно вліяющія на этотъ обмѣнъ, и т. д. Словомъ, обмѣнъ мнѣній живой, интересный, достаточно свободный и откровенный.

Наши члены экспедиціи, представители фирмъ, съ живымъ интересомъ слушали, записывали и спрашивали. Послѣ завтрака намъ показали храмъ, затѣмъ просили посѣщать склады, магазины, гдѣ намъ покажутъ все, что насъ можетъ интересовать. На слѣдующій день китайскіе купеческіе старшины были у насъ съ отвѣтнымъ визитомъ, осматривали товары, образцы, и продолжался интересный обмѣнъ мнѣній.

На третій день послѣ прибытія нашего въ Ургу пришелъ и нашъ караванъ товаровъ. Закипѣла работа... Нужно было устроить выставку товаровъ и открыть свою торговлю. Почти въ одинъ день все было устроено.

14 іюня предполагали открыть нашу торговлю, но въ 9 часовъ утра пріѣхали два монгольскихъ князя съ большою свитою: князь Хань-да-Цинь-Вань и князь Намсарай-гунь. Оказалось, что оба князя очень вліятельные въ Монголіи по величинѣ и богатству своихъ хошунъ и близкіе князя Богдо-гыгена. Посѣщеніе ими нашей торговли-выставки поэтому являлось чрезвычайно важнымъ въ глазахъ монгольскаго населенія и особенно въ глазахъ ургинскаго населенія. Князьямъ были показаны товары, образцы и было предложено угощеніе. Умный, живой, развитой князь Хань-да-Цинь-Вань произвелъ очень хорошее впечатлѣніе; по окончаніи визита князь предложилъ намъ въ 2 часа пожаловать во дворець Богдо-гыгена съ товарами. Это было предложеніе очень интересное и важное. Еще наканунѣ мы обращались къ нашему консулу за содѣйствіемъ устроить намъ возможность побывать у Богдо-гыгена и показать ему наши товары. Но консулъ опредѣленнаго обѣщанія намъ не далъ, говоря, что это устроить очень трудно и что даже князю Ухтомскому не удалось побывать у Богдо-гыгена. Пришлось обойтись безъ помощи консула, и вечеромъ при содѣйствіи одного монгольскаго крупнаго дѣятеля все дѣло устроилось просто и быстро. Въ 2 часа дня мы всѣмъ составомъ экспедиціи, съ двумя возами товаровъ, были уже у Богдо-гыгена.

Богдо-гыгенъ принялъ насъ во дворѣ своей резиденціи. Сначала онъ къ намъ не вышелъ, а выходила только его жена и князь Хань-да-Цинь-Вань; черезъ нихъ мы передавали наши товары. Богдо-гыгенъ осматривалъ всѣ товары и, что ему нравилось, выбиралъ, рядился въ цѣнѣ; наконецъ, самъ началъ насъ угощать музыкой на грамофонѣ, ставя пластинки русскихъ народныхъ пѣсенъ и спрашивая насъ, нравится ли это намъ. Характеръ пріема былъ такой, какой онъ дѣлалъ всѣмъ купцамъ какъ русскимъ, такъ и китайскимъ, т.-е. на дворѣ. Сначала это насъ нѣсколько шокировало, но потомъ непріятное впечатлѣніе сгладилось особою любезностью Богдо-гыгена, который потомъ вышелъ къ намъ изъ своей комнаты и даже спустился во дворъ, благословивъ нашихъ бурятъ-казаковъ и проводниковъ-ламаитовъ, угостивъ насъ русскою музыкою, отобравъ достаточно много товара и сдѣлавъ заказъ въ Москву. Изъ всей этой встрѣчи получилось впечатлѣніе, что Богдо-гыгенъ по этикету, не предупрежденный заранее, на своей лѣтней дачѣ не могъ принять насъ иначе, но любезность оказалъ исключительную. Среди насъ былъ волонтеръ экспедиціи молодой русскій композиторъ Б. Б. Красинъ. Онъ предложилъ мысль: спросить, нѣтъ ли у Богдо-гыгена піанино; онъ бы ему что-нибудь сымпровизи-

роваль изъ монгольскихъ пѣсенъ, такъ какъ пріѣхалъ въ Монголію собирать мотивы. Піанино не оказалось, но нашлась фисгармонія. Немедленно ее намъ вытащили на дворъ. Б. Б. Красинъ, несмотря на то, что фисгармонія была попорчена, сѣлъ за инструментъ и взялъ нѣсколько аккордовъ, спросивъ насъ, что сыграть. Кто-то предложилъ: русскій гимнъ. Раздались торжественные мощные звуки нашего, родного сердцу русскому, народнаго гимна „Боже Царя храни“ и понеслись среди монгольской степи. Мы всѣ встали, сняли шляпы и торжественно окружили виртуоза. Богдо-гыгенъ съ женою, князьями и всею свитою вышли изъ своей комнаты, и когда ему объяснили, что играется, тоже сняли свои головные уборы и торжественно молчаливо прослушали гимнъ Цаганъ-Хану (Бѣлому Царю) во дворцѣ національнаго главы монголовъ Богдо-гыгена. По окончаніи гимна экспедиція прокричала „ура“, и гимнъ былъ повторенъ еще два раза: одинъ разъ—по желанію Богдо-гыгена. Получилась совершенно неожиданная, импровизированная какъ бы политическая демонстрація. Послѣ гимна Б. Б. Красинъ сыгралъ „Славу“ Богдо-гыгену и получилъ искреннюю признательность его; мы и „Славу“ прослушали, стоя съ открытыми головами. Затѣмъ было сыграно нѣсколько монгольскихъ пѣсенокъ, тутъ же съимпровизированныхъ композиторомъ, чѣмъ былъ приведенъ въ изумленіе и восторгъ Богдо-гыгенъ и его окружающіе; особенно шумно выражала свой восторгъ жена Богдо-гыгена. Послѣ этого импровизированнаго концерта, даннаго нами въ отвѣтъ Богдо-гыгену за его угощеніе насъ русскими пѣснями на грамофонѣ, самимъ имъ выбранными и поставленными, Богдо-гыгенъ презентовалъ намъ свой личный портретъ и просилъ насъ заказать въ Москвѣ напечатать его портреты. Любезность эту мы рѣшили тутъ же сдѣлать; Г. И. Колчевскій взялся все это устроить. Послѣ небольшого совѣщанія мы рѣшили всѣ отобранные Богдо-гыгеномъ товары подарить ему отъ „Москвы“, что тутъ же и привели въ исполненіе. Тогда Богдо-гыгенъ, чтобы, очевидно, не остаться въ долгу, сдѣлалъ заказъ разныхъ товаровъ изъ Москвы и тутъ же уплатилъ впередъ тысячу съ лишнимъ рублей денегъ за сдѣланный заказъ. Визитъ нашъ затянулся очень долго, только къ семи часамъ вечера мы вернулись домой. Кстати упомянуть, что во время нашего визита мы имѣли случай лично наблюдать, какъ наши ургинскіе коммерсанты умѣло и безцеремонно эксплуатируютъ Богдо-гыгена, продавая ему всякій хламъ за цѣну, превышающую въ десять разъ ихъ стоимость. Такъ что черезъ день-два къ намъ пріѣзжали отъ Богдо-гыгена его придворные, прося еще принять нѣсколько заказовъ, и

говорили, что Богдо-гыгенъ сказалъ: „Это—настоящіе русскіе купцы, а не эксплуататоры; у такихъ можно покупать“. Но мы пріѣхали не торговать, а изучать, въ противномъ случаѣ такой обстановкой можно бы сразу воспользоваться и составить сразу прочное положеніе торговому предпріятію не только въ Ургѣ, у монастырскаго населенія, но думается, что, при покровительствѣ Богдо-гыгена, ламъ и князей,—и во всей Монголіи. Конечно, нужно только ставить дѣло коммерчески, а не хищнически.

Въ слѣдующій день рано утромъ открыли мы свою торговлю. Весь день торговля шла очень ходко, народу перебивало много: китайцы, монголы и русскіе толпились цѣлыми днями. Для насъ было важно лично наблюдать, въ какой мѣрѣ, какой товаръ, по какой цѣнѣ можетъ итти; первые дни торговали нѣкоторые изъ членовъ экспедиціи сами, а затѣмъ торговлю велъ главнымъ образомъ Ар. П. Соболевъ и казаки; наблюденія получались интересныя.

15 іюня были съ официальнымъ визитомъ у китайскаго амбана (губернаторъ), извѣстнаго Сандо. Молодой, образованный и энергичный китайскій губернаторъ сталъ въ натянутыя отношенія къ Богдо-гыгену, какъ сторонникъ полной аннексіи Монголіи и превращенія ея въ китайскія провинціи. Встрѣтилъ онъ насъ любезно и довольно торжественно, велъ очень оживленный обмѣнъ мнѣній, высказывалъ нѣкоторые взгляды на положеніе Монголіи, на торговлю, на значеніе Ургино-Кяхтинской желѣзной дороги, разспрашивалъ насъ.

Остальные дни въ Ургѣ экспедиція провела, изучая въ деталяхъ торговлю, раздѣляясь группами и посѣщая лавки, рынки, склады, или принимая у себя китайцевъ, монголовъ, князей; даже пріѣзжали къ намъ многія монгольскія дамы-княгини, кое-что покупали, смотрѣли.

По вечерамъ экспедиція собиралась и обмѣнивалась впечатлѣніями по программѣ экспедиціи.

Наконецъ, пора было двигаться и дальше.

25 іюня снарядились въ далекій путь черезъ Гоби въ Калганъ С. А. Вильгузъ и А. П. Лельковъ. Спасибо большому начальнику ургинской почтово-телеграфной конторы г. Бордаковскому за его любезное содѣйствіе къ отправленію этого отдѣленія экспедиціи. Онъ устроилъ все для этого путешествія, уступивъ и фудутунку, въ которой должны были нѣсколько недѣль прожить наши товарищи въ тяжеломъ пути черезъ Гоби, въ самое жаркое время, въ іюлѣ. — Жилище не важное: двое въ этомъ экипажѣ могли размѣститься только бокомъ и съ согнутыми ногами. Пожелали счастливаго и удачнаго путешествія нашимъ товарищамъ, и стали собираться и мы въ путь.

26-го выступилъ отрядъ экспедиціи по направленію на Заинь-Шаби съ В. Л. Поповымъ во главѣ; а потомъ уже вышелъ и отрядъ во главѣ съ І. М. Морозовымъ,—на Селенгу.

Партія, направляющаяся по этому пути, была довольно многочисленная: пять членовъ экспедиціи и 9 казаковъ. Опытъ путешествія верхомъ, въ сопровожденіи большого каравана, съ медленнымъ движеніемъ, въ жару, непогоду, со всѣми присущими этому способу путешествій неудобствами былъ достаточно испытанъ членами экспедиціи: теперь уже они—не новички въ путешествіи. Учиться путешествовать больше не стоило. Дальнѣйшее движеніе необходимо посвятить на глубокое изученіе кочевой жизни монгола, его обстановки и торговаго дѣла въ кочевьяхъ. Жара наступала въ Монголіи невыносимая. Іюль мѣсяцъ въ степяхъ Монголіи самый жаркій. Караваны верблюдовъ и быковъ въ это время днемъ не ходятъ, а выступаютъ съ биваковъ съ наступленіемъ сумерокъ и идутъ всю ночь до утра, а день отдыхаютъ. Членамъ экспедиціи итти при такихъ условіяхъ съ караваномъ было бесполезно: ночью ничего и никого не увидишь и ничего не узнаешь. Приходилось комбинировать путешествіе особымъ образомъ. Рѣшено было, что караванъ будетъ итти ночью, а мы будемъ ѣхать днемъ, догоняя другъ друга на ночлегахъ. Дорога, избранная нами, называется главнымъ караваннымъ путемъ между Ургою и Улясутаемъ, вполне удобная для движенія въ экипажѣ. При такихъ условіяхъ не было нужды членамъ экспедиціи ѣхать весь путь верхами. Рѣшено было снарядиться въ два эшелона: первый — четыре телѣги, въ которыхъ ѣхали члены экспедиціи, имѣя при себѣ самый необходимый въ пути багажъ, палатки и небольшой запасъ продовольствія; второй эшелонъ— 20 верблюдовъ съ Ар. П. Соболевымъ и казаками—двигался по ночамъ отдѣльно.

Въ 5 часовъ дня 26 іюня тронулись по долиинѣ р. Толы на западъ. Знойный день еще не склонялся къ закату, солнце пекло адски; всѣ члены экспедиціи ѣдутъ рядомъ съ караваномъ. Вышли за городъ. „Стой! Ну, до добраго свиданія, товарищи. Дай Богъ всякаго благополучія, черезъ мѣсяцъ увидимся въ Улясутаѣ“. Посыпались привѣтствія другъ другу раздѣлявшейся на партіи экспедиціи. Одинъ изъ товарищей уѣзжалъ изъ Урги обратно въ Россію, въ Москву. Съ Богомъ впередъ! Унылая, однообразная пустынная природа монгольской степи, сжигаемой знойнымъ іюньскимъ солнцемъ, потянулась передъ путешественниками; кое-гдѣ виднѣются одинокія юрты, прилѣпившіяся къ рѣчкѣ, да развѣ вольные табуны степняковъ лошадей разнообразятъ

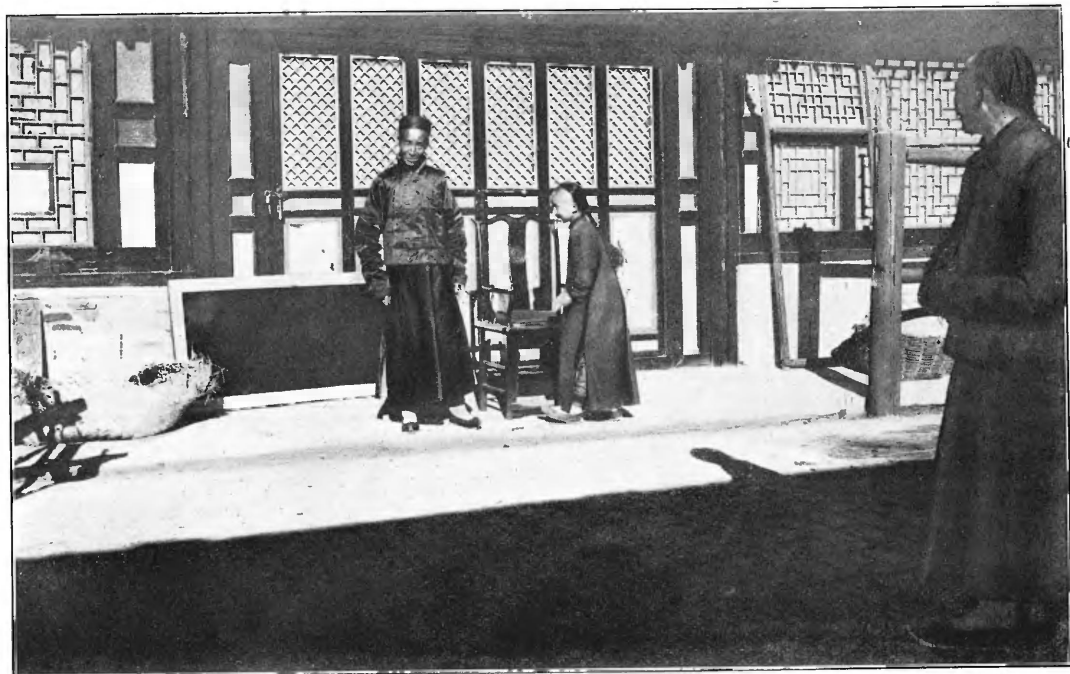
Отъ Урги
черезъ
Заинь-
Шаби въ
Улясутай.

ландшафтъ. Солнце скрывается за горами; впереди виднѣется какой-то европейскій домикъ, окруженный группою юртъ. Это—дача нашего русскаго консула Я. П. Шишмарева, кругомъ его придворный штатъ: бурятъ переводчикъ, женатый на монголкѣ, живущій въ юртѣ по-монгольски, занимающійся и службою, и хозяйствомъ и коммерціей, и нѣсколько человѣкъ прислуги. Консуль еще не выѣхалъ на дачу; она заколочена; поэтому мы невдалекѣ останавливаемся на ночлегъ. Раскинуты палатки, куплень и „освѣжеванъ“ *) баранъ, готовится ужинъ, устраиваются постели. На этотъ разъ мы рѣшили не брать съ собой походныхъ кроватей. Въ отличной палаткѣ „Кепке“ разстилается на землю брезентъ, сверхъ брезента кошма, затѣмъ мѣховыя одѣяла, на нихъ походныя „пуховики“—кошмы, простыни, одѣяла, подушки,—и роскошныя, мягкія, удобныя постели готовы. Ложимся всѣ рядомъ, вплотную другъ къ другу; очередь спать на краю палатки досталась Х. Я. Зеллису, корректному, уступчивому, деликатному и опытному путешественнику. Не стоило спорить; онъ сумѣлъ приспособиться, хотя бывали ему и непріятныя минуты, особенно въ непогоду. Поздно ночью подошелъ и нашъ караванъ. Рано утромъ, въ 4 часа, подъемъ членовъ, чаепитіе съ легкимъ завтракомъ, скорые сборы и въ 6 часовъ въ путь. Караванъ верблюдовъ остался отдохнуть тутъ цѣлый день, пока не спадетъ жара и въ ночь насъ догонитъ. Поднимаемся въ горы, спускаемся въ долины и вновь поднимаемся; кругомъ однообразныя, безлѣсныя, солнцемъ сожженныя степныя картины; на многія версты, на цѣлые переходы тянется безводная степь. Самые переходы комбинируются отъ воды до воды. Временами разстояніе отъ источника до источника 40—50 верстъ. Пройти такой переходъ безъ дневного отдыха и корма лошадей невозможно: приходится брать съ собою въ багажѣ воды, и когда наступитъ самое жаркое время дня, часовъ 11—12 дня,—останавливаемся и варимъ обѣдъ изъ привезенной съ собою воды, а бѣдныя лошади иногда остаются весь день безъ воды.

Вечерами устраивались привалы по преимуществу у источниковъ; обыкновенно здѣсь мы находили и кочевниковъ съ ихъ стадами.

Солнце уже скрылось за степными холмами, становится холодно, пора переодѣваться изъ лѣтняго костюма въ весенній, кое-кто надѣваетъ даже мѣховую тужурку, боясь разбудить свои ревматизмы; а степь все пустынная и безмолвная; но вотъ виднѣется табунъ лоша-

*) Освѣжевать барана—значитъ зарѣзать, снять шкуру и пр.

Дворъ китайской торговой фирмы.

Главная базарная площадь въ Ургѣ. Налѣво часть майхона (палатки) въ монгольскомъ вкусѣ.

дей,—значить, гдѣ-то близко вода; а вотъ и стадо рогатаго скота; еще, значить, ближе подъѣзжаемъ къ кочевьямъ. Наконецъ раздается усиленный лай собакъ, блеяніе стада овецъ, загнанныхъ около группы юртъ въ „загоны“. Значить, здѣсь и ночлегъ. „Лубсунъ Доржи, скачи впередъ, выбирай мѣсто для ночлега“. Лихой нашъ проводникъ Лубсунъ карьеромъ несется впередъ и къ нашему прибытію стоитъ ужъ на выбранномъ мѣстѣ, получивъ всѣ необходимыя свѣдѣнія для нашего ночлега: т.-е. гдѣ—вода, есть ли молоко, баранъ, дрова, хорошій кормъ лошадямъ и пастухъ для лошадей на ночь.

Незамѣнимый этотъ Лубсунъ Доржи человѣкъ для экспедиціи, поэтому справедливость требуетъ посвятить ему нѣсколько строкъ нашего очерка.

Въ Ургѣ былъ найденъ бывалый, говорящій по-русски и совершенно свободный проводникъ до Улясутая. Все было съ нимъ кончено. Но вдругъ онъ исчезъ изъ Урги, куда—неизвѣстно. Позже мы узнали, что богобоязненный монголъ пошелъ посоветоваться съ какимъ-то ламою, а послѣдній предсказалъ ему несчастіе ѣхать съ нами... и мы остались безъ проводника. Поиски другого не увѣнчались успѣхомъ. Пришлось обратиться за содѣйствіемъ къ любезному князю Ханъ-да-Цинъ-Вану. Любезности князя не было предѣловъ; онъ намъ назначилъ своего личного адъютанта, молодого монгола изъ его хошуна Лубсунъ Доржи. Лубсунъ средняго роста, безъ усовъ и бороды, фигура стройная, изящная, глаза смѣлые, умные, манеры выдержанныя, бойкія, но не суетливыя, костюмъ отличный: чистый, опрятный халатъ, красивая шляпа съ бѣлымъ шарикомъ и перомъ, наружное отличіе монгольскаго младшаго чиновника, исполняющаго обязанности чиновника для порученій (перо), и новые монгольскіе сапоги. Верховомъ на конѣ Лубсунъ прямо прелесть: сидитъ какъ прикованный, слитый съ лошадью. Лубсунъ только-что вернулся въ Ургу, проскакавъ 360 верстъ изъ своего хошуна, сопровождая супругу князя изъ ставки князя въ Ургу; и вотъ опять верхомъ на конѣ скакать тысячу верстъ, сопровождая русскихъ купцовъ съ ихъ нойономъ, и тысячу верстъ обратно. Привѣтъ тебѣ, нашъ милый Петръ Ивановичъ Лубсунъ-Доржіевъ!—такъ окрестили мы нашего славнаго расторопнаго, заботливаго проводника и охранителя. Привѣтъ сердечный тебѣ изъ далекой Россіи, да не помянешь ты насъ зломъ. Спасибо и вамъ, князь Ханъ-да-Цинъ-Ванъ, за такую неоцѣнимую, любезную помощь. Лубсунъ скоро освоился съ нами, цѣлые дни ѣхалъ рядомъ съ нашими телѣжками верхомъ на конѣ, рассказывалъ намъ о своей жизни, о жизни князя, о жизни хо-

шуна, Богдо-гыгена и т. д., слушалъ наши рассказы о Россіи, Москвѣ и другихъ большихъ городахъ, о природѣ и жизни русскихъ, нерѣдко горячо отстаивалъ свои убѣжденія и взгляды на окружающій міръ,— взгляды, набитые въ его голову хитрыми и ловкими ламами, сознательно держащими монгольскій народъ въ области фантастическихъ рассказовъ о всемогуществѣ ламъ, и прочее. Учился говорить по-русски и смѣшно выговаривалъ „здравствуй“, „Викторъ Лукичъ“, „Константинъ Петровичъ“, „радъ стараться“ и т. д. Бывало, отъ нечего дѣлать надѣнетъ на себя костюмъ своего большого пріятеля, казака Бобыкина, и довольный-предовольный, ѣдетъ въ этомъ костюмѣ, гордо посматривая на встрѣчныхъ монголовъ, а Бобыкинъ надѣнетъ его „малахай“, чиновничью шапку и халатъ, и поютъ они дружно и весело монгольскія пѣсни или бесконечно болтаютъ по-монгольски. Оказывая должное почтеніе, какъ хорошо вышколенный адъютантъ знаменитаго князя, начальнику экспедиціи, особенную же симпатію Лубсунъ чувствовалъ къ Х. Я. Зеллису, какъ свободно говорящему по-монгольски, объяснявшему Лубсуну много интереснаго и новаго, а иногда распѣвавшему вмѣстѣ съ нимъ монгольскія пѣсни. Радости его не было предѣловъ, когда мы позволили ему ѣхать съ ружьемъ за плечами и охотиться по пути. Казаки учили его приемамъ стрѣльбы и нерѣдко вмѣстѣ отправлялись съ нимъ на охоту.

Три перехода сдѣланы. Вдали обрисовываются синія ленты, окаймленные тополями. Это—та же рѣка Тола, на которой стоитъ и Урга, но уже крупная, принявшая въ себя много притоковъ на своемъ стоверстномъ пути. Подъѣхали къ рѣкѣ; стой! Въ бродъ перейти невозможно; послѣ ряда дождей, рѣка поднялась и несетъ много воды, сурово преграждая дальнѣйшій путь путешественнику. На берегу скопилось до сотни возовъ груза; это—караванъ китайскихъ купцовъ изъ Урги въ Улясутай. Возы составлены въ ряды, вокругъ раскинуты „майхены“ (палатки) рабочихъ, возчиковъ и китайскихъ приказчиковъ, недалеко пасутся сотни быковъ, только-что отпряженныхъ изъ возовъ. На водѣ стоитъ два оригинальныхъ судна: четыре бревна, одинъ отъ другого на $\frac{1}{2}$ аршина, параллельно связаны перекладинами; это—„ботъ“ для переправы. Но чѣмъ же онъ управляется и какъ на немъ переправляться? Все оказывается просто, удобно и дешево. Поперекъ плота набрасывается нѣсколько досокъ, на которыя садятся пассажиры или кладется грузъ. Монголь атлетическаго сложенія снимаетъ съ себя весь костюмъ и, совершенно голый, беретъ въ руки большой шестъ и становится на ноги на концѣ плота. Могучіе мускулы отталкиваютъ

плоть отъ берега, и атлетъ-монголь, мѣрно опуская въ воду шесть, даетъ плотику, нагруженному нѣсколькими людьми или десятками пудовъ груза, любое направленіе, поворачивая плотъ съ эластичностью хорошей паровой машины. Не успѣли оглянуться, какъ уже мы пристали къ противоположному берегу. Но плотъ не подходитъ къ самому берегу, и нашъ перевозчикъ соскакиваетъ въ воду и схватываетъ ближайшаго изъ членовъ экспедиціи къ себѣ на спину и какъ легкое перышко переноситъ на берегъ. Переправа началась; кто не захотѣлъ пользоваться услугами могучаго перевозчика, соскочилъ прямо въ воду и выбрелъ на берегъ, изрядно промочивъ ноги. Черезъ два часа наши повозки, грузы и люди были уже на лѣвомъ берегу Толы, раскинули палатки и грѣлись чайкомъ и коньякомъ, закусывая кое-чѣмъ. Въ ожиданіи прихода каравана мы остановились бивакомъ и были свидѣтелями оригинальной сцены. Монголь-первозчикъ что-то поссорился съ китайцами, произошла грубая сцена: китаецъ ударилъ монгола; гордый, свободный монголь, сравнительно богатый хозяинъ и физически могучій атлетъ, не стерпѣлъ обиды и рѣшилъ убить китайца,—схватилъ дубину и пошелъ къ табору китайцевъ. Трусы спрятались, а монголы окружили обиженнаго и, зная, что за расправу съ китайцемъ монголь будетъ казненъ, удерживали его, навалившись на него нѣсколько человекъ, которыхъ онъ время-отъ-времени отбрасывалъ отъ себя, ровно щепки. Едва-едва удалось уговорить расходившагося свободаго, гордаго степняка.

На завтра снова въ путь; опять холмистая, безлѣсная, безводная степь, опять палящее солнце и длинные утомительные переходы отъ воды до воды и вполнѣ заслуженный отдыхъ на ночлегѣ среди ясной, тихой, но холодной ночи монгольскихъ степей. Пришлось пересѣчь самое тяжелое мѣсто, по отсутствію воды, южной части степи; только соленыя озера, да ничтожные родники-ключи или небольшіе колодцы даютъ возможность утолить жажду лошадей и людей и сварить себѣ незатѣйливый обѣдъ; 6 переходовъ такого пути, и мы подошли къ большому, верстъ 10 длиною, прѣсному озеру Угей-норъ и здѣсь заночевали. Какая масса дичи на этомъ озерѣ, еще болѣе, говорятъ, въ немъ рыбы, но намъ—ни до того, ни до другого. Хотя неутомимый нашъ охотникъ Гр. Ил. Колчевскій немедленно отправился на охоту, но безъ собаки трудно убить чуткую птицу, легко и быстро отплывающую на средину озера, внѣ дальности выстрѣла. Намъ на охоту какъ-будто все время не везетъ. Во время длинныхъ дневныхъ переходовъ мы многократно встрѣчали цѣлыя стада дзереновъ (серна мон-

гольскихъ степей), бывали случаи—встрѣчали дзереновъ внезапно, совсѣмъ близко, и открывалась горячая перестрѣлка изъ винтовокъ и винчестеровъ, но серны прелюбополучно уходили отъ насъ и скрывались за нѣсколько верстъ въ холмистыхъ степяхъ. Нѣсколько болѣе удачная и, пожалуй, интересная охота была на „дрофъ“ (степная курица). Красивая, очень большая птица иногда встрѣчалась цѣлыми стаями, штукъ по 20; гуляетъ въ травѣ, гордо поднявъ голову, и сторожко поглядываетъ по сторонамъ. Въ экипажѣ подѣхать можно и близко; но какъ остановился экипажъ, началось движеніе людей, съ неминуемымъ доставаніемъ ружей, уложенныхъ далеко и въ чехлахъ, дрофы уже почуяли врага и быстро-быстро уходятъ все дальше и дальше отъ дороги. Начинается преслѣдованіе, всѣ ухищренія охотника хитрая птица отгадываетъ и уходитъ или даже улетаетъ все дальше и дальше. Только мѣткая пуля казачьей винтовки иногда догоняетъ хитрую добычу, и мы, довольные, на привалѣ разнообразимъ нашъ столъ, правда, не вкусной, но все-таки свѣжей дичью.

Проѣхали озеро Угей-нуръ; здѣсь около него имѣются русскіе торговцы. Вотъ двѣ юрты Бійской фирмы Ирена, тамъ три юрты купца Милованова, по ту сторону озера виднѣются палатки китайцевъ-приказчиковъ. Окрестности озера довольно густо заселены юртами монголовъ, а на сѣверномъ берегу, въ верстѣ отъ воды, виднѣется большой ламайскій монастырь „Оромбо-куре“. Здѣсь былъ, говорятъ, гыгенъ мальчикъ, но внезапно умеръ отъ скарлатины. На-дняхъ сюда пріѣхалъ молодой лама изъ Тибета, народъ называетъ его тоже гыгеномъ. Но, вѣроятно, это—пустой слухъ, пущенный досужими ламами. Монастырь, очевидно, богатый, съ хорошими постройками. Мы выходимъ въ долину р. Орхона. Вотъ и сама рѣка, шириною около 30—40 сажень, течетъ въ равнинныхъ берегахъ и только ниже переправы стѣсняется скалистымъ берегомъ. Переправа возможна бродомъ, такъ какъ вода спала. По объясненію монголовъ и нашихъ торгующихъ, вода въ рѣкѣ послѣ дождей очень быстро поднимается и выходитъ изъ береговъ и тогда черезъ небольшую лощину течетъ и въ озеро Угей-нуръ. Вверхъ по Орхону виднѣются историческіе курганы, памятники славнаго прошлаго свободной, самостоятельной и грозной всему міру Монголіи. Тамъ, въ верховьяхъ Орхона была, говорятъ, столица Чингизъ-хановъ. Но вѣка прошли, прошлое забыто, и сѣренькая, жалкая судьба кочевника-скотовода, подданнаго хитрому китайцу, изгладила въ умѣ потомковъ всякое воспоминаніе о славномъ прошломъ народа, даже въ пѣсняхъ монгольскихъ баяновъ все рѣже и рѣже

можно встрѣтить печальную сказку о великихъ герояхъ. Мы переходимъ рѣку Орхонъ, почти у самаго устья рѣки Тамыръ-голь. Уже самое названіе одного изъ крупнѣйшихъ притоковъ Орхона, протянувагося почти на нѣсколько сотъ верстъ, съ роскошною широкою долиною, плодородною, удобною для культуры,—уже это названіе рѣки свидѣтельствуесть объ историческомъ прошломъ этой части Монголіи. Но никто изъ окрестныхъ монголовъ не можетъ ничего рассказать сколько-нибудь осмысленно объ этихъ памятникахъ славной старины. Не далеко уже и то время, когда по этимъ роскошнымъ лугамъ долинъ Орхона и Тамыра будутъ свободно гулять не стада барановъ, козъ, сарлыковъ и табуны лошадей съ свободными, но беззаботными, лѣнливыми пастухами, а трудолюбивые китайцы со своими плугами, засѣвая пшеницу, просо, горохъ и прочіе полезные предметы культуры. А коренной обитатель, потомокъ Тамыра, будетъ далеко оттѣсненъ отъ своей исторической рѣки Тамыръ, изъ привольныхъ степей, въ безводныя, горныя степи, къ солончаковымъ озерамъ и жалкимъ колодцамъ и будетъ влачить жалкое существованіе, пока не продастъ сосѣду-китайцу послѣднюю овцу и не пойдетъ у него работать, чтобы получить кусокъ отъ стола китайца и не умереть съ голоду. Жены и дочери и теперь уже продаются свободно китайцу-торгащу, поселившемуся среди монгольскихъ аиловъ и выжимающему настойчиво и ловко всѣ соки изъ жалкаго бюджета монгола. Женщина—вездѣ женщина. Что можетъ бѣдный пастухъ дать женщинѣ, кромѣ простаго изъ дешевой далембы халата, а китаецъ одѣнетъ монголку въ шелкъ и обвѣситъ ее серебромъ и кораллами.

Попробуемъ заглянуть, какъ живутъ и торгуютъ наши земляки-русскіе на исторической рѣкѣ Орхонѣ съ Тамыромъ. Вотъ на берегу Орхона, среди привольной степи, стоятъ три юрты, кругомъ обнесены небольшимъ плетнемъ. Въ большой юртѣ живетъ самъ хозяинъ съ женою, въ другой, поменьше,—прислуга и приказчики, а въ третьей юртѣ—кладовая съ товарами. Подходимъ. Изъ юрты-кухни выходитъ русская женщина; это—кухарка; она объясняетъ намъ, что хозяина нѣтъ дома, а барыня дома, и идетъ докладывать о пріѣздѣ „русскихъ“. Изъ большой юрты выходитъ статная русская красавица и любезно приглашаетъ насъ въ „горницу“. Обширная юрта обита ситцемъ, въ сторонѣ стоитъ большая кровать, покрытая богатымъ покрываломъ и прикрытая пологомъ, столъ, иконы и прочая обстановка—смѣсь монгольскаго съ китайскимъ и русскимъ убранствомъ, но вмѣсто очага посрединѣ желѣзная печь, русскій самоварчикъ, приличная сервировка

и мягкая, вкусная, свѣжая булка домашняго печенья со свѣжимъ сливочнымъ масломъ. Въ этой юртѣ хозяева живутъ каждое лѣто и лишь поздней осенью уѣзжаютъ въ Россію. Хозяйка всегда сопровождаетъ своего мужа въ Монголію и дѣлитъ съ нимъ труды кочевой жизни. 20 лѣтъ уже кочуютъ они весною изъ Россіи въ Монголію (такъ сказать, на дачу), осенью—изъ Монголіи въ Россію. А вотъ вдали еще двѣ „русскія“ юрты. Здѣсь живетъ тоже хозяинъ съ приказчикомъ, но у нихъ нѣтъ заботливой, умѣлой женской руки, и потому юрта ничѣмъ не отличается отъ простой монгольской, грязь порядочная, сами спятъ прямо на землѣ, на простыхъ кошмахъ; тутъ же, на очагѣ, варится пища и тутъ же, сидя „по-монгольски“, на землѣ, хозяева принимаютъ гостей, покупателей и проводятъ свой досугъ. Однимъ аккордомъ раздается изъ всѣхъ такихъ „русскихъ“ юртъ, разбросанныхъ сотнями по Монголіи, мотивъ: торговать стало трудно. Русскіе товары, пройдя черезъ руки русско-монгольскихъ оптовиковъ-капиталистовъ, доходятъ до русской юрты въ такой цѣнѣ, что монголь уже не можетъ ихъ покупать. Кто купилъ достаточно товару, тотъ и плачется, не зная, что съ нимъ дѣлать. Приходится ликвидировать дѣло и съ остатками уѣзжать на родину.

Но пора двигаться дальше. Рано утромъ, по обычаю, въ 6 часовъ трогаемся въ путь по долинѣ Тамыръ-голь. Потянулись однообразные, путевые дни, съ остановками на три—четыре часа для обѣда и на заслуженный ночлегъ послѣ труднаго дневнаго перехода. Правда, здѣсь по системѣ р. Тамыра больше оживленія: то и дѣло мы проѣзжаемъ мимо юртъ, большихъ табуновъ лошадей, огромныхъ стадъ барановъ и сарлыковъ. Сарлыкъ, это—оригинальное животное. По своему складу, это—обыкновенная корова, но только значительно крупнѣе, даже иногда больше лучшихъ породъ европейскихъ, но животное покрыто длинною, густою шерстью, спускающейся въ видѣ бахромы съ боковъ сарлыка, иногда до самой земли. Сарлыки по преимуществу трехъ цвѣтовъ, конечно, съ разными оттѣнками: бѣлый, черный и сизобурый. Большое стадо огромныхъ животныхъ мирно пасется недалеко отъ дороги. Заслышали колокольчики и всѣ повернулись къ намъ головами, смотря на насъ дико, какъ бы удивленно. Невиданное чудо! Тройка лошадей, запряженныхъ въ русскую телѣгу съ колокольчиками подъ дугой, приводитъ ихъ въ ужасъ; они брыкаются, издаютъ даже мычаніе и нѣсколькими скачками отбѣгаютъ нѣсколько дальше отъ дороги. Сарлыкъ даетъ отличное густое молоко, къ корму крайне нетребовательный, прекрасное вьючное и воевое животное, сильное и выносливое,

только мясо не особенно вкусное, грубое, но зато въ горной степи на короткихъ плохихъ кормахъ это, можно сказать,—благодѣтель монгола, и чѣмъ дальше въ горы и къ югу, ближе къ Гоби, тѣмъ все больше и чаще встрѣчаются стада сарлыковъ. Переѣхали одинъ изъ притоковъ Тамыра, Хойту-Тамыръ, разлившійся по степи шестью широкими рукавами, богатый большими и вкусными рыбами „ленки“ (родъ форелей), и около 12 часовъ 8-го іюля прибыли въ Заинъ-шаби.

Заинъ-шаби большой ламайскій монастырь-городокъ. Въ роскошной долиинѣ Хойту-Тамыръ стоитъ отдѣльная усадьба, принадлежащая монастырю, затѣмъ на высокомъ лѣвомъ берегу долины группа построекъ, маленькихъ домиковъ и нѣсколько храмовъ. Здѣсь жилъ прежній Заинъ-гыгенъ, тутъ онъ выросъ, возмужалъ, здѣсь онъ началъ кутить, завелъ себѣ наложницъ и здѣсь же внезапно скончался 20-ти лѣтъ, полный радостной жизни, умеръ отъ ловко поднесенной отравы, чтобы не срамилъ ламаизмъ, не терялъ престижъ живого бога и не тратилъ огромныя средства и не разорялъ больше монастырь. Дальше, въ глубокой лощинѣ, огромный монастырь съ богатыми храмами и желтымъ дворцомъ Заинъ-гыгена. Въ этомъ дворцѣ довольно долго проживалъ далай-лама, укрываясь отъ китайцевъ, подъ прикрытіемъ взвода русскихъ казаковъ съ полковникомъ П. К. Козловымъ. Здѣсь, въ этомъ монастырѣ, живетъ больше 3000 монаховъ и живой богъ Заинъ-гыгенъ въ третьемъ своемъ перерожденіи, 6-тилѣтній бойкій, красивый мальчикъ, такъ внимательно и долго смотрѣвшій на невиданныхъ еще русскихъ путешественниковъ; тутъ же рядомъ около монастыря китайскій маймаченъ, состоящій изъ двадцати усадьбъ, съ пятнадцатью китайскими фирмами, ведущими здѣсь свои дѣла бойко и удачно, съ умѣлымъ подборомъ товаровъ.

Въ Заинъ-шаби имѣется пять русскихъ фирмъ, разбросавшихъ въ окрестномъ районѣ нѣсколько приказчиковъ для торговли непосредственно въ кочевьяхъ. Нашихъ русскихъ коммерсантовъ въ Заинъ-шаби, несмотря на ихъ малочисленность, можно раздѣлить на три группы: первая, это—старѣйшіе піонеры торговли. Они еще держатся старыхъ хорошихъ традицій, т.-е. торгуютъ русскимъ товаромъ, но дѣла ихъ неважны; несмотря на очень разнообразный подборъ товаровъ, особенно въ мануфактурѣ, русскій товаръ не покупается, и кладовыя остаются почти нетронутыми; покупку сырья имъ не приходится производить, такъ какъ тутъ же рядомъ покупаютъ сырье непосредственно у монголовъ и китайцевъ тѣ крупныя фирмы, которымъ до сихъ поръ славали сырье наши мелкія фирмы, какъ посредники; нужда въ посред-

никахъ миновала, и потому группа старыхъ пионеровъ торговли прекращаетъ свои дѣла. Вторая группа—представители крупныхъ русскихъ фирмъ, которые торгуютъ китайскимъ, англійскимъ, японскимъ и русскимъ товаромъ, торгуютъ при помощи сѣти мелкихъ русскихъ приказчиковъ, раскинутыхъ въ хошунахъ и постепенно замѣняемыхъ приказчиками-монголами. При большихъ оборотахъ фирма довольствуется сравнительно небольшимъ $\frac{0}{100}$ на капиталъ (такимъ процентомъ не могутъ удовлетвориться мелкія фирмы), и потому дѣло еще существовать можетъ и даже какъ-будто бы развивается; наконецъ, третья группа, это—представители заграничныхъ фирмъ, русскіе приказчики, занимаются исключительно скупкою для этихъ фирмъ монгольскаго сырья въ самомъ Заинъ-шаби и въ кочевьяхъ. Этотъ новый типъ „русскихъ коммерсантовъ“ въ Монголіи, продавая свои услуги фирмамъ Лейпцига и другихъ заграничныхъ городовъ, совершенно губить дѣло своихъ отцовъ и прежнихъ русскихъ хозяевъ, привлекая непосредственно въ Монголію крупные капиталы Европы; правда, для нихъ лично это выгодно. Самъ комиссіонеръ-приказчикъ вполнѣ обезпеченъ европейской фирмой, ведетъ дѣло почти самостоятельно, но на чужія деньги, не рискуя своими средствами, и только попутно покупаетъ на свои деньги кое-какой ходкій товаръ у китайцевъ и попутно же съ операціями по скупкѣ обдѣлываетъ небольшія операціи по продажѣ за свой счетъ, прибавляя этимъ путемъ свой личный заработокъ къ заработку отъ фирмы. Наша небольшая русская колонія въ Заинъ-шаби живетъ относительно дружно.

На другой день по нашемъ пріѣздѣ въ монастырѣ былъ большой праздникъ „Майдера“. Передъ храмомъ на большой площади вынесены идолы, и площадь оцѣплена сотнею ламъ съ какими-то знаменами, на возвышеніи въ желтомъ креслѣ мальчикъ-гыгенъ, окруженный старѣйшими ламами. Тысячи разряженнаго народа съѣхались изъ окрестностей на праздникъ; женщины—въ шелковыхъ, парчевыхъ халатахъ, обвѣшанныя серебромъ, кораллами и камнями, монголы—въ праздничныхъ, нѣкоторые въ шелковыхъ халатахъ, на верховыхъ лошадяхъ, украшенныхъ блестящею сбруею изъ серебра. На окруженную ламами площадку по очереди выходятъ ламы разныхъ возрастовъ въ очень разнообразныхъ костюмахъ и маскахъ, изображая духовъ разнаго значенія. Передъ глазами зрителей происходитъ рядъ представленій въ лицахъ многочисленныхъ ламайскихъ мифологическихъ легендъ,—полныхъ интереса и смысла для суевѣрныхъ монголовъ; однако особенно большого религіознаго настроенія у толпы незамѣтно; скорѣе, на лицахъ

всѣхъ окружающихъ написано простое любопытство, подобно тому, какъ и у всякой толпы на всевозможныхъ уличныхъ зрѣлищахъ въ Европѣ. Заканчивается торжество рядомъ всевозможныхъ обрядностей къ концу дня; завтра скачки и борьба на призы. Праздникъ продолжается нѣсколько дней. Подобныя празднества происходятъ въ это время во всѣхъ хошунахъ; тамъ они, конечно, имѣютъ большой интересъ, такъ какъ въ нихъ принимаютъ участіе князья, раздавая призы, подарки, поздравленія. Но особенно торжественное и почти національное значеніе приобрѣтаетъ это празднество у Богдо-гыгена въ Ургѣ и въ окрестностяхъ Урги. Уже за недѣлю, за двѣ сюда съѣзжаются князья Монголіи со свитою, раскидываются въ долину Толы десятки богатыхъ княжескихъ ставокъ съ многочисленными юртами. Блескъ нарядовъ, конской сбруи и одежды князей, свиты и въ особенности княжескихъ женъ (у нѣкоторыхъ изъ нихъ одинъ головной уборъ стоитъ двѣ—три тысячи ламъ). Князей сопровождаютъ лучшіе чиновники и лучшіе борцы, наѣздники и стрѣлки изъ лука. Происходитъ нѣсколько недѣль состязательная стрѣльба изъ луковъ, сначала между людьми своего хошуна, потомъ—между лучшими стрѣлками нѣсколькихъ хошуновъ, между самими князьями, затѣмъ—бѣга, борьба; торжество происходитъ въ присутствіи самого Богдо-гыгена и князей. Побѣдители на этихъ празднествахъ считаются первыми побѣдителями во всей Монголіи, воспѣваются въ пѣсняхъ монгольскихъ баяновъ, получаютъ призы-подарки изъ рукъ самого Богдо-гыгена. Въ этотъ годъ на праздникъ въ Ургу съѣхалось до 10000 ламъ со всей Халки и десятки князей. Послѣ праздника оставили и мы гостепріимный Заинъ-шаби и тронулись дальше къ Улясутаю. Погода испортилась, дожди льютъ почти каждый день, дѣло плохо; рѣки выйдутъ изъ береговъ, и намъ придется гдѣ-нибудь на пути засѣсть и ждать спада воды. Вотъ подходимъ къ одному изъ верхнихъ истоковъ Тамырголь; перейти по прежнему броду нельзя. Лубсунъ скачетъ по долину Тамыра, говоритъ съ монголами долго и горячо, даже ругается, а иногда пускаетъ въ ходъ и колотушки. Наконецъ, находитъ трехъ лихихъ молодыхъ байгушей, которые берутся насъ переправить черезъ бушующій Тамыръ. Ёдемъ. Вотъ и рѣка,—шумно и бурно несетъ свои полныя воды. Пробуемъ переѣхать въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка раздѣлилась на нѣсколько рукавовъ. Первые мелкіе рукава рѣки перейдены, а вотъ и „материкъ“. Бродъ найденъ и черезъ него, но какой бродъ—подъ потникъ сѣдла! Вещи перевозимъ верхами, частью монголы, частью казаки, пустыя телѣги тронулись въ воду, бродъ очень длинный и сложный, сначала внизъ

рѣки, немного поперекъ, опять внизъ, потомъ вверхъ, опять наискосокъ и т. д. Вода заливается въ телѣгу, вотъ-вотъ понесетъ экипажъ, сорветъ лошадей, и все погибнетъ—лошади, экипажи и сбруя. Крикъ, шумъ... Лошади рванули и выскочили на берегъ. Переѣхали. На завтра опять переправа, слѣдующій день снова переправа, и такъ почти каждый день переправы вплоть до самаго Улясутая, при чемъ у самаго Улясутая на послѣднемъ переходѣ черезъ глубокій Богдо-голь пришлось сдѣлать три переправы въ одинъ день. Но, слава Богу, все благополучно, ни одного несчастья ни съ людьми, ни съ лошадьми, даже изъ вещей ничего не потопили. Отъ Заинь-шаби до Улясутая пришлось пересѣчь крупный водораздѣльный хребетъ между бассейномъ р. Селенги и внутренними водами Кобдоской котловины (бассейнъ озеръ: Киргизь-норъ и другихъ). Хребетъ крупный, со снѣжными вершинами даже въ концѣ іюля; тамъ въ этихъ снѣжныхъ вершинахъ берутъ начало рѣки Орхонъ, Тамыръ, Чилоту, крупнѣйшіе монгольскіе притоки многоводной рѣки Селенги, и уносятъ монгольскую влагу въ предѣлы русскаго Забайкалья и великаго озера-моря Байкаль. Вотъ высшая точка перевала; изъ небольшого озерка изъ растаявшаго снѣжнаго пятна течетъ ручеекъ, его воды несутся далеко, далеко черезъ Монголію, Забайкалье и всю Сибирь. Вы, вольныя воды, несите же нашъ привѣтъ родной Россіи изъ далекой непріютной, некультурной Монголіи! Вотъ уже четвертый день мы видимъ съ разныхъ сторонъ колоссальную бѣлую шапку-вершину Богдо-Очирь-Ванъ; вѣчно бѣлая, могучая, постоянно блестящая и видимая со всѣхъ окрестностей Улясутая, эта вершина еще ждетъ своего изслѣдователя... Мы, къ сожалѣнію, связаны другими задачами, временемъ и не можемъ отдать наше вниманіе, чтобы изучить эту интересную вершину или, вѣрнѣе, горный узелъ: есть-ли тамъ вѣчные ледники, или только вѣчные снѣга, какъ высоко и въ какомъ періодѣ своей жизни находится этотъ горный узелъ? Спустились въ долину Байдорика, пересѣкли долину Дзахъ, Шаро-голь и послѣ очень тяжелыхъ горныхъ, весьма неудобныхъ переваловъ наконецъ вышли на р. Богдо-голь; на этой рѣкѣ стоитъ городъ Улясутай. Еще одинъ переходъ—вотъ и городъ. Посылаемъ впередъ казака къ старымъ друзьямъ, предупреждая о своемъ приѣздѣ, но старые друзья уже превратились во враговъ... Богъ съ ними. Усталые, жаждущіе отдыха, послѣ мѣсяца похода, со всѣми тяжелыми и пріятными впечатлѣніями, нервны, мы готовы остановиться прямо въ своихъ палаткахъ, только бы спокойно вздохнуть; но насъ, оказывается, ждетъ любезный, гостепріимный нашъ русскій консуль Викторъ Федоровичъ Люба, и вотъ

мы въѣзжаемъ на обширный дворъ консульства. Здѣсь продолжительный отдыхъ...

Викторъ Федоровичъ Люба, давно уже извѣстный опытный ра- Въ Улясу-
таѣ.
ботникъ на Востокѣ, прибылъ въ Улясутай всего за недѣлю до нашего прибытія. Улясутай приобрѣтаетъ крупное значеніе въ нашемъ положеніи на Востокѣ и въ Монголіи, и назначеніе В. Ф. Люба очень удачно. Новый консулъ уже за недѣлю далъ почувствовать какъ китайскимъ властямъ, такъ и русскимъ коммерсантамъ, что въ сѣверо-западной Монголіи есть надежный представитель русскихъ интересовъ.—Богъ въ помощь! Семь лѣтъ тому назадъ Улясутай былъ болѣе серьезнымъ центромъ русской торговли. Здѣсь на многихъ улицахъ были русскія лавки, русская торговля шла бойко; но какъ измѣнилась обстановка! Изъ прежнихъ фирмъ остались только двѣ, причемъ одна изъ нихъ принадлежитъ ветерану старой плеяды русскихъ пионеровъ Г. Гр. Игнатьеву и продолжаетъ свое дѣло попрежнему, стремясь во чтобы то ни стало распространять по Монголіи русскій товаръ, вести торговлю, такъ сказать, съ національнымъ направленіемъ; другая фирма стремится найти новые пути, новыя операціи, нажить во что бы то ни стало, даже если бы пришлось порвать связь торговую съ Россіей и базировать свои операціи на Китай. Есть и новыя птицы: скупщики-представители тѣхъ же заграничныхъ фирмъ. Всего можно считать въ Улясутаѣ собственно одинъ постоянно торгующій русскій магазинъ, другой магазинъ рѣдко открывается, хозяева заняты лихорадочной скупкой сырья и оптовыми операціями, представители трехъ еврейскихъ фирмъ занимаются только скупкою и ввозятъ въ Монголію русскія деньги и серебро. Собственно можно бы сказать, что для русской торговли Улясутай совершенно потерянь. Скупщики—не русскіе, сырье хотя пока и везется черезъ Россію, но скоро повезется на югъ черезъ Калганъ: монголы отъ нашихъ товаровъ отвыкли и въ нихъ не нуждаются, и потому не далеко то время, когда на сѣверъ торговые пути опустѣютъ. Въ одной изъ „русскихъ“ юртъ, далеко отъ Улясутая, намъ пришлось говорить съ мелкимъ торговцемъ, бывшимъ приказчикомъ и потомъ начавшимъ свое небольшое дѣло въ кочевьяхъ. Русскіе товары, по его мнѣнію, въ кочевьяхъ могутъ имѣть хорошей сбытъ; при энергичной работѣ и добросовѣстномъ подборѣ товаровъ, живя непосредственно и подолгу среди кочевниковъ, поддерживая связи и зная покупателя, торговать русскимъ товаромъ какъ на деньги, такъ и въ обмѣнъ на сырье было бы возможно; но бійскіе и улясутайскіе оптовики задушили мелкихъ хозяевъ. Съ мелкоты берутъ

такіе $\frac{0}{0}\frac{0}{0}$, что продавать ихъ товаръ невозможно; сами разбросали въ кочевья рядомъ съ нами своихъ приказчиковъ, конкурирующихъ съ нами, но ведущихъ хозяйское дѣло безъ достаточнаго вниманія; тѣ же оптовики еще занимаются и прямою скупкою сырья на деньги по сравнительно высокой цѣнѣ. Что же мы, мелкота, можемъ сдѣлать?

Зато китайская торговля попрежнему процвѣтаетъ въ Улясутаѣ, число фирмъ какъ будто бы увеличилось, операціи крупныхъ фирмъ расширились и захватили въ свои цѣпкія руки всю экономическую жизнь хошуновъ.

Городъ Улясутай почти не измѣнился, и потому вновь описывать его не будемъ *).

Консульство еще не имѣетъ своего дома, русская колонія хотя и имѣетъ право постройки своихъ домовъ, но еще ничего не строить, попрежнему ютится въ китайскихъ усадьбахъ и фанзахъ. О постройкѣ консульства еще только возможно мечтать. Правительство не скоро дастъ достаточно денегъ, чтобы при исключительно тяжелой обстановкѣ можно было построить сколько-нибудь сносныя зданія.

Устроились мы благодаря любезности В. Ф. Люба отлично; отдохнувъ, принялись за дѣло. Ходили по городу, изучали все, что представляло интересъ.

Черезъ нѣсколько дней поздно ночью пріѣхалъ сюда нашъ военный агентъ въ Китаѣ Л. Г. Корниловъ, путешествующій по Монголіи со своими спеціальными задачами; здѣсь же мы встрѣтили члена бійской торговой экспедиціи М. И. Боголѣпова, профессора Томскаго университета. Составилась довольно значительная русская колонія.

Пользуясь пріѣздомъ Л. Г. Корнилова, сдѣлали и мы визитъ Цзянь-Цзюню, посѣтивъ еще разъ знаменитую крѣпость Улясутайскую „Сангинъ-хото“. Новаго ничего не нашли, кромѣ школы для монгольскихъ дѣтей, собранныхъ со всѣхъ хошуновъ двухъ западныхъ аймаковъ Халхи. Повидимому, дѣло поставлено образцово, и китайцы знаютъ, что дѣлаютъ, и умѣютъ дѣлать. Экономическая жизнь монголовъ почти исключительно въ рукахъ китайцевъ, теперь они принимаются за захватъ въ свои руки духовной жизни монгола, проводя черезъ проектируемую сѣть монголо-китайскихъ школъ китайскую культуру.—Да, это—сильные противники, а мы уступаемъ имъ всѣ позиціи...

Отъ Уля-
сутая до
Уланнома.

Изъ Улясутая экспедиція направляется снова двумя путями. В. Л. Поповъ, Х. Я. Зеллисъ и нѣсколько казаковъ—на сѣверо-западъ, вдоль

*) См. „Черезъ Саяны и Монголію“ В. Попова.

хребта Хань-Хухей, въ Уланкомы, къ озеру Убса; остальные члены экспедиціи—черезъ Кобдо на Кошъ-Агачъ и въ Россію.

4 верблюда и нѣсколько всадниковъ рано утромъ 4 августа выступили изъ Улясутая и пошли легкою экспедиціей безъ всякихъ экипажей, повозокъ и громоздкихъ грузовъ въ направленіи на сѣверо-западъ. Вотъ—одинъ переваль, еще переваль и еще, и мы далеко удалились отъ Улясутая, вступая въ область сыпучихъ песковъ. Цѣлыя горы, холмы, перевалы покрыты глубокимъ пескомъ; жаркій день, солнце накалило пески, и путникъ идетъ словно въ жаркой печи. Тяжело, утомительно, медленно подвигается экспедиція среди песчаныхъ горъ и дюнь. Вотъ—давно жданный ключикъ и небольшая поляна, свободная отъ песковъ. Здѣсь приваль и отдыхъ. Кормъ на небольшой полянѣ очень плохой, давно уже трава частью съѣдена, частью высохла. Лошади и верблюды стараются собрать себѣ сколько-нибудь скудной пищи. Мы варимъ себѣ обѣдъ, отдыхаемъ. Жара немного спадаетъ,—пора трогаться дальше. Еще нѣсколько песчаныхъ переваловъ, и спускаемся въ глубокую котловину съ озеромъ посрединѣ. Здѣсь и ночлегъ. Привычная кочевая жизнь, налаженная въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, продолжается спокойно, безъ шероховатостей, только отсутствіе хорошихъ кормовъ и недостатокъ воды даютъ себя чувствовать, понижая работоспособность верблюдовъ и лошадей.

Сегодня очень трудный день. Съ самаго ранняго утра вступили мы опять въ горы, покрытыя глубокими песками; тяжело ступаютъ верблюды по привычной для нихъ дорогѣ, но еще тяжелѣе идутъ верховыя лошади, особенно забайкалки казаковъ. Весь день идемъ, но конца пескамъ не видно. Страшно пить хочется, да воды съ собой не взяли.—Скоро ли рѣка? Но нашъ глупый газорчи (проводникъ) отвѣчаетъ все то же, показывая куда-то рукой: вотъ тамъ! Смотримъ въ бинокли по этому направленію; ничего не видно впереди, кромѣ моря песковъ, которымъ и конца должно быть не будетъ. Хотя бы какіе-нибудь признаки влаги были видны! Нѣтъ, не видно ни деревьевъ, ни травы, ни животныхъ, ни юртъ. Пустыня-пустыней. Гдѣ же тутъ рѣка? Откуда она возьмется въ этихъ безбрежныхъ глубокихъ пескахъ? Тамъ далеко, къ сѣверу отъ насъ, синѣтся покрытый лѣсомъ Хань-Хухей, протянувшійся на сотни верстъ. Тамъ, вѣроятно, и влага, и кормъ и жизнь, а здѣсь только пустыня. Въ душу начинается закрадываться сомнѣніе въ вѣрности и знаніи проводника-монгола, глуповатаго, хитраго ламы, который ѣдетъ на своей жалкой клячкѣ впереди верблюдовъ и все читаетъ подъ носъ себѣ молитвы. Вотъ мы съ

Х. Я. начинаемъ уже волноваться, всѣ утомились, итти дальше становится все труднѣе и труднѣе, а остановиться нельзя: ни воды, ни корма, а солнце быстро начинаетъ спускаться къ закату. Съ 6 часовъ утра при 40—45° жары, среди песковъ, безъ капли воды и куска хлѣба! Это что впереди виднѣется? Стадо овецъ. „Ура“! Значить, гдѣ-то близко есть влага, овцы далеко отъ кочевій не ходятъ, а кочевья безъ воды не бываютъ. Старая, дряхлая монголка пасетъ стадо овецъ; увидѣвъ экспедицію, много вооруженныхъ людей въ странныхъ, невиданныхъ въ этихъ мѣстахъ русскихъ костюмахъ, напугалась и бѣжитъ отъ насъ. Казакъ догоняетъ, она еще больше напугалась и уже ровно ничего не можетъ сказать отъ испуга. Подъѣзжаетъ нашъ философъ-газорчи, все читаетъ молитвы. Гдѣ же твоя рѣка? Показываетъ куда-то впередъ молча и читаетъ молитву. Казаки пустили впередъ усталыхъ лошадокъ и черезъ $\frac{1}{4}$ часа кричатъ: вода! рѣка! Да гдѣ же тутъ среди безконечныхъ песковъ вода, да еще цѣлая рѣка? Подъѣзжаетъ лихой, мой старый, бывалый спутникъ еще по Саянамъ, казакъ Колодинъ и докладываетъ, что нужно остановиться здѣсь среди вотъ этого мелкаго кустарника, „дерису“, такъ какъ тутъ всетаки сквозь песковъ пробивается кое-какая трава, которой покормятся лошади и верблюды, а тамъ у рѣки никакой травы и растительности нѣтъ. Рѣка, и довольно большая, течетъ въ глубокомъ логу, среди совершенно пустынныхъ песковъ; рѣки намъ еще не видать, а она всего въ нѣсколькихъ саженьяхъ. Развѣючиваемъ верблюдовъ, рассѣдываемъ лошадей. Бивачная жизнь закипѣла, палатки раскинуты, варится чай и обѣдъ; откуда-то неизвѣстно появились монголы, привезли молоко, араку, начинается обычный разговоръ и разспросы монголовъ. Вокругъ разбрелись верблюды и лошади; первые ѣдятъ, повидимому, съ удовольствіемъ кусты дерисы, захватывая въ ротъ по цѣлымъ вѣтвямъ, лошади добываютъ себѣ пищу изъ-подъ песковъ.

Рано утромъ трогаемся дальше, переходимъ рѣку, глубоко-глубоко прорывшую въ пескахъ себѣ ложе по крутому оврагу, даже въ 10 шагахъ не видно ея. И опять караванъ идетъ по пескамъ. Но вотъ перешли одинъ переваль, другой; песку становится меньше и меньше, травы больше, жизнь кругомъ оживаетъ. Ночлегъ у большого горько-соленого озера, въ которое впадаетъ нѣсколько прѣсныхъ источниковъ. И опять тамъ, гдѣ вода, тамъ и жизнь: юрты, гурты скота, табуны лошадей, стада барановъ. Сегодня идемъ по широкой долинѣ. Тамъ влѣво вьется небольшая рѣчка, густо заселенная кочевниками, среди юртъ монголовъ виднѣются „майхены“ купцовъ-китайцевъ. И

вездѣ, гдѣ кочевникъ, тамъ и „майхенъ“ китайца; онъ кочуетъ вмѣстѣ съ монголомъ, живетъ съ ними круглый годъ одною жизнію, одѣвая ихъ въ дешевую далимбу, снабжая всѣмъ необходимымъ и собирая отъ монгола все, что послѣдній можетъ продать. Вотъ медленно ѣдетъ монголъ по степи. Что у него болтается у сѣдла? Тарбаганъ. Значитъ, ѣдетъ со счастливой добычи. Мясо тарбагана жирное, семья будетъ довольна, а шкура сегодня же пойдетъ къ сосѣднему „майхену“ китайцу. Вмѣсто тарбаганьей шкуры, покупаемой нынѣ русскими въ Заиньшаби и Улясутаѣ до двухъ рублей за шкурку, монголъ здѣсь среди далекихъ кочевій получить за пятьдесятъ-шестьдесятъ копѣекъ товару и будетъ доволенъ. Туда же въ „майхенъ“ сдается и снятая шерсть. Навстрѣчу идетъ небольшой караванъ верблюдовъ, штукъ 20, на переднемъ верблюдѣ спитъ китаецъ. Это—торговый караванъ китайцевъ, собравшихъ свою обильную жатву въ кочевьяхъ и отправляющихъ: шкуры, шерсть, овчину,—въ Улясутай, а оттуда на югъ, въ Калганъ и Тянь-Цзинъ. Еще одинъ ночлегъ, и мы вступаемъ въ оригинальную долину, шириною верстъ 10—20. Вправо—рѣзко очерченный хребетъ Ханъ-Хухей, слѣва—горная цѣпь, очевидно, отроги Хангая. Долина прямо почти вымощена мелкимъ-мелкимъ камнемъ. Ни одного деревца, и чуть-чуть пробивается черезъ каменный полъ долины кое-гдѣ ничтожная травка. До воды еще далеко, едва ли дойдемъ съ наступленіемъ темноты, а уже полдень. Пора дать отдыхъ животнымъ и подкрѣпить свои силы. Теперь уже мы научены опытомъ. Вода у насъ съ собою. Приваль. Развьючиваемъ верблюдовъ, отпускаемъ лошадей. Но бѣдныя животныя безцѣльно бѣгаютъ по каменистой степи, не будучи въ силахъ захватить своими привычными къ короткимъ кормамъ зубами едва пробивающіяся травинки. Отдыхъ собственно только для людей. Животныя не отдохнутъ, такъ какъ корму и воды здѣсь нѣтъ. Наскоро пообѣдавши, трогаемъ дальше. Весь день по каменистой степи, то пѣшкомъ, то верхомъ и только поздно-поздно вечеромъ подходимъ къ ключу. Вотъ и обычное блеяніе овецъ, монголки доятъ козъ, овецъ и коровъ, все готовится къ ночлегу, останавливаемся и мы.

Сегодня на ночь есть кормъ для лошадей и верблюдовъ, и вода близко въ „родникъ“. Идутъ дни за днями. Наконецъ, вдали виднѣется большое озеро. Это—Киргизъ-нуръ. Но до него еще далеко, не менѣе 30—40 верстъ. Только на другой день къ полудню подходимъ къ озеру и здѣсь останавливаемся на приваль. Стоитъ ли сегодня итти дальше, дойдемъ ли засвѣтло до Кибеголь, —рѣчки, текущей въ ущельяхъ

Ханъ-хухея? Нашъ „газарчи“ *)-философъ увѣряетъ, что близко. Ну, значитъ, съ Богомъ въ путь. Крутой поворотъ отъ Киргизъ-нура въ горы Ханъ-хухея. Путь все въ гору. Прошли уже нѣсколько часовъ, втянулись въ хребетъ, солнце уже скрылось, наступаетъ ночь, а Кибегола не видно. Мужественно идемъ дальше, такъ какъ остановиться негдѣ, нѣтъ воды. Совершенно темно, всѣ утомились, а Кибегола нѣтъ какъ нѣтъ. Начинаемъ волноваться, кричать на проводника, а онъ себѣ ѣдетъ дальше, да читаетъ молитвы. 11 часовъ ночи, а неизвѣстно, гдѣ Кибеголъ. Дальше итти нельзя, „срѣжемъ“ верблюдовъ. Раскидываемъ палатки, отпускаемъ лошадей, верблюдовъ и приказываемъ газарчи отыскать во чтобы то ни стало кормъ. Но газарчи ничего не нашель. Такъ и ночевали голодными и лошади, и верблюды. Рано утромъ тронулись дальше, и не прошли часа, какъ спустились въ прелестную долину, съ отличною травою и большимъ ручьемъ. Оказывается, мы ночевали всего въ 2—3 верстахъ отъ Кибеголъ, и газарчи не зналъ этого, не могъ отвести туда животныхъ на ночь. Пришлось остановиться и кормить животныхъ. Получился ранній приваль. Покормивъ лошадей, верблюдовъ, пообѣдали сами и потомъ уже тронулись дальше, пересѣкая глубокими ущельями хребетъ Ханъ-хухей; къ вечеру вошли въ широкую населенную долину. Здѣсь уже живутъ не монголы, а дюрбеты (калмыки), бывшіе подданные Кантайшины и легендарнаго у калмыковъ Амыръ-саны. Дюрбеты встрѣтили насъ какъ-будто привѣтливѣе монголовъ и производятъ впечатлѣніе болѣе развитыхъ, менѣе хитрыхъ и болѣе трудолюбивыхъ кочевниковъ, занимающихся уже отчасти и хлѣбопашествомъ. Вѣроятно, это благородное занятіе сказывается на міровозрѣніи обывателей Ханъ-хухея. На слѣдующій день шли, спускаясь на противоположный склонъ Ханъ-хухея, чудной долиной, къ сожалѣнію, съ высохшимъ русломъ большой когда-то рѣки. И къ вечеру вышли на равнину Убса-нора. Вотъ оно, это большое озеро, несомнѣнный остатокъ большого внутренняго моря, постепенно высыхающаго вѣками. Влаги становится все меньше въ этой области, большіе когда-то притоки Убса-нора, очевидно бушевавшіе, теперь совершенно высохли, и только русло, наполненное огромными камнями, когда-то двигавшимися лавинами изъ горъ, указываетъ, что здѣсь кипѣла жизнь и цвѣла могучая природа. Теперь постепенно превращается въ пустыню. Вотъ у ключа, вдоль высохшаго русла могучей когда-то рѣки, кочуетъ десятокъ дюрбетскихъ семей. Они, по обычаю предковъ, еще пытаются

*) „Газарчи“ въ русскомъ переводѣ—проводникъ.

„Субурганы“ памятники.

Представители китайских фирм въ гостяхъ у Московской экспедици.

заниматься земледѣліемъ, засѣвая пшеницу и ячмень, но недостатокъ влаги превращаетъ ихъ упорный трудъ въ ничто. Еще два перехода вдоль по берегу озера Убса, пересѣкли довольно значительную воздѣланную полосу, ласкающую нашъ взглядъ хорошо воздѣланными полями и тучными сѣнокосами; это—долина Тель, гдѣ при умѣломъ орошеніи получаютъ хорошіе урожаи, и дурбеты живутъ довольно зажиточно. Какъ пріятно послѣ утомительнаго путешествія черезъ степную, кочевую Монголію, песчаные барханы и дюны Ханъ-хухея, увидѣть культурную обработанную землю. Что-то глубоко пріятное, родное повѣяло отъ этихъ желтѣющихъ нивъ и скошенныхъ луговъ. Еще переваль, и мы подходимъ къ давно желанному городу Уланкомы.

Уланкомы, это—большой дурбетскій монастырь. И здѣсь среди калмыковъ ламаизмъ пустилъ свои глубокіе корни. 2000 монаховъ живутъ безъ всякаго дѣла въ многочисленныхъ постройкахъ цѣлаго города, а около монастыря раскинулись китайскія торговыя усадьбы, числомъ до 15—20. Вотъ прошли мы мимо монастыря, проходимъ мимо ставки дурбетскаго вана, владѣтеля калмыковъ дурбетовъ, очевидно, отдаленнаго потомка калмыцкихъ хановъ, конечно, въ достаточной степени омонголившася. Обширныя усадьбы устроены въ видѣ крѣпости, китайскаго импаня. Внутри—садъ, постройки. Самаго вана нѣтъ дома, онъ вызванъ въ Пекинъ. Подѣзжаемъ къ большимъ огородамъ,—это китайцы здѣсь культивируютъ, и довольно удачно, огородные овощи: капусту, морковь, рѣпу, редисъ, дыни, арбузы, горохъ, бобы и т. д. А вотъ и русская постройка. Здѣсь живутъ наши. Путь оконченъ.

На сѣверной сторонѣ городка имѣется три русскихъ факторіи: двѣ русскія избы, каждая огорожена изгородью и постройками, у одной факторіи сложена тутъ же и шерстомойка, третья факторія находится въ періодѣ созиданія: довольно большой глинобитный дворъ, амбары, кладовыя и даже баня, но нѣтъ жилой избы; хозяинъ и прислуга живутъ въ юртахъ. Мы остановились въ первой же факторіи, которую встрѣтили у Ив. С. Лебедева, стариннаго знакомаго В. Л. Попова по первому путешествію по Монголіи. Ив. С. Лебедевъ ведетъ дѣла въ Уланкомахъ уже 20 лѣтъ, изъ нихъ послѣднія десять лѣтъ—за свой счетъ, какъ хозяинъ. Дѣло его раскинуто широко среди дурбетскихъ хошуновъ. Теперь онъ ведетъ дѣло въ компаніи, и потому компаньоны и ихъ приказчики работаютъ во многихъ пунктахъ. Продають кое-какой товаръ русскій, кое-что китайское (по преимуществу чай, далембу, цуембу), скупають сурокъ, шерсть, шкуры звѣрей, скота. Дѣло ведется на кредитномъ началѣ. Товары и кредитъ серебромъ, а иногда и день-

гами берется у одной крупной бійской фирмы, и, по установившемся обычаю и условію, этой же фирмѣ сдается и сырье. Операции основаны на довѣрїи: оптовая фирма даетъ товаръ и открываетъ кредитъ, накладывая по своему усмотрѣнію %₀, а розничная фирма обязана сдать все сырье, при чемъ цѣны на сырье опредѣляются оптовикомъ въ концѣ операции при расчетѣ. Фирма Мокина — болѣе серьезная; она имѣетъ хорошій капиталъ и потому болѣе независима, — тоже раскинула нѣсколько приказчиковъ по хошунамъ, но главное занятіе этой фирмы торговля скотомъ. Скотъ скупается цѣлую зиму и пасется у дурбетовъ, собирается и выгоняется на озеро Косоголь, гдѣ продается иркутскимъ мясоторговцамъ или скупщикамъ. Было и еще нѣсколько мелкихъ фирмъ здѣсь, въ Уланкомѣ, и въ другихъ хошунахъ, но при современныхъ условіяхъ русской торговли не могли удержаться и исчезли. Третья факторія прїобрѣтена новой фирмой, но уже не бійской, а минусинской. Это появленіе въ Уланкомахъ минусинской фирмы — предзнаменованіе новой эры какъ для Уланкомовъ, такъ и для всей русской торговли на сѣверо-западѣ Монголіи. Фирма молодая, представители полны энергіи, условія для новаго дѣла складываются благопрїятно, и можно думать, что новое дѣло имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ.

Условія для нашего отдыха создавались благопрїятныя. Любезный хозяинъ приказалъ поставить намъ роскошную, почти ханскую, юрту; прекрасное огородничество и августъ мѣсяцъ давали намъ возможность полакомиться свѣжими овощами; русскія факторїи дали возможность испечь намъ свѣжаго хлѣба и булки. Обошли мы весь городъ, познакомились съ китайскою торговлею, мельницами и огородами. Безъ сомнѣнія, Уланкомамъ предстоитъ большое будущее, какъ только откроется пароходство по рѣкѣ В.-Енисею и Урянхайскій край будетъ возвращенъ Россіи. Судите сами, что въ Уланкомахъ болѣе 15 мельницъ, хозяева которыхъ скупаютъ у дурбетовъ зерно, какъ только они его снимутъ, перемалываютъ въ муку и продаютъ или тѣмъ же дурбетамъ на мѣстѣ въ Уланкомахъ, или развозятъ далеко по хошунамъ Монголіи. Съ возможностью доставлять тяжелые грузы, напримеръ, земледѣльческія машины, дешевымъ воднымъ путемъ по Енисею, хлѣбопашество здѣсь должно увеличиться, а потому увеличится и значеніе Уланкомы для сѣверо-западной Монголіи, какъ центра, откуда будетъ получаться хлѣбъ для монголовъ, а попутно съ хлѣбомъ и русскіе товары, доставленные дешевымъ воднымъ тарифомъ. Уланкомы для экспедиціи должны были сыграть особую роль. Здѣсь оканчива-

лась исключительно торговая миссия для экспедиции, а должна была присоединиться еще и другая задача, а именно: отыскать настоящую китайскую государственную границу, попутно обращая внимание и на торговые вопросы.

Здѣсь было назначено присоединиться къ экспедиціи еще двумъ ея членамъ: Ев. Фед. Августусу, вышедшему изъ Минусинска черезъ Урянхайскую землю къ Кошъ-Агачу, а оттуда по хребту Танну-ола къ Уланкомамъ, и Ал. Пав. Запольскому, вышедшему изъ Кяхты къ озеру Косоголу и тоже вдоль по хребту Тануола до Уланкомы. Соединившись вмѣстѣ, мы должны были бы составить довольно большую экспедицію; найдя китайскую границу, вдоль ея мы уже имѣли право итти всѣ военные въ своей формѣ, спеціально военнымъ отрядомъ, такъ какъ были бы уже не „за границей“, а на „границѣ“.

19-го августа прибылъ въ Уланкомы Евг. Фед. Августусъ съ пятью казаками; 21 августа рѣшили двинуться дальше. Ал. Пав. Запольскаго все еще не было. Но мы должны были слѣдовать ему навстрѣчу, а потому ожидать его было незачѣмъ.

Отъ дурбетовъ мы получили подробные рассказы, гдѣ проходитъ китайская граница и какъ она охраняется, а Ев. Фед. Августусъ прошелъ уже нѣсколько сотъ верстъ по этой границѣ; значить, сомнѣній не было, что мы пойдѣмъ по русско-китайской границѣ. Слѣдовательно, мы могли уже по закону итти въ своей формѣ. 21-го утромъ всѣ мы одѣли свою форму и послѣ обѣда, простившись съ гостепріимнымъ хозяиномъ и нашей русской колоніей, тронулись въ путь. Первый переходъ сдѣлали небольшой, на берегу рѣки Кундюлюнъ остановились на ночлегъ. Къ нашей экспедиціи присоединился веселый спутникъ, случайно ѣхавшій въ томъ же направленіи, минусинскій купецъ Вас. Пав. Пестуновъ, такъ что образовалась довольно большая экспедиція. На слѣдующій день были двѣ интересныя встрѣчи. Во-первыхъ, подъѣзжая къ озеру Баго-нуръ, мы замѣтили навстрѣчу ѣдущаго всадника, по типу не монгола. А черезъ нѣсколько минутъ удостоверились, что это былъ нашъ казакъ. Казакъ Черкашинъ, Красноярской сотни, долженъ былъ, по порученію Ев. Фед. Августуса, доставить въ Уланкомы изъ Кумчика сухари. Когда онъ переѣхалъ хребетъ Тануола и спустился въ долину Хандогайту, то онъ натолкнулся на китайскій пограничный карауль. Караульные монголы его остановили вмѣстѣ съ возами сухарей и доставили китайскому чиновнику, начальнику надъ нѣсколькими китайскими пограничными караулами. Чиновникъ, увидѣвъ русскаго казака въ формѣ и вооруженнаго, отказался его пропустить

Отъ Уланкомы—по китайской границѣ—въ Россію.

въ Монголію черезъ границу, на томъ основаніи, что: 1) карауль этотъ договорами съ Россіей не назначенъ для пропуска черезъ границу русскихъ, 2) что границу могутъ переходить только торгующіе, а не военные чины, да еще съ оружіемъ, и въ 3) у казака не было заграничнаго билета. Положеніе Черкашина было не изъ пріятныхъ; съ одной стороны, ему необходимо было исполнить приказаніе начальника и доставить сухари въ Уланкомы, а съ другой стороны его не снабдили заграничнымъ билетомъ. Рѣшившись оставить на границѣ сухари, Черкашинъ пробрался силою одинъ черезъ границу, напугавъ караульныхъ чиновъ тѣмъ, что будетъ въ нихъ стрѣлять, если они будутъ его задерживать или осмѣлятся по пробовать отнять у него оружіе, какъ хотѣлъ сдѣлать начальникъ караула, и вотъ карьеромъ прискакалъ къ намъ навстрѣчу. Сомнѣнія у насъ уже не было, гдѣ китайская граница. Значитъ, граница не тамъ, на Саянахъ, которую такъ долго, почти 200 лѣтъ, показывали нашимъ русскимъ пограничнымъ и мѣстнымъ властямъ китайцы, а здѣсь, южнѣе хребта Танну-ола; это подтверждается съ особенною яркостью происшедшимъ случаемъ съ казакомъ Черкашинымъ.

Вторая встрѣча—двѣ русскихъ тройки въ экипажахъ съ русскими торгующими, только-что переѣхавшими,—для насъ новую, а для китайцевъ старую—русско-китайскую границу, по перевалу Хандогайту изъ Урянхайской земли въ Монголію и отправляющимися съ маральми рогами въ Улясутай.

Итакъ впередъ, на границу! Вотъ и долина Хандогайту. Хр. Як. Зеллисъ отправляется на китайскій пограничный карауль потребовать объясненія о задержкѣ казака экспедиціи, когда экспедиція имѣетъ разрѣшительный документъ изъ Пекина, да кстати потребовать и проводника, а мы въ долинѣ Хандогайту останавливаемся бивакомъ. Миссія Х. Я. Зеллисомъ исполнена великолѣпно. Послѣ переговоровъ и предъявленія документовъ, караульные чины извинились за задержку казака и дали письменное объясненіе причинъ задержки, а затѣмъ немедленно нарядили двухъ солдатъ-монголовъ, чтобы проводить насъ до слѣдующаго караула по границѣ.

Рано утромъ мы трогаемся прямо на востокъ. Вотъ и граница. Наторенная тропа, обозначенная на всѣхъ вершинахъ особыми кучами, оригинально сложенными по обѣ стороны границы. При внимательномъ наблюденіи, заблудиться трудно. Граница обозначена хорошо. Время бы обѣдать, но проводники говорятъ, что еще немного,—и подѣдемъ къ пограничному знаку. Дѣйствительно, еще небольшой переваль, и

мы увидѣли двѣ кучи камней, одна противъ другой, на разстояніи 100 шаговъ. Между ними проходятъ „Хайчи-дзамъ“,—пограничная дорога. На южной сторонѣ тропы китайскій пограничный знакъ, однотипный съ тѣми, которые уже видѣлъ и снялъ Ев. Фед. Августусъ на первой части пути отъ Алтая. Другой... но чей же знакъ другой, къ сѣверу отъ границы? Куча камней нѣсколько другой формы, но, несомнѣнно, пограничная. Этотъ знакъ уже разрушается. Да и не мудрено. Давно этотъ знакъ былъ поставленъ на русской сторонѣ, да русскіе его потеряли и поправляютъ его некому, точно такъ же, какъ и не поправляются и никѣмъ не наблюдаются пограничные знаки и у Кяхты. Китайскіе знаки въ порядкѣ, да и естественно: ихъ охраняютъ особые караулы. На каждый знакъ поставленъ карауль, обязанный наблюдать за своимъ знакомъ и содержать въ порядкѣ границу до слѣдующаго знака. Эти караулы стоятъ тутъ столѣтія, обязанность охранять границу переходитъ отъ отца къ сыну, отъ поколѣнія къ поколѣнію. И линія карауловъ на нѣсколько тысячъ верстъ стоитъ сотни лѣтъ, наблюдая строго за знаками, за границей и за переходомъ черезъ границу. Порядокъ перехода границы, установленный почти 200 лѣтъ тому назадъ, соблюдается и понынѣ, что мы видѣли на примѣрѣ съ нашимъ казакомъ Черкашинымъ, что намъ подтвердили сами монголы и урянхи; послѣдніе кочуютъ около границы на сѣверной русской половинѣ. Скотъ урянхайскій и скотъ монгольскій не можетъ перейти эту грань-тропу. За всякій случайный переходъ черезъ границу урянхи дорого платятся; скотъ, перешедшій границу, конфискуется, и приходится сговариваться съ чиновникомъ и уплачивать ему штрафъ. Такъ постановлено въ договорѣ Китая съ Россіей еще въ 1727 году (см. приложение къ 10 статьѣ кяхтинскаго трактата), и урянхи, давно уже считающіе себя подданными Богдо-хана, почему-то принуждены подчиняться правиламъ для перехода черезъ границу какъ русскіе подданные и на основаніи договора Россіи съ Китаемъ! Китайцы—торговцы за переходъ этой границы изъ Монголіи въ Урянхай платятъ особую подать улясутайскому Дзянь-цзюню по нѣсколько сотъ ланъ серебра съ фирмы. Вотъ и попробуйте разобраться: почему это дѣлается?.. Россія считаетъ свою границу далеко на 200 верстъ сѣвернѣе, а чудную долину—страну урянховъ—китайскими владѣніями, сами урянхи платятъ подати китайцамъ, а перейти южную границу ни китайцы, ни урянхи, ни русскіе самовольно не могутъ.

Вы, вѣроятно, спросите, читатель, что у насъ есть же на границѣ пограничный комиссаръ? Да, есть; и живетъ онъ въ Кяхтѣ. Долж-

ность пограничнаго комиссара была учреждена тотчасъ послѣ установленія русско-китайской границы въ 1727 году, обязанность этого чиновника была наблюдать за границей, а вдоль по границѣ были поставлены такъ же, какъ и у китайцевъ, пограничные караулы, подчиненные комиссару. Но не до того было въ то время Россіи. Подумайте, читатель: Петербургъ XVIII столѣтія и граница Монголіи? Что общаго! Ну, а теперь-то что же дѣлаетъ кяхтинскій пограничный комиссаръ, живя на самой границѣ? Давно-давно онъ уже не имѣетъ никакого отношенія къ границѣ, а тѣмъ болѣе къ пограничнымъ карауламъ. За 200 лѣтъ было много всякихъ инструкцій ему, послѣдняя создавалась тогда, когда Кяхта кипѣла горячей чайной торговлей съ Китаемъ. И кяхтинскій комиссаръ игралъ роль пограничнаго полицейскаго чиновника; теперь ужъ давно и этотъ періодъ прошелъ, и черезъ Кяхту почти ничего ужъ и не везется, а комиссаръ со своей инструкціей все еще живетъ на самой границѣ, въ очень хорошемъ домѣ, получаетъ порядочное содержаніе и обмѣнивается визитами съ маймаченскимъ Дзоргучеемъ (китайскій чиновникъ). Къ границѣ же никакого отношенія онъ и до сихъ поръ не имѣетъ. Кажется нынѣшній, полный энергіи, жизни и желанія работать пограничный комиссаръ самъ для себя создаетъ какую-то живую работу, но больше политическую и таможенную, а не пограничную. Казалось бы проще всего подчинить кяхтинскому комиссару всѣ русскіе посты на границѣ, а гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ поставить новые, ввѣрить охрану границы пограничному комиссару, да ему же подчинить и таможенную стражу, подчинивъ пограничнаго комиссара генераль-губернатору; тогда мы бы имѣли лицо, отвѣтственное за извѣстный участокъ границы, обязанное выяснить границу, реставрировать знаки и охранять границу, имѣя сношенія съ такой же охраной съ китайской стороны.

Но довольно объ этомъ. Поѣдемъ дальше. Вотъ налѣво виднѣется мощный хребетъ Танну-ола, вершины его покрыты снѣгомъ, по долинамъ безчисленныхъ рѣчекъ, падающихъ съ этого водораздѣльнаго хребта между могучей системой великаго Енисея и внутреннихъ озеръ монгольскаго плоскогорья, тянутся группы тополей, елей и другихъ хвойныхъ и лиственныхъ деревьевъ, а перевалы представляютъ собою все ту же безконечную монгольскую степь. Тамъ вправо внизу виднѣется озеро-море Убса-норъ, блестя своими отраженіями на солнцѣ до боли въ глазахъ. День подходитъ къ концу, мы подошли къ рѣкѣ; какая чудная долина! Могучіе тополя, перемѣшанные съ сосною, елью и даже кедромъ, такъ и тянутъ къ себѣ путника своей тѣнью, послѣ

утомительнаго дня пути подъ жгучимъ, палящимъ солнцемъ монгольской степи. Дальше идти нѣтъ уже силъ. Такъ пріятно отдохнуть въ тѣни великановъ деревьевъ на дѣвственной роскошной травѣ, около быстрой, шумящей рѣки. Да и чего намъ еще сегодня нужно? Мы нашли русско-китайскую границу, навели страхъ, а вмѣстѣ съ нимъ и уваженіе (такъ какъ у азіатовъ страхъ неразрывно связанъ съ уваженіемъ) на китайскаго чиновника и монгольскіе караулы, насъ сопровождаютъ по самой границѣ монголы-солдаты карауловъ, предупредительно показывая самую границу и условія ея охраненія, наконецъ, мы видѣли новые для Россіи, но старыя для Китая, пограничныя знаки; на сегодня довольно.

Утромъ рано въ дальнѣйшій путь. Ев. Фед. Августусъ ѣдетъ впереди и производитъ съемку границы. Вотъ онъ подъѣзжаетъ къ слѣдующему монгольскому караулу—Цицергана. Его недостаточно почтительно встрѣчаютъ, но не таковъ Евг. Фед. Августусъ, сподвижникъ буровъ, лихой развѣдчикъ-стрѣлокъ, уже побывавшій и въ этихъ мѣстахъ; намъ съ нимъ уже не въ первый разъ приводитъ къ почтенію русской силъ азіатовъ. Черезъ полчаса монгольскіе караульные чиновники уже всѣ въ своихъ форменныхъ шапкахъ и курмахъ и ѣдутъ навстрѣчу съ почтеніемъ русской экспедиціи. Экспедиція стройно подходитъ къ караулу съ лихою казачьею пѣснею, еще первый разъ раздающейся въ этихъ мѣстахъ. Начинается обычное присѣданіе чиновниковъ-монголовъ и отданіе почестей русской экспедиціи. Мѣняются проводники, и экспедиція слѣдуетъ дальше. Вотъ и опять пограничный знакъ. Нарочно подъѣзжаемъ къ кочевьямъ сойотъ (уряньховъ); никто не говоритъ по-монгольски и по-русски, но у насъ есть молодецъ, говорящій по-уряньхайски. „Что это за куча?“ Спрашиваемъ растерявшихся сойотъ.—„Это—граница“.—„А вы можете переходить эту границу?“—„Нѣтъ, нельзя“.—„Чьи же вы подданные?“—„Богдыхана“. Вотъ и подите, разберитесь съ этой тарабарщиной. „Да на чьей же землѣ вы кочуете?“ „На нашей“.—„А скотъ это чей?“—„Это нашъ, а тамъ, по ту сторону границы,—монголовъ“. Удивленно смотрятъ на насъ уряньхи, ничего, очевидно, не понимая. Вотъ и еще пограничный знакъ, а къ вечеру подходимъ къ другому монгольскому караулу. Опять съ лихою казачьею пѣснею, стройнымъ военнымъ отрядомъ, развѣздомъ, и съ почтеніемъ за три-пять верстъ встрѣчаютъ насъ начальники карауловъ—монгольскіе чиновники. Опять чудный ночлегъ на берегу рѣки, въ тѣни деревьевъ, на хорошемъ корму. Есть и баранъ, и молоко, и ночной караульный для лошадей и верблюдовъ. Еще и еще такой же переходъ по „хайчи дзамъ“—пограничной дорогѣ, и мы приближаемся къ рѣкѣ Самголтаѣ. Здѣсь

на Самголтаѣ живетъ старый пріятель начальника экспедиціи Амбань-найонъ урянхайскій, первый и старшій чиновникъ и начальникъ урянховъ. Останавливаемся въ роскошной долинѣ Самголтая, раскидываемъ палатки, урядникъ съ двумя казаками посылаются въ Амбань-найону съ подарками, привѣтствіемъ и карточкою. Пока обѣдаемъ да устраиваемся на ночлегъ, возвратились и посланные, съ привѣтомъ и приглашеніемъ посѣтить найона. Раскинувъ флагъ экспедиціи, съ пѣснею, большой кавалькадою,—три офицера и пятнадцать казаковъ,—ѣдемъ къ палаткѣ Амбань-найона. Вотъ и онъ со своими чиновниками. Ведется обычный разговоръ при визитахъ въ юртѣ, уставленной всевозможными явствами въ китайско-монгольскомъ вкусѣ, незамѣнимой аракой, чаемъ и т. д. Но какая разница въ пріемѣ семь лѣтъ тому назадъ и теперь! Тогда этотъ самый азіатъ-найонъ допытывался, кто мы, да зачѣмъ, да имѣемъ ли разрѣшеніе китайскаго правительства, строгая провѣрка документовъ, придирки и такъ далѣе; а теперь никакихъ документовъ не спрашиваютъ, руки трясутся, всѣ испуганные, съ глубокимъ почтеніемъ и наружною вѣжливостью. Да... многое измѣнилось. На другой день найонъ съ большою свитою является съ отвѣтнымъ визитомъ; мы его принимаемъ насколько возможно торжественно; онъ привезъ и показываетъ намъ золотую медаль на лентѣ св. Станислава, пожалованную ему за пріемъ первой еще экспедиціи въ 1903 году. При интересномъ обмѣнѣ мнѣній выясняется, что урянхи платятъ подати въ Улясутай добровольно сто—сто-пятьдесятъ лѣтъ, что раньше они китайцамъ никакихъ податей не платили. Мы показываемъ имъ Буринскій договоръ на монгольскомъ языкѣ, гдѣ говорится объ урянхахъ. Найонъ пораженъ. Горячій разговоръ долго поддерживается на эту тему.—Но вотъ найонъ уѣзжаетъ, пора и намъ отправляться дальше. Снова опять выѣзжаемъ на „хайчи-дзамъ“, вотъ и опять пограничный знакъ, спускаемся къ рѣкѣ Теси и идемъ ея долиной; ночлегъ. На другой день подходимъ къ караулу Эрсинъ, затѣмъ опять пограничный знакъ, и подходимъ къ караулу Дзиндзиликъ. Это—первый пропускной пунктъ черезъ русско-китайскую границу. Только здѣсь, на этомъ караулѣ, русскіе имѣютъ право переѣзжать въ Монголію съ товарами. Здѣсь должны предъявляться русскими заграничные паспорта и товары, и поэтому на этомъ караулѣ живетъ важный китайскій чиновникъ, но онъ такъ испугался экспедиціи, что совершенно спрятался, и мы не могли, да и не стали особенно его разыскивать. Отсюда начинается для насъ, такъ сказать, отчасти новая обстановка нашего путешествія по границѣ. Очевидно, китайскій „Кхя“ на Дзиндзиликѣ,

подчиненный ургинскому амбаню, получилъ уже изъ Урги опредѣленныя инструкціи. Нужно замѣтить, что до сихъ поръ мы ѣхали по границѣ, находящейся въ завѣдываніи Кобдосскаго амбана, у котораго мы съ визитомъ не были, и о появленіи насъ на границѣ онъ, вѣроятно, своевременно не получилъ извѣстія и потому не могъ сдѣлать распоряженій, чтобы намъ помѣшали дѣлать наше дѣло. Для насъ это было очень важно, такъ какъ главнымъ образомъ у насъ не было данныхъ о томъ именно, гдѣ проходитъ русско-китайская граница на западѣ: отъ Дзиндзилика до Алтая. Границу эту мы теперь узнали, а дальше, на востокъ къ Косоголу, у насъ въ рукахъ была китайская съемка границы, и мы могли идти безъ всякой указки и проводниковъ. Однако китайская съемка границы начиналась съ половины пути между Дзиндзиликскимъ и Баянъ-Булуцкимъ караулами, и намъ нужно было дойти до пограничнаго знака, называемаго „Мадо“, а по договору онъ называется „Кынзе-мадо“. Найти этотъ знакъ намъ было необходимо. Проводники-монголы, назначенные намъ отъ Дзиндзиликскаго караула, заявили намъ, что на востокъ къ караулу Баянъ-Булуцъ идутъ двѣ дороги: одна „хайчи-дзамъ“ по долинѣ Нарынъ-голь, очень неудобная, горная и лѣсная, по которой съ верблюдами никакъ не пройти, а другая „караульная“ дорога тоже горная, но болѣе удобная. Не бросать же было верблюдовъ, и потому мы тронулись по „караульной дорогѣ“. Пройдя верстъ пятнадцать на востокъ, остановились на ночлегъ, а на другой день рано утромъ подошли къ ручью Ганзанъ-мадо, который китайцы въ договорахъ 1727 года переименовали Кынзе-мадо. Поднимаясь отъ ключа, мы спрашиваемъ проводника: „гдѣ же „Хайчи-обо-мадо“, т.-е. пограничный знакъ Мадо?“ Проводникъ начинаетъ намъ врать. Сначала сказалъ, что мы его прошли мимо. Тогда экспедиція остановилась, и проводникъ въ сопровожденіи членовъ экспедиціи былъ отправленъ осмотрѣть знакъ. Когда пріѣхали на указанную вершину, на ней никакого знака не оказалось, даже нѣтъ никакого „обо“. Ясно, что монголъ насъ обманулъ. Идемъ дальше. Вотъ поднялись на большой перевалъ, и на немъ случайно нашли „обо“, но полуразрушенное. Гдѣ-же „Хайчи-обо“? Монголъ объясняетъ, что во время лѣснаго пожара его разрушили и сожгли; затѣмъ опять даетъ новое объясненіе, очевидно путаетъ. Не зная „Хайчи-обо“ проводникъ-монголъ караульный солдатъ этого караула не могъ, такъ какъ охрана знака входитъ въ обязанность чиновъ караула. Монголъ почтенный, давно служащій на караулѣ, слѣдовательно тѣмъ болѣе не могъ не знать. Стали спускаться отъ „обо“ и замѣтили какую-то странную линію, обозначенную колыш-

ками, уже частью сгнившими, частью поваленными, а отчасти хорошо еще сохранившимися. Пошли вдоль этих колышковъ. Линія идетъ строго на востокъ. Вытащили китайскую съемку, стали соображать, ориентироваться. Надо думать, что мы идемъ по границѣ, но вотъ газарчи сворачиваетъ въ сторону. „Эй, стой! Куда ты пошелъ, вѣдь вотъ куда идетъ „Хайчи-дзамъ!“—кричимъ мы проводнику. Онъ намъ отвѣчаетъ, что тутъ пройти нельзя и что на карауль нужно итти сюда къ югу. Такъ какъ мы видѣли, что къ нашему газарчи (проводнику) подѣзжали какіе-то монголы, о чемъ-то долго говорили, то для насъ стало очевиднымъ, что проводникъ сознательно насъ путаетъ, чтобы мы не могли изучить границу. Пришлось заставить проводника идти по границѣ, которая была такъ отчетливо обозначена на мѣстности рядомъ кольевъ, затѣмъ далѣе рядомъ камней, опять кольевъ и такъ далѣе. Эта линія шла прямо на востокъ и вполне совпадала съ границей, указанной на китайской съемкѣ. Изъ описанія, приложеннаго къ съемкѣ, было видно, что восточные караулы, т.-е. отъ Дзиндзилика, расположены не на самой границѣ, подобно западнымъ, мимо которыхъ мы прошли, а южнѣе въ 7—10—15 верстахъ. Намъ было необходимо провѣрить китайскую съемку границы и одновременно сдѣлать съемку караульной дороги и нанести на съемку караулы. Х. Я. Зеллисъ съ двумя казаками и китайской съемкой въ рукахъ отправился по границѣ, а мы отправились по караульной дорогѣ. Но и тутъ проводникъ началъ что-то путать и въ концѣ-концовъ заявилъ, что онъ заблудился, дороги не знаетъ и что у него голова болить... И начались различные фокусы въ этомъ родѣ. То мы долго не можемъ найти караула, а найдя караульные юрты—не можемъ найти караульное начальство, то нѣтъ лошадей, то не знаетъ никто дороги. Прошли карауль Баинъ-Булукъ, Дзайгыль, Хациге. И все одна и та же картина. Х. Я. Зеллисъ придумывалъ уже разные хитрости, чтобы попадать на границу. Обыкновенно, мы отправлялись съ мѣсть ночлега всѣ вмѣстѣ, брали двухъ проводниковъ и на первыхъ пяти-шести верстахъ замѣчали, который изъ проводниковъ болѣе старательный. Тогда Зеллисъ отправлялся будто бы на охоту, взявъ съ собой этого проводника и прямо ѣхалъ на границу, а найдя границу, онъ слѣдовалъ по ней. Проводникъ понималъ тогда, что дѣлаетъ найонъ, и начиналъ пускать разныя хитрости въ ходъ, чтобы или отвести его съ границы, или помѣшать слѣдовать по границѣ, а то и просто скрывался. Конечно, это не могло лишить насъ возможности прослѣдить границу, такъ какъ, къ счастью, у насъ была въ рукахъ съемка ки-

тайцевъ, правда хотя не изъ хорошихъ, но ориентироваться по ней было возможно, особенно человѣку, хорошо владѣющему китайскимъ и монгольскимъ языками. На одномъ изъ карауловъ дѣло дошло до того, что проводникъ Х. Я. Зеллиса убѣждалъ пѣшкомъ, оставивъ лошадь съ сѣдломъ. Сколько мы ни отыскивали хозяина лошади и сѣдла, вызывали начальниковъ караула,—всѣ куда-то скрылись и не могли никого найти, чтобы отдать лошадь, такъ она и осталась въ экспедиціи. При выходѣ съ караула „Хациге“ проводникъ повелъ насъ куда-то на югъ. Мы его остановили, послали впередъ по хорошо наторенной тропѣ казака развѣдать; оказалось, что по дорогѣ пройти вполне удобно и возможно, несмотря на увѣреніе насъ въ противномъ. Пошли. Объяснилось, что просто проводникъ не хотѣлъ насъ провести мимо караульныхъ юртъ, чтобы не показать, гдѣ собственно находится карауль. На полпути проводникъ просто хотѣлъ удрать отъ насъ, а когда ему этого не удалось, то, пройдя верстъ десять, онъ заявилъ, что онъ дальше не знаетъ дороги. Все это, конечно, было чистѣйшая ложь, такъ какъ каждый изъ караульныхъ монголовъ, въ предѣлахъ своего караула, знаетъ каждый кустикъ, каждую ямку, ибо всю жизнь пасутъ тутъ скотъ, охотятся, ѣздятъ съ порученіями, охраняютъ границу. Приходилось принимать экстраординарныя мѣры, чтобы выполнить все-таки свою задачу. Но вотъ прошли карауль Шавыръ, спускаемся къ караулу Агари. Снѣгъ идетъ, мятель поднялась, и ничего не видно, а тутъ, какъ на зло, усталъ верблюдъ—пришлось бросить его на дорогѣ. Спустились въ долину, увидѣли юрты, послали казака впередъ. Никто не выѣхалъ навстрѣчу, нѣтъ дровъ, не знаемъ, гдѣ встать. Приходится принять рѣшительныя мѣры. Евг. Фед. Августусъ ѣдетъ впередъ, разыскиваетъ начальство караула. Оказывается, тутъ кочуетъ большой монгольскій чиновникъ „туслакчи“, начальникъ надъ десятью караулами. Принялъ очень грубо Евг. Фед. Августуса, но нашъ партизанъ-начальникъ авангарда не изъ тѣхъ, чтобы надъ нимъ монголы выкидывали штуки. Черезъ десять минутъ ужъ „туслакчи“ во всей своей парадной формѣ встрѣчаетъ экспедицію съ поклонами и прочими знаками вниманія. Появились дрова, молоко, баранъ, проводники, караульщики и такъ далѣе.

На пути мы получили, наконецъ, свѣдѣнія о нашемъ потерявшемся товарищѣ Ал. П. Запольскомъ, котораго отыскиваемъ отъ самой Уланкомы и не получили до сихъ поръ никакихъ о немъ свѣдѣній. Встрѣтили русскихъ, и они намъ объяснили, что онъ лежитъ больной въ Дархатахъ. По пути въ Дархаты изъ Кяхты онъ неосто-

рожно порубилъ себѣ ногу и разболѣлся. Намъ рассказали въ такихъ мрачныхъ краскахъ, что мы рѣшили обязательно отправиться выручать товарища въ Дархаты. Рѣшено было, что Х. Я. Зеллисъ будетъ продолжать слѣдовать по границѣ, Евг. Фед. Августусъ поѣдетъ по караульной дорогѣ, а я съ верблюдами заѣду за Запольскимъ. Кратчайшая дорога въ Дархаты отходитъ отъ караула Агари. Нужно значить только найти проводника. Такъ какъ всѣ жители этого и ближайшихъ карауловъ постоянно бываютъ въ Дархатахъ, покупаютъ товары и продаютъ сырье, то казалось бы, что затрудненій найти проводника не встрѣтится. Стали искать проводника, и вдругъ оказалось, что никто не знаетъ, какъ пройти въ Дархаты. Прямо возмутительно. Пришлось заявить „туслакчи“, что если онъ не дастъ проводника, то самъ поведетъ насъ; но „туслакчи“ объяснилъ, что онъ тутъ недавно, никого и ничего не знаетъ. Случайно казаки услышали разговоръ среди монголовъ, что они знаютъ дорогу, но никто не пойдетъ. Мы предложили какую угодно цѣну, на примѣръ, десять ланъ въ день, т.-е. 13 рублей. Нашелся одинъ, да и то по принужденію, насильно. Утромъ пришлось послать казаковъ и привести насильно проводниковъ. Тронулись. Прошли верстъ пять, проводникъ заявляетъ, что не пойдетъ дальше. Проводники по караульной дорогѣ тоже отказываются идти, все что-то шепчутся между собой, наконецъ, просятъ съѣздить къ дзангину. Гдѣ „дзангинъ“? Вотъ его юрта. Стой! Зовите сюда дзангина. Поѣхали. Проходитъ полчаса, никто не возвращается. Мы одни безъ проводника, между юртами скачутъ верховые, но къ намъ никто не ѣдетъ. Поѣхалъ Х. Я. Зеллисъ, ведетъ переговоры, его встрѣчаютъ ужъ прямо съ нескрываемой злобой. Тогда ѣдетъ Евг. Фед. Августусъ съ казаками и по моему приказанію приводитъ дзангина силою, выдержавъ при этомъ даже нападеніе монголовъ на него. Дзангинъ усмиранный является все-таки съ почтеніемъ, приводитъ двухъ проводниковъ, но нѣтъ проводника въ Дархаты. Очевидно, монголы рѣшили по какимъ-то соображеніямъ насъ не пускать въ Дархаты. Тогда мы рѣшаемся найти во что бы то ни стало проводника на слѣдующемъ караулѣ и трогаемся по караульной дорогѣ. Наши проводники смотрятъ на насъ „волками“, на всѣ наши распросы отвѣчаютъ незнаніемъ или непониманіемъ, а одинъ прикидывается глухимъ. Т.-е. сколько всякаго рода ухищреній, трудно себѣ представить! Замѣчательно изворотливый, ловкій, хитрый, а, главное, солидарный народъ. Для насъ выясняется, да намъ и проболтался одинъ изъ монголовъ, что прошла по карауламъ бумага изъ Урги о томъ, что ѣдетъ нойонъ Поповъ, и что ему

ничего не нужно показывать, но русскій нойонъ такой сердитый, говорятъ монголы, что захочетъ, то и дѣлаетъ, и противъ него ничего не подѣлаешь. Захочетъ осмотрѣть „Хайчи-дзамъ“ и осмотритъ, потребуетъ проводника—хочешь не хочешь, а придется ему дать... Однако терпѣніе наше начинаетъ истощаться, ежедневно цѣлая сотня всякихъ мелкихъ препятствій и непріятностей очень серьезно вліяетъ на нервы и на удобство работы. Кто это догоняетъ насъ карьеромъ? Оказывается, проводникъ, посланный отъ Ан. П. Шубина. Начинаемъ спрашивать, что тамъ, въ Дархатахъ, какъ здоровье Запольскаго, въ какомъ положеніи его рана. Узнаемъ, что Запольскій уже поправился и собирается выѣхать къ намъ навстрѣчу. Значитъ, необходимость ѣхать въ Дархаты миновала. Тѣмъ лучше. Теперь мы спокойны. Въ услугахъ монголовъ-проводниковъ не нуждаемся. И всѣ наши непріятныя исторіи окончились.

Вотъ спустились и въ чудную долину р. Тельгиръ-мурина, перешли горный хребетъ, прошли мимо карауловъ Белтысь, подошли и къ караулу Хатхыль. Здѣсь должны окончиться наши работы, такъ какъ участокъ границы отъ Хатхыла до Кяхты провѣренъ Запольскимъ. Хатхыль очень важный пунктъ на границѣ, здѣсь совершается много сдѣлокъ по покупкѣ скота, мимо Хатхыла постоянно проѣзжаютъ русскіе торгующіе, отсюда иркутскіе и тункинскіе купцы отправляются въ Монголію для закупки скота, и сюда подгоняютъ десятки тысячъ головъ скота. Переночевали по-сосѣдству съ русскими торгующими на берегу рѣки Иги; безпокоились довольно долго за отсутствіемъ Х. Я. Зеллиса, уѣхавшаго на границу; въ полночь раздался выстрѣлъ изъ казачьей винтовки, мы сейчасъ же отвѣтили выстрѣломъ, и черезъ пятнадцать минутъ Х. Я. Зеллисъ былъ въ палаткѣ. Граница установлена, караулы нанесены на съемку, проданы за безцѣнокъ верблюды и усталыя лошади, нанято нѣсколько вьючныхъ лошадей, за цѣну дороже стоимости верблюдовъ, но со всѣмъ этимъ приходится мириться.

Прощай Монголія—можетъ-быть, на долго, а, можетъ-быть, и навсегда! Съ Богомъ, въ путь въ Россію! Перешли границу, вотъ и чудныя, не забытыя еще изъ прежняго путешествія, величественныя картины окрестностей озера Косогола. Синее, а временами почти бирюзовое море, окаймленное крутыми горами, покрытыми растительностью, принявшей уже осенніе удивительно разнообразныя цвѣта, вершины горъ покрыты снѣгами, виднѣется и могучая бѣлая шапка ледниковъ Мунко-сардыкъ. Тамъ беретъ начало родной Иркутъ. Вотъ и прежняя русская граница въ долину Ханхи, карантинъ и первый русскій поселокъ Монды. Экспедиція закончена.

В. Л. Поповъ.

Изъ путевого дневника.

Селенга.

20-го мая 1910 г. я вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами монгольской экспедиціи выѣхалъ изъ Верхнеудинска на Кяхту, вверхъ по Селенгѣ, на пароходѣ „Софроній“, принадлежащемъ купцу Бармину. Пароходъ очень небольшой и везъ лишь членовъ экспедиціи и ея грузъ.

Здѣсь, у Верхнеудинска и выше до Усть-Кяхты, Селенга довольно широка, до 150—170 сажень, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка разбивается на нѣсколько протоковъ, она занимаетъ пространство болѣе версты. Берега скалисты и обрывисты, иногда спускаются къ рѣкѣ террасами, иногда же обрываются совершенно круто, и въ такихъ мѣстахъ русло Селенги суживается.

Въ теченіе пути Барминъ далъ слѣдующія указанія о судоходствѣ по р. Селенгѣ. Почти на всемъ своемъ пути по русскимъ владѣніямъ Селенга, благодаря своей ширинѣ и глубинѣ, вполне пригодна для судоходства. По Монголіи же были попытки со стороны Товарищества „Коковинъ Басовъ“ провести небольшіе пароходы по Селенгѣ до сліянія ея съ притокомъ Тель-Муринъ.

Въ русскихъ владѣніяхъ на Селенгѣ нѣтъ большихъ пороговъ, нѣтъ глубокихъ перепадовъ воды, но зато есть довольно много перекаатовъ, до сихъ поръ еще не обслѣдованныхъ точно и слабо обставленныхъ, что затрудняетъ плаваніе. Отъ Верхнеудинска до Усть-Кяхты насчитывается до 20 перекаатовъ, то песчаныхъ, то каменистыхъ, являющихся опасными главнымъ образомъ вслѣдствіе стѣсненія ихъ одновременно каменными гребнями. Протяженіе перекаатовъ небольшое—обыкновенно нѣсколько сажень. Глубина воды на нихъ 5—6 четвертей—въ обыкновенную воду; во время же спада воды перекааты эти сильно мельчаютъ; такъ, за пристанью Билютуйской до Усть-Кяхты насчитывается 5 такихъ перекаатовъ, которые въ мелкую воду имѣютъ всего 2—3 четверти; поэтому по нимъ можетъ итти въ это время пароходъ лишь не вполне нагруженный. Послѣднее замѣчается обыкновенно осенью, передъ замерзаніемъ рѣки, и само собою какъ бы

указываетъ время прекращенія судоходства. Впрочемъ особенно низкой воды на Селенгѣ никогда не замѣчается, благодаря обилію лѣсовъ въ верховьяхъ Селенги и ея притоковъ, которые даютъ этимъ рѣкамъ всегда массу воды. Обыкновенно разни́ца между наивысшей водою и наименьшей не превышаетъ одной сажени. Определе́ніе это можетъ быть и не вполне точно, такъ какъ нигдѣ по Селенгѣ водомѣрныхъ столбовъ не имѣется и записей соотвѣтствующихъ нивѣмъ не ведется. Между тѣмъ для судоходства устройство въ извѣстныхъ мѣстахъ такихъ водомѣрныхъ столбовъ было бы не только полезно, но и необходимо.

Характерной особенностью р. Селенги является то обстоятельство, что наивысшій уровень ея наблюдается не весною, какъ обыкновенно, а лѣтомъ; это явленіе находится въ зависимости отъ большого количества выпадающихъ въ Монголіи лѣтнихъ дождей, которые и переполняютъ верховья Селенги и ея многочисленныхъ притоковъ. Дѣйствительно, въ послѣдствіи мы были свидѣтелями чрезвычайной полноводности монгольскихъ рѣкъ именно въ іюнѣ—іюлѣ мѣсяцахъ.

Судоходство по Селенгѣ совершается съ апрѣля и до октября.

Начали пароходы ходить съ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія; принадлежали они Кяхтинскому Пароходному Товариществу и перевозили какъ пассажировъ, такъ и грузы по очень высокой цѣнѣ.

Въ настоящее время по Селенгѣ имѣются слѣдующія пароходства:

1) Товарищество Байкальскаго пароходства и торговли. Товарищество открыто 7 лѣтъ назадъ. Первый пароходъ ихъ былъ „Добрыня“ въ 45 силъ, нынѣ носитъ названіе „Серафимъ“, буксируетъ вверхъ 3—4 тыс. пудовъ. Затѣмъ былъ купленъ „Работникъ“ въ 65 силъ, ходившій ранѣе по Миссисипи въ Америкѣ и перевезенный въ Сибирь въ цѣляхъ основанія пароходства до Урги. Въ 1908 году одинъ изъ членовъ Товарищества, Коковинъ, купилъ цѣлое пароходство за 130.000 у наслѣдниковъ Нѣмчинова въ составѣ 9-ти судовъ, изъ которыхъ по Селенгѣ ходитъ въ настоящее время одинъ „Сибирякъ“, остальные ходятъ по Байкалу. Суда были пріобрѣтены въ разсрочку на 10 лѣтъ со всѣми пристанями, мастерскими и инвентаремъ по случаю смерти владѣльца.

2) „Селенговое Товарищество“ основано въ 1909 г. съ капиталомъ въ 40.000 рублей. У Нѣмчинова была куплена Товариществомъ баржа, машина пріобрѣтена на Сормовскомъ заводѣ, котелъ заказанъ въ Сосновицахъ, корпусъ построенъ въ Лиственичномъ, заложили въ этомъ году новую баржу и еще купили двѣ старыхъ.

3) „Верхнеудинская Компанія“. Товарищество основано въ 1909 г.; имѣеть пароходъ „Иннокентій“ въ 25 силъ, купленный на Волгѣ у Стенбокъ-Фермора.

Большая часть перечисленныхъ пароходовъ приобрѣтена была первоначально или въ Россіи, или за границей; устройство же собственныхъ мастерскихъ въ Сибири на мѣстѣ пока невозможно за отсутствіемъ специальныхъ рабочихъ. Между тѣмъ оборудованіе пароходнаго завода или хорошихъ мастерскихъ способствовало бы, несомнѣнно, развитію пароходства по Селенгѣ, Чукою и другимъ ея притокамъ.

Скорость движенія селенгинскихъ пароходовъ опредѣляется въ 15 верстъ въ часъ внизъ по теченію и верстъ 6 вверхъ по теченію, когда пароходъ буксируетъ баржу; безъ баржи же скорость доходитъ до 20 верстъ внизъ по теченію и верстъ 8—10—вверхъ.

Фрахтъ по Селенгѣ довольно высокъ: съ пуда и версты берутъ $\frac{1}{18}$ коп.; такимъ образомъ провозъ одного пуда товаровъ отъ Верхнеудинска до Кяхты обходится въ 30 коп.

Селенгинское пароходство чрезвычайно важно для русско-монгольской и русско-китайской торговли: вверхъ по Селенгѣ идутъ мануфактурные товары, направляемые въ Монголію, затѣмъ бакалея, хлѣбъ; внизъ же по Селенгѣ идутъ лѣсные товары, сплавляемые на плотахъ, шерсть, орѣхи, чай и пр.

Пароходъ „Софроній“ доставилъ насъ 24-го мая, утромъ, до Усть-Кяхты, откуда намъ предстояло сдѣлать верстъ 30 на лошадахъ до г. Кяхты. Весь багажъ нашъ былъ сложенъ на 19 подводкахъ, приблизительно по 30 пуд. на каждую, и доставленъ во дворъ купца Могильникова, гдѣ и сложенъ въ сараяхъ*). Члены экспедиціи размѣстились частью на тройкахъ, а часть съ мѣстнымъ купцомъ Лушниковымъ отправились на его автомобиль. Дорога отъ Усть-Кяхты до г. Кяхты сильно песчаная; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пески настолько глубоки, что автомобиль, несмотря на свою прекрасную конструкцію и силу подъема, отказывался ѣхать. Приходилось вставать, итти пѣшкомъ, но и порожнякомъ автомобиль двигался съ большимъ трудомъ. Между тѣмъ движеніе грузовъ между Кяхтой и Усть-Кяхтой, особенно въ лѣтнее время, когда открыта навигація по Селенгѣ, чрезвычайно большое; масса подводъ занята перевозкой всевозможныхъ товаровъ, и приведеніе дороги въ болѣе сносный видъ является весьма необходимымъ.

*) Плата за провозъ товаровъ отъ пристани Усть-Кяхты до Кяхты 6—7 коп. съ пуда.

Выѣздъ экспедиціи изъ Кяхты.

Видъ горъ, сѣверные склоны которыхъ покрыты лѣсами, а южные безлѣсны.

Въ Кяхтѣ вся экспедиція остановилась, по приглашенію хозяина, въ домѣ купца Михаила Алексѣевича Лушникова, съ которымъ ѣхала вмѣстѣ отъ самой Москвы.

Знакомство съ М. А. Лушниковымъ и пребываніе экспедиціи у него въ домѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней было весьма кстати, такъ какъ дало возможность экспедиціи познакомиться со многими интересовавшими ее вопросами и получить цѣнныя свѣдѣнія и указанія относительно торговли въ Монголіи.

Въ Кяхтѣ экспедиція пробыла 8 дней, употребивъ все время на знакомство съ городомъ, его торговлей, нуждами русскихъ торговцевъ и пр. Всѣмъ, ѣдущимъ въ Монголію, на основаніи личного опыта, можно посоветовать передъ отъѣздомъ подольше задержаться въ Кяхтѣ, дабы собрать возможно полныя свѣдѣнія о Монголіи, ея торговой и экономической жизни и бытовыхъ особенностяхъ отъ кяхтинскихъ старожиловъ, имѣющихъ преемственно вѣковыя сношенія съ Монголіей и прекрасно изучившихъ монгольскую матеріальную и духовную культуру. Кяхта.

Въ Кяхтѣ и смежномъ съ ней Троицкосавскѣ чуть ли не половина населенія говоритъ по-монгольски, работаетъ въ Монголіи и живетъ отъ монголь; въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ Кяхты расположенъ китайскій городъ Маймачень съ значительными торговыми оборотами, гдѣ имѣютъ пребываніе многія выдающіяся пекинскія и шансисскія фирмы, представители которыхъ говорятъ по-русски; въ самой Кяхтѣ имѣется замѣчательный монгольскій музей, гдѣ съ большою любовью и тщательностью собрано все относящееся къ монгольской культурѣ; здѣсь же имѣются карантинный пунктъ и таможня. Наконецъ, Кяхта является отправнымъ и пріемнымъ пунктомъ товаровъ, идущихъ въ Монголію и изъ Монголіи въ Россію. Такимъ образомъ всякій, кто подольше поживетъ въ Кяхтѣ и внимательно изучитъ всѣ ея особенности, тотъ положитъ прочный фундаментъ къ познанію современной Монголіи.

Во время пребыванія въ Кяхтѣ члены экспедиціи сдѣлали визитъ кяхтинскому комиссару, официальному представителю русской власти, вѣдающему торгово-политическими отношеніями между русскими, монголами и китайцами. Александръ Дмитріевичъ Хитрово оказался человекомъ широко освѣдомленнымъ въ вопросѣ о положеніи русской

торговли въ Монголіи и основательнымъ знатокомъ русско-монгольскаго вопроса.

Въ бесѣдѣ съ членами экспедиціи А. Д. Хитрово высказалъ приблизительно слѣдующее.

Монгольскій рынокъ—богатѣйшій и огромный; большую часть своего сырья онъ направляетъ сейчасъ въ Тяньцзинь, со стороны котораго и питается всѣмъ ему потребнымъ; западная часть Монголіи почти исключительно степная, кочевая, въ то время какъ восточная Приманьчжурская — осѣдло-кочевая, со смѣшаннымъ земледѣльческо-скотоводческимъ хозяйствомъ и наполовину колонизированная китайцами.

Монголія намѣчена Китаемъ подъ свою колонизацію; это—фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію и подтверждающійся тѣми указами и распоряженіями правительства, которыя послѣдовали за послѣднія пять лѣтъ.

Монголія нужна Китаю въ двухъ цѣляхъ: для укрѣпленія своихъ границъ съ Россіей и какъ резервъ для выхода избытка своего населенія изнутри страны. Какъ Китай колонизуетъ, мы видимъ по Маньчжуріи, гдѣ за 50 лѣтъ населеніе съ 3-хъ милліоновъ возросло до 17 мил. Что же можно ожидать послѣ того относительно дѣвственной Монголіи, гдѣ земли используются только въ одной сотой всѣхъ ихъ площадей! Пекинъ-Калганская жел. дорога скоро закончится и не замедлитъ продлиться до Урги, одинаково въ цѣляхъ торговыхъ, если еще не больше колонизаціонныхъ.

Фактъ закрытія въ Калганѣ отдѣленія Русско-Китайскаго банка и сведенія на-нѣтъ Ургинскаго ни съ одной стороны не можетъ найти оправданія. Вѣковая артерія Калганъ—Урга—Кяхта, временно угасшая, вновь заживетъ,—она на пути къ расцвѣту, и время это самага недалекаго будущаго.

Черезъ Сибирскую дорогу мы приблизились къ Китаю. Подъѣздные пути къ магистрали съ юга, какъ извѣстно, уже проектируются, и мы становимся тамъ въ отношеніи Китая съ его вассальными владѣніями въ болѣе блестящее и выгодное положеніе, чѣмъ положеніе Западной Европы относительно насъ.

Далѣе Хитрово указалъ, что вывозъ монгольскаго сырья въ Россію наиболѣе способенъ поддерживать на желательной высотѣ экспортъ русскихъ фабрикатовъ въ Монголію. Однако карантинныя мѣры, принимаемыя на пограничныхъ ветеринарныхъ пунктахъ, вслѣдствіе своей

безсистемности, не достигая цѣли, наносятъ громадный ущербъ торговлѣ монгольскимъ сырьемъ.

Наше личное посѣщеніе впослѣдствіи карантиннаго пункта убѣдило насъ въ примитивности и нецѣлесообразности приѣмовъ, употребляемыхъ для обеззараживанія кожъ отъ чумы: послѣднія, подвергаясь вымачиванію въ сулемѣ, нерѣдко портятся, особенно при осенней замочкѣ, когда не успѣваютъ хорошо высохнуть и замерзаютъ. Реальныхъ результатовъ отъ практикуемыхъ приѣмовъ не можетъ быть никакихъ, а убытки, кромѣ потери времени, падаютъ на каждую крупную кожу въ размѣрѣ 30 коп. (27 к. за замочку и 3 к. за укупорку), а на мелкія—10—12 коп. Только устройство дезинфекціонныхъ камеръ, которыхъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ торговцы монгольскимъ сырьемъ, можетъ примирить населеніе съ существованіемъ карантина.

Вывозимый въ большомъ количествѣ въ Россію сурокъ, также изъ боязни занесенія чумы на людей, нерѣдко задерживается долгое время на карантинныхъ пунктахъ; въ лучшихъ случаяхъ, будучи обрызгиваемъ карболовой кислотой, пропускается въ Россію. Подобная мѣра дѣлается больше для отвода глазъ, чѣмъ для уничтоженія чумныхъ началъ на кожахъ сурка. Рогатый скотъ, въ цѣляхъ предупрежденія заноса въ Сибирь чумы, также подвергается карантину на ветеринарныхъ заставахъ въ теченіе 21 дня. Если скотъ окажется неблагополучнымъ, то задерживается на неопредѣленно долгое время. Скотопромышленники намъ указывали на случаи, когда ихъ гурты задерживались до 4-хъ и болѣе мѣсяцевъ. Все это вмѣстѣ взятое разстраиваетъ коммерческіе расчеты торговцевъ и подрываетъ все торговое дѣло между Монголіей и Россіей.

Устройство боень-холодильниковъ для скота и дезинфекціонныхъ камеръ для кожъ и сурка является единственно дѣйствительной мѣрой, могущей направить скотопромышленное и сырьевое дѣло съ Монголіей въ надлежащее русло.

А. Д. Хитрово взялъ на себя трудъ представить экспедицію высшему представителю китайскаго правительства въ Маймаченѣ—дзаргучею. Въ вѣдѣніи послѣдняго находятся всѣ китайцы въ Маймаченѣ, онъ же занимается разборомъ тяжбъ между монголами и китайцами, выдаетъ мѣстнымъ китайскимъ купцамъ свидѣтельства на право торговли и пр. Доходы его опредѣляются до 60 тысячъ ланъ серебромъ (72 тыс. руб.) ежегодно.

По установившемуся обычаю, отъ комиссара былъ командированъ къ дзаргучею чиновникъ съ извѣщеніемъ, что члены монгольской экспе-

диціи желаютъ сдѣлать дзаргучею визитъ. Чиновникъ возвратился съ извѣстіемъ, что дзаргучей радъ будетъ видѣть у себя членовъ московской экспедиціи. Тогда всѣ члены изъ квартиры комиссара, во главѣ съ А. Д. Хитрово, направились въ Маймаченъ къ дзаргучею. Стоило перейти только площадь въ 50 сажень отъ квартиры комиссара, чтобы мы очутились въ китайскомъ городѣ Маймаченѣ.

Кяхтинскій Маймаченъ во многихъ путешествіяхъ былъ подробно описанъ, и мы поэтому только скажемъ, что болѣе рѣзкой разницы между двумя мірами врядъ ли гдѣ еще найдется въ свѣтѣ. И Кяхта, и Маймаченъ существуютъ уже болѣе 100 лѣтъ, но оба города настолько сохранили свою фізіономію и самобытныя національныя черты своихъ народовъ, что, не переступая черезъ площадь, отдѣляющую эти два города другъ отъ друга, никогда нельзя себѣ представить, что тамъ за площадью находится столь своеобразный и отличный отъ русскаго быта особый міръ. Кяхта выстроена изъ дерева и кирпича съ 2-хъ этажными домами и широкими улицами; Маймаченъ выстроенъ изъ глины съ узкими улицами, бумажными окнами. Въ Кяхтѣ—чистота, посреди широкой улицы есть садъ; въ Маймаченѣ—ни одного деревца и вѣковая грязь; и такъ во всемъ—въ языкѣ, въ одеждѣ, въ обличіи, формахъ и организаціи торговли. Видно, что эти два города за 150 лѣтъ ничего не заимствовали другъ у друга.

Домъ дзаргучея стоитъ въ глубинѣ двора. При входѣ въ ворота насъ встрѣтилъ чиновникъ; на крыльцѣ самъ дзаргучей весьма любезно и дружественно привѣтствовалъ экспедицію въ лицѣ А. Д. Хитрово, который и представилъ ему всѣхъ членовъ экспедиціи. Мы были приглашены въ домъ, гдѣ намъ предложили чай. Дзаргучей выразилъ свое удовольствіе видѣть у себя членовъ торговой экспедиціи изъ столицы великой сосѣдней державы, съ которой Китай имѣетъ вѣковыя дружественныя отношенія. „Велико Русское государство,—сказалъ дзаргучей,—съ его прекрасными городами Москвой и Петербургомъ и обширной Сибирью, но и необъятенъ Китай съ его Маньчжуріей, Шансисской, Илійской и другими провинціями и сосѣдней Россіи Монголіей“. Онъ выразилъ надежду, что члены экспедиціи, перешагнувъ границу Россіи, встрѣтятъ въ имперіи его монарха необходимыя гостепріимство и содѣйствіе и вынесутъ изъ своего путешествія хорошее впечатлѣніе. Члены экспедиціи съ своей стороны высказали, что исконная дружба Россіи съ Китаемъ основана на вѣковыхъ торговыхъ сношеніяхъ двухъ великихъ государствъ, что торговля доставляла этимъ народамъ обоюдныя выгоды, но въ послѣднее время въ торговыхъ

отношеніяхъ встрѣчаются затрудненія, и что цѣлью экспедиціи является задача изучить возможно ближе условія торговыхъ отношеній между Россіей и сосѣдней имперіей, дабы имѣть возможность и въ будущемъ направлять торговое дѣло по наивыгоднѣйшимъ путямъ для обѣихъ сторонъ въ цѣляхъ сохраненія и укрѣпленія вѣковыхъ мирныхъ отношеній между двумя дружественными державами. Въ виду этого члены экспедиціи просили содѣйствія дзаргучея къ знакомству ихъ съ мѣстными представителями китайскихъ торговыхъ фирмъ. Дзаргучей немедленно послалъ оповѣстить китайскихъ купцовъ о нашемъ желаніи посѣтить ихъ фирмы.

Передъ уходомъ отъ дзаргучея члены экспедиціи просили его сняться съ ними на память, что онъ охотно и исполнилъ. Послѣ этого всѣ отправились въ китайскій храмъ, находящійся въ Кяхтинскомъ Маймаченѣ. Храмъ очень богатый, со многими рѣдкостями, художественно исполненными, какъ, на примѣръ, статуя Будды; особенно замѣчательна ваза, сдѣланная изъ сплава рога, секретъ котораго утерянъ китайцами болѣе 1500 лѣтъ.

Китайскихъ фирмъ въ Маймаченѣ много; изъ нихъ, по указанію дзаргучея, были посѣщены фирмы: Юй-хынъ, Хый-лунъ-го и Ван-синь-лунъ; впослѣдствіи же члены экспедиціи посѣтили и другія фирмы.

Китайскія лавки выстроены изъ дерева, обмазаны глиной, имѣютъ ворота съ рѣзными украшеніями и всевозможными надписями; фирма Юй-хынъ отдѣлана наподобіе магазина Перлова въ Москвѣ, покрыта желѣзомъ и окрашена мѣдянкой; окна большія, съ многочисленными переплетами, въ которые клеена цвѣтная бумага; кусочки стекла вставлены изрѣдка, да и то большею частью подклеены съ внутренней стороны той же цвѣтной бумагой.

Видимая на улицу часть китайской лавки является меньшей ея половиной, большая же часть расположена на заднемъ дворѣ, гдѣ устроены склады и различныя службы. Въ самой лавкѣ товаровъ ограниченное количество; всѣ они хранятся въ подвалахъ и приносятся въ лавку лишь по мѣрѣ спроса.

Подборъ товаровъ самый разнообразный: мануфактура, желѣзныя издѣлія, письменныя принадлежности, различные предметы роскоши, въ числѣ которыхъ: барометры, термометры, часы, лампы (молнія), русскіе календари и пр.; всѣ эти предметы служатъ здѣсь, главнымъ образомъ, какъ украшенія и въ очень рѣдкихъ случаяхъ покупаются ради своего настоящаго назначенія. Порядочный выборъ ключей, колець,

табакерокъ японскаго происхожденія, оригинальные китайскіе счеты о пяти шарикахъ и пр.

Во всѣхъ фирмахъ намъ были предложены чай и китайскія сласти.

Большинство фирмъ имѣетъ приказчиковъ, говорящихъ по-русски на особенномъ китайскомъ жаргонѣ, для пониманія котораго необходимъ толкователь; кяхтинцы къ этому жаргону привыкли и могутъ въ немъ разбираться.

Во всѣхъ фирмахъ были высказаны сѣтованія на введеніе закона, повысившаго таможенную пошлину на ввозъ въ Россію чесучи до 12 р. 60 коп., что для большинства фирмъ равносильно полному разоренію, такъ какъ здѣшнее китайское купечество, за сокращеніемъ въ послѣдніе годы чайной торговли черезъ Кяхту, зарабатывало, главнымъ образомъ, на ввозѣ въ Россію китайской чесучи; при указанной же пошлинѣ на послѣднюю торговля эта становится убыточной.

Черезъ Кошъ-Агачскую таможенную китайская чесуча пока идетъ беспошлинно, почему торговыя фирмы Кяхтинскаго Маймачена направляютъ теперь транспортъ чесучи въ Россію вмѣсто Кяхты на Кошъ-Агачъ, что влечетъ за собою лишніе накладные расходы.

При посѣщеніи китайскихъ фирмъ и дзругучея Кяхтинскаго Маймачена мы вели бесѣды посредствомъ переводчика Мальцева, состоящаго чиновникомъ при кяхтинскомъ комиссарѣ. Здѣсь мы убѣдились, что переводчикъ кромѣ монгольскаго языка долженъ знать еще китайскій, быть лицомъ интеллигентнымъ и интересующимся торговымъ дѣломъ. Особенно это важно при поѣздкахъ, когда неточно поставленный вопросъ или невѣрно переданный отвѣтъ малоинтеллигентнаго переводчика могутъ совершенно исказить суть дѣла. Нанятые для экспедиціи при посредствѣ Бухгольцева два переводчика знали только одинъ монгольскій языкъ, да и то практически, были едва грамотны и совершенно неинтеллигентны. Съ такими переводчиками можно было выпросить себѣ только хлюба да воды, но нельзя было раскрыть и освѣтить во всей полнотѣ положеніе русскаго торговаго дѣла въ Монголіи. Въ виду этого члены экспедиціи рѣшили обратиться къ Хитрово съ просьбой, заручившись предварительно согласіемъ Мальцева, уступить его для экспедиціи. Хотя комиссаръ, отпуская своего переводчика, и оставался самъ въ безпомощномъ положеніи, но, сочувствуя всѣми силами успѣху московской экспедиціи, охотно исполнилъ нашу просьбу и позволилъ Мальцеву поступить къ намъ на службу, устроивъ ему продолжительный отпускъ. Дѣйствительно, впоследствии Мальцевъ, какъ переводчикъ, изучившій практически и

теоретически монгольскій языкъ и знающій частью китайскій языкъ, притомъ съ дѣтства работавшій въ торговлѣ Васенева, въ Улясутаѣ, оказался весьма полезнымъ сотрудникомъ для экспедиціи, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда бесѣду надо было вести съ представителями высшей власти—монгольскими князьями или же китайскими амбанами и чиновниками.

Русскихъ купцовъ въ Кяхтѣ въ настоящее время свыше 20 человекъ. Наиболѣе крупные русскіе купцы: *Лушниковы* (имѣютъ золотые прииски и чайное дѣло); *Швецовъ, бр. Коковины* (имѣютъ три паровыхъ мельницы, двѣ—по Селенгѣ и одну—въ Кяхтѣ, лѣсопильню, три парохода на Селенгѣ и шесть—по Байкалу, мойки; скупка сырья); *Коркинъ* (имѣетъ чайное дѣло и крупчатую мельницу); *Шишмаковъ* (чайное дѣло и скупка сырья); *Сердюковъ* съ сыновьями; *Урманчеевъ* (скупка сырья, имѣетъ много отдѣленій между Кяхтой и Ургой); *Синицынъ, Бабкины, Сибиряковъ, Второвъ* и др. Нѣкоторыхъ изъ нихъ члены экспедиціи посѣтили, при чемъ всѣ русскія фирмы указывали на паденіе торговли за послѣднее время, стѣснительныя карантинныя мѣры и переходъ торговли въ руки китайцевъ. Между прочимъ при посѣщеніи торговаго старшины Коркина послѣдній сообщилъ членамъ экспедиціи, что благодаря хорошимъ цѣнамъ на шкурки сурка многіе монголы занимаются охотой, почему и спросъ въ Монголіи на ружья, порохъ и прочія охотничьи принадлежности очень великъ. Однако русскимъ торговать огнестрѣльнымъ оружіемъ по договору 1881 г. съ Китаемъ запрещено, и русскіе лишены, такимъ образомъ, возможности торговать однимъ изъ наиболѣе ходкихъ на рынкѣ предметовъ, въ то время какъ иностранцы черезъ Тянь-цзинъ и Калганъ ввозятъ въ Монголію массу ружей, находящихъ прекрасный сбытъ.

Въ Кяхтѣ было устроено совѣщаніе членовъ экспедиціи относительно маршрута по Монголіи. Сначала предполагалось, что одна часть экспедиціи направится въ Ургу, а другая по Селенгѣ пойдетъ на Вань-Курень. Въ конечномъ же итогѣ рѣшено было всѣмъ членамъ экспедиціи ѣхать до Урги вмѣстѣ, чтобы имѣть возможность выработать во время пути однообразные методы и взгляды на окружающія явленія и, раздѣлившись, въ послѣдствіи понимать другъ-друга.

1 іюня, въ 12 часовъ дня, члены экспедиціи, отслуживъ молебенъ у прекраснаго кяхтинскаго собора, двинулись въ путь. Верблюды пошли впередъ. Всѣ члены экспедиціи были въ приподнятомъ настроеніи и съ надеждой смотрѣли въ будущее.

Путь по тракту ясно обозначенъ тропами; движеніе по нему

большое, и намъ постоянно попадались то караваны, то отдѣльные верховые, то ламы. Кругомъ разстилалась выгорѣвшая степь съ глинистыми, усѣянными галькой, почвами, изрѣдка покрытая кипцомъ, полынями и кустиками караганы; вдали виднѣлись горы Ибыцыхъ-ула. Было жарко, сильно парило, на горизонтѣ стали появляться тучи. Въ 2 часа дня термометръ показывалъ 38° С.; къ 4 часамъ онъ опустился до 27°.

Пройдя версть 15, караванъ подошелъ къ рѣчушкѣ Бурѣ, на которой былъ заключенъ въ 1728 году Буринскій договоръ между Россіей и Китаемъ, по которому Россія получила право основать пограничный пунктъ Кяхту и вести торговлю купеческими караванами черезъ Ургу на Пекинъ.

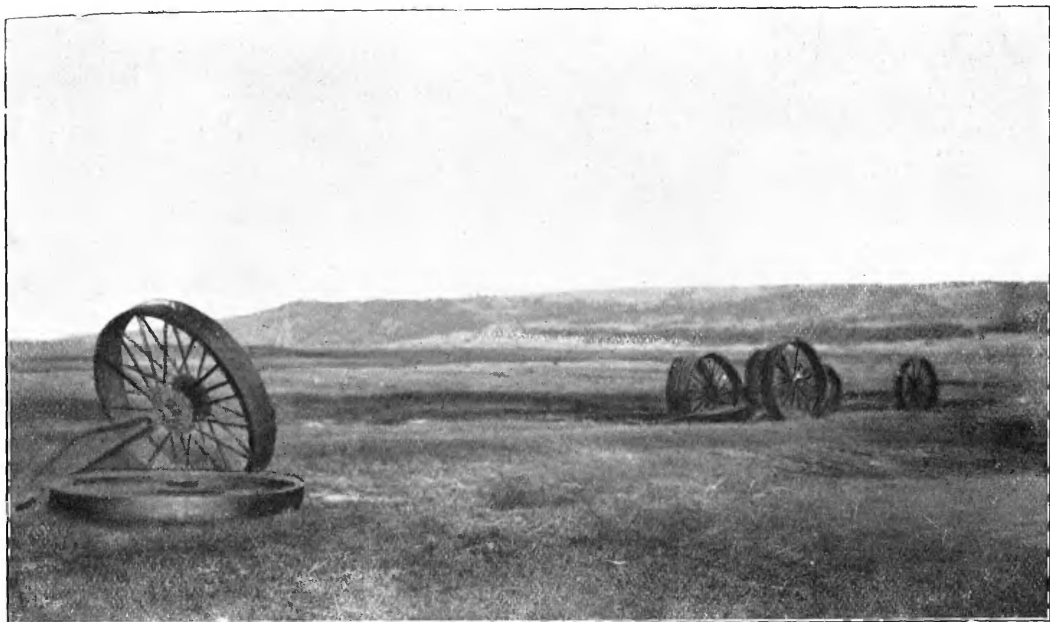
Итакъ, мы находились на берегу исторической рѣчки, гдѣ были установлены первыя договорныя торговыя связи Россіи съ Монголіей и Китаемъ. Этимъ путемъ двигались въ Китай посольства русскихъ царей и наши духовныя миссіи; этимъ путемъ шли въ Монголію ея первые знаменитые русскіе изслѣдователи, какъ Пржевальскій, архимандритъ Палладій и др.

Здѣсь, на р. Бурѣ, караванъ нашъ остановился, и были развьючены верблюды. Переводчикъ Бадмаевъ купилъ у ближайшихъ монголь барана, изъ котораго былъ приготовленъ ужинъ.

За ужиномъ выяснилась большая практичность взятыхъ съ собою нѣсколькихъ деревянныхъ чашекъ, купленныхъ въ Москвѣ въ складѣ кустарныхъ издѣлій. Чашки эти намъ служили вмѣсто тарелокъ: горячая пища изъ котла разливалась по чашкамъ, и, при недостаткѣ въ дорогѣ столовъ и стульевъ, чашки эти свободно можно было держать въ рукахъ, не обжигаясь. Подобныя чашки имѣются у всѣхъ монголь; онѣ готовятся въ Китаѣ изъ крѣпкаго дерева, продаются монголамъ отъ 50 к. до 5 р. за штуку и употребляются послѣдними какъ для чая, такъ и для супа. Съ своей чашкой монголь никогда не расстаётся и носитъ ее за пазухой. Ввозъ такихъ чашекъ изъ Россіи въ Монголію, сдѣланныхъ изъ карельской березы и соответственно раскрашенныхъ, могъ бы имѣть большой сбытъ, если только чашки строго изготовить по монгольскому образцу съ отогнутыми краями.

2-го іюня. Maximum +32°, minimum +4.5°.

Утромъ проснулись подъ шумъ дождя и вѣтра. Нашихъ лошадей не оказалось. Пришлось разослать верховыхъ казаковъ на поиски, и только къ 10 час. утра лошади были найдены, и экспедиція имѣла возможность тронуться въ путь. Степь покрыта касатиками, расцвѣтающей

Зброшенныя часты машыны золотых прыскавоў.

Прываль каравана на лэвомь бэргу Хуншуя.

Поотрядное движеніе каравана.

Уртонъ у озера Аякъ-Шинаго.

лапчаткой, одуванчиками, солянками. Поднялись сажень на 10 въ гору и пошли по горной степи песчанаго характера, покрытой синимъ бобовникомъ, песчаной осокой, изрѣдка пыреемъ; постепенно качество травяного покрова улучшалось, появилась гвоздика и люцерна. Потомъ потянулся лѣсъ, почти на 10 верстъ, разрабатываемый однимъ кяхтинскимъ купцомъ. Лѣсъ старый, вышина сосенъ 12—18 сажень; вывозится главнымъ образомъ въ Кяхту, гдѣ у купца имѣется лѣсопильня. Провозъ 9-аршинной сосны въ 9 вершковъ обходится до Кяхты (почти 50 верстъ) въ 1 р. 20 к.—1 р. 50 коп.

Разработка вполне хищническая: маточныя деревья для облѣсенія не оставляются, вѣтки не утилизируются, и многія, чуть ли не вѣковыя, сосны, будучи срубленными, остаются гнить невывезенными.

Лѣсъ этотъ составляетъ собственность приграничнаго къ Кяхтѣ хошуна и разрабатывается вопреки желанію хошуннаго князя.

Разработка лѣсовъ въ Монголіи русскимъ официально не разрѣшается Пекиномъ, какъ не разрѣшается и эксплуатація всякихъ другихъ горныхъ богатствъ. Но въ виду того, что въ приграничной полосѣ Монголіи находятся прекрасныя строевыя хвойныя лѣса, какихъ не достаетъ въ приграничныхъ лѣсахъ Россіи, здѣшнее русское населеніе, нуждаясь въ лѣсѣ, пользуется имъ безвозмездно изъ Монголіи *). Кромѣ того, приграничное русское населеніе, не имѣя у себя достаточнаго количества хорошихъ сѣнокосовъ и выпасовъ, косить сѣно и выпасываетъ свой скотъ на приграничныхъ пастбищахъ Монголіи.

Пройдя лѣсъ, остановились на отдыхъ у русской избенки, гдѣ пили молоко съ платой по 30 коп. за бутылку. За избушкой дорога пошла по долинѣ р. Ибыцыкъ, огражденной со всѣхъ сторонъ возвышенностями, покрытыми лѣсомъ; изъ степной растительности попадалось особенно много мышинаго горошка и полевыхъ астръ.

Въ виду того, что съ караваномъ верблюдовъ намъ предстояло пройти много сотенъ верстъ, мы по дорогѣ начали присматриваться къ движенію верблюдовъ, чтобы разобраться въ его недостаткахъ и достоинствахъ.

Стоило проѣхать съ караваномъ только лишь одинъ переѣздъ, чтобы убѣдиться, что стоявшій во главѣ каравана монголь, пользовавшійся славой авторитетнаго каравановожатаго въ Ургинскомъ районѣ, дѣйствительно имѣлъ за собою неотъемлемыя достоинства: такъ,

*) При выѣздѣ изъ Маймачена въ Кяхту каждая подвода съ лѣсомъ уплачиваетъ лишь 10 коп. на содержаніе штата дзаргучея.

онъ прекрасно зналъ всѣхъ 33 верблюдовъ, ихъ силу, грузоподъемность и скорость хода и, сообразно этому, умѣлъ распредѣлять тяжесть вьюковъ по силѣ верблюдовъ; но въ движеніи у нашего караванъ-баша оказались крупные недочеты: такъ, онъ, завьючивъ верблюдовъ, связывалъ ихъ въ одну стайку, растягивавшуюся на 70 сажень, а самъ садился верхомъ на верблюда или лошадь, закуривалъ трубку и трогался въ путь, мурлыкая себѣ что-то подъ носъ и не имѣя обыкновенія оглядываться на караванъ. Постепенно къ нему подѣзжали остальные монголы изъ каравана и казаки; всѣ они вмѣстѣ курили, вели бесѣду, иногда шумѣли и спорили. Какъ двигался караванъ—никому изъ нихъ, казалось, нѣтъ дѣла. По временамъ вьюки у отдѣльныхъ верблюдовъ развязывались и падали, верблюды въ испугѣ шарахались въ сторону, и тогда монголы, а за ними и казаки бросались во всю прыть верхами къ верблюдамъ, ловили ихъ, вьючили, связывали опять въ одну линію и ѣхали попрежнему. Иногда линія верблюдовъ разрывалась на двѣ или нѣсколько частей, и тогда одни верблюды останавливались и паслись, а другіе расходились въ стороны; монголы же въ разговорахъ и спорахъ не сразу замѣчали происшедшій въ караванѣ безпорядокъ, а, замѣтивъ, останавливали переднихъ верблюдовъ и бросались ловить отставшихъ или уклонившихся въ сторону; часто отставшіе по какому-либо случаю монголы или казаки съ бѣшенымъ галопомъ мчались мимо верблюдовъ къ передней толпѣ монголь,—верблюды пугались, бросались въ сторону, вьюки при этомъ падали, и тогда проходило долгое время, пока приводили караванъ въ порядокъ.

Такое безпорядочное движеніе каравана скорѣе забавляло монголь, чѣмъ огорчало, такъ какъ послѣ каждой остановки и приведенія каравана въ порядокъ монголы имѣли случай лишній разъ съ особеннымъ оживленіемъ поспорить и другъ на друга покричать. Мы же убѣдились, что нашъ караванъ-башъ незаконно пользуется славой мастера своего дѣла, такъ какъ такой безпорядокъ задерживалъ сильно движеніе каравана, верблюды нервировались, беспокоились и истощались; время терялось, вьюки бились, безъ дѣла увеличивалась работа людей, а въ результатѣ караванъ не въ состояніи былъ совершать назначенные ему маршруты.

Пройдя верстъ семь, караванъ остановился на ночлегъ у берега рѣки Хангай. При развьючиваніи верблюдовъ и лошадей съ одной лошади сразу не было снято сѣдло; лошадь испугалась, вырвалась и начала вертѣться среди табуна; лошади шарахнулись въ сторону и сбили верблюдовъ, часть которыхъ еще развьючивалась. Эти въ свою

очередь бросились на членовъ экспедиціи, и едва не произошла катастрофа. Одинъ изъ верблюдовъ отдѣлился и побѣжалъ въ степь; со спины у него упали увьючины, т.-е. палки, съ помощью которыхъ прикрѣпляется на спину верблюда кладь; увьючины били верблюда по заднимъ ногамъ, и онъ, какъ бѣшеный, не помня себя, мчался впередъ, пока не встрѣтился казакъ съ обозомъ, задержавшій его; но верблюдъ скоро вырвался и опять помчался дальше. Съ большимъ трудомъ удалось его поймать двумъ верховымъ казакамъ и, обрѣзавъ увьючины, привести на мѣсто.

3 іюня. Maximum +42.°, Minimum +1.°.

Высота стоянки у Хангая—1000 метровъ, барометръ 667, облачность 10. Утромъ встали въ 4 часа; было сыро. Ночью прошелъ сильный дождь съ грозой. Долина р. Хангая богата растительностью; встрѣчается много люцерны; изобиліе послѣдней наводило на мысль, что посѣвы ея въ чистомъ видѣ могутъ дать здѣсь богатые урожаи и обезпечить зимнимъ кормомъ громадныя табуны лошадей, овецъ и рогатаго скота, остающихся въ настоящее время въ Монголіи почти круглый годъ на подножномъ корму, голодающихъ зимою и дающихъ къ веснѣ большой процентъ отхода вслѣдствіе безкормицы.

Выѣхавъ въ 8 часовъ утра, экспедиція къ 10 часамъ поднялась на высокій перевалъ Цаганъ-Даба (бѣлый перевалъ), отдѣляющій долину р. Хангая отъ долины р. Иро. Высота перевала 1245 метр., давленіе барометра 656. Съ этого перевала виденъ весь путь, пройденный караваномъ за все время выѣзда изъ Кяхты. Растенія на перевалѣ Цаганъ-Даба: незабудки, осока, вика, костеръ, бѣлая гвоздика, тысячелистникъ.

Почва до перевала Цаганъ-Даба черноземная, богатая, дерновый покровъ сплошной, степь представляетъ изъ себя тучныя пастбища. Вдали на сѣверѣ виднѣются черныя и синія очертанія горъ, покрытыхъ почти сплошными лѣсами, за исключеніемъ прогалинь, обращенныхъ къ югу. Послѣднее обстоятельство чрезвычайно характерно для монгольскихъ горъ, которыя покрыты сплошными лѣсами лишь въ сѣверныхъ ея частяхъ; чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ площадь лѣсовъ располагается все явственнѣе и явственнѣе лишь на сѣверныхъ склонахъ горъ, тогда какъ южныя пустуютъ. Такое неравномѣрное распредѣленіе лѣсовъ зависитъ отъ характера дующихъ въ Монголіи вѣтровъ: сухихъ—южныхъ и влажныхъ—сѣверныхъ.

Когда перевалили черезъ Цаганъ-Даба, на югъ, почва стала песчаная, покрытая галькой; на горахъ виднѣлись небольшіе кустики

караганы (желтой акаціи). При подъѣздѣ къ р. Иро встрѣтился параллельно дорогѣ оврагъ, въ которомъ видны были прослой сѣрой глины. Берегъ Иро усѣянъ галькой и щебнемъ; на самомъ берегу расположено нѣсколько монгольскихъ юртъ съ загородками для скота.

Остановились у берега, переправившись черезъ рѣку. Невдалекѣ отъ нашей остановки въ пескѣ лежали части машинъ, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ доставлялись на золотые прииски Грота, но, за трудностью дороги, были брошены на берегу рѣки.

Золотые прииски Грота и Лушникова находятся вверхъ по теченію рѣки Иро. Фонъ-Гротъ—русскій подданный, былъ личнымъ секретаремъ у Лихунчанга, имѣетъ степень китайскаго мандарина. Ему удалось получить золотопромышленныя концессіи на разработку рудныхъ богатствъ на огромномъ пространствѣ нѣсколькихъ аймаковъ Монголіи, съ условіемъ отчислять въ пользу пекинскаго правительства 15% съ добычи золота. Для организациі золотопромышленнаго дѣла имъ было потрачено много денегъ и еще больше энергіи. Но отсутствіе дорогъ и первобытная дичь сильно парализовали дѣятельность этого удивительно предприимчиваго и неистощимаго энергіей человѣка. Мысль о самостоятельной разработкѣ золотыхъ приисковъ Гротомъ была оставлена, и часть золотоносныхъ площадей была имъ сдана нѣсколькимъ предпринимателямъ, въ томъ числѣ М. А. Лушникову; часть же Гротъ оставилъ за собою, учредивъ компанію „Монголеръ“. Лушниковъ за аренду платитъ Гроту 10% съ выработки золота и принимаетъ на себя обязательство Грота въ уплатѣ пекинскому правительству 15%; кромѣ того на рудникахъ Лушникова живетъ китайская администрація, стоящая ему до 10 тысячъ рублей. Въ послѣднее время было открыто нѣсколькой богатыхъ золотоносныхъ площадей, и дѣла арендаторовъ и Грота сильно поправились.

Всѣ доселѣ извѣстныя золотоносныя росыпи въ Монголіи находятся по системѣ р. Селенги, на ея притокѣ Орхонѣ, съ притокомъ Иро. Работающіе же въ настоящее время прииски находятся на правомъ и лѣвомъ берегахъ рѣки Тологойты, притокѣ Иро, которые разрабатываетъ М. А. Лушниковъ. Далѣе имѣются прииски на р. Харгаланты и р. Куйтунъ, разрабатываемые Гротомъ въ компаніи съ другими лицами. Прииски же по р. Бурла считаются уже выработанными. На всѣхъ приискахъ въ Монголіи работаетъ болѣе 10 тысячъ китайцевъ, и ведется прекрасная торговля, гдѣ всякихъ русскихъ товаровъ,—хлѣба, мануфактуры, желѣзныхъ издѣлій, одежды, сахара и пр.,—ежегодно продается на сумму до 100 тысячъ рублей.

Вырабатываемое на приискахъ золото сдается въ золотосплавни Сибирскаго банка подъ видомъ вольнопринимательскаго или продается въ Гамбургъ. Раньше Гротъ сдавалъ въ иркутскія казенныя сплавни, которыя всегда показывали большой процентъ угара золота, почему онъ больше золота туда не сдаетъ.

Работающіе на приискахъ китайцы приходятъ сюда черезъ Гоби пѣшкомъ, неся на своихъ плечахъ коромысло съ пищей. Выработка одной кубической сажени промывной земли оплачивается въ три рубля; десять китайцевъ въ день могутъ выработать не болѣе одной кубической сажени.

Вечеромъ вблизи нашей стоянки черезъ перевозъ р. Иро провезли изъ Кяхты двухъ китайскихъ преступниковъ на казнь. Осуждены за убійство китаецъ въ Троицкосавскѣ. Преступники производили очень тяжелое впечатлѣніе: на ногахъ у нихъ были надѣты цѣпи и колодки, руки вдѣты вмѣстѣ въ одно желѣзное кольцо. Одинъ изъ нихъ съ бѣльмомъ и, видимо, удрученъ былъ своей участью, другой—веселый, улыбающійся. Преступниковъ конвоировали прекрасно выдержанные четыре солдата съ маузеровскими, новаго образца, винтовками. Картина движенія этого китайскаго обоза была весьма оригинальна, и мы очень сожалѣли, что, за позднимъ временемъ, ее нельзя было сфотографировать.

Вслѣдъ за преступниками проѣхалъ китайскій чиновникъ съ Урги на Маймаченъ въ китайской широкой двуколкѣ на уртонныхъ лошадяхъ. При подѣздѣ этого чиновника къ парому монголы очень суетились и необыкновенно быстро переправили его на другую сторону.

4 іюня. Maximum + 30.° Minimum + 7.5°. Давленіе барометра въ 4 часа утра 678.

Утромъ, когда члены экспедиціи встали и караульщики пригнали лошадей, то оказалось, что лучшей лошади нѣтъ; разослали казаковъ и монголъ на поиски, а караванъ задержали. Часа черезъ четыре лошадь была найдена въ монгольскомъ табунѣ.

Снявшись со стоянки, мы направились по долину р. Иро. Почва долины песчано-черноземная, покрытая въ изобиліи желтыми кустиками бобовника; изрѣдка попадался гребенчатый пырей. Версты черезъ двѣ отъ берега Иро начался подъемъ на гору; первый склонъ песчаный, дальше шель черноземно-песчаный съ богатыми нагорными степями, задерненными на 60—90%, покрытыми морковникомъ, полевицей, черной осокой и пр. Высота перевала 1.280 метровъ.

Сталъ опять накрапывать дождь. Нѣкоторые члены экспедиціи пересѣли въ двуколку, за невозможностью ѣхать верхомъ, и уѣхали впередъ.

Оставшіеся начали съ монголами поднимать верблюдовъ, которые подъ дождемъ отказывались итти и ложились каждыя три-пять минутъ. Дождь и усиливавшійся вѣтеръ хлестали верблюдовъ по бокамъ и дѣлали невозможнымъ ихъ дальнѣйшее движеніе съ намокшими вьюками: едва съ большими усиліями поднимешь одного верблюда, какъ ложится другой, поднимешь этого,—ложится третій. Караванъ растянулся версты на три, а дождь все усиливался. Наконецъ, когда верблюды окончательно забастовали, а люди выбились изъ силъ, рѣшено было сдѣлать приваль. Разбили палатку и на двухъ таратайкахъ-двухколескахъ послали провизіи и вина уѣхавшимъ впередъ товарищамъ. Всѣ мы промокли до костей; съ большимъ трудомъ удалось поставить палатку и развьючить верблюдовъ. При развьючиваніи два изъ нихъ вырвались и убѣжали. За сильнымъ дождемъ, вѣтромъ и надвигающейся темнотой поиски ихъ были бы напрасны, да и люди всѣ до того измучились, что рѣшено было оставить поиски до другого дня.

Часовъ въ 10 вечера къ каравану прибился нерчинскій казакъ Золотухинъ, 68-ми лѣтъ, направлявшійся къ сыну въ Ургу. Языка монгольскаго не знаетъ, весь промокъ, иззябъ и еле держался на ногахъ. Мы дали ему коньяку, сухую одежду и оставили при караванѣ. Дальнѣйшій путь до Урги онъ проѣхалъ вмѣстѣ съ нами, выполняя мелкія услуги.

5 іюня. Стоянка на Марганты - Хунды. Высота 1.000 метровъ. Махімум ± 31.2 . Мінімум ± 3.2 . Утромъ барометръ 665, въ 9 час. вечера 679.

Послѣ вчерашней бури и дождя утро было облачное, но не дождливое. По осмотрѣ верблюдовъ спины ихъ оказались сильно сбитыми. Какъ выяснилось впослѣдствіи, движеніе каравановъ на верблюдахъ лѣтомъ во время дождя всегда прекращается въ видахъ сохраненія цѣлости ихъ спинъ. На сбитыхъ спинахъ мухи отлагаютъ червей, и послѣднія, разѣдая спину, причиняютъ животнымъ страшное мученіе и нерѣдко выводятъ ихъ изъ строя.

Давъ обсушиться немного и провѣтриться палаткамъ и вьюкамъ, которые, намокнувъ сильно, увеличивались въ вѣсѣ, мы тронулись въ путь въ 9 час. утра.

Версть десять шли по черно-травнымъ горнымъ степямъ, поросшимъ незабудкой, люцерной, многими видами *Oxytropis*, гвоздикой и проч. Затѣмъ характеръ сопокъ, почвы и растительности рѣзко измѣнился: на вершинахъ сопокъ появились гребни и выходы камней, почва покрыта галькой, растительность пустынно-степного характера; полынь,

бобовникъ, по низинамъ чій. Послѣдній появился еще въ небольшомъ количествѣ на Бурѣ при первой остановкѣ. Здѣсь же онъ встрѣтился въ изобиліи. Было начало іюня, и молодые побѣги чія были еще зелены, густы, онъ только еще приготавливался цвѣсти. По своему значенію чій для монгольскаго скотоводства въ его настоящемъ положеніи является однимъ изъ важнѣйшихъ растений: высота его доходитъ нерѣдко до трехъ аршинъ, хотя встрѣчаются экземпляры и выше четырехъ аршинъ; въ молодомъ видѣ охотно поѣдается лошадьми и рогатымъ скотомъ; въ болѣе позднемъ возрастѣ бракуется, но лишь до наступленія зимы и появленія перваго снѣга. Съ этихъ поръ чій служить иногда чуть ли не единственной пищей для скота, такъ какъ благодаря своему высокому росту онъ не заносится снѣгомъ; вотъ почему мѣста, покрытыя чіемъ, особенно цѣнятся монголами и оставляются ими про запасъ для зимняго времени.

Дорога все время гористая, перевалы и спуски хотя и не крутые, но длинные и утомительные; послѣдній переваль спускается въ долину рѣки Хунтуй-голь.

Верблюды по грязи шли плохо, скользили, падали, чѣмъ пугали другъ-друга и задерживали движеніе; то и дѣло приходилось поправлять и подвязывать вьюки. Къ двумъ часамъ дошли до юрты монгола Дота, гдѣ ночевали члены экспедиціи. Уѣхавъ вчера впередъ отъ каравана и попавъ подъ сильный и продолжительный дождь, затянувшій ихъ движеніе до глубокой темноты, члены экспедиціи съ большимъ трудомъ добрались до монгольской юрты, гдѣ въ теченіе ночи и слѣдующаго дня сушили свое промокшее платье у костра, а сами грѣлись чаемъ и коньякомъ, который далъ всѣмъ возможность избѣжать простуды и ея послѣдствій.

Ставъ караваномъ на другомъ берегу Хунтуя, мы разбили палатки и занялись приготовленіемъ обѣда. Сдѣлали въ этотъ день всего 25 верстъ по тяжелой дорогѣ. Дальше рѣшили пока не ѣхать, а заняться приведеніемъ въ порядокъ каравана; на завтра же раздѣлиться на двѣ партіи: однимъ членамъ ѣхать въ Ургу налегкѣ скорымъ шагомъ, а другимъ—оставаться съ караваномъ и продолжать путь по-прежнему. Въ виду этого надо было разобрать вьюки, отдѣлить кое-какія вещи, необходимыя для членовъ, ѣдущихъ впередъ, и освободить четыре телѣги, которыя должны были итти на завтра въ Ургу.

Вокругъ нашей стоянки паслись стада монгольскихъ овецъ, которыя издали казались движущимися по землѣ бѣлыми лавинами снѣга. Вблизи же овцы были крупны, съ сильно выраженной мускулатурой

крѣпкихъ ногъ, сухой горбоносой головой, бѣлымъ руномъ съ черными отмѣтинами у корня хвоста и головы и жирнымъ широко-клиновиднымъ хвостомъ съ сухимъ S - образнымъ, наподобіе хвоста каракуля, отросткомъ. Большія отложенія жира у корня хвоста являются драгоценнымъ свойствомъ овецъ пустынь Азіи, такъ какъ они служатъ какъ бы магазинными складами запасныхъ кормовъ, изъ которыхъ овца получаетъ свое питаніе во время суровыхъ зимнихъ дней, чѣмъ и восполняется существенный недостатокъ системы хозяйства монголь, не имѣющихъ обычая заготовлять зимнихъ кормовъ для скота.

Въ стадѣ овецъ были и козы. Несмотря на іюнь мѣсяць многія овцы еще не были острижены, шерсть руна клочьями висѣла по облѣзшимъ бокамъ животнаго и терялась на пастбищѣ.

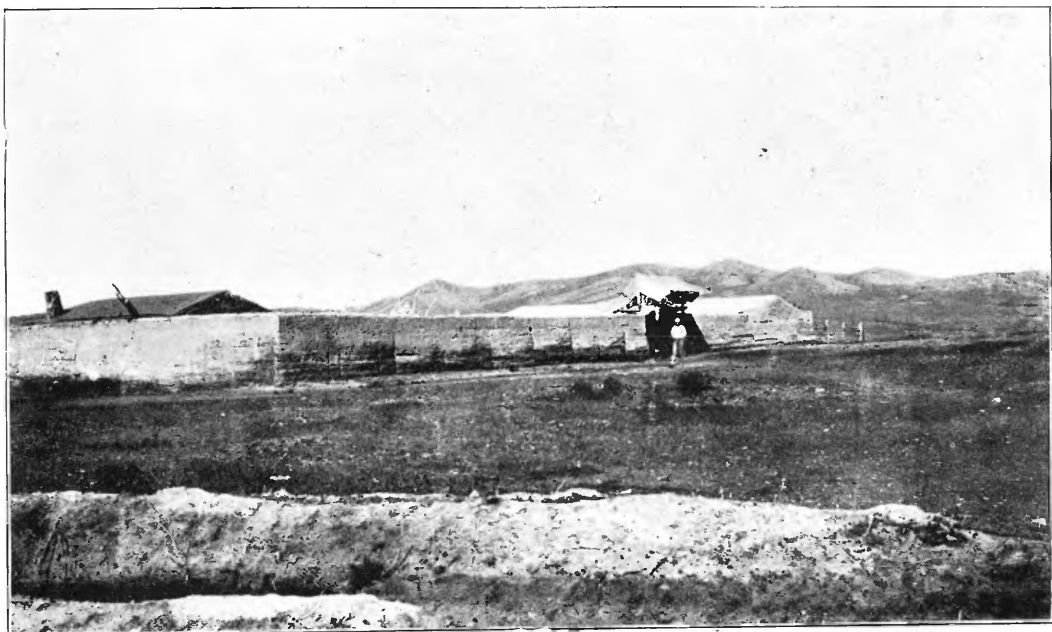
6 іюня. Лѣвый берегъ р. Хунтуя, высота 1.045 метровъ. Барометръ 680. Темп.: Maximum $+32^{\circ}$, minimum $+2^{\circ}$.

Съ 3-хъ час. утра караванъ началъ шевелиться. Дождя не было, но тучи заволакивали небо, и погода не предвѣщала ничего утѣшительнаго. Въ 7 часовъ полковникъ В. Д. Поповъ со всѣми членами экспедиціи, шестью казаками и переводчикомъ Мальцевымъ выѣхали на Ургу; при караванѣ изъ членовъ экспедиціи остался І. М. Морозовъ съ переводчиками А. Соболевымъ и Б. Бадмаевымъ, четыре казака и три монгола.

Въ виду того, что наканунѣ при сборахъ къ отъѣзду экспедиціи въ Ургу большинство тюковъ было разбито, почти весь слѣдующій день пришлось употребить на упаковку и приведеніе въ порядокъ и извѣстность оставшихся товаровъ.

Около полудня къ стоянкѣ экспедиціи подъѣхала группа молодыхъ людей, оказавшихся русскими, учениками изъ школы переводчиковъ при русскомъ консульствѣ въ Ургѣ.

Идея основанія русской школы въ Ургѣ для изученія монгольскаго языка необыкновенно удачна, на что указываетъ наплывъ учениковъ изъ Россіи въ Ургу. Къ сожалѣнію, внутренняя организація школы и программа ея, какъ оказалось, по словамъ воспитанниковъ, не достаточно приспособлены къ современнымъ практическимъ требованіямъ жизни. Главной задачей подобной школы слѣдуетъ считать подготовку молодыхъ людей къ практической торговой дѣятельности въ Монголіи, почему въ основу программы ургинской школы переводчиковъ слѣдовало бы ввести курсъ нашихъ коммерческихъ школъ и политико-экономическую географію Монголіи, изученіе которыхъ на-ряду съ знаніемъ монгольскаго языка и быта монголовъ могло бы повысить куль-

Дворъ китайца-земледѣльца.

Домъ русскихъ торговцевъ — Игнатѣва, Шильникова и Бузина въ хошунѣ.

турный уровень нашихъ торговыхъ агентовъ въ Монголіи и отразиться на успѣхахъ нашего тамъ торговаго дѣла.

Къ вечеру караванъ собрался и тронулся въ путь; черезъ часъ по выходѣ началъ моросить дождь; движеніе впередъ затруднялось; верблюды стали ложиться, и мы принуждены были остановить караванъ у берега рѣки Шары-гола, гдѣ подъ проливной дождь и заночевали.

7 іюня. Мѣстность Золзугунъ. 810 метровъ. Барометръ 691. Maximum $+29^{\circ}$, minimum $+6^{\circ}$.

Утромъ проглянуло солнце; съ 4-хъ часовъ караванъ уже чистился и сушился. Двинулись въ путь въ 9 часовъ, шли какъ и вчера, поотрядно. Къ организациі отряднаго движенія побудили насъ слѣдующія причины.

Нашъ караванъ-башъ обнаруживалъ безразличное отношеніе къ правильному, равномерному и скорому движенію каравана. Намъ необходимо было самимъ реорганизовать его движеніе такъ, чтобы при наименьшей затратѣ времени, а также силъ животныхъ и людей, проходить наибольшее разстояніе. Въ цѣляхъ достиженія этого, необходимо было устранить:

1) частыя остановки въ пути каравана для перевьючиванія упавшихъ тюковъ, ибо при паденіи одного тюка на его завьючиваніе требовалось minimum 15 минутъ, въ теченіе которыхъ всѣ верблюды каравана стояли на мѣстѣ; за дневной же переходъ вьюки обыкновенно падали не разъ, и караванъ поэтому задерживался изъ-за такихъ остановокъ на цѣлые часы;

2) создать покойную обстановку для движенія верблюдовъ, устранивъ шумъ, крики, бѣшеную ѣзду монголь и казаковъ мимо идущаго каравана, и

3) организовать дѣло такъ, чтобы караванъ могъ итти впередъ даже въ то время, когда приходилось останавливаться для завьючиванія упавшаго тюка.

Чтобы создать такія условія, мы въ виду достаточнаго количества имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи монголь и казаковъ разбили караванъ на три отряда, по 11 верблюдовъ въ каждомъ, назначивъ къ каждому отряду по одному верблюдовожатому и одному надсмотрщику, ѣхавшему въ концѣ отряда; разстояніе между отрядами установлено было приблизительно въ 10 сажень; одному же казаку поручено было ѣхать верхомъ въ сторонѣ и наблюдать за ходомъ всѣхъ трехъ отрядовъ.

При такомъ движеніи, если падалъ, скажемъ, въ первомъ отрядѣ тюкъ, то отрядъ этотъ останавливался и оправлялся, а другіе два отряда, минуя первый, безостановочно двигались впередъ. Казакъ же, наблюдавшій за всѣмъ караваномъ, подѣзжалъ на помощь останавливавшемуся отряду, работа втроемъ спорилась быстро, и отставшій отрядъ вскорѣ нагонялъ ушедшій впередъ караванъ.

При такихъ распорядкахъ каждый имѣлъ свое дѣло и являлся отвѣтственнымъ за него въ своемъ отрядѣ, почему людямъ, какъ монголамъ, такъ и казакамъ, при строгомъ спросѣ, пришлось внимательно слѣдить каждому за своими обязанностями и лишиться свободы гарцовать на лошадахъ, болтать и вести споры, весело собравшись въ одну кучу. Естественно, что такой порядокъ никому, кромѣ верблюдовъ, не пришелся по душѣ, и когда мы, пройдя за день 50 верстъ (наибольшій однодневный переходъ со времени выхода изъ Кяхты), остановились у р. Баингола, то переводчикъ сообщилъ намъ, что для монголъ и казаковъ слишкомъ тяжела такая военная дисциплина въ купеческомъ караванѣ, и если на будущее время мы не перейдемъ къ прежнему порядку, то монголы бросятъ и уйдутъ, а казаки перестанутъ повиноваться. На это заявленіе мы отвѣтили, что на завтра всѣ недовольные могутъ считать себя свободными, а переводчику дано было приказаніе подыскать другихъ монголъ.

Однако на слѣдующій день никто каравана не бросилъ, всѣ безпрекословно подчинились установленному порядку и къ вечеру второго дня остались имъ уже очень довольны, такъ какъ люди, завьючивая каждый свой отрядъ, производили работу тщательно, отчего вьюки въ дорогѣ стали падать рѣже, животныя шли спокойно, караванъ двигался успѣшно, и людямъ было легко.

Поотрядная организація каравана значительно ускоряетъ движеніе и вноситъ большій порядокъ въ его строй, почему при большихъ транспортахъ купеческихъ или военныхъ грузовъ крупными караванами черезъ огромныя пространства пустынь такой порядокъ движенія можетъ сократить время прохода, облегчить трудъ людей и верблюдовъ и удешевить расходы, связанные съ потерей времени и павшихъ отъ трудностей дороги животныхъ.

Дорога наша въ этотъ день шла по долинѣ р. Шарагола на протяженіи 24 верстъ; ширина долины одна—три версты; по обѣимъ сторонамъ дороги расположены монгольскіе и китайскіе поливные пашни и огороды. На пашняхъ—овесъ, пшеница, просо и ячмень; хлѣба низкорослы, рѣдки и сильно засорены; куколь, березка, овсюгъ, просянка,

лебеда и мышей встрѣчались иногда сплошными мѣстами. Особенно много было овсюга.

Мы заѣхали въ китайскій хуторъ, расположенный въ сторонѣ отъ дороги. Дворъ обнесенъ глиняной стѣной и разбитъ на три отдѣленія: въ первомъ былъ сложенъ лѣсъ, во второмъ—хозяйственныя постройки, а въ третьемъ—мастерскія, амбары и хозяйская фанза. Въ первый дворъ вели деревянныя подъ крышей ворота. При въѣздѣ во дворъ насъ встрѣтили злыя собаки, несмотря на громкій лай которыхъ никто изъ хозяевъ не показывался, и только, когда мы въѣхали на третій дворъ и начали громко звать, изъ сараевъ и фанзы появились недовольные китайцы. Оказалось, что мы нарушили этикетъ, не оставивъ лошадей за дворомъ у первыхъ воротъ и не подойдя пѣшкомъ къ фанзѣ. Поэтому на наши различные распросы китайцы отвѣчали весьма неохотно. Все-таки мы узнали, что китайцы поселились здѣсь 14 лѣтъ тому назадъ. Пришли сюда изъ Калгана и подъ культуру хлѣбовъ получили земли отъ монгольскаго хушуннаго князя при содѣйствіи ургинскаго амбана.

Самыя лучшія земли въ долинѣ оказались въ распоряженіи китайцевъ, монголамъ остались пески и голыя сопки. Заселеніе этой мѣстности китайцами идетъ быстро, и въ недалекомъ будущемъ монголы отсюда, видимо, будутъ совершенно вытѣснены.

Съ китайцами мы вели бесѣду черезъ переводчика Соболева, практически знавшаго китайское нарѣчіе въ числѣ другихъ (монгольско-халхасское нарѣчіе, монгольско-дербетское, олетское, киргизскій языкъ и сартскій). Знаніе Соболевымъ мѣстныхъ нарѣчій въ связи съ его практичностью въ походной жизни дѣлали его цѣннымъ сотрудникомъ экспедиціи; но, проѣзжая изъ Кяхты въ Ургу черезъ 30 лѣтъ послѣ первой своей поѣздки, онъ слабо ориентировался въ мѣстныхъ условіяхъ, не зналъ расположенія водныхъ ключей и рѣкъ и поэтому не могъ руководить выборомъ мѣстъ для остановокъ каравана. Пробѣлъ этотъ восполнялся весьма удачно кяхтинскимъ переводчикомъ Бадмаевымъ, отлично знавшимъ всю дорогу отъ Кяхты до Урги.

По переходѣ на правый берегъ рѣки Шара-гола караванъ остановился на отдыхъ и черезъ четыре часа двинулся по долинѣ р. Баинголь, на берегу которой и заночевалъ. Русло рѣки совершенно сухое.

8 іюня. Рѣка Баинголь (Богатая рѣка).

Махітум 40,₃⁰. Мінітум 8.₇⁰.

Вчерашнее ночное движеніе каравана отчасти способствовало успѣху прохода большого разстоянія, такъ какъ по заходѣ солнца

верблюды идутъ очень спокойно, ничѣмъ не пугаются, не бросаются въ стороны, не гнетется сильной жарой, увеличивающей тяжесть вьюка. Кромѣ того, днемъ верблюды лучше пасется, чѣмъ ночью, когда онѣ вмѣсто пастыбы, остаются лежать на мѣстѣ; поэтому на слѣдующій день мы рѣшили дать верблюдамъ хорошій отдыхъ и дожидаться спада жары, когда и двинулись въ путь—около четырехъ часовъ дня.

Однако ночное движеніе оказалось для насъ не совсѣмъ удобнымъ, такъ какъ въ темнотѣ нельзя было видѣть окружающей природы и наблюдать сельскохозяйственную жизнь народа, почему въ дальнѣйшемъ пришлось комбинировать движеніе и идти то днемъ, то ночью.

По лѣвую руку нашей дороги виднѣлись сопки, покрытыя взбѣгающими на вершины перелѣсками березняка. Вскорѣ вошли въ ущелье, гдѣ встрѣтились заросли шиповника и желтой акаціи, въ изобиліи попадались ключи съ прекрасной водой. Подъемъ изъ яра на переваль настолько крутъ, что пришлось перевьючивать трехъ верблюдовъ, отобравъ съ нихъ часть поклажи на другихъ, болѣе сильныхъ. За нимъ слѣдовалъ второй переваль, пониже, но длинный, около четырехъ верстѣ.

Пройдя верстѣ 35, остановились на отдыхъ въ 11 ч. вечера на правомъ берегу р. Хары. Несмотря на позднее время, къ каравану подошли монголы, отъ которыхъ мы узнали, что они работаютъ лѣтомъ у своихъ сосѣдей-китайцевъ, главнымъ образомъ отрабатывая долгъ, взятый ими зимою въ видѣ чая, кусковъ далембы и пр. Обычай работать не за чистую плату, а за долгъ, практикуется по всей Монголіи между китайцами и монголами и представляетъ собою скрытый видъ кредитнаго рабства, такъ какъ монголъ никогда почти не имѣетъ возможности при такомъ положеніи сдѣлать свой трудъ свободнымъ и поневолѣ продаетъ его китайцу въ два—три раза дешевле нормальнаго. Пашни у китайцевъ поливныя. По словамъ монголъ, особенно много китайскихъ пашенъ расположено по р. Баинголу, вся вода которой арыками взята для полива; русло ея совершенно сухое, и лишь послѣ дождя можно набрать немного воды въ отдѣльныхъ ямахъ для варки пищи.

Безъ полива здѣшнія земли рѣдко даютъ хорошій урожай, при поливѣ же удается собрать 50—60 пуд. пшеницы, 55—65 пуд. ячменя, 60—70 пуд. овса, 35—45 пуд. проса.

Землю китайцы арендуютъ у хошунныхъ князей; цѣны самыя различныя и находятся въ зависимости не столько отъ характера сда-

ваемыхъ угодій, сколько отъ характера князя, отъ зажиточности самого хошуна, а также отъ подкупа китайцами хошунныхъ властей.

Между прочимъ монголы сообщили, что по долину р. Баинголь много стадъ овецъ и скота, принадлежащихъ какъ отдѣльнымъ монгольскимъ хозяйствамъ, такъ и Богдогыгену. Шерсти ежегодно изъ этой долины вывозится до 60 подводъ, т.-е. около 600 пудовъ.

9 іюня. Хара. Maximum + 37.₅, Minimum + 8.₅.

Въ 6 ч. утра караванъ тронулся въ путь. Опять пошли поливныя пашни китайцевъ. Проѣхали мимо строящагося арыка, который китайцы отводятъ изъ р. Хары. Канавы ведется въ 1 $\frac{1}{4}$ арш. ширины и 1 арш. глубины. Стоимость канавы обходится въ 25—30 коп. сажень. Для плотины подвозили землю, хворостъ, камни. Работаютъ канаву восемь дней, въ количествѣ четырехъ человѣкъ, и успѣли прорыть 64 сажени.

Рѣку Хару перешли вбродъ, такъ какъ вода со вчерашняго дня спала. Переправа прошла благополучно, даже верблюды не упрямылись, что при переправахъ черезъ воду съ ними случается весьма рѣдко. На лѣвомъ берегу рѣки сдѣлали приваль. Здѣсь подѣхалъ къ намъ въ большомъ экипажѣ кяхтинскій купецъ-буряты, направлявшійся съ семьей въ Ургу на поклоненіе Богдогыгену.

Подданные Россіи буряты считаютъ для себя священной обязанностью, болѣе даже чѣмъ монголы, съѣздить въ Ургу на поклоненіе ихъ земному богу, при чемъ каждая такая поѣздка сопряжена со значительными расходами для богомольца на всевозможныя подношенія Богдогыгену и ламамъ.

Въ 7 ч. вечера тронулись дальше; проѣхали верстъ двадцать арычными китайскими пашнями; арыки сдѣланы подъ горой и по всей долину, многія изъ нихъ принадлежатъ шабинскому вѣдомству и обрабатываются шабинерами. Засѣяно всего около 5.000 десятинъ. Вскорѣ дошли до сопки, около которой въ 1908 году была ограблена разбойникомъ Голубенкомъ на 200.000 р. почта, шедшая изъ Урги въ Кяхту. Какъ извѣстно, Голубенко былъ потомъ пойманъ и повѣшенъ въ Троицкосавскѣ.

Въ 11 час. вечера подошли къ русской избѣ, выстроенной Игнатьевымъ, Шильниковымъ и Бузинымъ, ведущими торговлю въ мѣстномъ хошунѣ. Сами хозяева живутъ въ Ургѣ, а дѣло ведется черезъ русскаго приказчика, который въ это время былъ въ разъѣздахъ по хошунамъ. Остановились у берега р. Баратая.

10-го іюня. Maximum + 36.₂⁰. Minimum + 7.⁰.

Съ утра шли по долинь р. Баратая; рѣку перешли въ бродъ; вся мѣстность очень болотиста. Встрѣтили 19 возовъ сѣна, которое везли монголы въ Ургу, какъ албу *) Богдогыгену.

Прошли черезъ переваль Горонцзотуй (брусовый хребетъ), довольно длинный, но не трудный, затѣмъ второй переваль Учжикту въ 8 верстъ длины, очень пологій; по бокамъ хорошіе лѣса, начинающіеся отъ рѣки Арацгатуй, обыкновенно сухой, такъ какъ вода въ ней появляется лишь въ особенно дождливые годы; третій переваль—Нарасутудабанъ (сосновый хребетъ) тоже невысокій, покрытый березовымъ лѣсомъ. Здѣсь встрѣтили китайскій караванъ на арбахъ, въ количествѣ 14 подводъ, везшихъ чай въ Ванъ-Курень. Тутъ же нагнали монголовъ, везшихъ сѣно въ Ургу съ р. Хары. Веза небольшіе, всего по 8—10 пудовъ, сѣно прошлогоднее, плохого качества. Но такъ какъ около Урги сѣнокосныхъ угодій мало, а всякаго скота въ городѣ много, то монголы надѣялись сѣно свое продать не дешевле 5—6 руб. возъ. По ихъ словамъ, зимою сѣно въ Ургѣ дорого и доходитъ нерѣдко до 1 р. 50 к. пудъ; кромѣ настоящаго сѣна они возятъ еще такъ-называемую ветошь, т.-е. прошлогоднюю траву. Сѣнокосовъ по р. Харѣ много, часть изъ нихъ убирается шабинерами и доставляется Богдогыгену, а часть находится въ пользованіи монголъ; ветошь они выгребаютъ деревянными граблями, а сѣно косятъ при помощи русскихъ косъ, покупаемыхъ въ Ургѣ въ русскихъ лавкахъ.

Съ перевала Нарасутудабанъ спустились въ долину р. Хунцала мимо озера Аякъ-Шинаго. Долина ограничивается горами съ байраками березняка по вершинамъ; пастбища очень богатые.

Встрѣтили громадный табунъ лошадей, головъ 800, и много рогатаго скота, пасшагося здѣсь на гуджирахъ. Гуджиры, или солонцы, очень любимы скотомъ, а особенно верблюдами, почему и наши монголы стали поговаривать о томъ, чтобы остановиться здѣсь и покормить хорошенько верблюдовъ, что и было сдѣлано не въ далекѣ отъ почтовой станціи Хунцаль. Станція богата скотомъ, но монголы шалютъ здѣсь, и нерѣдко случаются покражи лошадей, до которыхъ они большіе охотники.

11-го іюня. Maximum + 28,0, minimum. + 4,3.

Съ утра шелъ дождь. Пробыли на стоянкѣ до 4-хъ часовъ дня, когда двинулись въ путь.

Изъ долины поднялись на Бургултайскій переваль и спустились въ долину Аякъ-Шинага или долину небольшой рѣчки Бургалтэ, впа-

*) Казенная повинность.

дающей въ Куй. Здѣсь расположены богатые луга, сѣно частью было скошено, а большая часть представляла изъ себя пестрый коверъ, густой и высокій. Косари въ день получаютъ по рублю на своихъ харчахъ. Прошлый 1909 годъ, по ихъ словамъ, былъ для скота очень тяжелый, сѣна уродилось мало, въ степяхъ же трава повыгорѣла, и на зиму кормовъ не было,—поэтому зимою 1910 года здѣсь много скота пало отъ безкормицы. Для себя монголы сѣно запасаютъ въ очень ограниченномъ количествѣ, а все отвозятъ въ Ургу или продаютъ его здѣсь же на мѣстѣ проѣзжимъ караванамъ, благодаря близости расположенія къ тракту. Между прочимъ здѣсь встрѣчено было много востреца,—растения, особенно цѣнимаго монголами, такъ какъ оно по своему кормовому достоинству въ три—четыре раза превышаетъ обыкновенное сѣно.

Проѣхавъ долину Бургалтэ, поднялись на переваль Улинту-даба и черезъ небольшой подъемъ спустились въ долину р. Нарынъ (Тонкая). Долина окружена горами съ выходами на поверхность камня; второй рядъ горъ лѣсистый; внизу этихъ горъ Чингильту—находится хорошей сѣнокошь бурята Бадмаева.

12-го іюня. Махітум + 28,3, мінітум 0,0.

Съ Нарына двинулись въ 6 час. утра и черезъ пологій и длинный переваль спустились въ долину р. Куй. Здѣсь нагнали 85 воевъ, запряженныхъ волами и везущихъ лѣсъ въ Ургу изъ Бургултая. Лѣсъ арендованъ у хошуна китайской фирмой, ведущей свою торговлю съ Калганомъ. Бревна имѣютъ около 8 ф. длины и 1¹/₄ ф. толщины; за порубку лѣса и раздѣлку бревенъ монголы получаютъ, смотря по толщинѣ деревьевъ, отъ 25 до 60 коп. съ бревна. Ежегодно въ Калганъ фирма отправляетъ до 100 телѣгъ и свыше 100 верблюдовъ; провозъ лѣса отъ Урги до Калгана обходится отъ 1 р. 50 коп. до 2 р. 20 к. съ верблюда или повозки. Монголамъ китайская фирма за разработку лѣса плату выдаетъ частью деньгами, частью товарами. Разработка идетъ лѣтомъ, а въ Ургу возятъ зимою и лишь въ исключительныхъ случаяхъ весною, какъ въ данный моментъ. Объясняется это чрезвычайно гористымъ характеромъ мѣстности и глинистымъ грунтомъ, труднымъ для проѣзда во время распутицы.

Долина р. Куя богата юртами, скотомъ, оживлена движеніемъ, вся окружена горами, то каменистыми, то покрытыми сосной и березой. Прошли рѣчку Тологойку и Ходжултай (пень), впадающую въ рѣчку Куй. Поднялись на переваль Тологойту-даба—очень крутой, высота его 1890 метр. На вершинѣ его набросана куча камней—обо, считающееся священнымъ мѣстомъ. По обычаю наши монголы по дорогѣ захватили

нѣскольکو камней и дойдя до „Обо“ бросили ихъ въ общую груду. Обычай этотъ соблюдается строго всѣми монголами, чѣмъ не только поддерживается существованіе „обо“, но и постоянно увеличиваются его размѣры. Лѣтомъ около такихъ „обо“ совершаются моленія для умилоствленія злыхъ духовъ.

За переваломъ началась долина р. Толы, на которой расположена Урга. Приближаясь къ городу, минули глубокій оврагъ, куда монголы выбрасываютъ своихъ мертвецовъ на съѣденіе собакамъ; послѣднія виднѣлись всюду, и при проѣздѣ экспедиціи злобно скалили зубы на своихъ характерныхъ тупыхъ мордахъ.

Въ Ургу въѣхали при закатѣ солнца.

Урга. Урга является для Монголіи правительственнымъ и религіознымъ центромъ, а также средоточіемъ русской, китайской и монгольской торговли.

Весь городъ можно раздѣлить на три части:

1) Хурень, или монастырь, 2) Ганданъ, гдѣ живутъ ученые ламы, и 3) Маймачень., т.-е. торговый городъ, наподобіе видѣннаго нами уже въ Кяхтѣ.

Въ Хуренѣ находится дворецъ Богдогегена, кругомъ него расположены кумирни и жилища ламъ. Улицы узкія и грязныя, дома прячутся за высокими частоколами до четырехъ аршинъ вышины. Иногда надъ заборомъ протянута веревка съ навѣшенными на нее клочками бумаги, на которыхъ написаны всевозможныя священныя изреченія и молитвы; между ними непременно встрѣчается надпись: „ом-мане-суме-омъ“.

На западной сторонѣ Хуреня находится рынокъ. Здѣсь тянется рядъ построекъ, принадлежащихъ русскимъ, торгующимъ въ Монголіи: Коковину и Басову, Юшину, Зайцеву и др. Тутъ же расположилось и нѣскольکو десятковъ китайскихъ фирмъ. Настоящее имя владѣльца китайской лавки чрезвычайно трудно узнать въ силу укоренившагося обычая у китайцевъ ставить рядомъ нѣскольکو лавокъ одного и того же владѣльца и каждой изъ нихъ давать разное названіе. Дѣлается это въ цѣляхъ расширенія собственной торговли подъ видомъ соперничества нѣсколькихъ различныхъ хозяевъ.

Выстроены китайскія ургинскія лавки наподобіе кяхтинскихъ. Товары въ нихъ также самые разнообразныя.

Площадь базара весьма обширна и грязна. Сюда пригоняется для продажи скотъ: верблюды, лошади, коровы, овцы. Пригонъ скота имѣетъ цѣлью удовлетвореніе лишь мѣстныхъ городскихъ нуждъ, но отнюдь не представляетъ рынка для сбыта большихъ промышленныхъ

Преступники, закованные въ колодки.

Распятый преступникъ.

табуновъ и отаръ овецъ. Этого не дозволяетъ дороговизна ургинской жизни, при которой содержаніе скота въ городѣ является невозможнымъ.

Вторая часть Урги—Ганданъ—находится въ разстояніи 1½ верстъ отъ Хуреня и заселена исключительно учеными ламами, носящими названіе цанитовъ.

Часть эта имѣетъ много общаго съ Хуренемъ: въ центрѣ возвышается дворецъ жившихъ прежде здѣсь гегеновъ и ихъ усыпальница, кругомъ—кумирни и жилища ламъ; на задней сторонѣ протянулся рядъ субургановъ—памятниковъ знаменитымъ ламамъ. Всѣхъ ламъ въ Ургѣ насчитывается свыше 18.000.

Ургинскій Маймаченъ расположенъ верстахъ въ четырехъ отъ Хуреня и является совершенно самостоятельнымъ торговымъ городомъ. Онъ раздѣляется на двѣ части: внутреннюю, заселенную китайцами, и внѣшнюю, гдѣ живутъ монголы. Китайская часть отдѣляется отъ внѣшней частоколомъ изъ лиственницы, очень высокимъ и обмазаннымъ глиной; въ нее ведутъ нѣсколько воротъ; здѣсь сосредоточено большое количество китайскихъ лавокъ. Въ монгольскомъ же Маймаченѣ торговли не производится: здѣшніе монголы занимаются извознымъ промысломъ и поэтому имѣютъ лишь одни жилые дома.

Къ юго-востоку отъ Хуреня находятся ямыни, т.-е. жилища манчжурскаго и монгольскаго амбаней и всѣхъ ихъ управленій, а также тюрьма, огороженная высокимъ частоколомъ; невдалекѣ отъ ямыней выстроены рядъ дворцовъ монгольскихъ князей, которые сѣзжаются въ Ургу во время сейма.

Верстахъ въ двухъ отъ Урги на востокѣ находится большой дворъ, обнесенный высокой толстой стѣной, гдѣ расположенъ въ настоящее время китайскій батальонъ солдатъ, по-европейски сформированный и прекрасно обученный. Во время праздника „Цамъ“ членамъ экспедиціи пришлось видѣть этихъ солдатъ: они имѣютъ ружья новѣйшаго образца, хорошую выправку, чисто и отчетливо дѣлаютъ всѣ приемы и прекрасно дисциплинированы.

Русское консульство помѣщено на невысокомъ холмѣ, недалеко отъ китайскихъ казармъ. Главное зданіе его имѣетъ два этажа и выстроено въ русскомъ стилѣ. Оно занято квартирой консула, его канцеляріей и чиновниками, служащими при канцеляріи. Консуломъ въ Ургѣ состоитъ уже 50 лѣтъ Я. П. Шишмаревъ. Здѣсь же при консульствѣ есть церковь и рядъ домовъ, гдѣ живутъ священникъ, причтъ, почтовый чиновникъ, сотенный командиръ, врачъ, ротный командиръ, и находится помѣщеніе школы русскихъ переводчиковъ.

При основаніи консульства имѣлось въ виду создать русскую колонію, но до сихъ поръ консульство остается почти въ одиночествѣ, всѣ же русскіе купцы, пользуясь правомъ пріобрѣтать въ Ургѣ земельные участки въ собственность, живутъ въ самомъ городѣ, выстроивъ себѣ дома въ русскомъ стилѣ.

Мѣсто для русскаго консульства выбрано очень неудачно, на совершенно безплодномъ бугрѣ; расположись оно поближе къ рѣкѣ, можно было бы насадить деревья и завести огороды, какъ это сдѣлано въ Маймаченѣ.

За консульствомъ, по направленію къ Маймачену, выстроены прекрасный двухэтажный домъ, принадлежавшій раньше отдѣленію Русско-Китайскаго банка въ Ургѣ; въ настоящее время помѣщеніе занято золотопромышленнымъ товариществомъ „Монголёръ“.

Экспедиція остановилась въ домѣ бывшаго служащаго Улясутайскаго отдѣленія Русско-Китайскаго банка Котова.

На слѣдующій день лошадей своихъ и верблюдовъ мы отдали на выпасъ русскому буряту, при чемъ плата за попасъ была очень высокая. Табунщикъ этотъ принимаетъ на выпасъ лошадей отъ всѣхъ пріѣзжающихъ изъ Россіи буряты и русскихъ; въ табунѣ у него ходитъ всегда по нѣскольку сотъ лошадей, и естественно, что при такихъ условіяхъ животное не поправляется, а только худаетъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Ургѣ происходилъ сеймъ, т.-е. съѣздъ всѣхъ хошунныхъ князей, періодически собирающихся въ Ургѣ для рѣшенія общемонгольскихъ вопросовъ. Послѣдніе съѣхались со всѣми своими многочисленными чиновниками, а многіе и съ семьями. Весь городъ и окрестности запружены были кавалькадами верховыхъ всадниковъ въ яркихъ халатахъ, съ развивающимися лентами и разноцвѣтными чиновничьими шариками на шапкахъ; вездѣ виднѣлись толпы богомольцевъ, монголъ и буряты, пришедшихъ поклониться своему земному богу, шли караваны верблюдовъ, гнались партіи скота и овецъ, предназначенныхъ для подношенія Богдогегену, и среди всей этой суеты бродили тысячи ламъ. Вотъ та картина ургинской жизни, бьющейся однимъ торгово-религіознымъ пульсомъ, которую застала экспедиція въ Ургѣ.

По прибытіи каравана, экспедиція приступила къ устройству выставки привезенныхъ съ собою товаровъ въ томъ же дворѣ, гдѣ и остановилась.

Объ устройствѣ выставки были расклеены въ разныхъ мѣстахъ города объявленія на русскомъ, монгольскомъ и китайскомъ языкахъ, а у воротъ выставки была сдѣлана такая же вывѣска.

Постепенно выставка стала посѣщаться монголами и китайцами. Изъ выставленныхъ товаровъ наибольшій успѣхъ имѣли сукна, главнымъ образомъ злоказовскія, которыя раскупались охотно, а также плись морозовскій. Носовскія сукна хотя и одобрялись, но для монгола являлись слишкомъ дорогими. Остальные мануфактурные товары не отвѣчали быту и потребностямъ монголь и сбыта не имѣли. Монголамъ китайцы уже успѣли привить вкусъ къ особымъ китайскимъ рисункамъ съ синей и красной расцвѣткой, и для экспедиціи, ознакомившейся, благодаря выставкѣ, ближе со спросомъ монголь, очевидно стало, что среди монголь можетъ найти сбытъ лишь та мануфактура, которая будетъ приспособлена къ ихъ вкусамъ при соотвѣтствующей дешевизнѣ. Дорогая же мануфактура, даже если по своей выработкѣ и удовлетворитъ вкусу монголь, можетъ пройти здѣсь только въ исключительныхъ, крайне рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ покупательная способность монгольской массы весьма невелика, и роскошь, въ видѣ, на примѣръ, дорогого сукна, ей не по силамъ.

Изъ другихъ товаровъ особенный успѣхъ имѣли ножи перочинные; къ сожалѣнію, хорошихъ ножей съ собою не было.

Въ цѣляхъ сбыта товаровъ были понижены на все цѣны, что вызвало недовольство мѣстныхъ ургинскихъ русскихъ купцовъ-мануфактуристовъ; прочіе же русскіе купцы и ихъ семьи очень охотно раскупали товары. Но все-таки послѣднихъ осталось много непроданныхъ.

Для лучшаго ознакомленія монголь съ русскими товарами вообще и съ мануфактурными въ частности было бы весьма рационально основать въ Ургѣ постоянную выставку-базаръ, какъ отдѣленіе московскихъ торговыхъ фирмъ. Это дало бы возможность слѣдить на мѣстѣ за потребностями монголь и итти навстрѣчу ихъ удовлетворенію и такимъ образомъ, достигъ благопріятныхъ результатовъ наиболѣе вѣрнымъ и скорымъ способомъ.

Въ числѣ посѣтителей выставки были не только простые монголы, но много ламъ, китайскихъ купцовъ, чиновниковъ при китайскомъ и монгольскомъ амбанияхъ, а также монгольскіе князья и княгини.

Въ первый же день къ намъ пріѣхало нѣсколько князей, друженно расположенныхъ къ Россіи, и въ то же время наиболѣе знатныхъ и пользующихся большимъ вліяніемъ въ Монголіи.

Князья подѣхали, окруженные многочисленной свитой монгольскихъ чиновниковъ; послѣдніе, какъ и китайскіе чиновники, имѣютъ на головѣ разноцвѣтные шарики, какъ знакъ ихъ государственной службы.

Князей пригласили въ домъ, гдѣ подали чай, вино и различныя сласти. До крѣпкихъ напитковъ князья не дотронулись, но наливки и шампанское пили съ удовольствіемъ. Изъ конфетъ особенно понравились имъ шоколадныя бутылочки съ ромомъ.

Официальный визитъ князей продолжался недолго: они пожелали осмотрѣть выставку, гдѣ относительно большинства товаровъ оказались хорошими цѣнителями, и обѣщали о выставкѣ сообщить самому Богдо-гегену. При прощаніи князья выразили желаніе еще разъ посѣтить насъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда князей пріѣхалъ ихъ чиновникъ съ просьбой продать для князей такъ понравившіяся имъ шоколадныя бутылочки съ ромомъ. Къ сожалѣнію, послѣднія всѣ уже вышли, такъ какъ были взяты съ собою въ очень ограниченномъ количествѣ, и мы не могли исполнить просьбу князей; присланный же чиновникъ долго не хотѣлъ этому вѣрить и слезно просилъ дать ему конфетъ, становился даже на колѣни, говоря, что онъ останется виновнымъ въ неисполненіи порученія и можетъ быть сильно наказаннымъ.

Черезъ нѣкоторое время экспедиція была извѣщена, что Богдо-гегенъ заинтересовался выставкой и пожелалъ лично видѣть русскихъ купцовъ и ихъ товары. Отобравъ лучшіе образцы и сложивъ ихъ на двухъ подводахъ, экспедиція отправилась въ полномъ составѣ ко двору Богдо-гегена.

Авторитетъ Богдо-гегена, какъ вочеловѣчившагося Бога на землѣ, также великъ въ Монголіи, какъ далай-ламы въ Тибетѣ. Не всякій монголъ имѣетъ представленіе о китайскомъ императорѣ, но всякій монголъ, даже ребенокъ, знаетъ о Богдо-гегенѣ, съ именемъ котораго у него связывается представленіе о существѣ, соединяющемъ въ себѣ царскую и божескую власть, силу и достоинство.

На поклоненіе Богдо-гегену изъ безконечныхъ степей, горъ и пустынь необъятной Монголіи ѣдутъ князья, тайджи *) и простые монголы—въ одиночку и цѣлыми аулами; ѣдутъ ламы всякихъ ранговъ и гегены другихъ монастырей, играющіе роль мѣстныхъ боговъ; къ нему же стекаются массы другихъ народностей монгольской расы, исповѣдающихъ буддѣйскую религію.

Доступъ къ Богдо-гегену обставленъ чрезвычайными трудностями и большими поборами со стороны окружающихъ его придворныхъ великихъ ламъ, играющихъ роль посредниковъ между народомъ и Богдо-гегеномъ. Поэтому всѣ паломники прибываютъ въ Ургу съ подарками:

*) Дворяне.

они везутъ серебро, гонять лошадей, пригоняютъ и овецъ. Все это предназначается въ жертву Богдо-гегену, но до послѣдняго доходить лишь небольшая часть приносимыхъ поклонниками богатствъ, главная же масса ихъ остается въ рукахъ приближенныхъ къ нему ламъ, которые допускаютъ къ Богдогегену прибывшаго паломника лишь тогда, когда съ послѣдняго уже больше нечего взять.

Получивъ благословеніе Богдо-гегена, обобранный монголь безъ всякихъ средствъ, съ одной чашкой за пазухой, отправляется домой, иногда за 1000 верстъ. Благо, въ Монголіи сильно распространено гостеприимство, и путникъ всегда можетъ рассчитывать на угощеніе чаемъ во всякой юртѣ. На большее же онъ и не претендуетъ: монголь привыкъ жить на чаѣ, и, ополоскавъ имъ свой желудокъ, можетъ терпѣть цѣлыя недѣли, пока представится ему случай гдѣ-нибудь полакомиться бараниной.

Богдо-гегенъ принялъ экспедицію въ своемъ лѣтнемъ дворцѣ, причемъ товары, которые ему понравились, онъ откладывалъ въ сторону. Часть изъ нихъ экспедиція преподнесла ему въ подарокъ, а остальное онъ взялъ за деньги. Подарокъ Богдогегенъ принялъ охотно и, видимо, былъ имъ весьма доволенъ; черезъ день съ своей стороны онъ прислалъ экспедиціи ходакъ *) и лошадь черезъ великаго ламу.

Во время пребыванія у Богдогегена члены экспедиціи имѣли возможность видѣть тотъ чрезвычайно разнообразный складъ вещей, которыя преподнесены Богдогегену въ подарокъ разными лицами или приобрѣтены имъ самимъ за деньги: тутъ были подзорныя трубы, микроскопы, барометры, различные фонари, велосипеды, мотоциклеты, автомобили и различные музыкальные инструменты, въ числѣ которыхъ была фисъ-гармонія. Всѣ вещи свалены въ кучу, покрыты слоемъ пыли и, видимо, никогда не исполняли своего назначенія.

Черезъ переводчика было сообщено Богдогегену, что въ средѣ экспедиціи есть лицо, умѣющее обращаться съ фисъ-гармоніей. Это былъ композиторъ Красинъ, ѣхавшій съ экспедиціей изъ Москвы до Кяхты, и съ которымъ мы встрѣтились опять въ Ургѣ. Узнавъ, что члены экспедиціи отправляются къ Богдогегену, Красинъ воспользовался случаемъ, чтобы побывать у Богдогегена, и присоединился къ намъ.

*) Ходакъ служитъ символомъ уваженія и представляетъ собою ленту большей частью голубого цвѣта; чѣмъ шире и длиннѣе лента, тѣмъ о большемъ уваженіи свидѣлствуетъ она. Присланный отъ Богдогегена ходакъ былъ въ 2 четверти ширины и 12 арш. длины. Подносящій ходакъ обыкновенно становится на колѣни, наклоняетъ голову и протягиваетъ впередъ руки, на которыхъ разостланъ ходакъ.

Услыхавъ о музыкантѣ, Богдогегенъ отдалъ приказъ ламамъ вытащить фисъ-гармонію на средину двора. Красинъ за время своего пребыванія въ Ургѣ изучилъ нѣсколько монгольскихъ мотивовъ, и послѣ „Коль славенъ“ и „Боже, Царя храни“, выслушанныхъ членами экспедиціи и Богдогегеномъ стоя, заигралъ монгольскія пѣсни, чѣмъ доставилъ Богдогегену несказанное удовольствіе.

Члены экспедиціи посѣтили въ Ургѣ также русскаго консула Шишмарева, который устроилъ намъ приѣмъ у китайскаго амбана.

Въ Ургѣ находятся два амбана—монгольскій и китайскій, назначаемый изъ маньчжуръ. Монгольскій амбанъ имѣетъ фиктивную власть и держится китайскимъ правительствомъ лишь по обычаю, вся же сила находится въ рукахъ китайскаго амбана.

16 іюня послѣ обѣда отъ консула пріѣхалъ чиновникъ Цыренпыловъ и пригласилъ насъ къ амбаню.

У воротъ амбаньскаго двора члены экспедиціи были нѣкоторое время задержаны, затѣмъ приглашены во дворъ, гдѣ снова ожидали нѣсколько минутъ. Наконецъ, были приглашены въ залъ аудіенцій. При проходѣ къ губернатору по обѣ стороны стояли ряды чиновниковъ. Амбанъ чрезъ переводчика спросилъ членовъ экспедиціи, благополучно ли ѣхали, нравится ли Урга, не испытываемъ ли какихъ лишеній; получивъ удовлетворительные отвѣты, амбанъ поинтересовался узнать, кто изъ насъ какое и гдѣ получилъ образованіе; любопытство его было удовлетворено. Съ своей стороны мы просили амбана оповѣстить китайскихъ купцовъ о нашемъ желаніи посѣтить ихъ и переговорить о нуждахъ русско-китайской торговли. Амбанъ обѣщаль передать нашу просьбу китайскимъ старшинамъ. При этомъ онъ съ своей стороны указаль на то, что русскіе таможенные законы стали очень стѣснительны для китайскаго ввоза, каковое положеніе наноситъ большіе убытки китайской торговлѣ чесучей.

Вскорѣ на выставку явились чиновники отъ амбана и просили доставить ихъ начальнику лучшіе мануфактурные образцы изъ выставленныхъ товаровъ. Образцы были посланы, и нѣкоторая часть изъ нихъ была куплена амбанемъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ визита членовъ экспедиціи къ китайскому амбаню къ намъ пріѣхалъ секретарь его; пробыль три часа и подробно и долго спрашивалъ о задачахъ нашей экспедиціи, цѣляхъ, средствахъ и пр., съ какимъ намѣреніемъ ѣдетъ часть экспедиціи на Улясутай, куда предполагаетъ заѣхать отрядъ, идущій на Калганъ и Пекинъ, въ какую сторону и черезъ какіе хошуну направлятся осталь-

ные члены. Черезъ два дня онъ опять приходилъ и сдѣлалъ дополнительные вопросы. Повидимому, московская экспедиція привлекла вниманіе китайскаго чиновничества. Амбанъ сдержалъ слово данное имъ членамъ экспедиціи, и послѣдніе были приглашены китайскими старшинами въ Маймачень на собраніе, гдѣ встрѣтили весьма гостеприимный приѣмъ. Всѣ сѣтованія китайцевъ сводились главнымъ образомъ на поднятіе Россіей таможенной пошлины на чесучу, что и здѣсь, такъ же какъ въ Кяхтѣ, поставило многихъ китайскихъ купцовъ въ безвыходное положеніе.

Съ своей стороны китайскіе купцы отвѣтили намъ визитомъ, о чемъ мы были заранѣе увѣдомлены; въ числѣ китайскихъ гостей были старшины купеческіе и чиновники.

Имъ былъ устроенъ русскій обѣдъ, на которомъ китайцы отдавали предпочтеніе различнымъ русскимъ наливкамъ и сладкимъ винамъ, запасеннымъ нами изъ Кяхты, а также московскимъ печеньямъ и конфетамъ.

Однимъ изъ китайцевъ среди обѣда была произнесена на англійскомъ языкѣ рѣчь, въ которой онъ подчеркнулъ, что происходящія въ настоящее время тренія въ торговлѣ китайцевъ съ Россіей, надо надѣяться, будутъ вскорѣ устранены русскимъ правительствомъ, чѣмъ возстановится нарушенное нормальное теченіе торговой дѣятельности китайскаго и русскаго купечества.

На это членомъ экспедиціи на англійскомъ же языкѣ было отвѣчено, что одной изъ задачъ экспедиціи является выясненіе на мѣстѣ положенія взаимной заинтересованности китайско-русской торговли.

Китайскіе купцы за обѣдомъ оказались весьма веселыми гостями и играли въ различныя застольныя китайскія игры, при чемъ было много смѣха и искренняго оживленія. Три человѣка изъ московской экспедиціи (Соболевъ, Мальцевъ и Зеллисъ) говорили по-китайски, и поэтому затрудненій отъ незнанія китайскаго языка другими членами никакихъ не было, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ китайцевъ объяснялись съ нами на мало понятномъ для насъ нарѣчій, которое, по ихъ представленію, должно было знаменоваться собою русскій языкъ.

Въ числѣ посѣтительницъ нашей выставки надо отмѣтить молодую образованную княгиню, правящую кошуномъ за смертью мужа. Княгиня самостоятельно ведетъ всѣ дѣла своего княжества, знаетъ манчжурскій языкъ и монгольскую письменность, что между монгольскими женщинами, даже княгинями, большая рѣдкость.

Монгольскимъ женщинамъ образованіе дается весьма рѣдко, но

онѣ пользуются полнымъ равноправіемъ и принимаютъ участіе во всѣхъ дѣлахъ семейной и общественной жизни; наѣздицы онѣ выдающіяся. Намъ какъ-то въ дорогѣ пришлось видѣть группу верховыхъ монголовъ, среди которыхъ была 80-лѣтняя старуха; группа эта за 3 $\frac{1}{2}$ часа сдѣлала 50 верстъ верхомъ, и старуха не отставала.

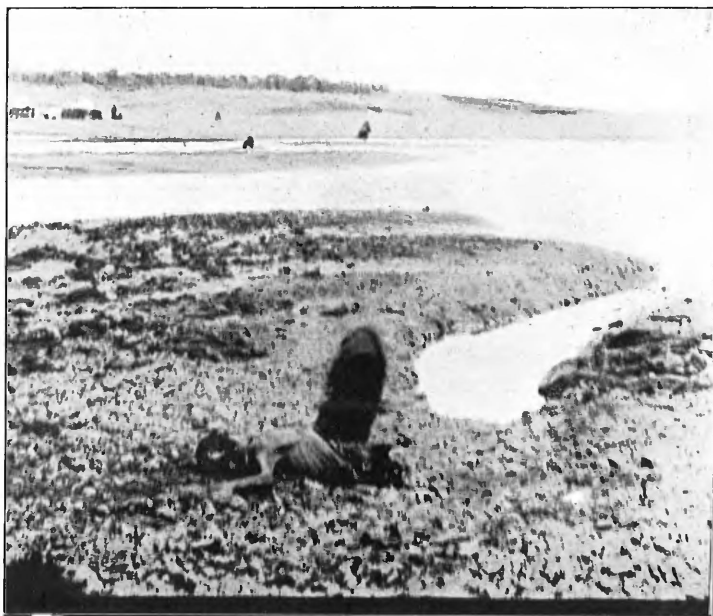
Въ теченіе своего пребыванія въ Ургѣ московская экспедиція устроила у себя на квартирѣ совѣщаніе русскихъ купцовъ, работающихъ въ Монголіи, въ ургинскомъ районѣ.

Нѣкоторые изъ ургинскихъ торговцевъ работали раньше въ кобдинскомъ и улясутайскомъ районахъ и теперь еще поддерживаютъ съ этими районами торговья связи, почему и имѣютъ достаточное представленіе о положеніи торговаго дѣла въ монгольской Халхѣ. Совѣщаніе это дало возможность экспедиціи: 1) отчасти разобраться въ особенностяхъ русскаго торговаго дѣла въ Монголіи, 2) выяснить здѣсь основные элементы и приемы русской и китайской торговли и 3) установить связь взаимныхъ отношеній и вліяній этихъ элементовъ другъ на друга. Изъ обмѣна мнѣній выяснилось, что первоначальная позиція русской торговли въ Монголіи въ ургинскомъ районѣ была очень крѣпкая.

Кяхта была центромъ настолько оживленнаго торговаго обмѣна между Россіей и Монголіей, что для русскихъ купцовъ не было надобности выѣзжать для торговли въ глубь страны, такъ какъ монголы сами являлись за товарами въ Кяхту.

Съ открытіемъ же Китаемъ въ срединѣ прошлаго столѣтія своихъ портовъ для иностранной торговли часть китайскихъ чаевъ пошла въ Россію морскимъ путемъ, транзитъ ихъ черезъ Монголію на Кяхту значительно сократился, положеніе русской торговли съ Монголіей сильно пошатнулось, и русскіе торговцы, чтобы укрѣпить свою позицію, должны были продвинуться въ монгольскую Халху и на мѣстѣ воздѣйствовать своимъ вліяніемъ на укрѣпленіе нарушенныхъ торговыхъ связей. Въ этотъ періодъ русскіе осѣли въ Ургѣ, игравшей роль религіозно-торговаго центра для всей Монголіи благодаря присутствію здѣсь Богдогегена и наличности китайскихъ торговыхъ фирмъ.

Въ этотъ періодъ монгольское сырье было баснословно дешево, торговля носила мѣновой характеръ и базировалась на сбытѣ русскихъ товаровъ въ Монголію. Моментъ былъ весьма благопріятный для внѣдренія въ монгольскую среду издѣлій русской фабричной промышленности. Къ сожалѣнію, въ этотъ періодъ какъ русское купечество, такъ и русская фабричная промышленность относились недостаточно вни-

Покойникъ, выброшенный на съѣденіе собакъ въ Ургѣ.

мательно къ потребностямъ монгольскаго рынка, снабжали монголь всякой завалью и тѣмъ начали портить монгольскій рынокъ и измѣнять конъюнктуру его въ неблагопріятную для русскихъ сторону; и постепенно, по мѣрѣ того, какъ цѣны на сырье росли,—монгольскій рынокъ сталъ уплывать изъ русскихъ рукъ, такъ какъ китайцы учли благопріятное положеніе момента и стали искусно укрѣплять свои торговыя позиціи въ Монголіи въ ущербъ русскому торговому вліянію. Съ проведеніемъ же Сибирской желѣзной дороги монгольское сырье, получивъ доступъ на міровой рынокъ, возрасло въ цѣнѣ невѣроятно, торговля имъ сдѣлалась очень выгодной, и конкуренція за обладаніе сырьемъ среди торгующаго въ Монголіи купечества стала ожесточенной.

Торговыя фирмы въ погонѣ за захватъ въ свои руки монгольскаго сырья не могли его концентрировать путемъ традиціоннаго обмѣна на русскіе фабрикаты, подвергнушіеся въ это время вытѣсненію болѣе дешевыми фабрикатами иностраннаго происхожденія (американскаго, японскаго и англійскаго), проникшими въ Монголію чрезъ посредство китайскихъ фирмъ; поэтому, измѣнивъ своимъ излюбленнымъ мѣновымъ торговымъ приемамъ, они начали покупать сырье на серебро и деньги.

Интенсивности разрушенія прежнихъ формъ мѣновой торговли и ускоренному переходу къ скупкѣ сырья на серебро и деньги послужило появленіе въ Монголіи русскихъ представителей отъ нѣкоторыхъ торговыхъ фирмъ (Стукенъ и К^о и др.), транспортировавшихъ монгольское сырье (шерсть) въ Европу и Америку. Представители этихъ коммисіонныхъ фирмъ, появившись въ Монголіи, широко повели скупку сырья на серебро и деньги и, бросивъ ихъ въ оборотъ монгольскаго населенія, быстро сконцентрировали въ своихъ рукахъ крупныя партіи шерсти.

Монгольское населеніе, привыкши къ мѣновой торговлѣ, сразу оцѣнило преимущества сбыта сырья на серебро и деньги передъ мѣной его на товаръ и стихійно стало направлять свое сырье въ новое русло создавшихся торговыхъ отношеній.

Русскіе же торговцы, ведшіе въ Монголіи мѣновую торговлю на русскіе товары, не желая упустить уходившее изъ ихъ рукъ сырье, принуждены были для его скупки прибѣгнуть къ однороднымъ приемамъ торговли.

Этотъ моментъ послужилъ началомъ сокращенія ввоза въ Монголію издѣлій русской фабричной промышленности; это былъ моментъ начала паденія русской экспортной торговли въ Монголіи и усиленія ввоза монгольскаго сырья въ Россію. Торговля Россіи съ Монголіей съ этого

времени получила пассивный характеръ, который продолжаетъ оставаться таковымъ и до сего времени, что отразилось весьма чувствительно на русской торговлѣ по всей азіатской границѣ.

Итакъ, скупка русскими торговцами монгольскаго сырья на деньги или гамбургское серебро, явившись однобокой формой торговли, нанесла нашему здѣсь экономическому и политическому вліянію сильный ударъ, причинившій громадный ущербъ въ нашихъ торгово-экономическихъ и политическихъ отношеніяхъ къ Монголіи.

Здѣсь же на совѣщаніи изъ бесѣдъ съ представителями нѣкоторыхъ торговыхъ русскихъ фирмъ выяснилось и то положеніе, которое заняли въ этотъ періодъ китайскія фирмы по отношенію къ русскимъ торговцамъ, лишивъ ихъ торговой самостоятельности и направивъ ихъ дѣятельность на служеніе своимъ китайскимъ торговымъ интересамъ.

Это было достигнуто тѣмъ, что русскіе купцы принуждены были торговать въ Монголіи двумя основными потребительскими товарами въ обиходѣ монгола—далембой и чаемъ—которые приобрѣтались изъ рукъ китайцевъ. Товары эти за отсутствіемъ въ Ургѣ русскихъ банковъ нерѣдко забирались русскими торговцами у китайцевъ въ кредитъ, что удорожало ихъ стоимость и давало китайскому купцу возможность успѣшно конкурировать съ русскимъ торговцемъ при скупкѣ у монголъ всякаго рода сырья; послѣднее поступало къ китайцу дешевле еще и въ силу долговой зависимости монголъ отъ китайца благодаря хошунному кредиту.

Китайскій купецъ, успѣшно конкурируя съ русскимъ въ сборѣ сырья, при продажѣ послѣдняго въ русскія руки получалъ уже свою выгоду съ двухъ сторонъ—отъ скупки и отъ продажи.

Такимъ образомъ необходимость для русскаго купца торговать чаемъ и далембой (основными товарами торговли) и отсутствіе льготнаго кредита создавали русской торговлѣ въ Монголіи зависимость отъ китайскаго купечества.

Въ настоящее время какъ ургинскіе русскіе купцы, такъ и хошунные торговцы за отсутствіемъ русскихъ банковъ въ Монголіи совершенно не имѣютъ льготнаго кредита для расширенія торговыхъ операцій.

Русско-Китайскій банкъ больше кредитовалъ монгольскіе хошунны; русскимъ же доступъ къ кредиту былъ затрудненъ краткосрочностью и взиманіемъ большихъ процентовъ *).

*) Официально бралось 12⁰/₀, но такъ какъ серебро въ кредитъ отпускалось по повышенному курсу, то выходило почти 24⁰/₀.

По закрытіи же банка русскіе хошунцы принуждены обращаться за кредитомъ или къ китайскимъ фирмамъ, которыя очень охотно ихъ кредитуютъ, навязывая вмѣсто денегъ свои товары по повышеннымъ цѣнамъ и дѣлая ихъ такимъ образомъ агентами по распространенію китайскихъ товаровъ, или же обращаются къ крупнымъ русскимъ торговцамъ, ссужающимъ хошунцевъ серебромъ на весьма тяжелыхъ условіяхъ.

Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что скупка сырья въ Монголіи въ настоящее время идетъ преимущественно за деньги; при обострившейся же конкуренціи по захвату монгольскаго сырья въ болѣе выгодномъ положеніи находится тотъ, кто обладаетъ большей денежной наличностью; отсюда ясно, что деньги въ кредитъ фирмами могутъ быть отданы только подъ вѣрное обезпеченіе и высокій процентъ.

Необходимо возможно скорѣйшее учрежденіе русскихъ банковъ въ торговыхъ центрахъ Монголіи, какъ Урга, Улясутай, Кобдо, Сарсумэ, и открытіе льготнаго кредита для всѣхъ категорій русскихъ торговцевъ въ Монголіи. Дѣятельность этихъ кредитныхъ учреждений должна быть строго сообразована съ требованіями и особенностями торговли въ Монголіи, такъ какъ практика банковъ, установившаяся въ русскихъ условіяхъ, цѣликомъ примѣненная въ Монголіи, обречена на полный провалъ. Краткосрочный учетъ векселей, практикуемый русскими банками, для торговли въ Монголіи слишкомъ коротокъ, ибо торговый оборотъ здѣсь имѣетъ болѣе долгій періодъ, чѣмъ въ Россіи; затѣмъ банки должны обязательно открывать кредитъ подъ сырье и скоть не только русскимъ, но и монголамъ, а также принимать это сырье въ уплату выданныхъ кредитовъ. Собравъ же въ свои руки продукты монгольскаго скотоводства, банки всегда могли бы являться на монгольскомъ рынкѣ господиномъ положенія и, устранивъ массу посредниковъ, извлечь для себя соотвѣтствующія выгоды.

Такимъ образомъ при постановкѣ дѣятельности банковъ въ гармоничную связь съ особенностями уклада русско-монгольскихъ торговыхъ отношеній и бытовыми чертами экономической жизни Монголіи, банки могли бы взять въ полный и широкій оборотъ весь бытъ монгола, имѣть громадное вліяніе на экономическій укладъ монгольской жизни и служить наилучшими проводниками экономического вліянія Россіи въ Монголію.

На совѣщаніи между прочимъ при разборѣ русско-китайскаго торговаго договора русскіе купцы обратили вниманіе экспедиціи на отсутствіе въ торговомъ договорѣ статей, предоставляющихъ русскимъ

въ Монголіи право приобрѣтать земли въ собственность или арендовать ихъ въ цѣляхъ эксплуатаціи подъ сельскохозяйственный промыселъ— хлѣбопашество и скотоводство. Веденіе сельскаго хозяйства въ Монголіи въ настоящее время представляетъ собою большія выгоды, и русскіе торговцы, несущіе здѣсь за послѣднее время убытки въ своихъ торговыхъ операціяхъ, могли бы поддерживать съ успѣхомъ равновѣсіе своего торговаго баланса веденіемъ сельскохозяйственнаго промысла.

Земледѣліе, при высокихъ рыночныхъ цѣнахъ въ Монголіи на муку, уже издавна доставляло хорошую выгоду, чѣмъ и объясняется усиленное развитіе земледѣльческаго промысла какъ среди монголь, такъ и китайцевъ по р. Селенгѣ и по ея притокамъ, въ районѣ Кяхта-Урга.

Монгольское скотоводство благодаря обеспеченному спросу и высокимъ цѣнамъ на сырье является даже въ настоящее время, при низкой его продуктивности, очень выгоднымъ предпріятіемъ. Несомнѣнно, что выгоды эти значительно могутъ возрасти при веденіи земледѣлія и скотоводства на болѣе рациональныхъ и культурныхъ началахъ. Послѣднія, несомнѣнно, были бы скоро введены въ своихъ хозяйствахъ русскими людьми, что дало бы сильный толчокъ къ общему подъему доходности монгольскаго хозяйства.

Это положеніе фактически подтверждается настоящей дѣятельностью московскаго купца Прокина, хозяйство котораго на р. Толѣ, за ургинскимъ Маймаченомъ, мы посѣтили вскорѣ послѣ совѣщанія. Несмотря на то, что русскимъ не разрѣшается здѣсь заниматься сельскимъ хозяйствомъ, нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ и Прокину, удастся благодаря личнымъ хорошимъ отношеніямъ къ Богдогегену или къ князьямъ имѣть свои заимки въ Монголіи, на которыхъ русскіе купцы иногда не только ведутъ свое скотоводство, но и улучшаютъ его путемъ прилитія къ нему крови болѣе продуктивныхъ и культурныхъ породъ. Честь первой инициативы въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ купцу Прокину, вывезшему изъ Москвы швицкаго быка въ Монголію.

Такая культурная дѣятельность русскаго хозяина по улучшенію мѣстныхъ породъ скота сразу привлекла вниманіе монголь, большихъ любителей скотоводства. Монгольскіе князья, какъ наиболѣе культурные и экономически сильные хозяева края, первые ознакомились съ полезной дѣятельностью Прокина и поспѣшили приобрѣсти изъ его стада для улучшенія своего скотоводства метисный приплодъ первой генерациі.

При возвращеніи изъ хозяйства Прокина нами были посѣщены въ Маймаченѣ китайскіе огороды. Члены экспедиціи были поражены порядкомъ и прекраснымъ видомъ разнообразныхъ овощей, воздѣлываемыхъ при помощи орошенія арыками, взятыми изъ притока р. Толы. Систему орошенія китайскіе огородники довели до такого совершенства, что къ каждому растенію на грядкахъ, несмотря на сложный рельефъ, подводятъ воду особыми распредѣлительными канавками, доступъ воды къ которымъ сейчасъ же прекращаютъ, разъ только отдѣльныя растенія насыщены водой. Искусство маймаченскихъ китайцевъ, какъ огородниковъ и какъ ирригаторовъ, очень велико и поучительно.

На югъ отъ китайскихъ огородовъ за долиной рѣки Толы возвышается красивая высокая „Богдо-ула“ (священная гора). Заповѣдной зеленью своего вѣковаго лѣса и его первобытнымъ, вѣками не тронутымъ, населеніемъ пернатого и животнаго царствъ она рѣзко отличается отъ южныхъ безжизненно пустынныхъ склоновъ горъ, у подножія которыхъ расположены Маймаченъ, территорія русскаго консульства и Урга. На вершинѣ Богдо-ула находится монастырь—дача ургинскаго худухты.

Благодаря запрещенію охоты въ окрестностяхъ дачи Богдогегена, лѣса священной горы изобилуютъ медвѣдями, волками, лисицами, пушнымъ звѣремъ, изюбрями и пр. Несмотря на строгую охрану лѣса ламами монастыря, нѣкоторые изъ охотниковъ все-таки нарушаютъ запретъ въ виду хорошей охоты или въ надеждѣ застрѣлить дикаго марала (изюбря), голова котораго съ рогами оцѣнивается китайцами до 300 рублей.

При отдачѣ визита нѣкоторыми членами экспедиціи посѣтившимъ насъ князьямъ, послѣдніе сѣтовали на то, что жизнь въ Ургѣ при дворѣ Богдогегена требуетъ большихъ расходовъ, средствъ свободныхъ нѣтъ, а населеніе истощать лишними налогами они не хотятъ. При этомъ князья высказали сожалѣніе по поводу закрытія въ Ургѣ и Улясутаѣ Русско-китайскаго банка. По ихъ словамъ, если бы въ Ургѣ началъ функционировать русскій банкъ, который бы открывалъ кредитъ и монголою подъ хошунное обезпеченіе, то банкъ могъ бы оказать послѣднимъ большую услугу, да и самъ бы остался не въ убыткѣ, такъ какъ кредитъ, выданный подъ хошунное обезпеченіе, всегда является вполне гарантированнымъ,

Въ настоящее время, въ силу большой нужды въ кредитѣ и за отсутствіемъ русскихъ кредитныхъ учрежденій, хошуну свою кредитную

нужду удовлетворяютъ займами у китайскихъ фирмъ; но такой кредитъ слишкомъ тяжелъ для хошуновъ и разорителенъ для монгольскаго народа, такъ какъ китайцы избѣгаютъ давать монголамъ кредитъ серебромъ, а всегда норовятъ навязать его товаромъ, при чемъ на товаръ этотъ накладываютъ чрезмѣрную расцѣнку. Часто же потребности, вызвавшія нужду въ кредитѣ, бываютъ такого характера, что ихъ можно удовлетворить путемъ только наличныхъ денегъ или серебра, почему и навязанный монголу товаръ не уничтожаетъ у него потребности въ займѣ денегъ, и монголъ продолжаетъ искать денежнаго кредита.

Китайцы въ такихъ случаяхъ снабжаютъ монгола и денежнымъ кредитомъ, но обставляютъ его еще болѣе тяжелыми условіями; кромѣ высокихъ % они оставляютъ за собою право въ случаѣ неуплаты монголомъ въ срокъ денежной ссуды серебромъ перевести взысканіе долга на имущество монгола, каковымъ у него является по преимуществу скотъ. Послѣдній принимается китайцами въ уплату долга по произвольной китайской расцѣнкѣ, весьма невыгодной и разорительной для монгола.

Не лучше обстоитъ дѣло, когда китайцы снабжаютъ денежнымъ кредитомъ князей или хошунныя управленія, часто нуждающіеся въ деньгахъ для погашенія лежащихъ на нихъ обязанностей, вытекающихъ изъ ихъ отношеній къ пекинскому правительству или къ монгольскимъ сеймамъ, гдѣ князья и хошуну участвуютъ въ погашеніи расходовъ, производимыхъ сеймами на обще-монгольскія нужды.

Князья и хошуну, такъ же какъ и отдѣльные монголы, въ случаѣ неуплаты въ срокъ денежнаго кредита серебромъ обязаны уплачивать его скотомъ по оцѣнкѣ, произвольно устанавливаемой китайцами; поэтому нерѣдко, что цѣлые хошуну послѣ такой уплаты разоряются окончательно, такъ какъ хошунъ равномерно распредѣляетъ свой долгъ на всѣхъ монголъ хошуна, пропорціонально имущественной состоятельности cadaго.

Въ виду всего этого открытіе русскихъ кредитныхъ учрежденій въ Монголіи, по свидѣтельству князей, будетъ привѣтствоваться всѣмъ монгольскимъ народомъ и можетъ послужить къ упроченію дальнѣйшихъ связей между Монголіей и Россіей,

Собираемая русскими купцами монгольская шерсть подвергается въ Ургѣ промывкѣ на нѣсколькихъ, въ разное время выстроенныхъ, русскихъ шерстемойкахъ, чрезвычайно простыхъ и дешевыхъ. Изъ нихъ въ лѣто 1910 года функционировали только двѣ: Стукена и Коквина; другія мойки были закрыты.

У Стукена дѣло поставлено на сверхъ-коммерческихъ началахъ, такъ что когда члены экспедиціи обратились въ контору за разрѣшеніемъ осмотрѣть мойку, то къ осмотру мойки не были допущены безъ указанія причинъ. Подобное непонятное отношеніе къ членамъ экспедиціи во всей Монголіи мы встрѣтили только со стороны одной этой фирмы. Даже китайскія фирмы значительно превосходили въ предупредительности и дѣловой вѣжливости по отношенію московской экспедиціи.

У Коковина дѣло поставлено весьма цѣлесообразно; мойка выстроена на протокѣ р. Толы и работаетъ съ 1909 года, намывая изъ одного пуда грязной 27 фунтовъ чистой шерсти. Мойка передъ открытіемъ сезонныхъ работъ находилась въ ремонтѣ.

Въ періодъ ея дѣйствія здѣсь работаетъ до 100 человекъ монголь, получающихъ поденную плату отъ 30 до 65 коп.; расчетъ производится и русскими деньгами, и ургинскими долларами. По промывкѣ шерсть просушивается и прессуется въ мѣшки. Для промывки шерсти устроены моечные желѣзные ящики $1\frac{3}{4}$ арш. ширины, двѣ саж. длины и $\frac{3}{4}$ арш. глубины; прессы доставляются изъ Москвы, провозная плата до Урги обходится въ 150 рублей, однако цѣпи на прессахъ рвутся, что при отсутствіи въ Монголіи механическихъ мастерскихъ создаетъ большія неудобства.

При консульствѣ въ Ургѣ открыто весьма важное русское учрежденіе, остановившее на себѣ особое наше вниманіе это:—школа русскихъ переводчиковъ монгольскаго и китайскаго языковъ. Мысль открытія школы для изученія языка сосѣдняго намъ народа, исторически связаннаго съ Россіей экономическими и торговыми интересами, въ его столицѣ,—центрѣ и сердцѣ Монголіи,—надо признать весьма жизненной, чрезвычайно удачной и глубоко отвѣчающей задачамъ современнаго момента.

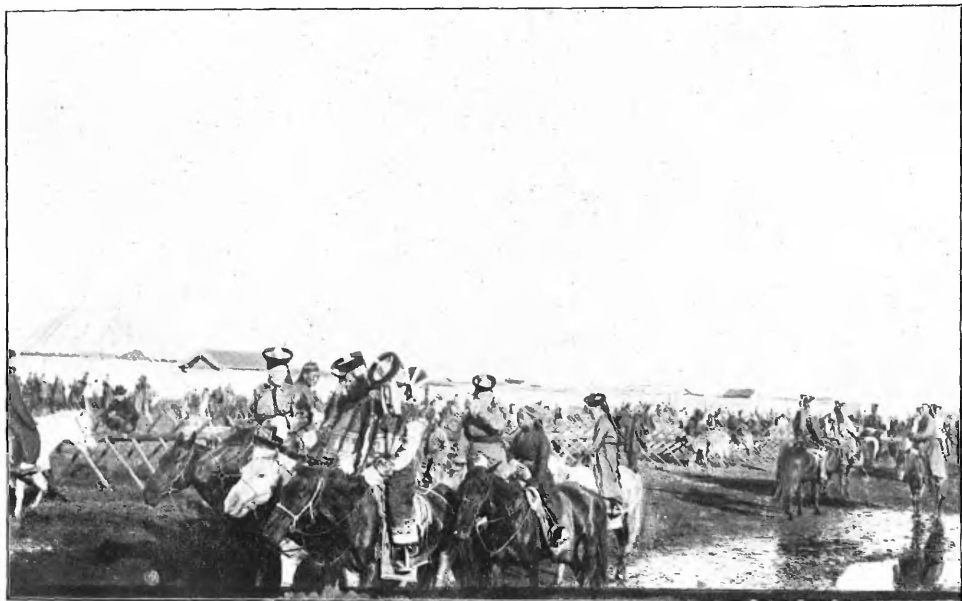
И вотъ, какъ это нерѣдко случается, столь важному русскому культурному дѣлу въ Монголіи, при практическомъ осуществленіи его, приданъ не свойственный природѣ его уродливый характеръ. Дѣло въ томъ, что школа эта для надлежащаго своего развитія и постановки не имѣетъ средствъ, бѣдна настолько, что не имѣетъ спеціальнаго преподавательскаго персонала. Обязанности директора и преподавателей школы возложены на драгомана и другихъ лицъ, занятыхъ прямой службой при консульствѣ и не имѣющихъ возможности удѣлить достаточнаго вниманія и времени постороннему для нихъ школьному дѣлу; отъ такихъ распоряжковъ дѣло школы сильно хромаетъ. Ургинская

школа есть единственное въ Монголіи культурное дѣло Россіи; на этомъ пути мы не имѣемъ конкуренціи Китая; и если мы въ этой области находимся въ столь отличныхъ условіяхъ, то неужели должны ожидать того времени, когда мы и въ школьномъ, какъ и въ торговомъ дѣлѣ потеряемъ свои позиціи подъ напоромъ всесильной китайской конкуренціи? Мы глубоко убѣждены, что разъ Россія выступила въ Монголіи на путь культурнаго воздѣйствія, то по этому пути надо итти твердо и неуклонно. Для государства не можетъ быть вопроса въ затратѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей тамъ, гдѣ престижъ его культурности долженъ стоять на высотѣ, соотвѣтствующей достоинству великаго государства.

Неужели мы не въ состояніи даже среди первобытнаго пастуха-народа съ достоинствомъ провести свое культурное дѣло? Такъ думалось при взглядѣ на жалкое, ободранное зданіе школы, внутренняя жизнь и постановка которой, по рассказамъ ея учениковъ и русскихъ купцовъ, будто бы стоитъ въ гармоніи съ ея внѣшностью.

Русская торговля въ настоящее время испытываетъ въ Монголіи многоразличныя затрудненія, важнѣйшія изъ которыхъ создаются хаотичнымъ положеніемъ расчетнаго кредита между монголами и русскими. Безпомощные въ монгольской письменности русскія фирмы и торговцы, при глубоко врѣзавшейся въ жизнь и обычай монголъ кредитной торговлѣ, принуждены раздавать свои товары монголамъ въ долгъ, не обезпечивая его никакими обязательствами и ограничиваясь простыми замѣтками въ такъ-называемыхъ торговыхъ (никакими учрежденіями не прошнурованныхъ) книгахъ. Впослѣдствіи создается почва для безчисленныхъ недоразумѣній: монголы утверждаютъ, что русскіе взыскиваютъ записанные долги по нѣскольку разъ, не вычеркивая ихъ изъ книгъ, русскіе же стонутъ, что монголы отказываются отъ уплаты за взятые въ кредитъ товары. Знай какая-либо сторона письменный языкъ другой стороны,—торговое дѣло упростилось бы сразу, такъ какъ монголъ никогда не откажется отъ уплаты своихъ обязательствъ, правильно документированныхъ. Русскому, при знаніи монгольскаго письма, можно было бы ограничиться простой распиской монгола, и торговые расчеты сразу бы приняли нормальное теченіе.

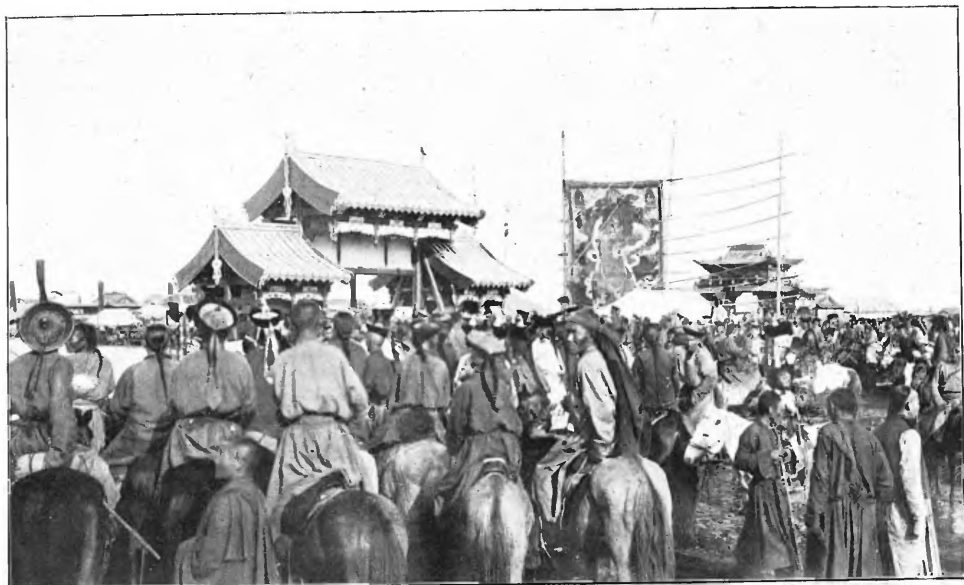
Въ виду этого идея ургинской школы вполне отвѣчаетъ потребностямъ русской торговли въ Монголіи, и надо только, обезпечивъ школу средствами, поставить въ ней на надлежащую высоту какъ изученіе языковъ, такъ и преподаваніе коммерческихъ знаній, которыя въ силу особыхъ естественно-историческихъ и бытовыхъ условій Монголіи

Праздникъ „Цамъ“.

Праздникъ „Цамъ“.

Праздникъ „Цамъ“.

Праздникъ „Цамъ“.

должны базироваться на сельскохозяйственных знаниях страны этого народа.

Если бюджету консульства не под силу поставить школу на высоту, соответствующую достоинству Россіи и ея тамъ торгово-промышленнымъ и экономическимъ интересамъ, то желательно, чтобы это дѣло взяло въ свои руки министерство торговли и промышленности.

Немалое значеніе школа могла бы имѣть и для монголь, которые въ своей столицѣ получили бы образованіе черезъ русскую школу и усваивали бы въ ней здоровыя начала для практической дѣятельности. Школа должна дать на-ряду съ основательнымъ знаніемъ монгольскаго и китайскаго языковъ (при обязательномъ изученіи только одного изъ нихъ) необходимыя коммерческія знанія, хорошую естественно-историческую подготовку для пониманія экономической жизни страны и изученіе культурно-политическаго строя Монголіи.

Изъ Урги члены экспедиціи выѣхали въ разное время и по разнымъ направленіямъ. Такъ, Вильгусъ и Ляльковъ выѣхали 23 іюня на верблюдахъ съ русской почтой, направляющейся на Калганъ и Пекинъ; Поповъ, Колядовъ, Кольчевскій и Зеллисъ направились съ переводчикомъ Соболевымъ 27 іюня на Улясутай черезъ Заинъ-Шаби; Дреземейеръ 3 іюля поѣхалъ обратно черезъ Кяхту на Москву; въ Ургѣ остались Шкаринъ, Фланденъ и Морозовъ съ переводчикомъ Мальцевымъ.

Надо было прикупить еще образчиковъ монгольскихъ и китайскихъ товаровъ, привести ихъ въ порядокъ, сдѣлать списки, запаковать и отправить въ Москву; кромѣ того закончить собраніе свѣдѣній о положеніи русской и китайской торговли въ Ургѣ и хошунахъ, посѣтить русскія хозяйства подъ Ургой и побывать на монгольскомъ праздникѣ Цамъ. Только послѣ Цама задержавшіеся въ Ургѣ члены экспедиціи выѣхали на Улясутай черезъ Зунъ-Согунъ, Ванкурень и Далайгунъ-курень.

6 іюля члены экспедиціи были свидѣтелями торжественнаго монгольскаго религіознаго праздника „Цамъ“.

Въ центрѣ Хуреня, на площади Поклоненія, у Триумфальныхъ Гегеновскихъ воротъ, ограждается обширная площадка, на которой послѣ торжественнаго богослуженія въ храмѣ совершается церемонія праздника. Внутри ограды располагаются живой стѣной тысячи ламъ, предназначенныхъ для сдержанія громадныхъ массъ народа, съѣзжающихъ на этотъ праздникъ со всей Монголіи. Впереди ламъ разставлены почетныя палатки Богдогегена, монгольскихъ князей и властей. Въ центрѣ

площадки намѣченъ большой кругъ, окружность котораго вымощена бѣлыми камнями. Въ кругу такими камнями выложены различныя фигурныя дорожки, по которымъ происходитъ шествіе Цама.

Подъ протяжные звука саженныхъ трубъ и гулъ барабановъ изъ за толпы ламъ выходятъ въ кругъ безконечныя смѣны фантастическихъ масокъ, изображающихъ человѣческіе и звѣриныя лики, и совершаютъ на немъ разнообразныя танцы, движенія и кувырки.

Что означаютъ эти маски, ихъ жесты и пляска,—никто не знаетъ. Цамъ заимствованъ изъ Тибета и, вѣроятно, имѣетъ свое символическое значеніе. Монголы же на наши вопросы о значеніи символики дѣйствующихъ масокъ давали намъ разнообразныя отвѣты. Одни говорили, что въ лицѣ фигуръ представлены правители разныхъ народовъ, существовавшіе въ различныя времена; другіе говорили, что фигуры знаменуютъ собою геніевъ злыхъ и добрыхъ; третьи—что безконечно смѣняющіяся маски изображаютъ собою безконечно мѣняющуюся жизнь народовъ на землѣ. Много давали объясненій, но какое изъ нихъ болѣе правдоподобно, установить не удалось.

Картина Цама представляется по истинѣ феерической, ибо по своей колоритности, сочности и разнообразіи красокъ, оригинальности и живости движенія народныхъ массъ этотъ праздникъ степняковъ заключаетъ въ себѣ нѣчто сказочное.

Эти танцы, игры и юмористическія движенія какихъ-то кабалистическихъ фигуръ, хохотъ и гоготъ массъ народа и его живой интересъ, присутствіе на праздникѣ Богдогегена и синклита придворныхъ высокыхъ ламъ, монгольскихъ князей, княжескихъ семействъ и ихъ свиты въ драгоценныхъ, парчевыхъ одеждахъ, китайскаго и монгольскаго губернаторовъ съ громаднымъ количествомъ чиновниковъ въ своихъ оригинальныхъ монгольскихъ и китайскихъ формахъ и костюмахъ, китайскихъ войскъ, монгольской и китайской полиціи, безконечной массы монгольскаго народа, въ живописныхъ кавалькадахъ безсмѣнно приливающихъ и отливающихъ на площадь на своихъ степныхъ свободныхъ коняхъ,—отъ всего этого вѣяло какой-то удалью монгольскаго простора. Здѣсь народъ показывалъ свою душу и мощь, здѣсь на мгновеніе онъ забывалъ свое угнетеніе китайскимъ дракономъ и являлся опять тѣмъ свободнымъ воинственнымъ народомъ, имя котораго начертано на скрижаляхъ исторіи.

Цамъ, это — фокусъ всей монгольской жизни: посмотрѣть Цамъ значитъ посмотрѣть жизнь всего монгольскаго народа, сконцентрированную въ фокусѣ и имъ отраженную.

7 іюля экспедиція выѣхала изъ Урги. По случаю отъѣзда къ намъ <sup>Урга—Вань-
Курень.</sup> на квартиру собралось ургинское русское купечество во главѣ со своимъ торговымъ старшиной Игнатьевымъ. Распростившись съ ними, члены экспедиціи послѣ обѣда тронулись въ путь.

Тринадцать верблюдовъ и четыре телѣги при одномъ казакѣ и трехъ монголахъ были отправлены впередъ наканунѣ. Это было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы караванъ не задерживалъ нашего движенія, такъ какъ изъ Урги мы должны были выѣхать на двухъ троечныхъ экипажахъ, а лошади были мало сѣзжены, могли въ пути заноровиться, понести и опрокинуть караванъ.

Еще когда экспедиція была въ полномъ составѣ, рѣшено было изъ Урги всѣмъ выѣхать въ экипажахъ. Однако привести это въ исполненіе за отсутствіемъ въ городѣ экипажныхъ мастерскихъ оказалось очень затруднительнымъ. И только благодаря любезности русскихъ купцовъ, уступившихъ намъ свои экипажи, мы устроились сравнительно хорошо.

Вскорѣ по выѣздѣ пошелъ проливной дождь, и по прибытіи каравана къ вечеру на мѣсто стоянки мы, вылѣзая изъ экипажей совершенно сухими, въ первый же день убѣдились въ преимуществахъ путешествія по Монголіи въ экипажахъ передъ верховой ѣздой.

Наблюденій надъ температурой въ этотъ день произвести не удалось, такъ какъ максимальнаго и минимальнаго термометра, а также барометра-высотомѣра при выѣздѣ изъ Урги не оказалось.

Стоянка нашего каравана расположилась недалеко отъ дачъ консула и русскихъ купцовъ, и на другой день, утромъ, мы сдѣлали визитъ консулу. 70-лѣтній старикъ и старѣйшій консулъ русскаго дипломатическаго корпуса жилъ на дачѣ одиноко, имѣя при себѣ лишь нѣсколькихъ казаковъ, и принялъ насъ весьма радушно. Побесѣдовавъ съ Шишмаревымъ, мы на прощаніе снялись съ нимъ въ группѣ.

Двинувшись въ путь, экспедиція по дорогѣ заѣхала въ юрту русскаго бурята Церенпылова, чиновника при консулѣ, у котораго осматривала и сняла на фотографіи табунъ его лошадей, въ числѣ которыхъ были лучшіе въ Монголіи скакуны. Въ Монголіи конскіе табуны весьма многочисленны, хорошіе же скакуны встрѣчаются рѣдкими единицами и пользуются славой на тысячи верстъ.

Далѣе путь нашъ по небольшому взгорью шелъ къ рѣкѣ Шараголь; кругомъ разстилалась степь съ глинистой почвой, покрытой галькой и рѣдкими кустиками кипца и полыней. У маленькаго ручейка Шараголь былъ сдѣланъ привалъ, невдалекѣ отъ остановившагося

здѣсь китайскаго обоза—двухколесныхъ телѣгъ, запряженныхъ быками въ одиночку. Подводчики-монголы везли изъ Урги чай для китайской хошунной торговли.

На ночевкѣ возлѣ уртона Дуванъ оставленные стеречь лошадей люди уснули, и на утро десяти лошадей не оказалось. Обратились къ монголамъ уртона помочь розыскать лошадей, но тѣ отказались. Тогда предъявили къ нимъ требованіе указать, гдѣ находится пропажа, иначе вся отвѣтственность за нее, въ силу имѣющихся у насъ паспортовъ отъ китайскаго правительства, будетъ переложена на уртонъ. Услыхавъ это, монголы заявили намъ, что въ десяти верстахъ отъ стоянки пasetся монгольскій табунъ и что, по всей вѣроятности, лошади экспедиціи, какъ выросшія въ табунѣ, почуявъ по вѣтру табунъ, убѣжали туда. Посланные по указанію уртонцевъ казаки дѣйствительно нашли лошадей въ табунѣ.

Въ ожиданіи лошадей мѣстные монголы показывали членами экспедиціи приемы охоты на сурка. Въ виду того, что цѣлыя шкурки рascѣниваются дорожке, монголы стараются бить сурка въ голову. Для этого они ложатся на землю, ставятъ передъ собою на разстояніи одного аршина отъ головы рогатку, на которую и кладутъ дуло ружья. При такомъ способѣ прицѣлъ облегчается, и сурокъ бываетъ убиваемъ въ голову на поваль.

Утромъ при сборахъ въ дорогу была замѣчена у одной изъ экипажныхъ лошадей большая опухоль на шеѣ; оказалось, ее укусила гадюка.

Сейчасъ же купили у монголъ кислаго молока (простокваши), которымъ хорошенько растерли опухоль и все туловище лошади; затѣмъ наложили кислаго молока на полотно и обвязали имъ опухоль. Въ дорогѣ шея и весь бокъ лошади сильно распухли, и лошадь едва двигалась; бросить ее въ дорогѣ было жаль, и мы вели ее за собой, покупая у встрѣчныхъ монгольскихъ юртъ кислое молоко и растирая имъ туловище животнаго. Средство это, несмотря на страшную жару, оказалось дѣйствительнымъ; лошадь черезъ нѣсколько дней выздоровѣла и впоследствии сдѣлала съ экспедиціей болѣе 1000 верстъ вплоть до Улясутая.

Со стоянки Дуванъ экспедиція прошла по долиинѣ около 12 верстъ длиною и версты 3—4 въ ширину. Дорога идеальная, утрамбованная колесами галька. Почвы глинистыя. Значительное задерненіе степи и встрѣчавшіяся дождевыя лужи указывали на полную возможность образования здѣсь прудовъ и хуторскихъ хозяйствъ. Грунтовая вода, судя

по характеру растительности, очевидно, тоже находилась недалеко, и колодцы не должны быть глубокими.

Однако по всей этой долине, какъ и по многимъ десяткамъ другихъ подобныхъ долинъ, не встрѣчается ни одной юрты монголь, и кромѣ изрѣдка попадавшихся проѣзжихъ, нигдѣ ни одной живой души. Монголы признають эти степи безводными и потому лѣтомъ не пасуть здѣсь своихъ стадъ.

Однако понятіе о безводности у монгола и у русскаго далеко расходятся между собою. У монгола, разъ только вода не выходитъ родниковымъ ключемъ на поверхность,—мѣсто считается безводнымъ; русскій же въ подобныхъ случаяхъ роетъ колодець и заселяетъ край осѣдлымъ хозяйствомъ.

Слѣдующая ночевка была у ст. Аргали при двухъ колодцахъ, вода изъ которыхъ ручьемъ выходитъ на поверхность; чистая, хорошая и безъ всякаго привкуса.

Здѣсь нагнали насъ монголы, возвращавшіеся съ ургинскаго Цама. Одинъ изъ нихъ везъ резиновый, непромокаемый плащъ, купленный въ Ургѣ у русскаго купца за 20 руб. Въ Москвѣ цѣна такому плащу 3—4 рубля.

Отѣхавъ версты двѣ отъ станціи Аргали влѣво къ югу, у подножья располагающихся террасами горъ мы увидѣли обширные кучугуры песковъ.

Къ озеру Цаганъ-Норъ пришли поздно вечеромъ и сейчасъ же послали къ ближайшимъ юртамъ переводчика купить барана на ужинъ. Переводчикъ возвратился и заявилъ, что монголы не продають барана ни за какую цѣну, ссылаясь на законъ, который не позволяетъ имъ продавать животныхъ по заходѣ солнца. Вторично посланы были монголы съ казаками, съ обязательнымъ приказаніемъ купить барана. Имъ также не продали, но посланные все-таки возвратились съ бараномъ, войдя съ хозяевами его въ такую сдѣлку: что сегодня они барана не покупають, а крадутъ, а завтра утромъ должны за него заплатить деньги. Такимъ образомъ, являлась возможность намъ поужинать, а хозяева барана сохраняли свою совѣсть передъ обычаемъ. На слѣдующее утро монголы получили за своего барана 10 рублей и остались очень довольны вчерашней сдѣлкой.

Озеро Цаганъ-Норъ соленое, налеты соли видны по краямъ берега, но разработки ея не производится. Рядомъ имѣется прекрасный ключъ съ прѣсной водой. Озеро богато дикой птицей—гуси, утки, турпаны, по берегу ходитъ много цапель. На птицъ монголы не охотятся, такъ

какъ мяса ихъ не употребляютъ въ пищу. Поэтому птица въ Монголіи человѣка не боится и подпускаетъ къ себѣ очень близко.

Отъ оз. Цаганъ-Норъ по долинѣ Сабо-Хунды мѣстность не менѣе богата для цѣлей колонизаціи. Здѣсь встрѣчается много монгольскихъ юртъ. У рѣки Толы верстъ на 6 дорога идетъ по прирѣчной долинѣ, сильно заросшей высокими чіями, являющимися главнымъ постбищемъ зимою.

Рѣка Тола, въ верховьяхъ которой стоитъ Урга, весьма многоводна; по ней возможно судоходство. Здѣсь устроена паромная переправа, выполняемая монголами, какъ натуральная повинность. Паромщики обязаны бесплатно переправлять только монгольскихъ и китайскихъ чиновниковъ, съ остальныхъ же ѣдущихъ они взимаютъ плату по соглашенію. Паромъ на рѣкѣ Толѣ представляетъ изъ себя три выдолбленныхъ колоды, на которыхъ поперекъ положено четыре доски, ничѣмъ не связанныхъ одна съ другой; монголы переправляютъ паромъ на другой берегъ при помощи длинныхъ 5 арш. жердей, которыми они упираются одно рѣки и двигаютъ плотъ въ желаемомъ направленіи. Обыкновенно плотъ все-таки силой теченія относитъ въ сторону сажень на 100, а иногда и больше. На плоту перевозятъ лишь экипажи и людей съ багажемъ, всѣ же животныя переправляются вплавь, при чемъ съ верблюдами бываетъ много хлопотъ, особенно при переправахъ черезъ глубокия и бурныя рѣки.

Начавъ переправу съ 5 час. вечера, мы къ 9 час. перевели всѣхъ 13 верблюдовъ, перевезли вьюки, 4 телѣги и 2 тарантаса. За переправу монголамъ заплатили 10 рублей.

На другомъ берегу Толы раскинулся богатый лугъ, покрытый густой хорошей растительностью. Къ западу долина ограничена лѣсистыми отрогами Богдо-ула. Вся мѣстность чрезвычайно красива.

На другой день, утромъ, насъ нагналъ у переправы русскій купецъ Толмачевъ. Въ виду сильнаго дождя пришлось задержаться на остановкѣ. Толмачевъ, будучи родомъ изъ Курска, получилъ прекрасную торговую подготовку на службѣ у кяхтинской фирмы Лушниковыхъ, гдѣ изучилъ постановку торговаго дѣла въ Монголіи, послѣ чего и открылъ свое дѣло въ хошунѣ Сайда-Вангинъ лѣтъ пять тому назадъ. Торговля его протянулась на 400 верстъ, главнымъ образомъ по теченію рѣкъ Хануя и Селенги. Князь его хошуна Сайда-Ванъ вызванъ въ Пекинъ уже нѣсколько лѣтъ. Китайское правительство князей, заподозрѣваемыхъ въ неблагонадежныхъ къ нему отношеніяхъ, вызываетъ въ Пекинъ на службу, гдѣ иногда женить, и въ Монголію больше не

отпускаетъ. Такъ и Сайда-Вану была дана жена китаянка. Живъ ли князь, или умеръ,—никто не знаетъ. Хошуномъ же безъ него управляютъ двѣнадцать выборныхъ монголъ этого же хошуна, которые утверждены Пекиномъ. Одинъ изъ выборныхъ, Засаракчи, въ 1910 г. ѣздилъ въ Пекинъ, возилъ деньги на содержаніе своего князя, но самого князя не видалъ.

Санъ-Вангинскій хошунъ обширный и богатый; жители его имѣютъ много льготъ и между прочимъ не даютъ своихъ лошадей подъ албу. Въ этомъ отношеніи Санъ-Вангинскій хошунъ представляетъ изъ себя довольно рѣдкое исключеніе.

Толмачевъ оказался человѣкомъ, освѣдомленнымъ въ монгольскихъ дѣлахъ, и бесѣда съ нимъ была весьма интересна.

У Толмачева былъ цѣлый караванъ верблюдовъ, нагруженныхъ товарами, которые онъ везъ изъ Урги къ себѣ въ хошунъ для осеннихъ и зимнихъ операцій. Весь его караванъ былъ построенъ на оригинальныхъ началахъ. Такъ, верблюды, на которыхъ онъ везъ товары, принадлежали монголамъ, обязавшимся уплатить ему свой долгъ извозомъ; монголы, которые были при караванѣ, тоже отработывали за товары, взятые у него въ кредитъ; какъ говорятъ здѣсь, отработывали „за задачи“. Товары, которые везъ Толмачевъ изъ Урги, были имъ взяты въ свою очередь въ кредитъ у ургинскихъ китайскихъ фирмъ. Такимъ образомъ, весь циклъ торговой дѣятельности Толмачева былъ построенъ на кредитныхъ началахъ.

Характерно то, что Толмачевъ, кредитуясь у китайцевъ, являлся какъ бы агентомъ по ввѣдренію среди монголъ китайскихъ товаровъ. На вопросъ, почему онъ кредитовался не у русскихъ ургинскихъ купцовъ, а у китайцевъ, Толмачевъ сообщилъ, что у русскихъ торговцевъ, во-первыхъ, нѣтъ полного подбора потребляемыхъ монголами товаровъ, а, во-вторыхъ, самые ходкіе въ Монголіи товары—чай и далимба—продаются китайцами дешевле, чѣмъ русскими.

Если бы московскіе фабриканты могли доставлять въ Монголію далимбу по цѣнѣ, равной китайской, а русскія фирмы организовались бы въ одно крупное товарищество или же посредствомъ отдѣленій русскихъ банковъ закупами бы въ Китаѣ чай въ такомъ размѣрѣ, что могли бы кредитовать русскихъ хошунцевъ на равныхъ съ китайцами условіяхъ, то, конечно, русскій хошунецъ всегда бы предпочиталъ заборъ товаровъ у русскихъ фирмъ. А такъ какъ теперь китайскія фирмы даютъ въ кредитъ товары на болѣе выгодныхъ условіяхъ противъ русскихъ, то естественно, что русскіе хошунцы обходятъ въ Ургѣ русскія фирмы и ведутъ дѣло съ китайцами.

Такимъ образомъ неорганизованность русскаго купечества и стремленіе нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ русскихъ фирмъ поработить путемъ кредитныхъ операцій русскихъ хошунныхъ торговцевъ наносить большой ущербъ всей русской торговлѣ. Русскій хошунецъ въ погонѣ за выгоднымъ кредитомъ вступаетъ въ торговыя связи съ китайцами и тѣмъ становится агентомъ по распространенію китайскаго товара въ ущербъ русскому фабрикату, тогда какъ при организаціи крупнаго товарищества русскихъ фирмъ или широкомъ развитіи торговой дѣятельности русскихъ банковъ, китайскіе хошунные торговцы были бы агентами по распространенію русской торговли, какъ теперь мы стоимъ у китайцевъ.

По мнѣнію Толмачева, если русскій хошунный торговецъ имѣетъ льготный кредитъ, внимательно относится къ спросу монголь и добросовѣстно ведетъ съ ними свои торговыя операціи, то онъ всегда имѣетъ возможность къ концу года закончить свою работу хорошей выгодой.

Построенная на правильныхъ началахъ, торговля имѣла бы выдающійся успѣхъ. Напримѣръ, большой сбытъ имѣли бы непромокаемые плащи монгольскаго образца изъ краснаго и кубоваго сукна; ни одинъ монголь не выѣдетъ въ дорогу безъ плаща. Немалый бы сбытъ имѣли и майханы,—монгольскія палатки, китайскаго образца,—если такія палатки сдѣлать непромокаемыми и не дороже современныхъ китайскихъ цѣнъ, и т. д.

13 іюля вышли со стоянки лишь въ 7 час. вечера, когда погода немного разгулялась. Долина р. Толы по лѣвую ея сторону имѣетъ одну—три версты ширины и длиною до 30 верстъ; много чіа, крапивы, попадавшихся большими и густыми кустами, а также полыней и ковыля. Дорога сильно размокла послѣ дождей, въ иныхъ мѣстахъ телѣги останавливались, приходилось сворачивать въ сторону и выбирать болѣе легкій путь. На дневномъ переѣздѣ, передъ долиной р. Хорухи, останавливались у колодца, вырытаго вблизи трехъ амбаровъ Шабинскаго вѣдомства.

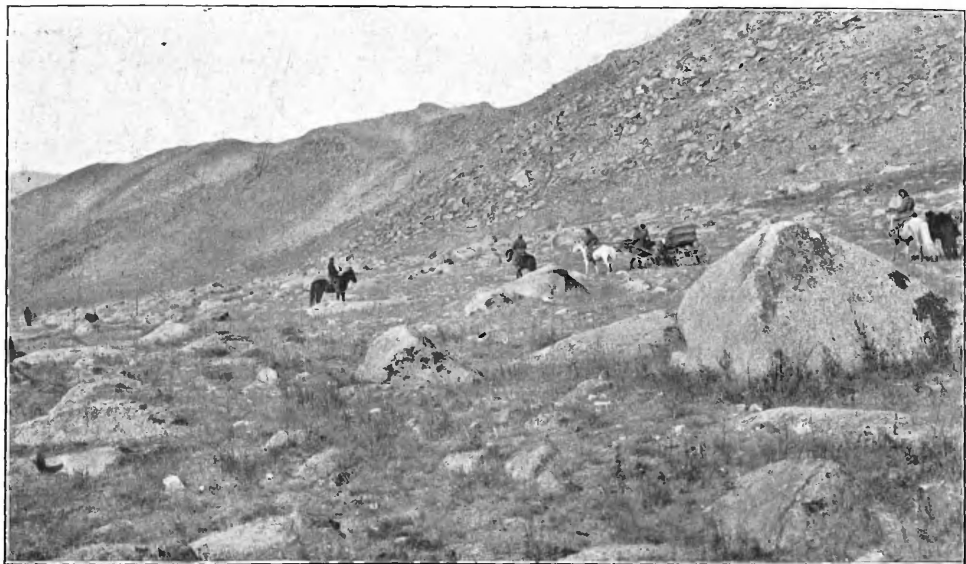
Ключевые источники въ Монголіи играютъ весьма важную роль въ передвиженіяхъ каравановъ, такъ какъ по ихъ расположенію опредѣляются дневные переходы каравановъ, останавливающихся у водяныхъ источниковъ, у которыхъ варится пища людямъ и дается отдыхъ и пастьба скоту. Поэтому число разстояній, проходимыхъ ежедневно караваномъ, опредѣляется не числомъ заранѣе намѣченныхъ верстъ, а разстояніемъ между источниками. Однако, несмотря на такую важную роль источниковъ, они вездѣ въ Монголіи содержатся невозможно

Караванъ экспедиціи на отдыхъ среди степи, покрытой чіемъ.

Стадо козъ среди зарослей чіа.

Переезд экспедиции по монгольской степи, усыпанной крупными камнями.

Чернотравіс по склонамъ горъ р. Эгинъ-Гола.

грязно. Колодцевъ весьма мало; обыкновенно вода изъ источниковъ выходитъ или ручьями, или же очень близка отъ поверхности земли, и часто водопой скота производится непосредственно изъ самыхъ источниковъ, что ихъ сильно загрязняетъ. Гдѣ же вода въ источникѣ удалена отъ поверхности на четыре—пять аршинъ, то такіе источники никогда не чистятся, и вода въ нихъ очень испорчена. Такъ, вода, взятая изъ колодца, у котораго мы остановились, оказалась вонючей. Ъхать дальше было тяжело, лошади и верблюды слишкомъ измучились; оставаться здѣсь и варить пищу на этой водѣ было противно. Рѣшили колодецъ вычистить. Вычерпали всю желтовато-сѣрую жидкость и на днѣ нашли, кромѣ всевозможной грязи, куски размокшей собачей кожи и порядочное количество костей, еще нѣсколько разложившихся крысъ... Къ полдню вода въ вычищенномъ колодцѣ набралась довольно чистая, и мы могли сварить обѣдъ. Что же касается монголь, ѡхавшихъ съ нами, то они пили воду безъ всякой брезгливости и даже съ удивленіемъ относились къ чисткѣ колодца.

Приближаясь къ рѣкѣ Хорухъ, проѡхали луга, покрытые чіемъ, вышиною въ три аршина, затѣмъ солончаковые луга, поросшіе солянкой и полынью. Мѣста отличныя для поселковъ и скотоводства. Но скота встрѣчено мало. Дорога тяжелая, вязкая. Передъ р. Хорухой въ темнотѣ попали въ болото. Съ большимъ трудомъ выбрались изъ него и остановились на пригоркѣ.

Утромъ изслѣдованіе рѣки показало, что лошади тонули съ головой. Долгое время мы искали мѣста для переправы и, не найдя его, рѣшили ждать спада воды. Спрашивали у мѣстныхъ монголь, но тѣ увѣряли, что въ высокую воду Хоруху переѡхать нельзя. Намъ предстояла невеселая перспектива ждать на пригоркѣ болѣе благоприятнаго времени, если бы проѡзжающій лама не указалъ намъ мѣста переправы въ трехъ верстахъ отъ нашей стоянки.

Дѣйствительно, указанное ламой мѣсто, по тщательному обслѣдованію членами экспедиціи, оказалось вполне пригоднымъ къ переправѣ, для чего надо было только срыть крутой берегъ для спуска къ водѣ телѣгъ и верблюдовъ, и переправу совершить на быкахъ. Берегъ былъ срытъ своими силами, а быки были наняты у монгола Амгулана, держащаго уртонъ Урянга на противоположной сторонѣ рѣки. Когда все было подготовлено, нашъ караванъ, запряженный монгольскими быками, благополучно переправился на другой берегъ, при чемъ разливъ Хорухи былъ настолько большой, что по водѣ пришлось ѡхать болѣе двухъ верствъ. Въ жаркіе же дни здѣсь переходятъ вбродъ по колѣни.

Мѣстные монголы скрывали отъ насъ бродъ, по всей вѣроятности, въ видахъ своекорыстной выгоды, такъ какъ, ожидая спада воды, мы были бы принуждены покупать у нихъ барановъ и молоко. На другихъ переправахъ наблюдалось то же самое.

Монголъ Амгуланъ, имѣвшій около 2.000 головъ различнаго скота, былъ первый богатый монголъ, встрѣтившійся на нашемъ пути отъ Кяхты до Хорухи.

При разспросахъ объ его стадѣ онъ неохотно давалъ отвѣты; но стоило намъ коснуться причинъ вырожденія табуновъ лошадей, гуртовъ рогатаго скота и отаръ овецъ, какъ монголъ оживился; соглашаясь съ приведенными нами замѣчаніями о губительномъ дѣйствиіи родственнаго разведенія скота въ самомъ себѣ, Амгуланъ съ своей стороны привелъ цѣлый рядъ указаній, когда стада скота улучшались только лишь отъ введенія чужой крови при перемѣнѣ производителей изъ другихъ хошуновъ. Амгуланъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ и оживленіемъ передавалъ вновь подходившимъ монголамъ объ услышанномъ отъ насъ вырожденіи ихъ стадъ.

При отъѣздѣ съ этого уртона Амгуланъ разстался съ нами весьма дружественно и выразилъ желаніе, чтобы мы при нашихъ поѣздкахъ всегда къ нему заѣзжали.

Съ уртона Урянга дорога поворачиваетъ на сѣверъ по направленію Курень Зунъ-Согунъ хошуна Ванчикъ арбатэнъ Гуни. По бокамъ дороги расположено порядочно китайскихъ и монгольскихъ пашенъ; посѣвы ровные, чистые. Растительность по степи богатая: кромѣ большого разнообразія злаковыхъ и сложноцвѣтныхъ встрѣчены цѣлыя площади желтой люцерны. Нѣсколько разъ дорогу перебѣгали дзерены. Характерной чертой этихъ красивыхъ животныхъ является ихъ любопытство, проявляющееся въ томъ, что дзерена, увидавъ человѣка, непременно пересѣчетъ ему путь два—три раза. Было сдѣлано нѣсколько безрезультатныхъ выстрѣловъ, да и то стрѣлявшіе больше любовались испугомъ животныхъ, чѣмъ имѣли дѣйствительную цѣль ихъ убить.

Приближаясь къ Хуреню, поздно вечеромъ взѣхали на крутой и настолько трудный перевалъ, что лошади совершенно выбились изъ силъ и отказывались итти; пришлось экипажи тащить общими силами. Спускъ былъ не менѣе труденъ: ноги скользили, усталыя лошади не сдерживали телѣгъ, крупные камни поминутно катились изъ-подъ экипажей и еще болѣе затрудняли движеніе.

Спустившись съ перевала, расположились въ сторонѣ отъ Хуреня. Когда утромъ члены экспедиціи вышли изъ палатки и взглянули въ

сторону горы, съ которой наканунѣ спустились, то стало жутко: переваль былъ очень высокъ и дорога шла по крутому косоугору, обрывавшемуся въ глубокое провалье. По такому пути съ телѣгами итти весьма трудно, но мы, не видя ночью опасности, спустились, хотя и съ усиліями, но спокойно.

Въ Хуренѣ имѣется нѣсколько китайскихъ лавокъ и одна русская лавка, принадлежащая Коковину.

Лавкой завѣдуетъ довѣренный Ослинь. Послѣдній работаетъ въ Монголіи болѣе восьми лѣтъ; до Коковина служилъ въ Улясутаѣ у Игнатьева. Въ лавкѣ у него имѣется рублей на 200 китайскаго товару и рублей на 100 русскаго. Русскіе товары идутъ плохо. По мнѣнію Ослина, китайская далимба и суимба лучше приспособлены къ монгольской грязи, русскіе мануфактурные товары хороши только тогда, когда моются, въ грязи же уступаютъ китайскимъ *). Это обстоятельство весьма важно, такъ какъ даетъ китайской далимбѣ еще одинъ лишній шансъ противъ русской мануфактуры.

Ослинь занимается главнымъ образомъ скупкой шерсти для мойки Коковина въ Вань-Куренѣ, съ каковой цѣлью кромѣ мѣновой торговли практикуетъ также задачи подъ шерсть; послѣднія производятся имъ какъ товарами, такъ и серебромъ; монголы стараются брать главнымъ образомъ серебромъ. Въ 1909 г. Ослинь въ своемъ районѣ скупилъ до 1.500 пуд. шерсти; качество ея ниже предыдущаго года, такъ какъ много замоченной. Доставка шерсти отъ Зунъ-Согуна до Вань-Куреня обходится въ 1 р. 50 к.—2 р. съ телѣги въ 14 пудовъ за 60 верстъ.

Члены экспедиціи посѣтили Хурень, ламу Нойона, но не застали его дома. Позднѣе лама, казначей монастыря, съ нѣсколькими важными ламами принесъ намъ въ даръ нѣсколько ходаковъ и цѣлую бадью кумыса; экспедиція же подарила на монастырь штуку ситца для украшенія храма. Подаркомъ монголы остались очень довольны и дружелюбно простились съ нами.

Затѣмъ экспедиція посѣтила китайца, собирающаго долги въ хошунѣ.

Китайцу были выстроены за счетъ хошуна двѣ юрты, такъ какъ, по установившемуся обычаю, хошунъ обязанъ поставлять китайцу, собирающему долги съ монголъ, все содержаніе (въ мѣсяць 15 барановъ), услуги и помѣщеніе.

Въ разговорѣ съ членами экспедиціи китаецъ жаловался на то, какъ обѣднѣли монголы и какъ трудно стало собирать съ нихъ долги.

*) Монголы никогда не моютъ своихъ халатовъ.

Онъ былъ довѣреннымъ одной крупной китайской фирмы, снабдившей князя и хошунное управленіе серебромъ, и теперь пріѣхалъ взыскивать этотъ долгъ и проценты со всего хошуна. У него былъ съ собою списокъ всѣхъ монголь хошуна и ихъ имущественнаго положенія, пропорціонально которому долгъ и раскладывается.

По словамъ китайца, монголы въ послѣднее время стали замѣтно сокращать количество своего скота, боясь, чтобы богатство ихъ не возбудило вниманія князя и не навлекло бы на нихъ большихъ повинностей. Сборъ долговъ и процентовъ идетъ преимущественно сырьемъ по цѣнамъ, заранѣе установленнымъ китайской фирмой.

Такъ какъ съ обѣда пошелъ дождь, то рѣшили ѣхать дальше на слѣдующій день. Узнавъ же, что здѣсь имѣется хорошая охота на дзереновъ и медвѣдей, нѣкоторые изъ членовъ экспедиціи въ сопровожденіи казаковъ и монголь поѣхали на охоту. Казаки вскорѣ потеряли членовъ экспедиціи изъ вида и въ сильный дождь возвратились на стоянку; охотники же пріѣхали только къ вечеру, промокшіе и уставшіе.

Отъ Хуреня дорога къ р. Орхону черезъ гору идетъ по луговой долинѣ, усѣянной юртами. Почвы черноземныя, пригодныя для хлѣбопашества, скота много. Версты за три до берега Орхона появились монгольскія пашни, раскиданныя клочками. Земледѣліе здѣсь является уже главнымъ промысломъ монгольскаго хозяйства, а скотоводство лишь подспорьемъ къ нему. У самага берега были брошены монгольскіе плуги, отличающіеся весьма примитивнымъ устройствомъ, что, при слабомъ развитіи въ Монголіи ремесль и отсутствіи мастерскихъ, составляетъ ихъ достоинство, давая возможность ремонтировать ихъ даже немудрому въ плотничествѣ монголу.

Подѣхавъ къ р. Орхону 19 іюля, экспедиція расположилась на правомъ берегу рѣки около скалы, гдѣ высѣкла надпись: „Москва 19/VII 1910“.

Вслѣдствіе высокой воды перегнать верблюдовъ не было возможности, и мы должны были ночевать.

На другой день черезъ Орхонъ съ противоположнаго берега переправился табунъ лошадей, состоящій изъ 140 штукъ. Табунъ принадлежалъ бійскимъ крестьянамъ братьямъ Яковлевымъ. Гонятся лошади въ Благовѣщенскъ, изъ Бійска вышли 10 мая, изъ Кошъ-Агача 2 іюня, шли на Уланкомъ и Тессинголь. Всего въ дорогѣ надѣются пробыть не болѣе семи мѣсяцевъ. На мѣстѣ, въ Кузнецкомъ и Бійскомъ уѣздѣ лошади покупались по 50—100 руб., въ Благовѣщенскѣ надѣются продать по 100—200 р. Бійскія лошади по сравненію съ монгольскими болѣе рослыя и крѣпкія, такъ называемая „Томская порода“.

Съ табуномъ идутъ: три хозяина, четыре работника и четыре повозки, нагруженные вещами и сухарями; послѣднихъ они взяли съ собою на дорогу по пяти пудовъ на человѣка.

Бійцы гонятъ лошадей въ Приамурскій край уже пятый разъ. Путь этотъ наиболѣе кратокъ, удобенъ и дешевъ, такъ какъ за прогонъ животныхъ платить въ Монголіи нигдѣ не приходится.

Въ случаѣ военнаго времени этотъ путь можетъ оказаться удобнымъ для передвиженія китайской кавалеріи къ нашей западной границѣ.

Вслѣдствіе непрерывныхъ дождей вода въ Орхонѣ сильно поднялась, и переправа черезъ рѣку на утломъ монгольскомъ паромѣ („ангасы“) являлась чрезвычайно опасной. Но такъ какъ, по словамъ паромщиковъ, ожидалось еще поднятіе воды, при чемъ переправа сдѣлается не только опасной, но даже и невозможной, мы рѣшили на другой день переправиться.

Къ 4 часамъ кончили перевозку всей клади и лошадей; верблюды же при всѣхъ понуканіяхъ монголъ, крикахъ и ударахъ отказались итти въ воду, и ихъ пришлось оставить на правомъ берегу подъ присмотромъ людей каравана; лишь на второй день дружными усиліями членовъ экспедиціи, монголъ и казаковъ ихъ удалось перевести на лѣвый берегъ. При переводѣ верблюда паромщики брали послѣдняго за поводъ и тянули за собой, ѣдучи на паромѣ, при этомъ подерживали голову животнаго, чтобы не дать ему захлебнуться.

Вода за ночь въ рѣкѣ поднялась, шелъ дождь, дулъ вѣтеръ, и волны Орхона обдавали своей пѣной верблюдовъ. Послѣдніе, выйдя на берегъ, имѣли совершенно измученный видъ и долго лежали, медленно и уныло жуя свою жвачку. Приходилось опять задерживаться, дабы дать верблюдамъ оправиться и переждать дождь, перешедшій въ ливень.

Этимъ мы воспользовались для лѣченія верблюдовъ и лошадей отъ червей и ссадинъ, появившихся у нихъ на спинахъ уже вскорѣ послѣ выхода изъ Кяхты, отъ которыхъ животныя никакъ не могли избавиться. Только благодаря примѣненію мази изъ 1 части нафталина и 5 час. вазелина удавалось уничтожать червей; но по мѣрѣ того, какъ пропадали одни, мухи откладывали другіе, и животныя подвергались безпрестанному мученію, а людямъ на каждой стоянкѣ, гдѣ только позволяло время, приходилось возиться съ лѣченіемъ верблюдовъ.

Когда мы переправились черезъ Орхонъ и разбили свои палатки, насъ посѣтили урянхайцы, нѣсколько почтенныхъ ламъ во главѣ со

своимъ дзангиномъ,—которые и привѣтствовали экспедицію съ благополучной переправой.

Урянхайцы въ количествѣ болѣе 150 человекъ направлялись изъ Урянхая въ Ургу на поклоненіе Богдогегену со своимъ начальникомъ дзаланомъ, помощникомъ князя. На каждого изъ нихъ взято было съ собою двѣ лошади, кромѣ того нѣсколько верблюдовъ для поклажи и стадо барановъ, головъ въ 500. Послѣдніе предназначались на прокормленіе въ пути самихъ урянхайцевъ, а частью въ даръ Богдогегену.

Ѣдутъ они уже 50 дней, въ Ургѣ думаютъ пробыть дней 20 и домой возвратиться въ ноябрѣ. Кромѣ мужчинъ въ караванѣ было много женщинъ и дѣтей.

Мы угостили урянхайцевъ чаемъ; монгольскаго языка они не знаютъ, почему имѣли переводчика. Урянхайцевъ, какъ и монголь, въ нашей палаткѣ интересовали походныя кровати и походные столикъ и стулья, взятые нами изъ Москвы въ кустарномъ отдѣлѣ. Походныя кровати приводили урянхайцевъ положительно въ восторгъ въ виду возможности и въ дождливое время спать въ сухомъ мѣстѣ, что въ далекой дорогѣ, при частой непогодѣ, весьма важно.

Впослѣдствіи, при ликвидаціи товаровъ въ Улясутаѣ, русскіе перехватъ добивались получить въ свои руки складные столикъ и стулья въ виду ихъ особой практичности: малый вѣсъ и транспортабельность не обременяютъ каравана, но зато придаютъ обстановкѣ палатки культурность, а путешественнику — удобство и здоровье, такъ какъ располагаться при ѣдѣ на сырой землѣ, хотя бы и застланной кошмой, весьма рискованно въ виду возможности легко заполучить простуду. Не меньше удобствъ представляетъ столикъ и при писаніи въ дорогѣ писемъ и дневниковъ. Цѣна столику въ Москвѣ 3 р. Путешествующимъ по Азіи можно настоятельно рекомендовать это издѣліе московскаго кустарнаго склада, а при умѣни и найти ему широкій сбытъ въ Монголіи, особенно если везти его не изъ Москвы, а выдѣлывать въ Кяхтѣ или Кошъ-Агачѣ.

На другой день нѣкоторые члены уѣхали съ утра верхомъ въ Ванъ-Курень, а караванъ, по случаю проливного дождя, пришлось задержать, чтобы не сбить окончательно спины животныхъ.

Какъ только можно было тронуться въ путь, караванъ выѣхалъ на Ванъ-Курень, куда прибылъ черезъ нѣсколько часовъ, и остановился въ нанятомъ у ламы кошанѣ.

Ванъ-Курень.

Ванъ-Курень (Хуре-Дайчинъ-Ванъ) является резиденціей князя Ханъ-да-Вана. Городъ состоитъ изъ двухъ частей: 1) монастыря съ

храмомъ въ центрѣ и хошанами (дворами) ламъ и 2) торговой части, расположенной черезъ площадь отъ монастыря. Улицы какъ торговой части, такъ и монастырской орошены арыками; кругомъ монастыря раскинулись обширные пустыри съ плодородными суглинистыми почвами. Населенія около 1½ тысячъ, главнымъ образомъ ламы.

По нашемъ прїѣздѣ въ Вань-Курень, экспедицію привѣтствовалъ захаракчи ¹⁾ съ чиновниками монгольскаго ямыня и поздравилъ съ благополучнымъ прибытіемъ.

За неимѣніемъ свободныхъ помѣщеній въ торговой части, экспедиціи пришлось остановиться въ хошанѣ монастыря, выходящемъ на площадь, соприкасающуюся съ торговымъ городомъ, гдѣ и была открыта выставка.

Несмотря на то, что выставку посѣтили члены княжеской семьи и захаракчи, на другой же день явились къ намъ ламы—представители отъ монастыря, и заявили, что на территоріи монастыря, по его уставу, торговать запрещается, почему главный лама проситъ выставку и торговлю закрыть.

На указаніе экспедиціи, что выставка и торговля открыты съ вѣдома и разрѣшенія князя и захаракчи, ламы замѣтили, что князь воленъ распоряжаться только въ области гражданскихъ дѣлъ; во владѣннн же монастыря князь простой мірянинъ и его разрѣшеніе не имѣетъ никакой силы, почему монастырь настаиваетъ на немедленномъ исполненіи предъявленныхъ имъ требованій.

Въ расчеты экспедиціи, полагавшей пробыть въ Вань-Куренѣ только нѣсколько дней, не входило непроизводительно тратить время на переѣздъ и устройство выставки въ другомъ мѣстѣ, почему о требованіи монастыря немедленно было доведено до свѣдѣнія захаракчи. И вотъ съ этого момента между представителями двухъ властей возгорѣлась борьба: захаракчи доказывалъ представителямъ монастыря, что они не имѣли права своимъ требованіемъ оскорблять княжескихъ гостей и самого князя, умаляя его власть, а монастырь указывалъ, что князь не воленъ распоряжаться въ монастырѣ, гдѣ хозяиномъ является высшій лама. Пока шли пререканія, московская экспедиція вела торговлю. Наконецъ, свѣтскія власти подсказали намъ, что монастырю надо послать подарки.

Подарки были посланы, послѣ чего въ экспедицію въ торжественной обстановкѣ явилась многочисленная депутація отъ монастыря во

¹⁾ Захаракчи—главный правитель хошуна, замѣняющій князя въ его отсутствіе.

главѣ съ высшими ея представителями, съ огромной кадущкой кумыса, кусками сыра и большимъ ходакомъ, что въ Монголіи означаетъ хлѣбъ-соль и преподнесеніе адреса. Депутация заявила, что монастырь будетъ радъ, если экспедиція подольше останется въ Ванъ-Куренѣ и хоть цѣлый годъ будетъ вести свою торговлю въ монастырѣ.

Такимъ образомъ, всѣ строгія каноническія постановленія монастырскаго устава отмѣняются въ Монголіи такъ же легко, какъ нѣкогда въ Римѣ легко прощались папой грѣхи за индульгенціи.

Торговля въ Монголіи за наличный расчетъ мало развита; товары раздаются больше въ долгъ подъ будущую шерсть, скотъ или отработокъ извозомъ и на мойкахъ. Если же принять во вниманіе, что на выставкѣ были исключительно только московскіе товары, не подобранные подъ вкусъ и потребности монгола, то естественно, что торговые обороты экспедиціи были весьма слабы, и потому ликвидацію товара пришлось устроить, размѣстивъ его по китайскимъ и русскимъ фирмамъ.

Въ хошунѣ работаетъ много китайскихъ фирмъ, изъ которыхъ 30 имѣютъ свои торговые помѣщенія въ самомъ городѣ.

Китайцы занимаются преимущественно скупкой шерсти и сурка: шерсть перепродаютъ здѣсь же мѣстнымъ русскимъ фирмамъ, а сурокъ отправляютъ на югъ Китая, въ города Калганъ, Куку-хото и др.

Изъ русскихъ здѣсь работаютъ троицкосавскіе купцы Могильниковъ и Шергинъ и кяхтинскій купецъ Коковинъ. Ко времени же сезона скупки сырья въ Ванъ-Куренъ наѣзжаютъ приказчики отъ Стукена и отъ представителей Лейпцигскихъ фирмъ—Гутбецаля и Бидермана.

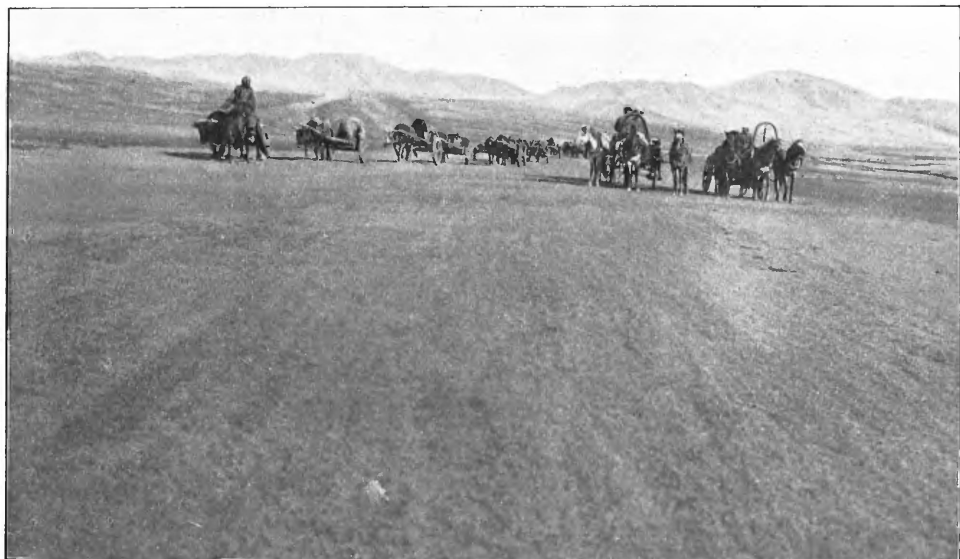
Китайцы русскихъ товаровъ въ своихъ лавкахъ не имѣютъ, русскія же фирмы продаютъ ихъ не болѣе какъ на 10 тыс. рублей въ годъ и главные свои торговые обороты основываютъ на скупкѣ шерсти, промываемой здѣсь же, въ Ванъ-Куренѣ, на мойкахъ.

Во время пребыванія экспедиціи въ городѣ всѣ мойки были въ полномъ ходу, почему члены экспедиціи имѣли возможность весьма близко ознакомиться съ организаціей моекъ и веденіемъ на нихъ дѣла.

Всѣхъ моекъ въ Ванъ-Куренѣ три. Расположены онѣ на арыкахъ, взятыхъ изъ рѣчки Ачіакту, притока Орхона; устройство ихъ весьма примитивно и дешево—отъ нѣсколькихъ сотъ до тысячи рублей, въ зависимости отъ количества промываемой шерсти и условій гидротехническихъ работъ. На арыкахъ сдѣланы плотины изъ дерна, наложеннаго пластами, и на водоспускахъ поставлены рѣшетчатые ящики, куда закладывается шерсть и подвергается дѣйствию проточной воды. Для

Перевозка мытой монгольской шерсти русскими подводчиками по Чуйскому тракту.

Перевозка шерсти на монгольскихъ телѣгахъ.

достиженія лучшихъ результатовъ замоченная шерсть переворачивается и отжимается шестами, что является на мойкахъ самой тяжелой работой. Поэтому устройство механическихъ приспособленій для промывки шерсти, приводимыхъ въ движеніе конной или водяной силой, могло бы внести въ это дѣло значительное удешевленіе и улучшеніе.

Промытая шерсть забирается женщинами въ корзины и относится на вѣшалы, гдѣ просушивается на протянутыхъ веревкахъ, сплетенныхъ изъ верблюжьей или овечьей шерсти. При хорошей погодѣ шерсть просушивается въ однѣ сутки, при менѣе благоприятной—недѣлю и дольше. Послѣ просушки шерсть сортируется по цвѣту—на бѣлую, черную, рябую и рыжую, а затѣмъ пакуется въ тюки, по 4—6 пудовъ, и по сборѣ партіи транспортируется на Кяхту.

Въ 1910 г. шерсть въ среднемъ покупалась здѣсь 4 р. 30 к. пудъ. Мойщики и сортировщики на ванъ-куреньскихъ мойкахъ получаютъ по 50 к. (чаемъ). Одинъ сортировщикъ въ день можетъ разобрать 15 пудовъ шерсти; женщины при вѣшалахъ получаютъ 40 к. (чаемъ), а упаковщики—по $\frac{3}{4}$ к. съ пуда. Провозъ 1 пуда шерсти отъ Ванъ-Куреня до Кяхты обходится въ 35—50 к. Подвозка шерсти на мойки совершается въ телѣгахъ быками или на верблюдахъ вьюками, при чемъ всякая упаковка отсутствуетъ; цѣлый рядъ руньевъ скручивается джутомъ и складывается въ кругъ; длина такого джута достигаетъ 20—35 аршинъ. Сверху шерсть въ дорогѣ прикрывается иногда бычьей или конской кожей отъ дождя. На всѣхъ трехъ ванъ-куреньскихъ мойкахъ ежегодно промывается до 10.000 пудовъ шерсти. Послѣдняя скупается по хошунамъ Баронъ-Согунъ, Санъ-Бейси, Лугунъ изъ-подъ Заинъ-Шаби и хошуна Ханъ-да-чи-Вана.

Въ цѣляхъ обезпеченія себя шерстью русскія фирмы широко практикуютъ задачи, т.-е. открываютъ кредитъ подъ будущую шерсть. Обыкновенно фирмы съ осени снабжаютъ своихъ довѣренныхъ по хошунамъ серебромъ и товарами, а довѣренные чрезъ своихъ агентовъ производятъ раздачу въ долгъ товаровъ и серебра среди монголъ. Агентами въ такихъ случаяхъ въ районѣ Ванъ-Куреня являются большею частью буряты изъ Троицкосавска, знакомые съ языкомъ и укладомъ жизни монголъ, или же сами монголы, прекрасно знающіе имущественное положеніе всѣхъ кредитующихся. Кромѣ монголъ, задачами подъ шерсть пользуются и китайскіе скупщики. Размѣръ задачъ колеблется въ зависимости отъ имущественнаго положенія кредитующагося. Обыкновенно кредитъ открывается въ половинѣ той суммы, на которую должна быть представлена шерсть. Чѣмъ большее количество шерсти

можетъ представить кредитующійся, тѣмъ охотнѣе выдается ему ссуда, и процентное отношеніе ея повышается.

Цѣны на шерсть устанавливаются въ зависимости отъ различныхъ причинъ. Для фирмы тѣмъ дешевле обходится шерсть, чѣмъ меньше посредниковъ прикосновенно къ ея покупкѣ. Поэтому дешевле всего обходится собираемая за задачи шерсть; немного дороже—та, которая вымѣнивается на товары, еще дороже—покупаемая на серебро, и наиболѣе дорого—поступающая за деньги отъ мелкихъ русскихъ и китайскихъ торговцевъ.

Вся собираемая шерсть представляетъ собою разнородную массу, не подвергнутую никакой предварительной сортировкѣ ни по роду животныхъ, ни по возрасту, ни по цвѣту, ни по качеству, ни по блеску, ни по крѣпости, ни по частямъ руна, ни по сорту технического ея назначенія. Шерсть голодной и съ перехватомъ идетъ наравнѣ и въ одну цѣну съ шерстью, обладающей высокимъ жизненнымъ нервомъ и крѣпостью; шерсть грубая и матовая идетъ наравнѣ съ шерстью съ ясно выраженной извитостью и люстровымъ блескомъ; шерсть подпаренная и вывѣтрившаяся—рядомъ съ шерстью нормального строенія; шерсть клока и обножки—рядомъ съ шерстью хорошей связностью руна; шерсть черная, рыжая и бѣлая, имѣющая на заграничномъ рынкѣ наивысшую цѣнность, здѣсь расцѣнивается одинаково. Однимъ словомъ, и китайцы, и русскіе относятся безразлично какъ къ однородности партіи шерсти, такъ и къ внутреннимъ достоинствамъ cadaго руна. Монголы прекрасно учили индифферентизмъ скупщиковъ шерсти и на мѣренно ухудшаютъ свои партіи въ цѣляхъ повышенія ихъ вѣса замачиваніемъ руневъ и засореніемъ ихъ пескомъ и навозомъ.

Такое отношеніе покупателей, несомнѣнно, наноситъ ущербъ качественному улучшенію монгольскаго овцеводства, такъ какъ потребитель не предъявляетъ никакихъ требованій къ производителю, и послѣдній остается въ убѣжденіи, что онъ доставляетъ для рынка надлежащій продуктъ и, такимъ образомъ, не имѣетъ никакихъ побудительныхъ причинъ къ улучшенію своего овцеводства.

Въ Ванъ-Куренѣ члены экспедиціи посѣтили княгиню Ханъ-да-Вана по ея приглашенію. Князь имѣетъ въ монастырской части города княжескій дворъ съ многочисленными постройками, въ которыхъ живутъ придворные князя, чиновники, слуги и размѣщается во время наѣздовъ въ городъ его семья. Княгиня приняла экспедицію въ двухъэтажномъ деревянномъ дворцѣ. При нашемъ посѣщеніи на лѣстницѣ княжескаго терема сверху до низу расположились въ рядъ ламы и при-

дворные, привѣтствовавшіе насъ поклонами. Княгиня была въ большой залѣ и встрѣтила насъ, сидя съ сыномъ и двумя дочерьми на коврѣ по-восточному. По сторонамъ ея и впереди стояли ламы въ красныхъ одеждахъ и придворные чиновники. Вся княжеская семья была въ парадныхъ одеждахъ. Послѣ привѣтствія княгиня передала намъ свою табакерку.

Затѣмъ были предложены вопросы: давно ли мы видѣлись съ княземъ въ Ургѣ, благополучно ли доѣхали до Ванъ-Куреня, какъ нравится ихъ страна и народъ. Въ заключеніе княгиня пригласила членовъ экспедиціи посѣтить ихъ ставку, гдѣ живутъ они совершенно просто. За приглашеніе мы благодарили и въ свою очередь просили княгиню пріѣхать съ дѣтьми посмотреть выставку.

На второй день нашего пріѣзда въ Ванъ-Курень, поздно вечеромъ, въ занимаемый нами хошанъ пришли съ фонаремъ китайцы, представители одной изъ крупнѣйшихъ здѣшнихъ фирмъ, имѣющей на сотни тысячъ рублей торговыхъ оборотовъ по сбыту въ Монголіи чая и отправкѣ въ Китай скота. Китайцы просили экспедицію оказать помощь одному изъ служащихъ фирмы, разрубившему себѣ топоромъ колѣно. Забравъ марлю, кровоостанавливающую гигроскопическую вату и нѣкоторые другіе имѣвшіеся въ нашей походной аптекѣ медикаменты, мы сейчасъ же отправились къ больному. При входѣ въ домъ всѣ служащіе этой фирмы встрѣтили насъ очень любезно и указали на больного китайца, лежавшаго на полатяхъ и тихо стонавшаго. Ударъ топора у колѣна былъ очень силенъ, разрѣзъ глубокъ, и раненый за нѣсколько часовъ потерялъ много крови.

Осмотрѣвъ рану и промывъ ее перекисью водорода, мы наложили повязку и, уходя, предложили китайцамъ, въ случаѣ какихъ-либо осложнений, сообщить экспедиціи на выставку. Самимъ же намъ необходимо было на другой день выѣхать на осмотръ хошуна Ханъ-да-Вана. Когда черезъ нѣсколько дней мы возвратились въ Ванъ-Курень, то узнали, что лѣченіе наше было весьма удачно, больной быстро поправлялся, и что члены фирмы ежедневно справлялись о времени нашего прибытія, чтобы отблагодарить за оказанную помощь ихъ товарищу; по нашемъ пріѣздѣ китайцы пригласили всѣхъ членовъ экспедиціи къ себѣ на чай. Этотъ случай указываетъ на ту громадную безпомощность въ медицинскомъ отношеніи, въ которой находится все населеніе въ краѣ, даже въ такихъ крупныхъ центрахъ Монголіи, какъ Ванъ-Курень.

Исполняя просьбу князя Ханъ-да-Вана, высказанную намъ въ Ургѣ, осмотрѣть его владѣнія, славящіяся во всей Халхѣ своимъ богатствомъ, мы совершили поѣздку по княжеству.

По дорогѣ, помня приглашеніе княгини, мы заѣхали въ ея ставку. Были посланы ходаки къ княгинѣ и матери князя, и сейчасъ же мы были приняты молодымъ 9-лѣтнимъ княземъ въ особой юртѣ. Князь одѣтъ былъ здѣсь совсѣмъ просто и по костюму ничѣмъ не отличался отъ простаго монгольскаго мальчика.

Затѣмъ мы были приглашены въ юрту матери князя. Старая княгиня послѣ обычныхъ разспросовъ повела разговоръ на ту тему, что монголы—народъ необразованный и темный, а потому и бѣдный. Въ Россіи же, какъ ей извѣстно изъ посѣщенія Кяхты и знакомства съ русскими женщинами,—послѣднія получаютъ образованіе наравнѣ съ мужчинами; поэтому русскія женщины просвѣщены и умны, а Россія страна сильная и богатая. Между тѣмъ въ Монголіи даже изъ мужчинъ рѣдко кто грамотенъ. На это нами было сказано, что природный умъ монголовъ восполняетъ недостатокъ ихъ образованія и что если бы монгольскія женщины были такъ неразвиты, какъ ихъ изображаетъ княгиня, то въ Монголіи не встрѣчалось бы мужей, подобно ея сыну, съ которымъ членамъ экспедиціи приходилось неоднократно встрѣчаться, и который очаровалъ всѣхъ насъ своимъ обращеніемъ, знаніемъ страны и ея интересовъ и широкимъ взглядомъ на жизнь. Отъ матери князя мы перешли въ юрту супруги князя, гдѣ были приняты также радушно и угощались кумысомъ. Прощаясь съ нами, княгиня пригласила на обратномъ пути опять заѣхать въ ихъ ставку и подѣлиться впечатлѣніями, которыя мы внесемъ отъ осмотра владѣній ихъ княжества. Къ сожалѣнію, намъ не пришлось воспользо-ваться любезнымъ приглашеніемъ княгини, такъ какъ обратный путь нашъ лежалъ другой дорогой.

Обѣздъ княжества Ханъ-да-Вана показалъ намъ, что дѣйствительно хошунъ этотъ не даромъ считается перломъ Халхи. Вся осмотрѣнная нами мѣстность между Ванъ-Куренемъ, р. Селенгой и ея притокомъ Эгинъ-Голомъ изрѣзана множествомъ рѣкъ и рѣчушекъ съ богатѣйшими, плодородными долинами. Прекрасныя горныя и лѣсовъ пастбища чередуются съ тучными лугами; травяная растительность лѣсныхъ склоновъ и балокъ доходитъ нерѣдко до 2—3 аршинъ высоты; первобытныя лѣса наполнены всевозможной дичью и цѣннымъ звѣремъ и доставляютъ богатую охоту; каштаново-черноземныя плодородныя почвы имѣютъ всѣ данныя для развитія здѣсь земледѣлія въ широкихъ размѣрахъ, а просторъ и раздолье позволяютъ держать крупныя стада овецъ, яковъ и рогатаго скота, быстро нагуливающегося на солончаковыхъ обильныхъ пастбищахъ.

Несмотря на то, что хошунъ этотъ прилегаетъ къ Россіи и является вожделеннымъ мѣстомъ для китайской колонизаціи,—онъ до сихъ поръ еще, благодаря политикѣ князя и проитиводѣйствию княжескаго управленія, остался свободенъ отъ китайскаго заселенія.

Земледѣліемъ мѣстные монголы занимаются въ этомъ благодатномъ районѣ сравнительно мало, зато скотоводствомъ широко используютъ природныя богатства почвъ и пастбищъ; и хошунъ этотъ является облюбованнымъ мѣстомъ, откуда черпаютъ свои запасы скотопромышленники Китая и восточной Сибири.

Насколько удалось узнать, скупкой скота въ Ванъ-Куренѣ занимаются какъ китайскіе, такъ и русскія фирмы.

Китайцы собираютъ скотъ въ уплату за долги и отправляютъ его черезъ Кукухото въ Китай; русскіе торговцы получаютъ скотъ частью за долги, частью за наличный расчетъ и, по сформированіи партій, отправляютъ на Кяхту и Троицкосавскъ, откуда скотъ иногда попадаетъ черезъ Верхнеудинскъ въ Иркутскъ.

Кромѣ того за наличныя деньги и широко практикуя задачи, скупаютъ здѣсь скотъ скотопромышленники-евреи изъ Восточной Сибири, районъ скупки которыхъ очень обширенъ: начиная отъ границъ Маньчжуріи, онъ проходитъ къ Калгану, достигаетъ Заинъ-Шаби и простирается верстъ на 600 къ западу и сѣв.-западу отъ Урги. Такимъ образомъ Ванъ-Куренъ является центромъ сѣверо-западнаго района дѣятельности восточно-сибирскихъ скотопромышленниковъ. Изъ срѣтенскихъ купцовъ здѣсь работаютъ евреи: Машковичъ, Рабиновичъ, Соломовичъ и Танхимовичъ; изъ читинскихъ — Гоберникъ, Барановскій и Зозовскій; изъ нерчинскихъ—Мордаховичъ, Шмулевскій и Садовичъ.

Изъ Ванъ-Куреня рогатый скотъ направляется главнымъ образомъ въ Ургу, проходя путь въ 15—18 дней. Въ Ургѣ формируется въ болѣе крупныя партіи въ 150—200 головъ и направляется на Нерчинскъ, Срѣтенскъ, Зейскій складъ и Читу. Такимъ образомъ, въ отношеніи сбыта рогатаго скота Ванъ-Куренъ занимаетъ въ высшей степени удобное положеніе, такъ какъ комплектуемые здѣсь гурты скота расходятся по всѣмъ скотопрогоннымъ трактамъ, за исключеніемъ Бійска: на югъ—въ Китай, на сѣв.-зап.—въ Иркутскъ, на сѣв.-вост.—въ Кяхту, Троицкосавскъ и Верхнеудинскъ и, наконецъ черезъ Ургу на Срѣтенскъ до Владивостока. Такое выдающееся положеніе по снабженію рогатымъ скотомъ нашихъ дальне-восточныхъ окраинъ ванъ-куреньскій хошунъ занялъ со времени русско-японской войны, когда скотопромышленники,

въ поискахъ необходимаго имъ количества рогатаго скота, завязали торговыя сношенія съ княжествомъ Ханъ-да-Вана и, оцѣнивъ хорошій нагуль мѣстнаго скота, не только не прервали торговыя сдѣлки по окончаніи войны, но и теперь продолжаютъ ихъ развивать и усиливать.

Путь на
Улясутай.

Выѣздъ экспедиціи изъ Ванъ-Куреня назначенъ былъ на 30 іюля черезъ Далай-Гунь-Курень, мимо озера Сангинъ-Далай-Нуръ на Улясутай.

Выѣхавъ изъ города, мы минули памятникъ-суборганъ, построенный въ честь отца князя Ханъ-да-Вана, бывшаго въ Улясутаѣ дзянь-дзюнемъ (генераль-губернаторомъ) и главнокомандующимъ всѣхъ монгольскихъ войскъ. Монголы очень гордятся этимъ памятникомъ, величественностью его постройки. И, дѣйствительно, по своей архитектурѣ и грандіозности это былъ единственный, который удалось намъ видѣть во всей Халхѣ, памятникъ дѣятелю сравнительно недавняго прошлаго изъ гражданскаго вѣдомства, въ то время какъ памятники-суборганы великимъ ламамъ и богдо-гегену въ Монголіи, особенно Ургѣ, встрѣчаются очень часто.

Путь нашъ отъ Ванъ-Куреня лежалъ къ р. Цутерь-Голь. Шелъ дождь, наступилъ вечеръ, и экспедиція вѣхала въ дикое горное ущелье. По выходѣ изъ ущелья черезъ 30 верстъ остановились на ночевку у берега р. Цутерь-Голь. Высота стоянки 1430 mtr. ¹⁾

Отъ р. Цутерь-Гола направились мимо озера Цаганъ-Нукъ, оз. Худо и Талагой-Нуръ къ р. Хануй, на которой и остановились 2 августа.

Мѣстность отъ Ванъ-Куреня до Хануй-Гола часто пересѣкается большими увалами (1900, 1850 mtr.). Склоны и вершины уваловъ покрыты лѣсами, а залегающія между ними обширныя долины представляютъ собою прекрасныя пастбища, съ степной и нерѣдко луговой растительностью; много озеръ и ручьевъ, большія стада верблюдовъ, рогатаго скота, овецъ, сарлыковъ и табуны лошадей. Встрѣчавшіяся по дорогѣ юрты—бѣлаго цвѣта. Это указываетъ, что хозяева имѣютъ излишки отъ продажи шерсти, для приготовленія кошмы на постройку юрты и ея ремонтъ.

Войлокъ, или кошма, прослуживши на юртѣ 2—3 года, отъ дѣйствія дожда, снѣга и мороза, а также частыхъ перекочевокъ и дыма очага вывѣтривается, темнѣетъ и рвется. И тамъ, гдѣ населеніе бѣдно и за долги китайцамъ принуждено отчуждать изъ хозяйства всю шерсть—

¹⁾ Въ Ванъ-Куренѣ, при устройствѣ выставки, среди вещей и товаровъ былъ найденъ барометръ-высотомѣръ, которымъ мы и пользовались на протяженіи пути отъ Ванъ-Куреня до Бійска. Показанія высотомѣра приведены вездѣ „безъ поправки“.

юрты стоятъ черныя. Такимъ образомъ, бѣлыя юрты являются первымъ признакомъ нѣкоторой свободы и независимости отъ китайцевъ.

У р. Хануй-Гола по случаю ежедневныхъ дождей стояла высокая вода, и переправа была невозможна. По одну и другую сторону рѣки расположились таборомъ монгольскіе и китайскіе чумаки. На лѣвомъ берегу таборъ возчиковъ доходилъ до 70 подводъ, и такъ какъ грузомъ его былъ чай—продуктъ, боящійся подмочки, то чумаки ожидали спада воды уже 20 дней. Наша переправа тоже задержалась.

Хануй-Голь протекаетъ въ ущельѣ, имѣетъ огромное паденіе, и въ высокую воду сила его теченія колоссальна. Горе смѣльчаку, рѣшившемуся въ это время переправляться черезъ рѣку: лошадь и сѣдокъ моментально сбиваются теченіемъ и, скрываясь подъ волнами, разбиваются объ огромные камни на днѣ Хануя. Намъ сообщили о гибели нѣсколькихъ монголь и китайцевъ, рискнувшихъ передъ нашимъ пріѣздомъ переправиться черезъ бушующую рѣку.

Устройство здѣсь простого парома могло бы оказать огромное облегченіе для движенія каравановъ и переправы гуртовъ скота и пассажировъ, принужденныхъ въ настоящее время по цѣлымъ мѣсяцамъ ожидать спада высокихъ водъ въ р. Хануѣ. За невозможностью дальнѣйшаго движенія мы отправили нашихъ лошадей и верблюдовъ подъ присмотромъ казака за 10 верстъ на лучшія пастбища, такъ какъ на мѣстѣ переправы корма были очень плохіе.

5 дней прошло въ ожиданіи спада воды; члены экспедиціи ѣздили за нѣсколько верстъ ниже и выше по теченію, ища брода, но безуспѣшно. Наконецъ, на 4-й день вода начала немного спадать, и китайцы съ противоположнаго берега рискнули начать переправу. Но при первой же попыткѣ у нихъ унесло теченіемъ верблюда, и переправа остановилась. За ночь вода еще спала, и мы послѣ обѣда стали переправляться: сначала перевели верблюдовъ съ вьюками; затѣмъ кладъ изъ телѣгъ была переложена во вьюки и переправлена на лѣвый берегъ, наконецъ, перевезли телѣги и экипажи.

При переправѣ большого экипажа монголь упустилъ веревку, которая запуталась о колеса экипажа, потянула за собою лошадь, и послѣдняя стала тонуть, таща въ сторону вторую лошадь и экипажъ. Предотвратить катастрофу удалось тѣмъ, что бывшіе верхомъ стали рядомъ съ экипажемъ, чѣмъ и ослабили на него напоръ воды. Съ большимъ трудомъ удалось выпутать веревку и благополучно достигъ берега.

За Хануй-Голомъ мѣстность шла сильно гористая; перевалы въ 1880, 1920 mtr. Проѣхали ручей Баинъ-Голь съ чистой хорошей водою.

Много посѣвовъ пшеницы и ячменя, устроенныхъ на поливѣ. Арыки съ многочисленными развѣтвленіями проведены изъ Баинъ-Гола, который раньше, очевидно, былъ порядочной рѣкой. Съ перевала въ 2060 mtr. за Баинъ-Голомъ открывается обширная богатая долина, съ прекрасными пастбищами; ни юртъ, ни скота не встрѣтили. Окружающіе лѣса покрыты лиственницей съ примѣсью березы. Высота долины 1920 mtr. Остановились около высохшаго озера, гдѣ пасли свои стада китайскіе скотопромышленники, гнавшіе 150 быковъ и 1500 овецъ въ Кяхту, куда рассчитывали прибыть дней черезъ 20.

Къ оз. Доре-Нуръ дорога каменистая; проѣхавъ по южной сторонѣ озера, соединяющагося протоками съ двумя другими, поднялись на очень крутой перевалъ въ 2220 mtr.; спускъ съ него чрезвычайно трудный, лошадей приходилось сводить подъ узду. На ночь остановились у ключа Таль-Булыкъ. Вскорѣ подъѣхалъ къ намъ тайджи изъ ближайшей тамаги, который сообщилъ, что мы уклонились отъ дороги больше чѣмъ на 20 верстъ, поѣхавши по южной сторонѣ озера: ближайшій путь идетъ по сѣверной сторонѣ.

Все время шелъ дождь, и поэтому караванъ простоялъ у ключа Таль-Булыкъ два дня.

10 августа двинулись дальше по долинѣ р. Тулунту, впадающей въ р. Шабурту; послѣдняя впадаетъ въ Ачжиргу, а Ачжирга въ Чилуту, притокъ Селенги. Дорога вначалѣ каменистая, а чѣмъ ближе къ Селенгѣ, переходила въ луговую. По долинѣ р. Аръ-Тель, впадающей въ Селенгу, много богатыхъ юртъ; здѣсь встрѣтились обширные посѣвы пшеницы, большіе табуны хорошо выкормленныхъ, рослыхъ и красивыхъ монгольскихъ лошадей. По лѣвой сторонѣ много покосовъ, по правой тянулся лиственничный лѣсъ, перешедшій у самой рѣки въ густые топольники.

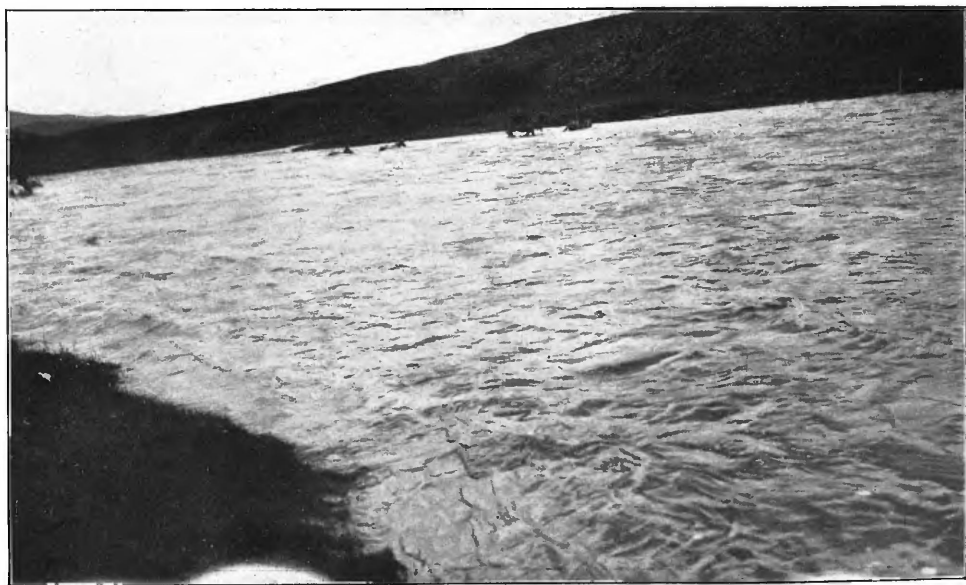
Къ р. Селенгѣ подъѣхали невдалекѣ отъ мѣста впаденія въ нее съ лѣвой стороны притокъ Тельгиръ-Мурина.

Монголы сообщили намъ, что нѣсколько недѣль назадъ здѣсь переправлялись бійскіе купцы съ своими табунами, которыхъ экспедиція встрѣтила на Орхонѣ 20 іюля.

Несмотря на глубину, ширину и быстроту теченія Селенги, устроеннаго парома здѣсь не оказалось, и о переправѣ пришлось заботиться самимъ. Для этого пригласили монголъ, которые съ различныхъ мѣстъ собрали 2 пары выдолбленныхъ корытами бревенъ и, привязавъ ихъ къ поперечнымъ палкамъ, образовали „ангасы“,—такъ называютъ монголы свой паромъ. Такой паромъ выдерживалъ вьюки съ 2-хъ верблюдовъ

Рѣка Эгинъ-Голь, притокъ Селенги.

Рѣка Хануй-Голь, притокъ Селенги.

Переправа экспедиции через р. Селенгу.

Вечные подпочвенные ледники в верховьях р. Тукуя.

(16 пуд.) или 2 телѣги (двухколесн.) съ грузомъ. Экипажи переправлялись отдѣльно безъ всякаго груза. Верблюдовъ переводили за плотами вплавь.

Несмотря на тщательность переправы, многія вещи при выгрузкѣ были упущены монголами въ воду, нечаянно или, быть-можетъ, съ умысломъ. Вслѣдствіе непрекращающагося дождя просушку товаровъ пришлось отложить до солнечныхъ дней, что испортило много съѣстныхъ продуктовъ.

Монголы, живущіе у переправы, занимаются столярнымъ промысломъ, дѣлаютъ, главнымъ образомъ сундуки и на подводахъ развозятъ по хошунамъ, вымѣнивая такой сундукъ за одного барана.

Отъ Селенги путь нашъ шелъ къ рѣкѣ Тельгирь-Мурину, въ 2-хъ верстахъ отъ нашей переправы черезъ Селенгу; въ послѣднюю Муринъ впадаетъ широкимъ русломъ, сажень 70, глубина 1—1½ арш. Здѣсь же въ р. Муринъ впадаетъ р. Буксуй, по долину котораго мы и поѣхали, въ направленіи Далай-Гунь-Куреня. Дорога усѣяна камнями, берега Буксуя покрыты голышемъ; много юртъ и громадныя стада овецъ и рогатаго скота. Посѣвы отсутствуютъ.

Подѣзжая къ Далай-Гунь-Куреню, уже издали виднѣются площади какъ бы блестящаго на солнцѣ снѣга. Такъ представляется издали шерсть, развѣшенная для просушки на русскихъ мойкахъ.

Въ разстояніи полуверсты отъ монастыря расположились 2 русскихъ мойки: одна—И. Р. Боброва (бійскаго купца), другая—Шергина (изъ Троицкосавска), въ компаніи съ китайцами. Далай-Гунь-Курень служитъ какъ бы гранью, раздѣляющей районы торговаго вліянія Кяхты и Бійска.

Караванъ экспедиціи на ночлегъ остановился у моекъ. Здѣсь мы узнали, что нѣсколько дней тому назадъ черезъ Далай-Гунь-Курень проѣзжала экспедиція томскаго профессора Боголѣпова съ бійскимъ купцомъ А. Г. Бодуновымъ и, побывавъ здѣсь на цамѣ, направилась на Муринъ-Курень, расположенный въ 35 верстахъ къ сѣверу отъ Далай-Гунь-Куреня. Мойками въ Далай-Гунь-Куренѣ завѣдуютъ довѣренныя фирмъ, которые живутъ въ юртахъ, арендуя послѣднія у монголъ по 1½ чая въ мѣсяць. При юртахъ имѣются маленькіе склады товаровъ—далимбы, цуимбы, а также русское красное сукно фирмы Злоказова, идущее въ Монголіи на дождевики ¹⁾.

Устройство моекъ, расположенныхъ на р. Буксуѣ, такъ же просто,

¹⁾ На послѣдніе требуется такого сукна 4 аршина, продаваемыхъ здѣсь за 13 чаевъ (9 р. 10 к.).

какъ и въ Ванъ-Куренѣ. На мойкахъ трясильщики, таскальщики и вѣшалъщики получаютъ въ день по 35 к. ($\frac{1}{2}$ чая дзусана), а мойщики— по 70 к. (1 чай). Такой заработной платой монголы не удовлетворяются и передъ нашимъ прїѣздомъ на обѣихъ мойкахъ сдѣлали забастовку, требуя прибавки къ получаемому жалованью—еще ходакъ и обѣдъ. Но потерявъ полдня и не добившись исполненія своихъ требованій, приступили къ работѣ на прежнихъ условіяхъ.

Шерсть на мойки принимали въ 1910 году въ среднемъ 12 ланъ за 100 джиновъ, (т.-е. 3 р. 84 к. пудъ), на серебро нѣсколько дороже. Мытая шерсть изъ Далай-Гунъ-Куреня отправляется на Бійскъ; стоимость транспорта отсюда до д. Шебалиной на Алтаѣ опредѣляется въ 12 ланъ съ верблюда, при нагрузкѣ его отъ 12—16 пудовъ (отъ 90 к.—1 р. 20 к.).

Представитель Шергина, Ефимовъ, сообщилъ, что его фирма отправляла на верблюдахъ мытую шерсть для продажи съ Кяхты на Бійскъ черезъ Монголію. Караванъ прошелъ этотъ путь въ 60 дней.

Отъ Далай-Гунъ-Куреня экспедиція 14 августа направилась по долину р. Буксуя. Дорога постепенно шла въ гору, часто пересѣкая каменистое русло рѣчки. Въ 50 верстахъ отъ Далай-Гунъ-Куреня, у перевала Дуруджи-Дабанъ, остановились подъ сопкой на ночевку. Вблизи нашей остановки, подъ покровомъ торфа, оказались вѣчные ледники ¹⁾. Высотомѣръ показывалъ 2520 mtr. На этой высотѣ уже не встрѣчаются юрты монголь; только бродячія стада яковъ и въ лѣсу медвѣжьи тропы указывали на могущество жизни природы. Тамъ, гдѣ человѣкъ и его неизмѣнные спутники—собака и лошадь,—не въ силахъ побороть суровость природы,—тамъ якъ, благодаря своей выносливости и жизнестойкости, еще существуетъ, чѣмъ подчеркивается то огромное значеніе, которое якъ можетъ играть въ хозяйственной жизни человѣка при суровыхъ условіяхъ здѣшняго климата.

Если же принять во вниманіе высокія вкусовыя качества молока яка, содержащаго до 15% жира ²⁾, его огромную работоспособность крупную кожу, а также могущую получить современемъ цѣнность гриву и хвостъ,—то естественно, что яка мы должны причислить къ одному изъ наиболее полезныхъ домашнихъ животныхъ.

Якъ въ Монголіи встрѣчается отъ Кяхты до Кошъ-Агача; но главная область его распространенія заключается между Ванъ-Куренемъ и Улясутаемъ, гдѣ онъ бродитъ большими стадами, безъ всякаго призора и безъ боязни человѣка.

¹⁾ Вѣчная мерзлота.

²⁾ Содержаніе жира въ коровьемъ молокѣ отъ 2—5%.

При нашей здѣсь остановкѣ яки, завидя костеръ, издали подошли къ каравану всѣмъ стадомъ и, удовлетворивъ свое любопытство, здѣсь же спокойно принялись за прерванную пастьбу.

На слѣдующій день, тронувшись въ путь, экспедиція достигла вершины перевала Дуруджи-Дабанъ въ 2600 mtr.

На перевалѣ изъ-подъ нашихъ ногъ на сѣверо-востокъ бралъ начало Буксуй, одинъ изъ притоковъ Селенги и священнаго Байкала, а на западѣ, недалеко отъ перевала, въ обширной долиинѣ, сверкала сливавшаяся съ горизонтомъ водная гладь огромнаго озера Сангинъ-Далай-Нура. Съ юга озеро обрамляли покрытыя первобытными лѣсами горы. Экспедиція сдѣлала на перевалѣ краткій отдыхъ.

Озеро Сангинъ-Далай-Нуръ имѣетъ цѣлый рядъ притоковъ, изобилуетъ пастбищами, кругомъ него много юртъ съ большими стадами скота.

Спустившись съ перевала Дуруджи-Дабанъ, мы проѣхали по юго-восточной сторонѣ озера и, поднявшись на перевалъ въ 2500 mtr., спустились въ долину, бывшую когда-то дномъ озера, промывшаго гряду горъ, и по руслу р. Тель влившемуся въ озеро Сангинъ-Далай-Нура. Воспользовавшись богатствомъ пастбищъ, мы сдѣлали здѣсь приваль.

Путь къ рѣкѣ Эдеру шель по крутымъ и тяжелымъ переваламъ, какъ Хапчагайту-Даба (2970 mtr.) и Посынъ-Даба (2870 mtr.) и большое количество менѣе высокихъ, расположенныхъ верстахъ въ 10—15 одинъ отъ другого. Особенно тяжелъ былъ спускъ по мокрой дорогѣ подъ дождемъ и снѣгомъ къ рѣкѣ Харганаты (золотые розсыпи) съ перевала въ 2880 mtr. Здѣсь одна изъ телѣжныхъ лошадей споткнулась и, упавъ, скатилась внизъ, перевернувшись пять разъ вмѣстѣ съ повозкой. Лошадь осталась жива, а телѣга разбилась.

17 августа заболѣлъ одинъ изъ членовъ экспедиціи переводчикъ Мальцевъ, температура у него къ вечеру поднялась выше 40°. Ввиду опасности положенія больного, рѣшено было на слѣдующій день ѣхать ему съ Фланденомъ ускореннымъ маршемъ на Улясутай, на лучшей тройкѣ лошадей при двухъ запасныхъ.

Дорога по долиинѣ рѣки Эдера прекрасная—безъ камней, болотъ, крутыхъ спусковъ и частыхъ переѣздовъ черезъ каменистыя русла быстрыхъ рѣкъ и ручьевъ. Съ устья рѣки Дзагистай дорога для экипажнаго движенія становится весьма трудной. Рѣка Дзагистай выходитъ изъ перевала того же названія, съ котораго берутъ два Дзагистая: одинъ на сѣверо-востокъ, другой—на юго-западъ. Подъемъ на пере-

валь очень трудный, высота его 3080 мтр. Приходится переѣзжать болѣе 30 разъ рѣку Дзагистай, течение которой чрезвычайно бурно, а дно каменисто. Спускъ къ перевалу идетъ по другому Дзагистаю, встрѣчается много болотъ. Верстахъ въ 30 отъ Дзагистая расположенъ г. Улясутай.

21 августа члены экспедиціи, оставивъ караванъ для пастьбы и отдыха верблюдовъ въ долину Дзагистая, верхами двинулись къ Улясутаю и къ вечеру въѣхали въ торговую часть города.

Улясутай.

Улясутай расположенъ по рѣкамъ Чжаласту-Гола и Багдоинъ-Гола и является центромъ китайскаго управленія Монголіей, такъ какъ въ немъ находится китайскій дзянь-дзюнь, по положенію своему равняющійся генераль-губернатору въ Россіи. Городъ состоитъ изъ двухъ частей—крѣпости и торговаго города, находящихся, приблизительно въ разстояніи трехъ верстъ одна отъ другой. Крѣпость окружена высокой стѣной, въ ней помѣщаются жилища дзянь-дзюня и амбаней, присутственныя мѣста и кумирни. Торговый городъ весьма невеликъ, состоитъ приблизительно изъ 300 жилищъ, главнымъ образомъ, китайскихъ; имѣетъ одну длинную, узкую и кривую улицу и нѣсколько переулковъ, крестообразно ее пересѣкающихъ. Населеніе—около трехъ тысячъ чело-вѣкъ, изъ нихъ двѣ тысячи китайцевъ, затѣмъ монголы (около 800 чел.), русскихъ (20—30 чел.) и немного урянховъ. Расположенъ городъ въ долину и окруженъ голыми, безлѣсными горами.

Прибывшіе ранѣе насъ въ Улясутай товарищи Фланденъ съ больнымъ Мальцевымъ, оказалось, нашли пріютъ у И. В. Бодунова, представителя фирмы „Торговый домъ А. Г. Бодуновъ“.

Здѣсь же нашли радушный и любезный пріемъ и остальные прибывшіе члены экспедиціи. Наши ожиданія и надежды на полученіе въ Улясутаѣ медицинской помощи заболѣвшему Мальцеву не оправдались. Городъ, являющійся резиденціей дзянь-дзюня и мѣстомъ пребыванія русскаго консула, не имѣлъ не только врача и больницы, но даже отсутствовала простая фельдшерская помощь.

Такъ какъ положеніе Мальцева было весьма опасно, то членамъ экспедиціи пришлось самимъ лѣчить своего товарища, воспользовавшись услугами имѣвшейся у насъ аптеки. Черезъ нѣкоторое время, благодаря заботливому уходу, Мальцевъ поправился.

Остановка наша въ Улясутаѣ у И. В. Бодунова ввела насъ въ кругъ мѣстнаго русскаго купечества. Начиная осенній періодъ торговли, и русскіе хошунные торговцы запаслись въ Улясутаѣ отъ фирмъ Бодунова и Игнатьева на зиму русскими и китайскими товарами, почему

члены экспедиціи постоянно находились въ обществѣ торговыхъ людей этого края, что значительно способствовало освѣщенію многихъ вопросовъ о положеніи русской и китайской торговли въ Монголіи.

На слѣдующій день по нашемъ прибытіи въ Улясутай мы сдѣлали визитъ русскому консулу А. Ф. Люба. Хотя консульство основано здѣсь около двухъ лѣтъ тому назадъ (1908 г.), однако первый улясутайскій консулъ Люба прибылъ сюда лишь за два мѣсяца до нашего приѣзда.

По договору 1881 года русскіе не имѣютъ права возводить собственныхъ построекъ въ Монголіи въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ консульства; поэтому до послѣдняго времени русскіе купцы не имѣли въ Улясутаѣ своихъ факторій и размѣщались въ арендуемыхъ у китайцевъ фанзахъ. Расположеніе русскихъ торговыхъ помѣщеній въ фанзахъ, не приспособленныхъ ни для жилья, ни для складовъ товаровъ, не придаетъ русской торговлѣ характера постоянныхъ и крѣпкихъ учрежденій, а какъ бы подчеркиваетъ случайное ея здѣсь пребываніе.

Русское консульство находится на мѣстѣ конторы закрытаго теперь улясутайскаго отдѣленія Русско-Китайскаго банка, и помѣщеніе подъ него также арендуется у китайца, бывшаго ранѣе въ Улясутаѣ полиціймейстеромъ. Расположеніе русскаго консульства въ запущенной фанзѣ по сравненію съ обширными дворцами китайскаго дзянь-дзюня наноситъ сильный ущербъ нашему престижу среди китайцевъ и монголъ, такъ какъ послѣдніе судятъ о силѣ и могуществѣ русскаго и китайскаго государствъ по обстановкѣ жизни ихъ представителей.

Русскій консулъ въ Улясутаѣ во время нашего тамъ пребыванія не имѣлъ при себѣ даже канцеляріи, и вся работа консульства выполнялась имъ единолично.

Торговля въ Улясутайскомъ районѣ сосредоточена, главнымъ образомъ, въ рукахъ шансисскихъ и пекинскихъ купцовъ. Всѣхъ фирмъ китайскихъ въ городѣ насчитывается 58, годовой оборотъ которыхъ опредѣляется въ 2.130.000 рублей. Изъ нихъ 6 фирмъ имѣютъ отдѣленія въ Урянхайскомъ краѣ. Ввозъ этихъ 58 фирмъ изъ Китая въ Улясутай достигаетъ до 1.292.000 рублей ежегодно, а вывозъ около милліона.

Однимъ изъ главныхъ предметовъ китайскаго ввоза въ Монголію служитъ чай. Самой крупной чайной фирмой въ Улясутаѣ является фирма Синь-Тай-Лунь, имѣющая свои отдѣленія въ Верхнеудинскѣ и во всѣхъ крупныхъ центрахъ Монголіи—Кобдо, Урга, Кяхта, а также многихъ городахъ Китая, какъ Калганъ, Ханькоу и др. Раньше имѣла отдѣленія въ Москвѣ. Ежегодно въ Улясутаѣ продаетъ до 5 тысячъ

ящиковъ чая, въ Ургѣ—10 тысячъ, въ Кобдо—1¹/₂ тысячи ящиковъ. Всего же фирма эта продаетъ въ Монголіи свыше 30 тысячъ ящиковъ ¹).

Скупаемое китайцами въ улясутайскомъ районѣ сырье частью перепродается здѣсь же мѣстнымъ русскимъ купцамъ, а частью направляется въ Китай. Обыкновенно товары идутъ на Калганъ черезъ Саиръ-Усу; но иногда отправляются сначала на Ургу, а затѣмъ уже на Калганъ. Путь этотъ предпочитается тѣми улясутайскими фирмами, которыя имѣютъ въ Ургѣ свои отдѣленія. Отъ нихъ онѣ получаютъ чай, далимбу и прочіе китайскіе товары и съ обратными же ямщиками транспортируютъ въ Ургу свое сырье. Доставка одного пуда товара отъ Улясутая до Урги (750 в.) обходится отъ 80 к. до 1 р. 20 к. пудъ (8—12 ланъ съ верблюда).

Въ Улясутаѣ членамъ экспедиціи удалось поближе ознакомиться съ организаціей китайскихъ фирмъ и выяснить одну изъ причинъ столь успѣшнаго и быстрого развитія ихъ торговли.

Русскія фирмы, особенно болѣе крупныя, всѣ платятъ опредѣленное жалованье своимъ довѣреннымъ и приказчикамъ, при чемъ приказчики получаютъ иногда до тысячи и болѣе рублей въ годъ, кромѣ содержанія; трудъ же довѣренныхъ оплачивается нерѣдко въ болѣе крупныхъ фирмахъ нѣсколькими тысячами рублей. Такимъ образомъ, изъ торговыхъ расходовъ здѣшнихъ русскихъ фирмъ значительный процентъ падаетъ на содержаніе администраціи торговыхъ предпріятій. Иначе дѣло стоитъ у китайцевъ, гдѣ какъ довѣренные, такъ и приказчики получаютъ отъ фирмы самое скромное вознагражденіе, но заинтересованы опредѣленнымъ процентомъ изъ дохода предпріятія фирмы, при чемъ величина процента этого вознагражденія находится въ зависимости отъ числа лѣтъ службы, отвѣтственности занимаемой должности и пользы, приносимой предпріятію участникомъ.

Изъ русскихъ торговцевъ въ Улясутайскомъ и Кобдинскомъ районѣ работаютъ свыше 60 человекъ, большая часть которыхъ живетъ въ Бійскѣ, а въ Монголію наѣзжаютъ лишь въ періодъ съ мая по октябрь для сезонной скупки сырья, скота и сурка.

Въ самомъ Улясутаѣ русскихъ лавокъ только двѣ: И. Г. Игнатьева и А. Г. Бодунова. Послѣдній въ улясутайскомъ районѣ имѣетъ нѣсколько отдѣленій; кромѣ того имѣетъ отдѣленія въ Сонажѣ и Ургѣ, гдѣ ведетъ чрезъ представителя фирмы скупку сырья, главнымъ образомъ сурка.

¹) Чай изъ Китая транспортируется въ ящикахъ по 27—39 кирпичей въ каждомъ. Цѣна въ Улясутаѣ на ящикъ чая въ 27 кирп. въ 1910 г. стояла 17—18 руб.

Въ городѣ имѣются три мойки: Бодунова, Игнатѣева и Стукена, на которыхъ промывается шерсть, не только скупаемая фирмами, но и принимаемая отъ другихъ русскихъ торговцевъ.

Во время пребыванія экспедиціи въ Улясутаѣ работы на мойкахъ подходили къ концу.

Скупка шерсти производится до 10—15 сентября. Въ 1910 году шерсть скупалась здѣсь въ среднемъ по 4 р. 20 к. пудъ при задачахъ; нѣсколько дешевле, чѣмъ въ районѣ Ванъ-Куреня (4 р. 30 к.) и Урги (4 р. 40 к.). Съ одного пуда грязной шерсти, особенно при хорошей приѣмкѣ, считаютъ, что выходитъ 28 ф. чистой, тогда какъ въ районахъ Ванъ-куренскомъ и Ургинскомъ болѣе 24—25 ф. не получаютъ. При сортировкѣ шерсть даетъ 12—15% цвѣтной, т.-е. тотъ же процентъ, какъ и въ вышеупомянутыхъ районахъ; но качество ея здѣсь значительно лучше: больше блеска, шелковистости и нѣжности, и шерсть Улясутайскаго округа считается наилучшей во всей Сѣверо-западной Монголіи.

Вымытая шерсть пакуется въ тюки и на верблюдахъ отправляется въ Бійскъ. Отправка совершается преимущественно осенью и обходится отъ Улясутая до Кошъ-Агача въ среднемъ 75 к., отъ Кошъ-Агача до Онгудая—70 к. и отъ Онгудая до Бійска—30 к., а всего до Бійска 1 р. 75 к.

Найти ямщика на верблюдахъ лѣтомъ съ Улясутая на Кошъ-Агачъ для перевозки шерсти или другихъ какихъ товаровъ въ два раза дороже, чѣмъ осенью, и обходится до 14 ланъ съ верблюда (или 1 р. 40 к. пудъ). Поэтому лѣтомъ всѣ товары съ Бійска до Улясутая и обратно доставляются русскими ямщиками на лошадахъ. Привозя изъ Кошъ-Агача мануфактуру и другіе товары, они забираютъ въ Улясутаѣ шерсть и сурокъ, а также чай для алтайскаго населенія. Бійскіе ямщики на лошадахъ выѣзжаютъ въ началѣ маѣ и въ Улясутай приѣзжаютъ въ іюнѣ мѣсяцѣ: 15 дней отдыхаютъ и набираютъ подряды, затѣмъ ѣдутъ обратно. За провозъ шерсти до Бійска русскіе ямщики берутъ 2½ рубля съ пуда.

Въ послѣднее время шерсть изъ Улясутайскаго района, закупаемая здѣсь Стукеномъ и К^о, направляется черезъ Кяхту прямо въ Америку. Этимъ же путемъ отправляетъ монгольскую шерсть и фирма Якоби Зоргагенъ. Отправка шерсти въ Америку транзитомъ черезъ Кяхту обходится на 2½ рубля въ пудъ дешевле (50 к. на провозъ и 2 рубля на пошлинахъ ¹⁾), чѣмъ транспортировка ее черезъ Бійскъ.

¹⁾ Пошлины на шерсть взимаются въ Нью-Йоркѣ въ зависимости отъ ея цѣнности. Такъ, 4 цента (8 коп.) взимаются за 1 англійскій фунтъ (1¹/₁₀ русскаго фунта) при цѣнѣ на шерсть 12 центовъ (24 коп.) и 7 центовъ (14 коп.) взимается при болѣе высокой ея стоимости.

Кромѣ Кяхты, грязная шерсть отправляется еще изъ Улясутайскаго района на Калганъ, гдѣ изъ русскихъ купцовъ принимаетъ ее Башуевъ, и по очисткѣ тоже направляетъ въ Америку черезъ китайскіе порты. Ежегодно Башуевъ скупааетъ свыше 50,000 пудовъ шерсти. Послѣ шерсти первое мѣсто среди сырья, вывозимаго изъ Монголіи, принадлежитъ сурковымъ шкуркамъ. Тарбаганъ, или сурокъ, встрѣчается по всей Монголіи, но болѣе цѣнные сорта его шкурки, отличающіеся своей величиной, нѣжностью и пушистостью, добываются изъ сурка, водящагося въ районахъ Ванъ-Куреня и Улясутая.

Въ торговлѣ большую цѣнность имѣетъ сурокъ осенній, котораго на рынокъ поступаетъ до 65% отъ всего сбора. Остальные 35% приходятся на долю весенняго и лѣтняго сурка; эти шкурки по своему достоинству значительно хуже, такъ какъ сурокъ изъ зимы выходитъ тощимъ, волосъ имѣетъ матовый и слабый, кожа—менѣе эластична и крѣпка, почему и расцѣнка весенней шкурки сурка значительно дешевле.

Пока сурокъ изъ рукъ монгола-охотника попадетъ къ его непосредственному потребителю, онъ долженъ совершить длинный рядъ переходовъ отъ одного посредника къ другому. Обыкновенно монголъ беретъ подъ сурокъ, какъ и подъ шерсть, у русскаго хошунца или китайскаго купца въ долгъ товары и серебро; поэтому сурокъ наиболѣе выгодно попадаетъ въ руки кредитора монгола. Далѣе сурокъ, формируясь все въ большія и большія партіи, постепенно переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія и, наконецъ, попадаетъ къ фирмамъ, продающимъ сурокъ иностранцамъ въ Кяхтѣ или Бійскѣ, или же вывозящимъ его на главный пушной рынокъ—Ирбитскую ярмарку.

Многочисленныя посредничества и колебанія цѣнности сурка при такихъ переходахъ являются одной изъ отрицательныхъ сторонъ постановки торговли этимъ товаромъ. Одна и та же фирма платила, на примѣръ, въ 1910 году въ различныхъ районахъ Монголіи различныя цѣны—отъ 40 к. до 1 р. 50 к. за шкурку. Реализаціонныя же цѣны на пушныхъ европейскихъ рынкахъ до послѣдняго времени шли значительно впереди цѣны скупки сурка въ Монголіи, что давало скупщикамъ сурка значительныя выгоды. Нѣсколько же лѣтъ тому назадъ иностранныя фирмы, торгующія суркомъ, подъ вліяніемъ усиленнаго на него спроса моды, стали высылать въ Монголію своихъ представителей, которые и запасались на мѣстѣ значительными партіями тарбагана.

Это породило страшную конкуренцію между скупщиками сурка въ Монголіи, и цѣны на него быстро поднялись съ 20 к. до 1 р. 20 к.,

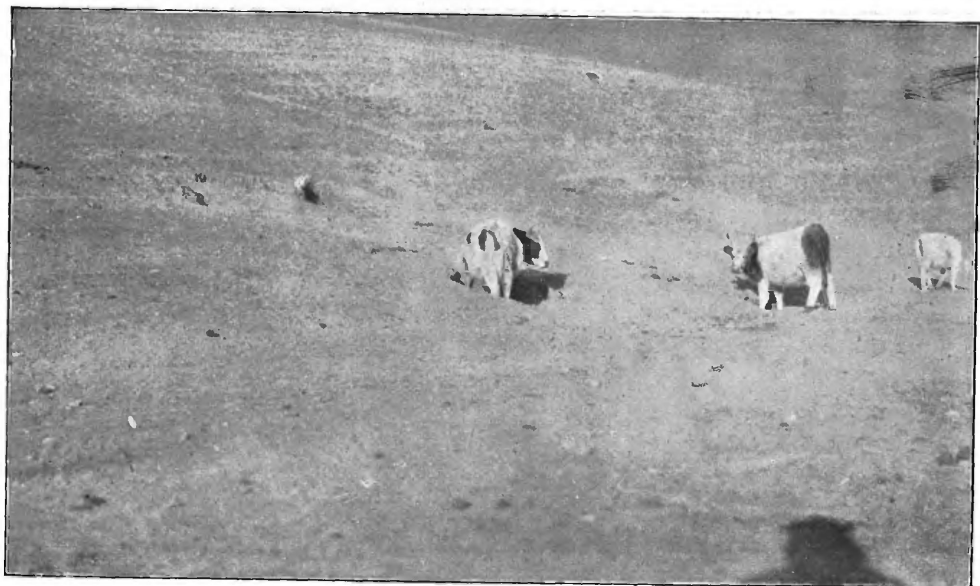
Степь Гоби.

Гобійская степь, покрытая галькой.

Движеніе каравана черезъ песчанья горы Гоби.

Добыча солонцовъ рогатымъ скотомъ изъ подъ-земли.

1 р. 50 к., т.-е. на 500—800% за послѣднія 10 лѣтъ. Русскіе же торговцы въ Монголіи, при полной своей неосвѣдомленности о могущемъ поступить въ данную кампанію количествѣ сурка на міровой рынокъ и ожидающихся на него цѣнахъ на главныхъ рынкахъ сбыта, какъ Ирбитъ, Москва, Лейпцигъ и Лондонъ,—стали нерѣдко скупать сурокъ по столь повышеннымъ цѣнамъ, которыя не только не давали имъ прибыли, но и наносили явный ущербъ при окончательной реализаціи сурковой кампаніи.

Застой въ торговлѣ пушными товарами въ 1910 году какъ въ Россіи, такъ и за границей и накопленіе значительныхъ запасовъ на мѣстахъ, отразились неблагоприятно на крупнѣйшихъ иностранныхъ фирмахъ торгующихъ пушниной, какъ Францъ Меркеръ и Н. Герценштейнъ въ Лейпцигѣ, Зиммермахеръ и Вигандъ въ Дармштадтѣ, Августъ Блюменталь и Августъ Геннеберокъ въ Берлинѣ. Сокращеніе денежнаго оборота главнѣйшихъ оптовиковъ пушнины въ свою очередь оказало неблагоприятное воздѣйствіе на положеніе цѣнъ пушного рынка, въ результатъ чего очень многіе изъ русскихъ торговцевъ, занимающихся скупкой сурка въ Монголіи, при реализаціи кампаніи 1910 года, понесли большіе убытки. У лицъ же, воздержавшихся отъ убыточной продажи тарбагана, въ одномъ Бійскѣ осталось на рукахъ свыше 300 тысячъ штукъ непроданнаго сурка. Сильному паденію ярмарочныхъ цѣнъ на сурокъ въ 1910 году, несомнѣнно, способствовалъ еще большой вывозъ его въ этомъ году изъ Маньчжуріи.

Слѣдуетъ замѣтить, что дальнѣйшему развитію сурковаго промысла въ Монголіи кладется предѣлъ естественными условіями развитія этого животнаго. Дѣло въ томъ, что подъ вліяніемъ высокихъ цѣнъ на сурка и отсутствія всякихъ регулирующихъ законовъ тарбаганьей охоты,—монголы по всей странѣ принялись за беспощадное и безсистемное уничтоженіе этого звѣрька, безъотносительно къ полу и возрасту, и эту истребительную охоту повели съ такой энергіей, что сурокъ повсемѣстно начинаетъ исчезать. И если въ ближайшее время не будутъ приняты мѣры къ сохраненію сурка въ Монголіи, то онъ исчезнетъ здѣсь совершенно.

Въ Улясутаѣ экспедиція встрѣтилась съ агентомъ закрывшагося здѣсь отдѣленія Русско-Китайскаго банка А. С. Котовымъ. Русско-Китайскій банкъ, прекращая здѣсь свою дѣятельность, оставилъ за монголами 73 тыс. рублей долговъ, сборомъ которыхъ и былъ въ данное время занятъ Котовъ. Обратное полученіе кредита, выданнаго хошунамъ, было обезпечено, а на возвратъ кредита, въ размѣрѣ 40 тыс.,

выданнаго отдѣльнымъ монголамъ, не было никакой надежды, несмотря на энергію агента, заинтересованнаго 10% комиссіей.

Причиной закрытія отдѣленія банка послужили убыточные его операціи, заключавшіяся въ томъ, что Банкъ принималъ уплату долга отъ монголъ серебромъ по курсу, и когда курсъ на серебро повышался, то монголъ не понималъ, почему онъ принужденъ уплачивать за 100 руб. кромѣ 12% годовыхъ еще и курсовую разницу. Банкъ требовалъ всегда уплату долга въ срокъ деньгами или серебромъ; но ни того, ни другого у монгола въ наличности никогда не имѣется, такъ какъ по исторически сложившемуся обиходу своего хозяйства монголъ всегда платитъ свои долги только скотомъ, шерстью и суркомъ. Главные убытки банкъ получилъ на переводныхъ операціяхъ: китайскіе купцы, кредитуясь въ Улясутаѣ, въ отдѣленіи Русско-Китайскаго банка, выплачивали свой долгъ въ отдѣленіи этого банка въ Калганѣ. Вслѣдствіе же разноцѣнности между улясутайскими и калганскими ланами, 1000 ланъ калганскихъ равнялись 1019 ланамъ улясутайскихъ и плюсъ курсовая разница; курсъ же серебра въ то время въ Улясутаѣ былъ 1 р. 65 к. за ланъ, а въ Калганѣ 1 р. 10 к. Начавъ ликвидировать дѣла въ 1908 году, банкъ повысилъ процентъ до 24 плюсъ курсовая разница на серебро, такъ что монголу въ послѣднее время приходилось платить до 36% за ссуду, взятую въ улясутайскомъ отдѣленіи Русско-Китайскаго банка. Отсутствіе почты и телеграфа и неприспособленность банка къ бытовымъ условіямъ монголъ совмѣстно съ другими здѣсь указанными причинами привели къ закрытію дѣятельности улясутайскаго отдѣленія Русско-Китайскаго банка, что и безъ того ухудшило кредитныя условія русскихъ торговцевъ въ Монголіи, гдѣ весь центръ торговли зиждется на скупкѣ сырья, успѣхъ которой находится въ прямой зависимости отъ количества денегъ, имѣющихся въ распоряженіи торговцевъ.

Китайцы, какъ дальновидные и расчетливые коммерсанты, не замедлили использовать закрытіе отдѣленія въ Улясутаѣ Русско-Китайскаго банка въ своихъ интересахъ и немедленно же открыли здѣсь свой собственный банкъ. Послѣдній въ данное время кредитовалъ китайскія фирмы и тѣмъ давалъ имъ возможность легче удерживать въ своихъ рукахъ хошунный кредитъ, что, какъ мы видѣли выше, является вѣрнѣйшимъ средствомъ льготнаго сбора монгольскаго сырья въ китайскихъ рукахъ, изъ которыхъ оно переходитъ къ русскимъ торговцамъ въ Монголіи уже по значительно повышеннымъ цѣнамъ.

Отъ Улясутая до Кобдо существуетъ два тракта: казенный, по

уртонамъ (монгольскимъ почтовымъ станціямъ), пролегаетъ по пустынной и бѣдной кормами мѣстности, и купеческій, по которому ходятъ караваны и который значительно длиннѣе тракта уртоннаго.

Въ 1910 году, вслѣдствіе неблагоприятныхъ климатическихъ условій, подножные корма на этомъ трактѣ были весьма скудны, почему экспедиція не могла въ дальнѣйшемъ совершать свой путь прежнимъ порядкомъ, а, ликвидировавъ въ Улясутаѣ свое караванное имущество, рѣшено было выѣхать на Кобдо по уртонамъ.

Кромѣ своего каравана, мы должны были также ликвидировать оставленное намъ имущество другого отряда Московской экспедиціи, подъ руководствомъ В. И. Попова.

Въ виду наступавшей осени и предстоявшей зимовки скота охотниковъ купить нашихъ лошадей и верблюдовъ, прошедшихъ въ караванѣ болѣе двухъ тысячъ верстъ, не было, почему на вольномъ аукціонѣ, устроенномъ нами въ Улясутаѣ, 29 верблюдовъ были проданы всего по 35 рублей, а 32 лошади—по 22 рубля штука, при чемъ лошадей удалось сбить только благодаря любезности нашего хозяина И. В. Бодунова, оставившаго ихъ за собою. Верблюды же были куплены монголомъ, занимающимся извозомъ, и вслѣдствіе своей заморенности въ работу могли пойти лишь осенью слѣдующаго года.

Имѣя отъ пекинскаго правительства открытый листъ, члены экспедиціи могли получить въ Улясутаѣ разрѣшеніе отъ китайскихъ властей на проѣздъ по уртонамъ бесплатно. Но, не желая использовать этого права и, кромѣ того, обременять китайскихъ властей своими просьбами, экспедиція рѣшила выѣхать на уртонныхъ лошадяхъ при содѣйствіи русскаго консула.

По договору 1881 года съ Китаемъ право ѣзды въ Монголіи на уртонныхъ лошадяхъ предоставлено изъ русскихъ подданныхъ только россійскимъ консуламъ, а изъ китайскихъ подданныхъ—только китайскимъ и монгольскимъ чиновникамъ; однако на практикѣ бесплатная ѣзда по уртонамъ широко практикуется и китайскими купцами, которыхъ китайскія власти для этого безпрепятственно снабжаютъ открытыми листами.

Русскій консуль, несмотря на свое право бесплатнаго пользованія уртонными лошадьми, при своихъ поѣздкахъ по Монголіи всегда оплачиваетъ прогоны, чѣмъ монголы остаются очень довольны.

Такъ же точно и мы, при выѣздѣ изъ Улясутая на уртонныхъ, согласно указанію консула, платили за каждую станцію по 10 ланъ

(12 р.), что являлось для монголь высокоимъ заработкомъ и большимъ сюрпризомъ.

Содержаніе уртоновъ является однимъ изъ видовъ натуральной повинности, несомой монголами по требованію китайскаго правительства, поддерживаемаго распоряженіями монгольскихъ властей. Уртонная повинность раскладывается на нѣсколько семей изъ хошуна; содержаніе каждой почтовой станціи обходится населенію въ десятки тысячъ рублей. Всѣ службы уртонъ несетъ безвозмездно; для проѣзжающихъ же китайскихъ властей онъ обязанъ еще давать и содержаніе или выплачивать его серебромъ. При своихъ поѣздкахъ по Монголіи китайскіе чиновники не только широко используютъ свои права по сбору, соотвѣтственно своему чину, установленнаго обычнаго содержанія, но нерѣдко подкрѣпляютъ это право бамбуковой палкой по спинѣ монгола. Платной уртонной ѣздой часто пользуются и русскіе торговцы при сборѣ съ монголь своихъ долговъ.

Изъ Улясутая экспедиціи необходимо было выѣхать въ составѣ трехъ членовъ, двухъ переводчиковъ (Мальцева и А. П. Соболева, прошедшаго съ отрядомъ В. И. Попова съ Урги до Улясутая и здѣсь оставшагося поджидать прихода сѣверной партіи экспедиціи) и трехъ казаковъ, всего восемь человѣкъ.

Принимая во вниманіе, что у казаковъ осталось казенное имущество—сѣдла и винтовки, которыя они обязаны были сдать въ свои войсковыя части, а члены экспедиціи и переводчики имѣли личный багажъ—одежду и походные чемоданы,—выѣхать восьми человѣкамъ на уртонныхъ лошадяхъ всѣмъ вмѣстѣ оказалось весьма затруднительно въ виду отсутствія на нѣкоторыхъ уртонахъ надлежащаго количества лошадей для переѣзда.

Поэтому сѣверной части экспедиціи пришлось разбиться на двѣ партіи: первая партія выѣхала изъ Улясутая 31 августа въ составѣ двухъ членовъ экспедиціи (Фланденъ и Шкаринъ), переводчика Мальцева и казака, а вторая партія—4 сентября въ составѣ одного члена (Морозова), переводчика Соболева и двухъ казаковъ.

По выѣздѣ изъ Улясутая приходится проѣзжать мимо китайскихъ хуторовъ, фермъ, гдѣ китайцы воздѣлываютъ поля и огороды съ примѣненіемъ орошенія, для чего посредствомъ арыковъ выводятъ воду изъ рѣки Богдаинъ. Земля для культуры огородныхъ и полевыхъ растеній подготовлена весьма тщательно, встрѣчающійся повсюду возлѣ Улясутая камень-голышъ выбранъ и сложенъ въ кучи. На поляхъ воздѣлываются овесъ, пшеница, ячмень, просо; на огородахъ—капуста,

Отъ
Улясутая
до Кобдо.

картофель, морковь, буракъ, петрушка, укропъ, редисъ и пр. Какъ на поляхъ, такъ и на огородахъ вездѣ сдѣланъ рядовой посѣвъ, на которомъ борьба съ сорной растительностью ведется посредствомъ между-рядной обработки. Несмотря на то, что улясутайскія пашни находятся на высотѣ болѣе двухъ верстѣ надъ уровнемъ моря, а посѣвы усѣяны камнями, китайцы, работающіе при посредствѣ первобытныхъ земледѣльческихъ орудій, но съ любовью затрачивая массу труда на орошеніе полей и уходъ за ними,—достигаютъ здѣсь хорошихъ результатовъ. Такъ, урожай пшеницы въ 1910 году подѣ Улясутаемъ далъ до 150 пуд. на десятинѣ, а овесъ—до 200 пуд., что является хорошимъ указателемъ того, что человѣческій трудъ можетъ превозмочь всѣ неблагоприятныя условія климата и почвы. Китайскіе фермеры—не только хорошіе земледѣльцы, но и расчетливые хозяева, такъ какъ они рѣшаются на затрату массы труда по обработкѣ почвъ, посѣву, уборкѣ и уходу за пашнями только тамъ, гдѣ имѣется скорый, легкій и вполне обеспеченный сбытъ продуктовъ земледѣльческаго труда, обусловленный въ данномъ случаѣ спросомъ населенія г. Улясутая.

Гдѣ почвенныя и климатическія условія хотя и значительно благоприятнѣе для земледѣлія, но за отдаленностью транспортировки продуктовъ хозяйства къ мѣстамъ рынка сбытъ ихъ затрудненъ,—тамъ китаецъ предпочитаетъ заниматься торговлей.

Вслѣдствіе строгаго коммерческаго расчета, введеннаго китайскими земледѣльцами въ систему своего хозяйства, они сумѣли изъ отрасли земледѣлія и огородничества въ области полупустынь, при неблагоприятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, создать доходное хозяйство, основой котораго являются интенсивный трудъ и искусственное примѣненіе орошенія.

Благодаря только этимъ двумъ факторамъ поля и огороды подѣ Улясутаемъ находятся въ прекрасномъ состояніи. Многія мѣста Монголіи проѣханнаго нами района по своимъ естественно-историческимъ условіямъ далеко благоприятнѣе для земледѣлія, чѣмъ улясутайскія, и если монголы къ китайскому трудолюбію и искусству обрабатывать и орошать землю присоединятъ силу знанія и капитала, то земледѣльческій районъ въ Монголіи можетъ расшириться на десятки милліоновъ десятинъ и доставить монголамъ необходимыя средства какъ для ихъ болѣе обеспеченнаго существованія, такъ и для усиленія ихъ покупательной способности.

Отъ Улясутая до Кобдо по казенному тракту, протяженіемъ въ

600 верстъ, расположено 14 уртоновъ, на разстояніи 30—55 верстъ одинъ отъ другого.

На каждомъ уртонѣ выставлено по 11 юртъ; на уртонѣ же Алдаръ, находящемся на разъѣздѣ трехъ путей—на Улясутай, на Кобдо и на Саиръ-Усу, и на уртонѣ Аргаланту, гдѣ бываетъ встрѣча дзянь-дзюня,—имѣется по 12 юртъ.

Отъ Улясутая и вплоть до втораго уртона Борхо грунтъ дороги хотя и каменистый, но особыхъ затрудненій для экипажнаго движенія не представляетъ. За уртономъ Борхо по лѣвой сторонѣ рѣки Богдоинъ появляются огромные песчаные барханы, кое гдѣ покрытые кустарной растительностью. Правый берегъ, по которому идетъ уртонный трактъ, хотя и менѣе песчанъ, но колеса экипажа глубоко врѣзываются въ песокъ, и ѣзда становится трудной. Пески эти тянутся на сотни верстъ вплоть до озера Дурга-Нуръ, то придвигаясь къ дорогѣ, то уходя отъ нея далеко на югъ.

За уртономъ Ихызесъ (4-мъ), съ перевала Цахиръ-Даба—1,600 mtr. барханы имѣютъ видъ грандіознаго фантастическаго моря, застывшаго въ своемъ движеніи: такъ жутко схожи были эти песчанья волны, нагромоздившіяся одна на другую. Онѣ какъ бы остановились въ ожиданіи, чтобы при первой же бурѣ съ несокрушимой силой и быстротой ринуться на сосѣднія степи и отнять у человѣка еще не мало огромныхъ площадей цѣнной земли.

Очень труденъ и опасенъ переѣздъ чрезъ рѣку Дзаихынъ. Послѣдняя не имѣетъ опредѣленнаго русла, и броды на ней постоянно мѣняются. Объясненіе этому надо искать все въ тѣхъ же окружающихъ рѣку пескахъ; они сузили и занесли ея когда-то широкое и глубокое русло. Въ настоящее время рѣка имѣетъ въ мѣстѣ переправы не болѣе 50 сажень ширины и до одного аршина глубины; но такъ какъ пески, обмеливъ русло рѣки, не могли задушить совершенно движенія подпочвенныхъ водъ, то послѣднія все-таки продолжаютъ итти по прежнему руслу. И, такимъ образомъ, рѣка Дзаихынъ въ настоящее время имѣетъ два теченія—верхнее открытое и нижнее грунтовое и дно верхней рѣки составляетъ какъ бы крышу нижняго теченія. Отъ этого дно верхней рѣки часто измѣняетъ свою плотность и направленіе и является весьма опасной для переправы.

У переѣзда живутъ спеціальные монголы-проводники, хорошо изучившіе особенности ежедневно измѣняющагося теченія Дзаихына. Одинъ изъ такихъ проводниковъ ѣхалъ впереди нашего экипажа, указывая

путь, а остальные 15—по бокамъ, чтобы предотвратить могущее случиться несчастье.

Во многихъ мѣстахъ песчаные барханы нависли надъ самымъ русломъ рѣки Дзаихынъ; уцѣлѣвшія кое-гдѣ поблизости луговины свидѣтельствуютъ о томъ, что пески уже засыпали обширную луговую долину рѣки и угрожаютъ неуклонно продолжать свою работу въ этомъ направленіи и далѣе, пока рука человѣка не остановитъ ихъ мертвящаго движенія.

Наиболѣе трудный путь по Гоби приходится переѣзжать между уртонами Бога-Нуръ и Дурга-Нуръ.

Дорога здѣсь идетъ сначала по берегу озера Бога-Нуръ, но вскорѣ поднимается на переваль Элесунъ-Даба, гдѣ глазъ, куда ни взглянетъ, видитъ одни только пески сыпучіе, тяжелые, принявшіе здѣсь самыя причудливыя формы и курящіяся на отдѣльныхъ болѣе высокихъ сопкахъ. Они давятъ силой своего безплодія, наводятъ ужасъ, являясь воплощеніемъ смерти.

Было тихо до жуткости, пески заглушали всякій звукъ, какъ глушили здѣсь всякое проявленіе жизни. Песокъ былъ подъ ногами, песокъ былъ сверху, вздымаясь отъ движенія лошадей, онъ обжигалъ ноги, забирался въ легкія; колесъ въ экипажѣ не было видно: они всѣ ушли въ сухую, горячую массу. Лошади надрывались, люди изнемогали.

Съ помощью веревокъ, монголы пристроили къ экипажу нѣсколько паръ запасныхъ лошадей, и тѣ, понукаемыя крикомъ, свистомъ, побоями кое-какъ вытянули насъ на дорогу. Переѣздъ въ восемь верстъ былъ сдѣланъ за $3\frac{1}{2}$ часа, тогда какъ такое разстояніе мы совершали обыкновенно въ 30—40 минутъ.

Песчаные барханы составляютъ берегъ огромнаго озера Дурга-Нуръ, верстъ двадцать ширины, въ длину же его и конца не видно. На юго-восточномъ берегу озера, въ камышахъ, расположенъ уртонъ, дорога къ которому идетъ на протяженіи 20 верстъ по протянувшейся по берегу озера дамбѣ—искусственной или естественной—трудно сказать.

Передъ послѣднимъ уртономъ, Хара-Усу, приходится переваливать черезъ горный хребетъ въ 2,140 mtr., спустившись съ котораго дорога идетъ по склону, сплошь усѣянному камнями. Для насъ этотъ путь затруднялся наступавшей темнотой вечера. Съ перевала монголы пустили лошадей вскачь, не придерживаясь, какъ и всегда, дороги: огромные камни, луговья кочки, чіевые кусты, болота, вода—ничто не служило препятствіемъ отчаянной ѣздѣ. Приходилось постоянно

хвататься за края экипажа и, приподымаясь, держаться на мускулахъ, чтобы не быть выброшеннымъ, и, приѣхавъ на станцію, мы чувствовали себя совершенно разбитыми.

Уртонъ расположенъ на берегу поросшаго камышомъ огромнаго озера Хара-Усу; въ камышахъ водится масса водяной птицы, тысячными стаями покрывающей озеро.

10 сентября, подъѣзжая къ Кобдо, мы встрѣтили оригинальный караванъ: 15 верблюдовъ шли нагруженные по два гроба каждый; послѣдніе были укрѣплены стоймя, по обѣ стороны спины животнаго. На нашъ вопросъ, что означало это печальное шествіе, переводчикъ сообщилъ, что это повезли въ Китай останки нѣкогда умершихъ здѣсь китайцевъ. По вѣрованіямъ китайцевъ, каждый изъ нихъ долженъ быть похороненнымъ тамъ, гдѣ родился, поэтому прахъ умершаго на чужбинѣ остается тамъ заколоченнымъ въ гробу, но не погребеннымъ до тѣхъ поръ, пока родственники не найдутъ случая перевезти его на родину. Такъ какъ такая перевозка обходится дорого, то рѣдко совершается въ отдѣльности: обыкновенно нѣсколько семей нанимаютъ одинъ общій караванъ, который и перевозитъ гробы съ останками ихъ родственниковъ. Видѣнная нами картина и была однимъ изъ такихъ далекихъ путешествій. Къ сожалѣнію, за позднимъ временемъ нельзя было запечатлѣть ее на фотографіи.

Кобдо.

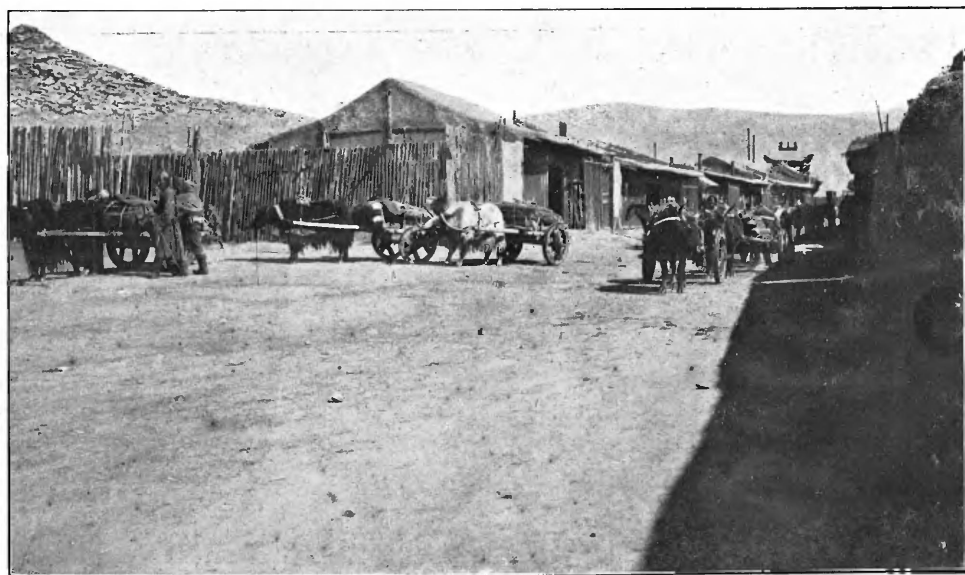
Кобдо расположенъ въ долинѣ, при рѣкѣ Буянту, впадающей въ озеро Хара-Усу. Среди окружающихъ его голыхъ скалъ, городъ производитъ отрадное впечатлѣніе благодаря имѣющейся въ немъ древесной растительности.

Остановиться намъ здѣсь пришлось у бійскаго купца Н. И. Ассанова, и при вѣздѣ въ его дворъ, мы встрѣтили отправляющихся на Кошъ-Агачъ нашихъ товарищей: Шкарина, Фландена и Мальцева, на пять дней ранѣе насъ уѣхавшихъ изъ Улясутая. Въ ожиданіи уртонныхъ лошадей, мы должны были пробыть въ Кобдо четверо сутокъ, каковое время было употреблено нами на посѣщеніе русскихъ и китайскихъ торговыхъ фирмъ.

Изъ русскихъ наиболѣе крупными являются здѣсь фирмы Ассанова и Кузнецова, послѣдняя одна изъ старѣйшихъ въ Кобдо, затѣмъ Грѣховъ, Корольковъ, Гутбецаль, Кузьминъ. Формы торговли и положеніе русскаго купечества напоминаютъ здѣсь во многомъ таковыя же въ Улясутаѣ. Китайскихъ фирмъ насчитывается 35 крупныхъ и до 30 мелкихъ.

Стадо яковъ подъ г. Улясугаемъ.

Яки въ запряжкѣ въ г. Улясугаѣ.

Китайскіе поливные огороды и пашни подъ г. Кобдо.

Монгольскія пашни подъ г. Кобдо. Съемка пшеницы.

Всѣ китайскія фирмы скупаютъ шерсть, перепродаваемую здѣсь же русскимъ торговцамъ (главнымъ образомъ, Ассанову), а кромѣ того пушнину, скотъ, конскіе хвосты и маральи рога. Послѣдніе приобрѣтаются у русскихъ промышленниковъ, привозящихъ панты изъ Алтая и Усинскаго края, и отправляются китайцами въ Калганъ, Куку-Хото, южные города Китая, какъ Нанси и др.

Самая крупная китайская фирма въ Кобдо, называемая монголами Та-шенъ-фу, не только занимается скупкой сырья въ широкихъ размѣрахъ, но и ведетъ здѣсь банковскія операціи и торговлю чаемъ.

Чай съ давнихъ временъ былъ основнымъ продуктомъ питанія монголъ. Причина этому лежитъ въ естественно-историческихъ и бытовыхъ условіяхъ страны, при которыхъ населеніе весь свой хозяйственный строй базировала на скотоводствѣ. Почвенныя же и климатическія условія и степной характеръ мѣстности не благопріятствовали широкому заготовленію сѣна для зимняго прокормленія скота, а за слабымъ развитіемъ здѣсь земледѣлія монгольское хозяйство не могло предоставить ему и грубыхъ остатковъ отъ полевого хозяйства, какъ половы и мякины. Поэтому скотъ, находясь всю зиму на подножномъ корму, подвергался громадному риску убыли отъ случайностей зимней погоды. Первая гололедица создавала въ странѣ голодовки, и въ теченіи нѣсколькихъ дней погибали громадныя стада скота, а богатые стадовладѣльцы превращались въ бѣдняковъ.

Когда въ силу указанныхъ условій исчезалъ факторъ, служившій основой питанія монгольскихъ народныхъ массъ, то населеніе, лишенное въ своемъ хозяйствѣ другихъ какихъ-либо пищевыхъ продуктовъ, должно было обращаться къ суррогатамъ пищи. При суровыхъ же условіяхъ здѣшней зимы и при бѣдности населенія, пища его должна быть дешевой и приниматься въ горячемъ видѣ, чтобы возмѣстить потери тепла организма отъ голода и холода. Такимъ пищевымъ средствомъ и явился чай. Онъ былъ сравнительно дешевъ и въ то же время давалъ суррогатъ горячей пищи.

Такъ надо объяснить широкое распространеніе китайскаго чая среди массъ монгольскаго населенія и то, что чай явился основой питанія этихъ массъ. А то обстоятельство, что китайцы, производя въ своей странѣ чай, сумѣли распространить его среди монгольскаго населенія и сдѣлаться монополистами по снабженію чаемъ всей Монголіи — ставило ихъ здѣсь всегда въ выгодное положеніе противъ торговцевъ другихъ національностей. Торговля китайцевъ въ Монголіи чаемъ, а впослѣдствіи и дешевой американской мануфактурой-далем-

бой создавала для нихъ выгодную позицію предъ русскими купцами, торговавшими дорогой мануфактурой и тѣмъ же чаемъ, но уже изъ китайскихъ рукъ. Въ этомъ крылась одна изъ причинъ слабости русской торговли въ Монголіи и силы китайской. Китайцы всегда могли дешевле доставлять чай и пришедшуюся по вкусу монголамъ далимбу, взаменъ чего получали отъ монголовъ главнѣйшіе продукты ихъ скотоводческаго хозяйства и охоты: скоть, шерсть и сурокъ. Это создавало вторую сторону слабости русской торговли. Стало быть, существеннѣйшими моментами, составляющими основу успѣха торговли въ Монголіи, являются сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ чая, дешевой мануфактуры и сырья.

Кирпичъ чая въ Монголіи съ давнихъ временъ и до сихъ поръ еще служитъ денежнымъ знакомъ, курсъ котораго всегда былъ высокій и доходилъ иногда до 1 р. 50 к. за кирпичъ; и только когда Русско-Китайскій банкъ въ Ургѣ, закупивъ огромную партію чая на мѣстѣ производства въ Китаѣ, направилъ его въ Монголію, курсовая цѣна чая сразу понизилась до 50 коп.

Этотъ случай показываетъ, что какъ ни слаба позиція русской торговли въ Монголіи, но она не безнадежна, и ее всегда можно сильно укрѣпить, разъ только направить энергію торговой дѣятельности на защиту русской торговли. Что надо предпринять къ укрѣпленію здѣсь нашей торговой политики, видно изъ вышеизложеннаго, а именно: русская торговля должна сорганизоваться и взять въ свои руки снабженіе Монголіи основнымъ продуктомъ его потребленія—чаемъ, закупки котораго необходимо производить въ Китаѣ, быть - можетъ, даже у русскихъ чайныхъ фирмъ. Если въ русскихъ рукахъ окажется дешевый чай, то въ ихъ же руки по дешевой цѣнѣ станетъ поступать и дорогое монгольское сырье, въ чемъ и состоитъ рѣшеніе одной изъ главныхъ задачъ современнаго монгольскаго торговаго вопроса.

Болѣе трудно указать способъ рѣшенія другой стороны вопроса русско-монгольской торговли: это — измѣнить въ благопріятную для русскихъ купцовъ сторону конкурентную борьбу мануфактурныхъ товаровъ на рынкѣ Монголіи. Извѣстно, что по своей доброкачественности русская мануфактура въ Монголіи пользуется славой самой высокой марки; стало-быть, съ этой стороны наши шансы высоки; и если въ Монголіи американская и японская мануфактура имѣетъ по сравненію съ русской большее распространеніе, то не за качество свое, а за дешевизну. На сколько высоко китайцы и монголы цѣнятъ по качеству русскую мануфактуру, это показываетъ всюду извѣстное въ

Монголіи и Китаѣ слово „Морозовскій товаръ“, произносимое по-русски китайцами и монголами всякій разъ, когда они желаютъ высказать чему-нибудь наивысшую похвалу. Такъ, напримѣръ, монголь, трепля лучшую лошадь своего стада по шеѣ, говоритъ: „Морозовскій товаръ!“ Китайскій купецъ, показывая лучший сортъ чесучи, говоритъ — „Морозовскій товаръ“...

Для русскаго правительства вопросъ удешевленія русской мануфактуры въ Монголіи не можетъ оставаться безразличнымъ, ибо отъ него зависитъ сила и устойчивость нашей позиціи въ Монголіи, не только торговой, но и политико-экономической, что при огромной пограничной линіи Россіи съ Монголіей (до 4 тыс. верстъ) не можетъ считаться вопросомъ второстепеннымъ.

Китайскія фирмы въ Кобдо въ большинствѣ случаевъ только отдѣленія крупныхъ фирмъ, ведущихъ торговлю въ Ургѣ, Улясутаѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ Китая и Монголіи. Поэтому торговые приемы этихъ фирмъ, направленные ко всяческой эксплуатаціи и закабаленію монголь, здѣсь остаются тѣми же, какъ и повсюду въ этой странѣ. Этому особенно способствуетъ практикуемая у китайцевъ система постоянного перемѣщенія своихъ торговыхъ агентовъ изъ одного отдѣленія въ другое.

Своимъ успѣхомъ китайскія банкирскія и торговыя фирмы въ значительной мѣрѣ обязаны широкому содѣйствию китайской администраціи, находящейся у мѣстнаго купечества на жалованьи. Китайскіе чиновники получаютъ ничтожное казенное вознагражденіе, а живутъ всѣ широко, почему и восполняютъ свой бюджетъ изъ средствъ поддерживаемаго ими въ свою очередь китайскаго купечества.

Такъ, по сообщенію представителя средней китайской фирмы въ Кобдо, эта фирма ежегодно платитъ мѣстному амбаню 15 бѣлокъ, 2 рыси, 1 волка, 15 овечьихъ мерлушекъ и 2 лисицы или, переводя на деньги, всего до 100 рублей. Крупныя же фирмы, какъ Та-шен-фу, платятъ до двухъ тысячъ въ годъ содержаніемъ и одеждой.

При такомъ тѣсномъ сообщничествѣ китайскихъ властей и купечества, послѣднее не имѣетъ никакихъ препятствій къ широкому проявленію творчества своего торговаго генія, и обставляетъ свою профессию такъ, что она при всякихъ потрясеніяхъ хозяйственной жизни монголь приноситъ китайцу выгоды, а монголу, даже при самой благопріятной конъюнктурѣ рынка, одни убытки.

Такъ, когда сырье дешево, монголь принужденъ отдать его въ большомъ количествѣ китайцу въ уплату своихъ долговъ. Когда цѣны

на сырье повышаются, а сырья у монгола не хватаетъ, то ему самому приходится добывать его дорого на сторонѣ въ уплату кредита, заданнаго китайцемъ подъ это сырье, съ пониженіемъ оцѣнки послѣдняго на 50%.

Естественно, что при такой системѣ монголь никогда не выходитъ изъ долговъ и постоянно остается въ экономическомъ рабствѣ у китайскаго купца.

Безпросвѣтному гнету долговой зависимости монгола къ тому же способствуетъ и строй его хозяйства, который при первобытной пастушеской системѣ не обеспечиваетъ равновѣсія бюджета монгола, въ большинствѣ случаевъ заключаемаго съ убыткомъ.

И. М. Морозовъ.

Монголія.

1. Краткій географическій очеркъ.

Не беру на себя смѣлости приступить къ составленію спеціальнаго географическаго описанія Монголіи по недостатку вполнѣ законченнаго спеціально научнаго ея изученія, тѣмъ не менѣе хотѣлъ бы хотя нѣсколько обобщить свои личныя наблюденія и набросать въ видѣ схемы краткій географическій очеркъ, по скольку эта схема мнѣ обрисовалась при моемъ путешествіи вдоль хребтовъ Ханъ-Хухея, Хангая и Кентея.

Границы: Страна, населенная монголами, говорящими на одномъ языкѣ, имѣющими одну письменность, исповѣдывающими одну религію, находящимися на одномъ уровнѣ культурно-экономическаго развитія, имѣющими одну общую исторію и сходную современную политическую организацію,—занимаетъ значительную сѣверную часть центрально-азиатскаго плоскогорья. Она ограничена горными системами: Саянъ, Алтай, Хингана. Въ тѣсномъ смыслѣ границами Монголіи слѣдовало бы признать на западѣ хребетъ Сайлюгемскій, на юго-западѣ—хребетъ Монгольскій-Алтай, на сѣверѣ—хребты Танну-ола и Хамаръ-Дабанъ, на востокѣ—хребетъ Хинганскій и на югѣ—великую Китайскую стѣну.

Орографія. Представляя собою, какъ сказано выше, высокое плоскогорье (мѣстами до 5.000 фут. надъ уровнемъ океана). Монголія пересѣкается горною системою, до сихъ поръ спеціально еще не обследованной и потому не имѣющей еще общаго стройнаго описанія.

По скольку я могу судить, по личному опыту двухъ путешествій, внутренняя монгольская (назовемъ ее хотя бы такъ) горная система имѣетъ свой узелъ приблизительно въ окрестностяхъ г. Улясутая, рѣзко обозначающійся вершинами, съ вѣчными снѣгами, подъ общимъ названіемъ Богдо-Очиръ-Ванъ.

Отъ этого горнаго узла горная система развѣтвляется: на сѣверо-западъ—хребтомъ Ханъ-Хухей, на сѣверо-востокъ—хребтомъ Хангай и на востокъ—хребтомъ Кентей.

Ханъ-Хухей представляетъ собою хребетъ шириною около ста верстъ, протяженіемъ до 500 верстъ, рѣзко очерченнымъ, при незначительной относительной средней высотѣ, покрытъ лѣснымъ покровомъ, служитъ водораздѣломъ между системами озера Убса-норъ и озеръ Кобдосскихъ. Наивысшія отдѣльныя вершины этого хребта, повидимому, находятся къ югу отъ озера Убса-норъ, гдѣ имѣются вершины съ вѣчными снѣгами.

Хангай *), составляя водораздѣлъ между системами р. Тесинъ-голь и р. Селенги, въ самомъ своемъ началѣ довольно опредѣленно обозначенъ съ сѣвернымъ склономъ, покрытымъ лѣсомъ, и южнымъ—степнымъ, но затѣмъ постепенно теряетъ характеръ строго очерченнаго хребта, превращаясь въ горное плоскогорье. Судя по первоначальнымъ бѣглымъ впечатлѣніямъ, эта часть горнаго хребта, подвергаясь сильному вліянію сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, со значительнымъ количествомъ влаги, очень серьезно подверглась разрушенію, и мѣстами нынѣ остались лишь только слѣды бывшаго хребта, въ видѣ колоссальныхъ камней-скаль, имѣющихъ разнообразныя очертанія. Общее протяженіе хребта Хангай свыше 400 верстъ, шириною онъ около 100 верстъ.

Кентей. Направляясь сначала почти строго на востокъ, очень высокимъ, мало доступнымъ, съ пятнами вѣчныхъ снѣговъ, хребетъ Кентей составляетъ водораздѣлъ внутренняго бассейна Кобдосскихъ озеръ и системы рѣки Селенги. Пройдя свыше тысячи верстъ въ восточномъ направленіи и отграничивъ систему р. Селенги отъ пустыни Гоби, Кентей измѣняетъ свое направленіе на сѣверо-восточное.

Обширная горная система Внутренно-Монгольская, широко раскинувъ свои многостепенные отроги, заполняетъ почти все монгольское плоскогорье, превращая его въ горную страну.

Гидрографія. Воды Монголіи можно бы подраздѣлить на три главнѣйшія системы: р. Селенги, озера Убса-норъ и группы Кобдосскихъ озеръ.

Система р. Селенги. Рѣка Селенга, можно считать, имѣетъ три

*) На нашихъ географическихъ картахъ Хангаемъ называется собственно горный узелъ около Улясутая съ его развѣтвленіями на западъ, востокъ и сѣверъ, но такъ какъ по нѣкоторымъ источникамъ и объясненію монголь Хангаемъ называется горная область, водораздѣльная между Селенгой и Темги, то я позволяю себѣ намѣтить болѣе опредѣленную схему монгольской горной системы.

истока: Эдринъ-голь, Тельгиръ-муринъ и Игинъ-голь. Который изъ нихъ слѣдуетъ признать главнѣйшимъ и которые—притоками,—вопросъ приходится оставить открытымъ до спеціальнаго изученія. Но рѣка Эдринъ-голь беретъ начало почти въ центрѣ Монгольской горной системы, изъ группы горныхъ вершинъ Богдо-Очиръ-Ванъ, и потому я бы считалъ больше основанийъ признать именно этотъ истокъ началомъ р. Селенги. Рѣка Тельгиръ-муринъ беретъ начало въ горныхъ вершинахъ Алтынъ-нуро, находящихся въ системѣ горнаго хребта Танну-ола; Тельгиръ-муринъ, протекая съ сѣвера въ юго-восточномъ направленіи, впадаетъ въ р. Селенгу слѣва. Рѣка Игинъ-голь выходитъ довольно широкимъ (около 10—15 сажень) истокомъ изъ самага южнаго залива озера Косоголь, направляется прямо на югъ и, принявъ нѣсколько довольно крупныхъ притоковъ слѣва, несущихъ собою воды съ отроговъ Хамаръ-Дабана, впадаетъ въ р. Селенгу тоже слѣва.

Изъ правыхъ притоковъ р. Селенги слѣдуетъ признать главнѣйшимъ р. Орхонъ. Если бы были строго научныя данныя для опредѣленія схемы водныхъ системъ, то можно было бы выдвинуть вопросъ: что считать основаніемъ водной системы: рѣку ли Селенгу, въ ея Монгольской части, или рѣку Орхонъ? Но такъ какъ до сихъ поръ рѣшеніе вопросовъ о составныхъ частяхъ рѣчныхъ системъ очень часто базируется на мѣстныхъ названіяхъ и преданіяхъ, а строго научнаго изученія верхней системы р. Селенги еще не было, то и мы будемъ считать р. Орхонъ правымъ притокомъ р. Селенги. Беря начало въ западной, наиболѣе неприступной части хребта Кентей, рѣка Орхонъ имѣетъ общее направленіе на сѣверъ и течетъ на протяженіи почти 700 верстъ, захватывая въ свою систему значительную часть сѣверной Монголіи (свыше 500 верстъ въ ширинѣ). Наиболѣе крупными притоками Орхона слѣдуетъ признать: съ правой стороны—рѣки Толу и Иро и съ лѣвой стороны—р. Тамыръ-Голь. Каждый изъ этихъ притоковъ р. Орхона, имѣя свою обширную систему притоковъ, представляетъ собою рѣки, пожалуй, даже удобныя для легкаго пароходства и, во всякомъ случаѣ, вполне удобныя для сплава. Вторымъ значительнымъ правымъ притокомъ р. Селенги слѣдуетъ отмѣтить рѣку Чилоту, съ довольно широкою системою притоковъ, берущихъ начало въ горномъ узлѣ.

Система озера Убса-Норъ. Озеро Убса-Норъ, длиною около 100 вер. и шириною около 75 верстъ, имѣетъ горько-соленую воду, совершенно негодную для питья. Подвергаясь вліянію знойныхъ лучей монгольскаго солнца, Убса-Норъ съ безсомнѣнною очевидностью постепенно усы-

хаеть, и потому слѣдовало бы считать, что въ настоящемъ видѣ оно представляетъ собою лишь остатокъ бывшаго здѣсь довольно крупнаго внутренняго моря.

Убса-Норъ принималъ въ себя, очевидно, довольно много рѣчекъ, но, къ сожалѣнію, съ каждымъ годомъ рѣки эти мелѣли, а мѣстами превратились уже въ ручьи, а иногда только въ сухія русла бывшихъ рѣкъ; лишь колоссальные валуны, — камни, наполняющіе сухія русла бывшихъ рѣкъ, — свидѣтельствуютъ, что здѣсь когда-то текли бурные многоводные потоки. Среди оставшихся рѣчекъ, впадающихъ въ Убса-Норъ, нѣкоторыя не доносятъ своихъ водъ до озера, имѣя въ своихъ верховьяхъ проточную воду, при устьѣ уже представляютъ сухія долины, съ обозначенными сухими руслами рѣчекъ, и только одна, наиболѣе крупная, — протянувшаяся почти на 1,000 верстъ, — система рѣки *Тесинъ-Голь*, приноситъ озеру Убса-Норъ свои воды въ значительномъ количествѣ. Рѣка *Тесинъ-Голь* беретъ начало въ хребтѣ Хангаѣ, близъ озера Сангинъ-Далая, и течетъ на западъ, сѣверо-западъ и снова на западъ, — сначала въ горной долинѣ, а затѣмъ — въ равнинѣ. Тесинъ-голь принимаетъ въ себя очень много притоковъ, берущихъ свое начало въ хребтахъ Танну-Ола, Хангая и Ханъ-Хухея. Наиболѣе многоводные изъ нихъ тѣ, которые берутъ свое начало въ хребтѣ Танну-Ола. Изъ этихъ притоковъ можно отмѣтить нѣсколько наиболѣе крупныхъ: Шавыръ-Голь, Дзайгаль, Хациге-Голь, Эрсынъ-Голь. Еще слѣдуетъ отмѣтить довольно замѣтный притокъ озера Убса-Норъ — Нарынъ-Голь.

Система Кобдосскихъ озеръ. Къ этой системѣ можно бы отнести озера: Киргизъ-Норъ, Айрыкъ-Норъ, Дурга-Норъ и Кара-Усу. Всѣ эти озера, можно думать, представляли одинъ бассейнъ. Нынѣ Айрыкъ-Норъ принимаетъ довольно крупную рѣку Дзайхынъ-Голь, принимающую въ себя довольно многоводную систему рѣчекъ, берущихъ свое начало въ горномъ узлѣ монгольской горной системы. Въ систему Кобдосскихъ озеръ впадаетъ довольно многоводная рѣка Кобдо, берущая свое начало въ основномъ горномъ узлѣ алтайской горной системы и принимающая многочисленные притоки съ монгольскаго Алтая.

Система рѣки Керуленъ, берущей свое начало въ хребтѣ Кентеѣ и протекающей по восточной Монголіи, принадлежитъ къ бассейну уже Великаго океана.

Изъ перечисленныхъ водныхъ системъ весьма естественно придать наибольшее значеніе системѣ рѣки Селенги, какъ наиболѣе многоводной, захватывающей собою значительную часть всей страны, и при

извѣстномъ уровнѣ техники и культуры, могущей служить путями сообщенія. Съ этой точки зрѣнія обращаетъ на себя вниманіе сама рѣка Селенга со своимъ главнымъ притокомъ Эдринъ-Голь и притоки Орхонъ и Игинъ-Голь. Специальнаго изученія въ смыслѣ пригодности этихъ рѣкъ, какъ водныхъ путей, еще не было, но, судя по характеру своихъ фарватеровъ и количеству воды, можно бы допустить возможность мелкаго судоходства по этимъ рѣкамъ, сплавное же судоходство возможно по рѣкамъ: Эдринъ-Голь, Тельгиръ-Муринъ, Орхону, Тамыръ-Голу, Толъ и Иро. Вѣроятно, возможно пользоваться сплавомъ и по рѣкѣ Тесинъ-Голь.

2. Раздѣленіе Монголіи на географическіе районы.

Очеркъ орографіи и гидрографіи Монголіи даетъ намъ нѣкоторое право подраздѣлить Монголію на слѣдующіе районы: Сѣверную Монголію, Гоби, Юго-восточную Монголію.

Сѣверная Монголія орошается водными системами Селенги, Убсаноръ и Кобдосскихъ озеръ, даетъ намъ основаніе надѣяться на дальнѣйшее культурное развитіе страны какъ по строенію почвы, количеству влаги и тепла, такъ и по растительному покрову. Она сравнительно густо заселена, включая въ себя 87 хошуновъ Халхи и 15 хошуновъ кобдосскихъ монголовъ.

Гоби, протяженіемъ до 500—700 верстъ по долготѣ и до 2,000 вер. по широтѣ, — безводная степь, покрытая крупно-зернистымъ пескомъ и камнемъ, при крайней бѣдности влаги, въ видѣ очень рѣдкихъ ключей, ручейковъ и колодцевъ, очень рѣдко населена кочевниками и, судя какъ по почвеннымъ даннымъ, такъ и по своему верхнему растительному покрову и количеству влаги, едва ли даетъ какія-либо надежды на культурное развитіе страны.

Юго-восточная Монголія, примыкающая собственно къ Китаю, населенная племенами внутреннихъ монголь, орошена системами водъ восточной покатости къ Великому океану; она уже въ настоящее время довольно густо заселена китайцами, превращающими постепенно монгольскія кочевья въ культурныя разработанныя площади колонизаторовъ.

Климатъ Монголіи можно бы назвать вполне континентальнымъ. При сравнительно незначительномъ количествѣ осадковъ, зимы—малоснѣжныя, но очень холодныя, съ сильными вѣтрами; весна—короткая и холодная; лѣто, начинающееся уже съ конца мая, до сентября очень

жаркое, особенно въ іюнѣ, іюлѣ и половинѣ августа; днемъ жара достигаетъ при полномъ безвѣтріи до 40—45° R.; жара начинается уже съ 8¹/₂—9 час. утра и продолжается до 6—6¹/₂ час. вечера; но уже съ 6 часовъ удушливая жара спадаетъ, и температура быстро опускается, а съ закатомъ солнца становится настолько холодно, что иногда приходится одѣваться очень тепло. Часто бываетъ, что къ утру нелишнимъ костюмомъ будетъ шуба.

Дождей выпадаетъ временами довольно значительное количество, но наступаютъ періоды засушливые, и тогда вся растительность стограетъ подъ палящими лучами солнца. Осень—лучшее время года, такъ какъ дождей бываетъ очень мало, температура воздуха сильно падаетъ, но большихъ холодовъ еще нѣтъ. Только въ горахъ уже въ концѣ августа выпадаетъ снѣгъ, но, пролежавъ дня два—три, стаиваетъ. Въ сентябрѣ въ горныхъ районахъ выпадаютъ довольно частенько снѣга, хотя тоже быстро стаиваютъ. Зима начинается приблизительно въ началѣ октября.

Лѣса. Лѣсовъ, въ томъ значеніи, какъ мы, европейцы, привыкли понимать, собственно въ Монголіи почти нѣтъ. Больше лѣсныхъ площадей встрѣчается въ системѣ р. Селенги. Здѣсь иногда еще встрѣчаются болѣе или менѣе порядочныя площади лѣса, но всегда только по преимуществу на сѣверныхъ скатахъ горъ, какъ и во всей Монголіи. Въ верховьяхъ рѣкъ Толы, Орхона, Тамыра лѣсъ встрѣчается очень рѣдко; иногда на сотни верстъ люди не имѣютъ древеснаго топлива, по южную же сторону Кентея лѣсовъ почти совершенно нѣтъ. Довольно значительныя площади лѣсовъ покрываютъ хребетъ Хань-Хухей, но уже къ югу отъ него окрестности озеръ Киргизь-Норъ, Айрыкъ-Норъ совершенно не имѣютъ лѣсной растительности, а мѣстами на сотни верстъ раскинулись сыпучіе пески.

3. Населеніе.

Распредѣленіе населенія по странѣ. Описанныя краткія географическія условія и культурный уровень населенія (скотоводы-кочевники) уже опредѣляютъ собою распредѣленіе населенія по странѣ. Въ лѣтній періодъ, когда человѣку и домашнимъ животнымъ необходимо много влаги, населеніе сосредоточивается ближе къ рѣкамъ и прѣснымъ озерамъ. Широкія долины съ очень тучною растительностью представляютъ собою весьма удобныя пастбища, и поэтому почти каждая рѣка усѣяна сотнями юртъ и тысячами головъ скота; лишь въ рѣдкихъ

случаяхъ, по преимуществу когда служебныя условія (почтовые станціи, караулы и т. д.) заставляютъ монгола кочевать далеко отъ рѣкъ, юрты монголовъ тѣснятъ гдѣ-нибудь около колодцевъ, ручьевъ или ключей. Съ наступленіемъ глухой осени, когда въ горахъ выпадаютъ снѣга, а въ долинахъ пастбища уже становятся плохими, монголы уходятъ отъ рѣкъ на десятки верстъ—въ водораздѣльныя возвышенности, представляющія собою нерѣдко степныя плоскогорья и потому хорошія пастбища, съ очень слабымъ снѣжнымъ покровомъ, а мѣстами и совершенно обнаженныя отъ снѣга. Юрты раскидываются гдѣ-нибудь въ ущельяхъ горъ, закрытыхъ отъ господствующихъ вѣтровъ. Вода берется изъ ключей, или собирается снѣгъ и оттаивается; скотъ пасется по плоскогорьямъ.

Такимъ образомъ, населеніе лѣтомъ живетъ болѣе сосредоточенно и легко наблюдаемо, зимою раскидано по ущельямъ, въ безводныхъ горныхъ степяхъ, — часто отдѣльными юртами, на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, и потому трудно его отыскать.

Изъ сказаннаго можно до извѣстной степени заключить, что наиболѣе густо населена Монголія въ системахъ рѣкъ Селенги, Орхона, Толы, Тамыра, Иро, Игинъ-Гола, Тельгиръ-Мурина, Тесинъ-Гола, Чилоту, Дзапхынъ-Гола и Кобдо. Прочія области Монголіи, не захваченныя системами рѣкъ, сравнительно мало населены, а иногда и совершенно пустынно.

Племенной составъ населенія. Какъ уже выше было мною сказано, въ общемъ населеніе всей Монголіи составляетъ одно племя, говорящее на одномъ языкѣ, но въ своихъ отгѣнкахъ можетъ быть раздѣлено на три главнѣйшія группы: халхасцы, внутренніе монголы и дурбеты (калмыки). Въ разговорной рѣчи эти группы нѣсколько отличаются другъ отъ друга, а иногда настолько сильно, что съ трудомъ понимаютъ другъ-друга, но письменность — одна у всѣхъ.

Халхасцы живутъ по системамъ рѣкъ Селенги и Керулена, верховьямъ рѣкъ Тесинъ-Гола и Дзапхынъ-Гола и отчасти заходятъ въ сѣверную часть Гоби. Внутренніе монголы кочуютъ южнѣе Гоби; монгольскіе калмыки (дурбеты, улеты) кочуютъ по нижнему теченію рѣки Тесинъ-Голь, хребту Ханъ-Хухею, по системамъ озера Убса-Норъ и Кобдосскихъ озеръ.

Бытъ монгола. Монголія по преимуществу страна кочевниковъ-скотоводовъ. Каждый монголъ имѣетъ хотя бы нѣсколько головъ овецъ, рогатаго скота, лошадей. Самыя бѣднѣйшія юрты имѣютъ десятокъ—два овецъ, двухъ—трехъ коровъ, одну—двѣ лошади. По мѣрѣ

увеличенія количества скота соразмѣрно увеличивается и благосостояніе монгола. Средняго достатка семья монгола имѣетъ сотню—полторы овецъ, десятка два—три рогатаго скота и столько же лошадей. Такимъ образомъ основою благосостоянія монгола является скотоводство.

Исходя изъ этого, и бытъ монгола складывается въ зависимости отъ условій, удовлетворяющихъ скотоводческому хозяйству. Такъ какъ скоть круглый годъ питается подножнымъ кормомъ на пастбищахъ, то и жить осѣдло, постоянно на одномъ мѣстѣ, монголу нельзя: ему необходимо время-отъ-времени переходить съ одного пастбища на другое. Поэтому жилище монгола представляетъ собою юрту, состоящую изъ легкаго деревяннаго остова, покрытаго кошмами. Такое жилище легко снимается, укладывается на вьюкъ, перевозится и снова раскладывается очень быстро. Домашняя утварь монгола тоже весьма несложная: нѣсколько предметовъ для приготовления пищи, сбора молока и молочныхъ продуктовъ и весьма несложные костюмы и постель. Весь „домъ“ средняго монгола поднимается на двухъ—трехъ верблюдахъ или быкахъ.

Каждая семья имѣетъ свою собственную юрту; семейные сыновья немедленно же заводятъ собственную юрту. По обычаю, юрта ставится отцомъ невѣсты, а женихъ въ свою очередь платитъ отцу невѣсты „калымъ“ деньгами или скотомъ. Въ большинствѣ случаевъ семейные сыновья кочуютъ вмѣстѣ съ отцомъ, а иногда присоединяются и родственники, и такимъ образомъ составляется кочующій поселокъ изъ пяти, даже десяти юртъ, называемый „аиломъ“.

Главнымъ занятіемъ монголовъ является сохраненіе своихъ стадъ; однако эту роль у богатыхъ монголовъ обычно выполняютъ наемные пастухи-бѣдняки, пасущіе попутно и свои небольшія стада; у болѣе мелкихъ хозяевъ скоть пасется безъ пастуховъ и только временами наблюдается кѣмъ-нибудь изъ мужчинъ. Овцы обычно пасутся мальчишками или стариками. Взрослые мужчины занимаются охотою за тарбаганами (сурокъ), нѣкоторые занимаются перевозкою тяжестей, нанимаясь у купцовъ. Болѣе же зажиточные обычно сами никакихъ работъ не исполняютъ, а бражничаютъ съ такими же зажиточными сосѣдями. Какъ общую черту, отмѣтимъ, что всякая работа мужчиною-монголомъ исполняется медленно, лѣниво; если монголы собрались въ какую-нибудь юрту, то начинаются безконечные разговоры, затягивающіеся на нѣсколько часовъ, а если при этомъ рассказываются какія-нибудь новости, то всякая работа бросается, и день проходитъ безъ всякаго

полезного труда. Вообще взрослый мужчина въ Монголіи меньше всѣхъ работаетъ, но зато взрослая, а особенно замужняя женщина — вѣчная и неутомимая работница. Уходъ за скотомъ, доеніе овецъ, коровъ, кобылъ, скопленіе молока, переработка молочныхъ скоповъ, приготовленіе пищи, шитье костюмовъ, досмотръ за дѣтьми,—все это лежитъ на женщинѣ, и потому время ея занято до послѣдней минуты. За два путешествія мнѣ не приходилось встрѣчать взрослую женщину, праздно сидящую, безъ какого-нибудь занятія. Старики и подростки заняты охраненіемъ мелкаго скота: овецъ и телятъ. Безъ всякаго занятія лишь только самая мелюзга, въ возрастѣ до пяти—семи^л лѣтъ; обычно совершенно голые, они даже въ холодные осенніе дни бѣгаютъ вокругъ юрты.

Нужно замѣтить ярко отличительную черту у монголовъ: они очень любятъ своихъ дѣтей, и рѣдко-рѣдко монголь пройдетъ мимо своего ребенка, не приласкавъ его.

Бюджетъ монгола составляется отъ продажи скота, снятой шерсти овецъ и верблюдовъ, отъ продажи овчинъ, коровьихъ и лошадиныхъ шкуръ, тарбаганьихъ шкурокъ и сравнительно рѣдкимъ заработкомъ по перевозкѣ тяжестей.

Пища монгола главнымъ образомъ состоитъ изъ чая (кирпичнаго) съ молокомъ, солью и саломъ или масломъ, вмѣсто хлѣба у большинства—сушеное квашеное овечье молоко (нѣчто въ родѣ сыра), мясомъ питаются только въ исключительныхъ случаяхъ, на примѣръ, послѣ добычи тарбагана или если случайно продана овца (остатки отъ зарѣзаннаго барана обычно являются добычею хозяина-монгола). Специально для себя монголь рѣжетъ барана только въ особо торжественныхъ случаяхъ: пріѣзда важныхъ гостей, лучшихъ друзей, семейныхъ праздниковъ и пр.

Одежда монгола весьма несложная: рубаха и штаны изъ простой дешевой матеріи и халатъ. Нерѣдко бываютъ случаи, что обходится монголь и совершенно безъ бѣлья. Зимой шуба—халатъ.

4. Административно-политическое положеніе Монголіи.

Халха раздѣляется на четыре аймака: восточные—Цецеинъ-хана и Тушетъ-хана и западные—Сайнъ-нойона и Джасакту-хана. Каждый аймакъ состоитъ изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ княжествъ (хошуновъ): Цецеинъ-хана — 19, Тушетъ-хана — 27, Сайнъ-нойона — 22, Джасакту-хана—20. Калмыки (дурбеты и улеты) составляютъ два аймака: дурбетскій—состоящій изъ 10 хошуновъ, во главѣ аймака стоитъ ванъ,

и улетскій—изъ пяти хошуновъ, во главѣ аймака улетскій ханъ. Непосредственно управленіе Халхою ввѣрено аймачныхъ сеймамъ, т.-е. съѣзду князей всѣхъ хошуновъ, входящихъ въ составъ cadaго аймака.

Надзоръ за дѣятельностью сеймовъ поручается дзяндзюню (генераль-губернатору) въ Улясутаѣ и амбанямъ въ Ургѣ, Улясутаѣ и Кобдо (Шаро-суме).

Аймачные сеймы вѣдаютъ распределеніе обложенія по княжествамъ и созываются одинъ разъ въ годъ. Владѣтельными правителями хошуновъ являются родовые князья (дзасакъ), права которыхъ переходятъ по наследству. Князья, раздѣляясь на шесть степеней по древности рода, богатству и заслугамъ, получаютъ отъ пекинскаго двора внѣшніе знаки отличія въ видѣ перьевъ и шариковъ на шляпѣ, а также жалованье серебромъ и матеріями.

Южная внутренняя Монголія раздѣляется на 23 аймака, Алашанскій округъ и страну Чахаръ. Всѣ аймаки южной Монголіи управляются шести сеймами, а алашанцы и чахары имѣютъ особое управленіе. Въ составъ cadaго сейма входятъ отъ одного до восьми аймаковъ, въ аймакѣ же—отъ одного до шести хошуновъ.

Считаю необходимымъ нѣсколько остановиться на политическомъ положеніи Монголіи.

Какъ народъ въ своей массѣ, монголы совершенно некультурные пастухи, съ чрезвычайно первобытнымъ міровоззрѣніемъ; понятія о Богѣ у массы населенія весьма смутныя, но зато жизнь монгола полна суевѣрій, въ родѣ того, что горы, лѣса, вода, трава, охота, стада и т. д. находятся, если можно такъ выразиться, въ завѣдываніи особыхъ духовъ, отъ расположенія которыхъ зависитъ все благополучіе и существованіе монгола. Изъ этого положенія исходитъ необходимость умаливать и жертвоприношеніями задобривать соотвѣтственныхъ обстановкѣ добрыхъ и злыхъ духовъ; но такъ какъ самъ монголъ этого не можетъ сдѣлать съ такимъ успѣхомъ, какъ монгольскій лама, то во всѣхъ случаяхъ монголъ обращается къ ламамъ.

Мнѣ неоднократно рассказывали монголы о своей духовной жизни такъ: „Мы, монголы, ничего не знаемъ кромѣ своихъ стадъ; что такое небо, земля, солнце, явленія природы: громъ, дождь и т. д.,—мы не знаемъ. Говорятъ, что землю поддерживаютъ четыре „батыря“ (богатыря), которые подчиняются ламѣ, и т. д., но мы—темные люди, ничего навѣрно не знаемъ, у насъ все знаютъ наши ламы, они всю жизнь въ монастыряхъ, читаютъ священныя книги и потому больше насъ знаютъ“.

Съ большою убѣдительностью увѣрялъ меня другой монголь, что ламы въ его хошунномъ монастырѣ могутъ остановить или разогнать тучи, прекратить грозу, послать болѣзнь на скоть или остановить ее и т. д.

Въ политической жизни не только всей страны, но даже въ жизни своего хошуна монголы почти не принимаютъ никакого участія; обязанность простого монгола—вносить свои подати, отбывать личную и денежную повинность, какія на него возлагаютъ его хошунный дзасакъ (князь) и его совѣтники—чиновники. Права не только князя надъ монголомъ своего хошуна, но даже его чиновниковъ ничѣмъ не регламентированы, кромѣ обычаевъ, а эти обычаи очень жестоки. Приходилось быть свидѣтелемъ многочисленныхъ случаевъ жестокой расправы съ монголами по приказанію не только князей, но болѣе мелкихъ чиновниковъ. *Гражданская* жизнь монгола проходитъ прежде всего въ непрекословномъ повиновеніи своему князю и чиновнику, подѣ страхомъ жестокой расправы, а *духовная* жизнь—въ непрекословномъ довѣрїи своимъ духовнымъ руководителямъ—ламамъ.

Ламы. Не только каждый хошунъ, но каждое соммо, а иногда и болѣе мелкая организація: уртонъ (почтовая станція), карауль и т. д.,—имѣютъ свой монастырь; въ этомъ монастырѣ живутъ десятки, сотни, а иногда и тысячи ламъ (напримѣръ, ургинскій монастырь насчитываетъ, говорятъ, до 10000 ламъ, но это—единственный, а такихъ, какъ уланкомскій, отъ 2000 до 5000 ламъ, въ Монголіи очень много). Въ ламы, какъ извѣстно, каждая семья посвящаетъ изъ двухъ—трехъ сыновей одного непременно. Дѣти, посвященныя Богу, растутъ до учебнаго возраста въ семьѣ, а затѣмъ, съ 10—11 лѣтъ, увозятся въ монастырь и тамъ растутъ и учатся подѣ руководствомъ старшихъ ламъ. Такимъ образомъ каждый монастырь представляетъ собою духовную семью, иногда въ нѣсколько тысячъ монголь, разныхъ возрастовъ—отъ десятилѣтнихъ дѣтей до глубокихъ старцевъ. Вся эта армія монаховъ живетъ по преимуществу подаянїями простого народа. Чтобы получить эти подаянїя, необходимо поддерживать съ особеннымъ старанїемъ культъ суевѣрїй, на которыхъ и зиждется вліяніе ламъ, а, слѣдовательно, зависитъ и ихъ существованіе. Лама является и докторомъ, и юристомъ, и священникомъ, и совѣтчикомъ, и предсказателемъ и т. д.; словомъ, жизнь монгола такъ обставлена, что безъ совѣта ламы онъ почти не ступитъ шага. Было со мною нѣсколько случаевъ, что проводники, несмотря на большое вознагражденіе и послѣ согласія, даннаго съ удовольствїемъ мнѣ, отправлялись испросить предсказанїя ламы и затѣмъ категори-

чески отказывались и отъ денегъ и отъ обязательствъ, ссылаясь на то, что лама вычиталь въ книгѣ о невозможности ему выѣзжать съ нами. Можно безошибочно сказать, что ламы представляютъ собою интеллигенцію монгольскаго народа и притомъ крайне вліятельную.

Гегены. Чтобы увеличить еще больше свое вліяніе, монгольская религія создала культъ живыхъ святыхъ (если можно такъ сравнить). Пояснимъ примѣромъ. Въ какомъ-нибудь монастырѣ нашелся лама, особенно выдающійся по своей духовной жизни и пользовавшійся при жизни особеннымъ вліяніемъ на народъ и уваженіемъ ламъ. Послѣ его смерти, по вѣрованію ламаитовъ, душа его переселяется не въ животное, птицу или насѣкомое (какъ это принято у монголь думать о душѣ простаго смертнаго монгола), а въ человѣка, и вотъ, по указанію изъ Тибета, отыскивается тотъ ребенокъ-монголь, въ котораго переселилась душа умершаго ламы. Этотъ мальчикъ-монголь называется „хубилганъ“ и считается имѣющимъ сверхъестественныя силы а потому и пользуется поклоненіемъ, почестями и вліяніемъ. Каждое сказанное хубилганомъ слово признается какъ указаніе свыше и для суевѣрнаго монгола является закономъ. Ребенокъ-гегенъ (хубилганъ) съ шестилѣтняго возраста берется въ монастырь и, будучи поставленъ въ особое, исключительно-почетное положеніе, живущій среди взрослыхъ, имѣющій наиболѣе способныхъ учителей и наставниковъ,—быстро развивается и, дѣйствительно, въ дѣтскомъ еще возрастѣ, въ сравненіи со своими сверстниками, поражаетъ своимъ развитіемъ и знаніями, что особенно сильно импонируетъ на суевѣрную массу монголь.

Часто бываютъ случаи, что такой хубилганъ, достигнувъ юношескаго возраста и понявъ свою силу надъ толпою, начинаетъ проявлять инстинкты повелителя и при крайне ограниченномъ все-таки духовномъ развитіи, а, главное, простотѣ обстановки и интересовъ, вырабатывается въ типъ самодура, подвиги котораго и расточительность переходятъ всякіе предѣлы. Тогда ламы, чтобы не вводить соблазна въ народъ и не разоряются, кончаютъ съ нимъ посредствомъ какой-нибудь тонкой отравы, и вновь душа умершаго переселяется въ младенца, и т. д.

Это называется перерожденіемъ; нѣкоторые хубилганы (гегены) получаютъ послѣ нѣкоторыхъ перерожденій званіе „хутухты“. Гегеновъ или хутухтъ насчитывается въ Монголіи нѣсколько; нѣкоторые изъ нихъ уже имѣютъ за собою два—три перерожденія. Естественно, что чѣмъ больше перерожденій, тѣмъ больше святости и, слѣдовательно, вліянія на міровоззрѣніе народа имѣетъ гегенъ.

Далай-Лама.

Худухта. Гегенъ, нынѣ правящій въ Ургѣ.

Группа почтенныхъ монгольскихъ ламъ; въ центрѣ сидитъ старшій братъ Гегена.

Чёподыль—духъ здоровья.

Перенли Джолбогъ-Кунагъ. Отъ нечистаго
духа въ дорогѣ, богъ богатства, хранитель
отъ пуль на войнѣ.

Монгольскій дацанъ (монастырь) Ноинъ Хорлень-Хитъ — къ сѣверу
въ 10 верстахъ отъ г. Урги.

Богдо-гегенъ. Ургинскій хутухта считаетъ за собою уже восемь перерожденій и въ ламайскомъ мірѣ считается третьимъ лицомъ по святости: первое лицо—далай-лама, второе—бань-чень (оба живутъ въ Тибетѣ) и третье лицо — ургинскій богдо-гегенъ. Такимъ образомъ, собственно для Монголіи богдо-гегенъ является первымъ лицомъ по святости.

Теперь живущій богдо-гегенъ имѣетъ отъ роду сорокъ два года,— такимъ образомъ, прошелъ тотъ возрастъ, когда вся жизнь его, полная обожанія и поклоненія, уходила на самодурство, кутежи и расточительность. Были попытки покончить и съ нимъ еще въ молодыхъ годахъ какъ со стороны ламъ, такъ и со стороны китайцевъ, не желавшихъ, изъ понятныхъ соображеній, допустить такого вліятельнаго человѣка по своему положенію до зрѣлаго политическаго возраста. Но онъ сумѣлъ избѣжать опасности, а періодъ удивительной разнузданности, пьянства и самодурства уже прошелъ. Богдо-гегенъ, становясь зрѣлымъ, все болѣе и болѣе становился вліятельнымъ не только по своему положенію восьмого перерожденія, но и своею собственною личностью. Китайцы, считаясь съ его вліяніемъ на монголь, старались расположить его въ свою пользу разными подарками, почестями, и однимъ изъ послѣднихъ знаковъ вниманія было пожалованіе желтыхъ кресла и зонта, придающихъ ему значеніе коронованной особы.

Постепенно создалось для богдо-гегена такое положеніе. 1) Китайское правительство, считая его самымъ вліятельнымъ человѣкомъ, старалось расположить его пожалованіемъ царскихъ отличій и тѣмъ само же создало ему политическій ореолъ. 2) Князья (дзасаки), не желая отстать отъ общаго культа поклоненія гегену массы своего народа, оказывали ему особыя почести, являлись къ его двору и, проживая по долгу при его дворѣ, въ качествѣ придворныхъ, преподносили ему не только подарки, но и большіе участки земли изъ своихъ владѣній вмѣстѣ съ подданными; такимъ образомъ создали гегену огромное крѣпостное населеніе, такъ-называемыхъ шабинцевъ, которые имѣютъ право кочевать по всей Монголіи и не платить никакихъ податей, никакихъ повинностей въ хошуны, такъ какъ подати вносятъ исключительно въ пользу богдо-гегена. Кромѣ того каждый хошунный князь считаетъ своимъ священнымъ долгомъ ежегодно въ видѣ приношенія отъ хошуна уплачивать богдо-гегену по нѣсколько тысячъ ланъ серебра. 3) Если прибавить къ этому многочисленныхъ (сотнями тысячъ) паломниковъ богдо-гегену съ жертвоприношеніями, то становится ясно, что богдо-гегенъ занялъ исключительное положеніе въ Монголіи какъ по

вліянію релігійозному и политическому, такъ и по своей матеріальной независимости.

Оцѣнивая обстановку, богдо-гегенъ принялъ по отношенію Китая особый тонъ полунезависимости, и, не взирая на примѣръ предшественниковъ гегеновъ являться въ Пекинъ къ императору, онъ не поѣхалъ въ Пекинъ, и китайцы не могли ничего предпринять, чтобы заставить его это сдѣлать.

По пріѣздѣ далай-ламы въ Монголію богдо-гегенъ принялъ по отношенію къ нему оппозиціонное положеніе. Далай-лама не могъ найти средствъ, чтобы смягчить эту оппозицію. Этимъ обстоятельствомъ, конечно, понизилось у халхасскихъ монголовъ значеніе далай-ламы и и повысилось значеніе богдо-гегена.

Князья, въ особенности изъ числа чѣмъ-нибудь обиженныхъ китайскимъ правительствомъ или понимавшихъ печальное положеніе Монголіи, стали чаще и чаще появляться къ двору богдо-гегена за совѣтами, а нѣкоторые проживали около него годами и просто услуживали гегену въ его домашней жизни, что создало ему положеніе какъ бы политическаго главы монгольскаго народа. Но наиболѣе сильный рычагъ для вліянія на народъ въ рукахъ богдо-гегена, это—ламы. Ламы всей Монголіи находятся въ естественномъ подчиненіи богдо-гегена, такъ какъ ни одинъ молодой ученикъ любого монастыря Монголіи не можетъ получить званія ламы низшей степени (гелуна), не сдавъ экзамена въ Ургѣ и не получивши непосредственно благословенія богдо-гегена, такъ что всѣ ламы смотрятъ на Ургу, какъ на центръ, откуда зависитъ и ихъ вліяніе. Повелѣніе богдо-гегена для всего населенія монгольскихъ многочисленныхъ монастырей есть законъ. Благодаря такой обстановкѣ у богдо-гегена получилось не только нѣсколько десятковъ тысячъ своихъ подданныхъ крѣпостныхъ (шабинцевъ), но вѣрноподданными сдѣлались и всѣ ламы, которыхъ, пожалуй, можно считать свыше полмилліона. А такъ какъ монгольскіе ламы имѣютъ крупное вліяніе на массу народа, то чрезъ нихъ увеличивается вліяніе на народъ и богдо-гегена.

Князья. Халха раздѣляется на 87 хошуновъ (княжествъ), имѣющихъ своими правителями князей (дзасаковъ).

Считаясь потомственными и полновластными владѣльцами своихъ княжествъ (хошуновъ), князья собственно были сначала какъ бы полунезависимыми отъ Китая; они даже, говорятъ, и теперь не обязаны китайскому правительству уплачивать подати, а, наоборотъ, получаютъ отъ правительства сами личное жалованье.

Однако китайское правительство приняло всѣ мѣры, чтобы подчинить князей своему вліянію. Приглашая князей въ Пекинъ ко двору, выбирали наиболѣе сговорчивыхъ и подающихся честолюбію, оставляли на продолжительное время при императорскомъ дворѣ, а всѣхъ остальныхъ обязывали въ извѣстные періоды являться тоже ко двору на поклоненіе императору; при этомъ, въ зависимости отъ поведенія князя, раздавали разные почести и награды или лишали милости императора; такимъ путемъ создалось у князей извѣстное тяготѣніе къ Пекину. Нѣкоторые живутъ даже постоянно въ Пекинѣ и совершенно не приѣзжаютъ въ свои хошуны, предоставивъ управленіе хошуномъ чиновникамъ, а сами только получаютъ средства съ хошуновъ и тратятъ ихъ въ Пекинѣ при дворѣ и на подарки китайскимъ мандаринамъ. Нѣкоторые изъ нихъ постепенно превратились въ типъ нашихъ прежнихъ помѣщиковъ, жившихъ въ столицахъ, владѣвшихъ огромными помѣстьями, а иногда десятками тысячъ своихъ крѣпостныхъ, но не посѣщавшихъ своихъ деревень и постепенно потерявшихъ связь со своими крѣпостными.

Нѣкоторые изъ князей, обиженные чѣмъ-нибудь въ Пекинѣ или по характеру своему не желающіе становиться въ описанное положеніе или не имѣющіе достаточныхъ средствъ для такой роли,—составляютъ группу, которая больше тяготѣетъ къ богдо-гегену и составляетъ какъ бы неполнѣ надежный для Китая элементъ.

Въ началѣ періода подчиненія Монголіи Китаю 87 княжествъ Халхи группировались въ четыре ханства (аймака): Цеценъ-хана, Тушетъ-хана, Сайнъ-нойона и Дзасакату-хана. Ханамъ были непосредственно потомки Чангизъ-хана, и потому они пользовались огромнымъ вліяніемъ и у князей. Но китайское правительство употребило всѣ средства, чтобы уничтожить ханскую власть и ея вліяніе; оно создало для управленія аймаками „сеймы“ изъ князей и выборнаго предсѣдателя сейма (чулганъ-дарга). Сначала хошунные князья выбирали чулганъ-даргою аймачныхъ хановъ, а потомъ, подъ вліяніемъ китайцевъ, стали выбирать и другихъ князей (болѣе угодныхъ китайцамъ и менѣе вліятельныхъ) и этимъ сильно разстроили аймачную организацію. Нынѣ изъ хановъ три уже не пользуются никакимъ вліяніемъ на свои аймаки: Цеценъ-ханъ, Дзасакату-ханъ и Тушетъ-ханъ (молодой мальчикъ); только одинъ Сайнъ-нойонъ, аймакъ котораго въ 22 хошуна, благодаря своей личности, такту и уму выбирается уже нѣскольکو разъ подъ-рядъ чулганъ-даргою, и, такимъ образомъ, весь его аймакъ остается подъ его вліяніемъ.

Въ каждомъ аймакѣ имѣется въ настоящее время еще вліятельное лицо цзянь-цзюнь: это—одинъ изъ князей по выбору императора, предназначенный для командованія всею монгольской милиціей, выставяемой аймакомъ.

Нѣкоторые князья, независимо отъ своего политическаго положенія, благодаря богатству своего хошуна, личнымъ достоинствамъ, умѣлому выбору своихъ чиновниковъ создали себѣ, до извѣстной степени замѣтное положеніе въ Монголіи, и съ ними приходится считаться; таковы, напримѣръ: Амбанъ-ванъ (хошунъ его въ окрестностяхъ Улясутая), Сартуль-гунъ; въ Сайнъ-нойоновскомъ аймакѣ наибольшимъ вліяніемъ пользуется самъ Сайнъ-ноинъ; кромѣ того Сайту-ванъ; въ Тушетъ-хановскомъ аймакѣ цзянь-цзюнь-ханъ доржи Цинъ-Ванъ, Намсарай-гунъ (его хошунъ соприкасается съ Кяхтою).

По нѣкоторымъ даннымъ можно судить, что среди всѣхъ 87 князей нынѣ опредѣляются двѣ политическія партіи: китайская и національная. Первые идутъ навстрѣчу всѣмъ китайскимъ проектамъ сліянія Монголіи съ Китаемъ, заискиваютъ у китайскаго правительства и пользуются вниманіемъ китайцевъ. Представители этой партіи лѣтомъ 1910 г. были вызваны въ Пекинъ въ конституціонную палату; они частью создали, частью поддерживаютъ проекты заселенія Монголіи китайцами, образованія монгольскихъ школъ, автомобильнаго сообщенія и т. д. Вторые, наоборотъ, стараются уклониться отъ китайскаго вліянія, избѣгаютъ поѣздокъ въ Пекинъ и не заискиваютъ у мѣстныхъ китайскихъ властителей (что обыкновенно стоитъ большихъ денегъ), не страдаютъ особенно большимъ монголо-китайскимъ честолюбіемъ, а живутъ больше въ своихъ хошунахъ и заняты хошунными дѣлами. Благодаря этому ихъ хошуны постепенно начинаютъ отличаться благосостояніемъ (такъ какъ князья не тратятся на подарки въ Пекинъ, Улясутай и Ургу), что создало не только князю, но и народу до извѣстной степени больше независимости отъ китайцевъ.

Кромѣ этихъ двухъ партій, незначительныхъ по числу, большая часть остальныхъ князей безразличны, какъ по своимъ личнымъ качествамъ, такъ и по бѣдности и ничтожности ихъ владѣній; это безразличное большинство скромно и молчаливо тушуетъ въ массѣ монголь, интересуясь и занимаясь или только личными дѣлами, или дѣлами своего хошуна. Это безразличное большинство обязательно и неупустительно посѣщаетъ ежегодно богдо-гегена и не теряетъ съ нимъ духовной связи, какъ съ покровителемъ всего монгольскаго народа.

Китайцы. Въ своемъ стремленіи слить разрозненныя части своей

имперіи въ одинъ сильный политическій организмъ, въ которомъ бы рѣзко отразились національныя черты Китая, китайское правительство давно планомерно, очень осторожно, но умѣло ведетъ политику подчиненія Монголіи и превращенія ея въ провинцію. Можно бы задать вопросъ, почему китайское правительство дѣйствуетъ съ особеннымъ тактомъ и осторожностью при проведеніи въ жизнь своихъ политическихъ плановъ въ Монголіи, столь слабой политически, разрозненной и разоренной. Мнѣ трудно отвѣтить на этотъ вопросъ; слишкомъ мало и не спеціально я изучалъ Монголію, но казалось бы, что Дунганское возстаніе, воспоминаніе о прежнихъ войнахъ въ Монголіи, внутреннія неурядицы и постоянныя политическія вспышки и возстанія въ самомъ Китаѣ, не доведенная до конца организація арміи, — лишаютъ Китай возможности дѣйствовать смѣло и рѣшительно въ Монголіи; къ этому прибавляется остатокъ престижа къ Россіи; кажется, китайцы вѣрятъ, что въ случаѣ какихъ-либо волненій въ Монголіи Россія поддержитъ недовольный Китаемъ элементъ монголь. Вотъ почему дѣйствія китайцевъ въ Монголіи, пожалуй, осторожны и методичны. Судя по личнымъ моимъ впечатлѣніямъ, политика Китая въ Монголіи направлена: 1) на ослабленіе власти князей, 2) на ослабленіе матеріальнаго благосостоянія народа и особенно хошуновъ, 3) на захватъ территоріи Монголіи въ руки китайцевъ и ея заселеніе китайскимъ населеніемъ, 4) на подчиненіе Монголіи китайскимъ властямъ, 5) на уменьшеніе вліянія русскихъ на монголь, 6) на уменьшеніе вліянія богдо-гегена и ламъ, и 7) на развитіе среди монголь китайскаго образованія и культуры.

1) Въ ослабленіи власти князей достигнуты очень крупныя результаты. Монголіи, какъ цѣлаго политическаго организма, управляемаго прежде Чингизъ-ханомъ и его наслѣдниками, теперь, можно сказать, не существуетъ. Какъ выше сказано, потомки Чингизъ-хана сведены въ своемъ значеніи къ нулю и сравнены по своему положенію съ обыкновенными удѣльными князьями.

Большинство князей живутъ разрозненно, заняты своими личными дѣлами и дѣлами своихъ хошуновъ, а нѣкоторые, увлеченные честолюбіемъ и превратившіеся въ покорныхъ слугъ китайскаго правительства, почти совершенно не отдають отчета объ общемъ положеніи Монголіи. Необразованные, политически неразвитые, приученные къ китайскому господству, не имѣя ни руководителей, ни наставниковъ, ни организаціи, — князья собственно уже не представляютъ собою политической силы, съ которой особенно сильно нужно считаться китайцамъ.

2) Матеріальное благосостояніе народа вліяетъ до извѣстной сте-

пени, конечно, и на независимость политическаго сознанія его. Чтобы уменьшить это сознаніе, китайцы приняли мѣры къ уменьшенію благосостоянія монголовъ и въ этомъ они достигли замѣтныхъ успѣховъ. Позволю себѣ высказать убѣжденіе, что большая часть Монголіи находится въ неоплатныхъ долгахъ китайцамъ. Погоня за честолюбіемъ среди князей, требующая десятки, а иногда сотни тысячъ ланъ ежегоднаго расхода, многочисленныя повинности хошуновъ, въ видѣ содержанія пограничныхъ карауловъ, почтовыхъ линій и т. д.,—требуютъ тоже очень крупныхъ расходовъ. Все это вовлекаетъ хошунны въ столь крупныя денежныя расходы, что наличныхъ средствъ, собираемыхъ хошуннымъ управленіемъ съ народа, не хватаетъ, а большинство князей не считаются съ будущимъ своей страны и берутъ у китайцевъ или въ китайскомъ банкѣ крупныя ссуды, десятками тысячъ ланъ серебра, за огромныя проценты; уплатить этихъ долговъ, конечно, они не въ состояніи въ теченіе года, а на слѣдующій годъ нарастаютъ новыя львиныя проценты (25—35% годовыхъ), и долгъ растетъ и превращается въ неоплатный. Лично населеніе, тоже въ свою очередь обремененное податями и ослабленное уменьшеніемъ своихъ стадъ, не можетъ сбалансировать свои семейныя бюджеты и входить въ долги китайскимъ фирмамъ. Наконецъ, китайцы придумали еще новый прекрасный способъ захвата экономической жизни страны въ свои руки. Они покупаютъ или берутъ за долги рогатый скотъ, барановъ, лошадей, составляютъ табуны или стада и отдаютъ монголамъ же ихъ пасти на условіи 60% приплода хозяину-китайцу и 40%—пастуху-монголу, но падежъ и гибель скота относятся за счетъ пастуха. Такимъ образомъ черезъ нѣсколько лѣтъ неосторожный монголъ, хотя бы имѣвшій свои стада, но взявшій на пастьбу скотъ китайца, совершенно лишается своего стада и становится простымъ пастухомъ китайца. Меня увѣряли во многихъ пунктахъ восточной и западной Монголіи, что одна фирма Ташинху владѣетъ почти большею частью стадъ хошуновъ изъ аймаковъ Цеценъ-хановскаго, Тушетъ-хановскаго и Джасакту-хановскаго, не говоря уже про то, что почти всѣ хошунны за ничтожнымъ исключеніемъ находятся въ неоплатныхъ долгахъ у этой фирмы.

3) Съ этою политикой экономическаго захвата тѣсно связано стремленіе къ захвату земельному. Въ южной и юго-восточной Монголіи, такъ-называемой внутренней (Ордось, Чахары, Харацны и другія племена), китайцы шли къ земельному захвату именно этимъ путемъ. Въ Китаѣ создались такъ-называемыя колонизаціонныя предпріятія, въ которыя входятъ крупныя китайскія торговыя фирмы и правительство.

Эта переселенческая организація приобрѣтаетъ за счетъ своего капитала земли внѣ китайской стѣны и отдаетъ въ аренду китайцамъ-землепашцамъ, помогая имъ ссудами подъ ничтожные проценты на оборудованіе своихъ хозяйствъ на новыхъ мѣстахъ. Такимъ способомъ китайская бѣднота имѣетъ возможность приложить свой кропотливый, упорный и образцовый трудъ въ новыхъ мѣстахъ на правахъ уплаты ничтожной аренды и имѣетъ всегда оборотный капиталъ за сравнительно незначительный процентъ. Получается такое положеніе, что богатая фирма, правительство и рабочій классъ выигрываютъ отъ такой колонизаціонной политики.

При такой организаціи переселенческаго вопроса, колонизаціонный комитетъ или компанія намѣчаетъ, положимъ, какой-нибудь хошунъ для колонизаціи. Торговая фирма, работающая въ этомъ хошунѣ, предъявляетъ къ хошуну требованіе объ уплатѣ долговъ. Хошунъ и князь не имѣютъ средствъ уплатить; тогда фирма предлагаетъ сдать ей земли въ аренду за долги; вопросъ о заселеніи хошуна рѣшенъ. Одинъ изъ моихъ сотрудниковъ, проѣхавшій нынѣ Чахары, рассказалъ свои впечатлѣнія: всѣ лучшія пастбища, долины и площади, удобныя для культуры, заняты уже китайцами, страна производитъ впечатлѣніе китайской провинціи, и лишь изрѣдка встрѣчаемые совершенно обѣднѣвшіе и превратившіеся въ парій монголы только слегка напоминаютъ, что страна эта когда-то принадлежала монголамъ; эти жалкія остатки аборигеновъ обречены теперь тѣсниться со своими десятками головъ скота въ жалкихъ юртахъ, по болотамъ или вершинамъ горъ, вдали отъ дорогъ и центральныхъ мѣстъ хошуна. Съ появленіемъ китайскаго осѣдлаго земледѣльческаго населенія и китайскихъ селъ появляются въ хошунѣ и китайская администрація, полиція и судъ; хошунъ превращается въ китайскую провинцію.

Сѣверная Монголія (Халха) тоже наканунѣ такого захвата ея земель китайцами; переселеніе уже началось, оно пока направлено только въ хошуны, соприкасающіеся съ нашимъ Кяхтинскимъ райономъ, т.-е. съ юго-западнымъ Забайкальемъ. Намъ пришлось убѣдиться, что на трактѣ Кяхта—Урга многія лучшія долины уже заняты китайскими земледѣльцами, создавшими здѣсь свои фермы, распахавшими огромныя площади земли, обтянутыя лентами „арыковъ“ искусственнаго орошенія. Тамъ, гдѣ прежде паслись тысячи головъ монгольскаго скота и стояли десятки и сотни юртъ, теперь уже нѣтъ ни одной юрты и ни одного стада. Ихъ уже оттѣснили отъ привольныхъ долинъ и рѣкъ въ безводныя горныя степи, гдѣ монголы принуждены довольствоваться колодцами

и плохими пастбищами. Волна переселенія увеличивается съ каждымъ годомъ.

4) Подчиненіе Монголіи китайскимъ властямъ тоже зашло уже очень далеко. По существующему положенію объ управленіи Монголіи, въ Халхѣ должно быть два управленія: для западныхъ двухъ аймаковъ Джасакту-хана и Сайнъ-ноина—въ Улясутаѣ и для восточныхъ двухъ аймаковъ Тушетъ-хана и Цеценъ-хана—въ Ургѣ. Эти управленія должны состоять изъ двухъ амбаней: представителя Китая маньчжура и монгольскаго князя; у cadaго своя канцелярія или ямынь. Прежде преимущественное вліяніе находилось въ рукахъ монгольскаго амбана; безъ его санкціи такъ-называемый маньчжурскій амбань не имѣлъ права дѣлать никакихъ распоряженій, ни входить ни съ какими представленіями въ Пекинъ. Поэтому особая печать управленія какъ для западной, такъ и для восточной Халхи находилась у монгольскихъ амбаней, и только бумаги, скрѣпленныя этой печатью, имѣли силу офіціального документа.

Но такъ какъ выборъ монгольскихъ князей въ амбани вполне зависитъ отъ китайскаго правительства, то и выбирались наиболѣе податливые и уступчивые князья. Постепенно значеніе монгольскаго амбана падало, печать перешла на храненіе въ руки маньчжурскаго амбана и, хотя въ настоящее время и существуетъ должность монгольскаго амбана, но она превратилась въ простую синекуру. Значеніе послѣдняго настолько пало, что нынѣшній ургинскій маньчжурскій амбань Сандо, извѣстный руссофобъ, получившій образованіе въ Японіи и извѣстный своими проектами различныхъ реформъ въ Монголіи, уже совершенно не признаетъ монгольскаго амбана даже за равнаго и во всѣхъ своихъ представленіяхъ и распоряженіяхъ, говорятъ, обходится совершенно безъ его участія. Приблизительно въ такомъ же положеніи находится и монгольскій амбань въ Улясутаѣ.

5. Политическаго вліянія Россіи на монголовъ Халхи собственно не существуетъ. Однако у китайцевъ существуютъ какія-то, совершенно хотя не основательныя, подозрѣнія, такъ какъ со стороны китайцевъ учреждено очень серьезное наблюденіе за тѣми лицами, въ благонадежности которыхъ они сомнѣваются. Такое наблюденіе имъ вести очень легко, такъ какъ Монголія полна китайскими торговцами. Напримѣръ, достаточно было мнѣ съ экспедиціей появиться во дворѣ дворца богдо-гегена, какъ одновременно съ нами появились въ этомъ дворѣ и китайцы-торговцы, и пока мы были у гегена (часа четыре времени), появленіе китайцевъ не прекращалось; они все приходили и

ДЗАН ДАНДЗО
(БОГЪ, ПРЕДОХРАНЯЮЩІЙ ОТЪ БОЛЕЗНЕЙ)

уходили съ какими-то товарами, хотя гегенъ у нихъ ничего и не бралъ. Были и другіе показатели осторожности китайцевъ; такъ, напимѣрь, бывшій много лѣтъ учителемъ монгольскаго языка въ нашей ургинской школѣ монголь, очень расположенный къ русскимъ и прекрасный преподаватель, въ одинъ прекрасный день, говорятъ, совершенно исчезъ изъ Урги и неизвѣстно куда. Ходятъ мрачные слухи, что съ нимъ кончили китайцы.

Чтобы ослабить экономическое вліяніе русскихъ въ Монголіи какъ со стороны китайцевъ, такъ и со стороны русскихъ дѣятелей въ Монголіи сдѣлано все, что можно было сдѣлать. Торговля почти вся въ рукахъ китайцевъ; оставалась возможность для монгольскихъ князей брать у русскихъ въ долгъ серебромъ и такимъ способомъ избавиться отъ цѣпкихъ рукъ китайцевъ, а, слѣдовательно, и отъ экономическаго плѣна китайцевъ, и весь стройно поставленный планъ захвата монгольскихъ земель могъ бы не выполниться. Но въ самое послѣднее время изъ Пекина послѣдовало категорическое запрещеніе монгольскимъ князьямъ брать у русскихъ въ долгъ деньги и серебро для хошунныхъ нуждъ безъ разрѣшенія изъ Пекина. Это распоряженіе, немедленно приведенное въ исполненіе китайскими амбанами среди князей, въ то же время съ особенною предупредительностью было поддержано и нашими обоими консулами.

6. Уменьшить вліяніе богдо-гегена и ламъ возможно развитіемъ образованія среди населенія и въ особенности князей. Тотъ же теперешній ургинскій амбанъ Сандо представилъ проектъ учрежденія школы для дѣтей монгольскихъ князей, гдѣ будущіе князья могли бы получить китайское образованіе на европейскій ладъ, а, главное, конечно, китайское воспитаніе. Однако эта попытка пока еще успѣха не имѣла. Намъ рассказывалъ улясутайскій генераль-губернаторъ (дзянь-цзюнь), что монгольскіе князья отказались посылать своихъ дѣтей въ эти школы подъ предлогомъ, что они боятся отпустить своихъ дѣтей такъ далеко отъ себя. Сдѣлана и другая попытка въ этомъ родѣ, и она можетъ имѣть большое значеніе. Съ 1910 года въ Улясутаѣ и Ургѣ открыты школы для монгольскихъ дѣтей. Къ сожалѣнію, будучи въ Ургѣ, я не могъ ознакомиться съ этимъ вопросомъ; но зато въ Улясутаѣ, благодаря недавно прибывшему туда нашему консулу г. Люба, мнѣ удалось осмотрѣть эту монгольскую школу. Школа находится въ китайской крѣпости, среди китайцевъ; во главѣ школы поставлено китайское начальство, дѣти въ школу собраны отъ cadaго хошуна: по одному мальчику изъ простыхъ монгольскихъ семей и нѣсколько

„тайджи“ (дѣтей дворянъ, т.-е. родственниковъ князей). Возрастъ учениковъ отъ 12 до 18 лѣтъ. Ученики производятъ впечатлѣніе очень умныхъ, хорошо подобранныхъ молодыхъ людей. Обучаются китайскому, маньчжурскому и монгольскому языкамъ и литературѣ. Х. Я. Зеллисъ взялъ нѣсколько учебниковъ школы и, судя по первоначальному знакомству съ ними, приходитъ къ заключенію, что они удивительно удачно и живо составлены. Дѣти на китайскомъ языкѣ будутъ знакомиться съ исторіей, географіей и природой Китайской имперіи, съ бытомъ, пѣснями народа. Главная цѣль этихъ школъ создать учителей-монголь для открытія такихъ же школъ въ хошунахъ.

Если удастся китайцамъ,—а они умѣютъ систематически работать и настойчиво проводить полностью намѣченный планъ,—то благодаря этимъ школамъ они скоро будутъ вліять на массу монголовъ и такимъ образомъ будутъ проводить въ самую глубь народа свои взгляды, убѣжденія, чѣмъ, конечно, понизятъ вліяніе ламайскихъ монастырей и ламъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самого богдо-гегена.

Были и другія попытки понизить значеніе богдо-гегена и ламъ среди массы народа, но пока неудачныя. Напримѣръ, въ маѣ 1910 г., воспользовавшись случайно ссорой между монгольскими ламами и китайцами въ Ургѣ, амбанъ Сандо хотѣлъ сразу же нанести ударъ ламайскому монастырю въ Ургѣ (т.-е. монастырю самого богдо-гегена). Подъ предлогомъ защиты будто бы обиженнаго китайца и наказанія обидчиковъ-ламъ, онъ съ отрядомъ солдатъ бросился въ монастырь съ намѣреніемъ, очевидно, арестовать виновныхъ, а, главное, можетъ-быть, нежелательныхъ въ политическомъ отношеніи ламъ, но былъ встрѣченъ камнями 1000 ламъ; отрядъ его позорно бѣжалъ, и самъ амбанъ, посрамленный, принужденъ былъ удалиться, не доѣхавъ до монастыря.

Л. В. Поповъ.

Торговые центры Монголіи и районы ихъ вліянія.

Важнѣйшими торговыми центрами Сѣверной Монголіи слѣдуетъ признать города Ургу, Улясутай, Кобдо, второстепенными—Заинъ-Шаби, Ванъ-Курень, Уланкомы и Кяхтинскій-Маймачень.

Урга — крупнѣйшій городъ Монголіи, съ населеніемъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, около 60 тысячъ человѣкъ, китайскихъ фирмъ крупныхъ — около 60 и среднихъ — около 100; крупныя фирмы ведутъ въ Ургѣ по преимуществу оптовыя операціи, раскидывая свои товары

по всей Монголіи. Среднія фирмы, ведя розничную торговлю въ самой Ургѣ, кромѣ того имѣютъ своихъ агентовъ въ ближайшихъ хошунахъ, обслуживая, такъ сказать, специально ургинскій районъ. Урга своими различными операціями захватываетъ на востокъ почти всѣ хошуны Цецеинъ-Хановскаго аймака до Керуленъ-Хото, на югъ—до Гоби, на сѣверъ—приблизительно до хребта Манхатай и на западъ—до рѣки Орхона.

Въ этихъ предѣлахъ, можно считать, заключается специальный ургинскій торговый районъ, т.-е. торговля въ кочевьяхъ этого района базируется на Ургу.

Заинъ-Шаби представляетъ собою монгольскій монастырь и постоянное мѣстожительство Заинъ-гыгена, съ населеніемъ до 1000 ламъ, свыше 100 китайцевъ и нѣсколько человекъ русскихъ. Китайскихъ фирмъ 12. Это по преимуществу второстепенныя оптовыя фирмы, торгующія отъ ургинскихъ фирмъ, получающія товары по преимуществу изъ Урги и отправляющія монгольское сырье тоже въ Ургу; лишь нѣкоторыя фирмы отправляютъ товары и прямо въ Калганъ, но всѣ эти 12 фирмъ раскинули отъ себя широкую сѣть торговцевъ въ кочевьяхъ. Русскихъ фирмъ всего четыре. Двѣ изъ нихъ—кяхтинскія, и потому товары получаютъ и отправляютъ на Кяхту. Двѣ другія фирмы, заграничныя, ведущія дѣло чрезъ русскихъ приказчиковъ, специально по скупкѣ сырья, отправляютъ сырье въ Кяхту. Всѣ четыре фирмы раскинули тоже сѣть своихъ приказчиковъ въ кочевьяхъ. Поэтому Заинъ-Шаби слѣдуетъ признать однимъ изъ второстепенныхъ торговыхъ пунктовъ Монголіи, имѣющимъ свой районъ и свои оптовыя операціи. Районъ ограниченъ на западѣ рѣкой Орхономъ, на востокѣ—рѣкой Чилоту, на югѣ—хребтомъ Кентей, на сѣверѣ, вѣроятно, рѣкою Тамыромъ.

Ванъ-Курень. Ставка одного изъ крупнѣйшихъ князей Тушетъ-Хановскаго аймака и монастырь, имѣющій до 1500 ламъ. Здѣсь имѣется 30 китайскихъ фирмъ, русскихъ фирмъ только три, почти всѣ фирмы тоже имѣютъ въ кочевьяхъ приказчиковъ. Ванъ-Курень, подобно Заинъ-Шаби, слѣдуетъ признать второстепеннымъ торговымъ центромъ, подчиненнымъ вліянію Урги. Районъ торговли изъ Ванъ-Куреня простирается на востокъ до р. Орхонъ, на сѣверъ—до границы Россіи, на западъ—до устья р. Чилоты и Игинъ-Голь. Сырье китайцами направляется въ Ургу, и товары получаютъ изъ Урги. Русскіе базируются на Кяхту.

Улясутай одинъ изъ крупнѣйшихъ торговыхъ и административныхъ центровъ, населеніе превосходитъ 3000 человекъ, изъ нихъ

до 2000 китайцевъ. Китайскихъ большихъ торговыхъ фирмъ 35, мелкихъ—50. Русскихъ фирмъ всего пять, изъ нихъ двѣ торгующія и три скупающія только сырье. Товары получаютъ китайцами частью изъ Урги, частью изъ Калгана и Кукухото, точно такъ же и сырье— частью отправляется въ Ургу, частью прямо въ Калганъ и Кукухото. Русскіе торгующіе исключительно базируются на Бійскъ, т.-е. ввозятъ товары и вывозятъ сырье по чуйскому пути. Улясутай раскинулъ операціи своихъ фирмъ широко: на сѣверъ до хребта Танну-Ола, а въ послѣднее время и на верхнемъ Енисеѣ,—въ Урянхайской землѣ,—на западъ—до системы Кобдосскихъ озеръ, на югъ—до Гоби и монгольскаго Алтая и на востокъ—до рѣки Чилоту, а русскіе—почти до рѣки Орхона. Въ Улясутайскомъ торговомъ районѣ раскинуто нѣсколько самостоятельныхъ торговыхъ фирмъ, изъ нихъ наиболѣе крупныя: Боброва, Ирена, Кузнецова и нѣсколько десятковъ мелкихъ.

Кобдо довольно крупный административно-торговый центръ, съ населеніемъ до 2000 человекъ, изъ которыхъ до 1500 китайцевъ. Китайскихъ торговыхъ фирмъ крупныхъ—35, мелкихъ—30. Русскихъ торговыхъ фирмъ—одна и скупающихъ сырье—шесть фирмъ. Китайскія фирмы базируются частью на Улясутай, частью привозятъ товары непосредственно изъ Кукухото; русскія фирмы ввозятъ и вывозятъ товары на Бійскъ. Районъ вліянія Кобдо (Кобдосскій округъ) нужно считать на западѣ до русской границы, на востокѣ и сѣверѣ—системою Кобдосскихъ озеръ, на югѣ—монгольскій Алтай. Въ округѣ имѣется нѣсколько мелкихъ русскихъ фирмъ, базирующихся на Кобдо. Китайскія фирмы имѣютъ довольно широкую сѣть своихъ приказчиковъ въ хошунахъ.

Уланкомы—монгольскій монастырь, имѣющій до 2000 ламъ, и ставка дурбетскаго вана. Китайскихъ фирмъ 20, изъ нихъ около восьми фирмъ занимаются хлѣбною торговлею. Русскихъ фирмъ двѣ. Китайскія фирмы базируются по преимуществу на Кобдо, и только отчасти прямо на Улясутай; имѣютъ приказчиковъ въ хошунахъ. Русскія фирмы базируются на Бійскъ. Съ 1910 года открывается новая русская фирма, базирующаяся на Минусинскъ. Районъ работы какъ русскихъ, такъ и китайскихъ фирмъ, по преимуществу, кочевья дурбетовъ, географически можно бы опредѣлить: хребетъ Хань-Хухей—до озера Киргизъ-Нора, на западѣ—до границы Россіи и на сѣверѣ—хребетъ Танну-Ола, но китайцы перекинули свои операціи на Кемчикъ и въ долину верхняго Енисея.

Кяхта-Маймаченъ. Это—старинный китайскій городъ, стоящій въ нѣсколькихъ десяткахъ саженьяхъ отъ русскаго города Кяхты; рус-

ская государственная граница проходит между этими двумя городами. Городъ этотъ созданъ исключительно для взаимной торговли съ русскими. Въ настоящее время его значеніе, какъ отправнаго пункта для торговли съ Россіей, падаетъ, такъ какъ китайцы этимъ путемъ уже лишены возможности ввозить въ Россію главнѣйшіе свои товары: шелковыя матеріи и чай. Дѣла Кяхты-Маймачена падаютъ. Остается нѣкоторое значеніе для торговли въ ближайшихъ кочевьяхъ. Поэтому слѣдовало бы признать особый кяхтинскій районъ кочевій, на который распространяется вліяніе Кяхты (какъ русской, такъ и китайской); границы, конечно, въ общихъ чертахъ, слѣдовало бы признать на югѣ, пожалуй, хребетъ Манхатой, на западѣ—рѣки Селенгу и Орхонъ и на востокѣ—хребетъ Кентей.

Заключеніе. Если бы возможно было придать въ будущемъ правильную организацію нашей торговлѣ въ Монголіи, то можно бы подраздѣлить районы русской торговли въ Монголіи на два: кяхтинскій и минусинскій. Первый охватывалъ бы собою указанные выше районы: кяхтинскій, ургинскій, зайнъ-шабинскій, ванъ-куреньскій; второй захватывалъ бы собою улясутайскій, уланкомскій и кобдосскій. Бійскъ, какъ центръ для торговли въ Монголіи, можно признать уже умирающимъ, что доказывается количествомъ торговыхъ бійскихъ фирмъ въ главнѣйшихъ монгольскихъ центрахъ: въ Улясутаѣ—двѣ противъ 85 китайскихъ, въ Кобдо—одна противъ 65 китайскихъ, въ Уланкомахъ—двѣ противъ 20 китайскихъ. Число фирмъ, торгующихъ въ хошунахъ, уменьшается поразительно быстро, многія бійскія фирмы прекратили свои операціи, а нѣкоторыя пробуютъ базироваться на новые пути (на Кяхту) или подумываютъ о закрытіи своихъ операцій.

В. Л. Поповъ.

Пути сообщенія.

Общая
характери-
стика.

Монголь, при передвиженіяхъ среди своихъ кочевій, собственно не нуждается въ какихъ-либо особыхъ путяхъ сообщенія. Всегда верхомъ на конѣ, иногда на быкѣ или верблюдѣ, монголь можетъ передвигаться въ любомъ направленіи, такъ какъ Монголія, представляя собою по преимуществу степь безъ особенно крупныхъ лѣсныхъ площадей, вполне доступна для верхового и вьючнаго движенія почти во всѣхъ направленіяхъ. Такого порядка передвиженія по преимуществу и держатся монголы, но тѣмъ не менѣе въ каждомъ хошунѣ, даже сомонѣ, имѣются хорошо наѣзжанныя тропы; онѣ ведутъ по преимуществу къ водопоямъ, къ ставкамъ князей или монастырямъ.

Помимо такихъ мѣстныхъ тропъ, очень серьезное значеніе имѣютъ *уртонные* (почтовые) пути. Уртонный путь обычно составленъ изъ монгольскихъ пикетовъ, поставленныхъ одинъ отъ другого на разстояніи 30—40 верстъ; каждый пикетъ состоитъ изъ пяти—двадцати монгольскихъ юртъ, въ зависимости отъ важности направленія пути. Пикеты (урто) содержатся личною повинностью монголь, выставляемыхъ каждымъ хошуномъ по особому распредѣленію. Монголы, командированные на уртонную службу, иногда освобождаются отъ другихъ повинностей хошуна, а иногда даже получаютъ пособіе отъ хошуна. Уртонные пути раздѣляются на два типа, по своему назначенію: казенные, т.-е. выставленные по распоряженію китайскаго правительства, предназначенные для поѣздки китайскихъ чиновниковъ, а иногда и купцовъ, и пересылки официальной почты, и „суммынные“ (если можно сравнить—„земскіе“, т.-е. аймачные и хошунные), предназначенные для обслуживания интересовъ аймачнаго и хошуннаго управленія. Тамъ, гдѣ проходитъ уртонный путь, имѣется и строго опредѣленная, хорошо наѣзжанная тропа.

Важнѣйшіе изъ уртонныхъ путей отмѣтимъ казенные: Кяхта—Урга, Урга—Саиръ-Усу, Саиръ-Усу—Улясутай, Саиръ-Усу—Калганъ (съ от-

вѣтвленіемъ на Кукухото), Улясутай—Кобдо, Улясутай—Дзинзиликъ, Улясутай—Уланкомы, Кобдо—Кошъ-Агачъ, Кобдо—Уланкомы, Урга—Долонъ-Норъ. Изъ суммынныхъ важнѣйшій Улясутай—Урга.

Торговое сообщеніе русскихъ пограничныхъ жителей съ приграничными кочевниками совершается почти по всей границѣ, но серьезное значеніе имѣютъ тѣ пути, по которымъ перевозятся товары, какъ изъ Россіи въ Монголію, такъ и обратно, — до извѣстныхъ значительныхъ распредѣлительныхъ торговыхъ пунктовъ Монголіи или обратно изъ монгольскихъ центровъ до пунктовъ Россіи.

Торговые
пути изъ
Россіи.

Важнѣйшими отправными пунктами на границѣ Россіи съ Монголіей я бы назвалъ: ст. Маньчжурія, г. Кяхту, с. Тунку, города Минусинскъ, Бійскъ (Кошъ-Агачъ), Усть-Каменогорскъ. Поэтому и главнѣйшіе пути изъ Россіи въ Монголію отходятъ отъ этихъ пунктовъ. Попробуемъ ихъ намѣтить: 1) Маньчжурія—Керуленъ-Хото, 2) Кяхта—Урга, 3) Кяхта — Ванъ-Курень — Заинъ-Шаби, 4) Кяхта — Улясутай, 5) Тунка — Улясутай, 6) Тунка—Уланкомы, 7) Минусинскъ — Улясутай, 8) Минусинскъ—Уланкомы—Кобдо, 9) Бійскъ—Уланкомы, 10) Бійскъ—Улясутай, 11) Бійскъ—Кобдо, 12) Усть-Каменогорскъ—Кобдо.

1) *Маньчжурія — Керуленъ-Хото*, протяженіемъ приблизительно 300 верстъ; путь выючный, сравнительно недавно открытый и, вѣроятно, будетъ имѣть серьезное будущее для всей Восточной Монголіи, но въ настоящее время значеніе его еще весьма незначительное и только, можно сказать, еще намѣчается. Прежній торговый путь въ этомъ районѣ — Цурухайту—Хайларъ — падаетъ и значеніе его прекращается.

2) *Кяхта—Урга* (360 верстъ). Самый древній торговый путь для торговли Россіи съ Монголіей и даже съ Китаемъ и составляетъ собою головной участокъ прямого магистральнаго пути Кяхта—Урга—Калганъ—Ханькоу. Еще такъ недавно было время, когда этотъ путь являлся главнѣйшимъ доминирующимъ торгово-караваннымъ путемъ чайной торговли не только съ Россіей, но и съ Европой. По этому же пути по преимуществу ввозились товары и изъ Россіи въ Китай. Однако собственно для торговли въ Монголіи путь этотъ не игралъ особенно важнаго значенія, и товары, шедшіе по этому направленію, большею частью проходили собственно въ Китай и только частью оставались въ Ургѣ и распространялись въ ближайшіе окрестные хошуны.

Открылся Суэзскій каналъ, а затѣмъ рельсовый путь чрезъ Маньчжурію, и значеніе пути Кяхта—Урга—Калганъ пало. Чай пошелъ въ

Европу и въ Россію другими путями. Кяхто-Калганскій путь опустѣлъ, крупныя транспортныя фирмы, дѣлавшія большія дѣла, прекратили свои операціи. Нѣкоторое время путь этотъ, можно сказать, пустовалъ. Нѣсколько мелкихъ кяхтинскихъ фирмъ продолжали свою сравнительно мелкую торговлю въ ближайшихъ къ Кяхтѣ хошунахъ и въ Ургѣ, и лишь въ самое послѣднее время,—приблизительно съ 1907 и 1908 года,—русская торговля по этому направленію начала увеличиваться и къ 1910 году уже приобрѣла серьезное значеніе, обслуживая довольно большой районъ Монголіи. По направленію Кяхта—Урга имѣется три дороги: уртонская, затѣмъ западная (ближе къ рѣкѣ Орхону) и восточная—черезъ верховья рѣки Иро въ долину Куй. Изъ этихъ дорогъ главную роль играетъ, конечно, такъ-называемая „уртонская“, такъ какъ по ней по преимуществу идутъ торговые караваны и происходитъ почтовое и экипажное сообщеніе Кяхты съ Ургою.

Уртонская дорога вполне удобна для колеснаго движенія; на ней имѣется только нѣсколько сравнительно незначительныхъ препятствій, какъ, на примѣръ, хребетъ Манхатай, съ очень неудобнымъ черезъ него переваломъ (хотя въ настоящее время торговые караваны и частныя лица, ѣдущія по тракту въ экипажахъ, пользуются обходною дорогою, минуя Манхатай). Мнѣ думается, что пришлось бы приложить небольшой трудъ, чтобы улучшить существующій перевалъ черезъ Манхатай. Затѣмъ нѣкоторое препятствіе представляетъ собою переходъ черезъ нѣсколько рѣчекъ (Хараголъ, Куйтунъ и др.), особенно въ половодье, такъ какъ, по неимѣнію на нихъ сколько-нибудь организованныхъ переправъ и невозможности въ большую воду перейти вбродъ, караванамъ приходится ожидать спада воды. Только на рѣкѣ Иро имѣется благоустроенная переправа на паромѣ. Значительнымъ неудобствомъ для движенія русскихъ колесныхъ транспортовъ является отсутствіе остановочныхъ пунктовъ. На всемъ пути имѣются двѣ русскія заимки, въ которыхъ возможно остановиться, да при случаѣ возможно воспользоваться нѣсколькими китайскими фермами, разбросанными въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, перевозка грузовъ по этому пути русскими возчиками на русскихъ подводахъ неудобна, и потому, естественно, коммерсанты пользуются услугами монголъ, перевозящихъ грузы на быкахъ, а иногда на верблюдахъ. Стоимость перевозки варьируется въ зависимости отъ количества грузовъ, направленія перевозки и числа предложеній, отъ 30 до 60 коп., а иногда доходитъ и до 1 рубля съ пуда. Во всякомъ случаѣ, по своимъ, такъ сказать, природнымъ условіямъ путь Кяхта—Урга очень удобенъ для транспортнаго движе-

НАГО - ДАРХИ
(БОГЪ ПЛОДОРОДИЯ).

нія грузовъ, но необходимо бы созданіе русской транспортной конторы, которая могла бы урегулировать и обезпечить исправность транспортированія, помочь въ оборудованіи тракта въ отношеніи удобства слѣдованія русскихъ транспортовъ, и тогда перевозка грузовъ была бы болѣе правильно поставленной и въ меньшей зависимости отъ случайностей. По этой же дорогѣ одновременно ходили двѣ почты: китайская (по уртонамъ) и русская (спеціально почтовый караванъ). Первая идетъ 2¹/₂ дня, вторая—3 дня. Китайская почта обходится дешевле, что, конечно, естественно, такъ какъ китайцы пользуются перевозкою по уртонамъ, выставляемымъ населеніемъ бесплатно.

3) *Кяхта—Ванъ-Курень—Заинъ-Шаби* (около 300 вер.). Названный путь можно считать отчасти новымъ торговымъ путемъ. До ставки Ханда-Цинъ-Вана (т.-е. Ванъ-Куреня) путь давно прибрѣлъ торговое значеніе, такъ какъ въ Ванъ-Куренѣ наши русскіе торгуютъ давно, торгуютъ тамъ кяхтинцы (вѣрнѣе, троицкосавскіе купцы), и потому товары ими отправлялись изъ Кяхты въ Ванъ-Курень уже давно. Но дальнѣйшее продолженіе этого пути до Заинъ-Шаби (монгольскій монастырь, гдѣ живетъ заинъ-гегенъ)—дѣло уже позднѣйшаго времени. Одна изъ крупныхъ кяхтинскихъ старинныхъ фирмъ (въ лицѣ ея молодого энергичнаго представителя) открыла свое отдѣленіе въ Заинъ-Шаби, раскинувъ сѣть торговцевъ-приказчиковъ по хошунамъ и потому, естественно, занялась отысканіемъ кратчайшаго транспортированія. Попытка оказалась удачною, и теперь путь этотъ можно считать уже существующимъ, такъ какъ сырье: шерсть, сурокъ и прочее,—направляется теперь изъ Заинъ-Шаби прямо въ Кяхту, минуя Ургу. Дорога эта тоже удобна для колеснаго движенія. Провозъ грузовъ по этому пути стоитъ отъ 30 до 50 коп. съ пуда. Если принять во вниманіе, что по этому направленію возможно обслуживать западную часть аймака Тушетъ-Хана и южную часть (самую богатую) аймака Сайнъ-Нойна, то путь этотъ долженъ со временемъ прибрѣсти очень важное торговое значеніе. Условія перевозки по этому пути тѣ же, т.-е. отсутствіе станцій для остановокъ ямщиковъ и запасовъ фуража; русскіе ямщики являются перевозчиками какъ исключеніе, и перевозка совершается по преимуществу монголами.

4) *Кяхта—Улясутай* (около 800 верствъ). Прямого транспортнаго пути въ этомъ направленіи пока еще не существуетъ, хотя, по мнѣнію знающихъ районъ лицъ, такое направленіе перевозки грузовъ возможно и, можетъ-быть, будетъ стоять дешевле и во всякомъ случаѣ не дороже, чѣмъ перевозка изъ Улясутая на Бійскъ, но такъ какъ въ Улясутаѣ по преимуществу ведутъ торговлю бійцы, то и транспортное

сообщеніе направляется на Бійскъ. Въ настоящее время прямое сообщеніе Улясутая съ Кяхтою считается невозможнымъ, такъ какъ нельзя найти транспортныхъ средствъ и подрядчиковъ, знакомыхъ съ этимъ направлениемъ; считаютъ возможнымъ сообщеніе только черезъ Ванъ-Курень, затѣмъ на Селенгу, Эдринъ-Голь и въ Улясутай. Но такой кружной путь неудовлетворителенъ и пользу для русской торговли едва ли можетъ принести. Если явится возможность подниматься вверхъ по рѣкѣ Селенгѣ пароходамъ, то, очевидно, въ конечномъ пунктѣ селенгинскаго пароходства явится складочный пунктъ, отъ котораго товары пойдутъ въ Улясутай, а изъ Улясутая—къ нему, чѣмъ мы можемъ выиграть на стоимости провоза.

5) *Тунка—Улясутай* (около 700 верстъ). Мнѣ приходилось ранѣе указывать на возможность удешевить транспортные расходы, отправляя товары именно этимъ путемъ, какъ болѣе короткимъ и дешевымъ. Мы, русскіе, не пробовали его испытать, и только въ лѣто 1910 года однимъ изъ коммерсантовъ Улясутая высказывалось предположеніе попытаться направлять товары этимъ путемъ, но какіе результаты этого предположенія и были ли попытки воспользоваться этимъ путемъ — неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ путь этотъ имѣетъ и теперь первоклассное значеніе для торговли Россіи съ Монголіей, но совершенно особое. По этому пути прежде всего выгоняется свыше 30000 головъ монгольскаго скота въ Иркутскъ. Окрестности озера Косогола, начиная уже съ іюня и по конецъ октября, представляютъ собою колоссальную биржу-ярмарку монгольскаго скота, пригоняемаго сюда изъ улясутайскаго, кобдосскаго, уланкомскаго и урянхайскаго районовъ, т.-е. за нѣсколько тысячъ верстъ. Скотъ этотъ сгоняется къ озеру Косоголу отчасти мѣстными торговыми фирмами, ведущими въ сказанныхъ районахъ торговлю, а отчасти спеціальными иркутскими и тункинскими скупщиками скота, отправляющимися въ Монголію, по преимуществу съ деньгами и серебромъ, въ кочевья и покупающими скотъ иногда въ очень отдаленныхъ хошунахъ Монголіи и направляющими купленный скотъ къ озеру Косоголу. Только нѣкоторые изъ этихъ скупщиковъ ввозятъ русскій товаръ въ Монголію. Но начинаетъ проникать сознаніе и у нихъ (т.-е. у тункинскихъ и иркутскихъ торговцевъ) о необходимости, пользуясь поѣздками въ Монголію для покупки скота, ввозить русскій товаръ и попутно скупать монгольское сырье. Такимъ образомъ можно надѣяться, что торговля по этому пути сама по себѣ наладится.

Путь этотъ описывать не буду; ознакомится съ нимъ рекомен-

дую по моему описанію въ книгѣ „Черезъ Саяны и Монголію“. Могу только добавить, что отъ „Монды“ (первый русскій поселокъ въ Тункино-Иркутской долинѣ) до Култука путь теперь довольно хорошо оборудованъ для колеснаго движенія, а отъ Монды въ Монголію, почти до самаго Улясутая, при нѣкоторомъ желаніи возможно было и раньше колесное сообщеніе. Торговый путь изъ Тунки можетъ имѣть очень серьезное значеніе еще и для восточной половины Урянхайской земли и долины Тесинъ-Гола.

6) *Тунка—Уланкомы* (около 1000 верстъ). Путь этотъ имѣетъ нѣкоторое значеніе теперь, такъ какъ по нему прогоняютъ очень большіе гурты скота изъ Уланкомовъ и даже Кобдо. Направленіе его приблизительно такое: отъ озера Косогола по линіи карауловъ до карауловъ Дзайгыль, Хациге, затѣмъ долиною Тесинъ-гола съ уклоненіемъ къ югу отъ этой рѣки къ хребту Ханъ-хухею, далѣе по южнымъ отрогамъ этого хребта къ Уланкомамъ. Направленіе по этому пути товаровъ едва ли будетъ выгодно, такъ какъ для торговаго сообщенія Уланкомовъ и Кобдо имѣются болѣе удобные пути сообщенія и, слѣдовательно, настоящій путь можно отмѣтить, какъ спеціальнѣйшій скототорговый, въ виду большой выгоды продажи скота на косокольско-тункинской скотской биржѣ и потребности въ монгольскомъ мясѣ въ Иркутскѣ. По этому пути преимущественно сообщаются вьючно, но возможно проѣхать и на мелкихъ экипажахъ.

7) *Минусинскъ—Улясутай* (около 800 верстъ). Въ настоящее время, до открытія пароходства по Верхнему Енисею и до окончанія постройки Усинскаго грунтового пути, товары по этому направленію все-таки могутъ быть отправляемы: изъ Минусинска—зимою, начиная съ декабря, по рѣкѣ Верхнему Енисею (льдомъ) до деревни Чакуль или Булукъ на Верхнемъ Енисеѣ. Отъ этихъ русскихъ поселковъ въ Урянхайской землѣ сообщеніе на Улясутай можетъ быть по двумъ дорогамъ—черезъ Уланкомы и черезъ караулъ Дзиндзалинъ во всякое время года. Перевозка по обоимъ направленіямъ можетъ быть совершена колесными транспортомъ или вьючно на верблюдахъ. Обратнo изъ Улясутая и его округа сырье такимъ же способомъ можетъ сосредоточиваться къ сказаннымъ пунктамъ и послѣ замерзанія рѣки отправляться въ Минусинскъ¹⁾. Можно производить еще отправленіе сырья водою-сплавомъ по Енисею на плотамъ, но этотъ порядокъ нельзя рекомендовать, какъ

1) Путемъ отъ Чакуля на Уланкомы и отъ Булука до Улясутая нынѣ отлично пользуются китайцы, ввозя свои товары и вывозя сырье въ Улясутай и Кобдо. Провозъ имъ обходится около 50—70 коп. съ пуда.

вполнѣ обезпечивающій наше торговое сообщеніе, въ виду опасности сплава тяжестей черезъ пороги Верхняго плеса Енисея.

По поводу моихъ соображеній о важности этого направленія бійскіе купцы, торгующіе въ улясутайскомъ районѣ, очень рѣшительно протестовали, а А. Гр. Бодуновъ даже составилъ по этому поводу особый докладъ въ консульство, въ которомъ говоритъ: „Путь на Минусинскъ изъ Улясутая и Кобдо по Енисею значенія имѣть не будетъ“... Товары изъ Улясутая въ Кобдо по этому пути не пойдутъ, такъ какъ перевозка ихъ по нему будетъ не дешевле, чѣмъ на Бійскъ.

Причины, по его мнѣнію, слѣдующія: 1) товары: шерсть и сурокъ собираются и приготавливаются къ отправкѣ не раньше половины октября и даже позже—до ноября. 2) товары отправляются на Бійскъ, и для доставки требуется 2—2¹/₂ мѣсяца, и потому товары уже въ январѣ попадаютъ въ Бійскъ, т.-е. къ сезону продажи пушныхъ товаровъ и шерсти въ Россіи, что очень важно, такъ какъ сбытъ этихъ товаровъ заканчивается періодомъ Ирбитской ярмарки. 3) По Минусинскому пути (т.-е. черезъ Урянхайскую землю по Енисею), по мнѣнію г. Бодунова, товары будутъ отправляться только слѣдующею весною, при чемъ товары должны зимовать въ поселкѣ Булукъ или Чакуль, ожидая открытія пароходства. Купцы теряютъ шесть мѣсяцевъ, что удорожитъ стоимость товаровъ и замедлитъ торговый оборотъ. 4) Названный колесный путь, по полученнымъ г. Бодуновымъ свѣдѣніямъ, открытъ только въ іюлѣ и августѣ, т.-е. въ такое время, когда у купцовъ не бываетъ грузовъ. 5) Ранней весною и особенно поздней осенью путь этотъ непроходимъ, такъ какъ переваль Танну-ола заносится глубокими снѣгами. 6) Распутица, разлитіе рѣкъ тоже, по мнѣнію г. Бодунова, являются препятствіемъ. 7) Весною на верблюдахъ монголы товаровъ не повезутъ и вообще найти монголъ для перевозки товаровъ по этому направленію нельзя. 8) Крестьяне Усинскаго округа могутъ дать столь малое число лошадей, что поднять весь грузъ будутъ не въ состояніи. 9) Количество грузовъ г. Бодуновъ считаетъ не болѣе 200000 пудовъ изъ Улясутайскаго и Кобдосскаго округовъ, при чемъ съ увѣренностью заявляетъ, что изъ Кобдо товары на Енисей не пойдутъ, а при такихъ условіяхъ пароходамъ по Верхнему Енисею возить будетъ нечего. 10) Въ заключеніе г. Бодуновъ заявляетъ, что каждая изъ этихъ причинъ сама по себѣ является непреодолимымъ препятствіемъ къ направленію грузовъ на Минусинскъ.

На основаніи отчасти личныхъ впечатлѣній, полученныхъ мною во время моихъ двухъ путешествій по Монголіи и во время личнаго путе-

шествія зимою по Енисею отъ Минусинска въ Урянхайскую землю, а также на основаніи соображеній минусинскихъ купцовъ, намѣреющихся пользоваться этимъ путемъ, можно серьезно оспаривать приведенныя положенія.

Будемъ разбирать соображенія г. Бодунова по пунктамъ, только что приведеннымъ изъ его докладной записки: 1) По мнѣнію г. Бодунова, товары—шерсть и сурокъ—собираются къ половинѣ октября и даже ноября. Лично я видѣлъ, да и увѣряли меня торгующіе въ Монголіи, что значительную часть сырья можно собрать къ началу августа и даже раньше. Лично я видѣлъ, что многіе купцы уже къ началу августа заканчивали промывку шерсти и отправляли сырье на Кяхту, откуда пароходомъ по Селенгѣ въ Верхнеудинскъ и на желѣзную дорогу. При промывкѣ шерсти не въ Улясутаѣ, а въ хошунахъ, считаю возможнымъ отправлять шерсть на Енисей въ іюль и августѣ. Верхній Енисей открытъ почти до декабря; слѣдовательно, если бы было открыто пароходство по верхнему Енисею, то въ сентябрѣ и октябрѣ монгольское сырье попало бы не только въ Минусинскъ, а прямо въ Красноярскъ, т.-е. на желѣзную дорогу, совершенно своевременно. Но, допустимъ, что даже останется часть шерсти до зимняго пути, т.-е. соберется къ половинѣ октября и въ ноябрѣ, таковая будетъ доставлена на Енисей къ декабрю, а въ декабрѣ открывається зимній путь по Енисею на Минусинскъ; товаровъ везется по льду Енисея десятки тысячъ пудовъ уже и теперь; слѣдовательно, и эта запоздалая улясутайская шерсть попадетъ въ Россію къ январю, т.-е. не позже чѣмъ въ Бійскъ. А такъ какъ изъ Бійска приходится 400 верстъ до желѣзной дороги везти монгольское сырье зимнимъ путемъ, то и изъ Минусинска, 300 верстъ до станціи Ачинскъ, можно доставить съ не меньшимъ удобствомъ это сырье на желѣзную дорогу. Мы видимъ, что съ открытіемъ пароходства по Верхнему Енисею большая часть монгольскаго сырья (т.-е. собраннаго въ іюнѣ, іюль и августѣ) попадаетъ прямо воднымъ путемъ въ Красноярскъ еще раннею осенью, т.-е. можетъ попасть даже прямо на Нижегородскую ярмарку, а еще лучше прямо изъ Красноярска можетъ быть отправлено за границу или въ Москву. Пока же нѣтъ пароходства, отправленіе товаровъ по Верхнему Енисею зимнимъ путемъ почти не мѣняетъ положенія дѣла. Товары отправляются по Монголіи на верблюдахъ такъ же, какъ и теперь, но только не на семьсотъ (700) верстъ до Кошъ-Агача, а 400 верстъ до Енисея, а затѣмъ такъ же зимнимъ путемъ перевозятся, но только не бійскими крестьянами, а усинско-урянхайскими и минусинскими. 2) Отсюда ясно, что если минусинскіе

купцы хорошо рассчитывают время, то сырье через их руки попадетъ на заграничные рынки не позже бійцевъ. 3) Такимъ образомъ отпадаетъ опасеніе, что сырье будетъ лежать въ Булукъ до весны и даже до слѣдующей осени, т.-е. зимовать на Верхнемъ Енисеѣ. 4) и 5) Г. Бодуновъ увѣряетъ, что колесный путь черезъ Тану-ола открытъ только въ іюлѣ и августѣ и что ранней весною и поздней осенью путь непроходимъ, но я знаю, что переѣзжаютъ его въ сентябрѣ и въ октябрѣ, и лучшее доказательство торговля китайцевъ на Енисеѣ, что непроходимыхъ снѣговъ здѣсь не бываетъ; конечно, съ наступленіемъ холодовъ Танну-ола покрывается снѣгомъ, но сообщеніе черезъ существующіе перевалы вполнѣ возможно и будетъ совершаться такъ же, какъ и по чуйскому пути, а такъ какъ грузы могутъ быть готовы въ іюнѣ, августѣ и сентябрѣ, то доставка ихъ черезъ Танну-ола рѣшительно не встрѣтитъ никакихъ препятствій. 6) Распутица, разлитіе рѣкъ и пр.,— все это не въ меньшей степени имѣется и по пути на Бійскъ. 7) По мнѣнію г. Бодунова, не найдется желающихъ монголъ для перевозки грузовъ на Енисей; но тутъ, очевидно, ошибка: грузы уже перевозились неоднократно изъ Улясутая и изъ Уланкомовъ на Енисей, и даже въ 1910 году одинъ коммерсантъ при мнѣ нанялъ монголъ провезти грузы черезъ Танну-ола въ сентябрѣ и октябрѣ на Енисей. Стоимость провоза отъ Уланкома до Чакуля подряжена по восьми чаевъ съ очана ¹⁾ впередъ и обратно, т.-е. въ одинъ конецъ три рубля за 12 пудовъ (25 коп. съ пуда). А изъ Улясутая на Булукъ нанимали прежде по 12 рублей за очанъ, т.-е. рубль за пудъ ²⁾. Если принять во вниманіе, что зимою съ Верхняго Енисея до Минусинска повезутъ 25—30 коп. съ пуда,—но, допустимъ, что даже 50 коп.,—то и тогда изъ Улясутая провозъ обойдется 1 руб. 25 коп.—1 руб. 50 коп. съ пуда, а изъ Уланкома—50—75 коп. съ пуда. Если же принять во вниманіе, что за провозъ товаровъ изъ Кобдо въ Уланкомы, да и изъ Улясутая въ Уланкомы возьмутъ по шести рублей за очанъ (т.-е. 50 коп. съ пуда), то, направляя товары черезъ Уланкомы и Чакуль, провозъ обойдется Минусинскъ—Кобдо и Минусинскъ—Улясутай 1 руб.—1 руб. 25 коп. съ пуда. А если будетъ пароходство, то можно надѣяться на значительное пониженіе и этой провозной платы. 8) и 9) Мнѣніе, что крестьяне, живущіе въ Усинскомъ и Урянхайскомъ краѣ, имѣютъ недостаточное количество лошадей, а равно что монгольскіе грузы не настолько велики, чтобы для нихъ приспособлять къ пароходству Верхній

¹⁾ Очанъ—вьюкъ верблюда.

²⁾ Китайцы нанимаютъ 50—70 коп. пудъ.

Енисей, основано на маломъ знакомствѣ съ положеніемъ нашего заселенія Урянхайской земли.

8) *Минусинскъ—Уланкомы—Кобдо*. Значеніе этого пути выясняется изъ всего изложеннаго выше, такъ какъ путь этотъ состоитъ изъ движенія по льду (или пароходомъ въ будущемъ) Енисея до поселка Чакуля, отъ послѣдняго—по колесному пути по рѣкѣ Джедану, черезъ переваль Хандогайту на городъ Уланкомы, а оттуда можно на экипажахъ проѣхать какъ въ Кобдо, такъ и въ Улясутай. Весь путь отъ Чакаля до Кобдо удобенъ для колесной ѣзды.

9) *Бійскъ—Уланкомы*. Путь состоитъ изъ движенія по такъ-называемому Чуйскому пути до Кошъ-Агача, описанному уже неоднократно, и отъ Кошъ-Агача на Уланкомы черезъ горную страну. Путь нельзя признать особенно хорошимъ, однако сообщеніе возможно на колесахъ. Стоимость провоза товаровъ съ пуда обходится 1 руб. 60 коп.

10) *Бійскъ—Улясутай* (около 1200 верстъ). Путь состоитъ изъ того же Чуйскаго пути черезъ Онгудай и Кошъ-Агачъ и затѣмъ 700—800 верстъ по Монгольской степи, довольно затруднительнаго движенія для колеснаго сообщенія, но однако вполне возможнаго во всякое время года. Товары перевозятся отъ Бійска до Кошъ-Агача на колесахъ, а отъ Кошъ-Агача до Улясутая—вьючно на верблюдахъ. Стоимость провоза: отъ Бійска до Улясутая 1 руб. 73 коп. (7 ланъ очанъ отъ Улясутая до Кошъ-Агача и отъ Кошъ-Агача до Бійска 1 рубль). Время провоза отъ Улясутая до Кошъ-Агача 25 сутокъ съ тяжестью, а на легкѣ 18 дней на верблюдахъ и 13 дней на лошадяхъ. Отъ Кошъ-Агача до Бійска товары идутъ 13 сутокъ, т.-е. всего грузы слѣдуютъ 30 дней, а съ перегрузками и остановками 2—2½ мѣсяца.

11) *Бійскъ—Кобдо*. Путь состоитъ изъ того же Чуйскаго пути до Кошъ-Агача и колеснаго пути по Монгольской степи около 350 верстъ до Кобдо, при чемъ грузы и по этому пути направляются подобно предыдущему, т.-е. отъ Бійска до Кошъ-Агача колесными транспор-тами, а далѣе—на верблюдахъ вьюками. Стоимость провоза колеблется около 1 руб. 50 коп.—1 руб. 60 коп. съ пуда.

12) *Усть-Каменогорскъ—Кобдо*. Путь идетъ сначала долиной рѣки Нарына и Бухтормы, хорошимъ колеснымъ путемъ, а затѣмъ уже почти отъ Алтайской станицы вьючное и при томъ крайне тяжелое движеніе по долинѣ Бухтормы и Алахи—въ долину рѣки Кобдо. Этимъ путемъ серьезнаго торговаго движенія почти нѣтъ.

Въ настоящее время въ Монголіи рѣками, какъ путями сообщенія **Рѣки, какъ** для торговли, мы не пользуемся за исключеніемъ небольшого участка **пути сообщенія**.

рѣки Селенги въ русскихъ предѣлахъ отъ Верхнеудинска до Усть-Кяхты и по р. Иртышу отъ Омска до озера Зайсана. Но можно, казалось бы, воспользоваться водными путями, удешевивъ до нѣкоторой степени провозъ товаровъ въ Россію и обратно.

Рѣка Селенга. Опытъ изученія фарватера рѣки Селенги выше русской границы былъ весьма небольшой, верстъ на 70 по р. Селенгѣ и верстъ около 100 по р. Орхону (правому притоку Селенги). Движеніе парохода оказалось возможнымъ. Однако крупные пароходы, глубоко идущіе, едва ли могутъ подниматься очень высоко по обѣимъ этимъ рѣкамъ; но считается вполне возможнымъ движеніе пароходовъ мелкосидящихъ. Намъ извѣстно, что еще лѣтомъ 1910 г. пароходчикъ г. Коковинъ велъ переговоры получить концессию для пароходства по р. Селенгѣ и Орхону отъ монгольскихъ князей. Насколько извѣстно по слухамъ, таковое разрѣшеніе князьями дано г. Коковину. Откроется ли пароходство,—покажетъ будущее, но, пожалуй, китайское правительство будетъ препятствовать. Если удалось бы установить пароходство по рѣкѣ Селенгѣ, на примѣръ, до устья Телгирь-Мурина, а по рѣкѣ Орхону до устья Тамыра или хотя бы до устья Толы, то такое пароходство пріобрѣло бы серьезное значеніе, такъ какъ повліяло бы на расширеніе нашего торговаго вліянія изъ Кяхты въ предѣлы районовъ Улясутайскаго и Заинь-шабинскаго. Конечно, если будутъ приняты мѣры со стороны нашего правительства, чтобы таковое пароходство не находилось въ монопольныхъ рукахъ одного пароходчика, какъ это теперь установилось по рѣкѣ Селенгѣ между Верхнеудинскомъ и Кяхтою.

Рѣка Верхній Енисей. Инженеръ Родевичъ, спеціально изучившій фарватеръ Верхняго Енисея, положительно высказался за возможность открытія пароходства по нему, начиная отъ устья рѣки Хамсары. Въ 1910 году, по желанію московской торговой экспедиціи, былъ командированъ спеціалистъ-практикъ для изученія этого вопроса. Мнѣніе инженера Родевича подтвердилось и этимъ изслѣдованіемъ. Кажется, уже приняты мѣры къ уничтоженію важнѣйшихъ препятствій къ пароходству въ фарватерѣ Верхняго Енисея. Недалеко то время, когда откроется свободное пароходное сообщеніе почти отъ хребта Танну-ола до Красноярска. Допускается нѣкоторыми коммерсантами мысль, что провозъ товаровъ изъ Урянхайской земли до Красноярска будетъ обходиться на пароходахъ 20—30 коп. Если считать, что отъ поселковъ на Верхнемъ Енисеѣ провозъ до Улясутая и Кобдо будетъ обходиться отъ 75 коп. 1 рубля, то провозъ Улясутай—Красноярскъ будетъ стоить 95 коп.—1 руб. 30 коп.; между тѣмъ провозъ изъ Улясутая до

Бійска—1 руб. 80 коп., изъ Кобдо—1 руб. 60 коп., да до желѣзной дороги отъ Бійска—40 коп.; слѣдовательно, изъ Улясутая черезъ Бійскъ до желѣзной дороги—2 руб. 20 коп., а изъ Улясутая черезъ Енисей—1 р. 30 к., то-есть 90 к. разницы на пудъ товара. Эта цифра уменьшится на тарифную плату по желѣзной дорогѣ Красноярскъ—Обь—20 коп.

Изъ Кобдо черезъ Бійскъ до желѣзной дороги—2 рубля, а черезъ Енисей—1 рубль 30 коп., т.-е. 70 коп. разницы на 1 пудъ, уменьшая на тарифную плату (20 коп.)=50 коп. Если принять во вниманіе, что Енисей открытъ для навигаціи съ мая по октябрь и что по нему будутъ ввозиться грузы, необходимые для развитія нашей крупной золотопромышленности и сельскаго хозяйства и скотоводства въ Урянхайской землѣ, то значеніе этого воднаго пути выясняется само собою. Необходимо только принять мѣры, чтобы шерсть и сурокъ изъ Монголіи могли отправляться въ іюлѣ и августѣ, чтобы воспользоваться сентябремъ для доставки ихъ пароходомъ въ Красноярскъ, что вполнѣ, говорятъ, возможно, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ уже и примѣръ: шерсть и сурокъ Заинь-шабинскаго и отчасти Ургинскаго районовъ уже и теперь отчасти отправляется въ іюлѣ и попадаетъ на пароходы по Селенгѣ; значитъ, то же можно дѣлать и въ Улясутайскомъ районѣ.

Рѣка Иртышъ. Пароходство по Иртышу выше озера Зайсана возможно, опыты были сдѣланы давно. Пользоваться этимъ пароходствомъ возможно и таковымъ уже пользуются, но оно будетъ имѣть значеніе для Чугучакскаго района, а равно для торговли въ Урумчи, Хами и Баркулѣ, но едва ли будетъ имѣть значеніе для Сѣверной Монголіи, въ особенности при условіи открытія пароходства по Верхнему Енисею.

Однако, прежде чѣмъ воспользоваться названными рѣками, какъ водными путями въ Монголію, намъ необходимо разсмотрѣть вопросъ о правѣ на судоходство по нимъ. Изъ трехъ рѣкъ, мною названныхъ, рѣка Верхній Енисей не можетъ подлежать никакимъ сомнѣніямъ, такъ какъ Урянхайская земля, по которой протекаетъ эта крупная водная артерія, должна быть признана принадлежащею Россійской имперіи. И сейчасъ фактическая китайская граница проходитъ къ югу отъ нея, по хребту Танну-ола. Но если и признать Урянхайскій край территоріей спорной, то во всякомъ случаѣ къ судоходству по Верхнему Енисею должны быть примѣнены правила о „свободномъ плаваніи“, какъ по рѣкѣ международной, т.-е. правила, уже вполнѣ вылившіяся въ опредѣленные формы въ международномъ правѣ ¹⁾.

Права на пароходство по рѣкамъ.

1) Примѣнительно къ правиламъ, выработаннымъ международными конгрессами, начиная съ Вѣнскаго, о рѣкахъ Рейнѣ, Дунаѣ, Паранѣ, Парагваю и т. д.

Но да позволено будетъ надѣяться, что столь легкій вопросъ, какъ вопросъ урянхайскій, будетъ разрѣшенъ нашимъ правительствомъ въ самомъ скоромъ времени, и я смѣю надѣяться, что у насъ теперь имѣются столь вѣскія данныя въ нашу пользу, что во всякомъ случаѣ рѣка Верхній Енисей должна остаться въ нашихъ рукахъ, и, слѣдовательно, едва ли слѣдуетъ намъ поднимать вопросъ о правѣ пароходства по этой рѣкѣ, а проще открыть свое пароходство.

Въ другихъ условіяхъ находятся верхнія теченія рѣкъ Селенги и Иртыша. Рѣки эти протекаютъ, безспорно, на территоріи Китайской имперіи. Однако и здѣсь необходимо имѣть въ виду политическія права Китайской имперіи на тѣ территоріи, по которымъ протекаютъ названныя рѣки. Во всякомъ случаѣ монгольскіе князья, черезъ владѣнія которыхъ протекаютъ рѣки, считаютъ себя собственниками своихъ территорій и не признаютъ за китайскимъ правительствомъ права распоряжаться какъ землями, такъ, слѣдовательно, и водами, черезъ нихъ протекающими. Впрочемъ, какъ лицо, мало компетентное въ этомъ вопросѣ, я оставляю его изученіе специалистамъ и лишь только считалъ себя обязаннымъ обратить на него вниманіе читателя.

Сравнительная оцѣнка русскихъ путей. Районы Кяхтинскій, Ургинскій и Заинъ-шабинскій выгодиѣ всего могутъ обслуживаться путями на Кяхту. При открытіи пароходства по верхнему теченію р. Селенги туда же будутъ притягиваться отчасти товары восточной половины Улясутайскаго округа. Желѣзная дорога до Кяхты серьезно облегчитъ нашу торговлю въ этихъ районахъ.

Торговые пути по направленію на Тунку и особенно на Минусинскъ должны очень серьезно повліять на улучшеніе нашей торговли въ Улясутайскомъ, Кобдосскомъ и Уланкомскомъ округахъ. Открытіе пароходства по Верхнему Енисею рѣшительно повернетъ всѣ грузы этихъ округовъ на Красноярскъ.

Пути изъ
Китая.

Калганъ—Урга. Главнѣйшимъ историческимъ торговымъ отправнымъ пунктомъ изъ Китая въ Монголію служитъ Калганъ. Почти столѣтіями тамъ создавалось вліяніе на монгольскій рынокъ, создалась особая специальная промышленность, обслуживающая Монголію: транспортныя, посредническія и банкирскія операціи. Нынѣ до Калгана проведена желѣзная дорога, связавшая Великій океанъ, а, слѣдовательно, и европейскіе рынки съ Калганомъ удобными и дешевыми сообщеніями. Слѣдовательно, ни одинъ городъ Китая не можетъ оспаривать значенія Калгана для монгольской торговли. И потому путь Калганъ—Урга, потерявшій прежнее огромное значеніе транспортнаго для торговли

чаемъ съ Россіей, оставилъ за собою важнѣйшее значеніе для китайской торговли въ Монголіи.

Сообщеніе изъ Калгана въ Ургу происходитъ черезъ пустыню Гоби на верблюдахъ. Каждый верблюдъ везетъ до 15 пудовъ груза, и за это уплачивается отъ 10 до 25 ланъ, смотря по времени года, по направленію товаровъ и тѣмъ или другимъ случайностямъ, т.-е. отъ 50 коп. до 2 руб. 5 коп. съ пуда.

Мой сотрудникъ по экспедиціи С. Л. Вильгузъ, прошедшій лично этотъ путь, беретъ среднюю стоимость 1 руб. 25 коп. Время движенія грузовъ — одинъ мѣсяць, для легкаго почтового сообщенія — 18 сутокъ. Разстояніе въ верстахъ этого караваннаго пути считается около 1000 верстъ.

Калганъ—Улясутай. По этому пути, насколько рисуется мнѣ изъ личныхъ наблюденій, отправляется сравнительно немного товаровъ, хотя сообщеніе возможно тѣмъ же порядкомъ на верблюдахъ и стоитъ, конечно, нѣсколько дороже. По свѣдѣніямъ С. Л. Вильгуза, провозъ Калганъ—Улясутай стоитъ до 20 ланъ съ верблюда. Большинство крупныхъ китайскихъ фирмъ поэтому признаетъ удобнымъ сосредоточивать какъ ввозные, такъ и вывозные товары въ Ургѣ не только изъ Ургинскаго, Заинъ-шабинскаго районовъ, но и изъ Улясутайскаго округа. Провозъ изъ Заинъ-шаби до Урги обходится 54 коп. съ пуда, а изъ Улясутая 70 коп.—1 рубль. Слѣдовательно, отъ Улясутая черезъ Ургу провозъ обходится 1 руб. 95 коп.—2 руб. 25 коп. съ пуда. Изъ Улясутая прямо въ Калганъ провозъ стоитъ приблизительно 2 руб. 30 коп. съ пуда.

Калганъ—Долонъ - норъ. Этотъ путь обслуживаетъ главнымъ образомъ юго-восточную часть Монголіи. Нашего торговаго вліянія въ этой части Монголіи совершенно не имѣется. Можно предположить, что провозъ по этому пути товаровъ значительно дешевле, чѣмъ въ Ургу.

Кукухото—Улясутай и Кукухото—Кобдо. Городъ Кукухото пріобрѣлъ тоже съ давняго времени торговое значеніе по торговлѣ съ Монголіей. Прежде онъ игралъ главнѣйшую роль по торговлѣ монгольскимъ скотомъ; подобно нашей Тункѣ, сюда сгонялись тысячи головъ лошадей, рогатаго и особенно мелкаго скота (овець). Вмѣстѣ съ тѣмъ сюда отправлялось значительное количество товаровъ изъ Калгана для обмѣна на скоть. Сообщеніе Кукухото съ Улясутаемъ и съ Кобдо совершается точно такъ же на верблюдахъ. Значеніе этого пути для

вывоза сырья изъ Монголіи начало увеличиваться, и такъ какъ отъ Калгана до Кукухото ведется желѣзная дорога, то нужно ожидать, что съ окончаніемъ этого пути торговля китайцевъ въ Кобдосскомъ и Улясутайскомъ округахъ будетъ базироваться на Кукухото и пути отъ него черезъ Гоби приобрѣтутъ серьезное значеніе. Стоимость провоза по этому пути варьируетъ приблизительно въ тѣхъ же предѣлахъ, что и изъ Калгана.

В. Л. Поповъ.

М О Н Г О Л І Я.

(Экономическій очеркъ).

Въ центральной части Азіи расположена громадная страна, находящаяся въ политической зависимости отъ Китая и извѣстная подъ именемъ Монголіи.

Поверх-
ность
страны.

Границы ея проходятъ на западѣ и сѣверѣ съ Россіей, начиная отъ вершины горы Канасъ и далѣе съ губерніями: Томской, Енисейской, Иркутской и Забайкальской областью, вплоть до Абагайтуевского караула,—всего, слѣдовательно, на протяженіи 3,000 верстѣ. На востокѣ она граничитъ съ Маньчжуріей, начиная отъ озера Таргунъ и идя на югъ, мимо озеръ Кулунъ, Баиръ, городовъ Цицикара, Чанъ-Чуна и вплоть до хребта Инъ-Шань. На югѣ отдѣляется Великой стѣной отъ Чжилійской, Шанъ-Сиской, Шэнъ-Сиской и Ганъ-Суской провинцій собственнаго Китая. Отъ Цзя-Юй-Гани граница идетъ въ юго-западномъ направленіи къ горѣ Канасъ, отдѣляя такимъ образомъ Монголію отъ собственно Китая.

Площадь Монголіи опредѣляется приблизительно въ 3.300,000 квадратныхъ верстѣ и представляетъ изъ себя плоскогоріе, значительно поднятое надъ уровнемъ моря. По устройству поверхности и орошенію, а вслѣдствіе этого и по климату, флорѣ и фаунѣ Монголію можно раздѣлить на три совершенно различныхъ части.

Сѣверо-западная часть ея, прилегающая къ русскимъ владѣніямъ, представляетъ изъ себя рядъ горныхъ цѣпей, идущихъ почти параллельно одинъ другому; нѣкоторыя изъ нихъ на 1,000 верстѣ протянулись вглубь Сибири; эта часть извѣстна подъ именемъ Халхи, и изученію ея были главнымъ образомъ посвящены работы экспедиціи, захватившей отчасти и рядомъ лежащую среднюю полосу Монголіи — пустыню Гоби или Шамо.

Эта вторая часть Монголіи представляетъ изъ себя огромную пустыню, протяженіе которой считается до 500 верстѣ; на южной и

юго-восточной границѣ этой пустыни тянутся цѣпи высокихъ горъ Хинь-Ганга и Инь-Шаня, отдѣляя пустыню отъ третьей, самой лучшей части Монголіи, расположенной въ юго-восточномъ углу ея и извѣстнымъ подъ именемъ страны Чахарь. Здѣсь сосредоточены наиболѣе плодородныя земли, а потому сильно развито земледѣліе и быстро идетъ китайская колонизація.

Сѣверо-западная Монголія представляетъ изъ себя какъ бы продолженіе горнаго узла, начавшагося въ Россіи, въ Томской губерніи. Наиболѣе высокія и мощныя горы идутъ по южной ея части, начинаясь отъ пограничной горы Канась и простираясь на юго-востокъ, на протяженіи свыше 1,500 верстъ; онѣ носятъ названіе Монгольскаго Алтая и являются прямымъ продолженіемъ Алтайскихъ горъ, проходящихъ въ Томской губерніи. Общая высота ихъ около Кобдо достигаетъ 3,205 метровъ. Алтай имѣетъ много отроговъ, извѣстныхъ подъ разными названіями.

Отъ горы Канась къ сѣверу идетъ по границѣ съ Россіей хребетъ Сайлюгэмъ, переходящій въ Саянскій. Этотъ послѣдній, начинаясь отъ озера Джувлукуль, идетъ по границѣ съ Енисейской и Иркутской губерніями, вплоть до озера Косоголь, далѣе котораго начинаются многочисленные отроги горъ Кентея, носящіе здѣсь различныя названія.

Между Монгольскимъ Алтаемъ и Саянскимъ хребтомъ идутъ нѣсколько параллельныхъ цѣпей, начинающихся на границѣ съ Россіей у хребта Сайлюгэнъ и протягивающихся вплоть до Восточной Монголіи, гдѣ онѣ опять соединяются съ отрогами хребта Кентей. Цѣпь горъ, идущая параллельно Монгольскому Алтаю, состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ хребтовъ, носящихъ названія горъ Хара-Аргаланту, Дурульджи, Дурдулунъ, Шире-Уланъ, Хасакту, Хаирхонъ и Тайширь-Ола; послѣдніе отроги этихъ горъ теряются уже въ пескахъ Гоби. Слѣдующая параллельно идущая цѣпь горъ носитъ названіе Хангай; онѣ начинаются у озера Убса и, простираясь на востокъ болѣе чѣмъ на 900 верстъ, даютъ много развѣтвленій подъ именемъ горъ: Тарбагатая, Гичигина, Шивартай, Телліанъ-Цаганъ, Уха-Чолутей, Бугунъ-Шара и пр. Послѣдніе отроги ихъ тоже теряются въ пескахъ Гоби. Хангай очень высокъ и покрытъ большими ледниками. Ледъ на встрѣчающихся въ Хангаѣ рѣчкахъ въ іюнѣ все еще не вполне растаиваетъ.

Къ сѣверу отъ Хангая, параллельно ему, идетъ хребетъ Танну-Ола, который, начинаясь у озера Длувлукуй, тянется на востокъ на протяженіи 550 верстъ, принимая у средняго теченія Селенги названіе Хантай-Ула, и черезъ горный узелъ Мунку-Сардыкъ направляется на

сѣверо-востокъ, переходя въ Тункинскіе гольцы. Высота горъ сравнительно небольшая, такъ какъ онѣ нигдѣ не достигаютъ снѣговой линіи. Но онѣ имѣютъ чрезвычайно важное орографическое значеніе, служа водораздѣломъ между бассейнами озера Убса и Енисея, а, кромѣ того, рѣзко отграничивая флору и фауну сѣверной части этого района отъ южной. Онѣ имѣютъ много отроговъ, которыми къ сѣверу соединяются съ Саянскими горами.

Въ восточной части Халхи центральнымъ узломъ служитъ горный массивъ Кентей, являющійся водораздѣломъ рѣкъ Иро и Харагола. Отъ него во всѣ стороны идутъ горные кряжи, изъ которыхъ наиболѣе крупнымъ является Яблоновый хребетъ, начинающійся между истоками рѣки Онона и Мензы и уходящій на сѣверъ, далеко вглубь русскихъ владѣній. Ширина хребта въ среднемъ пять—семь географическихъ миль, но въ болѣе широкихъ мѣстахъ доходитъ до девяти миль. На югъ спускается хребетъ Алтанъ-Улугуй, отдѣляющій Халху отъ Восточной Монголіи и цѣлый рядъ болѣе мелкихъ отроговъ, изъ которыхъ Гунту окружаетъ Ургинскую долину и въ свою очередь раздѣляется около Урги на нѣсколько хребтовъ: Бурлынъ-Аба, Бохукъ, Гангынъ-Даба, Дзэгиль и др. Изъ западныхъ отроговъ наиболѣе высокимъ является Манхабай, сливающійся съ горами верховьевъ рѣкъ Селенги и Орхона. Почти всѣ эти отроги, какъ и самъ Кентей, не особенно высоки и не достигаютъ линіи вѣчнаго снѣга.

Что касается пустыни Гоби, черезъ которую экспедиціи приходилось переѣзжать, то она представляетъ собою высокое плоскогоріе, похожее на большую горную долину, ограниченную горами Кентеемъ, Хинганомъ, Иншанемъ и Монгольскимъ Алтаемъ; края Гоби болѣе возвышенны, чѣмъ центръ; посрединѣ, главнымъ образомъ въ сѣверной части, проходитъ нѣсколько невысокихъ кряжей горъ, образуя мѣстами цѣлыя группы и поднимаясь надъ окружающею мѣстностью всего на 150—200 метровъ.

Въ сѣверо-западной части Монголіи берутъ свое начало двѣ большія рѣки: Енисей и Селенга. Енисей въ предѣлахъ Монголіи носитъ два различныхъ имени: въ верхнемъ теченіи называется Хуа-Кемъ, а затѣмъ Улукемъ; болѣе крупные его притоки: справа—Бейкемъ, вытекающій изъ Саянскихъ горъ, и слѣва—Кемчикъ, берущій начало въ Монгольскомъ Алтаѣ. Въ верхнемъ теченіи своемъ Енисей (Хуа-Кемъ) очень стѣсненъ отвѣсными скалами и имѣетъ чрезвычайно узкую долину. Селенга вытекаетъ изъ сѣвернаго склона Хангая и образуется изъ трехъ рѣкъ: Эдеръ, Буксуй и Тельгиръ-Муринъ. Въ предѣлахъ

Орошеніе.

Монголіи протекаетъ на пространствѣ болѣе 1,000 верстѣ; наиболѣе крупными притоками ея въ сѣверо-западной Монголіи являются: слѣва—Эгинь-Голь, и справа—Орхонъ, вытекающій съ сѣвернаго склона Хангая, съ притокомъ Тола, на которомъ стоитъ Урга, Хараголъ и Иро, вытекающая изъ Кентея. Почти на всемъ своемъ протяженіи Селенга окаймлена хребтами, спускающимися прямо къ водѣ или обрывающимися въ рѣку крутыми скалистыми мысами. Каменистые склоны береговыхъ горъ изрѣзаны узкими долинами рѣкъ, впадающихъ въ Селенгу. Въ общемъ правый берегъ болѣе крутъ, чѣмъ лѣвый; на послѣднемъ встрѣчается довольно много пологихъ мѣстъ, удобныхъ для хлѣбопашества и покрытыхъ тучными пастбищами; ширина рѣки отъ 175 до 500 саж., средній уклонъ—0,13—0,17 саж. на высоту, при скорости теченія 4—6 верстѣ въ часъ. Большой частью Селенга течетъ однимъ русломъ, имѣя твердое, каменистое дно; но встрѣчаются мѣста, гдѣ она разбивается на нѣсколько руслъ и образуетъ около себя цѣлую сѣть озеръ и болотъ. Долины перечисленныхъ рѣкъ имѣютъ лишь небольшія луговья поймы отъ $\frac{1}{2}$ до 12 верстѣ, при чемъ встрѣчаются онѣ только мѣстами. Верховья же рѣкъ менѣе стѣснены горами, почему являются самыми доступными для сельскаго хозяйства. Затѣмъ, хотя самыя долины не отличаются шириной, но зато окружающія ихъ возвышенности довольно пологи и вполне пригодны для сельско-хозяйственной культуры ¹⁾.

Что касается рѣкъ внутренняго бассейна, то онѣ почти всѣ небольшія и впадаютъ въ горькія или горько-соленыя озера или же просто теряются въ болотахъ и пескахъ.

Наиболѣе значительныя изъ нихъ слѣдующія: Тесъ, имѣющая цѣлую сѣть притоковъ съ правой стороны вмѣстѣ съ солеными озерами, берущая свои воды главнымъ образомъ въ горахъ Танну-Ола и изливающая ихъ въ озеро Убса; затѣмъ рѣка Кобдо, впадающая въ озеро Хара-Нуръ, и рѣка Дзапхынъ; послѣдняя имѣетъ съ правой стороны притокъ Улясутай, а съ лѣвой — Шотханъ-Тэлли и впадаетъ въ озеро Айракъ-Нуръ. Затѣмъ рѣка Наринъ, впадающая въ озеро Убса; Кунгуй — притокъ Айракъ-Нура и Байдарикъ, — впадающая въ озеро Таганъ. Изъ озеръ наиболѣе крупнымъ является прѣсное озеро Косоголь, имѣющее 120 верстѣ длины и 130 верстѣ ширины. Изъ него беретъ начало притокъ Селенги — Эгинь-Голь. Затѣмъ въ самомъ сѣверо-западномъ углу Монголіи находится озеро Убса-Нуръ, въ 54 вер.

¹⁾ Въ 1909 году пароходъ по Селенгѣ проходилъ до впаденія рѣки Иро въ Селенгу. Выше устья Орхона пароходъ можетъ подниматься на 50 верстѣ.

Рѣка Селенга.

Переправа черезъ р. Тола, притокъ Селенги.

ширины и 58 верстъ длины, съ многочисленными, но небольшими притоками; вода въ немъ горько-соленая, берега песчаные и пологіе. Къ востоку отъ нихъ расположена группа озеръ, изъ которыхъ болѣе крупными являются: Киргизъ-Нуръ, имѣющее болѣе 100 верстъ въ окружности, и Айракъ-Нуръ (45 верстъ въ окружности). Въ первомъ озерѣ вода соленая, во второмъ — прѣсная; къ югу отъ нихъ лежатъ озера—прѣсное Хара-Усу и соленое Дургануръ—соединяющіяся между собою протоками.

Что касается небольшихъ озеръ, въ 8—10 верстъ, то таковыя въ сѣверо-западной части Монголіи встрѣчаются въ изобиліи. Большая часть изъ нихъ представляетъ собою болѣе или менѣе глубокія впадины, въ которыя собирается вода съ окрестныхъ нагорій; каждое изъ этихъ озеръ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не только измѣняетъ свои формы, размѣры и вкусъ воды, но можетъ совершенно исчезнуть или снова появиться. Причиной такого явленія служитъ то, что въ Монголіи сухіе годы періодически чередуются съ влажными: въ сухіе годы на горахъ меньше выпадаетъ снѣга, почему ледники сокращаются, а въ рѣкахъ и озерахъ замѣчается уменьшеніе количества воды. Наоборотъ, въ періодъ влажности осадковъ много, ледники быстро растутъ, и вода въ рѣкахъ и озерахъ прибываетъ. Такое чередованіе сухихъ годовъ съ влажными послужило причиной созданія теоріи о постепенномъ усыханіи Монголіи.

Климатъ Монголіи изученъ и изучается мало. Въ монгольскихъ городахъ ни монголы, ни китайцы метеорологическихъ станцій не имѣютъ. Въ Ургѣ при русскомъ консульствѣ устроена метеорологическая станція, но наблюдений въ ней во время нашего пребыванія по неизвѣстнымъ причинамъ не производилось. Климатъ.

Въ своей сѣверо-западной части Монголія является страной горной, раздѣленной на множество долинъ. Но въ силу того, что горные хребты не такъ высоки, чтобы служить защитой отъ вѣтровъ, климатъ различныхъ долинъ сходенъ между собою и не отличается разнообразіемъ. Охарактеризовать его можно „строго континентальнымъ“.

Наиболѣе характерной его особенностью является чрезвычайная сухость воздуха и большія колебанія температуры не только по временамъ года, но даже въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Такъ, 1 іюня 1910 года при переправѣ экспедиціи черезъ рѣку Иро въ два часа дня термометръ показывалъ 42,3 С. при облачности 10, между тѣмъ какъ предыдущей ночью было лишь 1,8 тепла.

Районъ этотъ подвергнутъ главнымъ образомъ вліянію сѣверныхъ,

сѣверо-западныхъ и юго-восточныхъ вѣтровъ. Сѣверные вѣтры, дующіе съ сѣвернаго моря, приносятъ съ собою немного влаги; но, будучи задерживаемы на пути горными хребтами, идущими съ запада на востокъ, осаждаютъ свою влагу только лишь на сѣверныхъ склонахъ этихъ горъ, тогда какъ южные ея совершенно не получаютъ. Справедливость сказаннаго подтверждается тѣмъ характернымъ явленіемъ, что дѣйствительно почти всѣ встрѣчавшіеся на пути экспедиціи горные кряжи и возвышенности были покрыты лѣсами лишь съ сѣверной стороны, между тѣмъ какъ южные стояли оголенные, имѣя кое-гдѣ жалкую растительность. Что касается сѣверо-западныхъ вѣтровъ, дующихъ главнымъ образомъ зимою, то, будучи по происхожденію своему сухими и холодными и оставляя послѣднюю свою влагу на пограничныхъ поперечныхъ хребтахъ Русскаго Алтая, Сайлюгема и отчасти Саянскаго хребта, вступаютъ въ Монголію совершенно сухими и, не встрѣчая болѣе на пути своемъ поперечныхъ горныхъ преградъ, несутся въ такомъ видѣ по западной части Монголіи вплоть до ея восточной, гдѣ запутываются въ горномъ узлѣ Кентей, съ его многочисленными отрогами. Съ другой стороны юго-восточные вѣтры, будучи по происхожденію теплыми и очень влажными, дойдя до высокихъ отроговъ Хингана, хребтовъ Алашаня и Наньшаня, оставляютъ на нихъ всю свою влагу и, проносясь ураганомъ надъ пустыней Гоби, врываются въ предѣлы Халхи сухими и настолько жаркими, что на пути своемъ высушиваютъ всю растительность и причиняютъ большія мученія какъ животнымъ, такъ и людямъ. Если же этотъ вѣтеръ и нагонитъ иногда тучи, то онѣ проносятся такъ быстро, что лишь нѣсколько капель успѣваютъ упасть на поля и низины, а большая часть ихъ осаждается на вершинахъ горъ, образуя ледники.

Такое положеніе вещей, въ связи съ сильнымъ нагрѣваніемъ почвы и высокой температурой при малой относительной влажности, является причиной чрезвычайно небольшого количества выпадающихъ здѣсь осадковъ, при чемъ въ выпаденіи ихъ наблюдается нѣкоторая періодичность. Такъ, по свидѣтельству Воейкова, количество осадковъ въ этой области стало уменьшаться съ конца 30-хъ годовъ вплоть до конца 60-хъ прошлаго столѣтія (XIX), а затѣмъ снова стало увеличиваться и достигло прежнихъ размѣровъ въ началѣ 90-хъ годовъ.

Среднее годовое количество осадковъ въ Ургѣ равняется 238 мм. Изъ русскихъ городовъ, по количеству годовыхъ осадковъ, Урга соответствуетъ городамъ Ташкенту, Акмолинску, и Астрахани. При сравненіи же съ мѣстностями, лежащими на той же широтѣ Европейской

и Азіатской Россіи, оказывается, что годовое количество осадковъ въ этихъ послѣднихъ равняется:

Новосильцы	500 м.
Ольвіополь	400 „
Екатеринославъ	500 „
Чаплино	400 „
Юзово	400 „
Иргизъ	300 „
Сергіополь	300 „

По временамъ года и по мѣсяцамъ осадки эти въ процентномъ отношеніи распредѣляются такъ (по даннымъ консульства въ Ургѣ за прошлые годы):

Янв.	Февр.	Мартъ.	Апр.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Авг.	Сент.	Октяб.	Нояб.	Декаб.
1,0	0,9	0,9	0,5	5	23	29	25	9	2	1,8	2

Для сравненія привожу городъ Москву:

Янв.	Февр.	Мартъ.	Апр.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Авг.	Сент.	Октяб.	Нояб.	Декаб.
6%	4%	4%	5%	9%	11%	14%	12%	12%	8%	9%	6%

Такимъ образомъ три лѣтнихъ мѣсяца—іюнь, іюль, августъ—являются въ Халхѣ не только самыми дождливыми, но въ процентномъ отношеніи, по сраненію съ другими мѣсяцами, даютъ даже очень большое отклоненіе. Въ горныхъ районахъ осадковъ выпадаетъ больше, въ долинахъ меньше, при чемъ количество ихъ уменьшается, во-первыхъ, по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ, во-вторыхъ, съ увеличеніемъ абсолютной высоты мѣста и, въ-третьихъ, съ уменьшеніемъ лѣсной площади.

Сухость воздуха иногда бываетъ поразительная (1:100).

Наибольшая облачность наблюдается *) въ маѣ. Въ этомъ отношеніи сѣверо-западная Монголія соотвѣтствуетъ въ Россіи лишь части Амурской области—отъ рѣки Амура и до города Николаевска, Приморской области.

Минимумъ облачности приходится на январь, что соотвѣтствуетъ южнымъ частямъ Иркутской губерніи, Забайкальской области, Якутской (по рѣкѣ Алдану), Южно-Амурской и югу Приморской—до рѣки Амуръ.

Зимой температура нерѣдко понижается ниже 40°, что при абсолютной тишинѣ переносится сравнительно легко. Такая низкая темпе-

*) По даннымъ главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ.

ратура въ связи съ полнѣйшимъ покоемъ въ природѣ объясняется гористостью мѣстности, при которой холодный воздухъ, скопляясь въ ущельяхъ и долинахъ и не имѣя свободнаго выхода, исподволь сильно понижаетъ общую температуру края.

По даннымъ русскаго консульства въ Ургѣ, за прошлые годы, и г. Антропова въ Улясутаѣ, средняя температура по временамъ года въ этихъ пунктахъ слѣдующая:

	Средн. за годъ.	Средн. за июль.	Средн. въ январь.	Высшая жара.	Высшій холодъ.	Разн.
Урга	—2,9	+17,6	—27,8	+34	—48,2	82,2
Улясутай	—0,2	+19,2	—24,2	+33,1	—47,3	80,4

По абсолютной амплитудѣ температуры воздуха Урга соотвѣтствуетъ слѣдующимъ русскимъ городамъ: Зайсанскій постъ, Иргизъ, Саратовъ, Симбирскъ, Нижній-Новгородъ и Архангельскъ.

По наименьшей температурѣ воздуха соотвѣтствуетъ Каинску, Омску, Златоусту, Вяткѣ, Усть-Сысольску, Архангельску.

По абсолютной наибольшей температурѣ воздуха, принимая ее 42° Ц. (на основаніи личныхъ наблюденій экспедиціи), Урга соотвѣтствуетъ слѣдующимъ городамъ: Перовску, Ташкенту и Красноводску.

Сравнивая же данныя средней годовой температуры въ сѣверо-западной Монголіи съ Европейской Россіей, оказывается, что они соотвѣтствуютъ нашимъ крайнимъ сѣвернымъ губерніямъ; это вытекаетъ изъ того, что линія изотермы города Урги въ 2,9° проходитъ у насъ отъ города Березова, Тобольской губерніи, черезъ Архангельскую губернію по направленію острова Калгуева, а изотерма г. Улясутая въ 0,2° проходитъ отъ города Туринска, Тобольской губерніи, черезъ Пермскую и Вологодскую губерніи къ городу Архангельску.

Что касается температуры почвы, то она всегда въ іюнѣ и іюлѣ бывала на 4—5° выше температуры воздуха.

Начало весны для всей территоріи весьма различно и находится въ связи съ положеніемъ мѣстности въ отношеніи долготы и широты, горныхъ рельефовъ и высоты надъ уровнемъ моря. Такъ, подъ Кобдо, въ районѣ наибольшаго развитія земледѣлія, морозы бываютъ еще въ маѣ, иней исчезаетъ только послѣ 15 числа, и лишь съ 20-хъ чиселъ погода становится теплой, и начинается быстрое развитіе растительности; хотя въ лѣсахъ горныхъ хребтовъ снѣгъ иногда задерживается до первыхъ чиселъ іюня. Между тѣмъ въ сѣверной части этого района, на примѣръ, за Эгинъ-Голомъ, снѣгъ выпадаетъ нерѣдко въ срединѣ іюня вмѣстѣ съ дождемъ, при морозахъ до 2—3°.

Отсутствіе большихъ снѣговъ не даетъ обильныхъ вешнихъ водъ, почему весенніе разливы рѣкъ здѣсь очень незначительны.

Между тѣмъ, какъ въ іюнѣ, когда съ постепеннымъ нагрѣваніемъ жаркаго солнца, теплые слои воздуха поднимаются вверхъ, а на мѣсто ихъ притекаетъ болѣе холодный и влажный воздухъ Тихаго океана, и начинается періодъ дождей,—рѣки сильно разливаются и переправы черезъ нихъ, за отсутствіемъ всякихъ мостовъ, становятся затруднительными.

Въ серединѣ августа, особенно на возвышенныхъ мѣстахъ, начинаются постоянные утренніе морозы *), но въ общемъ августъ и сентябрь являются здѣсь наилучшимъ временемъ года, такъ какъ погода стоитъ ясная, теплая и безвѣтренная.

Началомъ зимы надо считать октябрь, когда обыкновенно замерзаютъ рѣки, хотя въ сѣверномъ районѣ онѣ становятся уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Толщина льда нерѣдко доходитъ до $2\frac{1}{2}$ и даже $2\frac{3}{4}$ арш. Снѣга выпадаетъ настолько мало, что онъ покрываетъ землю всего на 1—4 вершка, почему санный путь устанавливается чрезвычайно рѣдко. Болѣе глубокіе снѣга наблюдаются лишь въ лѣсныхъ сѣверныхъ мѣстахъ. Такъ, въ долину Хунцалъ, по рѣкѣ Суджактуй, зимою менѣе аршина снѣга не бываетъ (экспедиція проѣхала эти мѣста 10 іюня). Кромѣ того, падая совершенно сухимъ, снѣгъ при малѣйшемъ вѣтрѣ сдувается съ открытыхъ мѣстъ въ ущелья и летаетъ въ воздухѣ, отчего земля, оставаясь безъ снѣжнаго покрова, отъ сильныхъ морозовъ трескается на большую глубину. Промерзаніе почвы иногда доходитъ до такихъ слоевъ, куда не можетъ проникнуть лѣтняя теплота, въ силу чего въ такихъ мѣстахъ встрѣчается вѣчная мерзлота почвы. Проникновеніе мерзлоты въ глубь почвы и оттаиваніе верхнихъ ея слоевъ въ лѣтнее время зависитъ отъ теплопроводныхъ свойствъ этого верхняго слоя.

Одна изъ такихъ мерзлотъ встрѣчена была сѣвернымъ отрядомъ 14 августа (2,500 м.) въ вершинахъ истока рѣки Буксуя, притока Селенги.

Наиболѣе тяжелыми зимою являются сѣверо-западные вѣтры, дующіе въ февралѣ, преимущественно днемъ, и несущіе обыкновенно съ собою страшныя бури, силу которыхъ при стоящихъ въ

*) 17 августа при переправѣ экспедиціи черезъ Дзунъ-Харганы на высотѣ 2,640 м. шель снѣгъ, быстро стаявшій въ долину, но остававшійся на горахъ сравнительно долгое время.

это время морозахъ съ трудомъ переносятъ даже привыкшіе къ нимъ и закаленные монголы; скотъ же гибнетъ въ это время тысячами.

Вліяніе здѣшняго климата на человѣка очень благотворно по сравненію съ другими жаркими и влажными странами; простуда и связанная съ нею различныя легочныя заболѣванія—явленіе здѣсь довольно рѣдкое. Объясняется это только чрезвычайной сухостью воздуха, при которой высокая лѣтняя температура сопровождается всегда малой относительной влажностью; поэтому испареніе пота происходитъ здѣсь легко и быстро, тогда какъ во влажныхъ странахъ эта самая жара переносится съ трудомъ, потъ испаряется медленно и тѣмъ подвергаетъ разгоряченное, влажное тѣло обдуванію со всѣми его послѣдствіями.

Въ заключеніе надо сказать, что вслѣдствіе громадной важности знанія климатологіи пограничной съ Россіей страны является весьма желательнымъ наискорѣйшее устройство и правильное функционированіе метеорологическихъ станцій при русскихъ консульствахъ въ Монголіи.

Почвы.

Большая часть почвъ сѣверо-западной Монголіи представляетъ изъ себя продуктъ разрушенія ея горныхъ цѣпей и кряжей.

Горные хребты состоятъ изъ гнейса и гранита свѣтлаго, сѣраго или темнаго цвѣта, но почти всегда съ красноватымъ, болѣе или менѣе ясно выраженнымъ отливомъ.

По пути отъ Кяхты къ Ургѣ въ обрывахъ замѣчены были пласты крупнаго глинистаго сланцеваго песчаника, цвѣта темно-краснаго, сѣраго и даже чернаго и мелко-зернистаго песчаника, съ прослоями крупно- и мелко-зернистаго конгломерата, а также жилы краснаго гранита.

Характернымъ явленіемъ расположенія главныхъ подпочвенныхъ слоевъ, какъ гранита, песчаника и пр., служитъ то, что всѣ они имѣютъ почти правильное протяженіе съ запада на востокъ, т.-е. почти то же направленіе, какому слѣдуетъ большинство здѣшнихъ горныхъ цѣпей.

Почва по южнымъ склонамъ горъ обыкновенно песчано-каменистая, а по сѣвернымъ—болѣе плотная и глубокая глинистая и отчасти каменистая.

Въ степяхъ преобладающей почвой является песокъ съ примѣсью гальки, рѣже—суглинокъ; на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ почвы эти переходятъ въ дресву. Въ большомъ количествѣ встрѣчается галька также въ долинахъ, въ глинистыхъ пескахъ, песчаныхъ и иловатыхъ глинахъ, гдѣ она носитъ иногда ясныя слѣды обтачиванія.

Въ долинахъ большихъ рѣкъ преобладаютъ почвы наносныя, супесчаныя, иногда песчаныя или илистыя, а по падымъ небольшихъ

рѣкъ—глинистыя и суглинистыя. Черноземъ попадаетъ полосами или даже клочками.

Представляя изъ себя естественное продолженіе плодороднаго русскаго Алтайскаго округа, сѣверо-западная Монголія не имѣетъ, между тѣмъ, того мощнаго чернозема, которымъ такъ богатъ вышеупомянутый округъ. Наилучшей и наиболѣе плодородной почвой является здѣсь темно-сѣрый суглинокъ, залегающій обыкновенно по теченію рѣкъ; особенно большія пространства его встрѣчены были по рѣкѣ Селенгѣ и ея притокамъ: Толѣ, Харѣ, Иро и Орхону. Но запасъ гумуса въ этихъ почвахъ невеликъ, такъ какъ по снятіи нѣсколькихъ урожаевъ цвѣтъ ихъ блѣднѣетъ, и онѣ становятся мало-плодородными.

Глубина почвеннаго слоя воздѣ невелика: 2—4 вершка, на скатахъ же и того меньше; болѣе глубокіе слои почвы наблюдались лишь въ низкихъ мѣстахъ, гдѣ они доходятъ до 8 вершковъ и гдѣ цвѣтъ ихъ становится темнѣе.

Въ мѣстахъ же, отдаленныхъ отъ рѣкъ, особенно въ самомъ юго-западномъ углу этого района, начиная отъ окрестностей города Улясутая по направленію къ озеру Дургануръ, большая часть почвы находится еще въ періодѣ образованія; это—такъ-называемыя скелетныя почвы, состоящія изъ гальки и хряща, такъ что при современномъ состояніи земледѣльческой техники являются совершенно непригодными для земледѣлія и могутъ быть использованы пока лишь для цѣлей скотоводства.

Солончаки попадались въ изобиліи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почва настолько пропитана солью и селитрой, что на поверхность выступаютъ бѣлыя пятна. Такія мѣста называются у монголъ гуджирами и охотно посѣщаются верблюдами и рогатымъ скотомъ, которые слизываютъ бѣлый соляной налетъ.

Иногда они бываютъ покрыты растительностью, сквозь которую пробивается наверхъ бѣлая соляная пыль *).

Въ районѣ г. Улясутай—озеро Дурга-Норъ встрѣчено было также много высохшихъ озеръ. Тонкій илъ, нѣкогда покрывавшій дно этихъ озеръ, будучи обнаженъ и высушенъ, подвергается въ настоящее время выдуванію, оставляя послѣ себя иногда очень большія пространства, покрытыя галькой и дресвой.

Сѣверная часть описываемаго района Монголіи является наиболѣе

Флора.

*) Гуджиры замѣчены были экспедиціей въ большомъ количествѣ къ юго-западу отъ Урги.

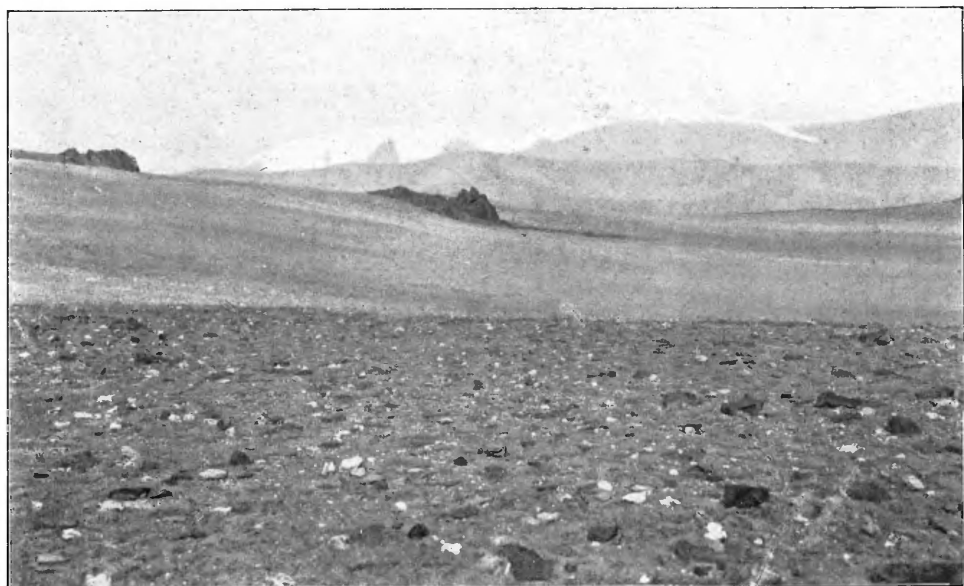
покрова. Вся эта часть отъ русской границы и вплоть до впаденія р. Эгинъ-Гола въ Селенгу и р. Иро на востокъ и горъ Таннуола на западъ принадлежитъ къ лѣсной полосѣ Монголіи. Преобладающимъ деревомъ является лиственница — *Larix*, затѣмъ ель — *Picea vulgaris*, кедръ — *Pinus Sembra*, осина — *Populus tremula* (особенно по берегамъ Селенги и ея притокамъ), тополь — *Populus* и монгольскій вязъ — *Ulmus campestris* L.; сосна и монгольская береза — *Betula verrucosa* Ehrh съ желтымъ стволомъ и мелкими листьями, встрѣчаются рѣже. Бѣлая береза начинается лишь южнѣе Хакэма (Енисея) и растетъ, главнымъ образомъ, на степяхъ въ видѣ рощицъ.

Изъ кустарниковъ преобладаютъ: жимолость — *Lonicera coerulea* L., малина — *Robus Idaeus*, смородина — *Ribes petraeum* Vulf., бузина — *Sambucus gasemosa*, монгольскій миндаль — *Amygdalis pedunculata*, богульникъ — *Ledum*, черника — *Vaccinium*, лапчатка — *Potentilla*, рододендронъ — *Rhododendron*, рябина и черемуха. Послѣдняя является господствующей въ лѣсахъ окрестностей Урги и по Эгинъ-Голу.

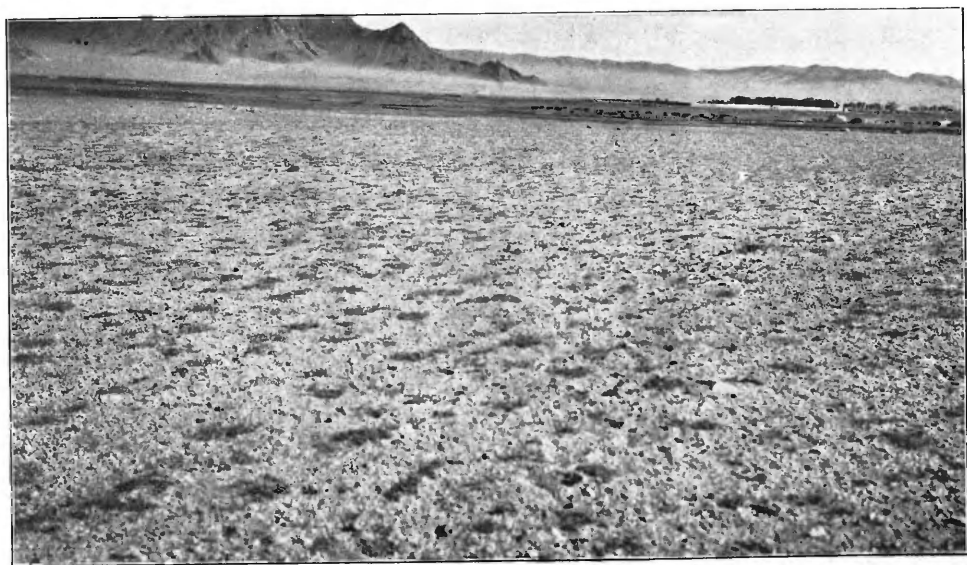
Лѣса тянутся или сплошной стѣной по склонамъ горъ или располагаются въ долинахъ отдѣльными небольшими рощицами. Чѣмъ ближе къ Алтайскому округу, тѣмъ растительность богаче и лѣса гуще, при чемъ послѣдніе почти всегда расположены по сѣверной сторонѣ горъ, тогда какъ на южной они или чрезвычайно рѣдки или совершенно отсутствуютъ. Особенно ярко замѣтна эта разница въ цѣляхъ Тануола и Хангая, тогда какъ болѣе сѣверный Саянскій имѣетъ обѣ стороны почти облѣсенными, а южный, Монгольскій Алтай, наоборотъ, обѣ стороны почти голыя.

Не менѣе богатъ своими представителями и травяной покровъ сѣвернаго района. Наиболѣе часто попадаются: сердечникъ луговой — *Cardamine pratensis*, триостринникъ болотный — *Triglochin palustris*, мятликъ — *Poa attenuata* Trin, мятликъ лѣсной — *Poa nemoralis* L., мятликъ обыкновенный — *Poa trivialis*, манникъ — *Glyceria subfastigiata* G., вѣйникъ — *Calamagrostis lap.*, осока — *Carex ustulata* V., осока пузырчатая — *Carex vesicaria* и другія. Много сортовъ дикаго монгольскаго лука, почти не уступающаго по своимъ качествамъ культурнымъ сортамъ этого растенія и проч., и проч. Задерненность 70—95%.

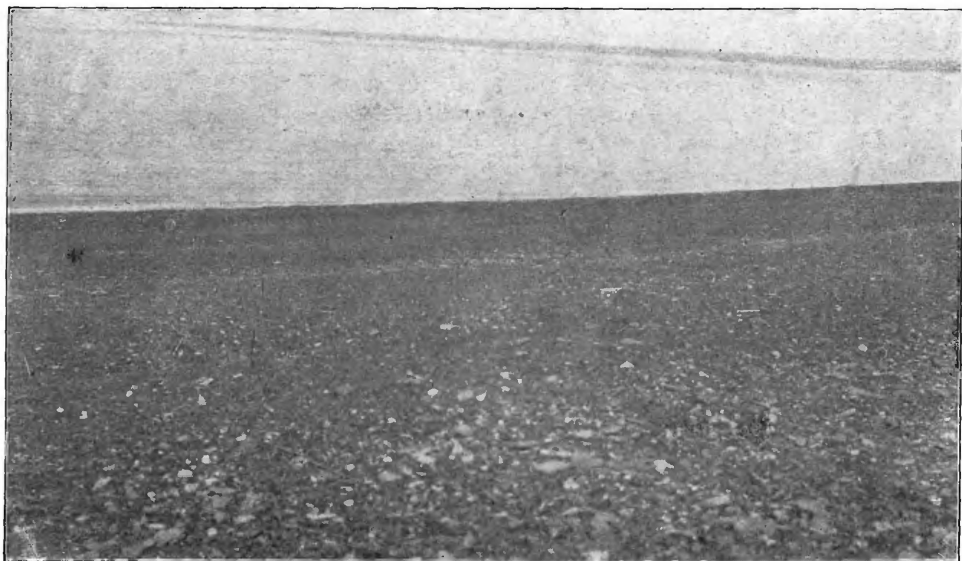
Особенно роскошныя встрѣчаются здѣсь заросли растенія чія (дересунъ — *Lassaria agrostis*). Очень большія площади его замѣчены были экспедиціей по долину р. Эгинъ-Гола. Чій представляетъ изъ себя многолѣтнее растеніе, встрѣчающееся повсемѣстно въ сѣверо-западной Монголіи. Растетъ онъ или большими площадями, или спорадически от-

Каменистая почва степи возлѣ ледника Хаирь-Хагъ.

Глинистая почва, усыпанная галькой подъ г. Кобдо.

Песчаная степь, покрытая галькой.

Пески Гоби.

дѣльными группами и кустами, достигаетъ до 2—4 аршинъ высоты и служитъ любимымъ кормомъ для всѣхъ видовъ скота въ теченіе круглаго года. Особенность его заключается въ томъ, что онъ въ теченіе короткаго періода всего только одного мѣсяца мая или іюня, смотря по широтѣ произрастанія, достигаетъ своего полного развитія. Скоть, а особенно лошади и верблюды, съ жадностью набрасываются на молодой чій въ періодъ его роста и сильно поправляются. По своему кормовому эффекту чій для степной лошади замѣняетъ овесъ. Удачно развиваясь на всякихъ почвахъ—солонцахъ, болотахъ и пескахъ, онъ тѣмъ самымъ имѣетъ громадное распространеніе и самое разнообразное примѣненіе: скошенный въ молодомъ видѣ, даетъ прекрасное питательное сѣно; срѣзанный въ болѣе позднемъ возрастѣ—идетъ на плетеніе ковровъ для юртъ, обставку ихъ, для подстилки при изготовленіи въ прокъ сыра монголами и проч. Наконецъ, будучи оставленъ на зиму, онъ вслѣдствіе своего высокаго роста не заносится снѣгомъ, почему спасаетъ скоть отъ голодовокъ при зимней безкормицѣ. Однимъ словомъ, если суждено когда въ Монголіи развиваться цивилизаціи, то послѣдняя, несомнѣнно, во многомъ будетъ обязана культурѣ этого растенія.

Второе мѣсто послѣ чія занимаетъ по своей важности люцерна, которая въ дикомъ видѣ тоже встрѣчается здѣсь въ изобиліи; главное распространеніе ея замѣчено въ южной полосѣ.

На болѣе высокихъ мѣстахъ встрѣчены представители степной полосы, которые отличаются не столько разнообразіемъ формъ, сколько густотой своей.

Изъ болотной растительности наиболѣе часто попадались слѣдующія:

Мытникъ—*Pedicularis Oederis* Vald, мытникъ—*Pedicularis euphrasiades* Steph, калужница болотная—*Caltha palustris*, камнеломка—*Saxifraga hieracifolia*, сабельникъ болотный—*Comarum palustre*, фіалка двуцвѣтная—*Viola biflora* и пр.

По мѣрѣ направленія къ югу характеръ растительности измѣняется: появляются спеціально степные главнымъ образомъ злаки, мелко-листные, но болѣе питательные, чѣмъ крупно-листные, въ сѣверной части; всевозможные солончаковые, а также полыньи, играющія здѣсь ту же роль по своей питательности, что и ковыль. Въ общемъ растительность не отличается богатствомъ видовъ; но именно она и даетъ возможность выращивать лошадей, овецъ, рогатый скоть и верблюдовъ гораздо лучшаго качества, чѣмъ это удастся сѣвернѣе, въ мѣстахъ съ хоро-

шими и, повидимому, богатыми кормами, при чемъ въ сухіе годы, когда на видъ травы эти очень плохи, скотъ на нихъ не тощаетъ и прекрасно поправляется, тогда какъ тѣ же травы, собранныя въ дождливый годъ, хотя на видъ хороши, но менѣе питательны.

Къ югу отъ Улясутая, въ Гобійской степи, флора уже ничего общаго съ вышеописанной не имѣетъ. Здѣсь встрѣчены были слѣдующія растенія: карагана—*C. tucrophylla* D. C., это — низкое некрасивое растеніе, съ круглыми стеблями, которые стелятся по землѣ; наиболѣе роскошный видъ имѣетъ на твердыхъ и бесплодныхъ почвахъ, гдѣ она густо покрыта темно-зелеными узкими листьями; на болѣе плодородныхъ и мягкихъ почвахъ она, наоборотъ, слабѣе и блѣднѣе; цвѣты имѣетъ маленькіе и желтые. Бударгана замѣчена преимущественно на солонцахъ, рядомъ съ полынью (особ. *Artemisia frigida* V.) и всевозможными видами солянокъ; растетъ въ видѣ небольшихъ кустиковъ и составляетъ любимый кормъ верблюдовъ. Дэрэссу (или Чій—*Lassalia agrostis*) принадлежитъ къ семейству злаковыхъ, растетъ тоже пучками, достигающими 4—7 футовъ вышины; стебли его тверды наподобіе проволоки, почему въ состояніи сдерживать движеніе песковъ; безъ этого растенія, надо думать, Гобійская пустыня, подъ вліяніемъ юго-восточныхъ лѣтнихъ вѣтровъ и бурь, быстро надвинулась бы на близлежащія къ сѣверу долины и занесла бы ихъ.

Въ общемъ южная часть изслѣдованнаго района въ концѣ лѣта (августъ мѣсяцъ, когда здѣсь проѣзжала экспедиція) наводитъ тоскливое настроеніе своимъ однообразнымъ видомъ выгорѣвшихъ на солнцѣ и безъ того скудныхъ травъ.

**Народона-
селеніе.**

Населеніе Монголіи распределено очень неравномѣрно, и цифра жителей далеко не соотвѣтствуетъ пространству, занимаемому страной. Исчисляется оно приблизительно въ три милліона душъ, такъ что на одну квадратную версту приходится около 0,7 жителей. Наиболѣе заселенными частями является сѣверо-западная Монголія и страна Чахаръ, тогда какъ Гоби пустуетъ.

Населеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ народностей монгольской расы, съ различными нарѣчіями; преобладающими являются монголы—потомки нѣкогда отважныхъ и воинственныхъ кочевниковъ временъ Чингисъ-Хана.

Монголы имѣютъ широкое плоское лицо, съ большими скулами, приплюснутый носъ и очень маленькіе узкіе, косо прорѣзанные глаза; уши большія, оттянутыя напередъ, голова большая, покрытая черными и жесткими волосами, плѣшивыхъ почти не встрѣчается; усы и борода

появляются не ранѣе 25 лѣтъ, да и то очень рѣдко. Ростъ средній, сложеніе коренастое, цвѣтъ кожи немногимъ темнѣе европейскаго. Зубы большіе, бѣлые, крѣпкіе и здоровые, сохраняются до глубокой старости и рѣдко болѣютъ.

Волосы на головѣ мужчины бреютъ, оставляя лишь на макушкѣ пучокъ волосъ, которые и заплетаютъ въ косицу. Обычай носить косу мужчинами введенъ у монголъ маньчжурцами при завоеваніи ими Монголіи и знаменуетъ вассальность послѣднихъ къ Китаю. Женщины волосъ не бреютъ, а заплетаютъ ихъ въ косы: дѣвушки—въ одну, а женщины—въ двѣ. Косы переплетаются разноцвѣтными лентами и шнурками, а у болѣе зажиточныхъ вкладываются въ родѣ трубокъ, которыя затѣмъ спускаются напередъ по обѣимъ сторонамъ головы; уши украшаются серьгами, а руки—браслетами. Прически себѣ монгольскія женщины, какъ и китайскія, дѣлаютъ не каждый день, а смазываютъ волосы густо масломъ, чтобы они не сбивались и не было бы нужды расчесывать ихъ ежедневно. Длинные волосы у женщинъ считаются украшеніемъ, а короткіе, напротивъ, позоромъ; поэтому богатые монголки вплетаютъ въ свои волосы нерѣдко чужіе.

По характеру своему монголъ гостеприименъ, довѣрчивъ до наивности, суевѣренъ, лѣнивъ, честенъ и совершенно свободенъ отъ всякаго подобострастія передъ сильными и богатыми. Нельзя сказать, чтобы доброта была прирожденной чертой его характера. Напротивъ, кровь варваровъ сказывается въ пассивной безчеловѣчности монгола къ бѣднякамъ, умирающимъ и мертвымъ, хотя бы самымъ близкимъ роднымъ, а также при исполненіи наказаній и жестокихъ казней надъ преступниками *).

Суевѣріе развито въ монголѣ его буддійской религіей въ связи съ жизнью въ пустыняхъ и горахъ, гдѣ все богатство и онъ самъ находятся всецѣло въ зависимости отъ явленій природы и гдѣ отсутствіе образованія, или хотя бы какой-либо цивилизаціи, не даетъ естественнаго объясненія и отвѣта на вопросы.

Что же касается честности, то несмотря на довольно большое сейчасъ внѣдреніе китайскаго элемента въ среду монголъ, эти послѣдніе до сихъ поръ сохраняютъ эту симпатичную черту своего характера.

*) Что касается того, знаютъ и помнятъ ли свое прошлое сами монголы и какъ они къ этому относятся,—не разъ приходилось говорить членамъ экспедиціи. Насколько выяснилось, простой народъ совершенно не знакомъ съ исторіей своей страны; что же касается монгольскихъ князей, то она имъ хорошо знакома, они ею гордятся, и многіе рассказы изъ того времени донинѣ передаются изъ рода въ родъ.

Относительно лѣни надо замѣтить, что она является лишь какъ слѣдствіе бѣдности, необразованности и отсутствія всякихъ духовныхъ интересовъ и запросовъ. При нуждѣ же монголъ можетъ трудиться и работать долго и упорно, при чемъ такую работу, которая не подь силу совершенно европейцамъ.

Жилищемъ монголу служитъ юрта. Составляется она изъ деревянныхъ раздвижныхъ рѣшетокъ, привязываемыхъ въ видѣ корзины на специально сдѣланные круги.

На рѣшетки натягивается войлокъ, поверхъ котораго юрта обвязывается веревкой; зимою настилается второй рядъ войлока *).

Сбоку дѣлается дверь, а наверху юрты оставляется маленькое отверстіе для выхода дыма. Для постановки такого дома требуется двухчасовая работа двухъ человѣкъ. Когда монголъ перекочевываетъ на другое мѣсто, онъ разбираетъ юрту, раскладываетъ ея составныя части по кожанымъ сумамъ и навьючиваетъ ихъ на верблюда или на лошадь.

Юрта имѣетъ 10—15 футовъ въ діаметрѣ, высота ея 5 футовъ. У богатыхъ монголъ юрта внутри обвѣшивается коврами, шелковыми и шерстяными матеріями, наподобіе обоевъ. Чаще всего встрѣчается пунцовый ситецъ, цуямба и далимба. Полъ также устилается поверхъ войлока коврами. Столбы, поддерживающіе основной обручъ богатой юрты, украшаются матеріей или разрисовываются. Но снаружи ставку монгольскаго князя можно различить съ трудомъ, такъ какъ она почти ничѣмъ не отличается отъ кочевій обыкновеннаго монгольскаго простолюдина; лишь изрѣдка княжескія резиденціи помѣщаются рядомъ съ хошунами и монастырями въ китайскихъ фанзахъ и имѣютъ тогда видъ городковъ.

У стѣны, противоположной къ входу въ юрту, устраивается ящикъ, на которомъ ставятся идолы и бурханы, изображающіе монгольскихъ боговъ, а передъ ними мѣдныя чашечки, въ родѣ лампадокъ, съ кормомъ для боговъ. У бѣднаго монгола эти чашечки выточены изъ латуни. У богатыхъ же самой разнообразной формы и съ дорогими украшеніями; такъ какъ ящикъ этотъ устроенъ сравнительно высоко, то къ нему ведутъ двѣ—три ступеньки, иногда разрисованныя красными, синими и желтыми разводами. Мѣсто это считается священнымъ.

Около остальныхъ стѣнъ стоятъ ящики съ одеждой, если таковая имѣется въ запасѣ, иногда низенькій столикъ, тоже пестро размале-

*) На одну юрту идетъ восемь кусковъ войлока, по 20 кв. аршинъ, стоимостью въ 24 рубля и вѣсомъ около 5 пудовъ.

ванный; чѣмъ больше сундуковъ стоитъ около стѣнъ, тѣмъ богаче монголь. Какихъ-нибудь принадлежностей постели нигдѣ нѣтъ; изрѣдка лишь у болѣе богатыхъ встрѣчаются сложенные у стѣны стеганья одѣяла и подушки, набитыя ватой *).

Посреди юрты горитъ сухой аргаль (пометъ **) , который почти никогда не тушится, поэтому въ юртѣ сравнительно тепло, а ночью, когда плотно закрывается дверь и дымовое отверстіе, становится даже жарко. Но зато воздухъ отъ горящаго аргала имѣетъ какой-то прокислый запахъ, который при входѣ сразу бьетъ въ лицо, и съ непривычки переносить его крайне тяжело. Къ утру, несмотря на плотно закрытыя выходныя отверстія, въ юртѣ все-таки дѣлается холодно, и вода зимою замерзаетъ. Между тѣмъ монголь имѣетъ обыкновеніе на ночь раздѣваться почти до гола, кладя свои сапоги и шаровары подъ голову вмѣсто подушки и укрываясь лишь халатомъ, или же у болѣе богатыхъ — козьимъ одѣяломъ.

Утварь монгола крайне бѣдная и ограничивается десятками предметовъ, наиболѣе необходимыхъ въ хозяйствѣ. Такъ, посреди юрты вмазывается глиной котель, сдѣланный изъ чугуна или желѣза, крышка его замѣняетъ собою блюдо; затѣмъ деревянное ведро, иногда обтянутое желѣзомъ, ложка, ступа, кувшинъ — по мѣстному — „дамбо“ и деревянные чашки — въ діаметрѣ 3—4 вершка, а также мѣдные чайники самой разнообразной формы. Одно время появилась эмалированная посуда, но вслѣдствіе своей сравнительной непрочности она не пошла и была встрѣчена экспедиціей лишь рѣдко у кого. Для перевозки воды имѣются большія мѣдныя фляги, величиной съ ведро, привязываемыя по-парно къ верблюду.

Никакихъ слѣдовъ роскоши или европейскихъ украшеній въ юртѣ монгола не замѣчается. Единственную роскошь, которую позволяетъ себѣ монголь (не городской), это — имѣть трубку для табака, такъ какъ куреніе и нюханіе табака для него составляетъ величайшее удовольствіе. Трубку эту онъ носитъ всегда за голенищемъ сапога, очень дорожить ею и считаетъ для себя самымъ драгоценнымъ подаркомъ отъ европейца. Курятъ даже дѣти-подростки ***).

*) Перьевъ нигдѣ нѣтъ, такъ какъ никакой домашней птицы монголы не разводятъ.

**) Аргаломъ топятъ не вездѣ, а лишь въ мѣстностяхъ, лишенныхъ лѣса; въ противномъ случаѣ зажигаютъ дрова или рубятъ кустарникъ.

***) Табакъ покупаютъ китайскій, по 28 коп. гинь (1½ ф.) (напоминаетъ нашу махорку).

У богатыхъ князей, благодаря поѣздкамъ въ Пекинъ и знакомству съ жизнью китайскихъ чиновниковъ, обстановка въ юртахъ нѣсколько богаче. Не говоря уже о большомъ количествѣ ковровъ и матерій, покрывающихъ стѣны и деревянный полъ юрты, были встрѣчены зеркала, часы и даже граммофоны, очень ими любимые. Въ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, когда монголь живетъ осѣдлой жизнью, напримѣръ, въ городахъ, онъ предпочитаетъ ютиться въ китайской фанзѣ, но не въ домѣ.

Фанза устраивается изъ деревянныхъ бревенъ и такой же рѣшетчатой крыши. Какъ стѣны, такъ и крыша обмазываются внутри и снаружи глиной. Во время дождей подобная крыша нерѣдко смывается и сильно протекаетъ. Окна въ фанзѣ обклеиваются бумагой, лишь у болѣе зажиточныхъ вставляется деревянная рама, раздѣленная на нѣсколько мелкихъ частей и застекленная плохимъ китайскимъ стекломъ.

Одежда монгола крайне проста. Мужчины носятъ длинную рубашку *) и шаровары, запряганные внизу въ длинные неуклюжіе сапоги, съ толстыми подошвами и загнутыми кверху носками.

Голова лѣтомъ ничѣмъ не покрывается или повязывается только синимъ платкомъ. Зимой, поверхъ лѣтняго костюма, а иногда прямо на голое тѣло надѣваются мѣховыя кальсоны и мѣховой халатъ. Послѣдній подпоясывается узкимъ поясомъ, къ которому привѣшены кисеть съ табакомъ и огниво; на голову надѣвается мѣховая шапка съ наушниками; у бѣдныхъ шьется она изъ банараньяго мѣха, а у болѣе зажиточныхъ — изъ волчьяго или лисьяго.

На ногахъ—толстые войлочные чулки. Лѣтомъ отъ дождя поверхъ платья надѣваютъ еще непромокаемый войлочный плащъ изъ овечьей или козьей шерсти.

Костюмъ женщинъ почти ничѣмъ не отличается отъ мужского; у нихъ только плечи въ халатѣ подкладываются ватой, самъ халатъ не подпоясывается, а сверхъ него надѣвается безрукавка; у дѣвушекъ халатъ обшивается у ворота тесьмой, иногда позументомъ; чѣмъ богаче монголка, тѣмъ больше бываетъ у нея рядовъ такой обшивки. Что касается шапки и сапогъ, то послѣдніе у женщинъ такіе же, какъ и у мужчинъ. Вообще монгольскимъ женщинамъ и дѣвушкамъ не

*) На рубашку идетъ 3—4 ама дрили или бязи, на шаровары—такое же количество далимбы или цуимбы. Послѣдніе два сорта матеріи предпочитаютъ всѣмъ остальнымъ, такъ какъ хорошо приспособлены къ грязи, что при нечистоплотности монгола имѣетъ важное значеніе.

чужда любовь ко всякимъ украшеніямъ, и подарки въ видѣ лентъ, позументовъ и кистей принимаются ими съ большою радостью.

Перчатокъ, даже въ самые большіе холода, монголки не носятъ, да даже и понятія о нихъ не имѣютъ. Защищаютъ же свои руки отъ морозовъ длинными, обшитыми мѣхомъ, рукавами халатовъ.

У княгинь, особенно богатыхъ, встрѣчаются очень красивые халаты, сдѣланные изъ парчи, чесучи и всевозможныхъ шелковъ и обшитые богатыми позументами. Костюмы эти, въ связи съ прической монголокъ, напоминаютъ нѣсколько прежніе русскіе боярскіе костюмы. Дѣти до 6—7 лѣтъ лѣтомъ ходятъ голыя.

Всю жизнь свою привыкнувъ возиться со скотомъ, живя среди предрасудковъ и суевѣрій и не имѣя понятія о культурной жизни,—монголь поражаетъ своею нечистоплотностью и равнодушіемъ къ такой грязи, съ которой европеецъ никакъ не въ состояніи примириться. Монголь ни разу въ жизни не моетъ, какъ слѣдуетъ, своего тѣла, даже руки и лицо ополаскиваетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, да во время сильныхъ морозовъ смазываетъ ихъ саломъ; одежду тоже никогда не моетъ и не перемѣняетъ, а носитъ ее до тѣхъ поръ, пока она носится. Отъ этого вся одежда его кишитъ всевозможными паразитами, съ которыми монголь живетъ чуть ли не въ дружбѣ, тогда какъ европеецъ не знаетъ отъ нихъ отдыха въ юртѣ. Нечистоплотность эта придаетъ всему тѣлу монгола какой-то специфическій отталкивающий запахъ, который вызываетъ отвращеніе у свѣжаго человѣка.

Главную пищу монгола составляетъ молоко во всѣхъ его видахъ, мясо и чай. Чай, извѣстный подъ именемъ кирпичнаго, готовится въ Китаѣ,—спеціально для монголь и другихъ кочевыхъ народовъ, изъ зеленыхъ листьевъ, не подвергшихся броженію; прессуется въ кубики 8 × 4 вершка и служитъ во многихъ мѣстахъ какъ мѣновая единица. Расходится въ огромномъ количествѣ: такъ, только черезъ Фынъ-Чень китайцы ввозятъ его въ Монголію ежегодно болѣе чѣмъ на милліонъ рублей. Живя въ жаркомъ климатѣ и испытывая постоянно большую жажду, монголь между тѣмъ почти не употребляетъ сырой воды, замѣняя ее чаемъ. Послѣдній варится въ томъ котлѣ, гдѣ и мясо, вода наливается изъ ближайшаго колодца, рѣки, болота, часто соленая, а зимою просто накладывается снѣгъ или кусочки льда, часто грязнаго. Если же принять во вниманіе, что колодцы въ степи монголами устраиваются въ высшей степени примитивно, что изъ нихъ вмѣстѣ съ людьми пьютъ скотъ, нерѣдко больной, выливая назадъ изъ рта опивки, и что наконецъ, около такихъ колодцевъ всегда есть лужи съ мочей живот-

ныхъ, стекающей обратно въ колодець,—то представленіе о монгольскомъ чаѣ будетъ еще ярче.

Въ кипящую воду бросаютъ горсть чая, предварительно наструганнаго ножемъ и растолченнаго въ ступкѣ; наваръ отъ него получается очень крѣпкій, не имѣющій ничего общаго съ тѣмъ чаемъ, который привыкъ пить европеецъ: это—темная жидкость, очень горькая на вкусъ и отдающая кожей. Пьютъ ее безъ сахара, прибавляя нѣсколько чашекъ коровьяго или козьяго молока, кусокъ бараньяго сала и щепотку соли. Такого чая монголь можетъ выпить въ день до 30 чашекъ. Въ чай иногда всыпается жареное просо (буда) или же мука изъ поджаренныхъ ячменныхъ зеренъ (болосонъ-гуриль),—получается родъ каши. Чашка для чая обязательно должна быть у каждого своя; у болѣе богатыхъ онѣ бывають разрисованныя и красивыя и составляютъ предметъ заботы ихъ владѣльцевъ; носятъ чашку за пазухой, при чемъ никогда не моютъ, а лишь до-чиста вылизываютъ языкомъ. При ѣдѣ жидкой каши сначала выпиваютъ жижу изъ чашки, а затѣмъ палочками ѣдятъ гущу.

Изъ молока приготовляютъ бишмыкъ—сыръ, аруль-хуруть—сухой сыръ, тарыкъ—творогъ, айрыкъ—кислое молоко и урюмъ—пѣнки изъ специально кипяченаго молока.

Изъ кобыльяго молока дѣлають кумысъ, содержащійся въ большихъ кожанныхъ мѣшкахъ, а гдѣ разводятся яки, то на столѣ монгола появляется и масло. Кромѣ того изъ кобыльяго молока приготовляютъ слабое вино—архи, которое получается отъ броженія подъ вліаніемъ главнымъ образомъ сычуга теленка и даетъ до 2% спирта. Напитокъ этотъ очень любимъ монголами, тѣмъ болѣе, что въ продажѣ спиртныхъ напитковъ не имѣется, за исключеніемъ китайской водки, имѣющей отвратительный вкусъ, хуже нашей сивухи, и стоящей кромѣ того чрезвычайно дорого. У князей и богатыхъ монголь встрѣчена была водка мѣстнаго русскаго приготовленія—спиртъ, разбавленный водою.

Баранье мясо послѣ молока и чая является главнымъ пищевымъ средствомъ монгола. Если онъ не имѣетъ возможности потреблять мясо въ пищу ежедневно, то уже въ дни религиозныхъ и бытовыхъ праздниковъ, общественныхъ и семейныхъ торжествъ баранина обязательно появляется у него на столѣ. Только лѣтомъ, когда растеть приплодь и поправляются стада, монголь щадить овецъ и замѣняетъ баранину молочными продуктами и кумысомъ. Лучшими и любимыми кусками считаются грудинка и курдюкъ. Первую поджариваютъ на вертелѣ, а сало ѣдятъ сырымъ или кладутъ въ чай. Остальныя части барана, вклю-

Монгольскій тайджи (дворянинъ) съ женою.

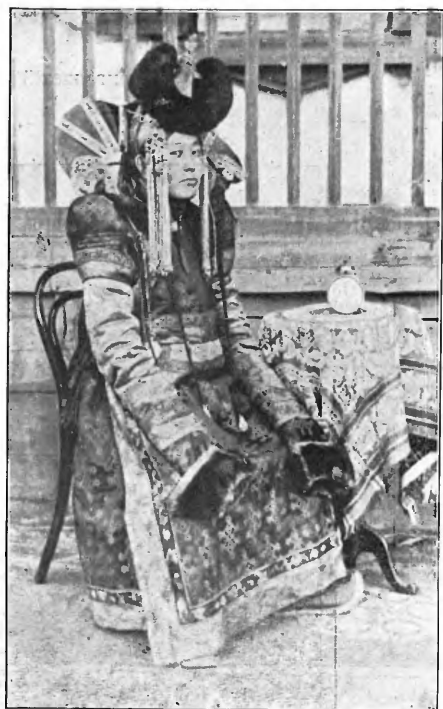
Монгольскія дѣвушки и женщины.

Богатые наряды монгольских княгинь.

Наряд богатой монгольской дѣвушки.

Наряд богатой монгольской женщины.

чая брюшину и кишки, идутъ на приготовленіе супа, который варится въ томъ котлѣ, что и чай; супъ засыпается кусочками тѣста или просомъ. Мясо хозяинъ, вынувъ изъ котла на тарелку (крышку съ котла), рѣжетъ на куски съ помощью рукъ и ножа безъ вилки и раздаетъ обѣдающимъ.

Употребленіе хлѣба хорошо извѣстно лишь въ сѣверныхъ частяхъ; на югѣ же, въ мѣстностяхъ около Улясутая, напримѣръ, чернаго хлѣба почти нѣтъ. Изъ пшеничной муки пекутъ родъ прѣсныхъ лепешекъ, и лишь въ большихъ городахъ были встрѣчены булки. Въ большомъ употребленіи также приготовленіе хлѣбныхъ орѣшковъ, которые жарятся на внутреннемъ или курдючномъ салѣ. На зиму запасы дѣлаются изъ баранины, мелко изрубленной и поджаренной въ салѣ: въ такомъ видѣ она можетъ сохраняться въ теченіе цѣлаго года. При кочевкахъ мясо подкладывается верблюду подъ потникъ и въ сыромъ видѣ съѣдается потомъ вмѣстѣ съ приставшей шерстью и потомъ верблюда. Мясо не только больныхъ и павшихъ животныхъ, но даже павшихъ отъ заразительныхъ болѣзней, напримѣръ, сибирской язвы, сапа и чумы, поѣдается монголами наравнѣ съ мясомъ здоровыхъ животныхъ и допускается въ городахъ къ продажѣ, рядомъ съ другими продуктами.

Кромѣ бараньяго мяса, монголы ѣдятъ конину, мясо рогатаго скота, яка, верблюда, козъ, деренъ и, гдѣ есть, мараловъ. Ни птицъ, ни рыбъ не ѣдятъ и изъ дикихъ звѣрей употребляютъ лишь мясо тарбагановъ.

Приготовленіе всякихъ кушаній, а также уходъ за юртой и скотомъ лежитъ всецѣло на женахъ монгола. По закону, монголъ можетъ имѣть только одну жену, выбираемую ему его родителями еще въ дѣтствѣ; она считается въ домѣ хозяйкой, и ея дѣти только и имѣютъ право на наслѣдство имущества послѣ смерти отца. Кромѣ законной жены монголы, особенно богатые, имѣютъ часто нѣсколько второстепенныхъ женъ, которыя всѣ находятся въ повиновеніи у старшей жены. Монголки прекрасныя матери и хозяйки; въ обычной жизни онѣ имѣютъ доступъ ко всѣмъ занятіямъ и удовольствіямъ, какъ и мужчины, и живутъ совершенно открыто. Между женами князей встрѣчено было нѣсколько чрезвычайно умныхъ женщинъ, живо интересующихся жизнью европейцевъ.

Родство признается только по мужской линіи, а потому и браки не дозволяются лишь съ этой стороны, такъ какъ и браки однофамильцевъ, хотя бы на самомъ дѣлѣ и не родственныхъ между собою. Покойниковъ своихъ монголы не хоронятъ, а отвозятъ куда-нибудь

подальше и кладуть въ полѣ, предоставляя на съѣденіе волкамъ, собакамъ и птицамъ. *) Въ силу такого обычая въ Монголіи, особенно въ большихъ городахъ, собаки бродятъ сотнями и, привыкнувъ къ человѣческому мясу, нерѣдко нападаютъ на живыхъ людей. Почетныхъ ламъ и князей сжигаютъ, пепель смѣшиваютъ съ глиной, слѣпляютъ въ комочекъ и кладутъ на полку рядомъ съ идолами.

Монголы исповѣдаютъ буддѣйскую религію, при чемъ количество ламъ у нихъ, т.-е. духовныхъ, составляетъ одну треть всего мужского населенія, т.-е., иначе говоря, на 5—6 монголъ приходится одинъ лама. Явленіе это объясняется основными вѣрованіями ламаитовъ въ то, что во-первыхъ, принятіе духовнаго званія даетъ право на изученіе религіи и облегчаетъ путь къ достиженію совершенства, и во-вторыхъ, что чтеніе молитвословій, недоступное простымъ смертнымъ, обладаетъ чудодѣйственною силою устранять всякія несчастья. При такихъ основахъ вѣроученія среди монголъ распространены обычай посвящать по крайней мѣрѣ одного изъ троихъ сыновей на служеніе Буддѣ. Тѣ же, кто не имѣетъ родныхъ сыновей, прибѣгаютъ нерѣдко къ усыновленію постороннихъ мальчиковъ для того только, чтобы получить возможность имѣть въ семьѣ своего ламу. Большинство монгольскихъ ламъ не составляетъ духовнаго сословія въ настоящемъ смыслѣ этого слова; они лишь ограничиваются принятіемъ священныхъ обѣтовъ и усвоеніемъ подъ руководствомъ ученыхъ ламъ началъ ламайскаго вѣроученія, а затѣмъ возвращаются обратно къ своимъ семьямъ въ родныя кочевья. Эти ламы называются степными, ведутъ такой же образъ жизни, какъ и миряне и отличаются отъ послѣднихъ только бритой головой, цвѣтной одеждой—красной или желтой—и знаніемъ нѣкоторыхъ молитвъ на тибетскомъ языкѣ. Они вносятся въ общій списокъ данниковъ своего князя и отбываютъ повинности на ряду съ прочими податными монголами.

Дѣйствительными же ламами, т.-е. свободными отъ всякихъ гражданскихъ повинностей, признаются китайскимъ правительствомъ лишь тѣ ламы, которые получили особыя на это званіе грамоты въ Пекинѣ отъ пекинской Палаты Внѣшнихъ Сношеній. Полученіе этихъ грамотъ сопряжено съ большими церемоніями и значительными расходами, а потому монгольскіе ламы почти никогда не имѣютъ у себя такихъ грамотъ, а довольствуются однимъ лишь разрѣшеніемъ мѣстнаго князя.

*) При вѣздѣ въ Ургу находится глубокій оврагъ, куда и скидываютъ мертвецовъ.

Тѣмъ не менѣе всѣ живущіе въ монастыряхъ ламы, въ силу укоренившагося обычая, освобождаются отъ всякихъ повинностей.

Переходную ступень между ламами и мірянами составляютъ убаши, принявшіе пять первыхъ священныхъ обѣтовъ, установленныхъ ламаизмомъ. Обѣты эти слѣдующіе: во-первыхъ, не лишать жизни какія бы то ни было живыя существа, во-вторыхъ, не присвоить чужую собственность, въ-третьихъ, не возбуждаться грѣховными пожеланіями, въ четвертыхъ, не говорить неправду, и въ-пятыхъ, не употреблять вино и вообще всего опьяняющаго. Посвященіе въ убаши совершается большею частію надъ малолѣтними и имѣетъ цѣлью подготовленіе ихъ къ принятію монашескихъ обѣтовъ и полученію духовнаго званія. Какъ отличіе, убаши носятъ красную ленту черезъ плечо.

Не всѣ монгольскіе ламы имѣютъ одинаковое значеніе. Высшій и притомъ совершенно исключительный по значенію видъ ламайскихъ жрецовъ составляютъ хубилганы, т.-е. святые перерожденцы, въ которыхъ воплощаются небесные будды или же души знаменитыхъ ламъ. Въ основаніи почитанія хубилгановъ лежитъ вѣрованіе въ переселеніе душъ, согласно которому душа каждаго святого ламы, покинувъ свою матеріальную оболочку въ одномъ тѣлѣ, немедленно перевоплощается въ тѣло какого-нибудь новорожденнаго младенца; отыскиваніе такихъ перерожденцевъ производится по указаніямъ высшихъ хубилгановъ и сопровождается множествомъ обрядовъ и гаданій. Иногда бываетъ одновременно по нѣсколько перерожденцевъ одного и того же ламы: одинъ перерожденецъ тѣла, другой—слова, третій—мысли или души умершаго.

Высшіе хубилганы, прошедшіе черезъ нѣсколько перерожденій, носятъ еще титулы хутухты или гегена, которые даются китайскимъ богдыханомъ при особыхъ рескриптахъ. Титуль хутухты дается за выдающуюся дѣятельность на пользу религіи, а титуль гегена за гражданскія заслуги. Иногда оба эти званія соединяются въ одномъ лицѣ.

Во главѣ хубилгановъ, а слѣдовательно и всѣхъ ламъ, стоятъ два бого-человѣка: далай-лама въ сѣверо-западной части Тибета и банчень-эрбени—въ юго-восточномъ Тибетѣ. Почти равное имъ значеніе имѣетъ въ Монголіи богдогегенъ, проживающій въ Ургѣ, куда ежегодно стекаются для поклоненія ему около двухсотъ тысячъ ламаитовъ. Ургинскій худохта пользуется свѣтской властью и состоитъ правителемъ окрестнаго, такъ-называемаго Шабинскаго вѣдомства, со 150-ю тысячами человѣкъ населенія. Онъ отыскивается пророчествомъ далай-ламы.

Послѣ смерти Далай-ламы душа Будды переходитъ въ какого-нибудь младенца, родившагося въ этотъ день; но какого—о томъ рѣ-

шаютъ ламы, съ согласія китайскаго правительства, которое время-отъ времени приглашаетъ въ Пекинъ для совѣщанія наиболѣе вліятельныхъ ламъ; китайскому правительству важно, чтобы далай-лама было лицо малоспособное и непредпріимчивое, ибо оно понимаетъ, что по одному слову далай-ламы вся центральная Азія можетъ подняться, какъ одинъ человѣкъ. Въ этихъ же видахъ сказывается китайское вліяніе и при выборѣ ургинскаго худохты.

Въ Халхѣ хубилгановъ насчитывается свыше 100 человѣкъ. Размноженію ихъ способствуютъ главнымъ образомъ сами ламы, такъ какъ появленіе хубилгана въ монастырѣ подымаетъ его значеніе, привлекаетъ большое количество богомольцевъ, а, слѣдовательно, и пожертвованій.

Въ незначительномъ количествѣ встрѣчаются между ламами цаниты, т.-е. ламы, всецѣло посвятившіе себя изученію обширной ламайской литературы.

Центрами ламайскаго вѣроученія въ Монголіи служатъ монастыри, возникшіе благодаря милостямъ китайскаго императора или благочестію мѣстныхъ князей. Каждый монастырь имѣетъ опредѣленное количество ламъ. У нѣкоторыхъ болѣе состоятельныхъ монастырей имѣются свои земли и шабинары, т.-е. постоянные данники, обязанные содержать своими трудами монастыри, къ которымъ они приписаны. Такіе монастыри нерѣдко представляютъ собою цѣлые города съ тысячами ламъ*).

Религіозные центры монголь называются дацанами; необходимую принадлежность ихъ составляютъ зданія кумирни, ее окружаютъ жилища ламъ, часовни, гостиницы для пріѣзжающихъ, склады и другія постройки, имѣющія религіозное и хозяйственное значеніе. Внутреннюю обстановку кумирни составляетъ жертвенникъ со множествомъ сосудовъ, бурханы, т.-е. изображеніе божества или знаменитыхъ ламъ, священныя книги и музыкальные инструменты.

Особенно распространены среди монголь бурханы; они выдѣляются изъ золота, серебра, бронзы, мѣди, дерева, глины, папье-маше и камня. Кромѣ того попадаются рисованные на кожѣ, бумагѣ и полотнѣ. Бурханы цѣнятся очень дорого: въ Маймачинѣ, напримѣръ, малenkій бронзовый бурханъ въ 2—3 вершка стоитъ 10—15 руб.

Молитвы, читаемыя въ кумирняхъ, состоятъ частью изъ словесій Буддѣ, его ученію и духовенству, а частью изъ прошеній, сливаю-

*) Арендные доходы монастырей нерѣдко находятся въ рукахъ китайскихъ банкировъ, которые накладываютъ по 36% на долговья ихъ обязательства.

щихся въ одномъ желаніи: достигнуть состоянія Будды. Особая сила приписывается многократному повторенію таинственной молитвы „омъ мани падме гумъ“, точный смыслъ которой никому не извѣстенъ. При чтеніи ламами священныхъ книгъ все сводится къ тому, чтобы прочитывать какъ можно больше, хотя бы безъ пониманія смысла прочитаннаго. Прежде чѣмъ начать чтеніе, ламы дѣлятъ между собою листы книгъ, такъ какъ книги ихъ состоятъ изъ несшитыхъ листовъ, завернутыхъ въ матерію, затѣмъ моютъ руки, полощатъ ротъ и начинаютъ всѣ сразу читать нараспѣвъ; каждый лама старается какъ можно скорѣе прочитать свой листокъ и тогда помогаетъ отставшему. Чтеніе это представляетъ такой гулъ голосовъ, что даже знатокъ языка ничего не можетъ разобрать. Во время ламайскаго служенія простолюдины, сзываемые на молитвы звуками особой раковины, не имѣютъ права входить въ кумирню, а ограничиваются битьемъ земныхъ поклоновъ или круженіемъ вокругъ кумирни.

Особеннымъ значеніемъ пользуется у ламаитовъ праздникъ Цамъ.

Устраивается онъ ламами съ цѣлью устрашенія враговъ ламайской вѣры *) и состоитъ изъ пантомимическаго представленія и плясокъ, въ которыхъ участвуютъ ламы, изображающіе съ помощью особыхъ масокъ и костюмовъ грозныя божества (докиштовъ) въ томъ видѣ, въ какомъ эти послѣднія представляются во снѣ или въ созерцаніяхъ святымъ ламамъ.

Кромѣ этого у монголъ существуетъ древній обычай чествовать обоны. Обонами называются курганы или просто груды камней, съ поставленными на нихъ и покрытыми надписями столбами.

Чествованія эти бываютъ лѣтомъ и имѣютъ цѣлью умиловить злыхъ духовъ, которые въ лѣтніе дни спускаются на землю и несутъ всякія несчастія, болѣзни, неурожаи, падежи скота и пр.

Къ содѣйствію ламъ монголы прибѣгаютъ во всѣхъ трудныхъ и торжественныхъ случаяхъ жизни и не начинаютъ никакого серьезнаго дѣла иначе, какъ въ опредѣленный ламой часъ, который узнается по книгамъ. Всѣ труды ламъ щедро оплачиваются, при чемъ расходъ на религіозныя нужды производится не только деньгами, но и натурой—сыромъ, масломъ, животными и колеблется отъ 20 коп. до 10 руб. ежегодно на семью.

Со званіемъ ламы изъ-давна въ Монголіи соединяется и званіе

*) На стан. Куй, первой отъ Кяхты къ Ургѣ, имѣется равное мѣсто, пространствомъ до 30 верстъ, гдѣ во время праздника „Цамъ“ устраиваются скачки.

врача. Искусство врачеванія поставлено у нихъ на эмпирическую почву, при чемъ лѣкарства берутся изъ всѣхъ царствъ природы, особенно же изъ царства растительнаго. Но нерѣдко между такими врачами встрѣчаются люди, совершенно не свѣдующіе въ медицинѣ и все свое лѣченіе основывающіе на почвѣ суевѣрія, предрасудковъ и полного невѣжества *).

Такимъ образомъ, ламы являются настоящими хозяевами страны; все, что есть лучшаго у монгола, охотно отдается ламамъ, и богатые монастыри и кумирни, всюду встрѣчающіеся въ странѣ, служатъ прекраснымъ доказательствомъ благотворительности этого народа. Однако, сословіе ламъ составляетъ самую большую язву въ Монголіи, такъ какъ оно живетъ паразитомъ на счетъ остального населенія и своимъ безграничнымъ на него вліяніемъ лишаетъ его возможности выйти изъ ужаснаго невѣжества, въ которомъ оно находится. Китайское же правительство заботливо поддерживааетъ этотъ порядокъ вещей, такъ какъ для него выгоднѣе, конечно, имѣть дѣло съ мирными монастырями ламъ, чѣмъ съ кочевьями своихъ старыхъ враговъ, и управление Монголіей посредствомъ буддизма есть одно изъ самыхъ важныхъ политическихъ соображеній Китая.

Земледѣліе. Земледѣліе въ сѣверо-западной части Монголіи развито слабо и является большею частью какъ подспорье при скотоводческомъ хозяйствѣ.

Причины этому лежатъ въ современныхъ естественно-экономическихъ условіяхъ Монголіи: горномъ ея характерѣ, въ маломъ количествѣ удобныхъ къ сельско-хозяйственной культурѣ земель и неблагоприятномъ климатѣ.

Земледѣліемъ занимаются главнымъ образомъ китайцы и въ очень небольшомъ количествѣ монголы; послѣднее обстоятельство объясняется существованіемъ среди монголъ религіознаго предрасудка, по которому задавленные при вспашкѣ земли черви и другія насѣкомыя ложатся на совѣсть монгола и нарушаютъ покой его души.

Что касается китайцевъ, то они, ведя торговлю въ Монголіи, уже давно намѣтили себѣ наиболѣе плодородныя тамъ мѣста; но быстрому развитію ихъ колонизаціи и расширенію земледѣлія мѣшало отсут-

*) Такъ, напримѣръ, отъ всякихъ наружныхъ болѣзней даютъ прикладывать мясо, отрѣзанное отъ живого человѣка; отъ желудочной боли—хлѣбъ, пропитанный кровью казненнаго преступника, при тифѣ—человѣческіе сухіе экскременты, при лихорадкахъ—пить человѣческую урину, женское молоко и пр.

ствіе спеціальнихъ статей въ китайскомъ договорномъ положеніи съ Монголіей, которыя разрѣшали бы китайцамъ пріобрѣтать монгольскія земли въ собственность подъ свою колонизацію.

Когда же въ 1881 г. былъ назначенъ въ Ургу амбанемъ Си-Чанъ, то онъ представилъ богдыхану особый проектъ объ образованіи земледѣльческихъ колоній по рѣкѣ Селенгѣ и ея притокамъ, чѣмъ и положено было основаніе къ болѣе прочному развитію китайской колонизаціи въ этомъ районѣ.

Въ настоящее время разрѣшена повсемѣстно покупка монгольскихъ земель подъ китайскую колонизацію, при чемъ между китайскимъ правительствомъ и народомъ въ дѣлѣ заселенія и обработки земель, принадлежащихъ монголамъ, существуютъ посредники. Это обыкновенно тѣ же чиновники, люди богатые и оборотливые, которые получаютъ у пекинскаго правительства разрѣшеніе на эксплуатацію извѣстнаго количества земли и затѣмъ продаютъ или отдаютъ въ аренду эту землю по очень дорогой цѣнѣ.

Китайцы въ вопросѣ колонизаціи монгольскихъ земель обладаютъ упорной настойчивостью, и переходъ къ монголамъ участковъ, разъ пріобрѣтенныхъ китайцами, обставленъ неимоверными затрудненіями. Такъ, на примѣръ, продажа и сдача въ аренду земли для монголъ расцѣнивается ими разъ въ 25—30 дороже, чѣмъ для китайцевъ.

Китайская земледѣльская культура въ Монголіи заслуживаетъ глубокаго вниманія, какъ предметъ для сужденія о развитіи тамъ земледѣлія въ будущемъ. Тѣмъ болѣе, что нѣкоторые приемы по обработкѣ и уходу за пашнями перенимаются отъ нихъ и монголами.

Опредѣлить количество десятинъ земли, находящихся въ сѣверо-западной Монголіи подъ культурой зерновыхъ хлѣбовъ, совершенно невозможно, равно какъ и невозможно указать на число хозяйствъ, занимающихся хлѣбопашествомъ.

Большая часть распашныхъ земель расположена отдѣльными небольшими клочками среди выгоновъ или сѣнокосовъ. Сплошныя пашни на сравнительно большомъ разстояніи встрѣчаются рѣдко и принадлежатъ исключительно китайцамъ. Наиболѣе часто располагаются онѣ по долинамъ рѣкъ, и лишь въ районахъ, гдѣ земледѣліе существуетъ уже нѣсколько лѣтъ—онѣ поднимаются на склоны горъ.

Вслѣдствіе сухого климата выпаденіе естественныхъ осадковъ не всегда бываетъ достаточно для полученія хорошаго урожая. Поэтому населеніе въ борьбѣ съ засухой прибѣгаетъ къ искусственному орошенію воздѣлываемыхъ полей.

Устройство орошенія облегчается гористымъ характеромъ страны и изобиліемъ горныхъ ручьевъ. Судя по сохранившимся во многихъ мѣстахъ слѣдамъ древнихъ арыковъ, къ нему прибѣгали и прежде жившіе здѣсь народы въ цѣляхъ полива не только своихъ пашенъ, но и луговъ.

Устраивается орошеніе съ помощью магистральной канавы и болѣе узкихъ отводныхъ, изъ которыхъ вода съ помощью бороздъ, проведенныхъ плугомъ, распределяется по пашнямъ. Вода въ магистральную канаву направляется изъ ближайшей рѣки, течение которой запруживается для этого плотиной изъ камня и лѣса, въ перемежку съ землей; стоятъ эти запруды недорого, такъ какъ матеріаль находится подъ руками, а цѣнится только трудъ; въ рѣдкихъ случаяхъ плотины дѣлаются болѣе капитально.

Магистральная канава, смотря по величинѣ орошаемой площади и рельефу мѣстности, бываетъ различна; на ровныхъ мѣстахъ онѣ дѣлаются обыкновенно шириною въ полтора аршина а глубиною отъ $\frac{3}{4}$ до 1 аршина, обходятся приблизительно отъ 50 до 100 руб. за одну версту. Болѣе рѣдко встрѣчаются канавы шириною до $1\frac{1}{2}$ сажень и глубиною въ два аршина.

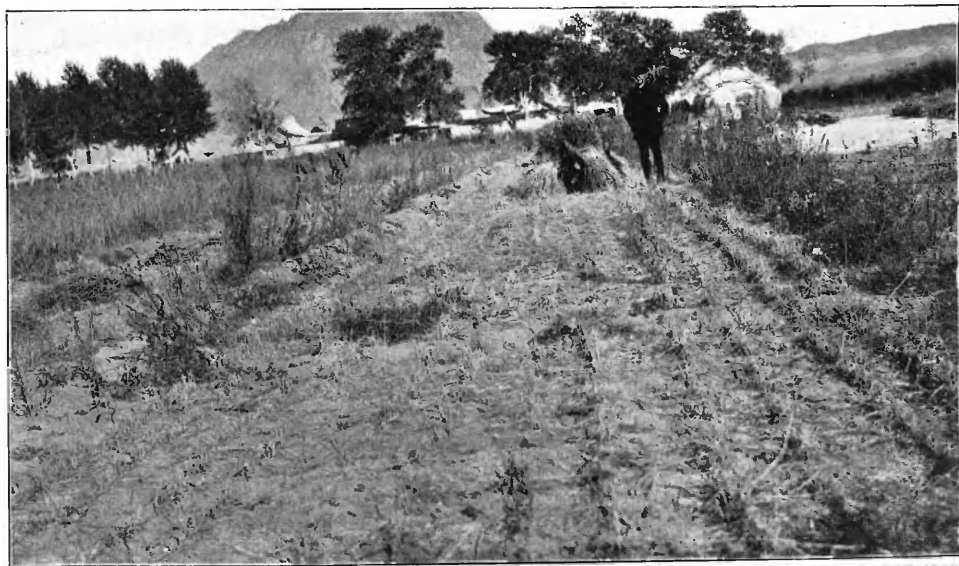
Поля для орошенія разбиваются на четырехугольники (ци), окруженные насыпями для задержанія воды. Орошеніе полей во все время производства тщательно регулируется и продолжается съ половины апрѣля до половины мая, а иногда и до первыхъ чиселъ іюня. Въ рѣдкихъ случаяхъ удается однѣ и тѣ же пашни полить второй разъ, вслѣдствіе отсутствія достаточнаго количества воды въ питающей магистраль рѣкѣ. Поливка производится очередями; въ каждую очередь входитъ нѣсколько хозяевъ, при чемъ работа идетъ днемъ и ночью.

Болѣе половины пашенъ, особенно китайскихъ, находится въ Монголіи подъ поливомъ. Мѣстное населеніе настолько привыкло къ нему, что только и цѣнить тѣ пашни, которыя могутъ быть поливаемы. И дѣйствительно, результаты отъ полива при культурѣ хлѣбовъ получаются поразительные, ибо богатая питательными и минеральными солями здѣшнія почвы остаются бесплодными только до тѣхъ поръ, пока не ороситъ ихъ влага; при соприкосновеніи же съ влагой не только почвы, но и камни покрываются богатой растительностью.

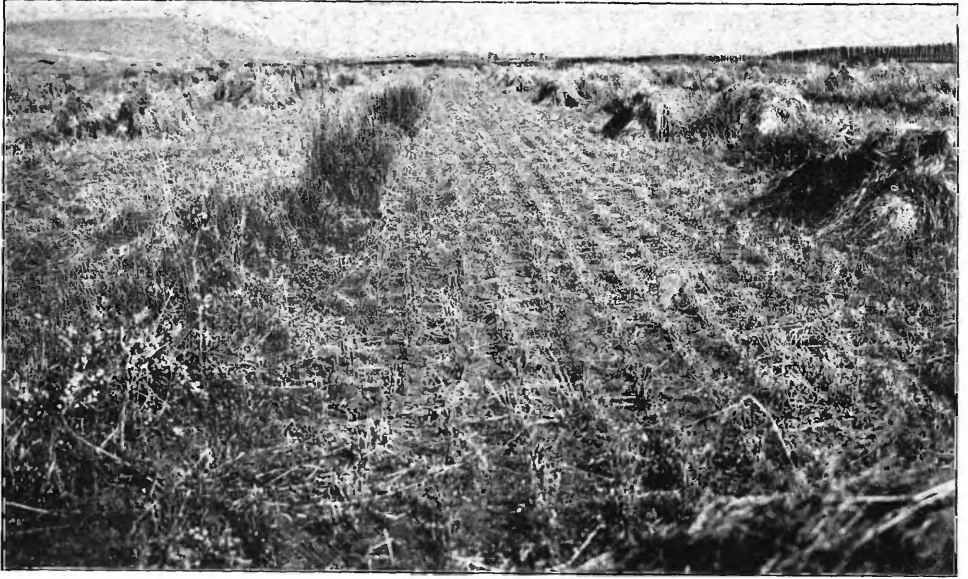
Явленіе это объясняется общеизвѣстнымъ закономъ, что почвы сухихъ странъ плодороднѣе почвъ странъ дождливыхъ, такъ какъ мельчайшія частицы почвъ, наиболѣе подготовленныя для питанія растений, благодаря обильному въ нихъ содержанію различныхъ минеральныхъ

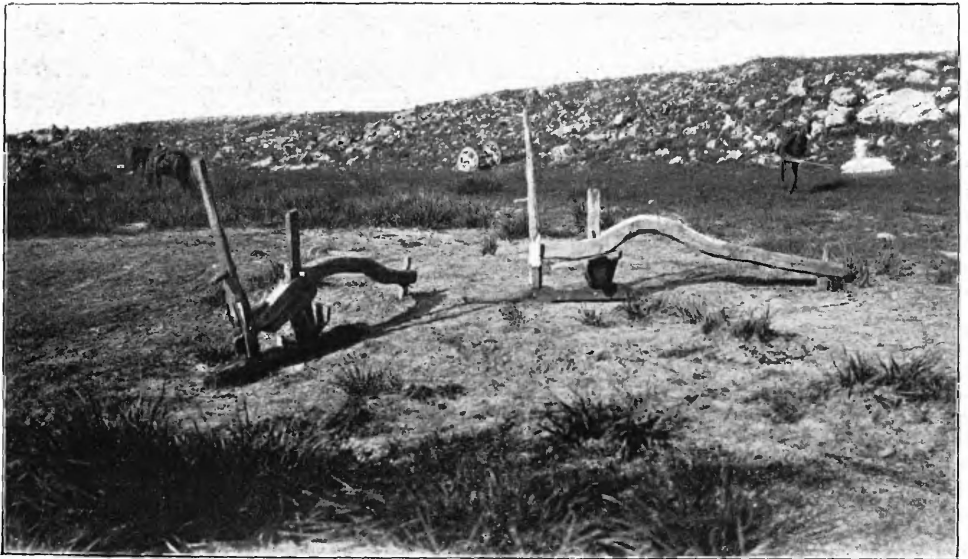
Жатва хлѣба монголами подъ Улясутаемъ.

Монгольскія пашни подъ г. Кобдо.

Уборка пшеницы подъ г. Улясутаемъ.

Монгольскіе плуги.

солей (сѣрно-кислый кали, известковыя, хлористыя и пр.) при частыхъ дождяхъ вымываются изъ почвенныхъ слоевъ въ подпочвенные. Вслѣдствіе этого верхнія почвы лишаются своего плодороднаго слоя, наиболѣе цѣннаго для сельско-хозяйственной культуры, и даютъ меньшій урожай.

Въ сухихъ же странахъ, каковой является Монголія, при недостаткѣ влаги почвы, наоборотъ, страдаютъ избыткомъ солей, т.-е, избыткомъ питательныхъ средствъ для растеній, почему при примѣненіи къ нимъ искусственнаго орошенія соли эти растворяются и даютъ почвамъ то плодородіе, которое такъ поражаетъ на монгольскихъ поливныхъ пашняхъ.

Лишь этимъ закономъ и можно объяснить то явленіе, что въ сѣверо-западной Монголіи при всемъ ея неблагоприятномъ и суровомъ климатѣ урожаи хлѣбовъ при поливѣ, какъ по количеству сбора съ десятины, такъ и по высокому своему качеству являются нерѣдко выдающимися.

Наиболѣе постоянные урожаи получаютъ здѣсь съ суглинистыхъ темныхъ почвъ. Въ дождливые годы лучшіе урожаи даютъ супеси и и чернѣй иловатѣй мелкоземъ; въ засуху же, напротивъ, они даютъ наихудшій урожай, такъ какъ хлѣбъ на нихъ выгораетъ; кромѣ того, мелкоземъ въ засуху распыляется и разносится вѣтромъ, что особенно характерно для Селенгинской долины.

Лучше всего засуху переносятъ хлѣба, посѣянные на суглинкахъ по склонамъ горъ у лѣсныхъ опушекъ, такъ какъ почвы эти хорошо задерживаютъ влагу; наоборотъ, суглинки и солончаковыя почвы долинъ даютъ въ засуху безъ полива мало удовлетворительные результаты. Ихъ распахиваютъ въ очень небольшомъ количествѣ и только по нуждѣ.

По свидѣтельству монголь, урожаи хлѣбовъ на земляхъ, распахиваемыхъ нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, падаютъ; поэтому монголы послѣ 3—4 лѣтъ распашки, оставляютъ свои поля на отдыхъ въ залежъ на 6—10 лѣтъ, хотя полного возстановленія плодородія за эти сроки не достигается. Оставлять же залежъ на болѣе долгіе сроки монголь не можетъ потому, что кочевой бытъ его препятствуетъ расширенію запасовъ въ другихъ мѣстахъ: монголы не привыкли оберегать посѣвы отъ травъ, и часто ихъ собственныя стада, вытравливая посѣвы на глазахъ пастуховъ, лишаютъ хозяина урожая.

Китайцы же, напротивъ, примѣняя на своихъ поляхъ орошеніе, удобреніе навозомъ и кампостомъ и междурядную обработку посѣвовъ,

заводятъ среди камней богатые нивы и огороды и десятками лѣтъ воздѣлываютъ однѣ и тѣ же пашни безъ замѣтнаго на нихъ пониженія урожаевъ. Но зато разница въ уходѣ за своими полями между монголами и китайцами огромная.

Въ то время, какъ первый бываетъ на своей пашнѣ только въ дни посѣва и уборки, китаецъ все время проводитъ за орошеніемъ своего поля и очищеніемъ его отъ сорныхъ травъ.

Такимъ образомъ, земледѣліе въ Монголіи представляетъ изъ себя рѣдкій примѣръ одновременнаго существованія рядомъ двухъ такихъ системъ полеводства, изъ которыхъ одна—залежная, практикуемая главнымъ образомъ монголами, является почти начальной формой земледѣлія, а другая—вольная, представляя высшую ступень сельско-хозяйственной культуры, примѣняется преимущественно китайцами.

Но китайская вольная система, являясь въ высшей степени интенсивной, сводится почти исключительно къ громадной затратѣ ручного труда и къ очень незначительной затратѣ капитала на постройки, орудія обработки, покупку рогатаго скота и пр.,—такъ что китайцы, несмотря на громадный запасъ въ странѣ лошадиныхъ силъ, благодаря своей косности, продолжаютъ дѣлать ручнымъ способомъ и съ большой затратой личныхъ силъ всѣ тѣ работы, которыя на Западѣ исполняютъ машины или животные.

Какъ китайцы, такъ и монголы занимаются воздѣлываніемъ главнымъ образомъ слѣдующихъ растений: просо, ячмень, пшеница, овесъ, горохъ и бобы. Пшеница хорошая, имѣетъ крупное тяжелое зерно, съ большимъ процентомъ бѣлка, что объясняется сухостью климата, сизо-сѣраго цвѣта, съ зеленоватымъ отливомъ. Овесъ обыкновенный, подходящий къ высѣваемому въ европейской Россіи. Ячмень четырехрядный. Пшеницу и ячмень сѣютъ главнымъ образомъ китайцы и осѣдлые монголы, а овесъ и просо—кочевые и занимающіеся извознымъ промысломъ.

Обработка и вспашка земли у китайцевъ различна, въ зависимости отъ характера воздѣлываемой почвы, орудій обработки, количества рабочаго скота, возраста пашни и, наконецъ, назначенія ея, но всегда отличается большой тщательностью.

Самую сложную обработку требуетъ просо. Поле вспахиваютъ подъ него съ осени, т.-е. въ концѣ августа или началѣ сентября деревянной сохой съ желѣзнымъ наконечникомъ. Въ соху запрягаютъ одинъ, два и три воловъ, смотря по грунту. Эта первая вспашка должна разбить старыя гряды и сдѣлать поле ровнымъ. Черезъ двѣ недѣли

производится вторая вспашка, и дѣлаются гряды на мѣстахъ бывшихъ междугрядій. Весною по этимъ грядамъ проводятъ лишь небольшой деревянной сохой канавки, въ которыя и высѣваютъ сѣмена проса. Полютъ и пропахиваютъ въ лѣто четыре и болѣе разъ, смотря по развитію сорной растительности. Подъ овесъ, ячмень и пшеницу пашутъ одинъ или два раза, какъ удастся. Если два раза—то первый разъ пашутъ осенью и тогда же дѣлаютъ гряды; весною по этимъ грядамъ проводятъ канавки и высѣваютъ сѣмена. Если же пахать приходится одинъ разъ, весною—то сразу же дѣлаютъ гряды и сѣютъ. Мотыжатъ хлѣба въ лѣто два или нѣсколько разъ. Подъ бобовыя растенія пашутъ весною одинъ разъ и сейчасъ же сѣютъ. Полка и пропахиваніе обязательны. Сортировки и подготовки сѣмянъ къ посѣву нигдѣ не практикуется, чѣмъ и объясняется громадная засоренность монгольскихъ полей.

Существованія опредѣленнаго сѣвооборота установить не удалось, такъ какъ каждый хозяинъ при производствѣ посѣва руководствуется почти исключительно своими экономическими соображеніями, а также мѣстоположеніемъ своего участка, но все-таки воздѣлываніе растеній не лишено принциповъ сѣвооборота. Такъ одно и то же растеніе никогда не сѣется два года подь*рядъ на томъ же мѣстѣ и бобовыя всегда чередуются со злаковыми, на цѣлину высѣвается пшеница, а передъ оставленіемъ пашни въ залежь—овесъ или ячмень.

Начало посѣва хлѣбныхъ и бобовыхъ приурочивается къ концу апрѣля или первымъ числамъ мая; просо высѣваютъ не ранѣе конца мая или даже въ началѣ іюня. По вычисленію на десятину *) высѣваютъ овса и ячменя 4 пуда, бобовъ—3 пуда, проса около 30—40 фунтовъ, при чемъ на нови и на долголѣтнихъ залежахъ высѣвается сѣмянъ на 1/4 меньше противъ цѣлины.

Посѣвы обыкновенно укатываются каменными катками для предохраненія почвы отъ распыленія.

Врагами земледѣлія являются мыши, саранча, сильное развитіе сорной растительности, пораженіе злаковъ грибными болѣзнями, засухи во время роста и частые дожди во время уборки.

Урожайность при вольной системѣ, благодаря примѣненію междугрядной обработки, болѣе обезпечивается, чѣмъ при залежной, гдѣ

*) Китайскій дашанъ равняется $\frac{1}{12}$ дес. т.-е. 194 $\frac{2}{3}$ кв. саж.

„ сяшанъ „ $\frac{1}{24}$ „ „ 97 $\frac{1}{3}$ кв. саж.

На 1 шанъ высѣваютъ 75 цзинь, т.-е. 105 фун., слѣдовательно, на одну десятину—4 п. Мѣшокъ зерна вѣситъ 100 цзинь или 3 п. 24 ф.

уходъ и обработка полей въ періодъ роста хлѣбовъ отсутствуютъ.

Самымъ раннимъ по созрѣванію является ячмень—въ концѣ іюля; затѣмъ слѣдуютъ пшеница, овесъ и просо. Срокъ окончанія уборки зависитъ какъ отъ климатическихъ, такъ и хозяйственныхъ условій, т.-е. количества рабочихъ рукъ, и затягивается иногда до первой половины сентября.

Убираютъ хлѣбъ какъ поденно, такъ и сдѣльно, ручными косами. Поденнымъ при уборкѣ платятъ по одному чаю, т.-е. 65 коп. Монголы же часто не убираютъ хлѣбъ, а вырываютъ его съ корнями. Кладка сноповъ разнообразна, но чаще встрѣчается бабками.

Молотьба начинается лишь съ октября мѣсяца при помощи каменныхъ катковъ въ $1\frac{3}{4}$ аршина длиною.

Отвѣнное лопатой на вѣтеръ зерно просѣвается черезъ простое рѣшето, сдѣланное изъ кожи и волоса. Засоренность его порядочная; больше всего въ зернѣ попадаетъ сѣмянъ вьюнка, морковника и куколя.

Солома, какъ просяная, такъ и хлѣбная, въ большинствѣ случаевъ скармливается скоту.

Насколько удалось установить, въ сѣверо-западной части Монголіи земледѣліе въ настоящее время развито въ слѣдующихъ мѣстахъ:

По правому и лѣвому берегу рѣки Селенги расположены значительныя площади китайскихъ и монгольскихъ пашень, орошаемыхъ въ большинствѣ случаевъ арыками *).

По долинѣ рѣки Хары, по Ургинскому тракту, гдѣ китайскіе посѣвы растянулись на 25 верстъ, пашень очень много, частью поливныхъ. Въ этомъ году проводятъ еще новый арыкъ. Рабочими являются, главнымъ образомъ, монголы; сѣютъ почти исключительно пшеницу.

По длинѣ рѣки Шарынгола на протяженіи 24 верстъ идутъ арычныя пашни китайцевъ, пришедшихъ изъ-подъ Калгана еще 14 лѣтъ назадъ. Земли взяты въ аренду у князя; монголамъ же въ пользованіе оставлены каменные сопки. Въ арыкѣ взята вся вода изъ рѣки Баинголъ и на арыкахъ построено 15 китайскихъ мукомольныхъ мельницъ. За площадь разсѣва въ 120 мѣшковъ платятъ 320 ланнъ аренды. Урожай самъ 8—12. Сѣютъ преимущественно пшеницу, овесъ, ячмень—въ концѣ апрѣля или началѣ мая; хлѣба рѣдки и засорены.

*) Техника канавъ примитивна, стоимость работы одной продольной сажени въ 5 четвертей ширины и 1 аршинъ глубины обходится здѣсь отъ 25—30 коп. Одинъ рабочий въ теченіе дня роетъ двѣ продольныя сажени.

За рѣкою Хануйголь поливныя пашни монголь; сѣютъ пшеницу и ячмень. Тутъ же хорошіе покосы.

По рѣкѣ Баротаю на 20 верстъ тянутся китайскія поливныя пашни. Сѣютъ пшеницу, просо и ячмень.

Арыки идутъ подъ горой. Въ общемъ засѣяно было въ 1910 г. около 5,000 десятинъ; монгольскихъ пашень очень мало, и монголы здѣсь живутъ бѣдно.

По рѣкѣ Орхону, на западъ отъ переправы на Ванъ-Курень встрѣчаются монгольскія пашни. Подъ вліяніемъ падежей скота за послѣдніе годы многіе монголы стали здѣсь заниматься хлѣбопашествомъ и совершенно оставили кочевой образъ жизни.

По рѣкѣ Эгинъ-Голу и его притокамъ имѣются монгольскіе посѣвы пшеницы, ячменя, овса и проса. По почвеннымъ условіямъ въ этихъ мѣстахъ имѣются всѣ данныя къ дальнѣйшему расширенію хлѣбопашества.

На правомъ берегу рѣки Селенги у уртона Барту много монгольскихъ пашень. Засѣваютъ просомъ, меньше пшеницей и овсомъ.

При впаденіи рѣки Аръ-Тель посѣвы хороши—пшеница, ячмень и просо; также богаты покосы по сѣверному склону горъ. (На этомъ мѣстѣ бійскіе купцы переходятъ съ лошадьми на Благовѣщенскъ, а также пріѣзжаютъ ловить рыбу, главнымъ образомъ, осетровъ (величиною въ два и три аршина).

На юго-востокъ отъ хуреня Зунъ-Сагунъ имѣются монгольскія пашни пшеницы. Посѣвы хорошіе и не засоренные. При уборкѣ здѣсь пшеницу не косятъ, а дергаютъ изъ земли съ корнемъ.

Земли по рѣкамъ Крану, Кабе и ихъ притокамъ отличаются высокимъ плодородіемъ, являясь житницей для этого края. Кромѣ пшеницы, овса, ячменя, проса и всевозможныхъ бобовыхъ, здѣсь высевался въ большомъ количествѣ макъ до запрещенія куренія опиума въ Китаѣ.

По теченію рѣкъ Иро, Байнъ-Голь и Хара-Голь расположено много китайскихъ хуторовъ съ обширными пашнями. Китайскимъ приказомъ въ 1845 г. китайскіе земледѣльцы получили здѣсь лишь небольшіе участки земли для земледѣлія, безъ права расширенія ихъ; но благодаря взяточничеству среди китайскихъ чиновниковъ, площадь этихъ пашень постепенно разрастается и въ настоящее время занимаетъ огромное пространство.

Въ 30-ти верстахъ отъ Ургинскаго тракта (100 вер., отъ Кяхты) вверхъ по теченію рѣки Иро имѣется земледѣльческая колонія русскаго

купца Карнакова, арендующаго землю у монголь. Сбыть земледѣльческихъ продуктовъ, благодаря близости къ Кяхтѣ и золотымъ приискамъ, вполнѣ обезпеченъ; но большое препятствіе является со стороны существующихъ китайскихъ узаконеній, касающихся землепользованія въ Монголіи (раньше Карнаковъ имѣлъ стеариновый заводъ, но въ 1897 г., послѣ китайскаго возстанія, закрылъ его).

Подъ городомъ Улясутаемъ имѣется около 100 десятинъ пашень, расположенныхъ со стороны западной части города, главнымъ образомъ по рѣкѣ Богдоинь. Земля обрабатывается китайцами, а для уборки хлѣба нанимаются монголы. Пашни всѣ поливныя, сѣютъ исключительно ячмень, овесъ и пшеницу. Урожай бываетъ обыкновенно самъ-10—12, а въ этомъ году (1910) овесъ далъ самъ-35. При пашняхъ имѣются китайскіе хутора, рядомъ съ которыми располагаются огороды, снабжающіе Улясутай разнообразной зеленью. Урожай на огородахъ, благодаря поливу и хорошему уходу, богатый. Кромѣ того огородничествомъ занимаются въ своихъ усадьбахъ многіе жители Улясутайской крѣпости, расположенной въ 2—3 верстахъ на востокъ отъ города.

Около города Кобдо въ 15-ти верстахъ большія пространства заняты китайскими казенными пашнями. Всѣ пашни раздѣлены на 10 участковъ, обрабатываемыхъ каждый извѣстнымъ количествомъ рабочихъ—отъ 25 до 30 человекъ. Рабочими являются по преимуществу монголы. Воздѣлывается, главнымъ образомъ, яровая пшеница, дающая здѣсь урожай самъ 16.

Подъ самымъ же городомъ имѣются поливные огороды, принадлежащіе китайскимъ отставнымъ солдатамъ. Въ огородахъ встрѣчаются морковь, брюква, китайская капуста (байцай), китайскіе огурцы, кольраби, тыквы, петрушка, лукъ, чеснокъ и очень мелкій картофель. Характернымъ явленіемъ здѣшнихъ огородовъ служитъ ихъ малая засоренность, вслѣдствіе сухости климата, что замѣтно облегчаетъ уходъ за овощами.

Вообще огородничество въ Сѣверной Монголіи имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ, особенно при примѣненіи искусственнаго орошенія. Уже и теперь, не только въ южной части района—Кобдо и Улясутаѣ, но и на сѣверѣ, напримѣръ, въ Кяхтинскомъ маймаченѣ,—китайскіе огороды заполняютъ своими продуктами базары Троицко-Савска. Съ усиленіемъ же китайской колонизаціи продукты китайскихъ огородовъ быстро появятся на всѣхъ рынкахъ нашихъ дальне-восточныхъ городовъ.

По собраннымъ свѣдѣніямъ отъ китайцевъ, монголь и русскихъ хошунныхъ торговцевъ, стоимость производства одного пуда зерна

различныхъ хлѣбовъ, урожайность и доходъ съ 1-й десятины посѣвовъ выражается такъ:

Расходъ на годовой урожай съ одной десятины пшеницы, овса и ячменя.

	На цѣлинѣ.	На мякоти.
Аренда	3 р.	2 р.
Обработка	20 „	10 „
Сѣмена и посѣвъ	20 „	20 „
Уборка	14 „	13 „
Молотьба	7 „	7 „
Пропашка	7 „	7 „
Итого	71 р.	59 р.

Расходъ на годовой урожай съ одной десятины проса.

	На цѣлинѣ.	На мякоти.
Аренда	3 р.	2 р.
Обработка	20 „	10 „
Сѣмена и посѣвъ	12 „	12 „
Уборка	14 „	13 „
Молотьба	7 „	7 „
Пропашка	7 „	7 „
Итого	63 р.	51 р.

Средній урожай съ одной десятины.

	На цѣлинѣ.	На мякоти.
Пшеница	70 пудовъ	50 пудовъ
Ячмень	75 „	60 „
Овесъ	90 „	65 „
Просо	60 „	40 „

Продажныя цѣны *) въ 1910 г. такія:

Пшеница	2 руб. 50 коп.
Ячмень	2 „ 50 „
Овесъ	3 „ — „
Просо	3 „ — „

*) Цѣна на хлѣба и количество урожая съ десятины приведены среднія. Но въ 1910 г. овесъ, напримѣръ, возлѣ Улясутая далъ до 200 пудовъ на десятинѣ, а цѣны на него стояли 3 р. 75 к. пудъ.

Итого съ одной десятины валового дохода:

	На цѣлинѣ.	На мягкой землѣ.
Пшеница	175 р. — к.	125 р.
Ячмень	187 „ 50 „	150 „
Овесъ	270 „ — „	195 „
Просо	180 „ — „	120 „

Итого съ одной десятины чистаго дохода:

	На цѣлинѣ.	На мягкой землѣ.
Пшеница	104 р. — к.	66 р.
Ячмень	116 „ 50 „	91 „
Овесъ	199 „ — „	136 „
Просо	117 „ — „	69 „

Въ заключеніе надо сказать, что земли, вполне пригодной для земледѣлія, имѣется въ сѣверо-западной Монголіи не менѣе 10%, отъ всей ея территоріи, но величина площади распашныхъ земель не занимаетъ въ настоящее время и 1% отъ всей площади, пригодной для земледѣлія.

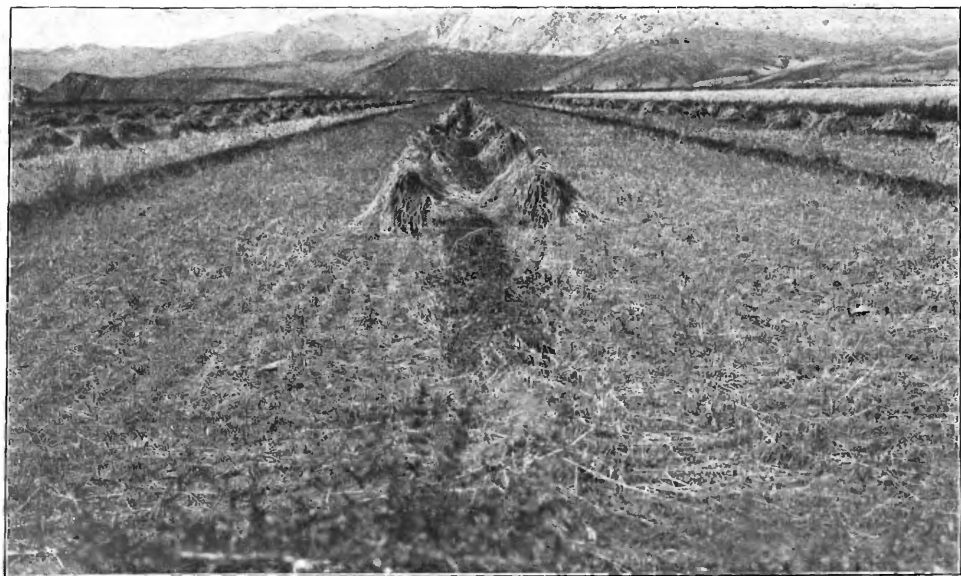
Принимая же во вниманіе громадную территорію въ 333 милліона десятинъ, занимаемую Монголіей, и допуская теоретически лишь одну десятую ея площади, т.-е. 30 милліоновъ десятинъ, пригодной для земледѣлія и оставляя 300 милліоновъ десятинъ подъ скотоводство, очевидно, какими громадными ресурсами обладаетъ эта страна въ потенциальномъ состояніи.

Трудно даже представить развитіе экономической жизни въ Монголіи въ ближайшемъ будущемъ, но, во всякомъ случаѣ, при расширеніи и развитіи здѣсь земледѣльческой культуры, съ введеніемъ орошенія въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, а также земледѣльческой техники и примѣненія засухоустойчивыхъ сортовъ посѣвныхъ сѣмянъ и агрономическихъ знаній—создадутся новыя формы экономической жизни и откроется широкая перспектива для торговой жизни въ этой странѣ.

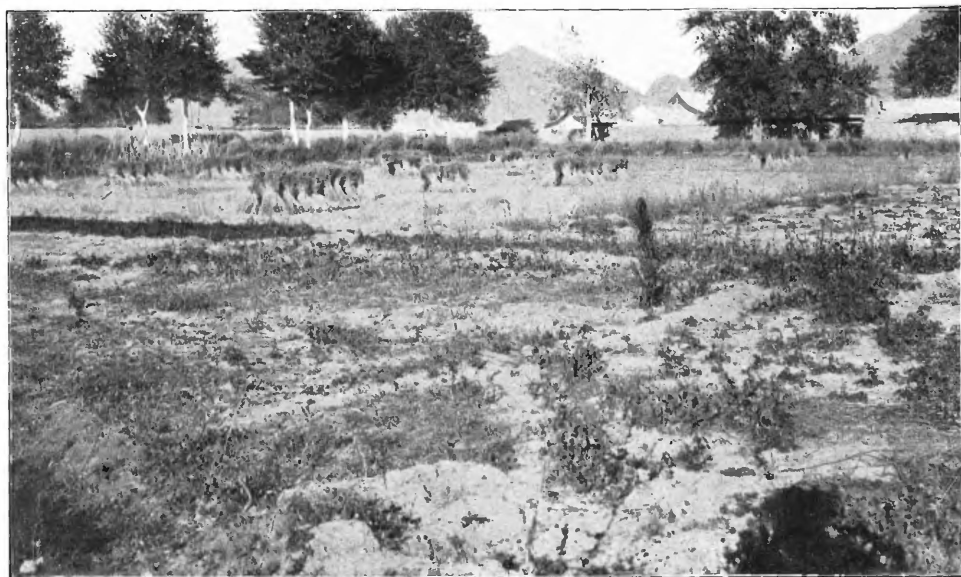
Поэтому ближайшей практической задачей современныхъ дѣятелей на экономическомъ и торгово-промышленномъ поприщѣ должно быть:

Во-первыхъ, изученіе существующихъ въ настоящее время системъ орошенія въ Монголіи.

Во-вторыхъ, изученіе древнихъ системъ орошенія по сохранившимся арыкамъ.

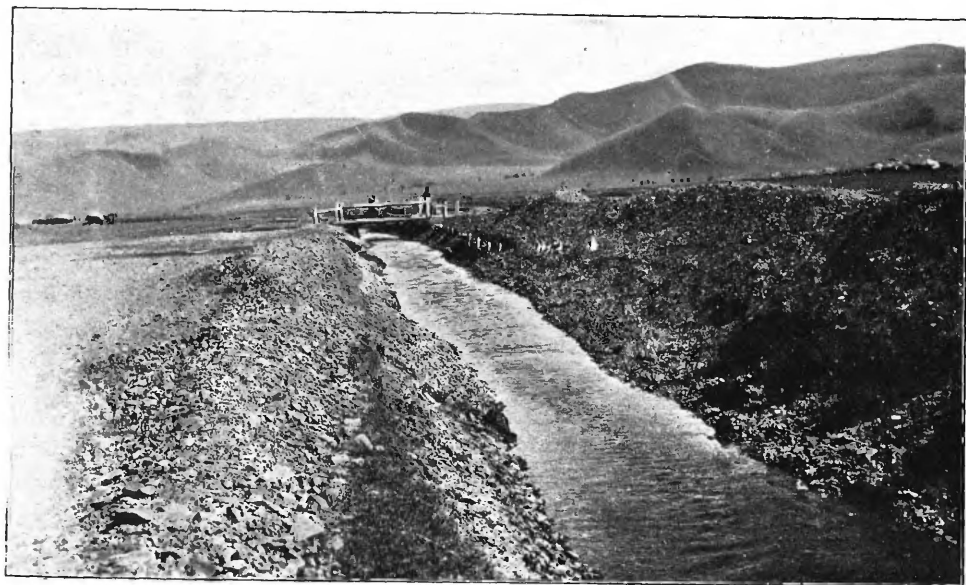
Уборка пшеницы съ китайскихъ пашень подъ Улясутаемъ.

Китайскія поливныя пашни подъ г. Кобдо.

Огороды китайцевъ подъ г. Кобдо.

Арыкъ по долинь р. Баратая.

Въ-третьихъ, опыты примѣненія новѣйшихъ научныхъ положеній гидротехники къ существующимъ системамъ орошенія.

Въ-четвертыхъ, созданіе и распространеніе засухоустойчивыхъ сортовъ хлѣбныхъ растений.

Все это вмѣстѣ дастъ возможность использовать въ совершенствѣ для сельско-хозяйственныхъ цѣлей пропадающій теперь даромъ водной кругооборотъ и направить силы его на образованіе богатствъ изъ нѣдръ земли.

Главной отраслью монгольскаго скотоводства является овцеводство. Благодаря разнообразію доставляемыхъ имъ для монгольскаго хозяйства продуктовъ, оно составляетъ, можно сказать, фундаментъ кочевого быта.

Овцевод-
ство.

Когда въ Монголіи въ степи господствовало натуральное хозяйство, всѣ виды скота оцѣнивались овцою; со вторженіемъ же въ монгольское хозяйство денежнаго обращенія и переходомъ торговли къ современнымъ ея видамъ,—значеніе овцеводства, благодаря высокому пищевому достоинству баранины и усиленному спросу на шерсть, увеличилось еще болѣе.

Продукты фабричнаго производства многихъ странъ проникаютъ въ данное время въ самыя отдаленныя мѣста Монголіи, гдѣ только живетъ монголъ, и успѣли сдѣлаться для него предметами первой необходимости. Для удовлетворенія этихъ создавшихся потребностей монголъ добываетъ деньги или серебро чаще всего и удобнѣе всего продажей овецъ, какъ мелкой и цѣнной на рынкѣ единицы скота. Она же доставляетъ ему драгоцѣнный матеріалъ для питанія въ видѣ мяса и молока, а также шерсть для одежды, жилища (юрты) и различныхъ хозяйственныхъ вещей вродѣ потниковъ подъ сѣдла, подкладокъ на плечи вьючнымъ верблюдамъ, войлоковъ и пр., и, наконецъ, необходимое топливо въ степи.

Если же ко всѣмъ ея разнообразнымъ достоинствамъ прибавить дешевизну содержанія ея при монгольскомъ уходѣ, то станетъ само собою понятно, почему въ Монголіи овцеводство преобладаетъ надъ всѣми видами скота.

За отсутствіемъ статистики въ Монголіи, установить на мѣстѣ численный составъ овцеводства какъ всей страны, такъ въ среднемъ и на одно монгольское хозяйство, не представляется возможности. Въ монгольскихъ княжескихъ управленіяхъ, очевидно, имѣются свѣдѣнія о количественномъ составѣ стадъ монгольскихъ хозяйствъ по хошунамъ для податной системы. Но эти свѣдѣнія составляютъ тайну, и посто-

роннимъ лицамъ получить ихъ является весьма затруднительнымъ. Добыть же свѣдѣнія о количествѣ скота путемъ разспросовъ отъ самихъ монголовъ—невозможно, вслѣдствіе предразсудка, запрещающаго имъ сообщать постороннему лицу число и составъ своихъ стадъ. Между тѣмъ для опредѣленія значенія монгольскаго рынка подсчетъ его главнаго ресурса необходимъ.

При наличности статистическихъ данныхъ, количество овецъ въ среднемъ на одно хозяйство опредѣлялось бы простымъ ариѳметическимъ дѣйствіемъ. Въ данномъ же случаѣ за неимѣніемъ цифръ монгольской статистики рѣшить интересующій насъ вопросъ приходится иначе. Работами двухъ экспедицій—Щербины и Кузнецова, стоившихъ русскому правительству многихъ тысячъ рублей, были произведены подворныя статистическія изслѣдованія кочевыхъ хозяйствъ степныхъ областей Западной Сибири. Работы этихъ экспедицій опредѣлили, что среднее количество овецъ на одно хозяйство по губерніямъ и областямъ распредѣляется такъ:

Тобольская губ.	3.	Семипалатинская обл.	28.
Томская губ.	5.	Каркаралинскій у. (Сем. обл.) .	30.
Тургайская обл.	16.	Зайсанскій у. (Сем. обл.) . .	37.
Акмолинская обл.	23.		

Изъ этихъ губерній Семипалатинская область по границѣ всего Зайсанскаго уѣзда прилегаетъ къ Монголіи, а Акмолинская и Тургайская, хотя и не граничатъ съ Монголіей, но также, какъ и Семипалатинская, по своимъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ и по характеру степной растительности сходны съ нею и населены преимущественно кочевымъ племенемъ—киргизами, хозяйство и бытъ которыхъ имѣютъ большое сходство съ хозяйствомъ и бытомъ монгола.

Приведенная таблица ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ тѣхъ сибирскихъ губерніяхъ, въ которыхъ преобладаетъ осѣдлое населеніе и площадь лѣсовъ занимаетъ отъ 50—70% всей территоріи, какъ въ Томской и Тобольской, на одно хозяйство въ среднемъ приходится только три и пять овецъ. А тамъ, гдѣ населеніе въ 90% состоитъ изъ кочевниковъ, а лѣса по отношенію степей занимаютъ только 20%, какъ Тургайская область, Акмолинская и Семипалатинская съ уѣздами Каркаралинскимъ и Зайсанскимъ,—тамъ въ среднемъ на одно хозяйство приходится 16, 23, 28, 30, и 37 овецъ.

Повышающееся число овецъ постепенно отъ Тургайской области до Зайсанскаго уѣзда, приходится въ тѣсной связи съ параллельнымъ

увеличеніемъ $\%$ кочевого населенія надъ осѣдлымъ. Въ Каркаралинскомъ уѣздѣ и Зайсанскомъ число овецъ особенно велико, что объясняется громаднымъ $\%$ кочевого населенія въ этихъ уѣздахъ и особенно благопріятными кормами для овцеводства. А такъ какъ климатъ, почвенныя и кормовыя условія Монголіи, какъ уже было сказано, очень сходны съ Зайсанскимъ уѣздомъ, то мы приблизимся къ дѣйствительности, если допустимъ, что количество овецъ въ среднемъ на одно хозяйство Монголіи съ нѣкоторымъ повышеніемъ будетъ приближаться къ Зайсанскому уѣзду, именно въ 40 головъ.

Это количество овецъ совпадаетъ какъ съ приблизительными опредѣленіями нашей экспедиціи, такъ и съ указаніями Баторскаго въ его трудѣ о Монголіи, считающаго въ среднемъ на одно хозяйство 40—50 головъ.

Чтобы опредѣлить возможно точнѣе доходность отъ овцеводства одного монгольскаго хозяйства, наиболѣе правильнымъ будетъ взять его среднюю годовую доходность за 10-лѣтній періодъ. Для того же, чтобы сдѣлать этотъ расчетъ, необходимо прослѣдить ходъ и развитіе приплода отъ 40 овецъ въ теченіе 10 лѣтъ и ихъ продуктивность.

По многочисленнымъ наблюденіямъ и подсчетамъ, произведеннымъ мною надъ составомъ стадъ, какъ въ Монголіи, такъ и въ Киргизскихъ степяхъ Западной Сибири въ теченіе пяти лѣтъ, оказалось, что количество матокъ въ стадѣ монгола колеблется между 60—70 $\%$ отъ всего состава стада, валахи составляютъ 10—13 $\%$, ярки—20—25 $\%$, а бараны—2 $\%$.

На основаніи этого число матокъ можетъ быть выражено въ 60 $\%$ отъ всего состава стада. Ежегодный отходъ ихъ въ 10 $\%$, а рождаемость ягнятъ въ 90 $\%$.

Отходъ ягнятъ до шести-мѣсячнаго возраста опредѣляется въ 20 $\%$, а ежегодный расходъ валаховъ старше шести мѣсяцевъ въ 60 $\%$.

Въ виду того, что монголь предваряетъ падежъ овецъ ихъ рѣзкой и даже потребляетъ въ пищу мясо павшихъ животныхъ, въ вычисленіяхъ принято считать весь 10 $\%$ -ный годовой отходъ овецъ прирѣзанными, а павшими являются только 20 $\%$ изъ общаго числа родившихся ягнятъ, за которыми монголу труднѣе услѣдить, какъ за болѣе мелкой единицей.

Молочность овцы въ удойный ея періодъ за четыре мѣсяца принята въ четыре ведра. Одно ведро молока оцѣнено въ 50 коп.

Шерстная продуктивность овцы въ 4 ф. шерсти.

А валаха съ трехъ съ половиной лѣтъ . . . „ 5 „ „

Одинъ пудъ шерсти въ 4 рубля.

Убойный вѣсъ ягненка до 6 мѣсяцевъ	15 ф.
„ „ овцы съ 6 до 1 ¹ / ₂ л.	25 „
„ „ „ „ 1 ¹ / ₂ —2 ¹ / ₂ „	30 „
„ „ „ „ 2 ¹ / ₂ —3 ¹ / ₂ „	40 „
„ „ „ „ 3 ¹ / ₂ —4 ¹ / ₂ „	50 „
„ „ „ „ 4 ¹ / ₂ —5 ¹ / ₂ „	60 „
„ „ „ „ 5 ¹ / ₂ —6 ¹ / ₂ „	60 „

Цѣна одного пуда въ 2 руб. 40 коп.

Цѣна овчины рѣзаной взрослой овцы 60 коп.

„ „ „ ягненка 30 „

„ „ павшаго „ 20 „

60⁰/₀ матокъ отъ стада въ 40 головъ составитъ 24 шт.

Изъ произведеннаго учета видно, что монгольское хозяйство въ среднемъ за одинъ годъ въ теченіе 10-лѣтняго періода получаетъ валового дохода отъ овцеводства 237 руб., при чемъ сумма эта составляется изъ такихъ статей: капиталъ въ овцахъ—121 руб. 16 коп., молоко—58 руб. 15 коп., мясо—35 руб. 50 коп., кожи—10 руб. 50 коп. и шерсть—17 руб. 54 коп., а за вычетомъ изъ общей (237 руб.) суммы 121 руб. 16 коп., т.-е. капитала въ овцахъ получимъ 115 руб. 84 коп., что составляетъ на основной капиталъ 95⁰/₀.

Расходъ же монгола на овцеводство выразится только на пастуха, такъ какъ на водопой, кормъ и помѣщеніе монголь никакихъ тратъ въ теченіе года не производитъ. А такъ какъ пастухи имѣются только у богатыхъ монголь, да и то главнымъ образомъ свои же подростки, не находящіе на рынкѣ приложенія своего труда, а бѣдняки пасутъ сами, по очереди, соединяя нѣсколько хозяйствъ въ одно, то и расходъ этотъ очень незначителенъ и точному опредѣленію не поддается. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда монголь поручаетъ пасти овецъ чужому пастуху, то вознагражденіемъ этому послѣднему служитъ одна овца за лѣтній періодъ и одна овца за зимній періодъ *).

Такимъ образомъ расходъ по уходу за овцеводствомъ не превышаетъ двухъ овецъ, или 5 руб. въ годъ, и, слѣдовательно, чистый доходъ отъ овцеводства опредѣляется не менѣе какъ въ 90⁰/₀.

Въ виду того, что пища монгола состоитъ исключительно изъ чая, молока и мяса и въ теченіе дня на cadaго человѣка приходится молока 1¹/₂ фунта (т.-е. 2¹/₂ стакана), на 2¹/₂ коп., мяса ¹/₄ фунта, на

*) При чемъ пастухъ за пропажу скота не отвѣчаетъ.

1½ коп., и чая 2½ золотника, на ½ коп., то, очевидно, что монголу, за отсутствием других пищевых средств, трудно удѣлить изъ приходящагося ему ежедневно кормового пайка *) какую-либо часть для продажи.

Слѣдовательно, надо признать, что какъ все количество молока, такъ и мяса, доставляемыхъ овцеводствомъ, должно итти на прокормленіе самой семьи, и монголъ изъ этой статьи безъ нарушенія нормальнаго питанія не можетъ оторвать какой-либо части для отчужденія ея на рынокъ.

Средства для этого онъ долженъ черпать изъ суммъ за проданную шерсть и кожи.

Какъ мы выше видѣли, монгольское хозяйство ежегодно получаетъ отъ своего овцеводства 212 фун. шерсти. Изъ этого количества 12 фун. надо отчислить на изготовленіе чулокъ и обуви для семьи, а два пуда на постройку и ежегодный ремонтъ юрты (на юрту идетъ пять пудовъ кочмы и служить она три года). Слѣдовательно, для продажи остается шерсти три пуда на сумму 12 руб.

Затѣмъ отъ продажи кожъ выручается въ годъ 10 руб.

Такимъ образомъ, отъ овцеводства монгольская семья имѣетъ въ годъ для удовлетворенія различныхъ своихъ потребностей, кромѣ питанія, 22 рубля.

Указавъ цифрами на экономическое значеніе овцы въ хозяйствѣ монгола и на ту роль, которую она играетъ въ его бюджетѣ, является интереснымъ прослѣдить жизнь и содержаніе этого въ высшей степени полезнаго животнаго, какъ незамѣнимаго работника для всей монгольской семьи.

Монгольская овца принадлежитъ къ типу короткохвостыхъ, жирнохвостыхъ; ростъ ея большой, до 16 вершковъ, такъ что она является крупнѣе русской крестьянской овцы, но мельче ордынской, разводимой въ степныхъ районахъ юго-восточной Россіи и Западной Сибири. Голова—сухая и меньшая, съ сильно развитыми у барана рогами; носъ узкій и горбатый, туловище хорошо сложенное, покоится на высокихъ сухожилистыхъ ногахъ и заканчивается широкимъ жирнымъ хвостомъ до 10 фунтовъ вѣсу, имѣющимъ, наподобіе каракулевыхъ овецъ, сухой S-образный придатокъ, далеко не доходящій до скакательнаго су-

*) Составъ монгольской семьи принимается въ шесть человекъ, на одного человека въ годъ приходится 961 стаканъ, а въ день 2,6 стакана; мяса въ годъ приходится 96,7 фун., а въ день 0,26 фун.

става. Шерсть грубая, съ небольшимъ подпушкомъ, черепицеобразно спадающая ясно выраженными длинными косицами (до 3½ вершковъ). Основная масть овцы—бѣлая, большею частью съ черными отмѣтинами на шеѣ, бокахъ и у корня хвоста. Чисто бѣлыя овцы встрѣчаются очень рѣдко.

Излюбленными мѣстами этой овцы является чередованіе нагорныхъ пастбищъ съ солончаковыми долинами. Мѣсть же съ сырыми лугами, камышовыми и густыми зарослями она избѣгаетъ.

Система монгольскаго скотоводческаго хозяйства направляется къ тому, чтобы съ возможно меньшей затратой труда на заготовку сухого корма содержать возможно больше скота; поэтому монголь заготавливаетъ кормъ лишь въ очень ограниченномъ количествѣ, на случай крайней нужды, а самъ для прокормленія своихъ стадъ перекочевываетъ постоянно съ одного мѣста на другое. Никакого дѣленія земли на участки не существуетъ, такъ какъ монголы считаютъ, что скотоводствомъ съ успѣхомъ можно заниматься лишь при обширности и разнообразіи кочевыхъ угодій, что при участковомъ пользованіи землею является невозможнымъ. Дѣйствительно, чѣмъ чаще перемѣняетъ монголь свои кочевки, тѣмъ лучше нагуливаются его стада. Кочевки эти происходятъ на разстояніи ½ версты и болѣе въ зависимости отъ окружающаго простора. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ онъ кочуетъ за нѣсколько десятковъ верстъ, когда тамъ оказываются расположенными его лучшія пастбища, при чемъ кочевка эта въ районѣ своего старшинства происходитъ только въ предѣлахъ территоріи, которая временемъ и обычаями закрѣплена за его айлемъ. Перекочевывать же въ сосѣднее старшинство можно только съ разрѣшенія дзангина этого старшинства. Кочевка по этому хошуну разрѣшается княземъ, а переходъ изъ одного хошуна въ другой допускается съ совѣта и согласія между собою князей хошуновъ и бываетъ лишь въ случаяхъ сильныхъ недородовъ въ одномъ изъ сосѣднихъ хошуновъ.

Лѣтнія, а особенно зимнія пастбища cadaго айля отгораживаются отъ сосѣднихъ айлей межами, признаками которыхъ служатъ обыкновенно рѣки, хребты горъ и другія живыя урочища, а также искусственные знаки, какъ ямы и „обо“ (куча камней или хвороста), устроенныя на вершинѣ горъ.

На лѣтникахъ монголы остаются съ начала мая и до октября, при чемъ въ использованіи пастбищъ въ лѣтнее время допускается большая безопасность: очень часто овцы пускаются на пастьбу безъ всякаго присмотра. Единственно на что монголь обращаетъ вниманіе,

это—на количество даваемого овцами молока, почему тѣ пастбища, которыя повышаютъ удой его стада, признаются имъ лучшими и чаще используются.

На лѣтовку монголь выбираетъ обыкновенно широкія, открытыя долины рѣкъ, гдѣ бы было достаточно простора для скота, или же, за неимѣніемъ таковыхъ, кочуетъ къ вершинамъ горъ, гдѣ и остается въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ. Къ концу же августа, когда наступаютъ холода и вершины горъ покрываются снѣгомъ, онъ возвращается на прежнія мѣста своихъ зимнихъ стойбищъ.

Эти послѣднія, въ цѣляхъ предоставленія стаду большаго затишья устраиваются въ ущельяхъ и поближе къ лѣсу, если таковой есть. Помѣщенія специально для овецъ на этихъ стойбищахъ бываютъ очень рѣдко и устраиваются въ пещерахъ, а гдѣ таковыхъ нѣтъ,—то складываются изъ камней безъ всякой связки глиной или известью, чаще же всего являются просто въ видѣ примитивныхъ загоновъ, обставленныхъ хворостомъ и камышомъ.

Въ такихъ загонахъ овцы, оставаясь на одномъ мѣстѣ въ теченіе всей зимы, накапливаютъ много навоза, рѣдко промерзающаго, который и предохраняетъ животныхъ отъ простуды снизу.

При выборѣ мѣста для зимовокъ главное вниманіе направляется къ тому, чтобы въ составъ ихъ вошли наиболѣе разнообразныя земли въ пастбищномъ отношеніи. А такъ какъ солонцы одинаково необходимы какъ зимою, такъ и лѣтомъ, то зимовки, на которыхъ вблизи съ прѣсными пастбищами имѣются и солончаковыя, особенно цѣнятся. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ солонцовъ вблизи стойбища нѣтъ, монголы привозятъ солончаковую землю и разсыпаютъ ее вокругъ овечьихъ стоянокъ. Характернымъ указаніемъ недостатка солончаковъ служитъ у овцы истеченіе изъ носа, затрудненное дыханіе и измѣненіе формы помета, принимающаго видъ раздѣльныхъ орѣшковъ. Долгая же пастьба на солонцахъ вызываетъ поносъ у ягнятъ и у старыхъ, слабыхъ овецъ.

Использованіе зимнихъ пастбищъ внимательнымъ хозяиномъ-монголомъ ведется отъ худшаго къ лучшему и происходитъ слѣдующимъ образомъ.

Съ выпаденіемъ перваго снѣга устанавливается строгое распредѣленіе въ использованіи пастбищныхъ угодій не только по мѣсяцамъ и недѣлямъ, но даже днямъ, и находится главнымъ образомъ въ зависимости отъ состоянія погоды.

Такъ, въ началѣ зимы и въ теплые дни стадо гоняютъ на болѣе

отдаленныя пастбища, оставляя ближнія и защищенныя отъ вѣтровъ въ запасъ, на случай непогоды.

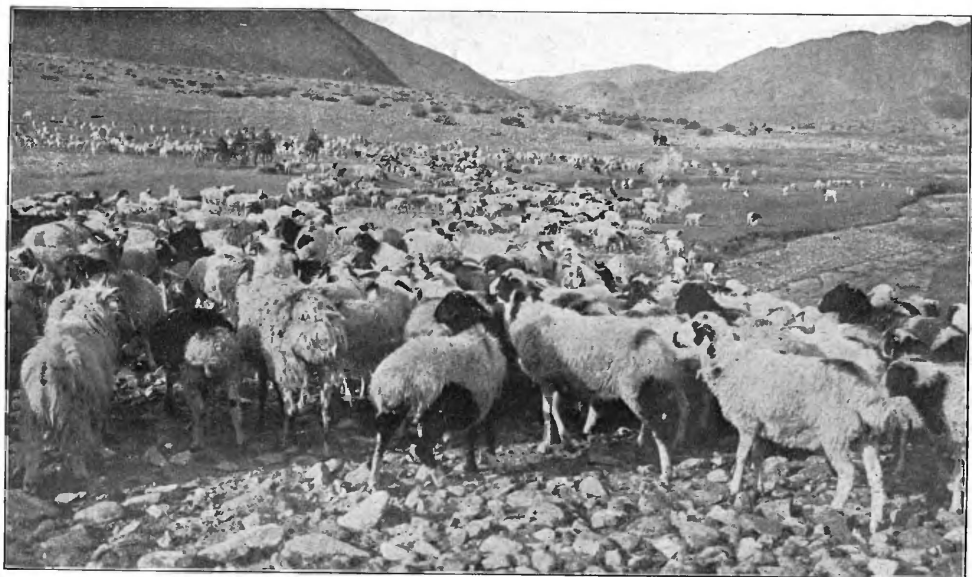
Кромѣ того, такъ какъ овцы могутъ доставать кормъ изъ глубины не болѣе полуаршина рыхлаго снѣга, то раньше всего ими вытравливаютъ равнины, ущелья и такіе склоны горъ, которые потомъ заносятся глубокимъ снѣгомъ и являются недоступными. Къ такимъ мѣстамъ почти всегда относятся сѣверные и сѣверо-восточные склоны горъ, тогда какъ съ южныхъ и юго-восточныхъ склоновъ, а равно и съ равнинъ, расположенныхъ на востокъ и сѣверо-востокъ отъ главныхъ горныхъ хребтовъ, снѣгъ сдувается и ложится на нихъ меньшимъ слоемъ. Такія лишенныя снѣга мѣста являются въ зимнее время для монгола самыми цѣнными угодыями.

При выпаденіи болѣе глубокаго снѣга, что случается чрезвычайно рѣдко, овцамъ каждый день даютъ опредѣленную площадь для выпаса и оставляютъ тамъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не используютъ всего корма, о чемъ судятъ по виду перевероченнаго снѣга. Если снѣгъ слишкомъ уплотнится, то для приведенія его въ рыхлое состояніе монголы выгоняютъ на пастбу сначала табуны лошадей, потомъ рогатый скотъ и верблюдовъ, а на послѣдокъ—овецъ, изъ которыхъ стада матокъ пускаютъ первыми, затѣмъ слѣдуютъ бараны и валахи.

Величина стада, выгоняемаго на пастбище, опредѣляется наличностью овецъ у cadaго хозяина, потому что каждый монголъ, какъ уже было сказано, пасетъ своихъ животныхъ самъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ стада соединяются и получаютъ общаго пастуха.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда зимою количество овецъ въ стадѣ доходитъ до 100 и болѣе головъ, ихъ разбиваютъ на партіи, по 50 штукъ, такъ какъ, будучи пущены на пастбище въ большомъ количествѣ, онѣ быстро истощаются и падаютъ.

При такой скудости зимняго кормленія овцы къ веснѣ страшно худѣютъ. Истощеніе это обуславливается большой затратой силъ, расходуемыхъ на отысканіе себѣ корма изъ-подъ снѣга, расчистку его и на борьбу съ непогодой—вѣтромъ, морозомъ и сыростью, а также на ежедневные переходы, иногда очень далекіе, до пастбища и обратно. Сухая же, выщелоченная за осень и потерявшая свои питательныя свойства трава не въ состояніи возмѣстить ежедневной потери силъ; поэтому нарушенное въ началѣ зимы равновѣсіе прихода и расхода веществъ въ организмѣ животнаго продолжается до самой весны, при чемъ трата силъ организма, увеличиваясь съ каждымъ днемъ, приводитъ къ тому, что въ буранные дни у овецъ не хватаетъ силъ бороться

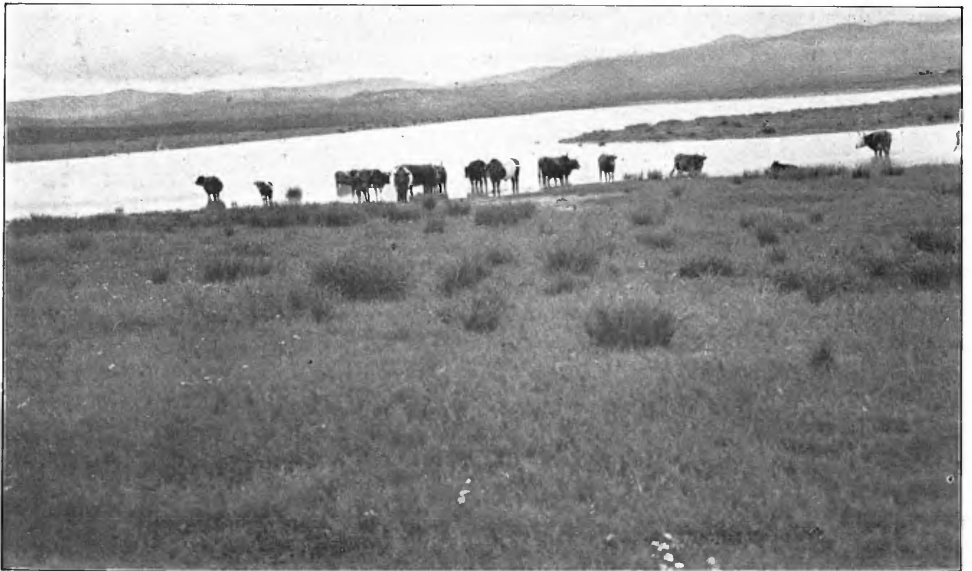
Стадо монгольскихъ овецъ подъ г. Кобдо.

Монгольскія козы съ овцами на пастбищѣ.

Монгольскій скоть по р. Толѣ.

Монгольскій скоть въ степи у озера.

съ жестокими холодами, и цѣлыя стада въ это время гибнуть. „Хороны“, т.-е. земляные валики, до 1½ аршина высотой, и плетни для защиты овецъ и во время бурановъ монголы ставятъ на пастбищахъ рѣдко, да они и не всегда достигаютъ своей цѣли. Въ лучшемъ положеніи находится дѣло у монголовъ, которые на этотъ случай имѣютъ запасныя пастбища, защищенныя отъ вѣтровъ, вблизи зимовокъ, съ хорошимъ невытравленнымъ кормомъ. Такія угодыя въ опасное время являются какъ бы запасами сѣна въ хозяйствѣ и спасаютъ монгола отъ разоренія, грозящаго ему при падежѣ стада.

Чтобы ослабить потерю, сильно исхудавшимъ овцамъ надѣваютъ кошму и, гдѣ есть сѣно, даютъ его въ небольшомъ количествѣ. Если же сѣна нѣтъ, то замѣняютъ его сѣномъ изъ запасовъ. Но все-же истощеніе овецъ къ веснѣ доходитъ до крайней степени.

По Селенгѣ, Эгинь-Голу и другимъ рѣкамъ, гдѣ имѣются хорошіе луга, монголы уже давно занимаются сѣнокошеніемъ. Въ этихъ мѣстахъ зимнее содержаніе овецъ менѣе печально, такъ какъ овцы пасутся только въ теплые дни, а въ большіе холода ихъ подкармливаютъ сѣномъ. Использование сѣна за отсутствіемъ ясель весьма нерационально; его раскидываютъ одинъ или два раза въ день по снѣгу, или же овецъ вмѣстѣ съ другимъ скотомъ просто припускаютъ къ стогамъ.

Поятъ овецъ два раза въ день, а зимою—одинъ, или же совсѣмъ не поятъ. Поятъ изъ рѣкъ и ручьевъ, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, то роютъ колодцы и устраиваютъ ихъ очень примитивнымъ образомъ, безъ всякихъ срубовъ. Въ послѣднихъ вода нерѣдко бываетъ горько-соленая, съ чѣмъ какъ монголы, такъ и ихъ скоть легко мирятся, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ наблюдается поносъ отъ подобныхъ водопоевъ.

Составъ монгольскаго стада, какъ уже было сказано, въ процентномъ отношеніи такой:

Матки 60, ярки 25, валахи 13, бараны 2.

Наибольшій % матокъ въ стадѣ объясняется тѣмъ, что матки, кромѣ шерсти и помета, доставляемыхъ другими видами овецъ, даютъ еще ягненка и молоко, а потому являются наиболѣе доходными статьями.

Валахи въ достаточномъ количествѣ имѣются только въ крупныхъ стадахъ, у среднихъ же монголь, а тѣмъ болѣе бѣдныхъ, они остаются на зиму въ очень ограниченномъ количествѣ или совершенно отсутствуютъ.

Что касается племенныхъ барановъ, то ихъ выбираютъ въ самомъ раннемъ возрастѣ, при чемъ руководствуются слѣдующими призна-

ками: происхожденіемъ отъ молочной жирнохвостовой овцы, здоровымъ и хорошимъ развитіемъ организма при крѣпкихъ ногахъ и широкомъ хвостѣ и преобладаніемъ въ рунѣ бѣлаго цвѣта шерсти. Только такой ягненокъ, ставши племенникомъ, въ состояніи будетъ передать потомству и закрѣпить въ немъ самыя цѣнныя качества монгольской овцы: выносливость и способность давать здоровое, жирное молоко, вкусное и питательное мясо, крѣпкую шерсть и всю зиму при крайне скудномъ питаніи жить на счетъ своего собственного жира, отложеннаго въ теченіе пастбищнаго періода.

Бонитировки матокъ не существуетъ, и ограничиваются лишь тѣмъ, что вырѣзаютъ больныхъ и старыхъ. Къ рѣзкѣ монголь прибѣгаетъ при всякихъ заболѣваніяхъ овецъ, считая ее лучшимъ лѣкарствомъ, чѣмъ и предупреждаетъ всякое распространеніе повальныхъ болѣзней.

Случка овецъ производится въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцѣ, а ягненіе происходитъ въ февралѣ и мартѣ. Въ случку пускаютъ иногда шести или семи мѣсячныхъ ярокъ. На пастбищѣ во время спуска овецъ имъ предоставляются самыя лучшія мѣста.

Несмотря на то, что ягненіе происходитъ въ февралѣ и мартѣ мѣсяцѣ, никакихъ помѣщеній для ягнятъ и матокъ не существуетъ, почему маленькихъ ягнятъ монголы берутъ въ свои юрты, и только у богатыхъ для этой цѣли ставятся спеціальныя юрты. Холодъ и голодъ, при отсутствіи сѣна и надлежащаго ухода, настолько губительно отражаются въ это время на благополучіи стада, что отходъ ягнятъ иногда достигаетъ 50—90%.

Къ доенію овецъ приступаютъ лишь съ установкой теплой погоды и хорошаго подножнаго корма, когда является возможность пасти ягнятъ отдѣльно отъ доящихся матокъ; въ избѣжаніе высасыванія ими молока доятъ два раза въ день—въ обѣдъ и вечеромъ. Молока даетъ монгольская овца въ день около двухъ стакановъ. Удойный ея періодъ продолжается до четырехъ мѣсяцевъ, и за это время она можетъ дать $3\frac{1}{2}$ — $4\frac{1}{2}$ ведра молока.

Цѣна молока въ городахъ стоитъ 25—30 коп. кварта, т.-е. $2\frac{1}{2}$ —3 рубля ведро. Такія высокія цѣны объясняются трудностью доставки молока въ городъ изъ кочевій въ свѣжемъ видѣ вслѣдствіе отсутствія у монголовъ ледниковъ и организованныхъ перевозокъ. Поэтому цѣна эта не можетъ служить основаніемъ при исчисленіи молочной доходности овцы въ кочевьяхъ, и будетъ болѣе правильнымъ сдѣлать эту оцѣнку по рыночной стоимости масла. Одинъ пудъ монгольскаго

овечьего масла оцѣнивается въ восемь и десять рублей. Изъ 15 пудовъ молока готовится одинъ пудъ масла, такъ что цѣна пуда молока опредѣляется въ 54—66 копеекъ.

Такъ какъ монголы доятъ своихъ овецъ два раза въ день и пасутъ ихъ вмѣстѣ съ ярками и валухами, которыхъ иногда бываетъ въ аилѣ нѣсколько сотенъ, то для дойки нѣсколькихъ матокъ они пригоняютъ къ аилу все стадо въ обѣдъ и вечеромъ.

Такая безцѣльная гоньба стада вредно отражается какъ на самихъ овцахъ, такъ и на безъ нужды вытаптываемомъ пастбищѣ.

Раздѣленіе овецъ на дойныхъ и гулевыхъ и пастьба ихъ въ двухъ стадахъ пастухами всего аила благоприятно отразилась бы на лѣтнемъ нагулѣ валуховъ, ягнятъ и барановъ, что способствовало бы въ свою очередь болѣе легкому перенесенію ими зимы.

Если у монгола является необходимость продать барана или по какому-нибудь поводу заколотъ его лѣтомъ, то онъ въ этихъ случаяхъ старается, въ противоположность русскому кочевнику, рѣзать хорошаго жирнаго валуха, а не ягненка.

Осенью же, когда удои овецъ и рогатаго скота сильно падаетъ, а то и совсѣмъ прекращается, монголъ лишается возможности далѣе питаться молокомъ и принужденъ прибѣгать къ заготовкѣ мяса на зиму, для чего и рѣжетъ старыхъ овецъ, валуховъ и тѣхъ, которые на его взглядъ не выдержатъ зимовки. Баранина употребляется въ вареномъ видѣ или въ жареномъ.

Внутреннее и курдючное сало съѣдается въ сыромъ видѣ или распускается въ чаѣ *).

Кишки идутъ на струны и нитки, а также для приготовленія любимой монголами кровяной колбасы. Въ значительномъ количествѣ соленныя кишки вывозятся и въ Россію. Въ 1909 году черезъ Кяхту вывезено 625 пудовъ на 16,155 рублей, а черезъ Кошъ-Агачъ—10 пудовъ на сумму 260 рублей. На мѣстѣ кишки продаются по цѣнѣ 5—15 копеекъ штука. Овечій обработанный желудокъ замѣняетъ въ хозяйствѣ посуду для храненія масла, сала, молока, кумыса и пр.

Рога употребляются на изготовленіе пороховницъ, посуды для лѣкарствъ и табакерокъ.

Овчины идутъ преимущественно въ продажу. Для себя же мон-

*) Сало же отъ павшихъ животныхъ идетъ на освѣщеніе, которое происходитъ такъ: въ чашку съ жидкимъ саломъ впускаютъ скрученную тряпку и одинъ конецъ ея зажигаютъ.

голъ выдѣлываетъ изъ нихъ мѣховыя одежды. Въ Россію овечьи кожи вывозятся главнымъ образомъ въ невыдѣланномъ видѣ. Цѣна на мѣстѣ маленькой кожи 30 копеекъ, а взрослой—50—70 коп.

Скупаются онѣ въ январѣ, февралѣ и осенью.

Монгольская овчина вѣситъ легче киргизской и мездрой тоньше. Сушится обыкновенно на солнцѣ, при выдѣлкѣ ломается и не имѣетъ ровной поверхности. Провозъ овчинъ въ Россію изъ Монголіи въ зимнее время, т.-е. съ сентября по май, фактически невозможенъ, такъ какъ безъ дезинфекціи овчины не пропускаются, а замоченныя на карантинѣ *) въ холодное время года плохо высыхаютъ, киснутъ, и мездра на нихъ портится. Сухія овчины пакуются въ тюки, по 60 штукъ, посредствомъ простого пресса. Вѣсъ средней овчины—четыре фунта.

Въ 1909 году черезъ Кяхту изъ Монголіи было вывезено 195,159 штукъ овчинъ на сумму 250,000 руб., а черезъ Кошъ-Агачъ 3,638 пуд., на сумму 30,632 руб.

Овчины въ большомъ количествѣ скупаются въ Ургѣ **), гдѣ происходитъ съ наступленіемъ холодовъ массовый убой овецъ для зимнихъ запасовъ мяса. По достоинству ургинская овчина расцѣнивается ниже кошунной (т.-е. овчины съ кочевій) вслѣдствіе существующаго обычая въ Ургѣ вырѣзать грудинку съ кожей, идущую на приготовленіе излюбленнаго монголами кушанья „керсень“, чѣмъ и уменьшается вѣсъ овчины. Большое количество овчинъ, особенно козьихъ, скупается китайцами въ Ургѣ и направляется въ Калганъ. Начиная отъ г. Тудона (къ югу отъ Урги на 300 верстъ), все сырье идетъ уже на Калганъ.

Овцы скупаются какъ китайцами, такъ и русскими. Китайцы вслѣдствіе особенности ихъ торговли пріобрѣтаютъ отъ монголовъ овецъ по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Изъ русскихъ кромѣ хошунныхъ торговцевъ скупаютъ овецъ и скотопромышленники, исключительно на серебро, вслѣдствіе чего и переплачиваютъ на цѣнахъ противъ китайцевъ послѣдніе пріобрѣтаютъ овецъ отъ монголовъ въ счетъ уплаты послѣдними за ранѣ проданные имъ въ долгъ товары.

Русскими купцами овцы скупаются главнымъ образомъ ради сала,

*) Поступая въ карантинъ, овчины погружаются въ яму, четыре аршина ширины и два аршина глубины, куда входитъ 1,500 овчинъ. Овчина замачивается въ теченіе одного дня, за что взимается двѣ копейки.

**) При продажѣ овчинъ китайцами, послѣдніе имѣютъ обыкновеніе вкладывать въ 100 штукъ хорошихъ овчинъ двадцать посредственныхъ, поэтому при пріемкѣ ихъ китайцами партія считается лишь за 80 штукъ, русскимъ же сдаютъ полностью.

въ изобилии покрывающаго внутренность барана (до 40 фун. на одной тушѣ).

Большіе гурты овецъ выгоняются также на югъ въ Китай черезъ землю Чахаръ, въ которой дѣлается остановка, такъ какъ переходъ 1,000 верстъ для животныхъ чрезвычайно тяжелъ. Однимъ изъ крупныхъ центровъ по сосредоточенію овецъ въ Чахаріи являются города Лунъ-Танъ и Фынъ-чжень. Въ послѣднихъ собираются кромѣ того большія количества шерсти изъ Монголіи, кожъ и овчинъ, которые затѣмъ сбываются въ Да-тунъ-фу, Тянь-Цзинъ и другія мѣста.

Затѣмъ крупные гурты овецъ направляются китайскими купцами въ городъ Хуху-хото, откуда расходятся въ разныя стороны, особенно въ Пекинъ, Хэ-нанъ и Шань-си. Въ этихъ мѣстахъ есть особыя конторы по покупкѣ овецъ и направленію ихъ дальше. Такія конторы называются Пань-Цза. Самыя богатые изъ нихъ—пекинскія: Ся-шенъ-хо, Ся-хо-и, Тянь-хо-дэ и Сань-хо-ченъ. Однѣ только эти фирмы выгоняютъ изъ Хуху-хото ежегодно до половины милліона овецъ, да самъ Хуху-хото потребляетъ ихъ не менѣе 200,000 штукъ. Кромѣ того черезъ Хуху-хото вывозится много бараньихъ кожъ. Послѣднія выдѣлываются тутъ же особымъ способомъ при помощи хлѣба и солонца, отчего получается бѣлый цвѣтъ кожи. Въ этомъ видѣ онѣ снова въ большомъ количествѣ возвращаются назадъ и расходятся среди монголь.

Цѣна на четырехъ и шести-лѣтнихъ овецъ колеблется въ зависимости отъ района скупки и торговыхъ пріемовъ купца. Въ Кяхтинскомъ и Ургинскомъ районѣ цѣна на овцу въ 1910 г. колебалась отъ четырехъ до шести рублей, а въ Улясутайскомъ и Кобдинскомъ—отъ двухъ до четырехъ рублей.

Сбываются овцы съ Урги черезъ Кяхту на Иркутскъ, Читу и Срѣтенскъ, затѣмъ съ Уланкома черезъ Усинское селеніе на Иркутскъ и съ Кошъ-Агача на Бійскъ, Барнаулъ и Томскъ. При переходѣ черезъ границу овцы подвергаются четырехдневному карантину. За страховку съ овцы на карантинъ взимается три коп. и страховая премія назначается въ три рубля. Страховка ягненка—одна копейка.

Для прогона овецъ нѣтъ точно установленныхъ трактовъ, и плата за водопой и выпасы промышленныхъ гуртовъ по монгольскимъ землямъ является рѣдкимъ случаемъ, что способствуетъ здѣсь свободѣ этого промысла.

Передвиженіе стада овецъ, направляемыхъ по Монголіи въ Россію и Китай, совершается такимъ порядкомъ: овцы медленнымъ шагомъ двигаются впередъ, разсыпавшись по трактовому пастбищу; два

или три пастуха даютъ стаду надлежащее направленіе, сидя верхами на лошадяхъ. Впередъ уѣзжаетъ хозяинъ или старшій приказчикъ съ однимъ или двумя рабочими и верблюдомъ, навьюченнымъ палаткой (майханомъ), провизіей, дровами и кухонными принадлежностями. Отъѣхавъ 15—20 верстъ впередъ, разбиваютъ палатку и ожидаютъ прихода пастуховъ со стадомъ. Мѣсто для ночевки стада обыкновенно выбираютъ у водооя. Переходъ отъ мѣста скупки до рынка сбыта совершается въ два или три мѣсяца, во время котораго овцы хорошо нагуливаются.

Въ 1909 году черезъ Кошъ-Агачъ прошло изъ Монголіи 11.430 штукъ овецъ, на 36.020 рублей.

Черезъ Кяхту въ таможи показана только общая сумма (951.000 руб.) стоимости всѣхъ видовъ скота, прошедшаго черезъ эту таможию.

Стрижка овецъ продолжается съ мая мѣсяца до середины іюля. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, за отсутствіемъ ножницъ, подрунившуюся (т.-е. получившую перехватъ) шерсть просто обираютъ руками. Съ одной овцы получается отъ 1½ до 5 фунтовъ шерсти, болѣе нѣжной, чѣмъ киргизская. Разница въ выводѣ шерсти зависитъ отъ того, что монголь изъ-за боязни холодовъ часто оставляетъ овецъ неостриженными до конца іюля, когда она успѣетъ уже потерять большую половину своей шерсти.

Въ семьѣ монгола шерсть идетъ на изготовленіе чулокъ и кошмы (войлока), а остатокъ поступаетъ въ продажу.

Изготовленіе кошмы производится обыкновенно женщинами, отличается простотой и состоитъ въ томъ, что на кошму, разостланную на землѣ, накладываютъ ровнымъ слоемъ шерсть, взбитую палками, толщиной отъ 1—1½ вершка. Затѣмъ шерсть эту взбрызгиваютъ слегка водою и заворачиваютъ вмѣстѣ съ кошмою на деревянный валъ, который, обвязавъ веревками, катаютъ по ровному мѣсту въ теченіе часа времени. Вслѣдствіе вращенія вала сырая шерсть сваливается, и получается новая кошма.

Кромѣ юрты, кошма идетъ еще на потники подъ сѣдла и на шәр-дэки, т.-е. подстилки на плечи вьючному верблюду. Затѣмъ употребляется иногда вмѣсто брезента для покрышки грузовъ и укупорки нѣкоторыхъ товаровъ.

Въ 1909 году черезъ Кяхту вывезено кошмы на 13,000 руб., а черезъ Кошъ-Агачъ—526 пудовъ, на сумму 4,080 руб.

Центрами по скупкѣ шерсти служатъ Урга, съ ея райономъ, а также Улясутай и Кобдо. Съ Урги шерсть отправляютъ на Кяхту, а съ

Улясутая и Кобдо—на Кошъ-Агачъ, хотя въ послѣднее время бываютъ отправки ея съ Улясутая на Кяхту.

Въ 1909 году черезъ Кошъ-Агачъ было вывезено 88,351 пудъ, на сумму 694,870 руб., а черезъ Кяхту—61,973 пуда на сумму 588.000 руб.

Въ Китай идетъ грязная шерсть, а въ Россію—исключительно мытая. Цѣна на грязную шерсть стояла въ 1910 году отъ 3 руб. 50 коп. до 4 руб. 80 коп. за пудъ; цѣна за чистую 8—10 руб.

Собирается грязная шерсть торговцами до 10—15 сентября по хошунамъ мелкими частями, начиная съ 1½ фунта (по монгольски джинъ *) и въ болѣе крупныхъ партіяхъ передается на мойки, откуда въ чистомъ видѣ поступаетъ уже на рынокъ. Въ одномъ городѣ Кобдо собирается до 30 тысячъ пудовъ мытой шерсти, которую скупаетъ главнымъ образомъ купецъ Ассановъ. Въ Улясутаѣ же скупаютъ грязную шерсть шесть китайскихъ фирмъ.

Для очищенія шерсти отъ грязи въ разныхъ мѣстахъ Монголіи работаетъ болѣе 100 моекъ, принадлежащихъ русскимъ торговцамъ.

Подвозъ шерсти на мойки совершается на телѣгахъ безъ всякой защиты отъ дождя, причемъ шерсть скручивается въ канаты и сворачивается въ круги. Промывается шерсть одной чистой проточной водой.

Стоимость промывки одного пуда колеблется отъ 30 до 70 коп., въ Ургѣ же доходитъ до 1 руб. Поденщики-подростки получаютъ на мойкѣ ½ чая, а взрослые, смотря по работѣ, 1—1½ чая. Если же въ счетъ отработка задается впередъ товаръ, то расчетъ дѣлается иначе, смотря по мѣсту: такъ, за одинъ кирпичъ дзузана монголь долженъ отработать три дня, за далимбу (8 аршинъ, цѣною 1 руб. 20 коп. 1 руб. 50 коп.), данную зимой,—6 дней. Зимой плата задается ⅓ чаемъ, ⅔ товаромъ, харчи монгола, чай хозяина, что на деньги выходитъ 15—20 коп. въ день.

Изъ одного пуда грязной шерсти выходитъ 24—26 фунтовъ чистой. Вымытая шерсть на мойкахъ, за отсутствіемъ надлежащихъ помѣщеній, откладывается подъ открытымъ небомъ, иногда въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ пудовъ, и подвергается всѣмъ случайностямъ погоды. Замоченная же шерсть прѣветъ и теряетъ свою цѣнность, чѣмъ наноситъ большой ущербъ торговцамъ.

Для перевозокъ мытая шерсть прессуется въ тюки, вѣсомъ въ 3—3½ пуда; перевозка совершается на вьючныхъ верблюдахъ или ло-

*) Китайскій джинъ легче монгольскаго на два лана, поэтому при покупкѣ у китайцевъ 100 джиновъ шерсти, приемка считается только за 80 джиновъ.

шадяхъ, а также на телѣгахъ. Въ телѣги монгольскіе возчики запрягаютъ воловъ и яковъ, а русскіе—лошадей.

Отправка мытой шерсти отъ Улясутая до Урги обходится въ 5 ланнѣ (6 руб. 25 коп.) съ верблюда, при нагрузкѣ въ 12 пудовъ.

Отъ Улясутая до Кошъ-Агача 8—9 ланнѣ (10 руб.—11 руб. 25 коп.).

„ „ на Кяхту 8 ланнѣ 5 ценовъ (10 руб. 65 коп.).

„ „ „ Колганъ 8—30 ланнѣ (10 руб.—37 руб. 50 коп.).

Отъ Кобдо до Онгудая, 9 ланнѣ (11 руб. 25 коп.).

„ „ „ Кошъ-Агача 6—7 ланнѣ (8 руб. 50 коп.—8 руб. 75 коп.).

Отъ Кяхты на Верхнеудинскъ, 45 коп. съ пуда.

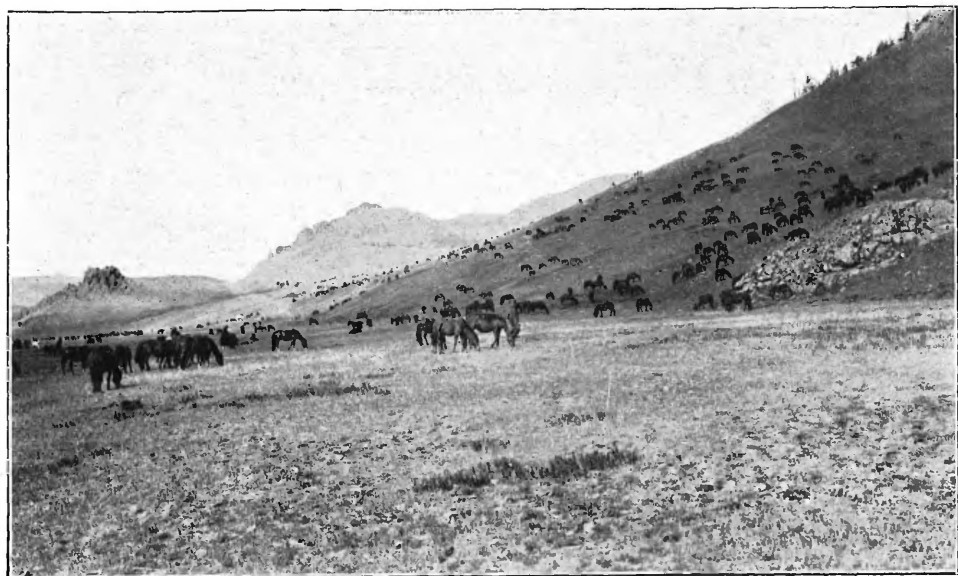
Шерсть, идущая черезъ Кошъ-Агачъ, перепродается обыкновенно русскими хошунными торговцами въ Бійскѣ въ декабрѣ экспортерамъ.

Кромѣ того, большое количество шерсти (не только овечьей, но и верблюжьей) изъ сѣверо-западной Монголіи идетъ на югъ въ Китай и скупается въ Хуху-хото, Пекинѣ, Колганѣ и Долонь-Норѣ. Изъ Хуху-хото направляется въ Тянь-Цзинь, при чемъ перевозка кипы шерсти стоитъ два ланна 80 фынѣ *), но при устройствѣ желѣзной дороги Урга-Колганъ перевозка будетъ стоять въ десять разъ дешевле.

Въ 1910 году изъ Тянь-Цзиня было вывезено 612.500 пуд. шерсти, въ томъ числѣ 94.000 пуд. верблюжьей и 44.000 пуд. козьей, при чемъ крупная партія изъ этой шерсти принадлежала московской фирмѣ, закупившей шерсть въ Ургѣ, и черезъ британскую контору въ Тянь-Цзинѣ была отправлена моремъ въ Россію въ виду болѣе дешевой перевозки такимъ способомъ по сравненію съ доставкой по желѣзной дорогѣ.

Въ заключеніе надо сказать, что монгольская овца, по закаленности своего организма и по своей продуктивности, при отсутствіи за ней почти всякаго ухода со стороны монгольскаго хозяйства, даетъ ему наивысшую пользу. Питаясь часто на скудныхъ пастбищахъ, она принуждена совершать ежедневно для своего насыщенія большіе переходы, что обусловливаетъ прекрасное состояніе ея здоровья и почти полное отсутствіе болѣзней, особенно туберкулеза, такъ часто встрѣчающагося у другихъ видовъ скота; въ результатъ этого мясо и молоко ея являются очень здоровой и питательной пищей. Тѣ же причины обусловливаютъ сильное развитіе мускулатуры, плотную кожу и крѣпкую, преимущественно бѣлую шерсть, могущую служить хорошимъ матеріаломъ для прочныхъ грубыхъ шерстяныхъ тканей.

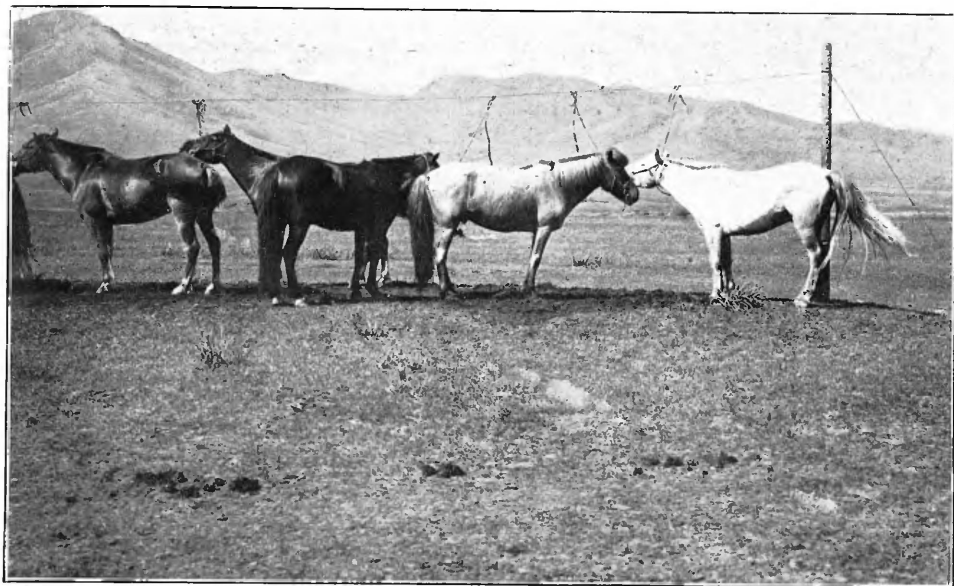
* Ланнѣ серебра—1 руб. 25 коп., фынѣ— $1\frac{1}{4}$ коп.

Табунъ лошадей на пастбищѣ.

Монгольскія лошади въ степи.

Лучшіе монгольскіе скакуны.

Монгольскія лошади въ запряжкѣ, при переѣздѣ экспедиціей пустыни Гоби.

Шелковистый же блескъ шерсти позволяет ей легко принимать въ отдѣлкѣ разнообразное окрашиваніе.

При современномъ суровомъ режимѣ этой овцы въ Монголіи нельзя рассчитывать на дальнѣйшее увеличеніе ея продуктивности; но при повышеніи культурности населенія и проявленіи большаго вниманія со стороны послѣдняго къ уходу и содержанію овцы, продуктивность ея можетъ значительно возрасти. Монгольская овца представляетъ собою удивительно благодарный матеріалъ для работъ по развитію продуктивности въ различныхъ направленіяхъ.

Путемъ подбора, ухода и кормленія овца эта можетъ: 1) повысить значительно свою молочность; 2) изъ нея легко выработать спеціальнѣйшій типъ мясной овцы и 3) она не представляетъ затрудненій къ повышенію вѣса ея руна одновременно съ улучшеніемъ его качества.

Монгольская коза имѣетъ много общаго съ разводимой въ Европейской Россіи. Въ хозяйствѣ монголовъ содержится въ значительномъ количествѣ вмѣстѣ съ овцами и по своей продуктивности, уходу и содержанію почти ничѣмъ не отличается отъ послѣднихъ.

Коза.

Монгольскія козы не стригутъ, а вычесываютъ пухъ желѣзнымъ гребнемъ; въ годъ съ одного животнаго можно начесать по три четверти фунта пуха вмѣстѣ съ волосомъ, который перерабатывается затѣмъ въ нитки и идетъ на приготовленіе чулокъ и рукавицъ. Изъ кожь шьютъ одежды, мѣхомъ наружу, и надѣваютъ ихъ поверхъ обыкновенной шубы.

Какъ убойное животное, коза превосходитъ овцу, доставляя болѣе бѣлое мясо; взрослый козель даетъ до двухъ пудовъ мяса и большое количество бѣлаго жира, отлагающагося главнымъ образомъ въ брюшной полости. Доятся козы разъ въ день и даютъ въ годъ до десяти ведеръ жирнаго молока.

Въ 1909 г. въ Россію вывезено чрезъ Кошъ-Агачскую и Кяхтинскую таможи 500 шт. козъ и 232 п. пуха.

Монгольскій рогатый скотъ принадлежитъ къ типу средне-тяжелаго животнаго. Ростъ коровы въ холкѣ одинъ аршинъ девять—десять вершковъ, у быковъ доходитъ до одного аршина четырнадцати вершковъ. Спина почти прямая, со слабой вогнутостью, кожа грубая, толстая, шерсть густая и длинная, постановка рогъ и ихъ форма очень разнообразна, цвѣтъ масти преимущественно красный, черный и рябокрасный.

Рогатый скотъ.

Скотъ этотъ чрезвычайно выносливъ, неприхотливъ въ отношеніи корма и ухода и приученъ къ частымъ голодовкамъ; выносливость его

доведена до изумительныхъ размѣровъ, такъ какъ полжизни животнаго представляетъ собою сплошную тренировку на голодъ, холодъ и жажду. Зато онъ прекрасно оплачиваетъ малѣйшій уходъ за собою и съ этой стороны представляетъ изъ себя цѣнный матеріалъ для массоваго улучшения и выработки цѣлесообразныхъ типовъ, особенно мясного и рабочаго. Круглый годъ скотъ находится на подножномъ корму, а такъ какъ онъ съ большимъ трудомъ можетъ добывать себѣ пищу изъ-подъ снѣга, чѣмъ другія животныя, то исхуданіе его за зиму не поддается описанію *).

Сараевъ для скота, въ виду кочевого образа жизни, монголы почти нигдѣ не имѣютъ; если же гдѣ таковыя и существуютъ, то въ очень малыхъ размѣрахъ и устраиваются только на зиму для предохраненія отъ стужи больныхъ животныхъ и маленькихъ.

Подстилка въ такихъ помѣщеніяхъ дается лишь для телятъ и состоитъ изъ сухого аргала, получающагося отъ собраннаго и высушеннаго прошлогодняго навоза. Остальныя животныя стоятъ безъ подстилки на своемъ навозѣ.

Что касается кормленія сѣномъ, то такое примѣняется крайне рѣдко и чаще встрѣчается лишь у ближе живущихъ къ городамъ монголъ. Мѣстное сѣно, особенно степное, очень мелкое, душистое и питательное, благодаря обилію минеральныхъ солей въ почвѣ. Особенно цѣнится сѣно съ большимъ содержаніемъ травы востреца. Встрѣчается также сѣно луговое и болотное. По питательности одна копна востречнаго сѣна равняется двумъ копнамъ лугового и тремъ копнамъ болотнаго. Лучшее сѣно дается обыкновенно телятамъ, среднее—коровамъ, а худшее—гулевому скоту; въ мѣстахъ, гдѣ развито земледѣліе, солома нерѣдко замѣняетъ сѣно, особенно при подкармливаніи гулевого скота.

Для костьбы отводятся мѣста ближе къ рѣкамъ и обставляются вѣхами въ разстояніи пяти—десяти сажень одна отъ другой. Урожай сѣна, а также выборъ мѣста покосовъ зависитъ отъ количества выпадающихъ осадковъ **), въ засушливыя годы площадь покосовъ сокращается, сосредоточиваясь около рѣкъ, тогда какъ въ дождливое лѣто они расширяются за счетъ пастбища. Косить сѣно китайцы начинаютъ

*) Императорскія стада содержатся на обширныхъ степяхъ возлѣ города Кобдо. Монастырскія же стада и китайскихъ купцовъ раздаются для содержанія и ухода за ними монголамъ.

**) Около уртона Тыбырту, за переваломъ Замбу, по долину рѣки Этиголь, экспедиція встрѣтила 27 іюля покосы въ 2—3 аршина высоты, состоящіе главнымъ образомъ изъ огуречника, кровохлебки, пырея, чіа и скабіозы.

числа съ 8—10 іюля, а монголы, позднѣе, числа съ 20-го, при чемъ китайцы сѣно свозятъ поближе къ дому, а монголы оставляютъ его всегда на мѣстѣ, складывая въ стога и устраивая около него свои зимовки, куда и подгоняютъ скотъ.

На одной десятинѣ накашиваютъ 30—150 пудовъ сѣна *). Размноженіе скота идетъ исключительно въ количественномъ отношеніи; о подборѣ и улучшеніи никто изъ монголъ понятія не имѣетъ и не заботится, отчего скотъ мельчаетъ и вырождается **).

Коровы пускаются на племя по третьему году, но такъ какъ производитель ходитъ обыкновенно въ стадѣ, то сплошь и рядомъ телятся полуторогодовалыя телки. Теленокъ пользуется молокомъ матери во весь періодъ доенія, т.-е. съ весны до зимы, при чемъ лишь первыя двѣ недѣли получаетъ все молоко, а затѣмъ монголъ начинаетъ понемногу сдаивать корову и употреблять молоко въ пищу, а теленка выгоняетъ на пастбище. Въ случаѣ зимняго отела, корову совершенно не доятъ, оставляя все молоко теленку.

Обычай припускать теленка къ матери во все время ея доенія объясняется монголами тѣмъ, что до тѣхъ поръ, пока корова знаетъ, что дома ждетъ ее теленокъ, она сама идетъ домой; въ противномъ случаѣ стоитъ большого труда загнать ее съ пастбища.

Средній годовой удой коровы около 35 ведеръ при пяти—семи процентахъ жира. Такой высокій процентъ объясняется исключительно достоинствомъ монгольскихъ степныхъ травъ.

Изъ рогатаго скота наиболѣе цѣнятся монголами телята въ возрастѣ отъ шести мѣсяцевъ до одного года, имъ удѣляется наибольшее вниманіе и имъ же раньше всего дается сѣно, если таковое бываетъ запасено.

Въ возрастѣ одного года бычковъ кастрируютъ, оставляя на племя лишь необходимое число производителей отъ лучшихъ коровъ. Мать выбирается по возможности темная, такъ какъ скотъ свѣтлыхъ мастей считается менѣе устойчивымъ противъ холода, кромѣ того производитель долженъ имѣть густую и длинную шерсть, которая давала бы лишнее прикрытіе животному отъ морозовъ.

Сбытъ скота на сторону приурочивается всегда къ осени, чтобы не обременять хозяйства на зиму лишними ртами. Для себя монголъ

*) Въ приграничныхъ съ Россіей мѣстахъ Монголіи сѣнокосы арендуются русскими казаками; пудъ сѣна, накошеннаго въ Монголіи, обходится казакамъ при существующей арендѣ 1—2 коп.

**) Въ Ургинскомъ хошунѣ экспедиція встрѣтила швицкій скотъ у Т. И. Прокина.

также рѣжетъ осенью все то количество скота, которое потребно ему на зиму, мясо сохраняется въ замороженномъ видѣ, а оставшееся несѣденнымъ весною вялится на солнцѣ. Лѣтомъ же монголь никогда крупныхъ животныхъ не бьетъ, оставляя ихъ, во-первыхъ, для нагула, а, во-вторыхъ, при постоянныхъ кочевкахъ и отсутствіи ледниковъ ему негдѣ сохранять мясо.

Живой вѣсъ монгольскаго скота 12—30 пудовъ, убойный же въ среднемъ 54—60 процентовъ отъ живого, при чемъ костей отъ убойнаго вѣса получается 20—60 процентовъ, смотря по упитанности животного. Сала съ одного животного получается отъ 25 фунтовъ до одного пуда 15 фунтовъ.

Значительныя партіи скота выгоняются въ Россію изъ трехъ районовъ: Ургинскаго, Улясутайскаго и Кобдинскаго.

Съ Ургинскаго района скоть идетъ: 1) на Иркутскъ черезъ Кяхту и Троицкосавскъ по Купеческому тракту, 2) на Читу черезъ Верхне-Ульхунскій карантинъ, 3) на Срѣтенскъ и Владивостокъ черезъ Такторскій карантинъ. Черезъ городъ Троицкосавскъ ежегодно прогоняется изъ Монголіи около 9,000 головъ скота (и столько же овецъ), а черезъ Верхне-Ульхунскій, Такторскій и Кулустаевскій скотопрогонные пункты—около 8,000 головъ (и до 12.000 овецъ). Часть этого скота расходуется тутъ же по Забайкальской области, а часть, идущая преимущественно черезъ Такторскую заставу, сплавляется на плоткахъ по рѣкѣ Онону на Шилку и дальше на Амуръ *). Съ Улясутайскаго района скоть направляется черезъ Тункинскій карантинъ на Иркутскъ, а частью тоже на Кяхту. Съ Кобдинскаго района идетъ черезъ Кошъ-Агачъ на Бійскъ, Петропавловскъ и Томскъ **).

Скотъ выгоняютъ съ начала весны и не позднѣе августа; быковъ съ коровами не гонятъ. Расходъ по доставкѣ скота на рынки коле-

*) Въ Ургинскомъ районѣ скоть скупаютъ главнымъ образомъ купцы-евреи; сретенскіе: Машковичъ и Рабиновичъ съ 1900 года до 3,000 головъ; Соломовичъ и Танхимовичъ съ 1905 года до 3,000 головъ; нерчинскіе: Мордоховичъ и Шмулевскій съ 1908 г. до 1,000 головъ, Садовичъ съ 1905 года до 1,000 головъ; читинскіе: Гоберкинъ и Барановскій съ 1905 года съ 3 до 6 тысячъ головъ; Зозовскій съ 1905 года отъ 3 до 10 тысячъ, Зейскаго склада Апаринъ съ 1908 г. отъ 500 шт. до 1,000.

**) Въ Улясутайскомъ районѣ скупаютъ скоть: Юргаловъ съ 1890 года до 200 штукъ, Бобровъ Г. Г. съ 1890 г. до 1,000 головъ, Бобровъ И. Г. съ 1900 г.—временами и въ небольшомъ количествѣ, Борисовъ съ 1900 года—небольшое количество, братья Мальцевы до 1,000 головъ,—всѣ продаютъ скоть въ Иркутскъ.

Въ Кобдинскомъ районѣ: Асановъ до 2.000 головъ, Кривцевъ до 3,000, Мокинъ до 3,000, Кузнецовъ до 8,000 головъ, Корольковъ, Поповъ и нѣсколько мелкихъ бійскихъ купцовъ на небольшую сумму.

блется отъ шести до восьми рублей съ головы, смотря по разстоянію и по величинѣ выгоняемой партіи *).

Съ 1667 года въ Монголіи не прекращается чума рогатаго скота, уносящая въ мѣстахъ своего появленія до 90% животныхъ. Главными очагами заразы считаются сопредѣльные съ Китаемъ мѣста, откуда чума разносится по всей странѣ слѣдующими съ юга караванами. Во избѣжаніе проникновенія ея въ Россію на русской границѣ устроены карантинны, гдѣ скотъ задерживается въ теченіе 21 дня, а были случаи и до четырехъ мѣсяцевъ. За страховку быка на карантинѣ взимается 1 рубль 10 копеекъ, а за корову—60 копеекъ.

Карантинны не достигаютъ своей цѣли, такъ какъ, во-первыхъ, масса скота проводится въ Россію контрабанднымъ путемъ, а, во-вторыхъ, пограничное русское населеніе, снимая въ аренду покосы и выгоны въ зачумленныхъ мѣстахъ Монголіи, тѣмъ самымъ само заражаетъ свой скотъ. Кромѣ того, въ случаѣ обнаруженія на карантинѣ больныхъ животныхъ, весь гуртъ отгоняютъ обратно на монгольскую границу, чѣмъ зараза распространяется еще дальше. Карантинны губельно вліяютъ на торговлю скотомъ: безъ нихъ купецъ могъ бы сдѣлать два—три оборота, тогда какъ теперь онъ едва успѣваетъ сдѣлать одинъ.

За послѣднее время русское правительство начало командировать въ Монголію ветеринарныхъ врачей для противочумныхъ прививокъ скоту. Мѣра эта вызываетъ полное одобреніе, какъ со стороны монгольскаго населенія, такъ и русскихъ скотопромышленниковъ въ виду того, что привитой скотъ на карантинахъ не задерживается. Но число врачей крайне ограничено, а участки ихъ огромны (до 2,000 верстъ), почему они не въ состояніи удовлетворить требованія всѣхъ скотопромышленниковъ и нанести рѣшительный ударъ дальнѣйшему распространенію чумы.

Цѣна шести—восьмилѣтнему быку въ 1910 году была 50—80 рублей, коровѣ 20—30 рублей, въ общемъ не дороже 2½—3 рублей за пудъ живого вѣса.

Что касается кожъ, то таковыя могутъ быть ввозимы въ Россію только черезъ одинъ пунктъ, именно Кяхту, гдѣ онѣ подвергаются дезинфекціи. Послѣдняя производится простой замочкой въ извести, чѣмъ портится качество кожи и понижается ея цѣнность. Для дезин-

*) Отъ Урги до Такторскаго карантинна скотъ идетъ 35 дней 700 верстъ, отъ Такторскаго карантинна до Срѣтенска—25 дней 600 верстъ. Расходъ за прогонъ скота отъ Такторскаго карантинна до Срѣтенска падаетъ на голову до 1-го рубля.

фекціи воловьихъ кожъ устраиваются ямы въ два аршина высоты, четыре длины и четыре ширины, куда кладется до 1,500 воловьихъ (или 750 конскихъ) кожъ. Въ мочкѣ остаются онѣ восемь дней, сохнутъ четыре дня. За дезинфекцію и сушку въ связи съ другими расходами взимается по 29 коп. съ каждой кожи, что считается мѣстными купцами слишкомъ высокой платой. Кожа при среднемъ вѣсѣ 15—18 фунтовъ покупается на мѣстѣ отъ 1 р. 80 к. до 3 р. 60 к. Главнымъ центромъ по скупкѣ кожъ является городъ Урга.

Въ 1909 году въ Россію ввезено скота *) черезъ Кошъ-Агачъ и Кяхту на 987,000 рублей, кожъ—на 23,000 рублей, масла—на 50,000 рублей, сала—9,600 пудовъ.

На югъ въ Китай изъ Халхи выгоняются огромные гурты рогатаго скота, главнымъ образомъ черезъ городъ Хуху-хото, при чемъ въ самомъ Хуху-хото ежегодно для собственнаго потребленія бьется до 40,000 быковъ.

Лошади.

Монгольская лошадь небольшого роста, всего одинъ аршинъ двѣнадцать—пятнадцать вершковъ; но при хорошемъ питаніи въ молодомъ возрастѣ она вырастаетъ значительно больше и доходитъ до двухъ аршинъ двухъ—трехъ вершковъ. Тѣлосложеніе крѣпкое, голова большая, некрасивая, шея короткая, безъ подгривка, грудь очень развитая и широкая, спина прямая, ноги короткія, сильныя, копыта и зубы очень крѣпкія.

Твердо выраженныхъ очертаній, опредѣленнаго типа въ экстерьерѣ ея не наблюдается, а потому она пригодна для самой разнообразной работы.

Такъ, подъ верхомъ она незамѣнима, но можетъ ходить и въ запряжкѣ, при чемъ легко везетъ 20—25 пудовъ, дѣлая переходы по 50 верстѣ и не зная никогда никакойковки. Есть бѣгуны, дѣлающіе безъ отдыха 250 верстѣ.

Характеръ у нея рѣзвый, выносливый и очень нетребовательный въ отношеніи корма и ухода. По сравненію съ другими домашними животными лошади находятся въ несравненно худшихъ условіяхъ **).

*) Свѣдѣній за 1909 годъ отъ Главнаго Ветеринарнаго Управленія о прогонѣ скота черезъ другіе пункты не имѣется.

**) Кромѣ частныхъ лицъ громадныя табуны лошадей имѣютъ въ Монголіи Пекинскій Императорскій Дворъ, князья, всѣ монастыри и самъ худухта. Послѣдній отдаетъ свои стада на выпасъ шабинерамъ, за что тѣ пользуются молокомъ и продаютъ въ свою пользу хвосты и конскій волосъ; весь же приплодъ идетъ худухтѣ.

Императорскіе табуны въ большомъ количествѣ были встрѣчены экспедиціей въ мѣстности между Дурга-Нуръ и Бурль-Бодо.

Весь годъ безъ исключенія онѣ проводятъ на подножномъ корму; ни мятель, ни морозъ, ни даже буранъ не даютъ права монгольской лошади на закрытое помѣщеніе и готовый кормъ. Исключеніе составляютъ только больныя животныя. Остальныя всѣ вмѣстѣ, безъ различія пола и возраста, соединяются въ табуны, штукъ до 500 въ каждомъ, при двухъ—трехъ пастухахъ, и угоняются въ степь иногда за сотни верстъ отъ зимнихъ стойбищъ. Около послѣднихъ оставляются лишь дойныя кобылы съ жеребятми и развѣздныя лошади.

Угнанному табуну въ теченіе всего зимняго періода предоставляется самому отыскивать себѣ средства къ жизни, разгребая копытами снѣгъ.

Всего болѣе лошади любятъ такія мѣста, гдѣ изъ-подъ снѣга торчатъ высокіе сухіе злаки, а самъ снѣгъ рыхлый; ледяная корка на поверхности снѣга не очень вредитъ лошадямъ, но зато корка на поверхности земли и обледенѣлая трава губительно дѣйствуютъ на животныхъ, вызывая страшныя болѣзни и падежи. Еще болѣе опасны для нихъ мятели и бураны, которые обыкновенно бываютъ въ Монголіи ближе къ веснѣ. Во время бурана ослабѣвшій табунъ не выдерживаетъ напора бури, разбѣгается по вѣтру, попадаетъ въ глубокіе овраги и котловины, гдѣ и погибаетъ.

Еще ужаснѣе по своимъ послѣдствіямъ бываетъ гололедица, когда несчастныя лошади не въ состояніи бываютъ пробить толстой ледяной корки, образовавшейся на снѣгу послѣ временной оттепели, и массами погибаютъ отъ голода. Падежъ принимаетъ тогда ужасныя размѣры и приноситъ монгольскому хозяйству страшный ущербъ, превращая вчерашнихъ богачей въ бѣдняковъ. Борьба невозможна, и хозяинъ обреченъ на пассивное созерцаніе того, какъ рушится его благосостояніе; все, что ему остается отъ былого богатства, это—шкуры павшихъ животныхъ, да ихъ мясо, которое поѣдается монголами.

Кромѣ того, громадное количество лошадей, особенно жеребятъ (до 50%), пропадаетъ у монголь отъ волковъ. Въ Монголіи водится специальная ихъ порода, больше обыкновенной, отличающаяся силой и смѣлостью и слѣдующая за табуномъ всюду, куда онъ перекочевываетъ.

Разводятъ монгольскія лошади косячнымъ способомъ. Косякъ составляется весною изъ одного производителя и 10 — 20 кобылицъ съ ихъ приплодомъ; жеребецъ зорко слѣдитъ за своимъ косякомъ, отыскиваетъ лучшія мѣста на пастбѣ и оберегаетъ отъ хищниковъ. Жеребенокъ остается при матери, пока она его не отгонитъ сама, при чемъ часть молока кобыльяго монголь сдаиваетъ для собственнаго употребленія, дѣлая изъ него кумысъ.

Въ возрастѣ трехъ лѣтъ производятъ холощеніе жеребцовъ, а четырехъ лѣтъ начинаютъ употреблять на работу.

Запряжка лошадей крайне простая: кузовъ повозки укрѣпляется на длинныхъ осяхъ футовъ въ восемь; къ каждой оглоблѣ привязаны ремни, въ которые продѣто по длинной поперечной жерди, концы жердей кладутся на сѣдло.

Къ запряжкѣ приспособляютъ уже обѣзжанныхъ подъ верхъ лошадей.

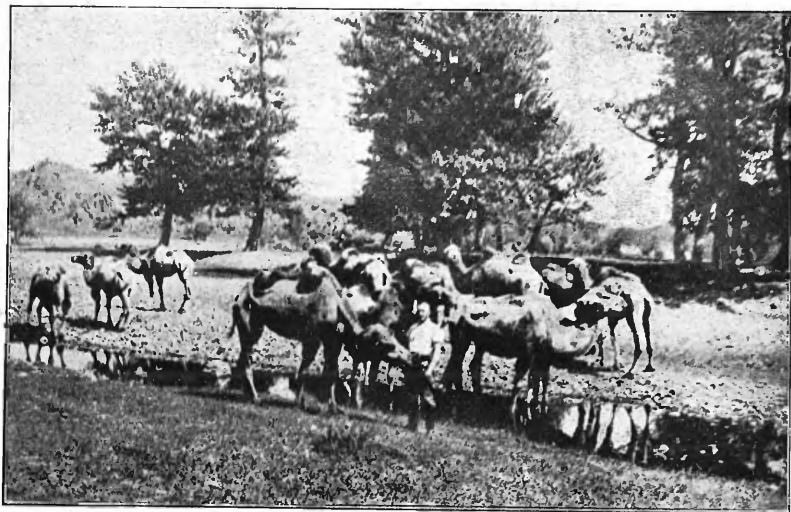
Въ возрастѣ одного года жеребенку въ первый разъ обрѣзаютъ гриву и хвостъ. Затѣмъ стрижка производится одинъ разъ въ два года. Со взрослой лошади получается около шести фунтовъ волоса. Пудъ волоса изъ гривы продается за 4 рубля на мѣстѣ; хвостъ—около 50 копеекъ. Въ хозяйствѣ монгола волосъ идетъ для приготовленія веревокъ, вожжей и аркановъ. Цѣна веревки (80 сажень длины) цѣнится одинъ чай. Несмотря на то, что въ Россію ввозится изъ Монголіи гривъ и конскаго волоса до двухъ тысячъ пудовъ, лишь десять процентовъ его остается въ Россіи, а остальное перепродается за границу. Въ послѣднее время требованіе изъ Россіи на конскій волосъ увеличилось для кустарныхъ промысловъ.

Въ 1909 году въ Россію было вывезено гривъ и конскаго волоса 1,820 пудовъ, но монгольскій волосъ хуже по качеству, чѣмъ сибирскій (акмолинскій).

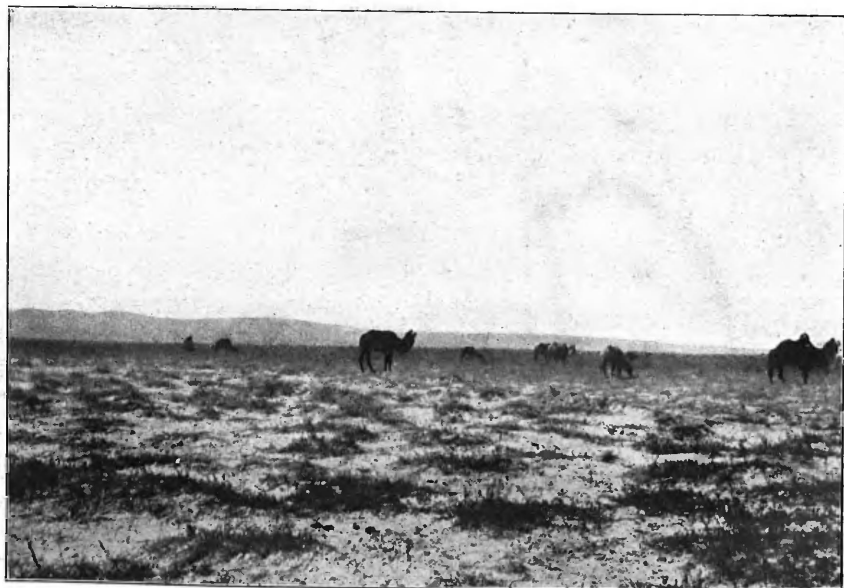
Мясо лошади, даже сапной, монголь ѣстъ наравнѣ съ мясомъ здоровой овцы или рогатаго скота. Обыкновенно же на убой идутъ старыя животныя и яловыя. Средній убойный вѣсъ кобылицы девять—десять пудовъ, а жеребца десять—четырнадцать пудовъ.

Кожа лошади цѣнится на мѣстѣ отъ 1 руб. 80 коп. до 2 руб. 60 копеекъ. Въ 1909 году въ Россію было вывезено конскихъ кожъ 13,500 пудовъ. Цѣны на лошадей держались въ 1910 году отъ 20 до 40 рублей за голову. Главными скупщиками монгольскихъ лошадей являются китайцы, приобретающіе животныхъ у монголь преимущественно за долги, при чемъ лошадь въ возрастѣ отъ четырехъ лѣтъ и старше приходится имъ по цѣнѣ отъ 5 до 15 ланъ (отъ 6 до 18 руб.). Когда же какому-нибудь хошуну требуются деньги для уплаты долговъ китайцамъ, то монголы отдаютъ лошадей русскимъ не дешевле 8 ланъ (10 руб.).

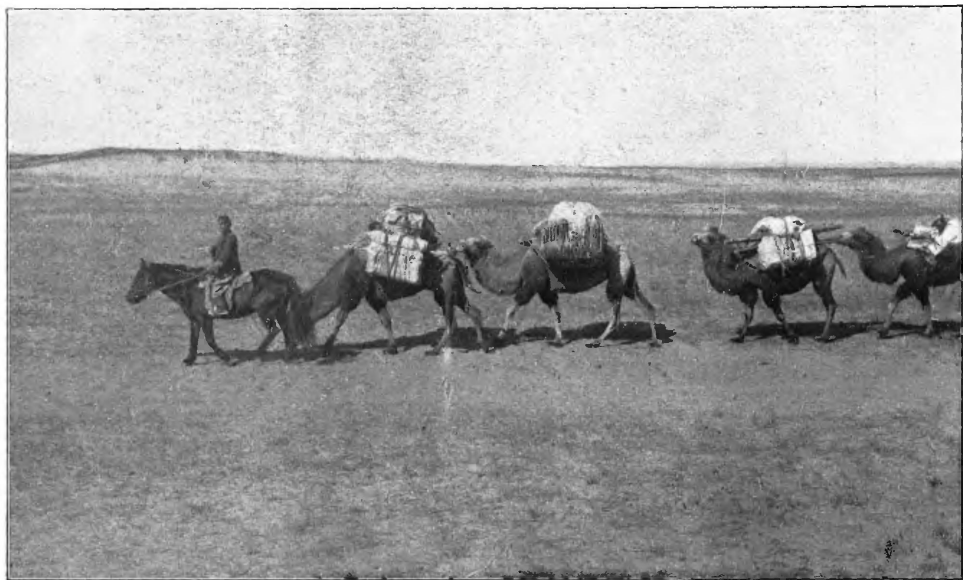
Лошади выгоняются въ наибольшемъ количествѣ въ Хэ-нань и Шань-дунь терезъ Бао-динъ-фу для цѣлей ремонта и перепродаются китайцами вдвое дороже, чѣмъ онѣ имъ достались отъ монголь.

Верблюды Московской экспедиции на берегу р. Селенги.

Верблюды на солончаковых степях в Монголии.

Верблюды подъ выюками.

Перевозка дровъ на верблюдахъ въ г. Кобдо.

Конскіе хвосты и волосъ также въ большомъ количествѣ направляются на югъ въ Китай; однимъ изъ центровъ по скупкѣ ихъ служитъ городъ Хуху-хото, гдѣ наиболѣе крупными фирмами въ этомъ дѣлѣ являются бельгійскія, скупающія и мѣняющія здѣсь монгольское сырье на европейскіе товары.

Въ Монголіи водится главнымъ образомъ двухгорбый верблюдъ. **Верблюдъ.** Разводятъ его преимущественно богатые монголы, у которыхъ онъ встрѣчается иногда въ количествѣ 100 и болѣе головъ.

Въ своемъ хозяйствѣ верблюдъ употребляется монголами во время зимнихъ кочевокъ со скотомъ для перевозки юрты и прочаго инвентаря; кромѣ того служитъ для цѣлей извоза.

Содержится круглый годъ на подножномъ корму, такъ какъ можетъ тебеневать. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ его подкармливаютъ сѣномъ. Ёсть онъ всѣ тѣ виды растений—бурьяны, колючки и пр., которые бракуются другими животными, но больше всего любитъ мѣста, покрытыя травой дерисунъ и полынной растительностью. Пастьба верблюдовъ наиболѣе трудна, такъ какъ требуетъ все время неослабнаго вниманія: при малѣйшемъ испугѣ или бурѣ верблюды бросаются бѣжать и бѣгутъ иногда 40—50 верстъ безъ остановки; поэтому ихъ часто пускаютъ безъ всякаго присмотра, и они уходятъ отъ дома на нѣсколько десятковъ верстъ.

Какъ самцы, такъ и самки пасутся вмѣстѣ; лишь на февраль ихъ разбиваютъ на косяки: на одного самца полагается не болѣе 20 самокъ.

Въ этотъ періодъ самцы-верблюды бываютъ настолько злы, что иногда бросаются на людей и кусаютъ. Въ случку пускаются животные не моложе пяти лѣтъ, при чемъ самка жеребится обыкновенно два раза въ пять лѣтъ. Маленькихъ верблюдовъ берутъ часто на пять или на шесть дней въ юрту, пока они немного окрѣпнутъ на ногахъ, а во время холодовъ ихъ зашиваютъ въ кошму, прорѣзывая въ ней двѣ дырки для горбовъ. Въ этой кошмѣ онъ остается до наступленія теплыхъ дней. Къ матери его подускаютъ три или четыре раза въ день, и пользуется онъ ея молокомъ до полутора лѣтъ.

Благодаря выносливости къ жарѣ, верблюдъ является цѣннымъ и незамѣнимымъ животнымъ для перевозки тяжестей въ пустынѣ.

Приучать къ вьюку начинаютъ его съ трехъ или четырехлѣтняго возраста. Дѣлается это такимъ образомъ: молодого верблюда ловятъ, связываютъ ноги веревкой и валятъ на землю; затѣмъ продѣваютъ черезъ носовой хрящъ деревянную ключку, къ которой съ

правой стороны привязывают ремешокъ (аршина въ два длины). Чтобы ключка не выпадала, на обѣихъ концахъ ея дѣлаются шайбы. Этимъ ремешкомъ, или бурунчукомъ, верблюдъ управляется вмѣсто уздечки. Во время пастбы ключка не вынимается, а лишь ремешокъ закидывается на шею. Затѣмъ приучаютъ верблюда ложиться и вставать по приказанію, дергая бурунчукъ, то вверхъ, то внизъ. Для поворота направо,—дергаютъ направо, а для поворота налево,—кладутъ бурунчукъ на шею и тянутъ влево.

Затѣмъ готовятъ имъ ноги для тяжелой работы, для чего подошву густо намазываютъ смолой и заставляютъ нѣсколько разъ пройти по крупному песку; получается толстая и прочная корка, позволяющая верблуду смѣло ходить по камнямъ пустыни; въ противномъ случаѣ, ноги у него покрываются сплошными ранами.

Подготовивъ такимъ образомъ верблюда, накладываютъ на него сначала небольшія тяжести—всего въ три или четыре пуда.

Лишь съ шестого года онъ считается взрослымъ и ему даютъ уже „очанъ“ (вьюкъ) по 15—18 пудовъ. Идетъ онъ ровно, со скоростью въ среднемъ $4\frac{1}{2}$ версты въ часъ. Осенью дѣлаетъ въ день 40—50 верстъ, а лѣтомъ 50—60 и больше; при длинныхъ переходахъ довольствуется въ день двухчасовымъ отдыхомъ и скудной кормежкой. Работаетъ преимущественно зимою; лѣтомъ же дѣлается малосильнымъ и требуетъ отдыха, во время котораго поправляется и откармливается. На очень хорошемъ верблюдѣ можно ѣхать и лѣтомъ, но такая поѣздка оплачивается гораздо дороже, такъ какъ отдавая измученное на зиму животное опять въ работу, монголъ можетъ или потерять его, или же безповоротно подорвать. Это является тѣмъ болѣе рискованнымъ, что верблюдъ по природѣ своей до послѣдней возможности не поддается усталости, не щадитъ своихъ силъ и тѣмъ легко вводитъ въ заблужденіе. Лишь по окончаніи работы сказывается переутомленіе и всѣ перенесенныя имъ лишенія.

При составленіи каравановъ на одного погонщика полагается 10—15 верблюдовъ. Перваго верблюда погонщикъ обыкновенно ведетъ на поводу, а остальные или идутъ свободно, или же привязываются вереницей одинъ къ другому посредствомъ бурунчука. Привязываютъ ихъ слабо, такъ какъ они часто спотыкаются и въ такомъ случаѣ могутъ разорвать себѣ ноздрю.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ, какъ вьючнаго животного, здѣшній верблюдъ имѣетъ и крупные недостатки, заставляющіе иногда караванъ останавливаться въ дорогѣ совершенно неожиданно. Такъ,

при сильномъ вѣтрѣ, дождѣ и снѣгѣ, особенно если они бьютъ въ лицо, верблюдъ отказывается итти и ложится. То же самое наблюдается въ очень жаркіе дни, когда онъ сильно вспотѣетъ. При переходѣ вбродъ онъ идетъ спокойно только черезъ очень мелкую воду, но едва замочить брюхо, какъ сейчасъ же ложится и тащитъ за собою въ воду сѣдока или кладь. При небольшихъ морозахъ на немъ нельзя переходить рѣкъ, такъ какъ онъ пробиваетъ ледъ ногами, рѣжетъ подошвы и хромаетъ; въ такихъ случаяхъ монголы прорубаютъ ледъ съ одного берега на другой и, дѣлаютъ такимъ образомъ, для верблюда дорогу по дну рѣки. Съ другой стороны при большихъ морозахъ ноги его скользятъ по льду, онъ падаетъ, и приходится дорогу посыпать пескомъ. Точно также съ трудомъ идетъ онъ по каменистому грунту, на которомъ быстро сбиваетъ себѣ ноги, если онѣ не были предварительно вымазаны смолой и пескомъ. Наконецъ, верблюдъ до того пугливъ, что малѣйшій поводъ наводитъ на него смертельный страхъ: онъ бросается въ сторону, забѣгаетъ иногда на нѣсколько верстъ и увлекаетъ за собою весь караванъ.

Эти недостатки заставляютъ часто призадуматься путешественника и остановить свой выборъ не на верблюдѣ, а на лошади, если только не предстоитъ переѣзда черезъ безводныя пространства.

Когда верблюдъ ходитъ въ запряжкѣ, то эта послѣдняя устраивается очень просто: берется родъ деревянной широкой дуги, обматывается кошмой и кладется на шею верблюда, впереди перваго горба. Къ концамъ дуги привязываются веревки, которыя затѣмъ и прикрѣпляются къ санямъ или повозкѣ. Такая запряжка чрезвычайно несложна и быстро можетъ быть надѣта или снята.

Верблюдъ работаетъ у монголовъ до 35—40 лѣтъ и въ этомъ возрастѣ обыкновенно умираетъ естественной смертью. Но иногда при нуждѣ его убиваютъ и мясо употребляютъ въ пищу; мясо его очень невкусное и имѣетъ отталкивающій запахъ. Кромѣ службы вьючнаго животнаго верблюдъ доставляетъ монголу еще густое, жирное и вкусное молоко. Доятъ его три или пять разъ въ день, надаиваютъ всего 15—25 стакановъ, въ годъ до 60 ведеръ. Молоко идетъ въ пищу въ натуральномъ видѣ, или же изъ него готовятъ кумысъ, который вкуснѣе кобыльяго, масло и сыръ.

Шерсть начинаютъ стричь съ двухлѣтняго возраста. Стригутъ обыкновенно въ періодъ линьки, которая характеризуется тѣмъ, что клочки старой шерсти начинаютъ отваливаться сами собой. Нерабочихъ верблюдовъ стригутъ въ половинѣ мая, а рабочихъ—позднѣе, къ

июню мѣсяцу, при чемъ шерсть или ощипываютъ руками, или срѣзаютъ ножомъ, въ рѣдкихъ случаяхъ—ножницами. Послѣ стрижки верблюда въ теченіе двухъ недѣль берегутъ и избѣгаютъ выючить. Шерсти съ одного животнаго получается 20—40 фунтовъ.

Различаютъ нѣсколько сортовъ шерсти.

1) Грубый волосъ, до восьми вершковъ длины, получаемый съ нижней части шеи, гривы, груди и колѣнъ. Всего настригаютъ ея неболѣе пяти фунтовъ; идетъ она на приготовленіе ремней, веревокъ и аркановъ.

2) Свалявшаяся шерсть со спины идетъ на приготовленіе ваты и на выдѣлку сукна.

3) Съ боковъ служитъ для приготовленія низшихъ сортовъ сукна.

4) Брюшная идетъ на изготовленіе одѣялъ и теплой одежды.

Верблюжью шерсть начали скупать раньше всего англичане въ Калганѣ. Впослѣдствіи она пошла на Ургу, Кяхту, а затѣмъ въ западную Сибирь; гдѣ на ирбитской ярмаркѣ на нее былъ большой спросъ. Съ установленіемъ же карантинныхъ на границѣ Россіи былъ сдѣланъ большой подрывъ этой торговлѣ, хотя надлежащихъ результатовъ карантинныя мѣры и не достигли. Будучи стѣснены въ однѣхъ мѣстахъ, грузы съ верблюжьей шерстью, стали направляться контрабандой въ другія и сплавляться на плотяхъ по рѣкѣ Чикое и рѣкѣ Селенгѣ, а затѣмъ—на желѣзную дорогу.

Въ настоящее время шерсти въ Россію вывозится довольно много. Въ 1909 году черезъ Кошъ-Агачь вывезено было 19,588 пудовъ, на сумму 163,575 руб., по цѣнѣ въ среднемъ 8 руб. 25 коп. за пудъ. Большая часть этой шерсти идетъ за границу.

Наибольшее количество верблюдовъ встрѣчается около Улясутая; чѣмъ сѣвернѣе и ближе къ Кяхтѣ, тѣмъ ихъ меньше. Большія стада имѣются у дурбетовъ, затѣмъ много императорскихъ верблюжьихъ стадъ и монастырскихъ, отдаваемыхъ на содержаніе и уходъ окрестнымъ монголамъ на извѣстныхъ условіяхъ; но въ общемъ, по свидѣтельству монголъ, количество верблюдовъ за послѣдніе годы вслѣдствіе измѣненія транспортныхъ путей чая, очень сильно уменьшилось, и тамъ, гдѣ ихъ насчитывали прежде тысячами, остались сотни и десятки.

Якъ. Якъ, или сарлыкъ, является незамѣнимымъ животнымъ для монгола въ суровыхъ условіяхъ климата горныхъ вершинъ Халхи. Гдѣ лошадь, рогатый скотъ, верблюдъ и овца вымерзаютъ,—тамъ якъ водится легко и нерѣдко большими стадами.

Самецъ яка бываетъ ростомъ до двухъ аршинъ; самка яка всего до одного аршина десяти вершковъ. Спина, шея, а особенно грудь и

бока покрыты длинной, густой, слегка волнистой шерстью, напоминающей лошадиный волосъ, и дающей яку хорошую защиту отъ холода. Хвостъ тоже похожъ на лошадиный. Цвѣтъ шерсти черный, темно-бурый, иногда съ бѣлыми пятнами.

Стригутъ яка разъ въ годъ и получаютъ 8—12 фунтовъ волоса, продажная цѣна котораго на 50% выше овечьей шерсти.

Пасутся яки въ одномъ стадѣ съ рогатымъ скотомъ и никакихъ непріязненныхъ отношеній къ себѣ со стороны послѣднихъ не встрѣчаютъ.

Тепла якъ не любитъ, предпочитая оставаться въ тѣни, лежа на снѣгу или сырой землѣ, которую очищаетъ отъ сухого песка копытами. По сравненію съ рогатымъ скотомъ требуетъ за собою несравненно меньше ухода и болѣе простого содержанія, довольствуясь грубымъ кормомъ. Ъсть преимущественно утромъ и передъ вечеромъ, а остальное время проводить въ полуснѣ.

Самки яка доятся монголами наравнѣ съ коровами, при чемъ молоко ихъ содержитъ до 10% жира и отличается тонкимъ, пріятнымъ вкусомъ. Въ удойный періодъ якъ даетъ до 30 ведеръ молока.

Употребляются монголами для перевозки тяжестей въ телѣгахъ, при чемъ запряжка кривѣняется такая же, какъ и для верблюда.

Продажная цѣна яка 20—30 руб.; кожа цѣнится отъ 2 руб. 40 коп. до 3 рублей 60 копеекъ.

Въ пищу мясо яка хотя и употребляется, но при продажѣ въ Россію, вслѣдствіе своихъ плохихъ вкусовыхъ достоинствъ, идетъ преимущественно на приготовленіе колбасъ.

Въ виду торговаго интереса, представляемаго сбытомъ маральихъ роговъ въ Кобдо и Улясутаѣ китайскимъ купцамъ русскими мараловодами, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о разведеніи мараловъ русскими крестьянами въ Усинскомъ краѣ и въ приграничныхъ къ Монголіи губерніяхъ и областяхъ Россіи. Мараль.

Мараль *) превосходитъ обыкновеннаго оленя ростомъ, но имѣетъ болѣе короткій хвостъ и крупные рога съ нѣсколькими отростками, число которыхъ доходитъ до шести или восьми штукъ. Лѣтомъ онъ имѣетъ темный цвѣтъ шерсти, тогда какъ зимою получаетъ болѣе свѣтлую, бѣловатую окраску.

Въ дикомъ видѣ въ Монголіи маралы водятся въ приграничныхъ къ Россіи горахъ, главнымъ образомъ Саянскихъ, гдѣ русскіе марало-

*) Мараль по-китайски зовется „лу“ или „ма-лу“; у сойотовъ въ восточномъ Саянѣ—когунъ.

воды ловятъ ихъ для освѣженія крови въ своихъ маральникахъ. Монголы же мараловодствомъ не занимаются, но охотятся въ большомъ количествѣ на дикихъ мараловъ ради ихъ мяса (взрослый мараль вѣситъ 8—12 и изрѣдка до 20 пудовъ) и въ цѣляхъ полученія роговъ.

Для ловли дикихъ мараловъ примѣняется нѣсколько способовъ, изъ которыхъ заганиваніе взрослыхъ животныхъ зимою въ глубокой снѣгъ практикуется охотниками наиболѣе часто, но даетъ огромный процентъ убыли добытыхъ животныхъ, такъ какъ послѣднія не только при этомъ ранятъ себѣ ноги до костей, проваливаясь въ твердый глубокой снѣгъ, но нерѣдко получаютъ вывихи и даже переломы конечностей. Поэтому русскіе мараловоды предпочитаютъ ловить маленькихъ маралятъ, которыхъ затѣмъ вскармливаютъ молокомъ и пускаютъ въ садки.

Необходимымъ условіемъ существованія маральниковъ является наличность лѣса и хорошей ключевой воды; гдѣ послѣдней не имѣется, ее проводятъ посредствомъ арыковъ. Лучшими мѣстами считаются южные склоны горъ, такъ какъ луга на нихъ раньше всего зеленѣютъ. Для прокормленія марала на подножномъ корму съ ранней весны до октября необходимо не менѣе 1½ десятины, сообразуясь съ чѣмъ и устраиваются маральники, величиною отъ десяти до ста и болѣе десятинъ. Огораживаются они заборами вышиною до четырехъ съ половиной аршинъ.

Лѣтомъ маралы питаются исключительно травою, при чемъ особенно любятъ цвѣты. Зимою же для нихъ заготавливается сѣно, въ количествѣ не менѣе 150 пудовъ на голову, а весною подкармливаютъ овсомъ. Кромѣ того имъ необходимо давать соль, безъ которой они страдаютъ даже въ дикомъ состояніи.

Въ послѣднихъ числахъ августа маралы разбиваются на табуны, при чемъ на одного самца полагается 10—12 маралиць. Маленькіе рождаются черезъ девять мѣсяцевъ и остаются при матери до годового возраста. Самка даетъ приплодъ съ двухъ съ половиной лѣтъ и до двѣнадцати; до того же времени сохраняетъ свою производительность и самецъ, хотя доживаетъ нерѣдко до двадцати слишкомъ лѣтъ.

Наибольшій интересъ при разведеніи мараловъ представляютъ ихъ рога, которые носитъ только самецъ, самка же камолая.

Первые рога снимаются на третьемъ году жизни, обыкновенно съ двадцатыхъ чиселъ мая и до августа, т.-е. въ то время, пока они еще покрыты пухомъ, такъ какъ срѣзанные безъ пуха купцами бракуются.

Срѣзываніе роговъ производится двумя способами: первый способ состоитъ въ томъ, что марала загоняютъ въ узкій специально сдѣланный сарайчикъ и, накинувъ ему веревки на ноги, валятъ на землю; затѣмъ съ помощью тѣхъ же веревокъ растягиваютъ животное на землѣ, кладутъ на шею доску и спиливаютъ рога. Способъ этотъ наиболѣе распространенный, но при немъ срѣзываніе роговъ идетъ медленно, животное рвется и теряетъ много крови.

Второй способъ требуетъ устройства специального станка, въ который и загоняется мараль. Срѣзка роговъ происходитъ быстро, операція малоболѣзненна и почти безкровна. Мѣста срѣза затираются сырой землей или просто обматываются тряпкой.

Вѣсъ роговъ различенъ, при чемъ при кормленіи марала овсомъ, вѣсъ роговъ быстро увеличивается.

Первая сѣмка даетъ отъ 5 до 10 фун. (въ двухъ рогахъ).

Вторая	„	„	„	6	„	12	„
Третья	„	„	„	8	„	15	„
Четвертая	„	„	„	10	„	20	„
Пятая	„	„	„	12	„	22	„
Шестая	„	„	„	14	„	24	„
Седьмая	„	„	„	15	„	25	„
Восьмая	„	„	„	16	„	32	„
Девятая	„	„	„	17	„	34	„ и болѣе
Десятая	„	„	„	14	„	25	„

Такимъ образомъ, съ десятой сѣмки, т.-е. въ возрастѣ двѣнадцать лѣтъ, животное становится менѣ продуктивнымъ.

Наиболѣе цѣнятся свѣжіе, только-что снятые молодые рога; покрытые же сморщенной сухой кожей (перезрѣлые) въ цѣнѣ много теряютъ, а иногда даже и совершенно бракуются купцами. Въ виду того, что въ свѣжемъ видѣ не всегда представляется возможность ихъ продать, приходится прибѣгать къ консервированію роговъ. Для этого ихъ варятъ въ водѣ или чаѣ съ солью (на 30 ведерный котель кладутъ 1 пудъ соли), затѣмъ вѣшаютъ для просушки подъ навѣсомъ срѣзанными концами вверхъ, чтобы менѣ вытекала кровь. Послѣдняя тщательно собирается и употребляется мѣстными жителями противъ желудочной боли и при продажѣ идетъ отъ шести до восьми рублей за фунтъ. Сушатся рога не менѣ двухъ недѣль, сильно при этомъ усыхая, и чѣмъ больше была усушка, тѣмъ дороже они оцѣниваются. Хорошій двадцатифунтовый рогъ послѣ просушки вѣситъ всего восемь—

девять фунтовъ. У кочевниковъ обыкновенно нѣтъ возможности высушивать рога должнымъ образомъ; послѣдніе загниваютъ, пересыхаютъ и получаютъ болѣе низкой добротности.

Скупаются рога русскими и китайскими купцами, но продаются исключительно китайцамъ, такъ какъ китайскій рынокъ является единственнымъ въ мірѣ для этого товара.

Въ Китаѣ маральи рога примѣняются въ медицинѣ при различныхъ болѣзняхъ. Передъ употребленіемъ рога намачиваютъ въ винѣ изъ проса 12 дней. Затѣмъ сушатъ на солнцѣ, пока высохнутъ, потомъ опять настаиваютъ въ винѣ изъ проса, опять сушатъ и такъ до пяти—семи разъ, пока рога сдѣлаются мягкими. Тогда рѣжутъ мелкими кусочками, сушатъ въ печкѣ въ теченіе сутокъ и толкутъ въ порошокъ. Послѣдній пьютъ съ виномъ изъ проса или соленой водой съ виномъ въ количествѣ не болѣе полузолотника. Чѣмъ человѣкъ здоровѣе, тѣмъ порція меньше. Наибольшее примѣненіе находитъ въ жаркихъ и сырыхъ мѣстахъ въ теченіе іюня, іюля и частью августа. Здоровому человѣку онъ вреденъ, и при употребленіи идетъ кровь носомъ.

Цѣна за маральи рога различна. Скупщики платятъ за нихъ шесть—десять рублей за фунтъ и перепродаютъ китайскимъ купцамъ вдвое дороже. Послѣдніе отправляютъ рога главнымъ образомъ въ городъ Сикхоу—300 верстъ отъ Калгана. Отсюда рога направляются въ Хуху-хото, Нанси, на югъ Китая, въ аптеки. Въ Китаѣ рога цѣнятся отъ 25 до 100 рублей за фунтъ.

Русскіе купцы, работающіе въ Монголіи, главнымъ образомъ Асановъ, Кузнецовъ, Копыловъ и Поповъ, скупаютъ рога у русскихъ крестьянъ и сдаютъ ихъ китайцамъ подъ шерсть будущаго года.

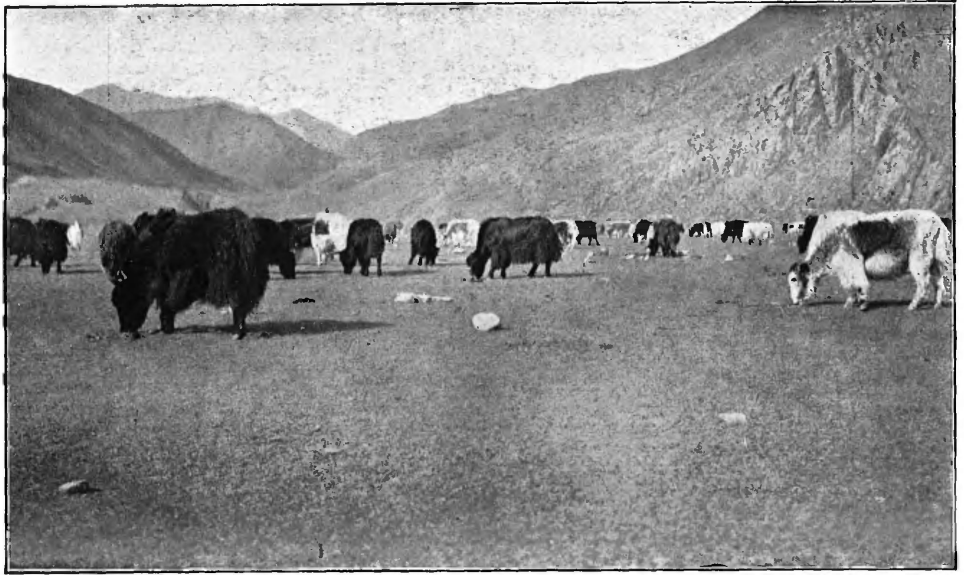
Изъ кяхтинскихъ фирмъ въ Кобдо скупаютъ рога китайскія фирмы Юнъ-жи-чинъ, Индо-куй и Сошендо, кромѣ того нѣсколько мелкихъ пекинскихъ торговцевъ.

Въ 1909 году черезъ Кошъ-Агачскую таможенную было ввезено въ Монголію 119 пудовъ 37½ фунтовъ маральихъ роговъ на сумму 42,590 рублей.

Г. М. Морозовъ.

Къ развитію и укрѣпленію торгово-экономическаго и политическаго вліянія Россіи въ Монголіи.

Русскіе купцы всегда были проводниками идеи мирнаго сближенія съ сосѣдними намъ государствами и народами на почвѣ экономическихъ интересовъ. Эта идея красной нитью проходитъ въ сношеніяхъ

Яки на пастбищъ въ Монголіи.

Яки въ запряжкѣ въ г. Улясутаѣ.

Мараль.

Маралы въ маральникѣ.

вольнаго торговаго города Новгорода съ Ганзейскими городами, и она же руководила русскими купцами, когда послѣдніе проникали со своими товарами къ народамъ далекаго и неизвѣстнаго Азіатскаго края. Экономическій интересъ побуждалъ русскихъ торговыхъ людей преодолевать неимовѣрныя трудности бездорожья и суровой природы и проникать къ народамъ Азіи со своими товарами, чѣмъ и устанавливалось съ ними начало торговыхъ сношеній, изученіе этнографіи и географіи ихъ страны, ихъ политическаго быта, ихъ вѣры и обычаевъ, ихъ сильныхъ и слабыхъ сторонъ. Такимъ образомъ русскіе торговые люди всегда были первыми проводниками по распространенію свѣдѣній и правильныхъ понятій о нашихъ сосѣдяхъ среди русскаго народа. Послѣ перваго знакомства съ прилежащими къ нашей границѣ странами и народами русскіе купцы энергично и быстро устанавливали съ ними торговые отношенія и съ большимъ искусствомъ развивали и укрѣпляли свое торговое и экономическое вліяніе до тѣхъ поръ, пока не прививали этимъ народамъ сознанія о необходимости бить челомъ русскимъ князьямъ и государямъ своимъ животомъ и землями. Такъ собиралась русская земля, такъ пріобщались наши азіатскія окраины, главнымъ образомъ сибирскія, къ Россіи.

Такимъ образомъ въ авангардѣ завоеванія Россіей Азіи и Сибири шелъ всегда купецъ, а за нимъ уже слѣдовали княжескіе и государевы люди. Что такой путь былъ для Россіи правильнымъ и основывался на національной психологіи русскаго человѣка, это свидѣтельствуется нынѣшнимъ нашимъ положеніемъ, когда сибирскій обширный край является нераздѣльной территоріей съ Русскою имперіей. Князья и государи, а затѣмъ и русское правительство съ большимъ или меньшимъ искусствомъ приводили къ опредѣленной формѣ работу русскихъ купцовъ, закрѣпляя ее въ извѣстныхъ положеніяхъ, въ официальныхъ правительственныхъ документахъ, дипломатическихъ актахъ и торговыхъ договорахъ.

Торговья сношенія между Россіей и Монголіей начались съ давнихъ поръ, но носили вначалѣ случайный характеръ. Болѣе обширная и правильная торговля началась въ прошломъ столѣтіи, когда чай изъ Китая въ Россію сталъ провозиться въ большомъ количествѣ черезъ Монголію на Кяхту и Сибирь. Въ Кяхту съ чаемъ приходили огромные караваны монголь, гдѣ послѣдніе вступали въ торговлю съ русскими купцами, пріобрѣтая отъ нихъ предметы первой необходимости, главнымъ образомъ мануфактуру для одежды. Такъ какъ торговля чаемъ находилась въ рукахъ русскихъ купцовъ, частью жившихъ въ

Кяхтѣ, и такъ какъ монголы за транспортъ чая изъ Китая до Кяхты зарабатывали отъ русскихъ купцовъ большія деньги (до 200,000 рублей ежегодно), то это обстоятельство благопріятствовало не только развитію русской торговли въ Монголіи, но и создавало благопріятную почву для добрыхъ политическихъ и сосѣдскихъ отношеній монгола къ Россіи. Но лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ въ среду благопріятно сложившихся отношеній между Китаемъ, Монголіей и Россіей былъ направленъ сильный ударъ прорытіемъ Суэцкаго канала и открытіемъ Китаемъ своихъ морскихъ портовъ для иностранцевъ. Съ этого времени торговля наша по главному тракту Пекинъ — Калганъ — Урга — Кяхта — Москва упала больше чѣмъ на 50%. Громадные грузы чая пошли моремъ, и вывозъ русскихъ фабрикатовъ сталъ сокращаться; послѣднее обстоятельство помогло иностранцамъ проникнуть со своими товарами въ сѣверный Китай и занять его рынки со стороны Тянь-Цзиня. Черезъ посредство же китайскихъ торговыхъ фирмъ, работавшихъ въ Монголіи, иностранные товары вскорѣ стали сбываться и въ Монголію. Въ виду того, что это обстоятельство грозило нашимъ торгово-политическимъ интересамъ въ этомъ краѣ, нѣкоторые русскіе купцы активно выступили на борьбу за удержаніе за собою торговаго рынка и экономическаго вліянія въ Монголіи.

Они, со свойственной имъ дальновидностью, во-время опредѣлили, что наша торговля въ Монголіи не можетъ разсчитывать на успѣхъ при посредствѣ однихъ китайскихъ купцовъ безъ своего хозяйскаго глаза. Поэтому они оставили прежній традиціонно-сложившійся способъ торговли съ Монголіей черезъ Кяхту и пошли въ Монголію сами, гдѣ и открыли торговлю въ хошунахъ. Благодаря энергіи, таланту и умѣнію русскихъ людей приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ, наша хошунная торговля въ Монголіи стала постепенно развиваться. Первые русскіе купцы въ Монголіи не только съ выгодой повели свое дѣло, но совершили еще болѣе важное: они создали школу русскихъ торговыхъ людей, знающихъ языкъ монгола, его нравы, политическій строй, бытъ и религію. Эти русскіе агенты, открывъ свои торговыя дѣла въ различныхъ княжествахъ Монголіи, въ силу своихъ интересовъ, сумѣли внушить монголу высокое уваженіе къ русскому народу и русской государственности. Не умалчивая объ отдѣльныхъ случаяхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что не всѣ безъ исключенія русскіе торговцы въ Монголіи были безупречны въ своей дѣятельности, все-же въ массѣ наши купцы умѣло и дальновидно проводили русское дѣло въ Монголіи и явились вполне солидарными послѣдователями тѣхъ русскихъ

людей, благодаря дѣятельности которыхъ была изучена, а затѣмъ присоединена къ Россіи Сибирь.

Постройка Сибирской желѣзной дороги явилась новымъ факторомъ, имѣвшимъ немалое вліяніе на судьбу дальнѣйшихъ нашихъ отношеній и дѣйстви въ Монголіи. Громадные капиталы, затраченные на этотъ путь, открыли обширный источникъ сравнительно легкихъ заработковъ для мало населенныхъ сибирскихъ окраинъ и притянули къ себѣ трудъ, вниманіе и дѣятельность населенія, работавшаго ранѣе въ Монголіи съ меньшей для себя выгодой. Благодаря же тому, что Маньчжурія съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги сдѣлалась центромъ, на которомъ сосредоточилось все вниманіе русскаго правительства и надежды многихъ русскихъ промышленниковъ, Монголія отошла не только въ тѣнь, но и была совершенно затушевана отъ ихъ вниманія. Между тѣмъ, съ расширеніемъ и развитіемъ въ Монголіи хошунной русской торговли, тамъ возникли настоятельныя потребности и нужды въ средѣ, ведущей эту торговлю. Такъ какъ никто вновь создавагося положенія не зналъ, не изучалъ и не интересовался имъ, то не было и своевременнаго удовлетворенія этихъ нуждъ, что явилось, несомнѣнно, ошибкой и послужило началомъ паденія русской торговли въ Монголіи.

Произошло это такъ: первые русскіе купцы начали свою дѣятельность въ болѣе крупныхъ городахъ, игравшихъ роль центровъ административныхъ, религіозныхъ или торговыхъ, какъ Улясутай, Урга, Кобдо. Но вскорѣ они стали высылать своихъ довѣренныхъ для торговли въ различныя монгольскія княжества (хошуны), на сотни верстъ удаленные отъ указанныхъ городовъ.

По мѣрѣ того, какъ хошунцы (довѣренные хозяевъ) изучали край и накопляли сбереженія, они открывали самостоятельную торговлю въ хошунахъ. Не имѣя же свободнаго оборотнаго капитала для веденія дѣла, они должны были кредитоваться у прежнихъ своихъ хозяевъ; послѣдніе если не отказывали въ кредитѣ, то снабжали ихъ таковымъ лишь на тяжелыхъ для хошунцевъ условіяхъ. Естественно, что хошунцы искали себѣ вездѣ болѣе льготнаго кредита.

За исключеніемъ Русско-Китайскаго банка, не сумѣвшаго ¹⁾ подойти къ удовлетворенію кредитныхъ нуждъ хошунцевъ, никакихъ другихъ кредитныхъ учрежденій въ Монголіи не существовало, и кредит-

¹⁾ Въ Управленіи Русско-Китайскаго банка никто изъ мѣстныхъ русскихъ купцовъ не участвовалъ.

ная помощь нашимъ торговымъ людямъ явилась съ той стороны, откуда ее меньше всего можно было ожидать. Не русское правительство, мало знавшее о нуждахъ нашихъ торговцевъ въ Монголіи, не русскіе банки и другія учрежденія оказали эту помощь, а начали снабжать кредитомъ русскихъ хошунцевъ китайскіе купцы и китайскія же торговля фирмы. Внимательно слѣдя за торговлей русскихъ купцовъ въ хошунахъ, китайцы успѣли убѣдиться и оцѣнить русскаго торговца, какъ незамѣнимаго работника—агента по распространенію товаровъ среди монголь, почему и стали охотно открывать имъ кредитъ, давая въ долгъ вмѣсто серебра различный китайскій товаръ, главнымъ образомъ чай и мануфактуру.

Этотъ ловкій маневръ китайскихъ купцовъ заставилъ русскихъ людей распространеніемъ китайскихъ товаровъ среди монголь работать на китайцевъ, чѣмъ и нанесенъ былъ русской торговлѣ въ Монголіи большой ударъ. Проникновеніе къ этому же времени черезъ китайскихъ купцовъ-комиссіонеровъ на монгольскій рынокъ англійской и американской мануфактуры, подъ названіемъ далимбы и цуимбы, также способствовало паденію русской торговли. Иностранные товары поступали со стороны Тянь-Цзинскаго порта въ Китай въ суровѣ и затѣмъ, окрашенные въ любимые монголами цвѣта въ Калганѣ, доставлялись въ Монголію, гдѣ и продаются по цѣнѣ болѣе низкой, чѣмъ русская мануфактура.

Вотъ обстоятельства, способствовавшія сильному сокращенію русской торговли (главнымъ образомъ мануфактурной) въ Монголіи за послѣднее время. Насколько велико паденіе этой торговли, можно судить по даннымъ Кошъ-Агачской таможни, изъ которыхъ видно, что за 14 послѣднихъ лѣтъ вывозъ русской мануфактуры въ Монголію сократился въ 16 разъ лишь черезъ одну эту таможню. То же самое явленіе наблюдается съ ввозомъ и другихъ русскихъ товаровъ—бакалеи, посуды и пр.

Такимъ образомъ потеря монгольскаго рынка для русской торговли явилась результатомъ полнаго невниманія правительства, граничащаго съ забывчивостью къ интересамъ русскаго дѣла въ Монголіи. Самой важной и волюющей нуждой русскихъ была полная необеспеченность личнаго кредита, которая парализовала у русскихъ кошунныхъ торговцевъ всякую возможность съ пользою работать для себя и для русской торговли и заставила ихъ итти въ работники къ китайцамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что будь это положеніе своевременно и надлежащимъ образомъ освѣщено передъ русскимъ правительствомъ и рус-

скимъ фабрикантомъ, Россія сумѣла бы во-время найти средства и способъ удержать монгольскій рынокъ въ своихъ рукахъ.

Въ настоящее время, чтобы найти способъ возвратить почти совершенно потерянный нами монгольскій рынокъ, намъ надо раньше всего ясно и отчетливо выяснить себѣ нашъ активъ и нашъ пассивъ по отношенію къ Монголіи, наши слабыя и наши сильныя стороны, и когда всѣ нити элементовъ освѣдомленія будутъ въ нашихъ рукахъ, и мы въ состояніи будемъ ими распоряжаться и управлять, то несомнѣнно, что комбинаціей факторовъ, слагающихъ торговлю, Россія сможетъ направить ее по наиболѣе желательному для нея пути.

Нашъ пассивъ въ Монголіи.

Во-первыхъ, образцовая внутренняя дисциплина среди китайскихъ купцовъ, которая удерживаетъ китайскія торговыя фирмы въ предѣлахъ умѣренной конкуренціи и создаетъ между ними солидарность, неизвѣстную нашимъ торгующимъ людямъ.

Во-вторыхъ, беспомощное положеніе русскаго торговца въ отношеніи кредита. Въ настоящее время русскій хошунецъ въ Монголіи кредитруется частью у китайскихъ купцовъ, китайскими же товарами, частью у крупныхъ русскихъ торговцевъ, работающихъ въ монгольскихъ городахъ. Послѣдніе отпускаютъ хошунцамъ въ кредитъ русскіе товары съ накидкой 100—250% на московскія цѣны и плюсъ къ этому связываютъ хошунца тяжелыми для него сроками возврата денегъ.

Въ-третьихъ, при существующемъ въ настоящее время провозномъ тарифѣ одинъ пудъ товаровъ Москва—Урга обходится дороже, чѣмъ доставка ихъ туда же изъ Тянь-Цзиня, вслѣдствіе отмѣны ликина (внутренняя пошлина), а потому русскіе товары, и въ частности русская мануфактура ни въ коемъ случаѣ не могутъ конкурировать по цѣнѣ съ распространяемыми среди монголь китайцами американской и англійской далимбой и цуимбой, несмотря на то, что русская мануфактура по своимъ качествамъ добротности, крѣпости, выдѣлкѣ и изяществу далеко превосходитъ далимбу и цуимбу. Такимъ образомъ, два главныхъ фактора,—кредитъ и цѣны на товары, имѣющіе громадное значеніе въ успѣхи торговли, слагаются не въ пользу нашей торговли въ Монголіи. А если принять во вниманіе, что монголь въ силу слабой покупательной способности своего кармана является потребителемъ, главнымъ образомъ, этихъ важнѣйшихъ для него предметовъ—чая и далимбы или цуимбы, то этимъ еще болѣе усиливается неблагоприятное для насъ положеніе.

Нашъ активъ въ Монголіи.

Во-первыхъ, Россія въ Монголіи имѣетъ свыше двухсотъ человѣкъ русскихъ хошунныхъ торговцевъ, знающихъ монгольскій языкъ, край и бытъ народа, хорошо изучившихъ условія торговли, прекрасно ориентирующихся тамъ, приспособившихся къ мѣстныхъ условіямъ и вполнѣ могущихъ, съ пользою для дѣла, вести торговлю. Къ сожалѣнію, часть этихъ полезныхъ агентовъ-работниковъ ликвидируетъ въ силу указанныхъ выше причинъ свои дѣла въ Монголіи, а остальные принуждены работать на китайцевъ.

Во-вторыхъ, къ нашему активу въ Монголіи мы должны отнести и два фактора, скорѣе нравственнаго, чѣмъ матеріальнаго свойства, но имѣющіе большое значеніе для торговаго дѣла: это: а) дружелюбное расположеніе монгола къ русскимъ и кромѣ того глубокое уваженіе къ русскому Цаганъ-Хану (Государю), равное уваженію, проявляемому монголомъ къ далай-ламѣ. Свойства эти внѣдрены въ сердца каждого монгола, будь это простой монголь, великій лама или знатный и чиновный князь, чему были свидѣтелями всѣ члены монгольской экспедиціи сѣвернаго отряда; б) глубокая ненависть монгола къ китайцамъ и особенно къ китайскимъ купцамъ въ Монголіи, своей системой торговли экономически поработившихъ монгольскій народъ, какъ отдельныхъ лицъ, такъ и цѣлыя княжества.

Здѣсь мы являемся свидѣтелями поучительнаго и глубокаго въ исторіи народовъ явленія.

Съ того времени, какъ Китай свергнулъ у себя монгольскую династію, воцарившаяся въ Китаѣ маньчжурская династія оставила монголамъ ихъ бытъ, религію, языкъ, обычаи, національность и политическій строй на полное ихъ усмотрѣніе и распоряженіе. Четыре или пять китайскихъ чиновниковъ, поставленныхъ китайскимъ правительствомъ въ качествѣ дзянь-дзюней и амбаней въ разныхъ городахъ Монголіи, въ качествѣ благородныхъ свидѣтелей монгольской жизни, не могли, конечно, оказывать никакого давленія на строй монгольской жизни. Китайское правительство, давъ Монголіи образцовѣйшую въ мірѣ автономію, за цѣлые вѣка не дало Монголіи ни одной копейки на проведеніе въ ней культурно-экономическихъ предпріятій. Монголы должны были жить такъ, какъ могли, хотѣли и умѣли. Но зато китайское правительство предоставило своимъ купцамъ также полную автономію для проведенія своихъ торговыхъ предпріятій въ Монголіи, и послѣдніе вполнѣ оправдали довѣріе и надежды своего правительства. Китайскіе купцы и китайскія фирмы съ поразительнымъ коммерческимъ искусствомъ, наложили на монголь тяжелыя оковы экономическаго

гнета и рабства и сдѣлали съ этой страной то, чего не сдѣлало ни одно государство въ мірѣ съ покоренными себѣ народами: сильный, могучій, воинственный народъ, передъ которымъ когда-то дрожаль и преклонялся весь европейскій и азіатскій материкъ, благодаря наложеннымъ на него цѣпямъ экономическаго рабства, сдѣлался въ рукахъ китайцевъ мирнымъ и послушнымъ орудіемъ и рабомъ.

Трудно въ настоящее время встрѣтить монгола, который не былъ бы долженъ китайскому купцу или китайской фирмѣ. Рѣдко какой монгольскій князь не запутанъ сѣтью китайскихъ долговъ. Хошунъ, который является свободнымъ отъ непосильнаго бремени китайскихъ долговыхъ обязательствъ, составляетъ рѣдкое исключеніе. Кажущееся богатство монгольской страны и зажиточность монголъ являются фиктивными, такъ какъ большинство многочисленныхъ стадъ: козъ, овецъ, громадныя табуны верблюдовъ, лошадей, буйволовъ и рогатаго скота, не рѣдко встрѣчаемыхъ по Монголіи,—не составляютъ собственности монголъ, а уже давно за долги взяты китайцами и за долги же для нихъ монголами выхаживаются и выращиваются. Монголъ остался только сторожемъ и пастухомъ бывшихъ когда-то его стадъ. Не въ лучшемъ положеніи находятся князья и хошунны; китайскія фирмы и купцы властью князей и хошунновъ распоряжаются какъ своими домашними административными органами. Зато въ сердцѣ монгольскаго народа горитъ глубокая ненависть къ своимъ угнетателямъ.

На основаніи всего этого, а также принимая во вниманіе ранѣе приведенныя свѣдѣнія о крайне скудныхъ покупательныхъ средствахъ монгола, надо притти къ заключенію, что для укрѣпленія развитія и расширенія своихъ торговыхъ интересовъ въ Монголіи и своего тамъ экономическаго и политическаго вліянія Россіи необходимо:

Во-первыхъ, раньше всего поднять экономическое благосостояніе населенія Монголіи путемъ упорядоченія нашей съ ней торговли скотоводствомъ; безъ этой мѣры надѣяться на большое развитіе сбыта русскихъ товаровъ въ Монголіи ни въ коемъ случаѣ нельзя.

Во-вторыхъ, организовать и сплотить экономическими интересами разсѣянную рать русскихъ хошунныхъ торговцевъ въ одно цѣлое и направить работу ихъ по линіи наименьшаго сопротивленія къ достиженію въ Монголіи нашихъ задачъ.

Въ-третьихъ, создать въ Монголіи такую торговую, капиталистическую организацію (русско-монгольскій торговый банкъ), которая въ состояніи была бы руководить русской торговлей во всей Монголіи единолично и уже въ силу своей организаціи явилась бы непобѣдимой

въ конкуренціи съ китайцами. Организація эта, открывъ свои склады товаровъ въ главныхъ пунктахъ Монголіи и приспособивъ дѣятельность ихъ къ особенностямъ мѣстной жизни, будетъ связана взаимными интересами и выгодами въ одно цѣлое съ объединенными русскими торговцами въ хошунахъ, почему и сможетъ направить ихъ работу только на пользу русской торговлѣ и русскому дѣлу.

Организація эта должна взять въ свои руки торговлю чаемъ, какъ главнымъ продуктомъ потребленія монгола, а также скупку скота и сырья на самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, такъ какъ послѣдняя является наиболѣе выгодной между всѣми видами торговли въ Монголіи.

Въ-четвертыхъ, въ виду того, что торговое дѣло является настолько живымъ, сложнымъ и, параллельно съ развитіемъ жизни, измѣняющимъ свои очертанія и формы,—постоянное его изученіе въ Монголіи, какъ своего рода барометра жизни народовъ, должно продолжаться непрерывно. Инициативу этого должно взять на себя правительство, такъ какъ только тогда, когда изученіе рынка будетъ поставлено въ систему торговой политики государства, оно сможетъ дать торгово-промышленному классу этого государства во всякій моментъ какъ надлежащее представленіе о торговлѣ, такъ и указать тѣ приемы измѣненія и усовершенствованія, которыя должны постоянно совершаться въ этой области, если только желаютъ держать ее въ рукахъ и управлять ей.

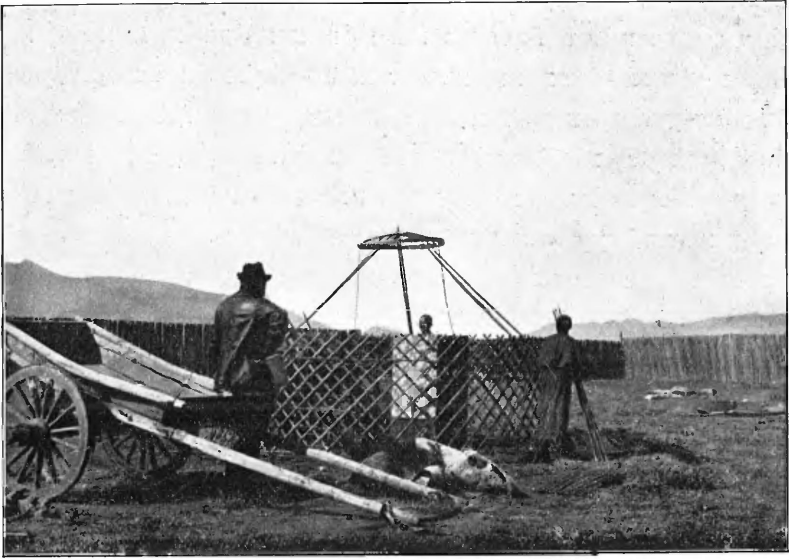
Если же Россія упуститъ надлежащій моментъ, то она неминуемо принуждена будетъ въ будущемъ для охраны своихъ границъ и усиленія пограничныхъ таможенъ держать на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ армію и строить крѣпости.

Монголія въ настоящее время достаточно уже обработана китайцами и подготовлена ими для занятія подъ свою колонизацію; и если мы теперь не сумѣемъ создать изъ нея буфера между Россіей и Китаемъ, то мы сдѣлаемъ великую историческую ошибку.

И. М. Морозовъ.

Бюджетъ монгольскаго хозяйства и перспективы русско-монгольской торговли.

Несмотря на значительное количество скота, приходящагося въ среднемъ на одно монгольское хозяйство, итоги годовой дѣятельности такого хозяйства, какъ видно изъ нижеприводимаго бюджета, не пополняютъ расходовъ, производимыхъ хозяйствомъ для удовлетворенія потребностей семьи.

Постройка юрты.

Постройка юрты.

Многочисленные наблюдения, сделанные нами надъ хозяйствомъ монголь на огромномъ протяженіи съ Кяхты до Кобдо, и авторитетныя указанія здѣшнихъ русскихъ фирмъ и хошунцевъ дали намъ возможность опредѣлить бюджетъ средняго монгольскаго хозяйства въ такихъ приходно-расходныхъ статьяхъ:

Стоимость одного хозяйства:

Юрта	37	рублей.
Скотъ	775	„
Одежда и обувь	165	„
Рабочій инвентарь	24	„
Домашняя утварь	57	„

Итого . . 1,058 рублей.

I. Составъ, цѣнность частей юрты, время службы и ежегодная амортизація.

	Количество.	По цѣнѣ.		На сумму.		Сколько лѣтъ служить.	Ежегодная амортизація.		
		Р.	К.	Р.	К.		ГОДА.	Р.	
Кругъ	1	1	40	1	40	4	—	35	} 1 р. 40 к. Обработка дерев. издѣлій.
Палки для круга	60	—	28 дюж.	1	40	4	—	35	
Рѣшетки (ханы)	4	—	70	2	80	4	—	70	
Веревки	—	2	60	2	60	4	—	65	65 к. Кустарн. пром.
Мыт. шерсть на кошму для верха (5 алданъ=15 арш.)	2 пуда	4	80	9	60	4	2	40	} 6 р. Валяльн. промыселъ.
Мыт. шерсть на кошму для боковъ (7 алданъ=21 арш.)	3 пуда	4	80	14	40	4	3	60	
Работа кошмы	12 алд.	—	40	4	80	4	1	20	
Итого				37	—		9	25	

II. Количество скота и его цѣнность на одно монгольское среднее хозяйство.

Родъ животныхъ.	Количество.	По цѣнѣ.	На сумму.
		РУБ.	РУБ.
Овцы и козы	40	3	120
Рогатый скотъ	15	15	225
Лошади	20	20	400
Верблюды и яки	1/2	60	30
Итого			775

III. Количество, цѣнность, время службы и ежегодная амортизація одежды и обуви ¹⁾ одной семьи средняго монгольскаго хозяйства.

	Количество.	По цѣнѣ.		На сумму.		Сколько лѣтъ служить.	Ежегодная амортизація.		
		Р.	К.	Р.	К.		ГОДА.	Р.	
Халатъ на мѣху	2	12	—	24	—	5	4	80	44 р. 80 к. Мануфактура.
„ лѣтній	3	3	10	9	30	2	4	65	
„ праздничный	2	15	—	30	—	3	10	—	
„ дождевикъ	2	8	40	16	80	4	4	20	
Халатъ дѣтскій	3	2	—	6	—	2	3	—	
Шаровары мужск. и жен. . .	3	—	80	2	40	1	2	40	
Штаны дѣтскіе	3	—	40	1	20	1	1	20	
Рубахи большія	6	1	10	6	60	1	6	60	
„ дѣтскія	6	—	55	3	30	1	3	30	
Шапки	3	4	—	12	—	5	2	40	
„ дѣтскія	3	—	50	1	50	2	—	75	
Кушаки мужскіе	3	1	—	3	—	2	1	50	1 р. 50 к. Галантерея.
Головной женскій уборъ . .	1	15	—	15	—	10	1	50	
Сапоги	3	6	—	18	—	2	9	—	12 р. 75 к. Кожевенное производство.
„ дѣтскіе	3	2	50	7	50	2	3	75	
Чулки для взрослыхъ	3	—	80	2	40	1	2	40	4 р. 40 к. Валяльное кустарное.
Кошмы для спанья и подстилки	5	1	20	6	—	3	2	—	
Итого				165	—		64	20	

На шубу идетъ восемь овчинъ, по одному лану = на 9 руб. 60 коп., верхъ далимба 2 руб., прикладъ 40 коп.

На лѣтній халатъ надо отрѣзъ далимбы въ 1 руб. 65 коп., подкладка изъ цуимбы 1 руб. 10 коп. и прикладу на 35 коп.

Дождевики дѣлаются, главнымъ образомъ, изъ злоказовскаго сукна, идетъ четыре аршина, на 8 руб., и прикладу на 35 коп.

Халатъ праздничный у богатыхъ шьется изъ парчи, атласа; у монголь средней зажиточности—изъ сукна или чесучи; послѣдней надо восемь аршинъ, стоимостью 14 руб., и 1 руб. прикладъ.

На мужскіе или женскіе шаровары идетъ три съ половиной ама (четыре аршина) далимбы за 70 коп. и прикладу на 10 коп.

¹⁾ Семья монгола предполагается состоящей изъ шести человѣкъ: трехъ взрослыхъ и трехъ дѣтей.

На рубашку надо три—четыре ама дабы (четыре аршина) на 1 руб. и приклада на 10 коп.

Все бѣлье и верхнее платье монголки шьютъ сами, и лишь очень богатые отдаютъ на сторону.

IV. Рабочій инвентарь, его составъ, цѣнность, время службы и ежегодная амортизація на одно монгольское среднее хозяйство.

	Количество.	Цѣна.		На сумму.		Сколько лѣтъ служить.	Ежегодная амортизація.		
		р.	к.	р.	к.		года.	р.	
Повозка двухколесная	1	5	50	5	50	2	2	75	2 р. 92. Обработка дер. изд.
Ярмо воловье	1	—	50	—	50	3	—	17	
Сѣдло	3	6	—	18	—	5	3	60	3 р. 60 к. Кожевенное производство.
Итого				24	—		6	52	

V. Домашняя утварь, ея цѣнность, время службы и ежегодная амортизація на одно монгольское среднее хозяйство.

	Количество.	Цѣна.		На сумму.		Сколько лѣтъ служить.	Ежегодная амортизація.		
		р.	к.	р.	к.		года.	р.	
Большой чуг. котель	1	4	—	4	—	4	1	—	5 р. 83 к. Желѣзные, мѣд., чугун. издѣлія.
Малый котелокъ	1	—	80	—	80	6	—	14	
Чайникъ мѣдный (домбо)	2	1	90	3	80	4	—	95	
Ступка метал. для чая	1	2	10	2	10	7	—	30	
Ножъ	2	2	50	5	—	4	1	20	
Ковшъ	1	—	70	—	70	5	—	14	
Бритва	1	1	60	1	60	6	—	26	
Ножницы	1	—	60	—	60	4	—	15	
Ружье	1	8	—	8	—	10	—	80	
Капканы	1	2	—	2	—	5	—	40	
Бурханы	3	1	60	4	80	4	1	20	1 р. Галантерея.
Крессало	1	1	—	1	—	2	—	50	
Кисеть для табака	1	2	—	2	—	2	1	—	3 р. 10 к. Обработка дерев. издѣл.
Ведро-доянка дерев.	2	1	—	2	—	2	1	—	
Чашки деревян.	6	—	20	1	20	1	1	20	
Сундуки	3	3	—	9	—	10	—	90	1 р. 75 к. Проч. издѣлія фабрич.-зав. пром.
Лампады	3	—	80	2	40	4	—	60	
Табакерки	2	1	—	2	—	5	—	40	1 р. 25 к. Кожевен. куст.
Трубки	1	1	50	1	50	2	—	75	
Мѣшокъ для кумыса	1	2	50	2	50	2	1	25	
Итого				57	—		14	13	

VI. Ежегодный приходъ одного хозяйства.

Статьи прихода.	Количество.	Цѣна.		На сумму.		
		Р.	к.	Р.	к.	
Продажа 1) кр. рог. скота . . .	3 2)	20	—	60	—	} 306 р. 60 к. Ското- водство.
„ лошадей	4	25	—	100	—	
„ верблюдовъ и яковъ	1/10	80	—	8	—	
Мясо отъ 8 барановъ	6 пуд.	2	—	12	—	
Сало баранье	2 „	4	—	8	—	
Мясо др. животныхъ	7 1/2 пуд.	2	—	15	—	
Молоко	88 вед.	—	50	44	—	
Кумысь	50 „	—	50	25	—	
Проч. мол. продукт.	4 пуд.	2	—	8	—	
Кожи крупн. рог. скота	5	1	70	8	50	
Овчины зарѣз. бар	8	—	45	3	60	
Кожи ягнячьи (павш.)	5	—	20	1	—	
Шерсть овечья	3 пуд.	4	—	12	—	
Шерсть вербл. волосъ, пухъ .	10 ф.	—	15	1	50	} 4 р. 80 к. Охота.
Сурокъ	4	—	70	2	80	
Проч. пушн. звѣрь	1/2	4	—	2	—	} 10 р. Земледѣліе. 6 р. Извозъ. 2 р. Проч. доходы.
Земледѣліе	—	—	—	10	—	
Извозъ	—	—	—	6	—	
Разные доходы	—	—	—	2	—	
Итого				330	—	

1) Здѣсь поставлены продажныя цѣны, которыя значительно выше показанныхъ цѣнъ въ бюджетной таблицѣ № II, такъ какъ въ продажу идетъ преимущественно скотъ, достигшій возрастной и хозяйственной спѣлости, продажная оцѣнка котораго должна быть значительно выше расцѣнки разновозрастнаго состава скота въ хозяйствѣ.

2) Монголь отчуждаетъ ежегодно не менѣе 20% изъ состава своего стада на продажу и удовлетвореніе нуждъ своей семьи, при чемъ овцы идутъ преимущественно на рѣзку для мяса и сала, а крупный скотъ продается.

Если же часть овецъ своихъ монголь сбываетъ на сторону, то взамѣнъ ихъ рѣжетъ крупный скотъ или лошадей.

Въ благоприятныя зимы годовой отходъ скота въ хозяйствѣ монгола достигаетъ 10%, а отходъ ягнятъ (до 6 мѣсяцевъ) — 20%, при чемъ обыкновенно монголь не допускаетъ больного скота до падежа, а прирѣзываетъ его, и мясо употребляетъ въ пищу.

VII. Ежегодный расходъ одного хозяйства.

Статьи расхода.	Количество.	Цѣна.		Изъ продук- товъ своего хозяйства.	Расх., покрываемый серебромъ или товарообмѣномъ		Всего на сумму.	Куда израсходовано.	
		Р.	К.		Р.	К.			Р.
Мясо и сало	13 ¹ / ₂ п.	2	—	27	—	27	—	На пищу 157 р. 30 к.	
Сало	2 п.	4	—	8	—	8	—		
Молоко	88 вед.	—	50	44	—	44	—		
Кумысъ	50 „	—	50	25	—	25	—		
Друг. молоч. продукты	4 п.	2	—	8	—	8	—		
Чай	24 кир.	—	70	—	16	80	16 80		
Соль	2 п.	1	—	—	2	—	2		
Сахаръ, сласти	5 ф.	—	30	—	1	50	1 50		
Мука, ячмень поджар.	12 п.	2	—	10	14	—	24		
Напитки	—	—	—	—	1	—	1		
Табакъ	30 пач.	—	40	—	12	—	12	На др. личн. потр. 114 р. 70 к.	
Празднества, цамъ	—	—	—	—	3	—	3		
Духовныя требы	—	—	—	—	4	—	4		
Амортизація юрты	—	—	—	6	3	25	9 25		
„ одежды и обуви	—	—	—	2	62	20	64 20		
„ рабоч. инвент.	—	—	—	—	6	52	6 52		
„ домашн. утвари	—	—	—	—	14	13	14 13		
Мелочи и непредв. расх.	—	—	—	—	1	60	1 60		
Алба ¹⁾	—	—	—	—	77	—	77		
Пастьба скота	—	—	—	8	—	—	8		10 р. Скотоводство.
Соль для скота	2 п.	1	—	—	2	—	2		
Земледѣліе	—	—	—	—	1	—	1	1 р. Земледѣліе.	
Итого				138	—	222	—	360	

Бюджетъ этотъ является анализомъ хозяйственной дѣятельности одного средняго монгольскаго хозяйства. Въ дѣйствительности же количество скота у большинства монголь значительно уклоняется въ сторону большаго или меньшаго числа противъ приведенныхъ нормъ, но среднее будетъ приближаться къ разсмотрѣнному здѣсь примѣру.

Въ настоящее время, райономъ русскаго экономическаго вліянія въ Монголіи мы должны признать только сѣверо-западную ея часть—

¹⁾ Алба, или повинности, въ Монголіи накладываются на хозяйство обыкновенно въ размѣрѣ 10% отъ цѣнности всего имѣющагося въ немъ скота.

Халху съ прилегающимъ къ ней райономъ средней или внутренней Монголіи. Южная же Монголія, граничащая съ провинціями Китая, тяготѣетъ въ торговомъ и хозяйственно-экономическомъ отношеніи къ его рынкамъ и вслѣдствіе большей плотности своего населенія и болѣе высокой тамъ системы хозяйства, главнымъ образомъ земледѣльческой, врядъ ли и можетъ подлежать въ данное время большому русскому экономическому вліянію, чѣмъ какъ это было до сихъ поръ. Это находитъ себѣ подтвержденіе какъ въ болѣе дешевомъ сюда транспортѣ иностранныхъ товаровъ изъ китайскихъ портовъ, такъ и въ громадномъ заселеніи этой части страны китайскими переселенцами.

Поэтому, если принять въ сѣверо-западной Монголіи, районѣ русскаго экономическаго вліянія, цифру населенія въ три милліона душъ, а число юртъ въ 500 тысячъ, то суммарныя богатства этого района выразятся въ такихъ цифрахъ:

VIII. Количество и цѣнность скота во всей сѣверо-западной Монголіи на 500 тысячъ хозяйствъ.

Родъ животныхъ.	Количество.	На сумму.
Овецъ и козъ	20.000,000	60.000,000 р.
Лошадей	7.500,000	112.500,000 „
Рогатаго скота	10.000,000	200.000,000 „
Верблюдовъ и яковъ	225,000	15.000,000 „
Итого	37.725,000	387.500,000 р.

Имѣя же подробныя приходно-расходныя статьи бюджета средняго монгольскаго хозяйства, нетрудно вывести таковой и для всего населенія сѣверо-западной Монголіи, а также опредѣлить покупательную емкость рынка этого района въ отношеніи различныхъ фабрикатовъ:

IX. Ежегодный приходъ.

	На одно хозяйство.	На всю сѣверо-западную Монголію.	Въ процентахъ.
Отъ скотоводства	306 р. 70 к.	153.350,000 р.	92,8
„ земледѣлія	10 „ — „	5.000,000 „	3,0
„ извоза	6 „ — „	3.000,000 „	1,9
„ охоты	4 „ 80 „	2.400,000 „	1,5
„ прочихъ статей	2 „ 50 „	1.250,000 „	0,8
Итого	330 р. — к.	165.000,000 р.	100% ₀

Х. Ежегодный расходъ.

	На 1 хозяй- ство.	На всю сѣверо-за- падную Монголію.	Въ про- центахъ.	Ежегодное накопленіе долга.	
				На 1 хо- зяйство.	На всю сѣв.-зап. Монголію.
На пищу	157 р. 30 к.	78.650,000 р.	43,8		
Прочія личныя по- требности	114 „ 70 „	57.350,000 „	31,8		
Повинности	77 „ — „	38.500,000 „	21,4		
Скотоводство	10 „ — „	5.000,000 „	2,8		
Земледѣлія	1 „ — „	500,000 „	0,2		
Итого	360 р. — к.	180.000,000 р.	100% ₀	30 р. — к.	15.000,000

Потребленіе въ Монголіи товаровъ по родамъ промышленнаго ихъ производства видно изъ таблицы:

XI.

	На 1 хозяйство.	На всю сѣверо-за- падную Монголію на 500 т. хоз.
Продукты обрабатывающей промышленности:		
1. Мануфактурныя издѣлія	44 р. 80 к.	22.400,000 р.
2. Желѣзныя, чугуныя, мѣдныя	5 „ 83 „	2.915,000 „
3. Кожевенныя	16 „ 35 „	8.175,000 „
4. Галантерея	2 „ 50 „	1.250,000 „
5. Проч. издѣлія фаб.-зав. пром.	1 „ 75 „	875,000 „
Итого	71 р. 23 к.	35.615,000 р.
Продукты добывающей обрабатывающей про- мышленности:		
1. Обработка деревянныхъ издѣлій	6 р. 02 к.	3.010,000 р.
2. Кожевенный промыселъ	1 „ 25 „	625,000 „
Итого	7 р. 27 к.	3.635,000 р.
А всего	78 р. 50 к.	39.250,000 р.

Цифры валовой доходности Монголіи отъ скотоводства и земледѣлія выразительно говорятъ о возможности громаднаго товарообмѣна Россіи съ этой страной. Одинъ только районъ сѣверо-западной и средней Монголіи, подлежащій торговому вліянію Россіи, ежегодно производитъ продуктовъ животноводства на 153 милліона рублей; 153 милліона рублей, это есть та цифра, двѣ трети которой могутъ послужить къ расширенію покупательной способности монгольскаго рынка въ самое ближайшее время: цифра же пять милліоновъ, получаемая отъ земледѣлія, есть указатель того пути, по которому въ будущемъ должно пойти развитіе какъ хозяйственной дѣятельности этой страны, такъ и эволюція торгово-экономическихъ ея отношеній.

Россія, имѣя съ одной стороны Монголіи богатѣйшія залежи алтайскаго хлѣба (Змѣиног., Бійскій и Устькаменог. уѣзды), а съ другой— Минусинскій край, при улучшеніи путей сообщенія, могла бы передвинуть свой хлѣбъ въ Монголію и тѣмъ удешевить и улучшить питаніе монгольскихъ массъ.

Такимъ образомъ для Россіи открываются широчайшія перспективы здоровой торговой политики для хлѣбородныхъ районовъ Западной Сибири, откуда хлѣбъ долженъ итти не на Западъ, въ далекую Россію, а на Востокъ—въ близкую Монголію, не туда, куда сбытъ его является нежелательнымъ, а туда—гдѣ его жаждутъ.

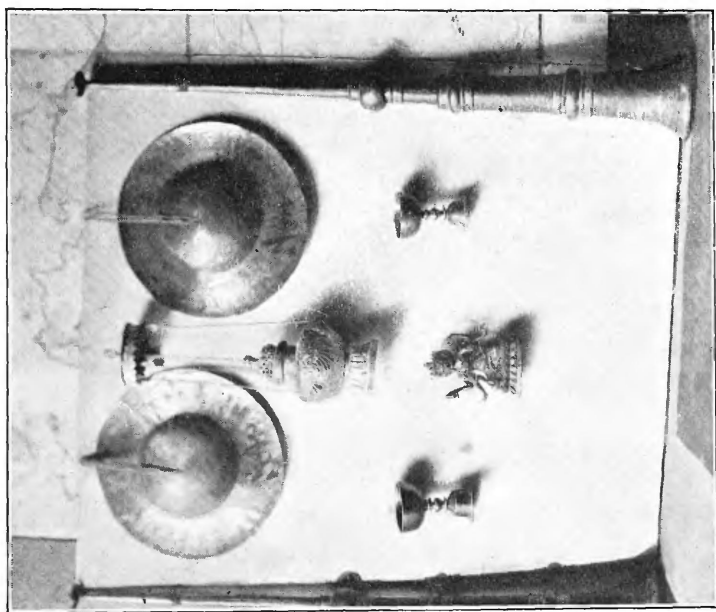
Введеніе же въ болѣе широкихъ размѣрахъ въ пищу монголь дешеваго продукта—хлѣба дастъ возможность населенію отчуждать на сторону изъ своего хозяйства большее количество цѣнныхъ продуктовъ скотоводства и тѣмъ усилить покупательную свою способность для оплаты необходимыхъ ему товаровъ заводской и фабричной промышленности.

Но это возможно, какъ уже было сказано, только при улучшеніи путей сообщенія Россіи съ Монголіей.

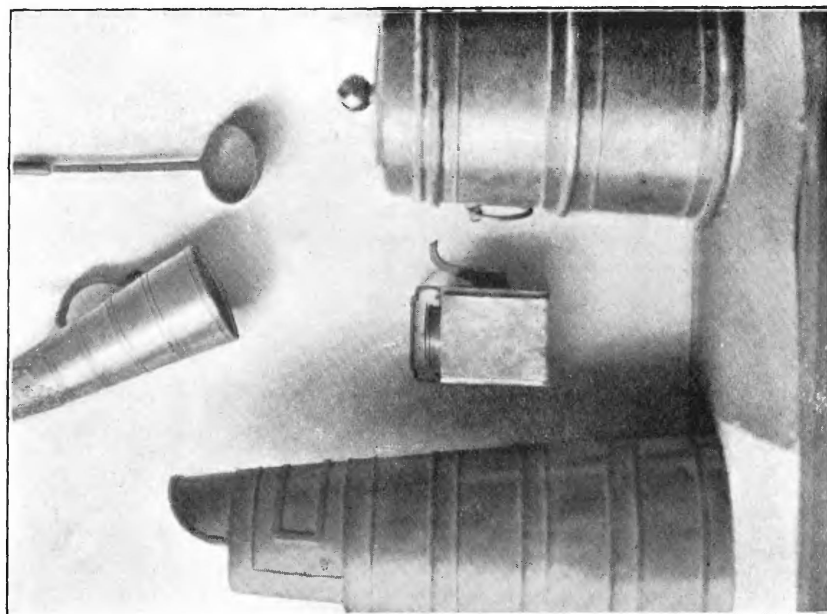
До сего времени ввозъ русскихъ товаровъ въ сѣверо-восточную Монголію шелъ черезъ Кяхту и обходился въ 3 руб. 50 коп. пудъ до Урги (мануфактура—бязь, даба и пр.) при его доставкѣ отъ Москвы, а и именно:

Москва—Верхнеудинскъ, жел. дор.	2 р. 62 к.
Верхнеудинскъ—Кяхта, водою	— „ 30 „
Кяхта—Урга, гужемъ	— „ 60 „

Итого . . 3 р. 50 к.

Богослужбные предметы.

Монгольская утварь.

Въ сѣверо-западную же Монголію товары шли главнымъ образомъ черезъ Ново-Николаевскъ, Бійскъ, по Чуйскому тракту на Кобдо; небольшое ихъ количество попадало сюда еще черезъ Минусинскъ и Усинскій Край.

Провозъ одного пуда товара, на примѣръ мануфактуры, (какъ: бязь, даба и пр.), обходится въ первомъ случаѣ въ 3 р. 84 к.:

Москва—Ново-Николаевскъ, жел. дор.	1 р. 89 к.
Ново-Николаевскъ, Барнаулъ, Бійскъ, водою	— „ 20 „
Бійскъ, Кошъ-Агачъ, Кобдо, гужемъ	1 „ 75 „

Итого . . 3 р. 84 к.

при 47 дняхъ транспорта.

По второму же пути провозъ одного пуда такого же товара стоилъ 4 р. 19 к., оставаясь въ дорогѣ до 63 дней.

Москва—Красноярскъ, жел. дор.	2 р. 09 к.
Красноярскъ—Минусинскъ, водою	— „ 60 „
Минусинскъ—Кобдо, гужемъ	1 „ 50 „

Итого . . 4 р. 19 к.

Очевидно, что такую высокую провозную плату на пудъ могутъ выдерживать только дорогіе товары, какъ мануфактура, да и та начала, какъ мы видѣли, вытѣсняться послѣднее время изъ Монголіи дешевыми фабрикатами иностраннаго происхожденія. Поэтому необходимо направить товары по новому пути, по которому транспортъ ихъ въ Монголію изъ промышленныхъ центровъ Россіи и обратно былъ бы дешевле, удобнѣе и скорѣе.

Такимъ путемъ какъ нельзя болѣе можетъ служить намѣчаемый многими изыскателями и комиссіями путь съ Уральска на Семипалатинскъ, движеніе по которому тѣхъ самыхъ мануфактурныхъ товаровъ отъ Москвы до Кобдо, при 37 дняхъ пути, обойдется такъ:

Москва—Семипалатинскъ, жел. дор.	1 р. 97 к.
Семипалатинскъ—Черный Иртышъ, р. Кранъ водою.	50 к.
Устье Крана—Шарсуме—Кобдо, гужемъ	50 к.

Итого . . 2 р. 97 к.

или на 87 коп. дешевле, чѣмъ черезъ Бійскъ по Чуйскому тракту и при ускореніи доставки товара на 10 дней.

Выгоды же транспорта товаровъ по этому пути въ сравненіи съ возомъ ихъ черезъ Усинскій Край—еще значительнѣе.

Пароходная экспедиція Русско-Китайскаго Общества доказала возможность судоходства по Черному Иртышу до устья р. Крана, и съ развитіемъ отъ г. Семипалатинска пароходнаго движенія въ этомъ направленіи, грузы изъ промышленныхъ районовъ пойдутъ не только черезъ Шарь-Сумэ и Кобдо въ сѣверо-западную Монголію, но и отъ Крана въ города Застѣннаго Китая, какъ Чугучакъ, Кульджа, Урумчи, Шихо, Турфанъ, Гученъ, Монасъ, доставка куда товаровъ этимъ путемъ вмѣсто теперешняго гужевого направленія Семипалатинскъ—Чугучакъ—Урумчи удешевится на 1 р. 15 коп. въ пудѣ, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ расчетовъ:

1. Урумчи — Семипалатинскъ, гужемъ	2 р. 40 к.
Семипалатинскъ—Москва, жел. дор.	1 р. 97 к.
	<hr/>
Итого	4 р. 37 к.

при 58 дняхъ пути.

2. Урумчи—Кранъ, гужемъ	75 к.
Кранъ—Семипалатинскъ, водою	50 к.
Семипалатинскъ—Москва, жел. дор.	1 р. 97 к.
	<hr/>
Итого	3 р. 22 к.

при 40 дняхъ транспорта.

Такимъ образомъ, проведеніе желѣзной дороги отъ Уральска на Семипалатинскъ направитъ отсюда грузы по Черному Иртышу какъ изъ промышленной Россіи въ Монголію и Застѣнный Китай, такъ и обратно. Этотъ путь, являясь наиболѣе дешевымъ, скорымъ и удобнымъ, дастъ торгующему здѣсь русскому купечеству на провозѣ одного только пуда груза такія выгоды:

Сокращеніе въ одинъ конецъ.

	Въ расходахъ.	Во времени.
По сравненію съ Чуйскимъ трактомъ изъ Бійска на Кобдо	87 коп.	10 дней.
По сравненію съ сухопутнымъ отъ Семипалатинска на Урумчи	1 р. 15 коп.	18 дней.

Сокращеніе времени, дешевизна транспорта и ускореніе оборота торговаго капитала предоставляютъ огромныя преимущества здѣшней русской торговлѣ, и проведеніе желѣзной дороги на Семипалатинскъ

явится такимъ образомъ могущественнѣйшимъ факторомъ къ укрѣпленію и развитію нашего торгово-экономическаго вліянія какъ въ огромномъ районѣ сѣверо-западной Монголіи, такъ и въ обширныхъ владѣніяхъ Застѣннаго Китая.

Кромѣ того удешевленіе транспорта значительно усилить ввозъ отсюда сырьевыхъ товаровъ въ Россію и тѣмъ отвлечетъ движеніе ихъ черезъ внутреннія провинціи Китая къ его морскимъ портамъ для переправки на міровые рынки Англіи и Америки.

А это въ свою очередь удорожитъ доставку оттуда иностранныхъ товаровъ въ сѣверо-западную Монголію и города Застѣннаго Китая, что могутъ использовать въ своихъ интересахъ наши купцы, усиливъ здѣсь сбытъ русскихъ фабрикатовъ.

И. Морозовъ.

Пригонъ монгольскаго скота.

Среди продуктовъ монгольскаго хозяйства, вывозимыхъ въ русскія владѣнія, на первомъ мѣстѣ по цѣнности стоитъ живой скотъ, цѣнность котораго можно опредѣлить приблизительно до 16.000,000 руб. По даннымъ главнаго ветеринарнаго управленія, въ 1908 г. прослѣдовало изъ Монголіи въ русскіе предѣлы нижеслѣдующее количество скота:

	Лошади.	Крупн. рогат. скоть.	Мелк. рог. скоть.	Верблюды.
Въ Амурской обл.	—	1273	580	—
„ Забайкал. „	13	58025	198930	—
„ Иркутск. губ.	1767	27243	32221	200
„ Енисейск. „	—	1150	—	—
„ Томскую „	—	6553	29662	—
„ Семипал. „	692	12886	138703	—
„ Семирѣчье	19544	11790	572513	—

Въ Приамурье, несмотря на большое народонаселеніе, монгольскій скотъ проходитъ въ очень ограниченномъ количествѣ, такъ какъ туда въ послѣднее время начали ввозить мясо изъ портовъ Китая и Кореи, а также аргентинское и австралійское, которое продается дешевле, чѣмъ мѣстное; причина этому кроется въ общей несорганизованности русскихъ скотопромышленниковъ въ Монголіи, которые не имѣютъ необходимаго кредита на свои операціи, платятъ дорого за перевозку скота по желѣзной дорогѣ и, наконецъ, получаютъ нерѣдко крупные убытки при прохожденіи скота черезъ карантинныя. Все это настолько

поднимаетъ цѣну на мясо, что оно не только не можетъ итти наравнѣ съ австралійскимъ, но даже продается дороже, такъ какъ послѣднее, будучи перевозимо въ замороженномъ видѣ, на пароходахъ-рефригера-торахъ, конечно, обходится въ доставкѣ несравненно дешевле 1).

Что касается Забайкальской области и Иркутской губерніи, то здѣсь, вслѣдствіе большого скопленія войскъ и пріисковыхъ рабочихъ съ одной стороны и малаго сравнительно количества мѣстнаго скота— съ другой, всегда замѣчается большой недостатокъ въ мясѣ, который и пополняется почти исключительно монгольскимъ скотомъ. Объясняется это тѣмъ, что подвозъ мяса изъ западно-сибирскихъ областей не всегда бываетъ въ достаточномъ количествѣ, да и провозъ его обходится по желѣзной дорогѣ дороже, чѣмъ доставка изъ Монголіи гономъ зимою или перевозка его по рѣкѣ Селенгѣ лѣтомъ. Кромѣ того, сибирскій скотъ на мѣстѣ оцѣнивается на 10—12 процентовъ дороже, чѣмъ монгольскій.

Въ Западной Сибири дѣло съ монгольскимъ скотомъ обстоитъ нѣсколько иначе.

Русскіе скотопромышленники, закупаая рогатый скотъ и овецъ въ огромномъ количествѣ въ сѣверо-западной Монголіи, въ районѣ Кобдо, гонятъ его черезъ Кошъ-Агачъ на Бійскъ. Въ Бійскѣ мелкій скотъ, главнымъ образомъ овцы, рѣжется и идетъ въ Новониколаевскъ, гдѣ поступаетъ на салотопенные заводы. Крупный же скотъ направляется въ Петропавловскій районъ, гдѣ его собираются тысячи гуртовъ и гдѣ благодаря прекраснымъ солончаковымъ пастбищамъ онъ въ короткое время хорошо нагуливается. Затѣмъ скотъ бьется тутъ же, въ Петропавловскѣ, на бойнѣ, откуда мясо расходуется по Западной Сибири и Уралу. Всего выпускается съ Петропавловскихъ боенъ до двухъ милліоновъ пудовъ мяса (т.-е. до 70—80 процентовъ всего проходящаго черезъ степной край скота). Какое количество изъ него принадлежитъ монгольскому скоту, и какое, слѣдовательно, отношеніе имѣетъ мясо монгольскаго скота къ Европейской Россіи, сказать невозможно, такъ какъ никакой марки ни мясо это, ни самъ скотъ не имѣютъ, и поступаетъ оно въ Россію вообще подъ именемъ „сибирскаго“. Одно несомнѣнно ясно, что не будь въ Западной Сибири притока монгольскаго скота,

1) Транспортировка скота изъ Монголіи во Владивостокъ, включая китайскую пошлину, обходится въ 15 р. на голову, что при девятипудовомъ среднемъ вѣсѣ туши ложится въ 1 р. 70 к. на пудъ. Между тѣмъ доставка мяса морскимъ путемъ изъ портовъ Китая со всѣми накладными расходами ложится по 6 р. 50 к. на голову, или, при томъ же убойномъ вѣсѣ въ девять пудовъ, составляетъ лишь 72 коп. на пудъ.

тамошній скоть стоилъ бы несравненно дороже, недостатокъ въ немъ былъ бы огромный и вывозъ его въ Россію врядъ ли бы существовалъ; такъ что, поступаетъ ли въ Россію монгольскій скоть или сибирскій,—но только размѣръ поступленія его въ значительной степени обуславливается пригономъ въ Сибирь скота изъ Монголіи и его количествомъ.

Въ виду того, что предложеніе скота монголами въ кобдинскомъ и отчасти улясутайскомъ районѣ во много разъ превосходитъ спросъ на него русскихъ скотопромышленниковъ (стѣсненныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ вышеупомянутыми причинами), монголы сбываютъ свой скоть китайцамъ по очень дешевой цѣнѣ въ уплату долговыхъ обязательствъ и въ силу своей торговой зависимости отъ китайскихъ купцовъ. Скоть этотъ большими гуртами гонится китайцами черезъ Калганъ и Хуху-хото въ Китай, гдѣ бьется, а затѣмъ морскимъ путемъ въ замороженномъ видѣ доставляется во Владивостокъ, гдѣ и составляетъ, какъ уже было сказано, громадную конкуренцію русскимъ скотопромышленникамъ.

Для урегулированія этого неестественнаго положенія необходимо поставить дѣло торговли монгольскимъ скотомъ въ болѣе правильныя рамки.

Открытіе дешеваго кредита подъ мясо русскимъ скотопромышленникамъ въ Монголіи, усиленіе штата ветеринарныхъ врачей для массоваго привитія чумы монгольскому скоту и ослабленіе въ силу этого стѣснительныхъ карантинныхъ мѣръ, приведеніе въ должный порядокъ нашихъ старыхъ путей сообщенія съ Монголіей и сооруженіе новыхъ (главнымъ образомъ Кяхта-Мысовая), вырѣзка трехверстной ширины скотопрогонныхъ трактовъ по Монголіи и Сибири,—все это, несомнѣнно, много будетъ способствовать разрѣшенію данной задачи. Но въ виду того, что транспортировка скота гонимъ по монгольскимъ и сибирскимъ степямъ обходится дешево лишь до своихъ конечныхъ пунктовъ,—Петропавловска на западѣ, Иркутска и Троицкосавска на сѣверѣ,—а далѣе должна совершаться какъ на Дальній Востокъ, такъ и въ Европейскую Россію по желѣзной дорогѣ при высокомъ тарифѣ, то необходимо обратить главное вниманіе именно на этотъ вопросъ и сдѣлать перевозку монгольскаго скота возможно дешевле.

Сдѣлать это необходимо не пониженіемъ въ ущербъ желѣзной дорогѣ существующихъ тарифовъ, а транспортированіемъ скота въ видѣ битаго и замороженнаго мяса. Въ настоящее время вопросъ о потребленіи мороженнаго и охлажденнаго мяса и методы консервированія его уже основательно разработаны. Такъ, многочисленные опыты

указываютъ на то, что мороженное мясо ни по цвѣту, ни по вкусу, ни даже по своей питательности ничуть не уступаетъ свѣжему и сохраняется очень продолжительное время, теряя въ вѣсѣ лишь небольшой процентъ (въ 30 дней 8—10 процентовъ), чѣмъ и разрѣшается самъ собою вопросъ о возможности транспортированія монгольскаго мяса не только въ предѣлы Западной и Восточной Сибири, но и въ Европейскую Россію. Сокращеніе расходовъ при такой доставкѣ было бы весьма значительнымъ.

Въ настоящее время провозъ одного пуда говядины въ тушѣ на разстояніи 1.500 верстъ обходится въ 49 копеекъ безъ добавочныхъ расходовъ. Пудъ же говядины, доставленной въ живомъ скотѣ на такое же разстояніе, въ зависимости отъ средняго вѣса быка, равняется 1 руб. 25 коп.—1 руб. 50 коп. Съ доплатными же расходами на кормъ на скотопрогонныхъ дворахъ, на проводника, на уплату за убой скота на бойнѣ и принимая во вниманіе потерю вѣса живого скота въ пути (на 30 пудовъ потери отъ 50 до 140 фунтовъ),—провозъ одного пуда мяса обходится еще дороже.

Если же принять во вниманіе, что на западно-сибирскихъ бойняхъ, въ Бійскѣ, а особенно въ Петропавловскѣ, скопленіе скота какъ мѣстнаго, такъ и главнымъ образомъ монгольскаго происходитъ преимущественно осенью и что весь онъ въ теченіе двухъ—трехъ мѣсяцевъ убивается и развозится по мѣстамъ, переполняя рынки мясомъ и тѣмъ понижая его цѣну, иногда до двухъ рублей на пудѣ, что зимою, наоборотъ, повсемѣстно въ Сибири оказывается острый недостатокъ мяса и дороговизна его, что милліоны пудовъ монгольской цѣнной баранины идутъ ¹⁾ сейчасъ почти исключительно на вытапливаніе одного сала въ Бійскѣ и Новониколаевскѣ, не имѣя возможности быть переправленными на внутренніе потребительные рынки, что тысячи пудовъ сырья, въ видѣ кишекъ, остаются гнить въ Сибири на бойняхъ, другія тысячи пудовъ негодныхъ отбросовъ, въ видѣ каныги въ живомъ скотѣ, провозятся въ дальне-восточныя сибирскія области и въ Европейскую Россію по высокому тарифу, какъ то же самое мясо,—то острая нужда въ устройствѣ ряда холодильниковъ въ извѣстныхъ

¹⁾ Въ 1910 году австралійскій валухъ при 10 р. себѣ стоимости далъ въ среднемъ 18 фунтовъ сала и два пуда чистаго мяса, что оцѣнивается въ 11,5 р. овчина и отбросы 1,5 р.; такимъ образомъ каждый валухъ далъ по 30 процентовъ прибыли. Сибирскій же и монгольскій баранъ при пяти—шести рублевой себѣ стоимости даетъ при перетопкѣ его на сало послѣдняго до 30 фунтовъ. Слѣдовательно, пудъ сала обходится сибирскимъ салогонщикамъ, оцѣнивая овчину и отбросы въ 1 р., до 5 р. 25 к.,—6 р. 75 к., т.е. на затраченный капиталъ даетъ лишь 12 процентовъ.

пунктахъ Восточной и Западной Сибири и созданіи спеціального парка рефрижераторныхъ вагоновъ станетъ еще очевиднѣе.

Центры русской скотопромышленности—юго-восточныя и западно-сибирскія степи—въ проектѣ уже введены въ цѣль холодильныхъ предпріятій, при чемъ намѣчена постройка холодильниковъ въ Астрахани, Оренбургѣ, Курганѣ, Омскѣ, Петропавловскѣ, Ново-Николаевскѣ и Барнаулѣ. Устройство холодильниковъ въ Бійскѣ, Иркутскѣ и Кяхтѣ поставитъ въ связь и монгольское скотоводство съ рынкомъ русскихъ городовъ, чѣмъ придастъ этой отрасли еще болѣе важное значеніе въ торговомъ оборотѣ Монголіи съ Россіей и то значеніе, которое должно теперь играть правильно организованное промышленное скотоводство

Русская предпримчивость и инициатива до сихъ поръ не были направлены на оборудованіе холодильнаго дѣла въ Россіи, почему оно монополизировано иностранными предпринимателями, ведущими свои предпріятія въ ущербъ интересамъ русскихъ скотоводовъ, скотопромышленниковъ и потребителей. Въ Сибири хозяевами скотопромышленности оказываются въ настоящее время тоже иностранцы. И если инертность русской инициативы и предпримчивости не будетъ нарушена живою дѣятельностью по завоеванію монгольскаго скотскаго рынка, то иностранные капиталисты, дѣятельно изучающіе Монголію, сами откроютъ холодильники въ Зайсанѣ, Бійскѣ и Кяхтѣ и явятся такимъ образомъ хозяевами по снабженію огромнымъ количествомъ скота не только рынковъ Восточной и Западной Сибири, но и Европейской Россіи.

Такимъ образомъ, скорѣйшее урегулированіе монгольской скотопромышленности при дѣятельномъ содѣйствіи русскаго правительства есть вопросъ чрезвычайной важности. Благопріятное разрѣшеніе его не только поставитъ мясное дѣло въ Сибири въ рамки строгаго соотвѣтствія предложенія со спросомъ и обезпечитъ русскому предпринимателю опредѣленный процентъ на его затраты, но дастъ сильный толчекъ къ развитію экспорта продуктовъ животноводства изъ Западной и Средней Сибири какъ на наши дальневосточныя окраины и столичные рынки Европейской Россіи, такъ и на рынки заграничныя.

Съ другой стороны, урегулированіе скотопромышленности въ самой Монголіи быстро отразится на ея экономическомъ развитіи, подниметъ ея покупную способность и расширитъ рынки сбыта фабричныхъ и заводскихъ издѣлій, что обратитъ въ свою пользу русскіе капиталисты могутъ опять-таки только при условіи удержанія въ своихъ рукахъ экспорта монгольскаго скота и сырья. *И. М. Морозовъ.*

Торговля въ Монголіи.

Торговля въ Монголіи начинается выходить изъ своихъ прежнихъ вѣками сложившихся формъ мѣнового характера.

Послѣднее десятилѣтіе, за которое въ Монголію стали проникать представители американскаго и европейскаго капитала, въ лицѣ скупщиковъ сырья и скота, внесло многія измѣненія въ экономическую жизнь этой первобытной страны.

Въ разныхъ мѣстахъ наблюдается разновидность расчетовъ за товаръ и трудъ. На-ряду съ уплатой товаромъ имѣютъ хожденіе слитки серебра, китайскіе доллары и кредитные билеты и россійскія серебряныя и бумажныя деньги.

Въ этомъ процессѣ играютъ главную роль торговые центры: Урга, Калганъ, Куку-хото, Улясутай и др.,—такъ какъ здѣсь сосредоточились скупщики шерсти, звѣриныхъ шкуръ и скота.

Вся торговля Монголіи, какъ ввозная, такъ и вывозная, находится въ рукахъ китайскихъ и русскихъ купцовъ. Какъ извѣстно, для подданныхъ иностранныхъ державъ, кромѣ Россіи, Монголія закрыта.

Наше купечество, помимо прочихъ льготъ, обусловленныхъ договоромъ съ Китаемъ, имѣетъ капитальную привилегію торговать безпошлинно и безликійно всѣми товарами, привозимыми въ Монголію по сухопутной границѣ. Однако одинъ численный подсчетъ оперирующихъ въ странѣ русскихъ и китайскихъ фирмъ показываетъ рѣшительный перевѣсъ послѣднихъ. Такъ, въ Ургѣ на 100 китайскихъ—10 русскихъ, въ Улясутаѣ на 85—5, въ Кобдо на 65—7, въ Ванкурень на 30—3, въ Заиншаби на 12—4, въ Калганѣ на 42—1 и т. д.

Въ отношеніи оборота китайскія фирмы также сильно опередили насъ, и въ то время, какъ ихъ обороты исчисляются милліонами, обороты нашихъ купцовъ остаются далеко позади. Русскія фирмы проводятъ немало товару, покупаемаго у китайцевъ, и много сырья, уходящаго въ Россію, скупается опять-таки у китайцевъ.

Что же представляютъ изъ себя оба торгующіе въ Монголіи конкуренты?

Изъ нѣсколькихъ сотъ китайскихъ фирмъ насчитывается около 30 крупныхъ домовъ, имѣющихъ свои отдѣленія во всѣхъ перечисленныхъ пунктахъ. Это—оптовики, часто находящіеся въ командитныхъ отношеніяхъ съ иностранными фирмами Шанхая и Тяньцзина. Въ операціи ихъ входитъ также скупка сырья и банковское дѣло.

Такимъ образомъ, вся страна покрыта мощной организаціей, дающей возможность среднему китайскому купцу имѣть изъ крупнаго оптоваго склада по сходной цѣнѣ товаръ для продажи, сбыть сырье и пользоваться кредитомъ. Послѣдній также возможенъ и въ отдѣленіяхъ правительственнаго банка, при чемъ, какъ выяснено, условія кредита какъ въ банкѣ, такъ и участныхъ конторъ, не тяжелы. Китайскій купецъ имѣетъ деньги изъ 8—12% годовыхъ. Общій уровень китайскаго купечества, организованнаго издавна въ гильдіи, способствуетъ солидарности въ ихъ средѣ, что видно изъ совмѣстныхъ выступленій на рынкѣ въ качествѣ либо покупателей, либо продавцевъ. Когда китайцамъ нуженъ русскій товаръ, они покупаютъ его сообща цѣлыми группами, имѣя возможность, въ виду значительности партіи, предъявлять его въ возврату пошлины и снятію акциза. Въ продажѣ предметовъ первой необходимости монгола — бумажныхъ тканей — уровень цѣнъ также регулируется сообща.

Въ успѣхахъ китайской торговли есть большая доля заслуги и правительственной власти. Въ странѣ безъ правильной юстиціи, съ сильно развитой долговой системой, необходима помощь власти для взысканія долговъ, и эту помощь китайскій купецъ получаетъ всегда и въ полной мѣрѣ.

Положеніе же нашихъ купцовъ можно охарактеризовать просто: всего вышесказаннаго они не имѣютъ или имѣютъ въ самой уродливой формѣ.

Разсѣянные по Монголіи небольшими группами, они не имѣютъ никакой общественной организаціи и поэтому не могутъ импонировать провинціальнымъ властямъ, стремящимся на каждомъ шагу чинить имъ затрудненія.

Мало интеллигентные въ торговомъ смыслѣ, они поставили свое дѣло на явно маклачeskихъ пріемахъ, которые рано или поздно должны были дать свои отрицательные результаты.

Система долгового закабаленія, практикуемая китайцами, также далека отъ добропорядочности, но она съ внѣшней стороны не столь отталкивающая, какъ та, при которой долгъ взыскивается нѣсколько разъ: вмѣсто ста рублей отыскивается 1,000 и т. д. Архивъ нашей дипломатической миссіи въ Пекинѣ обладаетъ матеріалами, ярко иллюстрирующими такіе нравы нашихъ культуртрегеровъ.

Отношенія между крупными и мелкими русскими торгующими столь же безотрадны. Немало мелкихъ торговцевъ работаетъ всю жизнь въ

тяжелыхъ условіяхъ на господъ, сидящихъ въ Бійскѣ или другихъ мѣстахъ.

Дѣятельность въ Монголіи Русско-Китайскаго банка, направленная, очевидно, на ложный путь (банкъ теперь уже ликвидировалъ тамъ свои операціи), не спасла нашего торговца отъ цѣпкихъ рукъ своего богатаго благотворителя, благодѣянія котораго выражаются въ такихъ прилизительно формахъ.

Назовемъ оптовщика *Бійскъ*, а непосредственно работающаго въ Монголіи—*Улясутай*. Улясутай нуждается въ товарѣ для продажи и мѣны на сырье и въ серебрѣ. Бійскъ идетъ навстрѣчу, даетъ то и другое съ обязательствомъ, что собранное сырье будетъ сдано только ему. Товаръ и серебро отпускаются по цѣнамъ, столь драконовски исчисленнымъ и съ начетомъ процентовъ изъ 20 годовыхъ, что становится непонятнымъ, какъ люди все-таки оборачиваются. О томъ, что здѣсь не можетъ быть успѣшной борьбы съ китайцемъ, конечно, нѣтъ и рѣчи.

Вотъ образецъ:

Верблюжье сукно разныхъ цвѣтовъ, обходившееся съ доставкой на мѣстѣ 1 р. 25 к. аршинъ, отпускается по 1 р. 60 к., т.-е. съ надбавкой 30%, бязь цвѣтная Шибаета 13 к. отпускается по 18 к., т.-е. съ надбавкой почти 40%, чугунная азіатская чаша въ одинъ пудъ, стоящая съ провозомъ 2 р. 80 к., идетъ въ счетъ за 4 р., надбавка 45%, ножницы для стрижки овецъ, стоящія 30 к., идутъ въ счетъ за 45 к.—надбавка 50%, мѣдный тазъ въ 60 к. считается въ 80 к.—надбавка 33%, серебро въ то время, когда курсъ на него былъ 1 р. 28 к.—ланъ, считалось въ 1 р. 60 к. и даже въ 1 р. 70 к.

Принимая во вниманіе, что привозимое сырье обыкновенно принимается по расцѣнкѣ въ обратной пропорціи, Улясутай и долженъ верблюжье сукно продовать по 2 р., бязь по 20 к., чашу за 6 р., ножницы за 80 к., тазъ за 1 р., т.-е. съ разницей противъ нормальныхъ цѣнъ отъ 50 до 150%. При такихъ условіяхъ приходится, конечно, прибѣгать и къ обмѣру и обвѣсу монгола, что, конечно, отражается на всемъ, и на рвеніи нашего консула при взысканіяхъ, и на репутаціи той части купечества, которое ведетъ дѣла правильно.

Такое положеніе оторвало отъ насъ нашъ естественный рынокъ—Западную Монголію, такъ какъ оборотъ русскихъ товаровъ въ Улясутаѣ, въ Кобдо, Ванъ-Курени, Заиншаби и др. мѣстахъ нельзя не называть мизернымъ.

Между тѣмъ, отдаленность этого района отъ Калгана и Куко-хото

должна была бы поставить насъ здѣсь въ лучшее положеніе, чѣмъ китайцевъ.

По старому чайному тракту Калганъ—Урга фрахтъ верблюда обходится до 15 ланъ, тогда какъ на Улясутай и западнѣе до 22 ланъ, между тѣмъ наши торгующіе въ Ургѣ все-же работаютъ однимъ русскимъ товаромъ, найдете его вы и у китайцевъ, а на западѣ русскіе прибѣгаютъ къ покупкѣ для перепродажи иностраннаго товара у китайцевъ и больше смотрятъ на себя какъ на скупщиковъ.

Теперь вывозъ въ Россію сильно увеличился, вѣрнѣе сказать провозъ по Россіи, такъ какъ главныя статьи монгольскаго вывоза—шерсть и сурокъ—слѣдуютъ черезъ Россію транзитомъ: шерсть—въ Америку и Англию, а шкурки въ Германію, и только незначительная часть остается въ Россіи.

Стѣсненія карантиннаго характера способствуютъ отвлеченію сырья въ большемъ количествѣ на югъ. Остается пожалѣть какъ объ этомъ, такъ и о томъ, что на мѣстахъ нѣтъ ни кредитныхъ учрежденій, ни предпріятій, которыя содѣйствовали бы сосредоточенію всѣхъ этихъ комиссіонныхъ операцій въ рукахъ русскаго купечества.

Обратимся теперь къ Монголіи, какъ рынку.

Населеніе въ Монголіи невелико. За отсутствіемъ статистики приходится принять на вѣру приблизительное опредѣленіе въ 3 милліона.

Это кочевое населеніе съ минимальными потребностями, будучи распылено по огромной территоріи, при совершенно первобытныхъ путяхъ сообщенія, естественно, не создаетъ рынка большой емкости.

Бюджетъ средняго монгола не поддается учету, но общая картина монгольскаго хозяйства рисуется далеко не въ цвѣтующемъ видѣ.

Ресурсы монгола состояются изъ доходовъ по скотоводству, охотѣ и извозному промыслу. Главная статья—скотоводство—за послѣдніе годы замѣтно падаетъ, такъ какъ, помимо зимней безкормицы, усилились чумныя эпидеміи на скоть. Очень часто въ хозяйствѣ, насчитывающемъ значительное количество овецъ и коровъ, нѣтъ молока—этой основы питанія монгола.

Извозный промыселъ, ранѣе процвѣтавшій въ Монголіи, сводится съ паденіемъ чайнаго транзита къ незначительному въ сущности грузообмѣну. Охота преимущественно ведется на сурка и лисицу, но, съ поднятіемъ цѣнъ, увеличилось хищничество, и звѣрь безпощадно выбивается во всякое время года, что, конечно, ведетъ къ постепенному паденію промысла.

Съ другой стороны налоговое бремя увеличивается. Въ этомъ отношеніи князья не отстаютъ отъ центрального правительства, и добрая половина дохода монгола уходитъ на повинности.

Понятно, что при такихъ условіяхъ монголь является покупателемъ преимущественно дешеваго товара.

Вкусъ его незатѣйливъ, однообразенъ, и единственное требованіе, которое предъявляетъ къ товару монголь, это—прочность, но и то вслѣдствіе экономическихъ причинъ часто принужденъ онъ покупать завѣдомо плохой товаръ изъ-за дешевой, доступной ему цѣны.

Качество нашихъ товаровъ хорошо извѣстно рѣшительно всѣмъ на Дальнемъ Востокѣ благодаря тому времени, когда онъ шелъ въ Монголію какъ плата за транспортъ чая; каждый монголь отличить русскій товаръ отъ всякаго другого и гордится имъ, если имѣетъ. Это—хорошій моральный фундаментъ для работы, но все-таки онъ не создаетъ намъ изъ Монголіи крупнаго покупателя, даже въ связи съ такою привилегіей, какъ беспошлинная торговля.

Разсматривая статьи ввоза въ Монголію, мы видимъ, что главная потребность населенія, удовлетворяемая извнѣ,—хлопчатобумажныя ткани. За 1909 г. изъ Калгана въ Ургу, т.-е. только по одному тракту, прослѣдовало 256,400 20-тиярдовыхъ кусковъ, на сумму около 1.400,000 р. Это количество падаетъ исключительно на далембу и цуямбу—сорта иностранной дрилли и бязи, окрашиваемой въ Китаѣ.

Этой тканью очень дешевой—отъ 12 до 18 к. аршинъ—удовлетворяется главная потребность монгола въ плательномъ товарѣ. Изъ него шьется незатѣйливый халатъ монгола и монголки, штаны, шуба и даже бѣлье, у кого оно есть.

Товаръ этотъ, ввозимый въ Китай въ огромныхъ количествахъ, составляетъ предметъ ожесточенной конкуренціи между собою Америки, Японіи и Англии, при чемъ за послѣднее десятилѣтіе Японія завоевала себѣ въ этомъ ввозѣ крупное мѣсто благодаря главнымъ образомъ дешевизнѣ своего суровья и близости къ рынку.

Таможенная статистика Тяньцзинскаго порта, обслуживающаго не только всю Монголію, но и сѣверныя китайскія провинціи Чжили, Шанси, Шенси и Кансу, ярко рисуетъ ожесточенную борьбу иностранныхъ державъ за этотъ рынокъ.

Съ очень скромной цифры ввоза въ 1900 году Японія постепенно увеличивала свой оборотъ, и за 1909 годъ мы уже видимъ, что изъ общаго ввоза, напр., дрилли, т.-е. суровой далембы, на ея долю приходится 55%.

Окрашиваемая въ Китаѣ кустарнымъ образомъ, эти ткани не отличаются прочностью красокъ, въ смыслѣ аппретуры оставляютъ желать многого, но дешевизна товара все побѣждаетъ, и товаръ идетъ волной и, можно сказать, одѣваетъ рѣшительно всю Монголію.

Принятая въ портахъ Китая система аукціоновъ, на которыхъ реализуются громадныя партіи бумажнаго товара, способствуетъ тому, что цѣны на нихъ варьируются въ соотвѣтствіи съ хлопковымъ рынкомъ и съ запасами готоваго товара въ странѣ. Развита также въ широкихъ размѣрахъ спекуляція, часто выбрасывающая товаръ на рынокъ по баснословнымъ цѣнамъ, лишь бы выгрузить пароходъ и т. п.

На очередномъ аукціонѣ 15-го сентября сего года въ Шанхаѣ было реализовано 11,575 40-ярдовыхъ кусковъ суроваго шертинга разнаго вѣса по цѣнамъ отъ 2 р. 75 к. до 6 р. 25 к. за кусокъ (безъ пошлины падающей въ размѣрѣ $4\frac{0}{10}$), т.-е. за аршинъ отъ $5\frac{1}{2}$ коп. до 12 коп., иными словами, дешевле, чѣмъ въ самой Россіи.

Сравнимъ теперь фрахты, положимъ, къ Ургѣ со стороны Россіи и съ юга. Самый дорогой морской фрахтъ къ Тяньцзину со стороны иностранныхъ державъ 70 коп. съ пуда. Желѣзнодорожный провозъ Тяньцзинь—Калганъ обходится 55 коп., Калганъ—Урга караванный путь въ среднемъ 1 р. 25 к., т.-е. всего до Урги 2 р. 50 к. пудъ.

При отправкѣ изъ Москвы тарифъ до Верхнеудинска обходится въ 2 р. 55 к. съ пуда, Верхнеудинскъ—Кяхта—считаемъ минимальный рѣчной фрахтъ—25 коп., Кяхта—Урга караванный путь—40 коп; получаемъ 3 р. 20 к.

Такимъ образомъ, естественная граница Гоби рѣшительно не содѣйствуетъ нашему преобладанію, такъ какъ отправить изъ Тяньцзина въ Ургу стоитъ на 70 коп. на пудъ дешевле, чѣмъ туда же изъ центра Россіи.

Усилившееся развитіе морскихъ портовъ, а также искусственный подъемъ оборота Тяньцзина вызвалъ усиленный стокъ товаровъ въ Монголію, опрокинувшей нашу торговлю, въ особенности съ паденіемъ цѣнъ на серебро.

При томъ же прогрессія цѣнъ въ Россіи за послѣдніе два года совпала съ тяжелымъ кризисомъ въ Шанхаѣ и Тяньцзинѣ, имѣвшими огромные запасы непроданныхъ товаровъ.

Набивной бумажный товаръ имѣетъ очень ограниченный сбытъ и поэтому особаго значенія пока не имѣетъ. Вопросъ съ сукномъ, имѣвшимъ когда-то огромный спросъ въ Монголіи, стоитъ въ нѣсколько иномъ положеніи.

Прежній нашъ большой вывозъ сюда не оставался всецѣло въ Монголіи. Товаръ этотъ, полученный въ большинствѣ случаевъ за провозъ чая, стекался въ Калганъ и отсюда проникалъ внутрь Китая, такъ какъ Калганъ издавна служилъ для Китая распредѣлителемъ русскихъ товаровъ, и сюда съѣзжались купцы изъ сѣверныхъ провинцій. Нынѣ—опять-таки вслѣдствіе развитія портовой торговли,—Калганъ потерялъ большую часть своего значенія, и теперь онъ далеко не играетъ прежней своей роли, а больше служитъ транзитнымъ пунктомъ, будучи конечной станціей рельсоваго пути Тяньцзинь—Фынтай—Калганъ.

Такіе пункты, какъ Куко-хото, обслуживающій Тибетъ, Шингьянскій край и часть западной Монголіи, имѣютъ теперь непосредственныя связи съ Тяньцзиномъ и Шанхаемъ, и только часть товаровъ закупается въ Калганѣ, гдѣ оптовые склады постепенно уменьшаются, обслуживая теперь только часть Монголіи и Чжилійской провинціи.

Такимъ образомъ, тонкія сукна, шедшія собственно въ Китай, потерявъ Калганъ, дальше не прошли, такъ какъ въ портахъ не могли выдержать конкуренціи германскаго сукна—правда, меньшей добротности, но болѣе дешеваго: на 30—40%.

На долю Монголіи остаются наши грубая, армейскія сукна, цѣною не дороже 1 рубль,—1 р. 25 к. аршинъ, идущія на дождевики и находящія себѣ сбытъ до сего времени,—правда, въ меньшихъ количествахъ,—такъ что если въ Китаѣ наше сукно вытѣснено дешевымъ нѣмецкимъ товаромъ, то въ Монголіи оно, не встрѣчая конкурентнаго товара,—находитъ себѣ препятствіе только въ понизившейся покупательской способности населенія.

Большая статья импорта въ Монголію—кирпичный чай. Китайское правительство съ цѣлью удержанія этого дѣла въ рукахъ своего торговаго класса создало специально для Монголіи особый родъ откупа, отдавъ его въ эксплуатацію группы капиталистовъ, состоящей изъ чайныхъ фабрикантовъ, купцовъ и бюрократіи.

Изъ Калгана вышло въ Монголію за 1909 годъ 165,000 ящиковъ кирпичнаго чая, такъ-называемаго „Дзузана“, всего на сумму 2.100,000 рублей. Распространены два сорта—Тунда и Цидо въ ящикахъ по 24, 27, 36 и 39 кирпичей.

Вслѣдствіе такой монополіи русскіе фабриканты въ Ханькоу лишены возможности продавать въ Монголіи свои чаи.

Выдѣланная кожа—юфть—имѣетъ въ Монголіи солидный спросъ удовлетворяемый всецѣло русскимъ товаромъ. Черезъ Кяхту и Кошъ-Агачъ прошло въ 1909 году на 300,000 рублей юфти, при чемъ большая

часть проходить на югъ, откуда опять возвращается въ Монголію въ видѣ обуви, чепраковъ и другихъ издѣлій.

Остальные товары расходятся въ Монголіи въ незначительныхъ количествахъ вслѣдствіе слабыхъ потребностей населенія. Сахаръ, мыло, спички, керосинъ,—все это только прививается, и многое говоритъ за то, что мы сможемъ современемъ рассчитывать на нѣкоторый оборотъ.

Мѣдныя издѣлія въ Монголіи имѣютъ распространеніе въ видѣ предметовъ хозяйства: тазовъ, чайниковъ, кувшиновъ, и какъ предметы культа. Больше всего идутъ китайскія кустарныя издѣлія изъ Далай-Нора и Калгана. Работаются изъ мѣди, привозимой изъ Юнанской провинціи, и частью изъ заграничной листовой мѣди. Товаръ этотъ продается по сходнымъ для монгола цѣнамъ вслѣдствіе дешевизны рабочихъ рукъ въ Китаѣ. Изъ русскихъ издѣлій идутъ почти только тазы благодаря своему высокому качеству.

Характеризуя все положеніе нашего дѣла въ Монголіи, приходится сказать, что въ предметахъ крупнаго ввоза мы отстаемъ по всей линіи отъ нашихъ конкурентовъ, оперирующихъ съ юга.

Съ одной стороны стоитъ купечество, сильное своей организаціей и связями, богатое и располагающее товаромъ, вполне приспособленнымъ къ монгольскому покупателю, а съ другой—купечество разбросанное и разрозненное съ ассортиментомъ товаровъ, находящимъ небольшой кругъ болѣе или менѣе состоятельныхъ покупателей, постепенно все сокращающійся.

Хотя мы и имѣемъ желѣзнодорожный путь почти вдоль всей монгольской границы, намъ-все же провозъ въ Монголію стоитъ дороже, чѣмъ конкурентамъ, везущимъ свои товары караванами по 1000—1500 верстъ.

Остается пожелать, чтобы вниманіе къ Монголіи со стороны русскихъ правительственныхъ и промышленныхъ круговъ, вызванное перетасовкой политическихъ вліяній на Дальнемъ Востокѣ, вылилось въ жизни въ мѣропріятія и торговую самостоятельность, которыя, закрѣпивъ занимаемое тамъ положеніе, дали бы возможность русскому дѣлу двинуться впередъ и если не вернуть рынокъ цѣликомъ, то по крайней мѣрѣ занять на немъ подобающее намъ мѣсто.

С. Вильгузъ.

Вывозъ въ Монголію мануфактурныхъ товаровъ.

Исторія русской торговли въ Монголіи можетъ быть раздѣлена на два совершенно различныхъ между собой періода; первый—когда русскіе купцы привозили съ собой въ Монголію товары и вымѣнивали ихъ на китайское серебро или, позднѣе, на монгольское сырье; второй—когда обмѣнъ на товары уступилъ мѣсто покупкѣ сырья, главнымъ образомъ на деньги и за наличный расчетъ, при чемъ торговля товарами отступила на второе мѣсто. Съ этимъ вторымъ періодомъ совпадаетъ увеличеніе ввоза въ Монголію англійскихъ, американскихъ и японскихъ товаровъ дешеваго производства, которые постепенно вытѣсняють съ монгольскаго рынка русскіе товары. Проводниками иностранныхъ товаровъ явились тѣ же китайскіе купцы, которые раньше торговали русскими мануфактурами, металлическими и другими издѣліями.

Официальныя данныя изъ обзоровъ внѣшней торговли Россіи позволяютъ установить характеръ движенія русскихъ товаровъ въ Монголію лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, не выдѣляя сортовъ известнаго рода товаровъ, и, въ лучшемъ случаѣ, даютъ приблизительныя отношенія между вывозомъ каждаго года, такъ какъ далеко не отличаются точностью. Поскольку оказалось возможнымъ, эти данныя были дополнены изслѣдованіями экспедиціи путемъ собесѣдованій съ мѣстными русскими и китайскими купцами, разспросами монголовъ и почерпнуты изъ собственнаго опыта торговли, въ Ургѣ и по дорогѣ, привезенными съ собой изъ Москвы товарами. Въ Ургѣ лавка экспедиціи успѣшно производила торговлю въ теченіе двухъ недѣль.

На первомъ мѣстѣ вывоза русскихъ товаровъ въ Монголію безспорно стоятъ хлопчатобумажныя ткани. Бумажными матеріями Россія торговала съ Китаемъ въ продолженіе почти двухъ столѣтій, и торговля сношенія обоихъ государствъ регулировались трактатами и договорами. Когда была установлена наша граница съ Китаемъ у Кяхты и, по выраженію русско-китайскаго трактата 1727 года, „туть учреждено мѣсто купечества обоихъ государствъ“,—въ это время бумажные товары: даба, бязь и китайки, шли изъ Китая въ Россію. Извѣстія о торговлѣ того времени мы находимъ въ статистикѣ и въ описаніяхъ современныхъ авторовъ. Напр., съ 1755 г. по 1762 г. изъ Китая было получено 70.000 концовъ дабы и 180.000 тюней¹⁾ китайки²⁾. А въ

¹⁾ Одинъ тюнь равенъ 10 кускамъ.

²⁾ Мнѣніе постоянной депутаціи Московскихъ купеческихъ съѣздовъ. Москва 1865.

„Описаніи о сибирскихъ торгахъ“, сочиненіи половины XVIII вѣка, читаемъ и описаніе этихъ тканей. На стр. 389: „На границѣ при Кяхтѣ мало про то (серебряныя ланы) слышатъ, потому что тамъ иной товаръ служитъ всему торгу къ основанію, и онымъ всѣмъ прочимъ товарамъ цѣна означивается. Сей то есть бумажное полотно, что мы китайкою называемъ. Разумѣется здѣсь ординарная, или простая китайка, которая по-русски называется тюневая“.

На стр. 397: „Что надлежитъ до бумажныхъ матерій, то получается изъ Китая кромѣ вышепомянутой китайки еще и Даба. Даба есть не токмо бѣлая, но и синяя. Бѣлой продается кусокъ по 70, а синей по 80 копѣекъ“¹⁾.

Но уже начиная съ 1820 года ни китайки, ни дабы къ намъ изъ Китая не шло, а наоборотъ мы стали вывозить въ Китай наши хлопчатобумажныя ткани:

въ 1822 г.	на	2.030 руб.
„ 1828 г.	„	67.500 „
„ 1831 г.	„	242.117 „

Въ районѣ, захваченномъ изслѣдованіями московской экспедиціи, картина вывоза хлопчатобумажныхъ тканей изъ Россіи въ Монголію представляется въ слѣдующемъ видѣ (въ пудахъ):

	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
Зайсанская там.	8.005	11.046	10.340	9.275
Кяхтинская „	14.863	6.988	3.331	3.115
Кошагачская „	4.014	4.178	2.282	1.585
Усинская „	1.473	2.890	1.090	2.002

Замѣтное паденіе ввоза русскихъ товаровъ отмѣчается по таможеннымъ Кяхтинской и Кошъ-Агачской, въ то время какъ по Зайсанской и Усинской наблюдается даже нѣкоторое увеличеніе его. По даннымъ изъ бюллетеней справочной части по внѣшней торговлѣ (2—7 іюля 1910 г.), вообще вывозъ мануфактурныхъ товаровъ изъ Россіи въ Монголію упалъ съ 717 тыс. рублей въ 1907 г. до 340 тыс. рублей въ 1910 г. По свѣдѣніямъ русскаго консульства въ Улясутаѣ, ввозъ русской мануфактуры въ этотъ городъ за послѣднее время неуклонно падалъ, и цѣнность ввезенныхъ мануфактурныхъ товаровъ съ 223 тыс. рублей въ 1907 г. понизилась до 77 тыс. рублей въ 1910 году. По Кошъ-Агачской таможнѣ вывозъ хлопчатобумажныхъ тканей постепенно

1) „Описаніе о сибирскихъ торгахъ“. С.-ПБ. 1756.

повышался до 1907 года и затѣмъ рѣзко понизился, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

годы	стоимость въ рубляхъ			
	вѣсь въ пудахъ	съ возвратомъ пошлинь	безъ возврата пошлинь	сумма
1906	4.014	124.995	47.362	172.357
1907	4.178	146.878	51.323	198.201
1908	2.282	87.891	35.181	123.072
1909	1.585	48.358	31.397	79.755

Изъ хлопчатобумажныхъ тканей въ Монголію идутъ слѣдующіе сорта:

Далемба. Бумажная ткань, 16 вершковъ, грубой выработки. Складывается въ куски по 8 амъ (ама—квадратъ со сторонами въ 16 вершковъ). Идетъ на изготовленіе халатовъ.

Далемба привозится въ суровомъ видѣ изъ Америки и Англій въ Китай и тамъ окрашивается въ китайскихъ красильняхъ Калгана, Пекина и другихъ городовъ. По рассказамъ самихъ китайцевъ, окраска производится ручнымъ способомъ, вслѣдствіе чего цвѣтъ получается неровный, непрочный и грязнаго вида, а сама ткань грубѣетъ. Далемба китайской окраски въ сравненіи съ далембой Морозовскихъ фабрикъ, имѣющей тонкую, шелковистую отдѣлку, выглядит толще и плотнѣе. Въ Монголію идетъ далемба большей частью калганской окраски, такъ какъ при доставкѣ ликиннй сборъ взимается только одинъ разъ.

Далемба окрашивается въ желтый, красный и кубовый цвѣта. Покупателями первыхъ двухъ являются ламы; далемба кубовой окраски, составляющая приблизительно $\frac{2}{3}$ всего количества, покупается остальными монголами. Цѣна на кусокъ колеблется между 1 р. 20 к. и 1 р. 50 к. въ зависимости отъ предложенія и курса на серебро. Въ Ургѣ американскую далембу (Drilla) въ суровомъ видѣ продаютъ по 15 коп. за аршинъ. Иностранная далемба вслѣдствіе своей дешевизны совершенно вытѣсняетъ далембу русскую. Т-во Второва въ Троицко-савскѣ продаетъ далембу издѣлія Т-ва Тверской М-ры по 2 р. 20 к. кусокъ 19 вершковъ 1-го сорта, 1 р. 80 к. кусокъ 17 вершковъ 2-го сорта (въ кускѣ 8 арш.).

Монголы предпочитаютъ далембу китайской окраски русской, находя первую прочнѣе въ носкѣ.

Цуямба. Суровая бязь 19 вершковъ; ткань грубой выработки англійскаго и американскаго производства. Идетъ на подкладку халатовъ и на бѣлье монголь. Американская цуямба (Sheeting) продается по

18 коп. ама. За кусокъ мѣрой въ 8 амъ цѣна колеблется между 1 р. 25 к. и 1 р. 60 коп.

По словамъ китайцевъ, цуямбу начали выдѣлывать въ Китаѣ, въ южныхъ провинціяхъ.

Даба. Очень грубая и рѣдкая бумажная ткань, крашеная и въ суровомъ видѣ, идетъ на бѣлье и подкладку для халатовъ. Цѣна ея колеблется между 90 коп. и 1 руб. за кусокъ. По словамъ одного торговца, въ 1910 г. въ Кобдо не хватало кубовой и суровой дабы. Иностранная даба вытѣсняетъ русскую своей дешевизной. Въ Кобдо одинъ купецъ говорилъ намъ: „Если бы покупная цѣна въ Бійскѣ за 10 кусковъ по 8 арш. дабы № 3 Морокина была 11 р. 50 к.—12 р., то она могла бы имѣть большой сбытъ, но въ Бійскѣ даба № 3 продается по цѣнѣ 17 р. за 10 кусковъ“.

Изъ разпросовъ экспедиціи во время путешествія выяснилось, что раньше шло много молескина, въ особенности фабрики Саввы Морозова, а такъ же бязи 15—8 цвѣтной съ начесомъ; но за послѣднее время эти товары проходятъ въ незначительномъ количествѣ. Многіе китайскіе купцы спрашивали бумажный плисъ и полубархатъ для себя и для продажи; эти сорта идутъ на оторочку халатовъ монголь.

Въ Ургѣ одна изъ крупнѣйшихъ русскихъ фирмъ въ Монголіи, т/д. Коковинъ и Басовъ сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія относительно сбыта русскихъ товаровъ:

Молескины въ настоящее время идутъ тихо; изъ цвѣтовъ наиболѣе требуютъ оливковый; затѣмъ идетъ желтый, бордо, зеленый, кубовой и пунцовый. Ситцы идутъ также тихо. Монголы избѣгаютъ ситцевъ съ черной расцвѣткой.

Имѣютъ спросъ: кретоны съ синей полоской; бязь 15—8 желтая съ начесомъ; миткаль бѣлый и цвѣтной покупается исключительно русскими и идетъ на бѣлье; сукна Андреева (по цѣнѣ 1 р. 25 к.) и фабрики Носова хорошо шли на халаты; есть требованія на плисъ и полубархатъ Морозова. Бязь суровая и отбѣльная не выдерживаютъ конкуренціи съ иностранной.

По свѣдѣніямъ фирмы Н. А. Зайцева, торгующей русскими товарами въ Монголіи, мануфактурные товары прибыли почти не даютъ, такъ какъ эта фирма продаетъ ихъ по московскимъ цѣнамъ, покрывая провозъ и расходы возвратомъ пошлины, а доходъ получается отъ продажи мѣдной и эмалированной посуды и другихъ издѣлій. У Н. А. Зайцева видѣли молескинъ Саввы Морозова, нѣсколько кусковъ ситца Т-ва Даниловской М-ры и сукно Бр. Носовыхъ.

По дорогѣ въ Заинь-Шаби мы останавливались у озера Учей-Норъ, гдѣ производитъ торговлю Я. П. Еринъ. Онъ жаловался на плохую торговлю, объясняя это тѣмъ, что русскіе скупщики сбили цѣны на сурка и на шерсть, покупая ихъ на серебро; теперь монголы охотнѣе продаютъ свое сырье на деньги, чѣмъ мѣняють на товаръ. Въ юртъ-магазинѣ Ерина мы видѣли молескинъ, миткаль цвѣтной, плись Морозова, красный ситецъ Коншина и Баранова, эмалированную посуду и желѣзные товары. Кромѣ русскихъ товаровъ Еринъ имѣетъ также иностранную далембу, цуямбу и чай.

Въ Заинь-Шаби русскіе мануфактурные товары имѣють т/д. Каковинъ и Басовъ, С. М. Нѣмчиновъ и Ивановъ. Послѣдній однако окончательно ликвидируетъ дѣло. Всѣ жалуются на совершенный упадокъ торговли русскими товарами, всѣ имѣють иностранную далембу и цуямбу, мѣняють ее на чай и на сурочки шкурки. Китайскіе купцы русскихъ товаровъ не имѣють.

Дальше на западъ, на рѣкѣ Дзакъ, экспедиція посѣтила шерстомойку К. Д. Кузнецова. У него было нѣсколько отрѣзовъ и кусковъ молескина, цвѣтной бязи и ситца; онъ торгуетъ также иностранной далембой и цуямбой. Здѣсь также монголы предпочитаютъ получать за свою шерсть серебро, а не товары. Въ долину Хобанъ, по рѣкѣ Шарасу, занимается скупкой шерсти и сурка А. Н. Хмылевъ. По его словамъ, онъ хорошо торгуетъ молескинами, бязью 15—8 цвѣтной и сукномъ; также имѣетъ иностранную далембу и цуямбу.

Въ Улясутаѣ изъ русскихъ фирмъ торгуютъ только двѣ: А. Г. Бодуновъ и І. Г. Игнатьевъ. Они торгуютъ молескинами, бязью 15 цвѣтной, ситцами, цвѣтными миткалями и сукнами. Все идетъ въ настоящее время въ значительно меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ раньше. Они также держатъ иностранную далембу, цуямбу и чай. По мнѣнію мѣстныхъ купцовъ, причины уменьшенія сбыта русскихъ товаровъ лежатъ въ слѣдующемъ. Цѣнность серебра сильно пала, а русскіе товары, наоборотъ, вздорожали; монгольскій же покупатель требуетъ на теперешній ланъ серебра прежнее количество товара. Напр., два аршина молескина стоили два цена, или на русскія деньги 50 коп., теперь два цена стоятъ всего 25 коп., а монголь требуетъ на нихъ все тѣ же два аршина молескина. Затѣмъ большое вліяніе оказало ухудшеніе качества товара. Вмѣсто прежнихъ товаровъ хорошей выработки, какъ, на примѣръ, Саввы Морозова, появились плохіе, непрочные товары, но цѣны остались тѣ же. Съ появленіемъ же иностранной далембы и цуямбы спросъ на русскіе товары сталъ падать. Сокращеніе сбыта товаровъ вызвано также обѣд-

неніемъ монголь, разоряемыхъ непосильными повинностями и налогами. Кромѣ того обмѣнъ монгольскаго сырья на товары постепенно замѣняется скупкой его на серебро.

Въ Кобдо русскими товарами торгуетъ А. И. Грѣховъ и, какъ онъ говоритъ, продаетъ въ годъ тысячъ на пятнадцать. Изъ русскихъ товаровъ онъ держитъ молескины, цвѣтную бязь съ начесомъ, миткаль, сукно, плисъ и полубархатъ. Онъ продаетъ также иностранную цуямбу, далембу и бязь. Р. И. Кузнецовъ свою торговлю ликвидируетъ, и мануфактурнаго товару у него осталось очень немного. По словамъ приказчика шерстемойки Пустовалова, расположенной на сѣверо-западъ отъ Кобдо на Боръ-Бургази, они проводятъ мануфактурнаго товара въ годъ приблизительно на пять тысячъ.

Сукно. Въ серединѣ прошлаго столѣтія на монгольскомъ и китайскомъ рынкахъ русскія сукна пользовались прочной и вполне заслуженной славой. Торговый опытъ, пріобрѣтенный русскими купцами и фабрикантами въ сношеніяхъ съ Монголіей и Китаемъ, позволилъ имъ приспособить качество и отдѣлку суконъ, вплоть до упаковки и своеобразнаго, золотомъ печатнаго этикета, ко вкусамъ ихъ дальневосточныхъ покупателей. Но уже начиная съ 80-хъ годовъ, или даже нѣсколько раньше, торговая статистика стала отмѣчать медленное, но неуклонное паденіе вывоза русскихъ суконъ въ Монголію и Китай. Съ одной стороны вліяло усиленіе конкуренціи иностранныхъ фабрикантовъ, преимущественно нѣмцевъ и англичанъ, которые вырабатывали не только сходное съ русскимъ по качеству сукно, но даже копировали въ точности внѣшнюю отдѣлку, фабричныя клейма и этикетки русскихъ фабрикантовъ. Съ другой—общее удорожаніе производства мануфактурныхъ товаровъ въ Россіи чрезвычайно затруднило имъ задачу конкуренціи на внѣшнихъ рынкахъ съ ихъ иностранными соперниками.

Интересныя статистическія данныя о провозѣ русскихъ суконъ черезъ Кяхту и о транзитѣ черезъ Россію иностранныхъ суконъ въ Монголію и Китай даютъ работы „Московскихъ купеческихъ съѣздовъ“ 1865 г. ¹⁾; мы находимъ тамъ слѣдующую таблицу провоза суконъ черезъ Кяхту:

¹⁾ „Мнѣніе постоянной депутаціи московскихъ купеческихъ съѣздовъ“. Москва, 1865 года.

Отпускалось въ Китай среднимъ числомъ въ годъ
шерстяныхъ товаровъ:

въ періоды	русскихъ		польскихъ и иностранныхъ.
	аршинъ	рублей	аршинъ
1762—1785	до 100.000	—	до 200.000
1801—1813	„ —	—	„ 500.000
1816	„ 174.246	—	„ 123.584
19	„ 90.423	—	„ 839.071
23	„ 19.711	—	„ 486.948
24	„ 97.398	—	„ 186.900
32	„ 493.720	—	„ 144.940
41	„ 1.550.477	3.337.163	„ —
51	„ 1.454.775	3.267.053	„ —
61	„ —	2.097.335	„ —
64	„ —	1.739.606	„ —

} не было

Въ 1816 г. всѣ иностранные мануфактурные товары были обложены высокой пошлиной, послѣдствіемъ чего было значительное уменьшеніе вывоза иностранныхъ суконъ транзитомъ черезъ Россію на Кяхту въ Монголію и Китай и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличеніе сбыта туда русскихъ шерстяныхъ товаровъ, которыхъ до того времени проходило весьма незначительное количество. Совершенно противное вліяніе произвела на сбытъ нашихъ шерстяныхъ товаровъ конвенція, заключенная съ Пруссіей въ 1817 г. относительно транзитнаго провоза черезъ Россію въ Китай силезскихъ суконъ, и тарифъ 1819 года, основанный на принципѣ свободной торговли. Вмѣсто 327 тыс. арш. русскаго сукна, отпущенныхъ въ 1817 г., сбытъ его упалъ въ 1823 г. до 19 тыс. аршинъ; напротивъ того, вывозъ черезъ Кяхту иностранныхъ суконъ вмѣсто 66 тыс. арш. въ 1817 году, увеличился въ 1819 г. до 839 тыс. аршинъ и въ 1821 до 855 тыс. арш. Ударъ, нанесенный русской мануфактурной промышленности тарифомъ 1819 г., несмотря на отмѣну его черезъ три года по введеніи, потребовалъ довольно продолжительнаго времени для уничтоженія его вредныхъ послѣдствій, и, судя по движенію русской торговли на Кяхтѣ, видно, что рѣшительный перевѣсъ отпуска русскихъ шерстяныхъ товаровъ надъ иностранными послѣдовалъ только въ 30-хъ годахъ, а совершенное прекращеніе вывоза черезъ Кяхту въ Китай иностранныхъ товаровъ—съ 1841 года.

Для характеристики дальнѣйшаго хода исторіи торговли русскими сукнами съ Монголіей и Китаемъ, мы имѣемъ возможность привести весьма цѣнные и интересныя данныя изъ торговыхъ оборотовъ Тор-

говаго Дома Анисимъ Тюляевъ съ С-ми съ обѣими названными странами. Приводимыя ниже свѣдѣнія начинаются 1866 годомъ, т.-е. непосредственно слѣдуютъ за помѣщенной выше таблицей, взятой изъ работъ „Московскихъ Купеческихъ Съѣздовъ“.

ВЫВОЗЪ вЪ КИТАЙ.
Мезирицкое сукно.

годы	куски	стоимость руб.	годы	куски	стоимость руб.
1866—67	18.593	1,427.226	1898— 99	1.768	117.699
1870—71	20.120	1,268.587	1899—900	519	40.253
1873—74	13.310	902.980	1900— 1	151	11.400
1876—77	9.270	582.910	1901— 2	218	15.305
1880—81	1.987	159.584	1902— 3	568	40.896
1881—82	10.100	736.200	1903— 4	977	70.344
1884—85	6.999	490.330	1904— 5	545	37.372
1890—91	6.301	378.654	1905— 6	1.302	98,581
1891—92	2.870	165.300	1906— 7	1.995	161.961
1892—93	1.445	94.335	1907— 8	379	30.746
1894—95	536	35.032	1908— 9	572	44.160
1895—96	2.565	164.840	1909— 10	170	13.270

Вывозъ вЪ Монголію и Среднюю Азію.
Азіатское и бухарское сукно.

	КУСКИ	СТОИМОСТЬ РУБ.		КУСКИ	СТОИМОСТЬ РУБ.
1867—68 . . .	3.065	72.525	1890—91 . . .	690	19.464
1868—69 . . .	2.410	52.441	1891—92 . . .	—	—
1869—70 . . .	1.127	23.472	1892—93 . . .	503	25.400
1870—71 . . .	2.832	57.173	1893—94 . . .	120	6.600
1871—72 . . .	4.370	88.335	1894—95 . . .	160	8.400
1872—73 . . .	4.471	122.482	1895—96 . . .	892	49.300
1873—74 . . .	6.056	134.234	1896—97 . . .	330	13.481
1874—75 . . .	1.870	38.207	1897—98 . . .	339	13.743
1875—76 . . .	1.020	22.800	1898—99 . . .	50	3.166
1876—77 . . .	207	6.867	1901—02 . . .	11	593
1887—88 . . .	420	23.400	1902—03 . . .	15	913
1888—89 . . .	760	40.802	1903—04 . . .	8	575
1889—90 . . .	503	28.758	1906—07 . . .	80	6.400

Вывозъ въ Монголію и Китай.
Карновое сукно.

	КУСКИ	СТОИМОСТЬ РУБ.
1871—72 . . .	700	33.600
1872—73 . . .	318	14.850
1873—74 . . .	2.250	89.100
1874—75 . . .	100	4.500
1875—76 . . .	100	4.500
1876—77 . . .	200	8.800
1880—81 . . .	700	42.000
1882—83 . . .	290	13.920

Сбытъ суконъ, вывозимыхъ т. д. А. Тюляевъ съ С-ми въ Монголію и Китай, около 80-хъ годовъ начинаетъ постепенно уменьшаться и послѣ нѣсколькихъ колебаній сходитъ до незначительнаго количества 200—500 кусковъ въ годъ за послѣднее трехлѣтіе противъ 18—20 тысячъ въ концѣ 60-хъ годовъ. Въ 1884 г. прекратился вывозъ въ Монголію карноваго сукна, въ 1908 г.—азиатскихъ и бухарскихъ сортовъ; въ 1910 г. было вывезено всего 170 кусковъ, на 13 тысячъ рублей. Это паденіе вывоза отчасти обязано конкуренціи заграничныхъ мануфактуръ дешеваго производства, отчасти же объясняется обѣднѣніемъ монголь.

За послѣднее время изъ русскихъ суконъ въ Монголіи идутъ сукна фабрикъ Злоказова и Андреева. Сукна Андреева, въ красныхъ цвѣтахъ, продаются приблизительно по 1 р. 25 коп. аршинъ. Ввозъ русскихъ шерстяныхъ тканей въ Монголію, въ захваченномъ изслѣдованіями Московской экспедиціи районѣ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Вывозъ шерстяныхъ тканей изъ Россіи въ Монголію

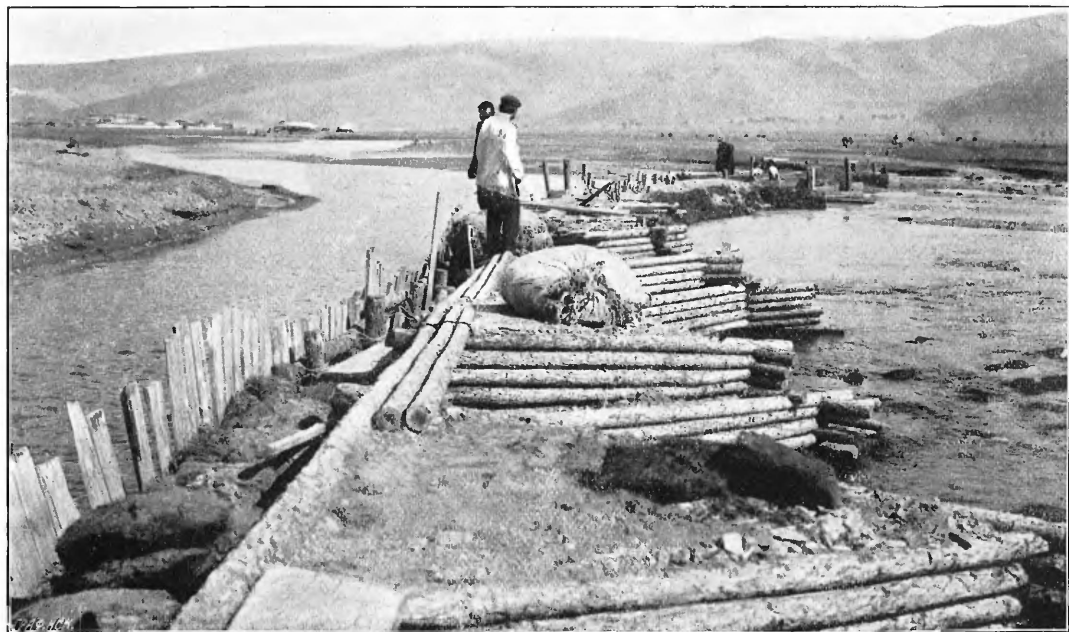
(въ пудахъ):

ТАМОЖНИ:	1906	1907	1908	1909
Кяхтинская . . .	972	—	16	—
Кошъ-Агачская .	498	617	326	193
Зайсанская . . .	—	10	9	—
Усинская	397	—	—	239

К. П. Колядовъ.

Мойка Коковина въ Ургѣ.

Устройство запруды для отвода воды изъ р. Толы на мойку Коковина въ Ургѣ.

Вывозъ въ Монголію металлическихъ издѣлій.

Благодаря постоянно возобновляющейся потребности каждаго отдѣльнаго хозяйства въ различной мѣдной и чугунной посудѣ, въ инструментахъ и пр., спросъ на металлическія издѣлія въ Монголіи поддерживается на постоянномъ, хотя и не высокомъ, уровнѣ. Въ каждомъ хозяйствѣ для кипяченія чая, для варки пищи требуется большой чугунный котель, который вмазывается въ очагъ. Сваренный въ котлѣ чай переливается въ мѣдный кувшинъ—домбу—посредствомъ большой, около 3-хъ вершковъ діаметромъ, разливательной мѣдной ложки. Однако, большому распространенію мѣдныхъ домбъ препятствуетъ ихъ высокая цѣна, поэтому часто онѣ изготовляются изъ дерева и только обтягиваются мѣдными обручами. Для кипяченія воды и чая употребляются также мѣдные чайники и тазы самой разнообразной формы; для варки пищи въ дорогѣ, на кочевкахъ, служатъ мѣдные котелки съ крышкой, которой пользуются вмѣсто тарелки или блюда для мяса. При переходахъ черезъ степи Гоби запасы воды перевозятся на верблюдахъ въ большихъ мѣдныхъ флягахъ емкостью около ведра.

Продажная цѣна мѣдной и латунной посуды въ Ургѣ колеблется между 40 и 60 рублями за пудъ въ зависимости отъ качества матеріала и работы.

Въ монгольскихъ юртахъ часто встрѣчается эмалированная посуда русскаго происхожденія. Когда она впервые появилась нѣсколько лѣтъ тому назадъ, монголы покупали ее очень охотно вслѣдствіе ея сравнительной дешевизны; но она оказалась мало пригодной при образѣ жизни и веденіи хозяйства монголовъ,—при кипяченіи прямо на огнѣ скоро портилась, во время перекочевокъ отъ толчковъ и ударовъ отскакивала эмаль, въ то время какъ мѣдная посуда только мялась. Теперь монголы снова переходятъ на мѣдную утварь. Кромѣ мѣдной и латунной посуды, въ Монголіи идутъ косы, лопаты, топоры, капканы для ловли животныхъ; иногда встрѣчаются крыши изъ листового желѣза.

Со стороны населенія и монастырей предъявляется большой спросъ на предметы религіознаго культа, различные сосуды и чаши, священные изображенія Будды и святыхъ; для богослужебныхъ обрядовъ монастыри приобрѣтаютъ мѣдныя трубы, достигающія 4—5 аршинъ длины, мѣдныя блюда и тарелки и другую утварь. Всѣ эти сосуды и священные изображенія изготовляются китайцами по опредѣленнымъ образцамъ, и украшающіе ихъ рисунки, должно быть, чеканятся руками. Но по

доставленнымъ образцамъ можно, конечно, выдѣлывать всѣ эти предметы культа въ Россіи и машиннымъ способомъ, какъ въ Англійи, напр., изготовляются изображенія Будды для индусовъ.

Слѣдующія таблицы показываютъ количество вывезенныхъ за послѣднее время изъ Россіи въ Монголію металлическихъ издѣлій по слѣдующимъ таможнямъ (въ пудахъ):

Желѣзныя издѣлія.

таможни:	1906	1907	1908	1909
Кошъ-Агачская	1.787	2.231	1.555	1.074
Зайсанская . .	1.057	443	338	477
Усинская . . .	784	1.851	2.700	2.900

Мѣдныя издѣлія.

Кошъ-Агачская	517	469	197	49
Зайсанская . .	37	48	28	59
Усинская . . .	44	145	269	250

Чугунныя издѣлія.

Кошъ-Агачская	1.194	925	855	387
Зайсанская . .	375	470	415	588
Усинская . . .	31	—	—	—

Л. И. Дрезмейеръ.

Вывозъ сырья изъ Монголіи.

Шерсть.

Первое мѣсто въ ряду продуктовъ скотоводческаго хозяйства монголовъ занимаетъ шерсть, являющаяся въ то же время и важнѣйшимъ предметомъ вывоза за границу. Вывозъ шерсти въ Россію по четыремъ таможеннымъ пунктамъ—черезъ Кяхту, Кошъ-Агачъ, Зайсанъ и Усинскую таможню на границѣ съ Урянхайскимъ краемъ—достигъ въ 1909 году 238 тысячъ пудовъ на сумму около 2 милліоновъ рублей по тогдашнимъ цѣнамъ.

Нижеслѣдующая таблица указываетъ мѣста, занимаемая въ вывозѣ въ Россію важнѣйшими предметами монгольской торговли: шерстью, мѣхами, кожами и овчинами за промежутокъ отъ 1906 по 1909 г. по даннымъ четырехъ названныхъ выше пограничныхъ пунктовъ:

ВЪ ПУДАХЪ:

годы	ШЕРСТЬ	овчины	ПУШНИНА	кожи
1906	169.130	17.518	14.674	13.436
1907	196.934	34.657	13.493	33.348
1908	192.925	48.074	24.166	28.391
1909	238.139	57.097	37.470	57.861

Изъ приведенной таблицы ясно, какую важную роль въ вывозѣ изъ Монголіи въ Россію играетъ сырье и въ особенности шерсть, главную массу которой составляетъ баранья и верблюжья. Козья шерсть въ Россію почти не отправляется.

На монгольскій рынокъ поступаетъ исключительно грязная шерсть, т.-е. въ томъ видѣ, какъ она снимается съ овецъ. Стрижка овецъ происходитъ два раза въ годъ, весной и осенью. Въ продажу поступаетъ главнымъ образомъ добыча весенней стрижки, такъ называемая „рунная“ шерсть; осенняя же стрижка даетъ незначительное количество шерсти, такъ какъ монголы стригутъ осенью лишь самыхъ крѣпкихъ барановъ, способныхъ вынести осенніе холода до наступленія зимы, когда шерсть успѣваетъ снова отрасти настолько, чтобы гарантировать животное отъ стужи. Осенняя шерсть идетъ почти цѣликомъ на домашнія надобности монгола.

При покупкѣ шерсти въ самой Монголіи главную роль играетъ цвѣтъ руна и мягкость волоса; наиболѣе цѣнной считается бѣлая шерсть, менѣе цѣнится черная и цвѣтная. Понижаетъ цѣнность шерсти ея засоренность и присутствіе такъ называемаго „желтяка“. Требования хорошаго качества наиболѣе удовлетворяетъ шерсть, собранная въ Улясутайскомъ округѣ, по мѣрѣ же удаленія на востокъ, качество ея понижается. По мѣстной терминологіи лучшая шерсть называется „гобійской“, худшая—„хашанной“, названія эти указываютъ на условія зимовки овецъ. Въ Кобдинскомъ и Ургинскомъ округахъ на зиму для нихъ устраиваются загородки, по-монгольски—хашаны, куда ихъ загоняютъ въ непогоду и на ночь. Хашаны содержатся въ страшной грязи, отъ которой шерсть на баранахъ сваливается и грубѣетъ; отъ испареній и сырости она подопрѣваетъ и желтѣетъ, образуя „желтякъ“. Гобійская шерсть собирается съ овецъ, проводящихъ круглый годъ на волѣ, въ степяхъ (по-монгольски всякая степь—гоби), шерсть на нихъ чище и мягче, не сваливается и не содержитъ такого количества больного волоса, какъ хашанная.

Для отправки въ Россію закупленная въ Монголіи шерсть подвергается промывкѣ на шерстомойкахъ русскихъ купцовъ, такъ какъ иначе ее не пропустятъ черезъ границу изъ опасенія заноса заразы. Китайцы шерсти не моютъ, а лишь очищаютъ ее отъ крупнаго сора посредствомъ перетряски и отправляютъ черезъ Калганъ въ грязномъ видѣ. Послѣ промывки шерсть сортируется на бѣлую и цвѣтную. Въ партіи монгольской шерсти цвѣтная составляетъ отъ 10 до 15⁰/₀%; нѣкоторыя фирмы отдѣляютъ, кромѣ того, желтякъ и мелкій клочекъ. Разсортированная шерсть набивается въ мѣшки или спрессовывается въ тюки ручными прессами и отправляется на лошадяхъ, быкахъ или верблюдахъ до русской границы, гдѣ она перегружается и идетъ дальше по Сибири и Забайкалью гужомъ.

Скупкой монгольской шерсти занимаются мѣстные русскіе и китайскіе купцы, а также представители русскихъ и иностранныхъ экспортныхъ фирмъ. Крупнѣйшими скупщиками шерсти, направляющими собранная ими партіи черезъ русскія границы, являются слѣдующія фирмы:

въ Ургѣ: Стукенъ и К⁰, Коковинъ и Басовъ;

въ Кобдо: Н. И. Асановъ, Р. И. Кузнецовъ;

въ Улясутаѣ: Стукенъ и К⁰, Бодуновъ, И. Г. Игнатъевъ.

Всѣ онѣ, кромѣ того, имѣютъ свои отдѣленія въ хошунахъ.

Иностранные подданные, жительство которымъ въ Монголіи воспрещено, входятъ съ китайцами въ компанію, производя торговые операціи подъ китайской фирмой, причемъ личный составъ служащихъ такихъ фирмъ исключительно китайскій; иногда китайцы являются комиссіонерами иностранныхъ предпріятій. Между прочимъ, подъ китайской фирмой Лунъ-Чанъ торгуетъ и одинъ русскій торговый домъ Батуевъ и К⁰; шерсть онѣ отправляетъ въ Китай на Калганъ.

Всѣ названныя фирмы покупаютъ грязную шерсть частью непосредственно у монголовъ, имѣя отдѣленія въ хошунахъ, частью болѣе крупными партіями у китайцевъ. Вслѣдствіе повышенія спроса на монгольскую шерсть въ Россіи и за границей и усилившейся конкуренціи русскихъ купцовъ въ Монголіи цѣны на шерсть за послѣдніе нѣсколько лѣтъ значительно повысились и съ 1 р. 70 к. въ 1902 г. ¹⁾ достигли 4 р. 50 коп. и даже 5 рублей въ 1910 году.

¹⁾ См. „Нѣкоторыя данныя о положеніи торговли въ Ганьсу, Тибетъ и Монголіи“, экспедиція В. Ф. Ладыгина.

Въ 1906 г.	средняя цѣна за пудъ	была около	4 руб.
„ 1907 „	„ „ „ „ „ „	„	4 „
„ 1908 „	„ „ „ „ „ „	„	2 „ ¹⁾
„ 1909 „	„ „ „ „ „ „	„	4 „
„ 1910 „	„ „ „ „ „ „	„	4 „ 50 коп.

Указанныя въ этой таблицѣ цѣны русскія фирмы платили за пудъ грязной шерсти на наличный расчетъ. Въ соотвѣтствіи этихъ цѣнъ съ дѣйствительностью участники экспедиціи могли убѣдиться изъ личныхъ разспросовъ и изъ записей скупщиковъ шерсти въ Монголіи.

Бѣлая шерсть экспортируется главнымъ образомъ въ Америку и лишь въ весьма незначительномъ количествѣ остается въ Россіи.

Кромѣ указанныхъ сортовъ монгольской шерсти, въ Кобдо собирается еще „ордынская“ шерсть, т.-е. шерсть киргизскихъ овецъ. Шерсть эта значительно грубѣе монгольской и вывозится только въ Россію, гдѣ поступаетъ на фабрики грубыхъ суконъ въ Симбирскъ къ фабрикантамъ Шатрову, Арацкову; въ Екатеринбургъ на фабрику бр. Злоказовыхъ и на другія.

Изъ Монголіи баранья шерсть отправляется въ значительныхъ количествахъ на Калганъ въ Тяньцзинь, откуда она вывозится въ Америку и Англию. Вывозъ въ Тяньцзинь особенно увеличился въ концѣ 1908 года, когда улеглись послѣдствія американскаго кризиса. Большое значеніе для вывоза монгольскаго сырья въ Тяньцзинь имѣло также проведеніе желѣзной дороги изъ Калгана въ Пекинъ.

Изъ Монголіи шерсть вывозится въ грязномъ видѣ, но, не доходя Тяньцзина, задерживается въ Калганѣ, Паотученѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ она подвергается машинной очисткѣ и сортировкѣ. Очисткой шерсти занимаются фирмы Такеучи и К^о, Tientsin Land Investment С^о, Мэкензи и К^о, Вальте и К^о, В. Форбсъ и К^о и другія. Около трехъ четвертей всей шерсти изъ Тяньцзина направляется въ Америку; остальная часть, лучшаго качества, идетъ на лондонскій рынокъ.

Въ Тяньцзинѣ мытая и готовая къ нагрузкѣ и отправкѣ шерсть въ 1909 г. продавалась по 7 р. 25 коп.—8 р. 75 коп. пудъ. Въ 1910 г. цѣны стояли приблизительно на той же высотѣ.

Точныхъ свѣдѣній о величинѣ вывоза шерсти въ Китай не имѣется,

¹⁾ Годъ кризиса въ Америкѣ.

но можно предполагать, что туда ея идетъ значительно больше, чѣмъ въ Россію. Напр., изъ Урги на Калгань, по свѣдѣніямъ китайскихъ таможенъ и отъ русскихъ купцовъ, въ 1908 г. было отправлено около 130 тыс. пуд. грязной шерсти, а на Кяхту—21 тыс. пудовъ чистой, что соотвѣтствуетъ 36 тыс. пуд. грязной.

Очистка шерсти. Шерсть, предназначенная для вывоза изъ Монголіи черезъ русскія границы, подвергается предварительно промывкѣ на шерстомойкахъ. Мѣра эта имѣетъ двойное значеніе. Очистка шерсти требуется русскимъ санитарнымъ надзоромъ на пограничныхъ таможенныхъ пунктахъ въ виду охраненія Сибири отъ заноса заразныхъ болѣзней изъ Монголіи, гдѣ свирѣпствуютъ эпизоотіи. Но главнымъ образомъ шерсть очищается отъ грязи и постороннихъ примѣсей по соображеніямъ экономіи на провозѣ, такъ какъ послѣ промывки привезенная монголами на продажу грязная шерсть теряетъ 35—40% своего вѣса. Моютъ шерсть, какъ было сказано выше, только русскіе купцы на своихъ шерстомойкахъ, которыя устраиваются обыкновенно слѣдующимъ образомъ. Отъ рѣки или ручья отводится каналъ и устраивается плотина съ затворомъ для задерживанія и спуска воды. Непосредственно у затвора устанавливаются длинныя, аршинъ въ 6—8, корыта изъ желѣза такимъ образомъ, чтобы въ нихъ попадала вода изъ канала, когда затворъ поднять.

Какъ дно корыта, такъ и его стѣнки дѣлаются сквозными, рѣшетчатыми для свободнаго пропуска водяной струи и чтобы проходилъ мелкій соръ и песокъ, не задерживаясь въ корытѣ. Здѣсь же, не въ далекѣ отъ корытъ, вкапываются чаны—деревянные ящики, въ которыхъ замачивается поступающая на мойки шерсть; въ чанахъ залитая водой шерсть остается около сутокъ,—время достаточное, чтобы размягчить затвердѣвшую грязь и кожныя выдѣленія. Отмоченную шерсть изъ чановъ подаютъ рабочимъ, стоящимъ по 3—4 человекъ съ каждой стороны корыта, черезъ которое пробѣгаетъ струя воды. Рабочіе прополаскиваютъ шерсть шестами, передавая ее другъ другу, пока она не пройдетъ всю длину корыта; тогда ее выкладываютъ на деревянные рѣшетки и отжимаютъ. Мытая и отжатая шерсть развѣшивается затѣмъ на веревкахъ, протянутыхъ между вбитыми въ землю кольями и при благопріятныхъ условіяхъ, если есть вѣтеръ, высыхаетъ за однѣ сутки; но, въ зависимости отъ погоды, сушка можетъ затянуться.

Моютъ шерсть и болѣе примитивнымъ способомъ, накладывая ее въ плетенныя корзины, которыя опускаютъ въ проточную воду; здѣсь

человѣческой трудъ не принимаетъ никакого участія, все предоставлено силѣ теченія воды; но такія мойки почти не встрѣчаются. Такъ же рѣдко моютъ шерсть голыми руками.

Въ среднемъ изъ одного пуда грязной шерсти получается 22—25 фунтовъ чистой; наименьшій выходъ даетъ хошанная шерсть, наибольшій—гобійская. Ордынская шерсть даетъ выходъ фунтовъ 30 и больше, такъ какъ вслѣдствіе сухости волоса и грубости руна овецъ къ ней пристаётъ меньшее количество сора.

Рабочія руки для мойки шерсти доставляютъ монголы. Но найти хорошихъ рабочихъ, и въ достаточномъ количествѣ не легко, такъ какъ въ силу крайне скромныхъ потребностей монгола, которыя легко могутъ быть удовлетворены изъ источниковъ несложнаго домашняго хозяйства, онъ соглашается работать лишь въ крайней необходимости, когда нечего ѣсть и больше нѣтъ кредита. Но при первомъ же заработкѣ, дающемъ возможность прожить нѣсколько дней въ бездѣльи, монголъ бросаетъ работу. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ поэтому рабочіе получаютъ расчетъ поденно. Только въ глубинѣ хошунъ, дальше отъ городовъ, монголы нанимаются на работы помѣсячно и на хозяйскихъ харчахъ.

Самая тяжелая въ процессѣ мойки работа, прополаскиваніе грязной шерсти шестами въ корытахъ, оплачивается отъ 60 до 80—90 копеекъ и даже доходитъ до 1 рубля—1 рубля 20 коп. въ день. Плата колеблется въ зависимости отъ мѣстности, отъ сезона и отъ способа уплаты—поденно или помѣсячно. Дороже всего рабочія руки въ Кобдо и Ургѣ; тамъ взрослый рабочій получаетъ 80—90 коп., въ Улясутаѣ—70—80 коп.; помѣсячно платятъ около 15 руб. на хозяйскихъ харчахъ. Подростки и дѣвушки получаютъ значительно меньше, ихъ заработокъ колеблется между 15 и 30 коп. въ день. Когда мойка шерсти затягивается до глубокой осени и наступаютъ холода, работа около корытъ и на отжимахъ становится особенно тяжелой, такъ какъ на рабочихъ вся одежда пропитывается ледяной водой. Тогда плата увеличивается на 20—30 копеекъ.

Въ Ургѣ плата производится въ настоящее время китайскимъ и русскимъ серебромъ, въ Кобдо и Улясутаѣ—деньгами, серебромъ чаемъ и ходоками. Продуктивность труда монгольскихъ рабочихъ не велика, за день на одномъ корытѣ 6—8 рабочихъ успѣваютъ промыть приблизительно 50 пудовъ грязной шерсти, изъ которой получается около 30 пудовъ чистой.

Накладные расходы по промывкѣ, сортировкѣ и упаковкѣ шерсти рассчитываются по слѣдующей схемѣ:

	въ Улясутаѣ	въ Ургѣ
заработная плата		
6 рабоч. у корыта	4 р. 20 к.	4 р. 80 к.
1 подавальщикъ	— 60 „	— 70 „
1 топтальщикъ	— 40 „	— 50 „
2 пары носилокъ	1 р. 40 „	1 р. 60 „
просушка	— 60 „	— 70 „
уборка	— 50 „	— 60 „
	<hr/>	<hr/>
	7 р. 70 к.	8 р. 90 к.

Предполагая, что 6 рабочихъ промыли за день 60 пудовъ грязной шерсти, получимъ на пудъ чистой, при выходѣ 25 фун. изъ пуда, накладныхъ расходовъ: въ Улясутаѣ—20 коп., въ Ургѣ—24 коп. Къ этому надо прибавить:

сортировка	10 коп.
упаковочные	
матеріалы	20 „
прессовка	4 „
	<hr/>
	34 коп.

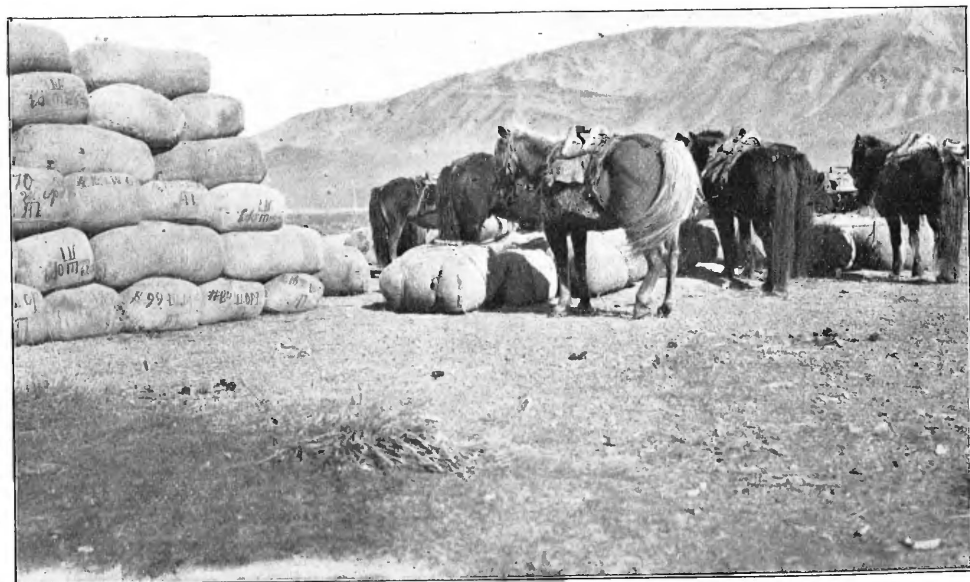
Значительно труднѣе поддается учету расходъ по организациі дѣла и на персоналъ служащихъ. Чѣмъ больше куплено шерсти, тѣмъ, конечно, расходъ на пудъ меньше, и обратно; можно считать, что при покупкѣ крупныхъ партій шерсти на пудъ чистой приходится приблизительно 1 рубль—1 рубль 10 копеекъ административныхъ расходовъ.

Приведенныя выше цѣны на монгольскую шерсть относятся исключительно къ покупкѣ на наличныя. Эта форма покупки въ широкихъ размѣрахъ практикуется въ Монголіи лишь съ очень недавняго времени, съ тѣхъ поръ, какъ крупныя русскія и иностранныя фирмы стали посылать въ Монголію своихъ представителей для скупки шерсти въ большомъ масштабѣ. Но и эти фирмы въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказываютъ кредитъ хорошо извѣстнымъ русскимъ и китайскимъ купцамъ монголамъ. Подъ покупкой въ кредитъ въ Монголіи разумѣется выдача авансовъ подъ сырье; мѣстные купцы называютъ это „задавать“ подъ шерсть, подъ сурка и т. д.

Выдача авансовъ широко практикуется китайскими и мѣстными русскими купцами, которые доводятъ процентъ прибыли на заданные

Приёмка шерсти лавкой Коковина въ хошунъ Зунь-Согунъ.

Склады мытой шерсти на мойкѣ въ Монголии и отправка ея вьюками въ Россію.

деньги или товаръ до 100 и выше, такъ какъ монголъ нуждается въ товарѣ и серебрѣ круглый годъ, а расплачиваться за нихъ можетъ только въ строго опредѣленные сроки созрѣванія сырья. Выгода покупки въ кредитъ заключается въ томъ, что авансъ подъ сырье будущаго сезона выдается по значительно пониженному противъ рыночнаго разсчета. Авансы выдаются отдѣльнымъ монголамъ и цѣлымъ хошунамъ.

Напримѣръ, въ 1910 г. въ Улясутайскомъ округѣ „задавали“ 6—8 ланъ за 100 гиновъ бараньей шерсти, т.-е. 2 руб.—2 р. 80 коп. за 1 пудъ, въ то время какъ рыночная цѣна на шерсть стояла 4—4½ рубля. Въ Кобдинскомъ округѣ пудъ шерсти, купленной въ кредитъ, обходился въ 2 руб. 60 коп.—3 рубля.

Верблюжьей шерсти собирается значительно меньшее количество, чѣмъ бараньей; напр., по свѣдѣнiямъ Кошъ-Агачской таможни вся вывезенная шерсть распредѣлялась между бараньей и верблюжьей слѣдующимъ образомъ:

(въ пудахъ)		
Годы	Баранья шерсть	Вербл. шерсть
1905	114.808	21.685
1906	91.006	20.155
1907	115.235	18.483
1908	100.368	21.936
1909	88.580	19.588

Верблюжью шерсть не стригутъ, а обираютъ руками весной, въ періодъ линянiя. Собранная шерсть поступаетъ прямо въ продажу, не подвергаясь какой-либо сортировкѣ или отбору, и лишь фирмы, отправляющія шерсть за границу, сортируютъ ее на мягкую, гриву и тайлакъ—верблюжий пухъ. Купленная шерсть не моется, а только перетряхивается; при этомъ потеря въ вѣсѣ не превосходитъ 3—4 фунтовъ на пудъ, а шерсть кобдинскаго округа настолько чиста, что при перетряскѣ даетъ самую минимальную убыль. Это объясняется тѣмъ, что на зиму для защиты отъ холода верблюды обворачиваются въ войлоки, которые и предохраняютъ шерсть отъ загрязненiя.

Въ 1909 г. верблюжью шерсть покупали по 6 р. 50 к.—7 р. 50 к. за пудъ на наличный разсчетъ. Скупкой ее занимаются русскiе купцы и, въ значительно большихъ размѣрахъ, китайцы, которые отправляютъ ее въ Тяньцзинь.

Въ кредитъ „задавали“ 10—12 ланъ за 100 гиновъ, т.-е. 3 руб. 50 к.—4 р. 20 коп. за пудъ.

Крупный и мелкий скотъ. Въ виду особой важности, которую представляетъ шерсть на монгольскомъ рынкѣ, мы выдѣлили ее изъ всѣхъ остальныхъ продуктовъ монгольскаго скотоводческаго хозяйства; далѣе мы рассмотримъ торговлю живымъ скотомъ и продуктами, которые получаютъ отъ убоя.

Изъ Монголіи въ Россію скотъ выгоняется по нѣсколькимъ путямъ, изъ которыхъ въ сферу изслѣдованія экспедиціи вошли пути черезъ таможенные пункты: Кошъ-Агачъ, Кяхту, Зайсанъ, Усинскій и Тункинскій тракты.

Черезъ таможенную Кошъ-Агачъ идетъ дорога, соединяющая Бійскъ съ Кобдинскимъ и Улясутайскимъ округами, такъ называемый Чуйскій трактъ. Слѣдующая таблица показываетъ количество прошедшаго по тракту скота, зарегистрированнаго ветеринарнымъ надзоромъ:

	Количество головъ.	
	Крупн. рог. скотъ	Овцы
1905	1.298	4.350
1906	469	4.100
1907	506	5.530
1908	295	7.939
1909	1.325	11.930

Черезъ Зайсанскую таможенную прошло скота:

	Крупн. рог. скота	Овецъ
1906	350 штукъ	30.700 шт.
1907	497 „	47.305 „
1908	103 „	38.313 „
1909	2.686 „	40.533 „

На Усинской таможенѣ было зарегистрировано:

	Крупн. рог. скота	Овецъ
1907	5.022 шт.	1.907 шт.
1908	2.588 „	2.326 „
1909	7.420 „	4.709 „

Черезъ Кяхтинскую таможенную въ 1908 году прошло 21.176 головъ крупнаго рогатаго скота и 51.175 овецъ и козъ. По Тункинскому тракту за 1905 г. было зарегистрировано 17.390 головъ крупнаго рога-

таго скота и 54.011 овецъ, а въ 1906 г.—крупнаго скота 16.624 и мелкаго 44.726 головъ.

На русской границѣ монгольскій скотъ задерживается въ карантинѣ, мелкій—на 5—7 дней и крупный—на 21 день, но нерѣдко этотъ срокъ затягивается до двухъ—трехъ мѣсяцевъ. При этомъ скотъ страхуеться; за страховку быка взимается 1 р. 10 коп., за корову—60 коп.; взрослые овцы уплачиваютъ 3 коп. страховой преміи, ягнята—1 коп. Надо, однако, замѣтить, что не весь скотъ проходитъ черезъ карантинные пункты, значительное количество прогоняется контрабанднымъ путемъ. Не достигая, такимъ образомъ, своей прямой цѣли охраненія Сибири отъ заноса заразы изъ Монголіи, карантинъ задерживаетъ иногда скотъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, и къ потерѣ времени присоединяется еще трудность найти достаточно корма въ вытравленной кругомъ степи. Вѣрнѣе достигаютъ цѣли противочумныя прививки; эта предохранительная мѣра дѣйствительнѣе карантина и не требуетъ такой потери времени. Но пока число прививочныхъ пунктовъ весьма ограничено и не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ.

Скотъ гонится монгольскими пастухами и приказчиками купцовъ, сопровождающими стадо верхами; жалованья монголы получаютъ въ мѣсяць приблизительно 9—10 ланъ, т.-е. около 12 рублей.

Средняя цѣна монгольскаго быка 6—8 лѣтъ колеблется между 30—40 рублями, но бываютъ экземпляры и въ 50—60 рублей. Убойный вѣсъ быка 10—15 пудовъ. Стоимость кожи—отъ 3 до 5 рублей, смотря по величинѣ и вѣсу; внутренности даютъ 1 р.—1 р. 25 к.; выходъ сала зависитъ отъ величины и упитанности животнаго.

Цѣна на взрослыхъ овецъ въ кяхтинскомъ и ургинскомъ районахъ колеблется между 4 и 6 рублями; въ улясутайскомъ и кобдинскомъ—между 3 и 4 рублями.

Однимъ изъ центровъ сосредоточенія овецъ при прогонѣ въ Китай является Чахарія, именно города Лунь-Шань и Фынъ-Чженъ. Въ нихъ сосредоточиваются также большія партіи шерсти, которыя идутъ затѣмъ въ Тяньцзинь. Крупные гурты овецъ идутъ въ Пекинъ, провинціи Хо-Нань и Шанзи. Покупкой и отправкой скота завѣдуютъ особыя торговыя конторы—„пань-цзы“, посылающія своихъ агентовъ въ Монголію для закупки скота. Наиболѣе значительными изъ нихъ являются пекинскія, какъ напр., Ся-Шень-Хо, Ся-Хо-И, Тянь-Хо-Дэ и другія, закупающія ежегодно для экспортировки въ Китай до полу-милліона овецъ.

Массовая скупка *овчинъ* производится осенью, когда монголы рѣжутъ овецъ для запасовъ мяса на зиму. Различаются овчины по качеству и длинѣ шерсти. Короткошерстыя, стриженныя покупаются на наличныя по 35—40 коп. штука; длинношерстыя—по 55—70 коп. Для отправки ихъ запаковываютъ по 60 штукъ вмѣстѣ, вьютъ на верблюдавъ или грузятъ на повозки. На русской границѣ овчины вымачиваются въ растворѣ сулемы для дезинфекціи, но это очень вредно отражается на ихъ качествахъ. Карантинный расходъ—10 коп. на штуку.

Черезъ таможи Кяхтинскую, Кошъ-Агачскую, Зайсанскую и Усинскую за 1909 г. было вывезено всего овчинъ 57.097 пудовъ; между отдельными таможнями вывозъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

	(въ пудахъ)			
	1909	1908	1907	1906
Кяхта	33.626	23.681	13.120	3.065
Кошъ-Агачъ	3.458	1.061	306	363
Зайсанъ	20.013	23.332	20.514	13.346
Усинская там. . . .	—	—	717	744

Большое количество овчинъ скупается китайцами для отправки въ Тяньцзинь, откуда онѣ поступаютъ на англійскій и американскій рынки. Не доходя Тяньцзина, овчины подвергаются чисткѣ и сортировкѣ въ Кіаоченѣ, близъ Тайюанфу; тамъ же ихъ пакують гидравлическимъ способомъ въ тюки. При этомъ различаются коротко- и длинношерстыя шкурки, и въ зависимости отъ длины волоса на одинъ тюкъ идетъ отъ 200 до 400 штукъ. Средній вѣсъ 100 шкурокъ лѣтняго сбора, короткошерстныхъ, достигаетъ 7 пудовъ; вѣсъ ста длинношерстныхъ овчинъ зимняго сбора—около 11 пудовъ. Цѣна пуда, въ зависимости отъ сорта,—10 и 16 рублей, т.-е. можно считать, что стоимость шкурки въ Тяньцзинѣ съ расходами на очистку и упаковку въ 1909 г. была отъ 55 коп. до 1 р. 75 коп., принимая во вниманіе длину шерсти.

Кожи, волосъ, внутренности находятъ себѣ сбытъ на сибирскихъ рынкахъ, но въ большинствѣ вывозятся на Калганъ въ Китай. Въ Россію было вывезено черезъ таможи: Кошъ-Агачскую, Кяхтинскую, Усинскую и Зайсанскую (въ пудахъ):

	1906	1907	1908	1909
Кожи	13.436	33.348	28.391	57.861
Конскій волосъ . . .	1.065	1.132	1.329	1.541
Бараньи кишки . . .	—	126	531	853

Мясо монгольскаго скота идетъ на сибирскіе рынки и во время послѣдней войны сослужило большую службу въ дѣлѣ снабженія нашей арміи свѣжимъ мясомъ. Но область проникновенія его ограничена возможностью для скота выдерживать перегоны на болѣе или менѣе длинныя разстоянія и стоимостью такого рода доставки. Быть-можетъ, монгольское мясо могло бы выдерживать конкуренцію съ австраійскимъ или американскимъ на англійскомъ рынкѣ, если бы были устроены спеціальныя холодильники на мѣстѣ и вагоны для перевозки. Напр., пудъ австраійской баранины продается въ Лондонѣ за 5 р. 25 коп., американская нѣсколько дороже, а шотландская по 10 р. за пудъ; въ Бійскѣ пудъ баранины стоитъ около 2 р. 50 коп.

Пушной товаръ.

За послѣдніе годы въ Россіи и за границей, особенно въ Германіи, сильно возросъ интересъ къ монгольскимъ мѣхамъ; подъ вліяніемъ спроса охотничьи промыслы получили сильный толчекъ къ развитію, и въ настоящее время продукты охоты по цѣнности занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду предметовъ вывоза изъ Монголіи за границу. Слѣдующая таблица показываетъ въ общихъ чертахъ ростъ этого промысла за послѣдніе четыре года въ районѣ, который охватили изслѣдованія экспедиціи:

Таможни:	Въ пудахъ.			
	1906.	1907.	1908.	1909.
Кошъ-Агачская . . .	5,899	9,237	13,172	8,629
Кяхтинская	8,341	4,224	10,890	24,791
Усинская	402	—	45	4,027
Зайсанская	32	32	59	23
	<u>14,674</u>	<u>13,493</u>	<u>24,166</u>	<u>37,470</u>

При этомъ черезъ Кяхтинскую таможенную провезено.

	1906.	1907.	1908.
Морск. бобра	25	14	—
Енота и др.	8,276	4,145	687
Медвѣж. и волч.	9	—	—
Лисьихъ	31	—	513
Лисьихъ и куньихъ	—	65	—
Хвосты выхух. и бѣлки	—	—	52
Разн. пушн. невыд.	—	—	9,626

Кромѣ того, по свѣдѣніямъ русскихъ купцовъ въ Кяхтѣ, изъ Монголіи за 1909 годъ было провезено черезъ Кяхтинскую таможенную пушного товара и шкуръ на 1.882,557 р., при чемъ сурковыхъ шкурокъ 1.853,767 штукъ на 1.353,596 р. и лисьихъ 15,017 шкурокъ на сумму 99,289 рублей.

О провозѣ шкуръ черезъ Кошъ-Агачскую таможенную имѣются нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія:

	1906.		1907.		1908.		1909.	
	Пуды.	Рубли.	Пуды.	Рубли.	Пуды.	Рубли.	Пуды.	Рубли.
Сурокъ съ ли- сиц. и бѣлкой .	5,687	209,424	9,181	397,446	8,451	368,396	8,326	449,469
Соболь	8 ф.	820	2½	5,330	1 п. 24 ф.	5,132	1 п. 6 ф.	5571
Еноть	58 ¹)	—	—	—	} 261	—	—	—
Хорекъ	55 ¹)	1,655	59	—				
Бѣлка	—	—	—	—				
Медвѣдь	} 1	15	97	2,781	41	2,623	28	2,349
Волкъ		—	—	—	—	—	—	22
Рысь	—	—	—	—	—	—	31	7,332
Морск. боберъ	4	—	3	—	11	—	—	—
Мораль	21	305	22	388	—	—	—	—
Лиса	5	—	2	—	—	—	—	—

Изъ пушныхъ товаровъ наиболѣе ходовымъ является сурокъ. Спросъ на сурочки шкурки поднялъ на нихъ цѣны за послѣднія шесть—семь лѣтъ съ гривенника и меньше до 1½ р.—1 р. 80 к. за штуку; съ другой стороны выгодность промысла повела къ массовому истребленію сурка, и въ результатѣ въ нѣкоторыхъ округахъ этотъ звѣрекъ совершенно выбитъ, что также повліяло на повышательное движеніе цѣнъ. Напримѣръ, въ 1892 г. сурка было собрано 6,325 пудовъ, въ 1893 г.—7,027 пуд., а въ 1901 уже 17,027 пуд., но съ тѣхъ поръ сборъ сурка все понижается и въ 1909 г. падаетъ до 8 тыс. пудовъ. При этомъ объявленная цѣнность на шкурку въ 1892 г. была 5—6 к., а въ 1909 уже 65 к., что даетъ довольно правильное соотношеніе между дѣйствительными рыночными цѣнами этихъ годовъ.

Главными скупщиками сурка и пушнины въ Монголіи являются торговые дома Бидерманъ и Гутбецаль, экспортирующие его за границу, въ Лейпцигъ; нѣкоторыя лейпцигскія фирмы закупаютъ сурокъ на мѣстѣ черезъ посредство своихъ русскихъ комиссіонеровъ.

¹) Выдѣланныя шкурки хорька.

На рынкѣ цѣнятся осенній и зимній сурки, какъ лучшіе по качеству и густотѣ мѣха; весенній сурокъ значительно ниже осенняго, шерсть его не такъ мягка и густа. По цвѣту сурокъ различается бурый и свѣтлый, первый цѣнится значительно дороже.

Цѣны на сурочки шкурки мѣняются въ зависимости отъ мѣста покупки, отъ способа уплаты. Въ центрахъ скупки шкурка обходилась въ 1910 г. на наличныя $1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ рубля, а купленная гдѣ-нибудь въ глубинѣ страны она стоитъ 70—90 к. Авансы подъ сурка „задаются“ ранней весной по расчету приблизительно 60—80 к. за шкурку.

Для сравненія величины вывоза пушного товара изъ Монголіи въ Россію и въ Китай мы приводимъ ниже свѣдѣнія о вывозѣ изъ Урги, по даннымъ китайскаго таможеннаго управленія и мѣстныхъ купцовъ ¹⁾.

1908 годъ.		
Вывозъ изъ Урги.		
Ш к у р ы.	Въ Калгань.	Въ Кяхту.
Сурковыя	500,000 шт.	1.556,500 шт.
Бѣличьи	1.400,000 „	162,740 „
Волчьи	120,000 „	1,314 „
Лисьи 1 сортъ . . .	150,000 „	15,456 „
Лисьи 2 „	80,000	—
Рысьи	3,500 „	479 „
Хорьковыя	—	1,313 „
Собольи	200 „	47 „
Дикой кошки	50,000 „	—

В. Фланденъ.

Изелѣдованіе судоходныхъ качествъ верховьевъ рѣки Енисея.

Краткое описаніе общаго вида береговъ, судоходныхъ качествъ, грузоваго движенія, торговыхъ пунктовъ и населенія.

Многоводная рѣка Енисей беретъ свое начало въ Урянхайскомъ краѣ и составляется изъ нѣсколькихъ рѣчекъ, сливающихся: съ правой стороны—съ южнаго склона западной части Саянскихъ горъ и съ лѣвой—съ хребта Тану-Ола, которыя являются границами долины рѣки Енисея съ сѣвера и юга.

**Верховья
рѣки
Енисея.**

¹⁾ „В. Ф., П. и Торговли“, № 26, стр. 580. 1909 г.

Въ Урянхайскомъ краѣ Енисей носить географической названіе „Хуа“ или „Улу-Бемъ“.

Судоходныя качества этой части рѣки, очевидно, еще не были изслѣдованы, ибо ни у кого изъ изслѣдователей Сѣверной Азіи не упоминается объ этой рѣкѣ, какъ естественномъ и дешевомъ пути сообщенія, способной сыграть огромную роль въ колонизаціи этого богатаго края и грузообмѣнѣ центральной Россіи съ необъятной сѣверной частью Китайской имперіи.

Надо полагать, что здѣсь роковую роль „заставы“ сыгралъ Большой порогъ, находящійся въ русскихъ владѣніяхъ, вблизи устья рѣки Козырь-Сукъ, въ 110 верстахъ отъ границы Урянхайскаго края, выше котораго пароходы не могли или не рисковали пройти ¹⁾.

Получивъ свое начало на водораздѣлѣ съ бассейномъ рѣки Селенги (къ Западу отъ озера Коссогола), Енисей течетъ въ западномъ направленіи, каковое и сохраняетъ до границы російскихъ владѣній, на разстояніи приблизительно 400 верстъ.

Отъ границы Россіи, приблизительно, Енисей рѣзко мѣняетъ свое направленіе съ западнаго на сѣверо-восточное и сѣверное, каковое и сохраняетъ почти на всемъ своемъ огромномъ протяженіи.

Енисей становится извѣстною, какъ судоходная рѣка, отъ слиянія его съ большимъ притокомъ Кансара. Въ настоящемъ описаніи счетъ верстъ начинается отъ большого сплавного притока Точья, ниже рѣки Кансари 75 вер. Отсюда же представитель Д. В. Сироткина В. Ф. Солнцевъ для изслѣдованія верховьевъ Енисея плылъ на саликѣ ²⁾, лодкѣ и пароходѣ съ 25 августа до 9 сентября 1910 г. до Красноярска (разстояніе приблизительно 1,200 верстъ), желѣзнодорожной станціи на Великомъ Сибирскомъ пути.

Дѣленіе на
части.

По характеру рѣки, ея судоходнымъ качествамъ Верхній Енисей отъ возможнаго пункта сплава до г. Красноярска можно раздѣлить на слѣдующія четыре части:

П е р в а я ч а с т ь .

Отъ устья сплавной рѣки Точья до Утинскаго порога на разстояніи 80 верстъ приблизительно.

¹⁾ Въ 1907 году инженеръ Родевичъ въ обходъ Большого порога протаскивалъ свой катеръ волокомъ вблизи ухвостья р. Козырь-Сукъ. Выше Большого порога г. Родевичъ ходилъ на катерѣ до Чакуля — на 160 верстъ выше. Внизъ отъ Чакуля въ Урянхайскомъ краѣ г. Родевичъ спустился черезъ порогъ на катерѣ; при проходѣ его захлестнуло волненіемъ, и катеръ наполнился водой наполовину.

²⁾ 15—20 бревень, счаленныхъ плотомъ и управляемыхъ потесами. На сплоченныхъ бревнахъ устраивается площадка изъ досокъ на разстояніи отъ плота 4—6 четвертей.

Изготовление войлока.

Валяние войлока.

Вторая часть.

Отъ Утинскаго порога до Большаго порога—разстояніе 450 верстъ приблизительно.

Третья часть.

Отъ Большаго порога до деревни Означенной—разстояніе 130 верстъ приблизительно.

Четвертая часть.

Отъ деревни Означенной до Красноярска—растоаяніе 615 верстъ приблизительно.

На всемъ указанномъ протяженіи вскрытіе рѣки отъ льда происходитъ: раннее—10 апрѣля и позднее—20 апрѣля; закрытіе навигаціи: раннее—1 октября и позднее—10 октября. Слѣдовательно средняя продолжительность навигаціи отъ 160 до 180 дней.

Вслѣдъ за весеннимъ ледоходомъ начинается подъемъ воды, достигающій въ первой и третьей части—до 4—5 аршинъ, а во второй и четвертой—до 6—7 аршинъ, продолжающійся до іюня, когда и наступаетъ мелководье.

Осенніе паводки бываютъ только отъ Минусинска и ниже и достигаютъ высоты одного аршина.

На всемъ своемъ протяженіи Енисей протекаетъ между высокихъ горъ, покрытыхъ дѣвственнымъ лѣсомъ: кедромъ, сосной, елью и, изрѣдка, березой.

На всемъ указанномъ выше протяженіи Енисей принимаетъ много большихъ притоковъ, но вслѣдствіе горнаго характера мѣстности только незначительная часть ихъ годна для сплава, и только одинъ притокъ (Абакинъ) годенъ для пароходнаго движенія.

Изъ нихъ: 1) р. Точья—сплавная на 80 верстъ, 2) р. Кемчикъ—сплавная на 90 верстъ, 3) Усь—сплавная на 75 верстъ и 4) р. Абакинъ—пригодная для взводнаго и сплавнаго пароходства на 80 верстъ (до желѣзодѣлательнаго завода Абакинскаго; здѣсь же и зимовка судовъ).

На всемъ своемъ верхнемъ теченіи—отъ устья р. Точья до Красноярска—на растояніи приблизительно 1,200 верстъ, Енисей годенъ для пароходнаго движенія въ оба направленія при осадкѣ судовъ въ наиболѣе мелководныя навигаціи 5—6 четвертей; только два каменистые порога: Утинскій, 80 верстъ отъ верховья; и Большой, лежащій почти на половинѣ между началомъ сплава р. Точья и Красноярскомъ, разрываютъ этотъ естественный и дешевый путь въ предѣлы Урян-

хайскаго края: оба порога непроходимы для судовъ всякаго типа; здѣсь возможенъ только сплавъ груза на плотахъ.

По мнѣнію мѣстныхъ жителей, интересующихся этимъ огромнымъ путемъ, пороги эти можно уничтожить. Уничтоженіе Большаго порога предлагали сдѣлать зимой, дешевымъ способомъ, когда въ лютые сибирскіе морозы, мѣшающіе теченію, плиты вымерзаютъ, при чемъ ихъ можно еще и „выморозить“.

Нѣтъ надобности говорить, что вопросъ этотъ подлежитъ самому серьезному и всестороннему обслѣдованію.

Населеніе здѣсь очень рѣдкое: деревни расположены въ 40—50 верстахъ другъ отъ друга и состоятъ изъ 5—11 домовъ. На всемъ бассейнѣ находится всего одинъ желѣзодѣлательный заводъ—Абакинскій.

Отъ устья рѣки Точья до Утинскаго порога около 80 верстъ.

Первая
часть
теченія.

Выше притока р. Кансара глубина Енисея всего около 8 вершковъ, вслѣдствіе чего онъ доступенъ для сплава только во время весенней прибылой воды.

Ниже р. Кансара, около 75 верстъ съ правой стороны, впадаетъ большой сплавной притокъ Точья, который имѣетъ огромное значеніе для всего Урянхайскаго края, о чемъ будетъ сказано ниже.

Отъ устья р. Точья до Утинскаго порога на разстояніи 80 верстъ возможно пароходное и грузовое движеніе.

Ширина русла здѣсь колеблется отъ 40 до 50 сажень. Наименьшая глубина перекаатовъ 5—6 четвертей. Грунтъ дна—галька (крупный песокъ); скорость теченія на перекатахъ до 15 верстъ, а на плесахъ 9 верстъ въ часъ. Наибольшій подъемъ воды надъ меженью здѣсь бываетъ въ половинѣ мая (достигаетъ 4-хъ аршинъ) и держится до половины іюня; лѣтомъ паводковъ нѣтъ.

Грузовое движеніе здѣсь существуетъ исключительно сплавное: устраиваются салики и плоты, дѣлаютъ на нихъ помосты изъ досокъ на эти помосты грузятъ товаръ около 800 пудовъ за плату по 45 к. съ пуда за разстояніе 200—300 верстъ.

Для зимняго времени собираются здѣсь запасы разнаго провіанта для мѣстныхъ жителей и приисковъ до 30,000 пудовъ.

Отъ устья Точья, Енисей течетъ между горъ, которыя отступаютъ отъ русла до 5 верстъ, дѣлая долину рѣки широкой. Въ этой долинѣ много острововъ и притоковъ, которые въ общей совокупности русскими жителями окрещены—„Сорокъ Енисеевъ“.

Ниже р. Точья около 50 верстъ долина рѣки суживается, и Ени-

сей течетъ между горъ, достигающихъ высоты до 200 сажень; горы эти перерѣзаны широкими оврагами.

Отъ Точья въ 75 верстахъ дер. Себа, гдѣ есть перекалъ глубиною въ $5\frac{1}{2}$ четвертей; въ Себѣ жителей 100 человѣкъ; ниже—Красно-рѣченскій перекалъ—6 четвертей.

Несмотря на то, что этотъ районъ числится въ предѣлахъ Урянхайскаго края, населеніе здѣсь состоитъ изъ русскихъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточена и торговля; впрочемъ, населеніе здѣсь крайне рѣдкое. На разстояніи 40 верстъ всего попадаютъ двѣ русскія деревни по 3—4 дома. Изъ китайскихъ владѣній поступаютъ: кожа, шерсть, пушнина, масло и скотъ. Изъ Россіи получается: сахаръ, мука, керосинъ, бакалея, желѣзные издѣлія, мануфактура и другіе предметы первой необходимости. Въ притокахъ Енисея находятся большіе золотые прииски, которые тоже находятся почти всѣ въ рукахъ русскихъ.

Въ 80 верстахъ выше впаденія Точья въ Енисей, на ней находится большое село того же имени. Къ этому селу подходитъ грунтовая и вьючная дорога изъ Сибири черезъ Саянскій хребетъ на Минусинскъ, черезъ посредство которой и совершается грузообмѣнъ Сибири съ бассейномъ той части р. Енисея, которая расположена выше Большого порога. Отъ села Точья грузы грузятся на салики и сплавляются въ Енисей.

Утинскій порогъ образуется сплошной каменной грядой, пролегающей сплошь черезъ все русло Енисея. Порогъ кривой и состоитъ: съ лѣваго берега выдались громадныя камни, а съ правой стороны—огромный одинокій камень (по мѣстному названію „бычекъ“) и подводная большая плита, а подъ порогомъ расположены еще четыре камня. Между плитой и камнями ширина не больше 10—15 саж.

Утинскій порогъ.

Стиснутое теченіе развиваетъ чрезмѣрную быстроту; сваливаясь съ порога, вода образуетъ сильное волненіе, которое бросаетъ плоты какъ щепку. Кромѣ того, немного ниже порога — крутой поворотъ вправо и вода бьетъ въ лѣвый берегъ; ширина здѣсь тоже не болѣе 20 сажень. Вслѣдъ за порогомъ, вода, вырвавшись изъ тисковъ, образуетъ съ обѣихъ сторонъ суводь.

Утинскій порогъ для судовъ совершенно непроходимъ. Салики здѣсь перегружаются. На плотяхъ пытный лоцманъ еще можетъ проплыть. Во время весенней воды плаваніе черезъ порогъ нѣсколько улучшается.

Отъ Утинскаго порога до Большого порога 450 верстъ.

Ниже Утинскаго порога продолжаютъ идти съ обѣихъ сторонъ

Вторая часть теченія.

горы, но долина рѣки дѣлается еще уже и рѣка течетъ въ трубѣ. Острововъ встрѣчается мало. Поймы нѣтъ.

Въ общемъ по своему характеру это плесо напоминаетъ первую часть рѣки: начало и конецъ навигаціи одинаковы; грунтъ дна галька и теченіе на перекатахъ 12 в., а на плесахъ 9 верстъ въ часъ. Подъемъ весенней воды достигаетъ высоты 6 аршинъ. Вообще вторая часть во всѣхъ отношеніяхъ почти одинакова съ первой. Перекаты только дѣлаются на $\frac{1}{4}$ аршина глубже.

Грузовое движеніе сохраняетъ такой же характеръ. Сплавливаютъ слѣдующіе предметы: муку, сахаръ, мануфактурные товары, бакалею и проч. для потребленія мѣстныхъ жителей. Населеніе такое же рѣдкое, какъ и выше.

Ниже Утинскаго порога, въ 10 верстахъ, есть Подпорожная рѣчка и Подпорожный перекатъ, ширина котораго около 20 саж. и глубина 7 четв.; сваль воды въ гору.

Рѣка Оча. Очинскій перекатъ; съ праваго берега осередокъ; глубина переката 5 четвертей.

Рѣка Уюкъ. Отъ Точья 150 верстъ. На рѣкѣ Уюкъ, отъ ея ухвостья въ 20 верстахъ, есть большая деревня Уюкъ. При устьѣ на правомъ берегу два дома, на лѣвомъ—4.

Усть-Уюкскій островъ. Весной не заливадается. Здѣсь находится Уюкскій перекатъ глубиною 5 четв. Отсюда на село Утинское (въ Сибири) идетъ грунтовая дорога, другихъ дорогъ больше нѣтъ.

Сафьяновскій поворотъ и Сафьяновскій перекатъ глубиною 6 четвертей.

Рѣка Тапса. При устьѣ ея заведеніе Георгія Павловича Сафьянова. По рѣкѣ Тапсѣ, въ десяти верстахъ отъ устья, у г. Сафьянова золотыя прииски, гдѣ работаетъ до 130 человѣкъ.

Вблизи устья Тапсы расположены Тапсинскіе острова, которые въ прибылую воду не заливаются; острова покрыты лѣсомъ. Здѣсь же находится Тапсинскій перекатъ, глубиною 5 четвертей. съ очень быстрымъ теченіемъ.

Бѣль-Градскій перекатъ. 7 четв., вода очень бьетъ въ правый берегъ, который представляетъ собою крутой утесъ.

Курьинскіе острова весной не заливаются. Здѣсь находится 4 переката, и мѣсто разбоистое. Глубина 5--7 четв.

Устье Малаго Енисея. Здѣсь розсыпи и глубина на нихъ 8 четв. при ширинѣ рѣки до 200 саж. Отъ устья Точья 230 верстъ.

Пристань Булукъ ниже Малаго Енисея 10 верстъ. Здѣсь имѣется

нѣскольکو складовъ усинскихъ купцовъ и сюда стекается много грузовъ изъ китайскихъ владѣній. На берегу есть около 15 домовъ. Здѣсь имѣется Булукскій перекачь, глубиною 6 четвертей.

Харбеканскіе острова съ праваго и лѣваго берега высокіе и покрыты лѣсомъ. Здѣсь же Харбеканская розсыпь, глубина на которой 7 четвертей.

Рѣка Сайданъ и Сайданскіе острова весною не заливаются. Въ островахъ есть четыре переката глубиною 5—9 четвертей. Перевалы очень крутые, теченіе быстрое и вода бьетъ въ ярь.

Боенкольскіе острова весной не заливаются, покрыты лѣсомъ. Въ островахъ есть розсыпь, глубина на которой 6 четв. при ширинѣ 100 саж. и очень быстромъ теченіи.

Гора Харбеканъ. Пониже ея возможна зимовка судовъ. Отъ Харбекана до Чекуля плессо пойдетъ хорошее на 40 версть.

Чакуль рѣка и при устьѣ пристань.

Плесо отъ Чакуля до Большого порога хорошее, въ горахъ. Есть два переката: Большіе Уры—8 четвертей и Малые Уры—7 четвертей.

На Чакуль привозятся товары: хлѣба около 10,000 пудовъ, сахару 9,000 пудовъ, желѣзныхъ издѣлій—болѣе 1,000 пудовъ, мануфактуры до 3,000 пудовъ и бакалеи. Съ Чакуля идутъ зимнимъ путемъ: шерсть, пушнина, кожа, масло и скоть.

Эти товары подвозятся изъ Китая: изъ Кобдо и Уланкома.

40 версть ниже Чакуля есть мѣстечко Кемчикъ, откуда начинается граница Россіи. Граница обозначена деревяннымъ крестомъ, навалена груда камней и поставлены простые столбы.

Село Усинское, съ населеніемъ въ 10,000 человекъ. Отсюда до Большого порога 70 версть, плессо хорошее. Изъ Усинскаго сплавляютъ товаровъ лѣтомъ около 15,000 пудовъ и везутъ много пассажировъ. Сплавъ производится на плотяхъ. Зимой вывозятъ товаровъ около 30,000 пудовъ.

Въ Усу товары поступаютъ изъ Китая и Россіи. Отправка и подвозъ производятся главнымъ образомъ зимой, когда отправляется не менѣе 50,000 пудовъ.

Большой порогъ составляется: съ правой стороны горы выдались угломъ на средину русла рѣки; отъ этого угла есть еще подводныя плиты. Съ лѣвой стороны три огромныхъ единца („бычки“).

Большой порогъ.

Вода сначала прижимается къ правому берегу, съ шумомъ сливаясь съ подводныхъ плитъ, ударяется въ лѣвые камни-единцы. Пла-

ваніе здѣсь очень опасное. Теченіе воды на порогѣ настолько сильное, что одолѣть теченіе не въ состояніи среднихъ силъ пароходъ.

Отъ сильнаго слива воды подѣ порогомъ разводится очень сильное волненіе, какое получается при штормѣ на большой рѣкѣ, когда волна захлестываетъ небольшія лодки.

Весной волненіе распространяется внизъ на три версты. Съ большимъ трудомъ, и только опытнымъ лоцманамъ удается здѣсь проводить плоты.

Если правыя подводныя плиты (зимой вымерзаютъ) убрать, а также взорвать и бычки, то ходъ черезъ порогъ будетъ свободенъ.

Большой порогъ ниже границъ Урянхайскаго края 110 верстъ. Очевидно здѣсь Енисей пересѣкаетъ западную часть Саянскихъ горъ.

Третья
часть рѣки.

Отъ Большого порога до деревни Означенной 130 верстъ.

Эта часть рѣки отличается отъ другихъ тѣмъ, что дно здѣсь все каменистое и русло порожистое и свободный ходъ здѣсь только въ прибылую воду. Въ межень можно ходить только пароходу безъ буксира. На указанномъ разстояніи въ руслѣ расположены четыре значительные порога, а именно: 1) Дѣдушкинъ, 2) Березовскій, 3) Джойскій и 4) Майнинскій. Кромѣ того, посрединѣ русла встрѣчаются одинокіе камни вышиною до пяти сажень, называемые здѣсь „шеверами“.

Глубина въ межень около восьми четвертей, ширина русла до 50 сажень, но въ шеверахъ доходитъ и до 20 сажень.

Ширина русла иногда доходитъ и до 150 сажень. Скорость теченія до 12 верстъ.

Долины рѣки здѣсь совсѣмъ нѣтъ; рѣка протекаетъ между огромной высоты горъ, покрытыхъ лѣсомъ, и русло все время заключено какъ бы въ тискахъ. Населеніе рѣдкое.

Пониже Большого порога около 10 верстъ есть шеверъ „Кабачекъ“ (названіе камня), который стоитъ среди Енисея. Высота его пять сажень, ширина 15 сажень; лѣвый берегъ противъ „Кабачка“ чистый, гдѣ и проплываютъ плоты. Ширина русла отъ „Кабачка“ на 15 сажень; теченіе очень быстрое—едва поднимаешься на веслахъ въ лодкѣ.

Перекалъ Камерецкѣ, ниже Кабачка около 10 верстъ. Перекалъ образуется плитами, выступающими съ обѣихъ сторонъ. Ширина не болѣе 20 сажень, теченіе быстрое, но фарватеръ глубокій.

Зимовье Камешекъ. Отсюда начинается Федосова Яма, которая тянется на протяженіи 15 верстъ. На выходѣ Ямы есть перекалъ глу-

биной восемь четвертей. Потомъ начинаются шевера „Кобыльи Ребра“, расположенные у праваго берега.

Заимка Сигова. Ниже ея Березовскій перекалъ. Здѣсь съ праваго берега большіе шевера, прижимающіе фарватеръ къ лѣвому берегу и образующіе нѣчто вродѣ порога. Ширина здѣсь 20 сажень. Ниже есть осередокъ.

Мандырчевскіе шевера, посреди Енисея. Ходъ здѣсь свободный.

Заплатинскіе шевера—семь верстъ ниже—подводные; теченіе тутъ очень быстрое.

Зимовье Сафьянова. Отъ горы, называемой Булуптань, по лѣвому берегу идутъ подводные шевера на протяженіи пяти верстъ, но ходъ свободный.

Рѣка Кенкидиръ. Противъ нея есть осередокъ того же названія *Джойскій порогъ.* Составляется: отъ праваго берега на средину Енисея выступили подводные шевера, а отъ лѣваго—подводная плита. Ширина русла 20 сажень. Порогъ не опасенъ. Ниже порога, 40 сажень, есть камень называемый „Барка“; съ порога вся вода устремляется на него. Плоты плаваютъ по лѣвой сторонѣ. Съ Баркой соединились отъ праваго берега Бяковскіе шевера, которые тянутся на 10 верстъ.

Ниже Бяковскихъ шеверовъ въ пяти верстахъ начинается цѣлая серія шеверовъ, носящихъ названіе „Каменной Деревни“.

Пониже „Каменной Деревни“—Майнинскіе два острова, и въ нижнемъ островѣ порогъ. Лѣвая сторона вся въ шеверахъ. Хотя ходъ здѣсь и свободный, но ниже Майнинскаго порога розсыпь, глубина на которой семь четвертей.

Это плесо оканчивается у деревни Означенной.

Отъ деревни Означенной до города Красноярска 620 верстъ.

Отъ деревни Означенной Енисей становится совершенно судоходной рѣкой, доступной для движенія всякаго рода судовъ въ оба направленія. Ниже деревни Означенной, на 25 верстъ отъ села Коптырева, начинается полная меженная обстановка предостерегательными знаками, и отсюда рѣка Енисей считается официально судоходной до Енисейскаго залива, болѣе 2,600 верстъ.

Четвертая
часть Ени-
сея.

Начало навигаціи здѣсь 10—20 апрѣля и конецъ 1—10 октября. Высота весенней воды у деревни Означенной достигаетъ четырехъ аршинъ, но по мѣрѣ приближенія къ Красноярску уровень весеннихъ водъ поднимается до семи аршинъ. Время открытія и закрытія навигаціи одинаково съ предыдущими частями рѣки.

Ниже деревни Означенной русло рѣки постепенно расширяется и къ городу Красноярску ширина русла достигаетъ 500 сажень. Наименьшая глубина перекатовъ— $5\frac{1}{2}$ четвертей. Грунтъ дна—галька.

Долина рѣки расширяется; хотя по обѣимъ сторонамъ рѣки и продолжаютъ идти горы, но онѣ отстоятъ отъ русла до 10 верстъ. Въ широкой поймѣ много острововъ, покрытыхъ лѣсомъ, и вообще Енисей имѣетъ видъ большой судоходной рѣки. Но, подходя къ городу Красноярску, горы высотой 300—400 сажень приближаются къ руслу рѣки, долина суживается, но ближе 100 сажень къ руслу горы не подходятъ.

Населеніе здѣсь русское, рѣдкое, но все-таки поселенія встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ выше; здѣсь же расположенъ и городъ Минусинскъ—большой торговый пунктъ, куда стекаются всѣ товары, идущіе изъ китайскихъ городовъ: Кобдо, Уланкомъ и Улясутай; отсюда же отправляются грунтовыми дорогами товары Европейской Россіи въ верховья Енисея. Плесо Красноярскъ—Минусинскъ обслуживается небольшими пароходами: „Дѣдушка“, „Россія“, „Николай Святой“, „Красноярецъ“, „Урянхаецъ“, „Соколъ“ и „Сибирякъ“ и нѣсколькими баржами, буксируемыми пароходами.

Ниже деревни Означенной—деревня Лѣтникъ и острова весной не заливаются, покрыты лѣсомъ. Затѣмъ идутъ: деревня Саянская, село Шунеръ, деревня Очуры, село Каптырево, деревня Безродинская, Безродинскіе огрудки, Знаменскіе огрудки, село Шушинское и перекать того же названія, глубиною пять четвертей; деревня Коя, село Лугавское и деревня Кривая.

Городъ Минусинскъ стоитъ на протокѣ, гдѣ зимовка судовъ. Дальше идетъ деревня Быстра, Быстренскіе острова и перекать; Комаровскій Татарскій, Усть-Турбинскій, Глядинскій, Алахтинскій и Шипинскіе перекаты. Всѣ перекаты обставлены тщательно бакенами.

Дальше идетъ деревня Сорокино, гдѣ есть паромная пристани и зимовка судовъ; рѣка Абакинъ, гдѣ расположенъ единственный во всемъ бассейнѣ Енисея желѣзодѣлательный заводъ Ратькова-Рожнова; здѣсь же зимовка судовъ.

Далѣе Никитскій перекать, $6\frac{1}{2}$ четвертей, Самсоновскіе, весной заливаемые, острова: Хохловскій, Усть-Сыдинскій, Татарская Ерба—перекаты; деревня Бѣликъ, гдѣ есть дровяная пристань.

Дальше перекать Золотой, Голапинскій и городъ Красноярскъ по линіи желѣзной дороги Великаго Сибирскаго пути.

Слабо развитое судоходство, отсутствіе предприимчивости и, кромѣ ^{Торговые и складочные пункты и грузовое движеніе въ бассейнѣ Верхняго Енисея.} того, серьезныя препятствія для движенія судовъ, представляемая Большимъ порогомъ и отчасти Утинскимъ порогомъ, повели къ тому, что грузовое движеніе въ этомъ районѣ приняло совершенно ненормальное направленіе. Водный путь остается почти совершенно неиспользованнымъ для передвиженія товаровъ, и главное грузовое движеніе происходитъ не лѣтомъ, а зимой, по санному пути, пролегающему въ долину Енисея. Что же касается товаровъ, идущихъ изъ Сибири, то имъ приходится продѣлывать кружной путь: они вывозятся на лошадахъ въ село Точья, а отсюда уже весною сплавомъ спускаются въ ниже лежащія по рѣкѣ Енисею пункты.

Грузы, идущіе изъ Сѣвернаго Китая, изъ Кобдо, Уланкома и Улясутая,—шерсть, кожа, пушнина, коровье масло,—въ теченіе всего навигаціоннаго времени собираются на пристани Булукъ, Уюкъ и Чакуль. Отсюда эти грузы направляются съ наступленіемъ зимняго саннаго пути по долину рѣки Енисея въ Сибирь, въ города Минусинскъ, Красноярскъ и Ачинскъ. Всѣхъ грузовъ, идущихъ изъ Сибири, набирается около милліона пудовъ. По этимъ же путямъ изъ Китая прогоняютъ и скотъ, идущій въ большомъ количествѣ.

По этимъ же дорогамъ направляются и грузы, идущіе изъ Россіи. Изъ Россіи идутъ товары: мука, пшено, сахаръ, бакалея, мануфактура, желѣзные издѣлія, керосинъ и другіе предметы домашняго обихода и первой необходимости. Всѣ эти предметы въ Китай почти не идутъ, а поступаютъ для потребленія русскихъ жителей и рабочихъ въ Урянхайскомъ краѣ.

Главный путь этихъ товаровъ съ Минусинска черезъ Саянскій хребетъ на село Точья. Дорога грунтовая, но черезъ самый хребетъ проложенъ путь только для вьючныхъ животныхъ, почему всѣ товары съ телѣгъ перегружаются на спины лошадей и по переходѣ хребта вновь грузятся на телѣги.

Изъ села Точья грузы идутъ сплавомъ на саликахъ и плотахъ по Енисею до попутныхъ пристаней и села Уса, съ перегрузкой на Утинскомъ порогѣ.

Жители занимаются главнымъ образомъ скотоводствомъ, работой на золотыхъ приискахъ и хлѣбопашествомъ. Ниже Большого порога жители занимаются главнымъ образомъ хлѣбопашествомъ; хлѣба готовится на пристаняхъ: Означенное, Каптырево, Саянское, Минусинскъ, Сорокино, Убей и Новоселово больше милліона пудовъ, который и сплавляется внизъ по Енисею въ Красноярскъ.

Село Точья, на берегу праваго сплавнога притока Енисея Точья, выше устья 80 верстѣ. Здѣсь пролегаетъ путь черезъ Саянскій хребетъ въ Минусинскъ: грунтовая и верховая дорога.

Въ село Точья собирается грузовъ изъ Сибири около 50,000 пудовъ, которые грузятся на салики и сплавляются до Себи, гдѣ перегружаются на плоты. На плоты грузятъ до 800 пудовъ.

Пристань Булукъ. Отъ Точья 150 верстѣ, на лѣвомъ берегу; большой складъ товаровъ, и имѣются большіе товарные склады усинскихъ купцовъ. Сюда въ теченіе навигаціи собирается грузовъ изъ Улясутая и Уланкома до 50,000 пудовъ, которые съ наступленіемъ зимняго пути по долину Енисея направляются въ Сибирь—на Минусинскъ и Красноярскъ. Изъ Россіи въ Булукъ собирается грузовъ до 15,000 пудовъ.

Пристань и деревня Чакуль. Ниже Булука 140 верстѣ, на лѣвомъ берегу. Сюда собирается изъ Китая грузовъ около 60,000 пудовъ и изъ Россіи—10,000 пудовъ. Всѣ грузы идутъ зимнимъ путемъ по одной дорогѣ съ Булукомъ. Здѣсь много саетовъ (типъ русскихъ калмыковъ).

Пристань и село Усь. Въ Россіи, отъ Чакуля 90 верстѣ. Жителей до 10,000 человекъ, русскіе. Расположены на правомъ берегу, при устьѣ р. Уса. Собирается товара около 50,000 пудовъ, который сплавляется внизъ; также много ѣдетъ пассажировъ.

Деревня Означенное. Отъ села Усь 200 верстѣ, на лѣвомъ берегу. Имѣется около 60 домовъ. Сплавляютъ весной по Енисею казеннаго хлѣба до 40,000 пудовъ. Сплавъ производится уже на баржахъ малаго типа.

Село Каптырево, отъ Означеннаго 25 верстѣ. Сплавляется казеннаго хлѣба около 100,000 пудовъ.

Село Саянское, отъ Каптырева 25 верстѣ, 200 домовъ. Сплавляютъ казеннаго хлѣба 15,000 тысячъ пудовъ.

Городъ Минусинскъ, на правомъ берегу. Отъ Саянска 70 верстѣ, жителей 15,000 человекъ. Отправляется грузовъ около 50,000 пудовъ. Въ Минусинскъ прибываетъ изъ Красноярска до 100,000 пудовъ.

Село Сорокино, на правомъ берегу; 300 домовъ. Отъ Минусинска 75 верстѣ. Отправляется грузовъ около 10,000 пудовъ, и прибываетъ въ него около 3,000 пудовъ.

Пристань Убей. Отъ Сорокина 80 верстѣ. Отправляется грузовъ—хлѣба—до 70,000 пудовъ.

Село Новоселово, отъ Убея 95 верстъ; 400 домовъ. Отправляетъ казеннаго хлѣба до 300,000 пудовъ.

Городъ Красноярскъ. Отъ Новоселова 250 верстъ. Станція при Сибирской жел. дорогѣ.

1) Въ настоящемъ своемъ судоходномъ состояніи верховья рѣки **Заключеніе.** Енисея доступны для всякаго рода движенія груженыхъ судовъ отъ г. Красноярска вверхъ до деревни Означенной, на разстояніи 620 верстъ приблизительно на осадкѣ пяти четвертей, въ самыя мелководныя навигаціи.

2) Отъ деревни Означенной до Большого порога, вверхъ на разстояніи приблизительно 130 верстъ, возможно движеніе въ оба направленія пароходовъ, безъ буксира, на осадкѣ пяти четвертей въ наиболѣе мелководныя навигаціи.

3) Отъ Большого порога вверхъ до Утинскаго порога, на разстояніи приблизительно 450 верстъ возможно всякое судовое движеніе въ оба направленія, на осадкѣ пять четвертей въ наиболѣе мелководныя навигаціи.

4) Отъ Утинскаго порога до устья рѣки Точья возможно движеніе всякаго рода судовъ въ оба направленія на осадкѣ пять четвертей.

5) При условіи перегрузки черезъ Большой порогъ судоходство возможно на разстояніи приблизительно 1,200 верстъ, а при перегрузкѣ черезъ Утинскій порогъ—на 1,280 верстъ.

6) Суда должны быть приспособлены къ характеру рѣки и условіямъ плаваніямъ на ней.

С П И С О К Ъ

пристаней и деревень по рѣкѣ Енисею между Минусинскомъ и Красноярскомъ.

№№	Правый берегъ	вер.	№№	Лѣвый берегъ	вер.
1.	д. Быстрое	7	1.	Каменно-угольныя копи	30
2.	„ Комарово	18	2.	Татарскій Улусъ	35
3.	„ Потрошилово	45	3.	д. Хахлы	100
4.	„ Бузуново	65	4.	„ Копены	110
5.	„ Биря	85	5.	с. Усть-Ерба и пристань	135
6.	„ Сорокино и пристань	90	6.	„ Батени и пристань	165
7.	с. Абакинскъ	95	7.	„ Сарагашъ	175
8.	Заводъ мукомольный Баландина и пристань	115	8.	д. Черново	185
9.	д. Байкалово	135	9.	„ Алика	195
			10.	Кокорево	210

№№	Правый берегъ	вер.	№№	Лѣвый берегъ	вер.
10.	с. Бѣликъ и дровяная при- стань	140	11.	д. Яново.	220
11.	д. Быскаръ.	150	12.	с. Новоселово	230
12.	„ Лепешкино.	160		и пристань.	235
13.	„ Ирши	170	13.	д. Трифоново.	255
14.	„ Тесь.	185	14.	„ Кривошеино.	265
15.	с. Анашъ.	195	15.	с. Бережново.	295
16.	д. Улазы.	220	16.	„ Итуль.	310
17.	с. Кома	255	17.	д. Борки.	320
18.	д. Гляденъ.	270	18.	„ Караульная.	330
19.	„ Убей и пристань.	290	19.	с. Острогъ Кируль	335
20.	„ Брагино	305	20.	„ Даурскъ и пристань	345
21.	„ Коряково.	320	21.	Езагашъ	385
22.	с. Сисимъ	325	22.	д. Бахтинка.	415
23.	д. Кундугашево.	340	23.	„ Бирюси	440
24.	„ Ермолаево.	350		Красноярскъ	
25.	„ Потапово.	365			
26.	с. Дербино и пристань	375			
27.	д. Щелкино	383			
28.	„ Донниково и дровяная пристань	395			
29.	„ Ошарово и дровяная пристань.	410			
30.	Скитъ монастырь.	455			
31.	Овсянка	470			
32.	Базаиха	485			

С П И С О К Ъ

перекатовъ отъ Минусинска до Красноярска.

№№	Названіе перекатовъ	вер.	№№	Названіе перекатовъ	вер.
1.	Быстренскій	8	8.	Аглахтинскій.	65
2.	Быстр.	9	9.	Н. Аглахтинскій.	66
3.	Комарковскій.	18	10.	Туранскій.	70
4.	Татарскій 8—2 в.	30	11.	В. Шипичный 8 ч.	78
5.	Тоже.	31	12.	С. Шипичный	79
6.	Усть-Тубинскій.	53	13.	Н. Шипичный.	81
7.	Глѣденскій.	58	14.	Сорокинскій.	95

№№	Название перекатовъ	вер.	№№	Название перекатовъ	вер.
15.	Никитскій 8—1 в.	97	30.	Кривошеинскій	265
16.	Самсоновскій.	100	31.	В. Журавлиха	310
17.	Хохловскій.	110	32.	Н. „	313
18.	В. Усть-Сыдинскій 8 ч.	115	33.	В. Малиновка 9—1 в.	318
19.	Н. Сыдинскій.	118	34.	Н. „	320
20.	В. Усть-Ербинскій	128	35.	Кундугашевскій.	340
21.	Н. „ 7—3	130	36.	В. Голятинскій	370
22.	Быскарскій.	150	37.	Н. „ 9—2 в.	371
23.	Иржинскій.	170	38.	Езагашинскій.	380
24.	В. Золотой 9 ч.	180	39.	Масленская Коса	400
25.	С. „	182	40.	Осиповскій.	420
26.	Н. „	185	41.	В. Костоваты.	425
27.	Аешинскій	195	42.	Н. „	430
28.	Яновскій.	215	43.	Бирюсинскіе камни	455
29.	Омысокъ 9—2 в.	220	44.	Манскій	476
				Красноярскъ.	

С П И С О К Ъ

впадающихъ рѣкъ и притоковъ въ Енисей между Минусинскомъ и Красноярскомъ.

1. Абакинъ рѣка (есть угольные копи) . . . 16 вер. лѣвая стор.
2. Туба, годная для судоходства до села Каргиной, разстояніе 120 вер. бываютъ хлѣбные грузы 55 „ правая „
3. Сыда, несудоходная рѣка 120 „ „ „
4. Убей. 310 „ „ „
5. Сисимъ. 320 „ „ „
6. Мана. 470 „ „ „

Списокъ русскихъ, торгующихъ въ сѣверо-западной Монголіи.

1. Борисовъ Николай Кузьмичъ. Бійскій мѣщанинъ. Въ Монголіи около 15 лѣтъ, работаетъ въ хошунѣ Ташуынъ Абшагунъ. Товара провозитъ на 2,000—3,000 рублей, работаетъ на деньги. Покупаетъ шерсти 1,500—2,000 пудовъ, имѣетъ мойку; сурка 10,000—14,000 штукъ. Скотъ продаетъ на мѣстѣ — барановъ, лошадей и быковъ. Основной капиталъ 25,000 руб., оборотъ отъ 40,000 до 50,000 рублей. Шерсть

продаетъ въ Улясутаѣ и главнымъ образомъ Бодунову; сурокъ— въ Улясутаѣ и Бійскѣ. Имѣетъ три отдѣленія, служащихъ три человѣка, разсылаетъ монголь - перепродавщиковъ. Постройки имѣетъ въ китайскомъ стилѣ. Отецъ его служилъ у Мезенцева; самъ онъ энергичный, бережливый и работоспособный человѣкъ.

2. Братья Мальцевы, Иванъ и Петръ Николаевичи, бійскіе мѣщане, предприимчивые и энергичные. И. Н. работаетъ въ хошунѣ Дурюкчивангинѣ, имѣетъ постройки—китайскую фанзу и амбары. Мойка открыта въ 1910 году на рѣкѣ Тесинь-голѣ. Товаровъ проводятъ 2,000—3,000 рублей. Сурка скупаютъ до 15,000 штукъ, продаютъ въ Бійскѣ. Скота скупаютъ до 1,000 головъ, сами же продаютъ его въ Иркутскѣ. Основной капиталъ до 35,000 рублей, оборотъ до 40,000 рублей. Шерсти скупаютъ до 500 пудовъ. Отецъ служилъ у Антропова и Гилева. Послѣ отца осталось около 15,000 рублей.

3. Бобровъ, Иванъ Григорьевичъ. Въ Монголіи работаетъ около 15 лѣтъ, товаровъ проводитъ на 10,000 руб., работаетъ въ хошунѣ Дурюкчивангинѣ, имѣетъ башню, 2 мойки, шерсти покупаетъ до 2,000 пудовъ, продаетъ въ Бійскѣ, сурка продаетъ 15,000—20,000 штукъ; временами скупаетъ скотъ и овецъ (до 1,000 головъ), а также лошадей до 200 головъ, которыхъ и продаетъ въ Иркутскѣ. Имѣетъ отдѣленія въ Сангинѣ-Далай. Кредитуется у китайцевъ въ Улясутаѣ и Бійскѣ, у Копылова на—1,000—1,500 рублей. Основной капиталъ до 10,000 рублей. Оборотъ 30,000—40,000 рублей; имѣетъ пять человѣкъ служащихъ.

4. Кирьяновъ, В. С. Въ Монголіи работаетъ 10 лѣтъ, въ хошунѣ Абша-Гунь, верстъ на 100 на сѣверо-востокъ отъ Улясутая, проводитъ товара на 1,500—2,000 рублей; сурка покупаетъ до 10,000 штукъ. Шерсти 500—800 пудовъ, имѣетъ мойку. Шерсть продаетъ Юрганову. Основной капиталъ около 3,000 рублей. Раньше былъ служащимъ у Калмыкова.

5. Мининъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, молодой человѣкъ. Работаетъ отъ отца по-наслѣдству и по довѣренности Анны Дмитріевны Мининой. Дѣло основано лѣтъ 40 назадъ. Сначала отецъ служилъ у Григорія Матвѣевича Бодунова. Умеръ въ 1898 г. и оставилъ сыну капиталъ въ 75,000 рублей. М. Ѳ. работаетъ въ хошунѣ Сартулѣ и состоитъ довѣреннымъ Коташова, Виктора Степановича, товаровъ проводитъ около 3,000 рублей, оборотъ до 30,000 рублей, имѣетъ долговъ до 15,000 за монголами, скупаетъ шерсть до 3,000 рублей, продаетъ Бодунову въ Бійскѣ. Имѣетъ домъ о четырехъ комнатахъ и сарай. Самъ—чардынскій мѣщанинъ.

6. Матвѣевъ, Сергѣй Мильтоновичъ, бійскій мѣщанинъ. Проживаетъ въ селеніи Смоленскъ. Работаетъ въ хошунѣ Бирва - Засыкъ, на Эдринъ - голѣ. Товара проводитъ отъ 3,000 до 5,000 рублей. Оборотъ до 30,000 руб., имѣеть за монголами до 10,000 рублей. Основного капитала не имѣеть. Скупаеть сурка 3,000—5,000 штукъ. Шерсти 1,500—2,000 пудовъ; имѣеть мойку, хорошій домъ, дворъ и сарай. Въ Монголіи живетъ уже 40 лѣтъ. Былъ сначала служащимъ у Васинева, самостоятельно работаетъ съ 1897 года. Ведеть комиссіонную продажу товара. Дѣльный труженикъ.

7. Смирновъ, Яковъ Леонтьевичъ, бійскій мѣщанинъ. Въ Монголіи около 30 лѣтъ, работаетъ въ хошунѣ Елгасынъ-Шаби, верстъ 90 на востокъ отъ Улясутая; товаровъ проводитъ на 1,000 рублей, имѣеть мойку, раньше имѣлъ три отдѣленія; основного капитала, кромѣ дома въ Бійскѣ, стоимостью въ 2,500 рублей, и сарая въ Монголіи, никакого не имѣеть. Сурка скупаеть 3,000—5,000 штукъ, шерсти до 500 пудовъ. Довѣріе у торговцевъ небольшое. Раньше былъ служащимъ у Мальцева. Дѣло предполагаетъ ликвидировать.

8. Юргановъ, Василій Ивановичъ. Работаетъ самостоятельно уже около 25 лѣтъ, проводитъ товара до 20,000 рублей Шерсть скупаеть до 4,000 пудовъ, которую моеть на собственной мойкѣ, продаетъ въ Улясутаѣ. Сурка покупаетъ до 60,000 штукъ, продаетъ Бидерману. За монголами имѣеть много долговъ. Скота скупаеть до 200 штукъ, продаетъ иркутскимъ купцамъ. Основной капиталъ—20,000 рублей. Самъ работаетъ въ 35 верстахъ отъ Улясутая, на рѣкѣ Уланъ-Ирикъ, имѣеть отдѣленія, живетъ въ хошунѣ Сортуль, служащихъ посылаетъ по хошунамъ Елчасынъ, Шаби-хошунъ, Чибенъ-Си. У улясутайскихъ фирмъ беретъ чай и товары на 3,000—4,000 рублей. Кредитуется главнымъ образомъ у Калмыкова и Копылова.

9. Петровъ, Михаилъ Ивановичъ. Имѣеть мойку на рѣкѣ Кобдо. Шерсти скупаеть 600 пудовъ.

10. Киселевъ, Николай Ивановичъ, работаетъ на Запхынѣ, у Бай-Хаирханъ-Сартуль-Тюше-Гуна хошунѣ. Имѣеть мойку, скупаеть 1,500 пудовъ шерсти, сдаетъ Бодунову, у котораго и кредитуется.

11. Коковинъ и Басовъ. Сейчасъ работаютъ одни Коковины за смертью Басова. Товаровъ продаютъ на 80,000 рублей. Скупаютъ шерсть, сурокъ, овчину и кожи. Имѣютъ шерстомойки въ Ургѣ, Заинъ-Шаби, Ванъ-Куренѣ. Въ Ургѣ работаютъ около 50 лѣтъ подъ фирмою Коковинъ и Басовъ. Съ 1909 года начали торговать по хошунамъ. Въ Ургѣ имѣютъ слѣдующихъ служащихъ: Назимовъ—60 рублей, Хреб-

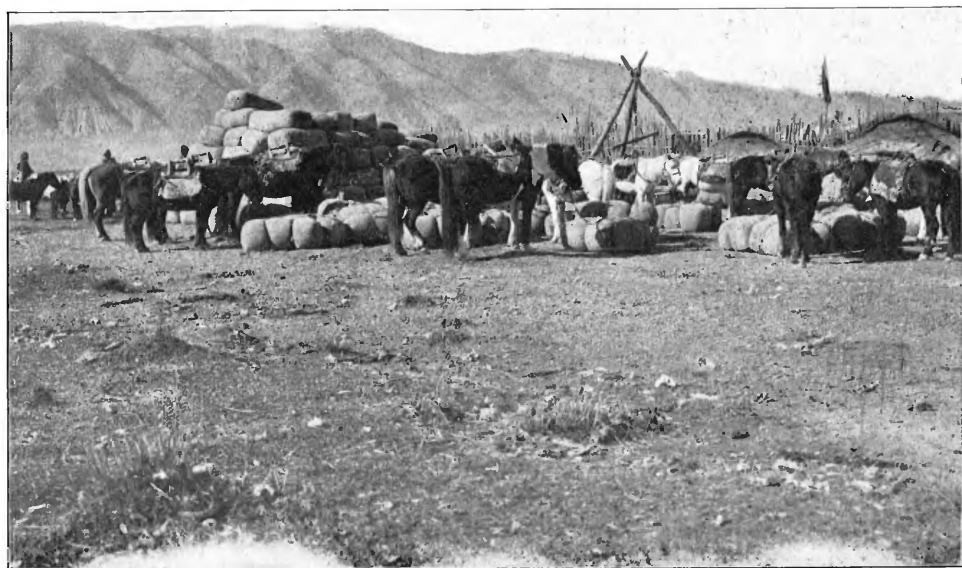
товъ—70 рублей, Налабординъ—50 рублей, на всемъ готовомъ, Носовъ—85 рублей, Свининъ—245 рублей и 10% съ чистаго дохода, Яковенковъ—110 рублей. Въ 1909 году шерсти было промыто 30,000 пудовъ. Оборота до 200,000 рублей.

12. Устиновъ, Константинъ Михайловичъ, ирбитскій мѣщанинъ. Торгуетъ въ Монголіи 17 лѣтъ, раньше служилъ у Васенева 4 года, работаетъ въ мѣстности по рѣкѣ Шаръ-Усу-Пурбу-Гуна-хошуна, отъ Улясутая 120 верстъ, на юго-востокъ, по Ургинскому тракту; живетъ въ юртѣ, имѣетъ мойку, сбываетъ русскаго товара на 3,000 рублей, кредитуется у китайцевъ на 2,000 рублей, покупаетъ шерсть баранью, намываетъ до 1,200 пудовъ, сурка сбываетъ 10,000—15,000 штукъ. Товаръ продаетъ въ Улясутаѣ и Бійскѣ, оборотъ 30,000—35,000 рублей. Основной капиталъ 10,000 рублей; имѣетъ служащихъ: двоихъ русскихъ и три монгола.

13. Коршуновъ, Даниль Захаровичъ, туринскій крестьянинъ. Торгуетъ въ Монголіи 9 лѣтъ; раньше служилъ у Коршуна, П. М. Свое дѣло началъ первый годъ. Торгуетъ по рѣкѣ Буинту-Голь-Хошучи, Беси, отъ Улясутая 100 верстъ на юго-востокъ. Русскаго товара сбываетъ на 1,000 рублей, кредитуется у китайцевъ тоже на 1,000 рублей, имѣетъ мойку, склады и жилое помѣщеніе. Покупаетъ шерсть баранью, намываетъ до 1,000 пудовъ. Сурка обываетъ 7,000—8,000 штукъ, продаетъ въ Улясутаѣ. Оборотъ 18,000—20,000 рублей. Основной капиталъ 4,000 рублей. Имѣетъ служащихъ: одного русскаго и четверыхъ монголь.

14. Казаковъ, Петръ Васильевичъ, крестьянинъ Бійскаго уѣзда. Торгуетъ въ Монголіи 15 лѣтъ, раньше служилъ у Васенева, самостоятельно ведетъ дѣло 7—8 лѣтъ. Торгуетъ въ мѣстности Гутэ-Хошучи-Беси-хошуна, отъ Улясутая 80 верстъ на югъ. Живетъ въ юртѣ, имѣетъ мойку на рѣкѣ Зайпхынъ, отъ стоянки 25 верстъ; русскаго товара проводитъ на 2,000 рублей, кредитуется у китайцевъ на 2,000—2,500 рублей, покупаетъ шерсть и намываетъ ее до 500 пудовъ, сурка до 10,000 штукъ, продаетъ въ Улясутаѣ, оборотъ 25,000—30,000 рублей, основной капиталъ 6,000 рублей, имѣетъ служащихъ: русскихъ двоихъ и троихъ монголь.

15. Котельниковъ, Андрей Никитичъ, Барнаульскаго уѣзда. Въ Монголіи 25 лѣтъ. Сначала служилъ у Котельникова, Ивана Петровича, 8 лѣтъ, затѣмъ—у Васенева, Алексѣя Даниловича, 5 лѣтъ, въ Улясутаѣ. Самостоятельно работаетъ съ 1902 года. Скупаетъ шерсти до 2,000 пудовъ, продаетъ въ Бійскѣ Копылову. Мойка не работаетъ. Сурка

Отправка мытой шерсти из Монголии въ Россію вьюками на лошадахъ.

Монгольскіе охотники на сурка.

скупаеть 20,000 пудовъ. Участвуетъ въ компаніяхъ въ Бійскѣ „Торгово-Промышленное Товарищество Гончарное Дѣло“. Основного капитала 55,000 рублей, а также въ товариществѣ магазинъ „Алтай“ съ основнымъ капиталомъ въ 25,000 рублей.

16. Пашковъ, Степанъ Васильевичъ, крестьянинъ села Смоленскаго Бійскаго уѣзда. Торгуеть въ Монголіи 17 лѣтъ, раньше служилъ у Мезенцева и брата П. В. Козакова; свое дѣло ведетъ три года, торгуеть въ мѣстности Эрдинъ-Вана-Хошуна, — около Курьи, на рѣкѣ Байдерыкъ, на юго-востокъ отъ Улясутая, въ разстояніи 320 верстъ, живетъ въ юртѣ, имѣеть мойку, русскаго товара сбываетъ на 1,500 рублей, кредитуется у китайцевъ отъ 1,000 до 1,500 рублей. Покупаетъ шерсть и сурокъ. Шерсти намываетъ до 400 пудовъ. Сурка собираетъ 5,000—6,000, продаетъ въ Улясутай; оборотъ 12,000—15,000 рублей, основной капиталъ 3,000 рублей. Имѣеть служащихъ — троихъ монголь.

17. Шабалинъ, Михаилъ Николаевичъ, бійскій мѣщанинъ. Торгуеть въ Монголіи 18 лѣтъ, раньше служилъ у Мезенцева, Н. И. Самостоятельно дѣло ведетъ 11 лѣтъ въ мѣстности рѣчки Голуты, въ Далай-Гуня-хошуна отъ Улясутая 350 верстъ на востокъ. Имѣеть жилое помѣщеніе, мойку и склады, покупаетъ шерсть и сурокъ. Шерсти намываетъ до 1,500 пудовъ. Сурка собираетъ 10,000—15,000 штукъ. Русскаго товара проводитъ 2,000—3,000 рублей, у китайцевъ кредитуется на 2,000 рублей. Шерсть и сурокъ продаетъ на мѣстѣ Коконину и Басову. Оборотъ въ 30,000—40,000 рублей. Основной капиталъ 3,000 рублей. Имѣеть служащихъ: двухъ русскихъ и шестерыхъ монголь.

18. Игнатъевъ, Филиппъ Павловичъ, чардынскій мѣщанинъ. Торгуеть въ Монголіи 18 лѣтъ, раньше служилъ у Игнатъева, И. Г. Самостоятельно дѣло ведетъ 8 лѣтъ, торгуеть въ мѣстности рѣчки Тубунта, Хошучи-Бѣси-хошуна, въ 45 верстахъ на юго-востокъ отъ Улясутая. Имѣеть мойку, жилое помѣщеніе и склады, проводитъ русскаго товара на 2,000 рублей, кредитуется у китайцевъ на 1,500 рублей. Покупаетъ шерсть баранью, верблюжью и сурокъ. Шерсти намываетъ до 600 пудовъ; верблюжьей до 400 пудовъ, сурка до 2,000 штукъ, шерсть и сурокъ продаетъ въ Улясутай. Оборотъ 15,000 рублей. Основной капиталъ 3,000 рублей. Имѣеть служащихъ: одного русскаго, троихъ монголь.

19. Побѣдинскій, Иванъ Яковлевичъ, бійскій мѣщанинъ. Торгуеть въ Монголіи 18 лѣтъ, раньше служилъ у Коршунова, П. М. Самостоя-

тельно свое дѣло ведетъ 8 лѣтъ, торгуетъ въ мѣстности на рѣкѣ Тугунтѣ, отъ Улясутая 35 верстѣ на юго-востокъ, Хошучи-Беси-хошуна Русскаго товара проводитъ на 1,500 рублей, кредитуется у китайцевъ на 1,000 рублей, имѣетъ мойку, жилое помѣщеніе и склады, покупаетъ шерсть баранью и сурокъ; шерсти намываетъ 800—1,000 пудовъ, сурка собираетъ до 10.000 штукъ. Оборотъ 25,000 рублей. Основной капиталъ 7,000 рублей, имѣетъ много долговъ за монголами. Русскихъ служащихъ двое, трое монголь.

20. Еринъ, Яковъ Петровичъ, бійскій мѣщанинъ. Въ Монголіи 8 лѣтъ, раньше служилъ у Мезенцева, Н. И. Самостоятельно свое дѣло ведетъ четыре года; торгуетъ въ мѣстности Харъ-Уса рѣчка, Пурбу-Гуна-хошуна, отъ Улясутая 150 верстѣ на юго-востокъ, живетъ въ жиломъ помѣщеніи, имѣетъ склады и мойку, русскаго товара сбываетъ на 5,000—6,000 рублей. У китайцевъ не кредитуется. Покупаетъ шерсть и сурокъ. Шерсти намываетъ—1,500 пудовъ, сурка собираетъ 40—50 тыс. штукъ. Товары продаетъ въ Бійскѣ. Основной капиталъ 100,000 рублей, оборотъ 86,000 рублей. Служащихъ имѣетъ: русскихъ пятерыхъ—шестерыхъ и монголь троихъ—четверыхъ.

21. Братья Дадочкины: Ефимъ, Василій и Михаилъ Ильичи, бійскіе мѣщане. Торгуютъ въ Монголіи 4, 8 и 10 лѣтъ. Раньше Михаилъ служилъ у Коршунова. Самостоятельно дѣла свои ведутъ 4 года. Торгуютъ въ мѣстности по рѣкѣ Буртунъ, Пурбу Гуна хошуна отъ Улясутая 150 верстѣ на юго-востокъ. Живутъ въ своемъ помѣщеніи, имѣютъ мойку. Русскаго товара сбываютъ до 3,000 рублей, кредитуются у китайцевъ до 3,000 рублей. Покупаютъ шерсть и сурокъ. Шерсти намываютъ 1,000 пудовъ. Сурка собираютъ до 18,000 штукъ. Товары продаютъ въ Улясутаѣ и Бійскѣ. Оборотъ 25,000—30,000 рублей. Основной капиталъ 10,000 рублей. Служащихъ имѣютъ: русскихъ двое, монголь—трое.

22. Кузнецовъ, Корнилъ Давыдовичъ, бійскій мѣщанинъ. Торгуетъ въ Монголіи 25 лѣтъ, раньше служилъ у Игнатьева, самостоятельно дѣло свое ведетъ 14 лѣтъ. Торгуетъ въ мѣстности Дзакъ и рѣкѣ Дзакъ, Эрдинъ-Вана хошуна; имѣетъ жилое помѣщеніе, склады и мойку. Разстояніе отъ Улясутая 300 верстѣ на юго-востокъ. Сбываетъ русскаго товара на 3,000—4,000 рублей, кредитуется до 2,000 рублей. Покупаетъ шерсть баранью и сурокъ. Шерсти намываетъ 2,000—3,000 пудовъ. Сурка собираетъ до 30,000 штукъ. Оборотъ 75,000 рублей. Основной капиталъ 75,000 рублей. Имѣетъ служащихъ: русскихъ 3—4 человѣка,

монголь 2—3. Въ 1910 году дѣло свое ликвидировалъ, передавъ его Ивану Семеновичу Патракову.

23. Александровъ, Илья Ивановичъ, бійскій мѣщанинъ. Въ Монголіи торгуетъ 15 лѣтъ, раньше служилъ у Зенцова, самостоятельно свое дѣло ведетъ 8 лѣтъ въ мѣстности Адзентъ-Ключъ, Эрдинъ-Вана хошуна отъ Улясутая 300 верстъ на юго-востокъ, живетъ въ юртѣ, имѣетъ мойку, русскаго товара проводитъ на 1,000 рублей, кредитуется у китайцевъ на 1,000 рублей. Покупаетъ шерсть баранью и сурокъ. Шерсти намываетъ до 600 пудовъ. Сурка собираетъ до 2,000 штукъ. Продаетъ на мѣстѣ Кузнецову, Коковину и Басову. Оборотъ 8,000—10,000 рублей. Основной капиталъ 6,000 рублей. Имѣетъ служащихъ: русскихъ—одного человѣка, монголь трое—четверо.

24. Александровъ, Тимофей Ивановичъ, бійскій мѣщанинъ. Въ Монголіи торгуетъ 5 лѣтъ, раньше служилъ у брата. Свое дѣло ведетъ первый годъ. Торгуетъ въ мѣстности Нумосанъ-Шаби и Эрдинъ-Вана хошунѣ на рѣкѣ Тэль, отъ Улясутая 300 верстъ на югъ. Русскаго товара продаетъ на 1,000 рублей, у китайцевъ кредитуется до 1,000 рублей, покупаетъ шерсть и сурокъ, шерсти собираетъ до 400 пудовъ, сурка до 1,000 штукъ, продаетъ на мѣстѣ Чындэкову. Основной капиталъ 2,000 рублей, имѣетъ служащихъ монголь, двоихъ—троихъ.

25. Хмылевъ, Андрей Никандровичъ, бійскій мѣщанинъ. Торгуетъ въ Монголіи 14 лѣтъ, раньше служилъ у Кузнецова. Самостоятельно свое дѣло ведетъ 2 года. Торгуетъ въ мѣстности на рѣкѣ Шаръ-Уса, Пурбу-Гуна хошуна отъ Улясутая 150 верстъ на юго-востокъ, живетъ въ юртѣ, мойки не имѣетъ, сбываетъ русскаго товара на 1,500 руб., кредитуется у китайцевъ на 2,000 руб., покупаетъ шерсть и сурокъ; шерсти собираетъ до 1,000 пудовъ, но не моетъ, сурка собираетъ 4,000—5,000 штукъ, товаръ продаетъ Кузнецову, оборотъ 14,000—15,000 рублей, основной капиталъ 3,000—4,000 рублей. Имѣетъ служащихъ: одного русскаго, монголь двоихъ.

26. Бусыгинъ, Александръ Осиповичъ, туринскій мѣщанинъ, Пермской губерніи, возлѣ Ирбита. Работаетъ въ Монголіи около 25 лѣтъ, служилъ раньше у Мальцева, Н. А., проводитъ товара на 4,000 руб., работаетъ на деньги, кредитовался у Копылова до 50,000 рублей, скупаетъ шерсти 5,000—6,000 пудовъ, продаетъ въ Бійскѣ, мойка на Муринъ-Голъ хорошая, помѣщеніе хорошее, фанза, сараи, загоны для скота, амбары, склады для шерсти, лавки. Имѣетъ много скота, лошадей, верблюдовъ.

27. Бобровъ, Трофимъ Григорьевичъ. Работаетъ въ Монголіи 25 лѣтъ. Служилъ раньше у Мокина. Работаетъ въ хошунѣ Сартуль-Хошунъ, на сѣверъ отъ Улясутая 150 верстъ. Проводитъ товара на 15,000 рублей. Скупаютъ шерсть, сурокъ, скоть. Имѣетъ мойку, иногда 2—3 мойки. Продаетъ шерсти до 3,000—7,000 пудовъ въ Бійскѣ. Сурка 10,000—15,000. Продаетъ въ Бійскѣ. Скота гоняетъ въ Иркутскѣ около 1,000 штукъ. Имѣетъ основного капитала 40,000 рублей, оборотъ до 90,000 рублей. Беретъ товаръ въ Улясутаѣ, имѣетъ постройки. Кредитовался до 10,000 рублей товарами и чаемъ въ Улясутаѣ. Имѣетъ за монголами долги. Даетъ хошуну Сартуль. Есть три отдѣленія. Служащихъ до пяти человѣкъ.

28. Гуляевъ, Иванъ Дмитріевичъ. Работаетъ въ хошунѣ Кагунъ. Есть русская изба и кладовая. Имѣетъ три отдѣленія и столько же моекъ. Въ Монголіи около 20 лѣтъ. Товаровъ проводитъ до 15,000 р. Основной капиталъ около 40,000 руб. Скупаютъ шерсти до 3,000 пуд., сурка 15,000—20,000 штукъ. Скоть продается на мѣстѣ. Оборотъ до 50,000—60,000 рублей; кредитуется въ Бійскѣ тысячъ на десять. Есть свой скоть. За монголами много долговъ. Мойку имѣетъ на рѣкѣ Дзунъ-Турунь-Арбынь-Баинъ.

29. Мокинъ, Яковъ Евграфьевичъ. Работаетъ сынъ его Иванъ Яковлевичъ, возлѣ Уланкома, имѣетъ мойку; шерсти скупаютъ до 8,000 пудовъ, скота рогатаго—до 2,000 головъ, овецъ—до 6,000 штукъ. Продаетъ въ Иркутскѣ. Сурка—6,000 штукъ. Раньше шерсть продавалъ Калмыкову. Сурокъ въ 1909 году продалъ еврею Шефтелю. Не кредитуется. Основной капиталъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Служащихъ 40 человѣкъ.

30. Дробининъ, Феофанъ Северьяновичъ. Работаетъ сынъ на рѣкѣ Таганъ-голь, впадающей въ Кобдо, въ хошунѣ Очуръ-Джайда. Имѣетъ мойку, намываетъ до 800 пудовъ шерсти; сурка скупаютъ до 1,000 штукъ. Лошадей мало. Кредитуется у Кузнецова на 8,000 рублей. Служащихъ нѣтъ.

31. Колотиловъ, Акакій Николаевичъ. Работаетъ въ Ойрикъ-Нуръ-Ханскомъ хошунѣ, Дзянь-Дзюнь-Дербетъ-Далай-Ханъ хошунѣ. Мойка на озерѣ. Шерсти скупаютъ 1,200 пудовъ, сурка—около 8,000 штукъ. Въ 1909 году шерсть продалъ Калмыкову по 9 руб. пудъ, а сурокъ—Хакину—по 1 р. 3 к. штука. Скота скупаютъ немного, продаетъ Булгакову и минусинцамъ. Кредитуется у Хакина. Служащихъ трое.

32. Рюминъ, Семень Никитичъ, бійскій мѣщанинъ. Торгуетъ въ Монголіи 20 лѣтъ, раньше служилъ у Васенева. Самостоятельно свое

дѣло ведетъ 14 лѣтъ, торгуетъ въ мѣстности Харь-Тологой, на рѣкѣ Запхынѣ, Хошучи Беси хошуна; отъ Улясутая 100 верстѣ на юго-западѣ. Имѣетъ жилое помѣщеніе, мойку и склады. Русскаго товара сбываетъ на 3,000 руб. Кредитуется у китайцевъ на 3,000 руб. Покупаетъ шерсть и сурокъ. Шерсти намываетъ до 2,500 пудовъ. Сурка собираетъ 10,000—15,000 шт. Продаетъ товары въ Улясутаѣ и Бійскѣ. Оборотъ 40,000 р. Служащихъ имѣетъ: русскихъ трое, монголь четверо—пятеро.

33. Пьянковъ, Иванъ Ивановичъ, крестьянинъ Бійскаго уѣзда. Торгуетъ въ Монголіи 8 лѣтъ, раньше служилъ у Рюмина. Самостоятельно дѣло свое ведетъ 4 года; торгуетъ въ мѣстности Харь-Тологой, на рѣкѣ Запхынѣ-Монко, Туинѣ-Гуна хошуна, Засыкту-Хана аймака, на юго-западѣ отъ Улясутая 100 верстѣ. Живетъ въ юртѣ, имѣетъ мойку. Сбываетъ русскаго товара на 1,000 руб.; кредитуется у китайцевъ на 800 руб. Покупаетъ шерсть и сурокъ. Шерсти намываетъ до 400 пудовъ, сурка собираетъ 1,500 штукъ. Товары продаетъ въ Улясутаѣ. Оборотъ 5,000—6,000 руб. Основной капиталъ 2,000 руб. Имѣетъ служащихъ троихъ монголь.

34. Булатовъ, Ѳедоръ Степановичъ, туринскій мѣщанинъ. Въ Монголіи торгуетъ 20 лѣтъ; раньше служилъ въ Кобдо у Котельникова, послѣднее время—у Рюмина. Дѣло свое ведетъ около 6 лѣтъ. Торгуетъ въ мѣстности Харь-Тологой, на рѣкѣ Запхынѣ, отъ Улясутая 90 верстѣ на юго-западѣ. Живетъ въ юртѣ; имѣетъ мойку. Товару русскаго сбываетъ на 1,000 рублей. Кредитуется у китайцевъ на 800 рублей. Покупаетъ шерсть и сурокъ. Шерсти намываетъ до 600 пудовъ, сурка собираетъ до 2,000 штукъ. Продаетъ въ Улясутаѣ. Оборотъ 7,000—8,000 р. Основной капиталъ 2,000 руб. Имѣетъ служащихъ одного—двоихъ монголь.

35. Кряжевъ, Павелъ Илларіоновичъ, бійскій мѣщанинъ; служилъ у Асанова и Васенева. Самостоятельно работаетъ 12 лѣтъ. Покупаетъ барановъ и рогатый скотъ; имѣетъ мойку. Скупаютъ шерсти около 1,200 пудовъ, продаетъ Асанову; работаетъ въ Захачины, въ хошунѣ Дэрбенѣ-Сумонѣ. Основной капиталъ около 20,000 руб. Служащихъ—двое.

36. Кряжевъ, Петръ Илларіоновичъ, работаетъ въ Захачинахъ, въ Гунѣ-Хошунѣ, съ нимъ работаютъ два его брата: Григорій и Андрей. Отъ Кобдо 200 верстѣ. Скупаютъ шерсть и сурокъ. Отъ старшаго брата Павла отдѣлились въ 1910 году. Основной капиталъ 20,000 руб.

37. Корольковъ, Семень Григорьевичъ съ братьями, изъ села Верхануйскаго. Скупаютъ скотъ: быковъ—около 600 и барановъ—около 6,000 головъ.

38. Калгамановъ, Назаръ Бакичъ. Самостоятельно работаетъ 30 лѣтъ. Скупаютъ все. Капиталь остался за монголами. Работаетъ отъ Хакина, А. И.

39. Постоваловъ, Андрей Александровичъ. Въ Монголіи работаетъ около 20 лѣтъ. Служилъ у Мальцева, а раньше у Дробинина. Работаетъ на рѣкѣ Соокѣ, уртонъ Боро-Боргезе, есть мойка. Въ 1909 году намыль 1,000 пудовъ. Раньше намывалъ больше. Сурка скупаютъ до 1,500 штукъ. Барановъ 1,000 головъ. Рогатаго скота 150 головъ. Скупаютъ кожи, имѣетъ кожевенный заводъ. Кредитуется въ Бійскѣ.

40. Булгаковъ, Александръ Ивановичъ. Работаетъ по рѣчкѣ Кобдо, въ Даимо-Нуръ. Есть мойка шерсти. Скупаютъ до 1,500 пудовъ. Продаетъ Калмыкову. Сурка собираетъ немного (500 штукъ). Основной капиталъ 30,000 рублей. Работаетъ въ Монголіи два года.

41. Никифоровъ, Иванъ Константиновичъ. Работаетъ между рѣками Саксай и Кобдо. Имѣетъ мойку на Саксаѣ. Самостоятельно работаетъ 20 лѣтъ.

42. Поповъ, Алексѣй Степановичъ. Шерсти скупилъ въ 1909 году около 10,000 пудовъ. Продалъ Ассѣевымъ по 9 руб. 55 коп. монгольскую, а ордынскую — 8 руб. 25 коп. за пудъ мытую. Имѣетъ четыре мойки—во всѣхъ отдѣленіяхъ по одной. Сурка скупаютъ около 10,000 шт. Продаетъ бійскому комиссіонеру Хакину по 1 р. 3 к. бѣлый сурокъ и 1 р. 15 к.—черный. Скотъ—400 быковъ и 2,000 барановъ—выгоняется въ Бійскъ или же бьется и продается разнымъ лицамъ. Изъ 10,000 пуд. шерсти ордынской было 8,000 пудовъ, верблюжьей лишь 30 пудовъ. Верблюжья шерсть при продажѣ прошла въ одну цѣну съ монгольской. Поповъ имѣетъ маральники, заведенные еще его отцомъ. Ежегодно собираетъ со своего стада до 60 паръ роговъ.

43. Кричевцевъ, Василій Андреевичъ. Скупаютъ быковъ до 3,000, барановъ до 20,000, продаетъ въ Иркутскъ. Работаетъ въ Монголіи около 10 лѣтъ. Служилъ раньше у Поликарпова. Деньги нажилъ въ войну съ Японіей.

44. Чумаковъ, Михаилъ Саввичъ. Работаетъ самостоятельно около 30 лѣтъ. Имѣетъ мойку на рѣкѣ Ухѣ. Шерсти собираетъ около тысячи пудовъ, сурка тысячу штукъ, шерсть продаетъ Калмыкову. Кредитуется у китайцевъ. Основной капиталъ 8,000 рублей. Въ Монголіи имѣетъ два амбара.

45. Козловскій, Лаврентій Александровичъ. Имѣетъ мойку, скупаютъ до 250 пудовъ шерсти, сурка до 4,000 штукъ. Кредитуется у Копылова, служащихъ одинъ человекъ.

46. Лучшевъ, Андрей Алексѣевичъ. Торгуеть въ Коктохой, лѣтомъ у урянхайцевъ, мойки не имѣеть, сурка скупаеть до 1,000 штукъ, со-
болей 20 штукъ, бѣлокъ около 1,000. Служащихъ нѣтъ.

47. Захаровъ, Петръ Митрофановичъ. Служилъ у Гилевыхъ, братьевъ, въ Монголіи около 20 лѣтъ. Мойка на рѣкѣ Хара-Гайте. На зиму перекочевываетъ въ Курэ-Бейсе; скупаеть шерсть, сурка, продаетъ Кузнецову и Асанову до 1,500 пудовъ. Для перепродажи покупаетъ также барановъ и быковъ: барановъ—до 1,500 штукъ, быковъ—до 200 головъ. Продаетъ Королькову и Асанову. Основной капиталъ около 10 тысячъ рублей. Кредитомъ пользуется у Кузнецова, по 2 рубля за одинъ ланъ. Человѣкъ работоспособный и очень дѣльный. Служащихъ нѣтъ.

48. Рогалевъ, Семень Петровичъ. Въ Монголіи работаетъ 30 лѣтъ, служилъ у Гилева. Имѣеть мойку на рѣкѣ Кобдо, шерсти скупаеть около 2,000 пудовъ, сурка мало, кредитуется у Асанова и въ Бійскѣ у Осипова. Основной капиталъ 10,000 рублей. Служащихъ 4 человекъ.

49. Арбузовъ, Михаилъ Дмитріевичъ; главный работникъ—сынъ его Александръ Михайловичъ. Раньше служилъ у Попова. Работаютъ въ хошунѣ Урянхай Боронъ Амбанъ на рѣкахъ Ченгы, Бога и др. Имѣютъ мойку. Намываютъ до 500 пудовъ шерсти. Продають Попову. Сурка собирають мало.

50. Кутургинъ и Лебедевъ, въ Уланкомахъ. Имѣютъ мойку. Шерсти скупають до 3,000 пудовъ, барановъ 1,000 головъ, сурка 5,000 штукъ. Кредитуются въ Бійскѣ у Осипова и Морозова. Служащихъ 3—5 человекъ.

51. Штамовъ, Иванъ Игнатъевичъ. Работаетъ на рѣкѣ Саксаѣ, имѣеть мойку, скупаеть до 400 пудовъ шерсти, сурка до 2,000 штукъ, барановъ 1,000 головъ. Основной капиталъ 1,000 рублей.

52. Стародубовъ, Спиридонъ Николаевичъ. Скота скупаеть 1,500 головъ рогатаго и 3,000 головъ барановъ; въ Монголіи работаетъ 4 года.

53. Шадринъ, Степанъ Гавриловичъ, Шабанинской волости, Бійскаго уѣзда. Служилъ у Юрганова, работаетъ въ Монголіи 10 лѣтъ, изъ нихъ 5 лѣтъ самостоятельно, живетъ въ хошунѣ Дурюкниванъ, на границѣ Тархатцевъ-Цазосыкъ, на границѣ 3-хъ хошуновъ, имѣеть мойку и фанзу. Проводить товара на 1,500 рублей. Оборотъ 15 тысячъ рублей, скупаеть шерсть, продаетъ Юрганову. Сурка до 15,000 штукъ. Основной капиталъ 10,000 рублей. Кредитуется у Юрганова и ему же сдаетъ большую часть товаровъ. Аккуратный, дѣльный и трезвый.

54. Рушинцевъ, Алтайской волости. Служилъ у Юрганова. Работаетъ на Эдринъ-Голѣ, въ 50 верстахъ отъ впаденія въ Селенгу. Сбываетъ товара на одну—двѣ тысячи рублей, шерсти скупаютъ 300 пудовъ, имѣетъ мойку, сурка собираетъ 3,000 штукъ. Основной капиталъ 3,000 рублей, оборотъ три—пять тысячъ рублей. Живетъ въ юртѣ; служащихъ нѣтъ.

55. Конининъ, Сергѣй Алексѣевичъ, работаетъ на Эдринъ-Голѣ, при впаденіи рѣчки Хукту въ Эдринъ-Голѣ. Въ Монголіи 15 лѣтъ. Товаровъ проводитъ на 3—5 тысячъ рублей, имѣетъ мойку, живетъ въ юртѣ. Есть постройки для товаровъ, шерсти—до 1,000 пудовъ. Сурка скупаютъ 10—15 тысячъ штукъ. Продаетъ Юрганову. Имѣетъ капитала до 8,000 рублей.

56. Толмачевъ. Торгуетъ по рѣкѣ Хануй, верхній притокъ рѣки Селенги, въ хошунѣ Саидъ-Ванги, съ 1902 года, имѣетъ капитала около 25,000 рублей, торговля его протянулась на 400 верстъ; имѣетъ отъ себя приказчика, хорошій домъ и три амбара.

57. Юшинъ, Николай Яковлевичъ. Основного капитала 300,000 руб. Продаетъ товара приблизительно на 30,000 рублей.

58. Зайцевъ, Николай Александровичъ. Работаетъ на чужой капиталъ, продаетъ товара тысячъ на тридцать, скупаютъ сурка 20,000—30,000, имѣетъ отдѣленія въ четырехъ мѣстахъ.

59. Тимановичъ, Николай Николаевичъ. Въ Монголіи работаетъ около 10 лѣтъ. Имѣетъ три отдѣленія на востокъ Монголіи, скупаютъ овчину, шерсть и сурка 6,000 штукъ. Основной капиталъ 40,000 руб. Оборотъ около 70,000 рублей.

60. Тонконозовы, братья. Имѣютъ миллионное дѣло въ Сибири. Скупаютъ сурка до 70,000 штукъ, овчины до 15,000 штукъ и шерсти до 500 пудовъ, главнымъ образомъ верблюжьей.

61. Миловановъ, Василій Кузьмичъ, бійскій мѣщанинъ. Въ Монголіи—около 20 лѣтъ. Товаровъ проводитъ на 2,000 рублей. Основной капиталъ 10,000 рублей. Скупаютъ сурка до 15 штукъ, шерсти—500 пуд. Работаетъ въ хошунѣ около Лугуна Сайнь-Нойона-Аймака. Раньше былъ служащимъ Котельникова. Пользуется довѣріемъ купцовъ.

62. Зотовъ, Дмитрій Васильевичъ, бійскій мѣщанинъ. Въ Монголіи 10 лѣтъ, раньше служилъ у Кузнецова. Самостоятельно свое дѣло ведетъ два года. Торгуетъ въ мѣстности на рѣкѣ Галута, Ни-мушань-Шаби, отъ Улясутая 350 верстъ на юго-востокъ, живетъ въ юртѣ, мойки не имѣетъ, сбываетъ русскаго товара на 1,500 руб. Кредитуется у китайцевъ на 1,000 рублей. Покупаетъ шерсть и сурокъ.

Шерсти собираетъ до 500 пудовъ, сурка 3,000—4,000 штукъ. Товары продаетъ на мѣстѣ Коковину и Басову. Оборотъ до 7,000 рублей. Основной капиталъ 2,000 р. Имѣетъ служащихъ двоихъ монголь.

63. Сафоновъ-Чиндэковъ, Василій Сергѣевичъ, крестьянинъ Бійскаго уѣзда. Въ Монголіи 7 лѣтъ, раньше служилъ у Южанникова. Самостоятельно свое дѣло ведетъ два года въ мѣстечкѣ по рѣкѣ Туй-Намуханъ-Шаби, отъ Улясутая 350 верстъ на юго-востокъ. Имѣетъ мойку и склады, жилое помѣщеніе; продаетъ русскаго товара на 1,500 рублей. Кредитуется у китайцевъ на 3,000 рублей. Покупаетъ шерсть и сурокъ. Шерсти намываетъ около 1,000 пудовъ, сурка собираетъ 30,000 штукъ. Оборотъ капитала до 50,000 рублей. Основной капиталъ 30,000 рублей. Товары продаетъ въ Улясутаѣ, Бійскѣ и на мѣстѣ Коковину и Басову. Имѣетъ служащихъ: двоихъ русскихъ и двоихъ монголь.

И. Морозовъ.
